

ATATÜRK ÜNİVERSİTESİ
EDEBİYAT FAKÜLTESİ
RUS DİLİ VE EDEBİYATI BÖLÜMÜ

***1. ULUSLARARASI ÇOK KÜLTÜRLÜ ALANDA RUS
FİLOLOJİSİNİN GÜNCEL PROBLEMLERİ SEMPOZYUMU***
(11-13 KASIM)

BİLDİRİLER KİTABI

Yayıma Hazırlayanlar
Yrd. Doç. Dr. Bahar GÜNEŞ
Arş. Gör. Hadi BAK
Arş. Gör. Murat YILMAZ

Bahar GÜNEŞ, Hadi BAK, Murat YILMAZ

DİZGİ/MİZAMPAŞ
Serhat Bilişim

ISBN: 978-605-85594-0-0

Kapak Tasarımı:
Serhat Bilişim

Baskı
Serhat Bilişim
Cumhuriyet Cad. Cumhuriyet İş Merkezi
Kat: 3 No: 138 ERZURUM
Tel: 0442 234 14 90 – 0537 414 93 14
0542 368 97 62
www.serhatbilisim.com.tr

İSTEME ADRESİ
Serhat Bilişim
Cumhuriyet Cad. Cumhuriyet İş Merkezi
Kat: 3 No: 138 ERZURUM

seit 1558

АТАТЮРКСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отделение русского языка и литературы

1-ая Международная научно-практическая конференция

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

(11-13 Ноября 2013 г.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

Эрзурум 2013

Оргкомитет конференции:

Бахар Гюнеш, заведующий Отделением русского языка и литературы Ататюркского университета (Эрзурум, Турция), доктор, профессор РАЕ.

Тариэль Сикхарулидзе, доктор, профессор Ататюркского университета (Эрзурум, Турция).

Давид Гоцеридзе, доктор, профессор, Генеральный секретарь Ассоциации русистов Грузии, директор Института Русистики Тбилисского ГУ им. Ив. Джавахишвили.

И. Ван Лёевен, доктор, профессор, директор Института Языков Йенского университета им. Ф. Шиллера (Германия).

Дареджан Твалтвадзе, доктор, профессор, декан гуманитарного факультета Тбилисского ГУ им. Ив. Джавахишвили.

Нани Гаприндашвили, доктор, профессор, зам. декана гуманитарного факультета Тбилисского ГУ им. Ив. Джавахишвили.

П. Рунге, профессор Института Славистики Йенского университета им. Ф. Шиллера (Германия).

Мария Филина, доктор, профессор Института Русистики Тбилисского ГУ им. Ив. Джавахишвили.

Тамар Шарабидзе, профессор, гл. эксперт Министерства образования Грузии.

Анна Поселенова, доктор, доцент Ататюркского университета (Эрзурум, Турция).

Лариса Адонина, доктор, доцент Севастопольский городской гуманитарный университет

Ольга Фисиенко, доктор, доцент РУДН (Москва, Россия)

Рамазанова Севиндж, преподаватель Агрыйского университета (Агры, Турция)

Энрико Липпманн, преподаватель Ататюркского университета (Эрзурум, Турция)

Хади Бак, ассистент аспирант Ататюркского университета (Эрзурум, Турция)

Мурат Йылмаз, ассистент магистр Ататюркского университета (Эрзурум, Турция)

Озлем Дибекгоглу, ассистент магистр Ататюркского университета (Эрзурум, Турция)

Рахман Оздемир, ассистент магистр Ататюркского университета (Эрзурум, Турция)

DİLBİLİMSEL AÇIDAN “HASET” KELİMESİNİN EDEBİ VE MESNEVİDE TANIMI

ÖZET

Prof. Dr. Beyhan ASMA
Erciyes Üniversitesi
Edebiyat Fakültesi
beyas@erciyes.edu.tr

Kelimelere baktığımda hangi lisan önemli değil, karşımda duran kelimelerin harf sayıları ve harfler insanın yaratılışındaki kaderi gibi sırayla sıralanmışlar. Her biri anlam, duygu ve iletişimin bir aracıdır. Birbirine anlam olarak benzeyen ve kontrast olanlar var içinde...daima kafamı karıştıran kelimeler. Tanrın insana verdiği en büyük silah dili olsa gerek. Her biri kim için, ne için, ne zaman hangi desteği alarak ne yapması gerektiğini bilir ve görevini insanlık yararına göre yapar. Var olan her canlının boşa var olmadığı, bir işlev için farklı yetenek ve donanımlarla görevlendirildiği bilincine varıldığı sürece, ona saygı ve sevgi duyulduğu sürece, hepimizin bu farklı yeteneklerden dolayı da bir birbirimize ihtiyaç duyduğumuzun bilincini taşıdığımız sürece ‘hasetlikler’ olmayacaktır. Kullandığımız her olumlu-olumsuz kelime, deyiş, düşünce, inanç beynimizdeki etkileşimlerle evrende farklı enerjilerle birleşerek zamanı ve oluşum sürecinde erişmek zorunda olduğu yere ulaşacaktır.

Anahtar Kelimeler: Dilbilimi, Kelime, Beyin enerjisi, Haset, Mesnevi, Felsefe

ABSTRACT

Prof. Dr. Beyhan ASMA
Erciyes University,
Faculty of Arts and Letters
beyas@erciyes.edu.tr

Look at the words which the language is not important, the number of letters in front of me the words and letters arranged in sequence, such as the fate of human creation. Each of meaning, emotion, and a communication tool. There are those who are similar in meaning to each other, and in contrast to the words always really perplexed. God has given to man must be the language of the big guns. Each one for whom, and for what, when you know what you should do and which support the task of taking the benefit of humanity accordingly. What are wasted every living creature that is a function of the conscious assigned to different abilities and hardware, as long as respect and love him as long as it sounds, all of us carry the awareness of the different skills that we need each other for as long as a 'envy' will not. All positive and negative word use, saying, thoughts, beliefs, and brain interactions in the formation of the universe's time to combine the different energies that you have access to reach the ground.

Keywords: Linguistics, Word, Brain power, Envy, Mesnevi, Philosophy

**Ruhların ellerine verilen beden çenklarinin her bir teli, ihtiyaç, öfke, şehvet, kin, haset gibi insanların çeşitli huylarını ayrı ayrı terennüm etsinler, inleyerek, feryat ederek anlatsınlar da bu ayrı feryatların birleşmesinden, insanın mahiyetini belirten bir ahenk meydana gelsin dilemiştir.*

**İyi huy ve duygulardan başka bir şey düşünme! Çünkü düşünce, suret dokumamasının ipliğidir. Güzelleşen, iyi olan düşünceden, huydan doğan her suret güzeldir, haktır.*

**Günahlardan arında baştanbaşa mana balı ol, süt ol! Kendinden, kendi benliğinden yoksul ol! Çünkü ancak yoksul olumsuz düşünce ve duygulardan arınmış olunca Allah'tan rahmet gelir.*

**“De ki: "Sabahın Rabbine sığınırım. Yarattığı şeylerin şerrinden, karanlığı çöktüğü zaman gecenin şerrinden, düşümlere üfüren-kadınların şerrinden ve haset ettiği zaman hasetçinin şerrinden.”*

(Felak Suresi, 1–5)

**"Allah içimizden bunlara mı lütufta bulundu?" demeleri için onlardan bazısını bazısıyla denedik. Allah, şükredenleri daha iyi bilen değil mi?"*

(Enam Suresi, 53)

**Herkes insanlığı değiştirmeyi düşünür ama hiç kimse önce içindeki hasetliğini değiştirmeyi düşünmez.*

(Tolstoy)

**Hasetçi daha çok sever, fakat hasetçi olmayan daha iyi sever.*

(Molier)

**Hasetliğimizi, kara duygularımızı ancak sevgi ve eğitim ile yenebiliriz.*

(Goethe)

**Haset, insanların duyguları içinde en can sıkıcı ve devamlı olanıdır.*

(Bacon)

Dan Brown bir yazısında, *Da Vinci'nin Şifresi*'nde kullandığı her sözcüğün üzerinde bir bir çalıştığını,yazmaya başlamadan önce anlamaya çalıştığını her sözcüğün,içindeki anlam ve sembolik duyguyu da "...başka hiç bir şey bu kadar hissiyatlarımızı, benliğimizi, varlığımızı sözcükler kadar anlatamaz. Her bir sözcüğün içindeki göz , insan beyninden çıkan duyguların söz şifresi, karmaşası belki de söz sanatı olarak anlatımın dil matematiği...Çık çıkabilirsen bu düşün labirentinden!.. Her bir sözcük karşınızda kişinin duygu ve düşüncesine göre sembolik bir pagan, bir melek ya da bir şeytan olabilir..." Kim bilir, belki de aceleyle yazılmış olan bu farklı benzer kelimelerle örülmüş olan paragraf içinde geçmiş yüzyıllardan mistik bir anlamı barındırıyordu. Gerçekte, her bir kelimenin anlamını aramak için korkularımızı mı terk edelim; eğer gözü kara biriysek gerçek harfler ortaya çıkacaktır. Makaleme verdiğim başlık *neden 'Kıskançlık'* değil de *'Haset'*, belki de bu iki anlam olarak benzer kelimeden Haset olan bana daha sempatik geliyordu, ya da o'an makaleyi hazırlarken içimden haset kelimesini kullanmak geldi, olabilir. Ben de haset kelimesini kıskanç'a göre kullanmayı tercih ederdim. Sebebini bilemiyorum, Brown'un düşüncesine göre tezat bir anlam oluştursa da, kelime seçimlerim sadece cümle anlamına uygun olsun, ya da kullanımda popüler olan kullanılsın diye düşünürüm. *'Hasetlik'* biraz daha yükü ağır, duygu, daha vurgun, mahvedici duygular yaratacakmış gibi geliyor, *'kıskançlık'* ise daha hafif, sanki sadece çocukluk duygularımızda kalmış gibi. Dil bilimci Kovarsky'nin bir yazımı vardır: "Her bir sözcüğün sahip olduğu harfe göre sözlükte numarası, sıralama matematiğini asla değiştiremeyeceğiniz, buna kelimenin yazım kaderi mi dersiniz ya da kelime sade öyle olmak zorunda oldu için bir uydurmamıdır? Ve başlar satırlar, paragraflar, bölümler açık gri veya parlak renklerle duygularınıza göre bukalemun gibi renk değiştiren. İlk aradığınız sizin kelimeniz olabilir, anlam vermek istemediklerinizde, kullanmayı dahi tenezzül etmedikleriniz size birden Grekçe gözüktür. Kelimenin harf sayısı, rengi, duygu yükü hoşunuza gider ot gül olur şeytan melek olur hayallerinizde. 'Yaradan' kelimesinin ana dilinizdeki başlayan ilk harfi gözünüzde büyür de büyür kelimenin diksiyon müzikal ritmiyle. İşte budur kelimeyi anlam olarak sevdiren ya da yerin dibine sokan renkleri, duyguları, anlamları ve kendi fon müziğiyle var olan. Her yaratılanın özünde, dilinde, duygularında şekil alan anlama göre de vücut bulan tılsımlı kelimeler, Allahın insanı yaratırken ona verdiği en büyük beceri: Kelimeler ve Dil " (Kovarsky; *Slova i Mir*, 1964). Bir başka dilbilimci ise kelimelerin anlam ve gücünü şöyle açıklar: "Kelimelere baktığımda hangi lisan önemli değil, karşımda duran kelimelerin harf sayıları ve harfler insanın yaratılışındaki kaderi gibi sırayla sıralanmışlar. Her biri anlam, duygu ve iletişimin bir aracıdır. Birbirine anlam olarak benzeyen ve kontrast olanlar var içinde...daima kafamı karıştıran kelimeler. Tanrın insana verdiği en büyük silah dili olsa gerek. Her biri kim için, ne için, ne zaman hangi desteği alarak ne yapması gerektiğini bilir ve görevini insanlık yararına göre yapar.(Çeverçenko, Sila Linguistika,1958). Şair Lermantov için kelimelerin gizemi bir başka dilbilimcinin yorumuna göre ise : "Dünyanın manyetik alanı ve kelimelerin gücü şiirde düz yazıma göre Tanrının bahsettiği en güçlü manyetik alanını kullanır. Kelimeler bilgiyle toplanır ve yeraltında bilinmeyen bir yere konur. İnsanlığın buna ilişkin bir bilgisi var mı? Bilgi kelimelerle orada gömülü kalır. Hele birde başka bilinmeyen diyarlardaki kelimelerle tanışık olduğunda atam çekirdeği gibi patlayıverir. Adeta anlaşılmaya çalışırcasına yaban kalmış deyişlerin içindeki biçare kelimeler...Kelimelerin doğru geliş yerini bilen var mı?..."(Levsky; Slova Linguističeskovo Filozofia, 1940). Kelimeler sürekli tartışılmayı ve en doğru şekilde anlaşılmayı bekler. Aslında her kelimenin bir ruhu olduğu gibi her kelimenin de kendine göre insan gibi kişiliği vardır. Bazı kelimeler huysuzdur; mesela 'zaman' kelimesi gibi. Neden bilmiyorum, bazen bu kelime beni biraz rahatsız eder. Zaman kelimesiyle nerede, ne zaman, ne olacağını bilemeyiz. Bazı kelimeler gevşektir; ne haber arkadaş der gibi. Yine bazı kelimeler insanın içini sıkar; Kâbus kelimesi gibi. Şuan bu satırları yazarken iki kelime aklımda anlam bulmaya, uyanmaya ve kişilik edinmeye çalışıyor: Haset(lik) ve Kıskanç(lık).Öğretilerin tavır bozukluğu yaşayan kişilerin

şerrine karşı uyarılmış olması hasetliğin insanları nasıl bir ahlaka sürükleyebileceğinin anlaşılması açısından önemli, kişinin ruh sağlığı açısından da kendine zararlıdır. İnsan olarak nefsimizde hasetlik duygularının olduğunu idrak edebilirim ama bunun sınırını belirlemek hatta sınırlamak bile mümkün bence, yeter ki istesin insan. Kelimeler duyguların duygularda kelimelerin izinde olmamalı belki de. "...Yaşamımızdan duygularımızdan çıkardığımız bir kelimeyi dikkat edin konuşmalarımızda dahi yeri olmuyor. Aklımızda yok edilen her kelime dilimizde, duygularımızda yok edebildiğimiz süre uygulamanın dışındadır, kelimenin zamana, zemine ve anlayışa göre evrime uğraması, yenik düşmesi bilim insanlarının bir büyük bir uğraşı olacak..." (Priston; Time, Culture, Society and Language, 1995). Oysaki dilbilimcinin birde tezinin birde tersiyle baksak; insanın bittiği yerde enerjisi, hazzı yüksek kelime de kaybolmasaydı. Yalnızken bu yok olmuş kelimeleri hissedemezken, bir başınayken bu yok olanlarla düşündüklerini düşünemezken, kendimizle baş başa olduğumuzda göstereceğimiz davranışlara benzemeyen tavırlar sergilersek? Olgunlaşmış bir kişiden güdülüyle hareket eden bir varlığa dönüşürsek? Kelimeler, Dilbilimcilerin tezleri, varsayımları vesair... Kişinin kendi kelimeleriyle birlikte ruhsal aktarımları, zaman içindeki tecrübeleriyle, ruhsal aktarımlarıyla, duygularıyla eylemi ya da eylem kelimesini (haset-etmek) uygulamaya aktarabilmektir. Diğer yandan sufizm de ise hasetlik kavramını yenmek ruhen arınmak ya da ruhen tekabül edebilmekle mümkündür; Konu daha yüksek bilinç düzeylerine götüren bir bilinç ve farkında olabilmektir. Bu kişiyi tamamıyla nefse götüren tek yoldur. Bunu yapabilmeyen yollarından biri bilinç dışının sansürü uyku sırasında yok oluşundan, bu duygunun bilince itmenin çaresini bulmaktan geçer. (Sufism, Psychoanalysis and Social Psychiatry, 1978). Örneğin, rivayetlere göre de, İbn-i Arabi ve diğer bir çok sufi dalgınlık denebilecek bir çeşit duru hayal denemesi yaparlarmış. Yani, böylelikle bilinçle iletişim kuran bilinçdışının mesajını semboller vasıtasıyla vermek yerine, düşünen kişinin bilinci bilinçdışının içerisinde dolaşmış. Kişi bilincin değişim aşamalarından birinden diğerine geçtikçe, kişiselden evrensel doğru bir geçiş yaşamış. Kişinin alışık olduğu dünyevi kişiliğinden çok daha farklı olduğunu keşfedermiş. Dolayısıyla da dünyada ise kişiliğinin karşılığı ışık saçan saf bir melek olarak hissedilirmiş. Bu uygulama yıkıcı kötü duyguların, benlik kavramının aslında bir nevi köreltilmesi anlamını veriyor, ve şu gerçeği de bir anlamda ortaya koyuyor: Yaratanı kendimizin bilgisi ile bildiğimiz esnada sahip olduğumuz duygulardan farklı bir bilgi ile kendimizi biliriz; artık kendimizi O', vasıtayla biliriz...Yaratan bizim aynamız durumuna gelip, yani, bizim kendi özümüzü seyrettiğimiz bir ayna ve biz, siz,sen O'nun aynası oluruz, bu demektir ki, O'nun kendi ilahi sıfatlarını seyrettiği bir ayna. İşte ruhen hasetlik veya diğer yıkıcı olumsuz duyguların bir yolla kişiden uzaklaştırılması. Sufiler bizler gibi sıradan insanlardır ve yaşam tarzlarının çevrelerindeki sıradan insanlardan bir farkı yoktur. Elbette, gerçeklik, gerçek olmak için bizim anlayışımıza göre gerçek olamk zorunda ise de, mistik deneyimler için aynı şey söylenemez her halde? Sufilerin ulaştığı aşamalardan biri olan 'hasetlik' durumu, ben bilincinin tamamen iptal edilmesi, mutlak uyanıklık olan 'saf' ve 'mutlak hakikatın' kırılmasıdır sanırım!? Kötü duygulardan arınmanın bir yolu da kendine özgü dil (sesli) ve kalp (sessiz) ile arayış. Zikretmek denilebilir buna. "Ey iman edenler!, yaratınızı görün onu dilinizle çağırın gönüllerinizde arayın, etrafınızda olup bitene bakın. Evet, iyi bilin ki gönüller Allah'ı anmak ile yatıştır." (Rad:28) . Kuran-Kerim'de aynı kökten gelen kelime ve deyişlerle takriben üç yüze yakın yerde geçmektedir. Sufizm'e göre dil ve kalp ile bu arayış manevi yolda ilerlemeyi sağlar. Kalple yapılan dille yapılandan daha üstün sayılır, her açıdan da nefsin denetiminden ibarettir. Bu öğretiye göre de, kişinin önce kendi özü ve arayışla uygulamaya geçişi esastır. (İslam'ın Mistik Boyutları, 2001). Meditasyonla bu öğretiyi bağdaştırabilir miyiz?, suali aklıma gelmişken kalbimizden geçen ve dilimizle söylediğimiz bazı kelimeler sıkça tekrarlanır, dil, kalp ve fiziki varlığın bütünleşerek arınma ve huzura bulması şeklinde. Meditasyonda olduğu gibi, söylemde esas unsur, bir anda diğer varlıkları ve nesnelere unutarak, hatta bence yok sayarak, mutluluk, huzur ve kötülüklerden arınmak için ruhu mutlu eden, ona güven duygusu veren kelimeleri ve deyişleri tekrarlamak şeklinde olabilir. Bu esnada beyinde ne gibi değişiklikler olduğu konusunda nörolog Neeleman bir açıklama getiriyor: "Kelimelerin beyinle ve ruhla birleşmesi uygulama tekniği açısından fizyolojik beyin değişikliklerine neden olduğu düşünülebilir. Birçok konuda olduğu gibi bu konuda da bazı tabular yıkılmadığından ve bilimde sürekli başkalarının ayak izleri takip edildiğinden bu tür yaklaşımlar sadece muallâka kalıyor. Bilimsel gerçeklik kör noktadan öteye gidemiyor." (Why Do Not Psychiatrist and Neorologist Neglect Religion?, 1992).

Gerçekte bizler ruhtan ve beyin gücünden tamamen ayrılmıyoruz. Hatta bazen ruhun kullandığımız kelimelerle ruhun gücüne aktif ve bağlı olarak kilitleniyoruz. Bir kere düşünün; bir insanı gördüğünüzde onun nasıl biri ya da ruhaniyet içerisinde olduğunu anlayabilmek mümkün çoğu kişi için. Aslında bu bizim değil ruhumuzun gücüdür bir nevi. Ruh dengesi ise kişinin ruhu ile bedeninin arasındaki bağın gücüdür, oranıdır. Bu durum kişinin ne kadar güçlü bir ruha sahip olduğunu gösterir. Bu kişiler kendi içlerinde son derece aktiftir, kimin ne düşündüğünü anlayabilir. Antik çağın maddecilerine karşı ruh canın akli kısmıdır. Hagel'in hoşuma giden bir sözü vardır: "Akli olan, ilahi olandır, dolayısıyla iyi olandır." Yine Dostoyevsky'nin ise bize şunu hatırlatır: "Büyük ruhlar" ıstıraplarına, hislerine ve duygu kelimelerine sessizce katlanırlar", işte karşıdakinin olumsuz yıkıcı hislerine karşı

sessiz kalan veya sessizce içinde yaşayarak ruhani bütünlüğe erişendir tezimi doğruluyor. Her büyük semavi dinde “zafer sabır ve sessizce zulme, haysiyetsiz düşüncelere karşı koyanlardır” der. Nedense birçoğumuz bunu güncel yaşamımızda başaramadığımızın inancındayım. Dişe diş dercesine insanlar birbirlerine karşı düşünce ve söz savaşı içerisinde olup buda ister istemez şiddeti ve insan-ülke’ler arasında savaşları hat boyuta getirmektedir. Ruh, gönül birliği ve hoşgörüsü akıl, sağduyu bazında düşünüldüğünde düşünüldüğün de kine karşılık sevgi, yalana karşı doğru, adaletsizliğe karşı adalet, hasetliğe karşı hasetlik beslenmedikçe karşı tarafında duygusal ve işlevsel açıdan bastırılmış olacaktır. Her canlı doğduktan sonra fiziksel beyne girmiş maddesel olmayan ve algılayan bir benliktir. Ben bambaşka bedensel, zihinsel özelliklerle ve yeteneklerle doğmuş olabilirdim; erkek olabilirdim, bir hayvan örneğin kedi olabilirdim ama benlik, duyum ve içgüdüsel olarak yine aynı ben olurdum. Sözü şuna bağlamak istiyorum, belki sizce şaşırtıcı olabilir, kullanacağım kelimeler veya sarf edeceğim sözler ilginç gelebilir, nereden çıktı şimdi bu, neye dayanarak söylüyorsun? Benimse yanıtım tek anlamda şu olacaktır: İçimizdeki kutsal yaratı, her benlik, her içgüdü, bedenimizin akli ruhumuz ve neticesinde ortaya dökülen duyguların bütünleştiği bir başka kutsal yaratı dilimiz ve kelimelerimiz. Evrendeki görünen görünmeyen, hissedilen, hissettirilen her şey kutsal yaratı ürünüdür. Tek çare onu ortay koymaktaki enerji onu bilimle, eğitimle araştırarak ortaya koymaktır, kendini ruhu tekabülle eğitmek ruhsal boyutların en üst katların birinde yer alabilmenin savaşıdır. Kutsal yaratının en büyük gücü, enerjisi bilgi, bilginin vardığı yolda sevgidir, kendini ve karşısındakini bilmektir. Yunus’un dediği gibi; “İlim ilim bilmektir, İlim kendin bilmektir. Sen kendini bilmezsen, ya nice okumaktır. ” İlimin yolu sevgi, sevginin yolu da kinin, nefretin hasetliğin mutsuzluğun olmadığı yer, kim bilir belki de parmaklarımızın ucundaki zenginlik, başarının bilimi, düşünce, duygu ve hislerimizin olumlu yönde kutsi gerçeğe dönüşümü, hislerin başlangıç noktasından sonuçlarına kadar etkisi olan bilinç mekaniği, önemli doğal etken. Bilim, bilgi, inanç olarak adlandırılan şeyin enerjimizi Duygular, inanç, kelimeler, beyin, akıl, irade, içgüdü ve bilgi hayatımızı, birbirimizle ve diğer canlılarla olan ilişkilerimizde bizi nasıl şekillendirmektedir. Hepsinin ötesinde olan bu kavramlar, adlar, kelimeler, hisler, beyin isimlendirebileceğimiz daha ne varsa şu anki adı evrim teorisiyle zamana ayak uyduracak, insanlara yeniden şekil verecek: Yeni nörolojik şekiller, kelimelerle beraber inanç sistemi, davranış bilimi, hisler ve yansımaları ideolojiler, yönetim kavramları... bir bir değişecek. Zıtlıklar, çelişkiler, benzerlikler oluşturarak tıpkı bir damladan başka değişik damlalar toz bulutları arasında kaybolacak. (Wetzell; Linguistics and Echology, 1966) Akla gelecek soruların yanıtı ne olabilir? Bilimin, hislerin zaman kavramıyla beraber evrim teorisi sunumundaki yanlışı ya da doğrusu nedir? Dinin evrimleşmeyle gelecekteki bakışı ne olacaktır? Dinlerin ve Bilimlerin değişime karşı nasıl ilkeler ve öğretiler belirleyecekler? Dinlerin bakışı ne olacak? Her yönüyle nasıl bir insan ortaya çıkacak? Tanrı yarattığı bu evrende kendini sınırlamış mıdır? Kuantum mistisizm inancı nedir? Meteorlar, bileşik kıtalar teorisi ve soğuk füzyon teorisinin başına gelen ortak şey nedir? Bilgiyi insana, davranışlarına, inançlarına, dillerine göre güncelleyecek miyiz yoksa revize mi edeceğiz? Duygusal taraflarımız, hislerimiz, karmaşık çelişkiler ve baskılar...birbirimize ve kendimize olan davranışlarımızı, inançlarımızı nasıl değiştirecek? Ve daha fazlası olarak ne, neden, nasıl, niçinler...(Taylor, Kuantum Başarı, 2006).

Farklı bilimlerde yapılmış, yapılmakta olan bilimsel araştırmalara dayalı olan çalışmalar konu olarak ve/ya konuyla bağlantılı konular olarak görüşlerimize, inançlarımıza uysun uymasın, çelişki oluştursun oluşturmasın yinede okunup, en azından düşüncelerimize bir başka boyut katacağına inanıyorum. Bırakalım her şeyiyle bu yazılanları bir tarafa, duygu dünyamızın, hayallerimizin, davranış biçimimizin oluşmasındaki gerçek olan ne varsa eğitimin, okumanın, araştırmanın, kendini tanımadan, kendiyile barışık ve sevgi dolu olmasından geçtiğine inanıyorum. Var olan her canlının boşa var olmadığı, bir işlev için farklı yetenek ve donanımlarla görevlendirildiği bilincine varıldığı sürece, ona saygı ve sevgi duyulduğu sürece, hepimizin bu farklı yeteneklerden dolayı da bir birbirimize ihtiyaç duyduğumuzun bilincini taşıdığımız sürece ‘hasetlikler’ olmayacaktır. Kullandığımız her olumlu-olumsuz kelime, deyiş, düşünce, inanç beynimizdeki etkileşimlerle evrende farklı enerjilerle birleşerek zamanı ve oluşum sürecinde erişmek zorunda olduğu yere ulaşacaktır.

Dilimiz, kalbimiz, davranışımız karşımıza hep olumlu yapıcı ve barış içinde varması; düşünsel ve uygulama da karşılıklı büyük enerjiler oluşturması dileğiyle...

“Bana öyle şeyler söyle ki çocuk; hislerin, düşüncelerin ve kelimelerin ruhumu ne şımartсын, ne de beni duygularımın kölesi etsin. Sessiz kelimelerin gölgesinde kibirlenip karşında küçülmeyim, sen de neden ben de yok diye beni ‘kaskanmayıp’ övgüler yağdırarak

Tanrı katında yüksesin. Bana öyle şeyler söyle ki çocuk; söylediğin sözler, kullandığın kelimeler, bakışındaki enerji olacakların önüne geçmesin...hak ettiğiyle dönsün.”(Çehov, Köy Doktoru, 1884)

KAYNAKÇA

Abdurrezzak Nevfel, Kur'an'da Ölçü ve Ahenk, çev: Muzaffer Kalaycıoğlu, İstanbul.

Caner Taslaman, Modern Bilim, Felsefe ve Tanrı, İstanbul, İstanbul Yayınevi, 2008, s. 49–66.

Jean Meeus, Mathematical Astronomy Morsels, Richmond, Willmann-Bell, 1997, s. 110.

Peter Lipton, Inference to the Best Explanation, London, Routledge, 2001.

Robert E. Butts, “William Whewell”, The Cambridge Dictionary of Philosophy, ed: Robert Audi, Cambridge, Cambridge University Press, 1999, s. 850- 851.

Stephen W. Hawking, Zamanın Kısa Tarihi, Çev: Sabit Say ve Murat Uraz, İstanbul, Doğan Kitap, 1988.

İKİ DİL BİR 'KADIN' RUS ve TÜRK ATASÖZÜ VARLIĞINDA KADINA OLUMSUZ BAKIŞ

Arş. Gör. Keziban TOPBAŞOĞLU¹

¹ Kafkas Üniversitesi, Kars, Türkiye, kezbantopbasoglu@kafkas.edu.tr

Özet: Her dil, hem yazılı hem de sözlü olarak anlatımlardaki akıcılığı ve etkili ifade gücünü sağlayan söz öbeklerine sahiptir. Bir yandan konuşmayı etkili hale getiren, öte yandan da milletlerin manevi kültürünü yansıtan bu söz öbeklerinden önemli bir grubunu da atasözleri oluşturmaktadır. Atasözü dağarcığı bakımından oldukça zengin olan Rus ve Türk dilleri, özellikle incelenmesi gereken yüzlerce atasözü kültürüne sahiptir. Bu çalışmada, seçilmiş ve özellikle “kadın” konusunu işleyen bazı atasözlerinin incelenmesi, iki farklı dilin söz varlığı içinde, kadına verilen kimliğin olumsuz yansımalarının ve kadına yönelik ortak bakış açılarının ortaya koyulması amaçlanmıştır.

Anahtar Kelimeler: Atasözü, Rus Dili, Türk Dili, Kadın,

Abstract: Each language, both written and verbal expressions fluidity that provides effective and power of expression has group of words. On the one hand making the effective speaking on the other hand reflecting the spirituel culture of nations mention an important group of word is proverb. Sayings vocabulary is rich with treasures of the Russian and Turkish languages, especially in culture proverb has to be examined hundreds. In this study, especially the "woman" has been selected in the hundreds of sayings that the subject of the examination of the existence of two different languages of some of the sayings in negative images of women given identity and appeared aimed at putting common perspectives for women.

Key Words: Proverb, Russian language, Turkish language, Woman.

*Atasözleri ilk başta bir folklor konusu olarak ele alınır. Aslında bir folklor konusu, dilbilim süzgecinden geçtiği için asıl pay dilbilime düşmektedir.*² Dil ise, ait olduğu toplumun yaşamı, değer yargıları, örf adetleri, dilsel ve kültürel zenginlikleri noktasında ipuçları verir.

Dilin varoluşunun, insanın var oluşuyla doğru orantılı oluşu, elbette gelişim ve değişime açık olma durumunu da beraberinde getirmektedir. Sosyal bir canlı olan insan, tükettiği gibi daima üretir de. Dil ile insan arasındaki bu ilişki, şüphesiz son bulmayacak bir ilişkidir. Dilin derinlerinde özel bir yeri olan atasözleri de tamamen tecrübe ve birikim temeline dayandırılarak oluşturulmuştur. Dolayısıyla da insanlık çoğu zaman ona bağlanıp kalmış, kendi sınırlarından taşamamıştır. Atasözleri, *Tanrı ve peygamber sözleri gibi ruha işleyen bir etki taşırlar. İnandırıcı ve kutsaldırlar. Nitekim bir atasözü şöyle der: 'Atalar sözü Kuran'a girmez, yanınca yelişür'. (birlikte koşup gider, ondan geri kalmaz).*³ Bu ifade, aslında neden onlardan vazgeçemediğimize de somut nedendir. Rusçada karşılığı 'пословица' olan atasözü, Ruslar için de konuşma ve yazı dilinin vazgeçilmez unsurlarındandır. *Краткое народное изречение с назидательным смыслом* (İbret verici manalar içeren kısa ulusal özdeyiş)⁴. Hemen hemen her durum ve her kesim üzerine söylenmiş bir atasözü bulmak mümkündür. *Пословицы, выражающие не только дух и характер народа, но также дух и характер разных его сословий, бывают: духовные, дворянские, купеческие, солдатские, крестьянские...* (Atasözleri, sadece halkın ruh ve karakterini yansıtmakla kalmaz, atasözlerinde ayrıca değişik sosyal sınıflarının ruhu ve karakteri de vardır: tinsel, soylu, tüccar, asker, köylü...) ⁵

Toplumsal kimliklerin üzerine söylenmiş atasözleri, bazen son derece aşağılayıcı olabilirken, bazen de aksine herhangi bir kimliği göklere çıkarabilmektedir. Örnek teşkil edebilecek bir durum atasözlerindeki kadın- erkek olgularıdır. *Bireyler 'nasıl kadın ve erkek olunacağı' yani biyolojik cinsiyetlerine uygun görülen normları ve beklentileri öğrenerek, erkek ve dişi kimliklerini (erillik ve dişiliği) kültürel kalıplara göre sosyal olarak inşa ederler.*⁶

¹ Kafkas Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Slav Dilleri ve Edebiyatları Bölümü Rus Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı

² Döölötbek Eşkenov, *Türk ve Rus Atasözlerinde Kadın İmajının Dilbilimlik Karşılaştırması*, Yüksek Lisans Tezi, Bişkek, 2007, s. 12.

³ Ömer Asım Aksoy, *I. Atasözleri Sözlüğü*, İnkılap Kitabevi, İstanbul, 1993, s. 15.

⁴ S. İ. Ojegov, *Tolkoviý Slovar Russkogo Yazıka*, Oniks Yay. , Moskova, 2011, s. 461.

⁵ İvan Snegiryev, *Russkiye Narodniye Paslovitsı i Pritçi*, Eksmo Yay. , Moskova, 2010, s. 23.

⁶ Günindi Ersöz, *Türk Atasözü ve Deyimlerinde Kadına Yönelik Toplumsal Cinsiyet Rollerini*, s. 170.

Her ne kadar kadını yücelten atasözleri de varsa da; ki bu durum çoğunlukla kadının anne olduğu döneme işaret eder, aşağılayıcı olanlarla kıyaslanamayacak kadar azdır. Her iki dilin 'kadın' temalı atasözü varlığında dikkat çeken ilk nokta kuşkusuz çoğunlukla kadının alçalmış ve erkek karşısında güçsüz bırakılmış kimliğidir:

Rusça Чужая жена- лебедушка (лебедь), а своя- польнь горькая. 'Başkasının karısı kuğu, kendi karım acı pelin otu'

Türkçe Komşunun tavuğu komşuya kaz görünür'.

Her iki atasözünde de kadın unsuru hayvan figürleriyle ilişkilendirilmiştir. 'Kuğu' narin ve gösterişli bir hayvandır; Türkçe atasözünde ise buna benzer olarak 'kaz' ifadesi kullanıldığı görülmektedir. Kıyaslama yapılan 'tavuk' unsuruna göre 'kaz', paha açısından daha değerli ve görsel olarak da daha güzel bir hayvandır.

Rusça Не петъ курице петухом, не бытъ бабе мужиком. 'Tavuk horozla ötemez, kadın erkek gibi olamaz'.

Türkçe Gece yağar, gündüz açar, yıl düzgünlüğü; erkek söyler kadın susar, ev düzgünlüğü.

Bir evde iki horoz olursa sabah güç olur.

Her iki atasözü de tamamen erkeğin kadın üzerindeki otoritesine ve üstünlüğüne dikkat çekmektedir.

Rusça Пей вино, да не брагу; люби девку, а не бабу. 'Bira değil şarap iç; kadın (karı) değil kız sev'.

Türkçe Tarlayı düz al, kadını kız al.

Belli ki her iki toplumda da bekârete verilen önem büyüktür. Ancak bu vasfın yalnızca kadında aranıyor olması da düşündürücüdür. Atasözlerinde kadın ile ilişkilendirilen 'bira', şaraba göre daha kolay bulunan ve daha ucuz elde edilen bir içkidir. Bu nedenle bekâret sahibi kız şaraba benzetilmiştir.

Rusça Выбирай корову по рогам, а девку по родителям. 'İneği boynuzuna, kızı sülalesine göre seç'.

Не купи у попа лошади, не бери и у вдовы дочери. 'Papazın atını, dulun kızını alma'.

Türkçe Tarlanın taşlısı, kızın saçlısı, öküzün başlısı.

Alma soysuzun kızını, sürer anasının izini.

Pekmezi küpten, kızı kökten al.

Yine evlenirken erkeğin seçen, kızın seçilen taraf olduğu vurgusu yapılmaktadır. Kadın iyi bir soydan gelmiyorsa, ondan iyi eş olmayacaktır.

Rusça Девушку надо видеть за работой в кухне, а не в праздничном платье. 'Kızı mutfakta çalışırken görmek lazım, bayramlık elbisesinin içinde değil'.

Türkçe Güzeli kız iken görme, beşik ardında gör.

Ergen gözüyle kız alma, gece gözüyle bez alma.

Rusça atasözünde bir kızın en güzel haline aldanıp da evlenilirse ilerde hayal kırıklığına uğranabileceği iması vardır. Ayrıca Türkçe atasözlerinden birinde de, yeni yetme bir genç gördüğü her kızı begeneceği için onun gözüyle evlenmenin yanlış olacağı fikri vardır; bu durum gece karanlığında bez almaya benzetilmiştir çünkü karanlıkta bezin kusurlu olup olmadığını anlamak zordur. Ergen gencin gözündeki perde, bir nevi gecenin karanlığı gibidir.

Rusça Нехваленая девка дороже хваленой. 'Övülmeven kız övülenden makbuldür'.

Перехваленная невеста- бездарная хозяйка. 'Çok övülen gelin, hanım bozuntusu olur'.

Türkçe İyi kızı el över, kötü kızı anası.

Kel kız teyzesinin saçıyla övünür.

Bir takım vasıflara sahip insanların kendisini övmeye ihtiyacı yoktur; atasözlerinde de eğer kız övülüyorsa kötüdür manası vardır.

Rusça Волос долог, да ум короток. 'Saçı uzun, aklı kısa'

Баба дура. 'Kadın (karı) aptaldir'.

Türkçe Saçı uzun, aklı kısa.

Her iki dildeki kullanımı da aynı olan bu atasözleri tamamen kadın zekâsına yönelik aşağılayıcı bir tutum sergilemektedir.

Ne kadar yanlış, ne kadar yakışsız olursa olsun kadına yönelik şiddet her dönemde var olmuştur ve bunu destekleyen atasözlerinden bazıları da şöyledir:

Rusça Шубу бей- теплее, жену бей- милее. 'Kürkü döv daha sıcak olsun, kadını döv daha tatlı (şirin) olsun'.

Чем больше жену бьешь, тем щи вкуснее. 'Kadını ne kadar çok döversen, lahana çorbası o kadar lezzetli olur'.

Türkçe Kızını dövmeyen dizini döver.

Kadının sırtından sopayı, karnından sıpayı eksik etmeyeceksin!

Her iki dilin atasözü varlığında dikkat çeken diğer bir konu da kadın unsurunun 'şeytan' ile bağdaştırılmasıdır:

Rusça Баба бредит, да черт ей верит. 'Kadın sayıklar, şeytan inanır'.

Куда черт не поспеет, туда бабу пошлет. 'Şeytan gidemediği yere kadını gönderir'.

Türkçe Erkeğin şeytanı kadın.

Kadın şeytana rabuç diker.

Aşağıdaki atasözlerinde ise, kız daha kundakta bebekken çeyizinin hazırlanması gerektiği öğütlenmektedir. Oysaki erken yaşta evlenmek hiç de doğru bir eylem değildir.

Rusça Дочку в колыбельку-приданое в коробейку. 'Kızı beşiğe, çeyizi kutuya'.

Türkçe Kız kundakta, çeyiz sandıkta.

Erkek evladın hep yanında kalacağı, sana bakacağı ve soyunu devam ettireceği düşüncesiyle, erkek evlatlar, kız evlatlara göre daha önemli olmuştur:

Rusça Дочь- чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай. 'Kız çocuğu- başkasının servetidir. Besle, okut, bekle ve başkalarına ver'.

Türkçe Kız çocuğu, el çocuğu.

Yine Ruslarda ve Türklere öyle atasözleri vardır ki bu da kadın figürünün, erkeğin hayatının farklı dönemlerinde aldığı sıfatları gözler önüne sermektedir:

Rusça Первая жена- служанка, вторая- подружка, а третья- госпожа. 'İlk eş- hizmetçi, ikinci metres, üçüncüsü ise hanımefendi'.

Türkçe İlk avrat çarık, sonraki sarık.

Yukarıdaki her iki ifadenin de öne sürdüğü iddia son derece aşikârdır; erkeğin ilk eşi olan kadın, asla yeteri kadar değer görmeyecektir. Maalesef bu çoğu kadının ortak kaderidir.

Sonuç

Yukarıda çeşitli kaynaklardan derlenen, değerlendirilmeye ve anlam bakımından karşılaştırılmaya çalışılan 'kadın' temalı Rus ve Türk atasözleri, içerdikleri derin manalar, müşterek bakış açıları ve sahip oldukları etkileyici üsluplar noktasında son derece önemlidir. 'Kadın' temalı bu atasözlerine dikkat edildiğinde, birçok bakımdan benzerlik gösterdikleri aşikârdır. En dikkat çekici nokta şüphesiz kadının, hayatının çoğu döneminde üzerine yüklenen sorumluluklarla yaşamak durumunda olması ve ona rağmen hak ettiği değeri görememesidir. Dolayısıyla dili, milleti, dini ne olursa olsun maalesef kadın da kadının gördüğü muamele de hep aynıdır; yalnızca kadına yönelik bakışlar değişkendir.

Referanslar

Aksoy Ö. A. (1993). I. Atasözleri Sözlüğü, Inkılap Kitabevi, İstanbul.

Döölötbek E. (2007). Türk ve Rus Atasözlerinde Kadın İmajının Dilbilimlik Karşılaştırması, Yüksek Lisans Tezi, Bişkek.

Ersöz A. G. (2010). Türk Atasözü ve Deyimlerinde Kadına Yönelik Toplumsal Cinsiyet Rollerini, Gazi Türkiyat, Sayı 6.

<http://www.dazzle.ru>

Jukov V. P.(1966). Slovar Russkih Poslovits i Pogovorok, Sovetskaya Entsiklopediya Yayınları, Moskova.

Ojegov S. İ.(2011). Tolkoviy Slovar Russkogo Yazıka, Oniks Yayınları, Moskova.

Snegiryev İ. (2010). Russkiye Narodniye Paslovitsı i Pritçi, Eksmo Yayınları, Moskova.

Türk Dil Kurumu Güncel Türkçe Sözlük, www.tdk.gov.tr.

КАРС В ПИСЬМАХ И ЗАПИСКАХ

ДЕКАБРИСТА Е.Е.ЛАЧИНОВА

Prof. Dr. Hurşit İSAYEV⁷

¹ *Kafkas Üniversitesi, Kars, Türkiye, hursutisa@mail.ru*

Русско-турецкие связи уходят в глубь веков. Из древних времён восточнославянские и тюркские племена жили бок о бок. Эти связи продолжают и в последующие периоды истории. Изучение культуры, литературы и образ жизни народов Востока всегда были в центре внимания представителей русской культуры. Г.Гачев писал, что именно «в контакте с Востоком тюркско-кочевым, а затем и исламским, совершалось самоопределение русского духа...»⁸. Именно в результате этих контактов, как отмечал акад. Н. А. Баскаков, «тюркские племена оставили заметные следы в лексике восточнославянских языков-русского, украинского и белорусского...»⁹.

Вместе с тем надо отметить, что эти связи в перипетиях истории не всегда были последовательными и гладкими. Как известно, в истории между Российской и Османской империей были более десяти крупных войн, которые, естественно, не могли не оставить ощутимый след в жизни и культуре этих народов. Карс как ворота Восточной Анатолии исторически неоднократно становился центром крупных войн, и русско-турецкие войны не являются исключением. Ещё Карл Маркс отмечал, что «... если Карс является ключом к Эрзеруму, то Эрзерум является ключом к Константинополю и центром, где сходятся стратегические и торговые пути Анатолии...»¹⁰. Конечно, не бывает хорошей или плохой войны. У войны есть одно лицо-смерть и трагедия. Тем не менее русско-турецкие войны оставили заметный след в русской литературе и дали ощутимый импульс русской баталистике. Военные действия, которые происходили в восточной Турции, нашли своё отражение в многочисленных путевых очерках, дневниках, письмах, воспоминаниях, стихах, рассказах и военных сводках разного характера.

В качестве объекта для анализа нами взяты письма Е.Е. Лачинова, в основном написанные им в Карсе. На примере писем Лачинова мы попытались выявить основные составляющие восприятия «другого, чужого» мира и причины его обусловившие. Прежде чем переходить к непосредственному анализу, следует остановиться на личности автора, чьи письма стали объектом рассмотрения. Ибо жизненный путь автора не мог не сказаться при написании писем.

Евдоким Емельянович Лачинов родился в 1799 году в семье дворянина из Воронежской губернии. Учился в «Школе колонновожатых». В 1816 году при отправлении генерала Ермолова послом в Персию Лачинов был назначен в его распоряжение. Вместе с другими членами посольства Е.Лачинов побывал во многих городах и местностях Закавказья, в том числе и Азербайджана. В 1818 году вернулся в Москву и возобновил учёбу. В 1821 году служил в штабе 2-й Армии в Тулчино. Там он сближается с революционно настроенными офицерами и в дальнейшем вступает в Южное Общество. После подавления восстания декабристов по приказу Николая I в 1826 году был разжалован в солдаты и отправлен в войска Кавказского корпуса. В 1827 году Лачинов участвует в русско-персидской войне. Он принимал активное участие и в русско-турецкой войне 1828-1829 годов. В составе русских войск побывал в Карсе, Ардагане и других местах этого региона. За участие в русско-персидской войне Лачинов был произведен в унтер-офицеры, а за участие во взятии крепости Карса- в прапорщики¹¹.

Будучи под постоянным негласным надзором, Е. Лачинов находил время заниматься и литературой. Он постоянно вёл дневник, писал записки и письма о Кавказе, о Карсе, о военных действиях, происходивших в этих местах. В его записках и письмах отражены не только его думы, настроения и личная жизнь, но и жизнь жителей этих мест. Восемь писем Лачинова, написанных из Карса от 3 сентября по декабря 1828 года, а также его записки были опубликованы в 70-х годах 19 века. («Кавказский сборник» Т.Т. I и II, Тифлис, 1876-1877)¹².

⁷ Kafkas Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi Slav Dilleri ve Edebiyatları Bölümü Rus Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı.

⁸ Гачев Г.Д. Образ в русской культуре\ Г.Д.Гачев-М. Искусство, 1981, 246 с. с.13.

⁹ Баскаков Н.А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М. Наука, 1985, с.3.

¹⁰ http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_11/p133.php

¹¹ Движение декабристов: Именной указатель к документам фондов и коллекций. ЦГВИА СССР. Вып. 2. М., 1975.

¹² http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_iskovedi_Lachinova.html

Рассматриваемые нами записки Е.Лачинова, это лишь часть его писем, названных им самим «Моя исповедь»¹³, где в основном соблюдена хронологическая последовательность. Автор писем прежде всего дает географическое описание Карсского пашалыка. Говоря об административном делении края, он пишет, что Карсский пашалык разделяется на четыре санджака: Гечеванский, Кагызманский, Шурагельский и Заришадский. Сверх того, имеется и пятый санджак, называемый Тахтинским и включающий в себе окрестности города Карса. Пашалык, как пишет автор, занимает около 9500 квадратных верст и содержит до 200 армянских и татарских (азербайджанских- Х.И.) деревень. В своих записках Лачинов уделяет большое внимание, прежде всего, крупным событиям русско-турецкой войны. Помимо прочего, это война, как пишет Лачинов, «подала мне новую надежду, обратить на себя внимание начальства и, освободясь из настоящего положения, успокоить людей, принимавших во мне участие»¹⁴. Переходя к описанию военных действий 1828 года, автор пишет: «Когда войска наши вступили в Турцию, то не в одной деревне не встречали мы не души человеческой; армян угоняли насильно далее во внутренность; татары сами оставляли жилища свои, избегая ужасов войны»¹⁵. Автор описывает ряд военных эпизодов, в которых принимал непосредственное участие. Так, например, подробно говорится о подготовке русских войск к наступлению: как подступили к Карсу, как после необходимых подготовительных работ началась мощная артиллерическая канонада из всех орудий и как «Цитадель, крепость и башни форштата начали отстреливаться, дым, не успевая разноситься, покрыл окрестности; бесперерывные взрывы гранат и бомб, свист ядер, показывали, что с обеих сторон несутся намерены драться и что нелегко будет овладеть Карсом»¹⁶. Как непосредственный участник военных событий Лачинов подробно рассказывает об осаде и взятии Карса, об убитых, раненых и пленных. «Более 1350 человек, - пишет он, - достались в плен во время приступа, в цитадели взято 5-ть тысяч, в том числе двухбунчужный- Магамед- Эмин-паша, начальник кавалерии- Вели-ага и много разных чиновников»¹⁷.

В письмах подробно говорит он, в частности, о Карсской крепости и её окрестностях. Описывая крепость, Лачинов, между прочим, пишет: «Крепость Карс расположена на утесистом изгибе речки Карс-чае и совершенно неправильной фигуры. Восточный и северный фасы, составляла между собою тупой угол, и имеют сажен по 300 длины... Цитадель непреступна с внешних сторон (северной и западной, висящих над непроходимыми скалами, возносящимися над речкой)»¹⁸.

Автор в своих записках уделяет достаточно большое внимание и на сражения в Ахалцихе и Ардагане, хотя, как пишет он, «не был свидетелем всех этих событий». Высоко отзываясь о защитниках Ахалциха, автор замечает, что «Ахалцихцы известны по своей храбрости и ни в чем не уступят самым дерзким народам кавказских гор- даже вооруженные женщины участвовали в бою»¹⁹. Лачинов много лестных слов говорит о русских воинах, это и понятно. Но в то же время отдает долг и туркам. Подробно описывая сражения, происходившие в районе Ардагана, особо подчеркивает их храбрость. «Вообще, - пишет автор, - турки дерутся так отчаянно, что трудно стоять против них-сравнивать их с персиянами, значило бы обижать их. Теперь представьте, каковы должны быть делибаши... и другие отборные войска, почтаемые отважнейшими из самых храбрых. Идя в бой, они не думают о возвращении»²⁰, -замечает он. В своих наблюдениях Лачинов верно замечает и то, что местное население даже и не думает о покорности. Говоря о местных жителях, Лачинов пишет: «Суровая татарка строго исполняя веление закона, готова была мне плюнуть в лицо, а я ожидал от нее приветливого взгляда...»²¹.

В записках Лачинова дается самый лучший отзыв о природе и природных богатствах края. Здесь, пишет автор, земля плодородная, много озер, рек, ручеек, источников, сосновых лесов, тучных пастбищ, которые «составляют главнейшее богатство жителей»²². Высоко оценивая климат Карса, автор отмечает, что он «прекрасный и здоровый во всех отношениях- это не Персия; смело скажу, что Карская область не уступит лучшим губерниям России... Природа щедро наградила ее дарами своими»²³ -заключает автор. Далее автор, говоря о местных жителях, отмечает, что «главные занятия жителей состоят в скотоводстве и земледелии» и хлеба имеют в изобилии не только «для собственных потребностей, но и продают

¹³ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

¹⁴ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

¹⁵ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

¹⁶ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

¹⁷ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

¹⁸ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

¹⁹ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²⁰ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²¹ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²² http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²³ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

в Эрзерум, Баязет, Грузию, армянскую область, снабжая их и куртинцев(курдов- Х.И). Все это, отмечает Лачинов, позволяет им «заводить обширные скотоводства, близ Аракса соляные горы, фруктовые сады, виноградники, снабжают их произведениями своими, озера и реки доставляют множество форели и других рыб... «словом, -заклучает автор, -Карская область в первых потребностях не только не нуждается в помощи соседей, но всех, напротив, наделяет избытками своими- все окрестные места к ней прибегают»²⁴.

В письмах Лачинова подробно описывается город Карс и крепость: «Крепость населена магометанами и разделяется на 17 магалов (кварталов); в каждом есть по мечети и во всех: 1 армянская церковь, 850 домов, 1 казенный караван-сарай, 126 лавок и 2 бани... В двух магометанских предместьях считается 1174, а в армянском 600 домов. Все предместья разделены на 11 магалов, в каждом по 1-й мечети и одна церковь, а во всех 4 караван-сарая, с комнатами для приезжих и 430 лавок... К городу принадлежат 7 водяных мельниц»²⁵. Далее в записках читаем, что Карс ведет торговлю с Грузией, Персией и Турцией. Из Грузии получает кофе, сукно, шелк, русский холст, ситец, ром, вино, нефть, ковры, войлоки, кожи, жернова и из казахской дистанции лошадей... Из Карской области вывозят хлеб, соль, дерево»²⁶. Автор, подробно описывая город, дает ценные сведения о Карсе: «Город расположен амфитеатром и был бы красив, если бы дома белились и раскрашивались; улицы узкие, кривые, особенно в крепости, где две встретившиеся повозки никак не могут разъехаться и проезжающие должны делать, как умеют. Мостовая и тротуары, для прохожих одного человека, сделаны из больших твердого свойства камней... Дома каменные и множество двухэтажных, с деревянными балконами... Почти во всех комнатах деревянные потолки и во многих полы, нижняя часть стен обшита досками... Много сходства во вкусе с избами богатых мужиков русских»²⁷.

В письмах значительное место уделено жителям города, где, между прочим, отмечается, что «в числе жителей, кроме армян, турок и татар, есть цыгане-их менее ста душ обоого пола и все они живут в городе на южном форштате». Характеризуя жителей, автор замечает: «Армяне народ промышленный, оборотливый, за честность их не ручаюсь, но искренней преданности к правительству нашему нельзя сомневаться». У мусульман автор замечает «суровость характера» и сильный «фанатизм к вере». Вместе с тем отмечает, что среди турок «множество выразительных, прекрасных лиц встречается». «Если бы ты видел одного янычарского чиновника, здесь живущего, что за голова! Армяне далеко не могут равняться с турками в значительности лиц...».

В заключении отметим, что письма и записки Лачинова представляют большой интерес. Через эти письма и записки русский читатель получал ценную информацию об этом крае, о его жителях, о быте, традициях и обычаях их. В письмах часто встречаются и тюрские слова: Карадаг- черная гора, Айгыр-гёль-озеро жеребца, тахт-престол, санджак-окрук, магал-квартал, караван – сарай ,мечеть, делибаш, янычар и т.д. Вместе с тем, и это отметим, не всегда и последовательно правдиво описываются картины Карсской области. Это вытекало из определенных обстоятельств: во – первых, в царствование Николая I. по жёстким цензурным условиям было предельно ограничено правдиво отражать военные действия и, во-вторых, Лачинов писал эти записки в период своего духовного кризиса и был в опале.

Список литературы

Баскаков Н.А. (1985). Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве», Moskova.

Гачев Г.Д. (1981). Образ в русской культуре\ Г.Д.Гачев. Moskova.

Движение декабристов: Именной указатель к документам фондов и коллекций. ЦГВИА СССР. Вып. 2. (1975) Moskova.

http://www.k2x2.info/filosofija/sobranie_sochinenii_tom_11/p133.php

http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²⁴ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²⁵ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²⁶ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

²⁷ http://a-u-l.narod.ru/ksb_2_Otryvok_iz_ispovedi_Lachinova.html

О СМЕЩЕНИИ ФОКУСА РЕАЛИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Ирина Николаевна Авдеева

Севастопольский городской гуманитарный университет,
г. Севастополь, Украина

Аннотация. Представлен психологический анализ феномена смещения фокуса завершающей рефлексии профессиональной деятельности у педагогов. Указано, что данный феномен может существенно осложнить процессы профессионально-личностной самореализации учителя.

Ключевые слова: смысловые установки, педагогическая фасилитация, рефлексия профессиональной деятельности

ABOUT DISPLACEMENT OF FOCUS OF REALIZATION OF PEDAGOGICAL REFLECTION.

Summary: The psychological analysis of the phenomenon of displacement of focus of finishing reflection of professional activity is presented for teachers. It is indicated that this phenomenon can substantially complicate the processes of professional-personality self-realization of teacher.

Key words: meaning attitudes, pedagogical facilitation, and reflection of professional activity.

Современное личностно-развивающее филологическое образование может быть успешно реализовано учителем, строящим учебное взаимодействие на основе определённых профессионально-личностных установок, прежде всего – фасилитативных. Смысловые установки могут рассматриваться как устойчивые личностные образования, которые развиваются в ходе ведущей (для учителя – профессионально-педагогической) деятельности. В процессе становления фасилитативных установок учителя можно выделить следующие основные этапы: *рефлексия* (усмотрение новых смысловых оснований деятельности, выделение в целостном течении профессиональной жизни отдельных ситуаций и придание им Событийного статуса), *выбор* (построение на основе осознания новых оснований деятельности «осмысленного вектора» дальнейшего профессионального роста), *внесение* новых смыслов в собственную деятельность (апробация, или изобретение индивидуальных способов реализации новых смыслов в самостоятельной профессиональной деятельности), *перенос* (оформление в сознании субъекта смысловых установок как ведущих регуляторов его деятельности, переход к новой идентичности) [1].

Рефлексия событий профессиональной деятельности запускает процесс смысловых трансформаций, сопровождает его на всех последующих этапах и завершает, укрепляя субъекта педагогической деятельности в новом качестве профессионально-личностной идентичности – как фасилитатора. Важнейшим условием продуктивного завершения процесса смысловых трансформаций является практическая реализация новых (фасилитативных) смысловых оснований именно в той деятельности, которая послужила предметом «запускающего» рефлексивного анализа.

Это условие в реальной практике профессионального развития учителя реализуется не всегда, что может быть связано с феноменом «смещения фокуса» завершающей рефлексии. В условиях традиционной системы повышения квалификации педагогических кадров (ПК) указанный феномен проявляется достаточно явно.

«Смещение фокуса» рефлексии проявляется в том, что новые личностные смыслы, возникшие у учителя в ходе ПК в результате ретроспективной рефлексии, оперативно не вносятся в деятельность, подвергнутую рефлексивному анализу. У части педагогов возникшие в результате «запускающей» рефлексии новые личностные смыслы реализуются не в той деятельности, от которой он дистанцировался и которую ретроспективно осмысливал, а в той, в которую он «оказался вовлечен обстоятельствами жизни» (А. К. Осницкий). Эта деятельность (обучение на курсах ПК), как и преподавание в школе, тоже связана с профессиональной самореализацией учителя, но собственно педагогической деятельностью не является. И нередко именно в этой деятельности (учебной, но не обучающей) учитель получает позитивное подтверждение способов реализации новых смыслов: он пишет квалификационные работы, готовит и презентует рефераты, получает удостоверение, важное для осуществления актуальных аспектов профессионально-личностной самореализации (например, аттестации) и т.п. Возникает ощущение гештальта, продуктивного завершения смысловой интенции, возникшей вследствие рефлексии событий основной педагогической деятельности. На этом фоне оформляются мотивационные предпочтения (иногда они становятся ведущими в профессиональной самореализации), обеспечивающие эффективное и творческое

написание докладов, теоретических сообщений, научных рефератов... При этом у учителя формируется лояльное и спокойное отношение к новым идеям и концепциям (например, к идее осуществления образовательного процесса как равноправного взаимодействия ученика и учителя). Однако такое отношение не «множит смысловую напряженность», не «метит некое существенное противоречие» в собственной деятельности и, соответственно, не «выталкивает личность на новую орбиту жизни» [2, с. 149]. То есть изначальная рефлексия событий одной линии жизни завершается продуктивным (успокаивающим) осмыслением событий другой линии.

Следует отметить, что иногда «выталкивание на новую орбиту» всё-таки происходит – в форме полного переключения на новую линию жизни: педагог уходит из школы и становится, например, методистом-теоретиком, начиная (часто вполне продуктивно) новую линию самореализации. В этом случае эффект «смещения фокуса» рефлексии не возникает. «Завершающая» рефлексия фокусируется именно на базовой деятельности и приводит к тому, что противоречие между старыми установками и новыми основаниями педагогической деятельности разрешается осознанным выбором другой ведущей деятельности и другой социальной ситуации развития.

«Смещение фокуса рефлексии» приводит к возникновению достаточно распространённого в инновационной педагогической практике феномена – «двойной активности». Одно дело – реальная педагогическая деятельность, другое – «виртуальная» (с психологической точки зрения вполне безопасная, обеспечивающая личностный комфорт и определённую удовлетворённость) активность в облаке новых педагогических идей, концепций, теорий.

Несмотря на «уменьшение смысловой напряжённости», такой «уход в теорию» может иметь серьёзные негативные последствия и для исходной педагогической деятельности (давшей рефлексивный толчок к теоретическому поиску новых смыслов), и для самой «теоретической активности» [3].

«Смещение фокуса» рефлексии маскирует и оставляет неразрешённым противоречие между старыми и новыми основаниями педагогической деятельности учителя, возникшее в результате «запускающей» рефлексии. Это состояние незавершённости становится фактором хронической психотравматизации, приводит к состоянию неудовлетворённости профессиональной деятельностью и может стать причиной профессионально-личностных деформаций у учителей, открытых к восприятию новых, личностно развивающих, фасилитативных и т.п., парадигм и оснований педагогической деятельности. Эффект «смещения фокуса» педагогической рефлексии вносит свою лепту в неопределённость прогноза катанестических результатов повышения квалификации педагогических кадров. Гуманизация образования требует соответствующих изменений в профессиональной подготовке учителей. Эти изменения связаны с усилением рефлексивной составляющей готовности учителя к педагогической деятельности. Исходя из этого изучение механизмов, условий и средств психологического сопровождения рефлексивной активности педагога на этапах профессиональной подготовки и последипломного образования является остро актуальным.

Литература

1. Авдеева И. Н. Смысловые установки как регуляторы гуманистически ориентированной деятельности педагога-фасилитатора: Психология личности и подготовка специалистов сферы образования: Современные подходы: Уч. пособие для студентов гуманитарных специальностей вузов и слушателей системы последипломного педагогического образования / Под ред. С.Д. Максименко и М.И. Лапенко. – Севастополь: Рибэст, 2012. – С.120-136.
2. Паукова А. Б. Динамика отношения к жизни в результате рефлексии жизненных событий // Мир психологии. – 2011. - № 4. – С.143-150.
3. Бахтин М. М. К философии поступка [Электронный ресурс] // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. – М., 1986. – С. 80-160. - <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html>] (дата обращения: 03.09.2013).

ПОНЯТИЕ СЧАСТЬЕ В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Проф. д-р Валентина Аврамова

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского

Шумен, Болгария

Резюме: В докладе рассматривается понятие счастье в русской и болгарской ментальности. Выявляются его общие и специфические семантические доли, свидетельствующие о национальной ментальности двух этносов.

Ключевые слова: концепт, аккумуляема, ментальность.

THE CONCEPT OF HAPPINESS IN RUSSIAN AND BULGARIAN LINGVOCULTURE

Abstract: The article deals with the concept of happiness in Russian and Bulgarian mentality. Its general and specific semantic features are discussed in relation to the national mentality of these two ethnic groups.

Key words: concept, accumulema, mentality.

В классической философии счастье рассматривается в двух аспектах: этическом, рассматривающим счастье как потенциальное состояние, как результат достойной жизни и исполнения морального долга, и психологическом, воспринимаемом как актуальное состояние.

В истории философии все многообразие этических систем сводится к двум основным типам: 1) этика счастья – эвдемонизм и 2) этика долга – деонтологизм. Эвдемонизм воспринимает счастье высшим благом, а стремление к нему считает основой морали, а деонтологизм ставит на первое место долг и признает счастье только как производная из добродетели, отождествляя его с моральным удовлетворением (Воркачев 2000). Следует отметить, однако, что источник счастья в деонтологических системах находится всегда внутри субъекта, в то время, как в эвдемонических системах он может быть как внутренним, так и внешним.

Воркачев рассматривает две разновидности фелицитарных концепций в философских традициях европейской культуры с древности до наших дней. Это разновидность аккумулятивная и коэффициентная. Аккумулятивная концепция рассматривает счастье как совокупность различных удовольствий, это гедонистическая концепция, определяющая факторами для достижения человеческого счастья такие элементы как успех, деньги, наслаждение, удовлетворение, радость и др. Аккумулятивной является и эпикурейская теория, но она утверждает такие факторы, как покой, отсутствие несчастий, уверенность, гармония. Последователи коэффициентной концепции рассматривают счастье как частичное или полное совпадение желаний с их реализацией. Здесь учитываются свобода, самореализация, смысл жизни, благо и счастье ближнего.

Наиболее общее психологическое определение о счастье связано с его восприятием как “ощущение полноты бытия, радости и удовлетворения жизнью на основе оптимального, здорового и эффективного функционирования личности” [Гребенщикова, Джидарьян, Шапиро]. Психологический аспект счастья можно определить и как “глубокое состояние духа, являющееся неременной частью наших оценок и раздумий, продиктованных благоразумием» [Рен-Луис 2010].

Счастье – это эмоциональное состояние человека, при котором он испытывает чувства в диапазоне от удовлетворения и удовольствия до полного блаженства, умиротворения и радости. Но счастье – это и интеллектуальная оценка человека о своей жизни и ценностях в ней.

Счастье является объектом и религиозных доктрин. В христианстве счастье рассматривается в плане учения о благодати, представляющей связь человека с Богом. В религиозном христианском сознании счастье ассоциируется преимущественно с представлением о рае, оно считается эквивалентом блаженства, предназначенного для праведников. В восточных религиях представление о счастье связано с освобождением от земных страстей, осуществленным в так называемой нирване. Древние египтяне считали, что счастье человека полностью зависит от воли богов, даривших его добродетелью “ка”, обеспечивая ему счастливую жизнь. В мифологии судьба в значении “часть, участь” является чем-то предопределенным человеку богом

и означает “предопределенный сценарий жизни” – бог является повелителем, а человек только исполнителем его воли [Арутюнова 1994].

В лингвистическом аспекте особенно плодотворным являются исследования подобных феноменов в русле современного направления – лингвокультурологии, исследующей “соотношение языка и культуры, проявляющееся в способности языка выражать этнический менталитет” [Телия 1999]. Изучая специфические особенности национального менталитета, специалисты “эксплицируют культурную значимость языковой единицы” [Маслова 2001] и описывают отличительные семантические и культурные признаки языковых единиц, воплощающих специфику национальной ментальности. Эти особенности сосредоточены в культурном концепте, языковой единице, являющейся в настоящее время наиболее употребительным термином для названия ментального образования в высшей степени абстрактным. Концепт всегда связан с более чем одной лексемой: он вбирает в себя синонимические языковые единицы, фразеологизмы, поговорки, афористические сочетания, текст, различного типа. Концепт объединяет результаты человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированного в мифах и легендах, ритуалах и обрядах, фольклорном и религиозном дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах. В работе мы предпочитаем термин аккумулята, нами предложенный, как снимающий размытость общеупотребительного термина концепт и трактующий данную единицу лингвокультурологии несколько более расширенно [см об этом Аврамова 2007].

В латинском языке *felicitas* означает удача, успех, судьба, богатство. В романских языках исп. *Felicidad*, ит. *felicità*, фр. *bonheur* счастье связывается со значением “плодородный (о земле)”, “обильный” и является синонимом значения “благополучие” и “успех”.

В германских языках англ. *happiness*, нем. *glück* слово счастье толкуется как удобное, подходящее событие, а прилагательное употребляется в значении “облагодетелствован обстоятельствами, судьбой” и характеризует человека, испытывающего удовольствие.

В славянских языках рус. *счастье*, польск. *szczęście*, словацк. *šťastie*, укр. *щастя*, чеш. *šťěstí*, болг. *щастие* слова семантически связываются со значением “участь”, “причастность”. Исследователи считают, что составляющие слова “щастие” в древнеболгарском языке идут из санскритского, в котором “съ”, “щъ” означают “хубав” [Фасмер].

Лексема “счастье” происходит из старославянской формы *съсестъје*, откуда церковнослав. *съчастьнъ* “причастный”. Старославянская форма, в свою очередь происходит из санскритских форм *съ-* или *su-* “хороший” + *-cestъ-* “часть”, т. е. “хорошая, добрая участь”. По Бернекеру счастье первоначально означало “участь, совместное участие” *съ-участ* [Фасмер].

В словарях русского языка лексема счастье имеет несколько значений: удача, успех, благополучное стечение обстоятельств, разг., нар. участь, доля, судьба, состояние высшей/полной удовлетворенности жизнью, благоденствие, благополучие, земное блаженство, желанная насущная жизнь, без горя, смут, тревоги; покой и довольство [Даль], ее употребления в предикативной функции связано прежде всего с выражением интеллектуальной оценкой “очень хорошо, крайне приятно”.

В болг.яз лексема является заимствованной из рус. *счастье*, восходящего к древнеболгарскому или древнеславянскому “съчастьнъ” – сопричастие. Первоначально слово *съсестъје* означало “участие, судьба”.

В словарях болг.яз. лексема *щастие* имеет следующие значения: състояние, чувство на душевно доволство, пълна удовлетвореност от успех, сполука в живота; чест, добротчестие, благополучие, благоприятен случай, чест, среща (благоприятный случай), късмет [Геров].

Лексема *счастье* имеет следующие синонимические ряды: в рус.яз. – счастье, удача, везение, случай, успех; в болг.яз. – щастие, късмет, сполука, случай, шанс, успех, чест, среща [Геров 1904].

Значения членов синонимического ряда в русском языке.

Удача выражает идею совокупности благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела [СРЯ 1999], ср. *Боевая удача по-прежнему сопутствовала Виктору* (Шолохов-Синявский, Волгины).

Семантика *везения* эквивалентна семантике *удача* – это благоприятное для кого-л. стечение обстоятельств [СРЯ 1999], ср. [Весельчаков] *быстро сообразил, что в зимнее время много рыбы не возьмешь даже в случае большого везения* (Чаковский, У нас уже утро).

Случай содержит идею о благоприятном стечении обстоятельств, дающем возможность сделать что-л. [СРЯ 1999], ср. *Я имел случай несколько раз говорить с представителями крестьянского общества* (Мамин-Сибиряк, Горное гнездо).

Успех имеет следующие значения: 1) положительный результат, удачное завершение чего-л. [СРЯ 1999], ср. *Поездка Ивана Ильича увенчалась удивительным, неожиданным успехом.* (Л. Толстой, Смерть Ивана Ильича); 2) общественное признание, одобрение [СРЯ 1999], ср. *Мой успех у всех наших знакомых был совершенно неожиданный для меня* (Л. Толстой, Семейное счастье).

Значения членов синонимического ряда в болгарском языке.

Сполука является смысловым синонимом лексемы [СРСБКЕ]: *Тая първа сполука поободри въстаниците и те продължиха енергически огъня срещу неприятеля.* (Ив. Вазов, Под игото). Кроме того лексема употребляется в значении достижения чего-либо, благополучия, добра: *След толкова годишен труд най-после бях постигнал пълна, невероятна сполука, трябваше да тържествувам, а чувствавах сърцето си едва ли не смачкано.* (П. Вежинов).

Случай связывается с представлением о случайности, удобном моменте, хорошей возможности сделать что-либо, это является поводом, благоприятным стечением обстоятельств для совершения какого-либо дела: *Вакрил и Кръстьо заговориха на любимата войнишка тема – за маршрута на фронта, за някои по-важни произшествия...и щастливи случаи.* (Ем. Манов, Ден се ражда). В значении “факт, явление, что-либо происходящее” слово не является синонимом лексемы *щастие*.

Шанс является заимствованным словом через французский язык из древнеанглийского *cheance/chance*= Семантически лексема связывается со значениями об удаче, ср. *Можех ли аз да се надявам на подобен шанс - аз, който бях още пред първо стихотворение, така да се каже, след като с подобна чест не беше удостоен дори Пенчика* (Св. Жеков, КК), и надежде, возможности об успехе: *Но ти имаш шанс, даван на малцина хора през живота им, шанс да се промениш, да извършиш нещо неегоистично и героично, не защото някой ще научи или дори ще одобри какво си извършил, но защото то ще върне малко правда в един свят, който ти се постара да опорочиш.* (В. Русинов, КС).

Успех выражает идею об удачном достижении цели, прогрессе, об успехе в каком-либо начинании: *Старите ѝ родители, трогнати и обезумели от радост, бършеха просълзените си очи...“Какъв успех - викаше Борис, - какъв колосален успех!“ Какъв успех - повтаряха несъзнателно като ехо всички, - какъв колосален успех... (Й. Йовков);*

Особо следует остановиться на значениях и культурологическом аспекте аккумуляемы *късмет* – удача, везение, счастье.

Късмет является ключевым словом в словаре традиционной культуры болгар. Хотя *късмет* входит в совокупность понятий, относящихся к аккумуляеме *съдба*, это понятие имеет специфический смысл и специфическое употребление в контекстах, содержащих идею судьбы.

Слово *късмет* в болгарском языке является заимствованным из арабского через турецкий язык, в котором оно обозначает ‘часть, порция’, а позднее получает значение ‘судьба, определенная заранее участь человека’ [Encyclopedia 1986: 184]. И.А.Седакова свидетельствует об его присутствии в албанском, греческом, македонском, сербском и хорватском языках. Исследовательница рассматривает эту аккумуляему на этнографическом и фольклорном материале в контексте родинных обрядов [см. Седакова 2005], но в ее объем входит гораздо больше моментов человеческой жизни, отображенных в этом специфическом для болгарского миропонимания понятии.

В толковых словарях болгарского языка слово *късмет* представлено в двух основных значениях: 1) добра сполука, щастие [РБЕ 1995, 8: 467]; щастие, доброчестина; добър случай, чест, делба, среща; счастье, судьба [Геров 1976, 2: 446] (удача, успех, благополучное разрешение, счастье), напр., *Роди ме мамо с късмет, на ме хвърли на смет, намирам си късмета, търся си късмета, опитвам си късмета, имал си късмет*; 2) това, което е предопределено на човека; съдба, орис [РБЕ 1995, 8: 467]; това, което е предопределила на човека съдбата; дял, участ [БТР 1976: 384] (‘то, что предопределено судьбой, судьба, участь’), напр., *раждам се с късмета си, отреден ни е такъв късмет, такъв ми е късметът, работи ми късметът*. Третье значение слова *късмет* – предметное, оно связано с идеей о судьбе, доле, жребии и является весьма распространенным в речи современных болгар.

Словообразовательное гнездо лексемы *късмет* невелико, ср. сущ. *късметлия, късметлийка* (счастливчик, везучий, везунчик), *късметче* (монетка на счастье или кизиловая веточка, запеченная в новогоднем пироге – банице, связанная с пожеланиями об удаче, счастье в Новом году), уменьш.сущ. *късметец* (в словаре Н.Герова). Все слова имеют высокую степень частотности употребления в современном болгарском узусе.

В традиционной картине мира судьбе подчиняется вся жизнь человека – рождение, вступление в брак, появление детей, профессиональное развитие, здоровье, финансовое состояние, взаимоотношения с людьми и т.п. Судьба сосредоточивает в

себе высшую власть, которая обычно олицетворяется или обожествляется. Человек склонен персонифицировать судьбу, поэтому орисницы или Бог определяют, предсказывают ее, ср. *Божа работа, То му е писано от Бога, Така е писано, Орисницата така е писала*. “Судьба мыслится как целостное, нечленимое событийное образование” [Радзиевская 1991: 71]. Поэтому рассказы о судьбах обычно ретроспективны. Судьба становится предметом повествования в различных нарративных жанрах – жизнеописания и “жизни”, жития и деяния (агиографии), биографии, автобиографии, истории, летописи и хроники жизни, исповеди-покаяния и исповеди-самопознания, судьбы избранника (героя) и судьбы статиста [Арутюнова 1994: 314].

В болгарской ментальности *късмет* присутствует в каждый отдельный момент жизни человека. *Късмет*, в отличие от *орис* имеет положительную коннотацию и воспринимается как благо, как везение, поэтому в контекстах с отрицанием отрицание воспринимается скорее как сожаление об отсутствии удачи (*късмет*). Синонимический ряд, членом которого является лексема *късмет*, отличается разнообразием семантических оттенков: *сполука, щастие, удача, шанс* (счастье, везенье, удача, удел, судьба, доля) и др. Судьба охватывает всю жизнь человека, а *късмет* сопутствует всей жизни человека – от рождения до смерти, *късмет* является предпосылкой для счастливой судьбы (или для несчастливой, если *късмет* не сопутствует человеку), а значит, и необходимым компонентом судьбы, поэтому часто *късмет* представляет судьбу. Однако *късмет* и судьба не во всех контекстах могут взаимозамещаться. Ребенок *е роден с късмет* (родился в сорочке), то есть с надеждой, что судьба у него будет счастливой, ср. *Една орисница ни в люлки орисала, еднакъв късмет и на двама отреди* (П.Тодоров), *Роди ме мамо с късмет, па ме хвърли на смет*. У каждого своя судьба, свое счастье – всеки с *късмета* си, и поэтому человек не может уйти от своей судьбы – *човек не може да избяга от късмета си*. Когда к девушке приходят свататься, и она находит своего суженого, то говорят *излезе ѝ късмета, там ѝ бил късмета, късмет ѝ е* (это предопределено судьбой), но невозможно сказать *к ней пришла счастливая судьба – *късмет* воспринимается как удача, везение, счастье, что она не засидится в девках. Если у кого-либо несчастье, говорят *такъв му бил късмета* (такова его судьба, такова его доля) – здесь *късмет* обозначает невезение в данном конкретном случае. Можно сказать *Имам късмет, с късмета съм си* (мне везет, у меня удача), *имам лош късмет, нямам късмет, без късмет съм* (мне не везет, нет мне счастья/удачи, быть неудачливым/обездоленным), но нельзя употребить выражения *у меня судьба, *у меня не судьба – обстоятельства жизни объясняются через *късмет* в значении ‘удача’, ‘везение’.

Късмет – это то, что сопутствует обстоятельствам жизни и определяет возможность для благополучного или неблагоприятного исхода. *Късмет* может присутствовать во всех начинаниях человека, и тогда говорят, что человек – *късметлия в живота, работи му късмета* (ему везет, у него успехи, он счастлив, (ср. фр. *Le bien lui vient en dormant*, букв. ‘удача приходит к нему, даже если человек спит’), но может быть и избирательным в этом отношении, и тогда человеку везет только в определенные моменты его жизни, и тогда в какой-то момент вдруг – *излезе му късмета* (счастье улыбнулось, ему повезло). *Късмет* не зависит от воли человека, человек не знает, когда ему улыбнется счастье, он даже не смеет надеяться, что это случится, но вдруг *проработва му късмета*, неожиданно к нему приходит удача – *лягам си/падам си на късмета*, ср. *Ама ловът е до късмет* (Елин Пелин) (Но на охоте кому как улыбнется счастье). *Късмет* невозможно изменить, с ним невозможно вести борьбу, но можно попробовать попытаться счастья – *опитвам си късмета*, делать что-либо на удачу, на авось – *на късмет*, полагаться на удачу – *оставям се на късмета си*. Иногда человек проходит мимо своего счастья – *бягам от късмета си, подминавам си късмета*, но всегда ищет счастья и счастливой доли – *търся си късмета*. Если пропущена возможность воспользоваться счастливым случаем, то человек *ритнал си късмета* (букв. ‘пнул свою удачу, счастье’), он лишился удачи, успеха, т.е. *изял си късмета* (букв. ‘съел свою удачу, счастье’). В какой-то момент *късмет* может изменить человеку и покинуть его.

Кроме общей семантики “доля, удел, предопределенность” лексем *съдба* и *късмет*, *късмет* обладает и спецификой, характерной для болгарской ментальности. *Късмет* оценивает каждый отдельный момент судьбы знаками “везет”-“не везет”. *Късмет* присутствует незримо в каждом эпизоде судьбы и, как будто, не зависит от какой-либо силы, хотя, как уже было отмечено, иногда его персонифицируют с орисницами и Богом. *Късмет* есть нечто данное, непреложное, неизменное, неподкупное что-то; если нужно и можно его вербализовать, то, пожалуй, *късмет* напоминает ангела-хранителя, известного в христианстве, ср. в выражениях со значением неожиданного появления удачи: *какъв късмет!* (вот повезло!), *имал съм късмет, че ...* (мое счастье, что...; хорошо, что...).

Анализ понятия счастья и его синонимов в болгарском языковом сознании выявляет специфичность проявления этого ключевого для болгарской культуры слова и позволяет осмыслить процессы категоризации и концептуализации данного ментального состояния, название которого является одним из основных концептов философии жизни.

Литература

- Аврамова В. Лингвокультурология. Шумен: Унив.изд., 2007.
- Арутюнова Н. Д. Истина и судьба. // Понятие судьбы в контексте разных культур. Москва, 1994.
- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. Монография. Москва: Гнозис, 2004. <http://lincon.narod.ru/books.htm>
- Геров Н. Речник на българския език. Фототипно издание. Т. 1-6; София: Български писател, 1975-1978.
- Гребенщикова Т.А., Джидарьян И.А., Шапиро А.З. “Счастье”. Психология и педагогика. История и Общество. // Онлайн Энциклопедия Кругосвет. 2001-2009 <http://www.krugosvet.ru/>
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1-5. Москва: Русский язык, 1978.
- Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. Москва: Академия, 2001.
- Радзиевская Т.В. Слово судьба в современных контекстах. // Логический анализ языка: Культурные концерты. Москва, 1991.
- РБЕ 1995 – Речник на българския език. Т. 1-14. София: БАН, Изд.Марин Дринов, 1977-2012.
- Рен-Луис 2010 – Wren-Lewis, Sam. “Towards a Complete Account of Psychological Happiness”. Praxis, Vol. 2, No. 2. University of Liverpool, Summer 2010.
- Седакова И.А. Заимствованное слово и его этнокультурное содержание (болг. *късмет*). // Вопросы языкознания, 2005, № 3.
- СРСБКЕ 1980 – Синонимен речник на съвременния български книжовен език. София: БАН, 1980
- СРЯ 1999 – Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., Москва, 1999.
- Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии. // Филология и культура: Материалы 2-й Междунар. конф. Ч. 3. Тамбов, 1999.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Москва: Прогресс, 1967.
- Encyclopedia of Islam / Ed. by С.Е.Bosworth, E. van Donzel, В.Lewis and Ch.Pellat. Vol.V.Leiden, 1986.

HISTORICAL AND PROGNOSTIC ASPECTS OF THE METHODOLOGY: THE ESTABLISHMENT OF FOREIGN LITERATURE TEACHING IN SCHOOLS OF UKRAINE

L.V. Adonina

Sevastopol City Humanitarian University

Sevastopol City (Ukraine)

PhD in Philology, Assistant Professor

Адолина Л. В. Историко-прогностические аспекты методики: становление преподавания зарубежной литературы в школах Украины.

В статье описываются особенности становления методики преподавания зарубежной литературы в школах Украины в историко-прогностическом аспекте.

Ключевые слова: метанаука, история методики преподавания литературы, теоретические основы методики, исторический опыт, историко-прогностический аспект становления и развития методики.

Adonina L. V. Historical and prognostic aspects of the methodology: the establishment of foreign literature teaching in schools of Ukraine.

This article describes the features of the formation methods of teaching foreign literature in the schools of Ukraine in the history and prognostic aspects.

Key words: metascience, history of teaching methodology of literature, theoretical basis techniques, historical experience, historical and predictive aspect of the formation and development techniques.

History of methods and principles of teaching Literature is one of the youngest branches of scientific pedagogical cognition, despite of the fact, that the problems of generalization of the methodic experience of the literary education from the historical point of view worried the mankind from the moment of appearance the methodic science itself. Appealing to the history of a science, creative search of antecedents introduces the modern researcher to the historical process of search the scientific truth, forms historical memory. Its communicative and cumulative direction of the historical memory provides the process of integration of different scientific communities in the single whole and strengthening the relations between generations.

The aim of this article is to learn the formation of the principles of foreign literature teaching in the Ukrainian schools.

Works of V.N. Albatyrova, L.O. Bazille, A. Beletskiy, T.E. Benkovskaya, V.V. Golubkov, A.D. Grechishnikova, N.S. Derzhavin, G.N. Ionin, A.M. Krasnousov, A.R. Mazurkevich, L.F. Miroshnichenko, D.K. Motolskaya, Y.A. Rotkovich, I.E. Tselikova, V.F. Chertov, F.M. Shteinbuk and many others, dedicated to the learning of formation and development of methods and principles of teaching Literature in school in different historical periods. But there is no complete picture in learning of this subject. But the history of the formation and development the principles of teaching the foreign literature is almost not searched.

The subject "Foreign Literature" was introduced in the Ukrainian schools in 1991, after the country had reached the sovereignty, when the reformation processes touched on the system of the secondary education. After the split of the Soviet Union the subject «Russian Literature» was excluded from school curricula in the states of the former USSR, except the schools in Byelorussia. The world literature started being taught in Ukrainian schools together with the native literature.

Two important aspects stipulate the birth of a new subject. On the one hand, it's the course of the Ukrainian secondary school directed on the humanization of education. On the other hand – necessity to keep a job for thousand Russian Literature teachers after this subject on account of obvious reasons had been withdrawn from the curricula.

Actually it was a question of creating an absolutely new subject. Its uniqueness lies in the fact that literary works which are included in the school curriculum in Ukraine (especially in the curriculum of the senior school) are studied in all over the world by the students of the philological departments in the higher schools. The foreign literature as a separate subject is absent from all famous for us state school systems.

Undoubtedly, the process of establishment of this subject was undergoing quite difficult, despite of the fact that Ukraine, the former Soviet Union Republic had its strong methodic basis, its scientific methodic schools, scientists-methodists, who enriched not only the Soviet, but also the world methodic science.

So, in 1992-1993 academic year schools of Ukraine received the programme of the subject called "Literature of the Nations", which offered a list of literary works for studying from the 5 th to the 11 th form. The programme was quite compact – there was

only an explanatory note, which completely confused most teachers except the list of literary works, because teachers were allowed not only to allocate the total number of hours, allotted to the subject between the items of the given list, but also to renew this list in accordance with the texts availability by themselves, as they see fit: teachers were allowed some authors and their works to cross out, others – to include. The next academic year 1993-1994 the situation practically didn't change – schools were provided with the new programme that was called « The Reference Programme “World Literature”».

Definitely, teacher has reached the long-expected freedom of choice. But most school practitioners were bewildered. Part of the literary works, which were carried over from the old Russian Literature programme into the new Foreign Literature programme were familiar to the teachers, but the second part of the literary works included into these lists were absolutely unknown to them, or known, predominately according to the institute curricula, so the way of teaching without having the methodological support, created a real problem

The textbooks, texts of the literary works were absent, even those, that had been taught in the Soviet schools, because Russian Literature textbooks were withdrawn from schools and destroyed.

Part of the teachers, «the old guard» despite the introducing of a new subject continued to teach according to the old programme the Russian literature, the second part – went deeper in teaching literature from the Christian point of view, the third – started teaching literary works forbidden earlier or inaccessible for the wide range of readers with pleasure.

Having refused the old, conventional for the Soviet times methodology of teaching literature in school, scientists, methodists, teachers of Ukraine «on the run», empirically were creating the methodic base of a new school subject, that would exclude any ideological prejudice and involvement, the policy of a new course, that would take into account specific features of the world history-literary process, would determine criteria of the notional content of the subject taking into consideration age-specific and psychological features of the school children.

The subject has overcome a long way. Scientists made sufficient effort, so that Foreign Literature (now the World Literature) as a subject would had clear methodology, aims and objectives, that it took its full place among other subjects.

This period many probe textbooks, reading-books are edited, qualitative translations of the world literary works in Ukrainian are created. Even the name of the subject has caused the argues – the subject changed its name three times in the first four years: «Literature of the Nations» (1992), «World Literature»(1993), and at last «Foreign Literature». The going programmes, their information overload tendentiousness and subjectivity in the material selection, their degree of russification divided the most.

The logical conclusion of the first stage of the process of formation and development of the principles of teaching foreign literature in school was appearance of the programme edited by K. Shakhova.

It was the first programme which was recommended by the Ministry of Education of Ukraine for the 5-11 forms of the comprehensive school with the Ukrainian language of teaching, and unlike all previous reference-thematic plan of the programme (1992) and reference programme (1993) the programme by K. Shakhova in the beginning 1995/1996 academic year received a status of a competent document and was almost absolutely supported by the reading textbooks on foreign literature recommended for 5–8 th forms and textbooks and reading-books for the 9-11 forms by the Ministry of Education.

Its appearance caused vivid argues, ambiguous teachers evaluations. The programme had not recommended, but obligatory way, that caused the general discontent, because first of all this programme, like the previous two, appeared in November, when the academic year started, secondly, many regions had been working already according their own programmes and textbooks.

One should be noticed, that the key problem of the teaching principles were not solved, and some have become even sharper. We will agree with J.I. Sultanov, who thought, that on the first stage of the formation and statement of the World Literature as a school subject, any of the methodical principles hadn't been formulated strict and based... and the problem of the so-called bringing-up teaching... hadn't been led to the logical conclusion.

But, despite the difficulty of formation these years, the new school subject “Foreign Literature” has become the integral part of the disciplines of the humanitarian cycle and the new system of education in schools of Ukraine.

Including of this course to the core curriculum defined it as a unique phenomenon not only in the home, but also in the European educational sphere. Just to this subject is assigned a task to the humanitarian bringing-up the youth, attracting them to the wealth of the world spiritual culture, mental and moral growth of a person, aesthetic bringing-up, in particular – training for life in the concrete historical socio-cultural area. The new subject in schools of Ukraine – is the evidence of our openness to the integration world.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК КОМПОНЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КОМПОЗИЦИИ

Г.Д. Ахметова

ЗабГУ, Чита (Россия)

Аннотация : В статье анализируется важное понятие филологии – художественный образ. Это явление рассматривается в контексте языковой композиции, языкового пространства и языковой картины мира.

Ключевые слова: художественный образ, языковая композиция, языковое пространство, языковая картина мира.

ARTISTIC IMAGE AS COMPONENT OF LANGUAGE COMPOSITION

Summary: In article the important concept of philology – an artistic image is analyzed. This phenomenon is considered in a context of language composition, language space and a language picture of the world.

Keywords: artistic image, language composition, language space, language picture of the world.

Феномен художественного текста рассматривается нами в контексте следующих понятий: языковая композиция, языковое пространство, языковые процессы, языковая картина мира. Живой художественный текст понимается нами как открытая, динамическая, самоорганизующаяся, взаимодействующая с другими литературными текстами структура. Художественный текст не существует без языковой композиции. Языковая композиция – это движение, чередование, взаимодействие точек зрения. Языковая композиция является центральным понятием в учении о художественном тексте. Формирование точек зрения, их языковая организация обусловлены многообразными компонентами языковой композиции, в число которых входят: словесный ряд, композиционный отрезок, художественный образ, субъективированное повествование, метафора, сравнение, деталь и др. Пожалуй, наиболее важным компонентом языковой композиции является художественный образ, структура которого повторяет структуру текста.

Языковое пространство художественного текста – это более широкое понятие, в состав которого входит языковая композиция. Языковое пространство, как и текст, является живым, динамичным. Его динамика зависит от живых языковых процессов, действующих внутри языкового пространства: 1) усиление межтекстовых связей; 2) семантико-грамматические сдвиги; 3) композиционно-графическая маркировка текста; 4) уход в метафору; 5) метафорические сравнения как динамический компонент языковой композиции; 6) виртуальное произношение; 7) словообразовательный взрыв; 8) ритм художественного пространства.

Наконец, следует сказать о внешней структуре – языковой картине мира. Образы-концепты, формирующиеся в языковой картине мира, взаимодействуют и пересекаются с художественными образами (компонентами языковой композиции). Образ-концепт ориентирован на ментальность и культуру, то есть это более широкое понятие, чем художественный образ. Например, в романе С. Есина «Маркиз» важнейшим живым образом, который можно назвать по его обобщающей силе образом-концептом, является Смех Гоголя – Смех, который лежит со связанными крыльями, как сказал В.Г. Короленко о поэме «Мертвые души». Но роман все-таки оптимистичен.

Если представить три структуры в виде концентрических кругов, то внутренний круг будет представлять собой языковую композицию; следующий, более широкий, – это языковое пространство (с динамичными языковыми процессами); наконец, внешний круг – языковая картина мира. Все три круга пронизаны живой энергией. Все три круга представляют собой единое целое.

Художественный образ, оставаясь компонентом языковой композиции, «прорастает» в языковое пространство, пронизанное языковыми процессами. В некоторых случаях происходит совпадение художественного образа и образа-концепта.

Художественный образ, формирующийся в недрах языкового пространства, вбирает в себя языковые процессы. И, например, ритм языкового пространства передается и образу. Наверное, ритм как языковой процесс и как отражение ментальности можно оценить как проявление лиричности, искренности, то есть всего того, от чего современный человек пытается избавиться, считая это слабостью. Но искренность пробивается сквозь грубый литературный язык именно ритмом. Язык романа Кирилла Туровского «Каждый сам себе дурак» – вызывающе разговорный, во многом грубо-жаргонный, насыщенный англицизмами. Ритм часто сбивается, аритмия становится доминирующей в тексте. Но – грустно, грустно

читать роман. На память приходят слова А. Рекемчука: «Но, вместе с тем, по нынешним понятиям, искренность смешна». И потому искренность – не на виду. Но она пробивается сквозь повествование, она живет: «Умерли все. Осталась одна Таня». «Умерли все. Осталась одна Таня». При этих словах все закручивается в единую немислимую спираль. Самой талантливой писательницей в истории мировой литературы была Таня Савичева из блокадного Ленинграда. Первый и последний человек. Эти пять слов вобрала в себя все величие тысячелетий, Ассирию и Девоншир, Месопотамию и Капитолийский холм. «Умерли все. Осталась одна Таня». «Умерли все. Осталась одна Таня». Маленькая детская ручка, безостановочно скользящая по чистым листам. Девочка, которая все поняла. Почему эта девочка осталась в безвестности? А? Пять символов, пять простых слов. Сгусток боли в геометрической прогрессии».

Семантико-грамматические сдвиги, происходящие в русском литературном языке (и в языке художественной литературы) – это не всегда явление отрицательное. Во всяком случае, слово «сдвиг» может иметь значение «улучшение в развитии чего-либо». Например, субстантивация – это, конечно, стремление современного человека к более краткому, более компактному выражению своих мыслей. В то же время явление субстантивации рассматривается нами как семантико-грамматический и когнитивный сдвиг. Пародист Евгений Минин назвал свой пост в Живом журнале «Политическое», а свои пародии: «Неразделенное», «Юное пенсионерское», «Грустное», «Сострадательное», «Пародительное», «Продольно-поперечное», «Маразмическое», «Лифчиковое», «Пятновыводное», «Весловатое» (цикл пародий), «Соннострашное», «Пипецное», «Дидрениое» и т.д.

Все названные нами структуры, все выделенные нами языковые процессы родились и развились не на пустом месте. В основе лежат традиции. Традиции – это единство языкового пространства, это умение талантливого писателя «подключаться» к информационному художественному полю. Именно в этом смысле можно говорить о том, что языковое пространство не расширяется, но оно не однородно, оно во многом зависит от личности автора, от его личной энергии. Энергия мира и человека лежат в основе художественного текста. Художественный образ – это наиболее яркий энергетический «сгусток», это единство энергии мира и человека. Это уплотнение языкового пространства. Живой художественный образ – это сложная структура, «прорастающая» сквозь текст, сквозь языковое пространство. И в конце концов художественный образ приобретает символичность и обобщенность в языковой картине мира.

Список литературы

1. Ахметова Г.Д. Живой литературный текст. М.: Ваш полиграфический партнер. 2012. 232 с.
2. Ахметова Г.Д. Языковое пространство художественного текста. СПб.: Реноме, 2010. 244 с.
3. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе (на рубеже XX – XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
4. Глухоедова Н.Н. Языковая композиция художественного текста: структурные компоненты (на материале романа Руслана Киреева «Апология») // Автореф. дис... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2009. 24 с.

СОВРЕМЕННАЯ СТИХОТВОРНАЯ ИДИЛЛИЯ: СОБЫТИЕ И ЕГО ОТСУТСТВИЕ

Е.А. Балашова
КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга (Россия)

Аннотация. Отношение к событию становится одним из принципиальных жанрообразующих принципов современной идиллии. В статье намечается типология событийности/бессобытийности в современных идиллических произведениях. Поэзия XX-XXI вв. представлена текстами, которые, во-первых, принципиально асобытийны, в них нет и не может быть события; во-вторых, текстами, в которых «событие» из жизни героя находится за рамками рассказываемого, но на него делается акцент; в-третьих – текстами с событием, которое возможно в будущем (правда, применительно к идиллии это – гибель идиллического мира). Отдельно проанализируем «со-бытие» в значении событности в идиллических текстах.

Ключевые слова: стихотворная идиллия, событийность/бессобытийность, жанрообразующие признаки

MODERN LYRIC IDYLL: EVENT AND EVENTLESSNESS

E.A. Balashova
The Kaluga State University after K.E. Tsiolkovsky, Literature Chair

Annotation: The attitude to the event is one of the genre-forming principles of modern idyll. The article presents a scheduled typology of eventfulness / eventlessness in modern idyllic writings. Poetry of XX-XXI centuries has 3 forms of event presentation: 1) the presentation according to the principle of eventlessness 2) description of an "event" in the life of the hero that is cut out of the story, but is emphasized implicitly 3) description of possible events (i.e. the "collapse" of imagined idyllic world). The author also gives the analysis of the "co-existence" concept alongside with the event concept in the idyll texts.

Key words: idyll in literature, eventfulness, eventlessness, genre-making features

Очевидно, что родовая природа произведения не может быть индифферентной к событию. Как же быть с идиллией, которая имеет межродовую природу? Эпика предполагает, что событие уже состоялось. Эпическое произведение всегда строится на осмыслении события. И действительно, представляя судьбу героя, который изменился, поменяв привычный уклад жизни на идиллический (а событие – это всегда переход от одного дискретного состояния к другому, это всегда нарушение границ), предполагаем эпическое начало. В драме событие еще только должно состояться – и есть идиллические тексты, живущие ожиданием такого события. Выход к лирическому роду обеспечивает тот факт, что в большинстве случаев идиллия не предполагает пересечения границ (в ней никогда нет цепи событий). Возможно, прояснить вопрос поможет определение термина «событие» в науке о литературе.

Ю.М. Лотман событие определял двояко: как «пересечение запрещающей границы» [7, с. 282] и как «значимое отклонение от нормы» [7, с. 288], «нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя не должен был его иметь» [7, с. 286]. Н.Д. Тмарченко определяет событие широко, как «изменение в сюжетной ситуации в виде замены или преобразований условий для персонажа – в результате ли его собственной активности или "активности" обстоятельств» [10, с. 239-240]. Ему вторит В. Шмид: «Событие представляет собой особый тип изменения состояния, который... является фактическим и результативным» [18, с. 7].

По-видимому, классификация возможного событийного ряда зависит от господствующей картины мира (замечание Лотмана) и от норм, заданных жанром. Поэтому в идиллии станет важным не столько то, что герой не пересекает границу, сколько то, что он *переживает* ее.

Отношение к событию действительно станет одним из принципиальных жанрообразующих принципов. Поэзия XX-XXI вв. представлена текстами, которые, во-первых, принципиально асобытийны, в них нет и не может быть события; во-вторых, текстами, в которых «событие» из жизни героя «утоплено», находится за рамками рассказываемого, но на него делается акцент; в-третьих, текстами с событием, которое возможно в будущем (правда, применительно к идиллии это гибель идиллического мира). Перейдем к характеристике каждого из вариантов.

Вариант первый: события не было. Идиллический мир чреват не-событием. Очень предсказуемо, по шаблону свершается все в известную пору: сменяются времена года, соответственно времени года накрыт стол, соответственно этому же идут работы. Бытие идиллического мира по природе бессобытийно. Циклические изменения в природе, как правило, служат мотивацией жизни, в которой не нужно совершать событий. Здесь – хронотоп взаимных перетеканий, мир наблюдения, созерцания. В идиллии нет и не может быть временного прорыва, она не содержит изменения ситуации: идиллия вообще не обладает временной структурой. Событие и процессуальность, событие и ритуальность антиномичны. «Полевая эклога» И. Бродского тому доказательство:

Стрекоза задевает волну
и тотчас устремляется кверху,
отраженье пуская ко дну,
словно камень, колодцу в проверку,
чтобы им испытать глубину
и захлопнуть над воротом дверку.

Но нигде здесь не встретишь ведра,
ни тарелки, ни банки, ни склянки.
Пустота, ни избы, ни двора,
шум листвы, ни избы, ни землянки.
Сруб колодца почти до бедра,
неумолчно кричат коноплянки.

Остается возможность во тьму
на веревке с шахтерской корзиной,
через блок перекинув тесьму,

распростившись глазами с низиной,
опуститься в «бадь» самому
в глубину на полет стрекозиный.

Пядь за пядью веревка из рук
вверх уходит, а звезд и не видно.
Черный мох напозаает вокруг
на венцы, так что все они слитно
растворяются в сумраке вдруг,
меж собой разделенные скрытно.

Но до дна не достать; и темно.
Вот и новый порядок смещений:
приближается сверху окно.
Мимо тянущих сыростью щелей,
словно камень, уходит на дно
отражение русских качелей. [2, т. 1, с. 292-296].

Отсутствие движения, естественность течения природных процессов, бесконфликтность – вот что делало жанр, вот что было предназначено в качестве средства, снимающего напряжение в общественно конфликтных ситуациях.

Отметим, кстати, что И. Шайтанов указывал на возможные «пути» идиллии. Наряду с «замыканием в условность» (игрой), существовал путь «раздвигания условных границ с тем, чтобы вместить в их пределы элементы местного пейзажа и национального характера. Как довольно скоро оказалось, это был путь не просто опасный, но губительный для жанра, суть которого состояла в том, чтобы утаивать несчастья, выставляя лучшие стороны пастушеской жизни» [17, с. 63].

Вариант второй: событие было. В инварианте событие было невозможно. Однако современники сумели представить жанр через множество возникающих внутри него и подразумеваемых им противоположностей. Трансформация жанра в сегодняшнем его виде предполагает событие – за пределами фабулы. Отказ от прошлого – своеобразная экспозиция, необходимое условие для ровного, безмятежного (часто только уединенного, но не безмятежного – как в стихотворении «Вместо ответа» А. Яшина) существования.

Не затем я молчу,
Чтоб скрываться, –
В нашей жизни хочу
Разобраться...
Как пустынный в лесу,
Схимник,
Странник,
Ем грибы,
Пью росу,
Лечу раны...
Ни судить, ни винить
Нету силы.
Разве можно забыть
Все, что было?..

Отзовусь, как решу,
Пойму что-то.
А пока...
Не пишу.
Боль работой глушу
Да охотой.

В речке раков ловлю
И сорожек...
А тебя все люблю,
К сожаленью, люблю,
Люблю все же!..

Но теперь уж молю:
– Избавь, боже! [19, т. 1, с. 345-346].

Событие стало началом, толчком к сегодняшней идиллической жизни. Однажды свершенное качественное изменение состояния героя (серьезный проступок, несчастная любовь и т.д.) позволило ему (заставило его) уединиться, принять решение уйти от людей. При этом на интимные события жизни может только намекаться, все подробности остаются в тайне. Кстати, в отличие от элегии, где свобода выбора человека заранее ограничена провидением, в идиллии герой вправе сам решить, от чего отказаться.

Иногда идиллическим становится то существование, которого герой не «планировал», не выбирал сознательно. Может быть, и идиллическим оно становится только на поверхности, только по наименованию, а не по сути: без душевного равновесия идиллической такую жизнь вряд ли назовешь. Но, вольно или невольно, оказавшись наедине с природой, человек перенимает законы ее жизни, излечивается от душевных переживаний. Есть здесь некий момент родства с романтическим восприятием, а именно бегства из мира, в котором герой испытывал отчуждение, из цивилизованного мира в мир дикий, естественных отношений.

Идиллическая жизнь для современного циничного ума часто становится идеалом, за который обязательно (!) пришлось заплатить дорогую цену. У В. Бурича есть стихотворение с перечислением острых моментов частного счастья. И после какого же события они стали возможны?

Дуешь в волосы своего ребенка
Читаешь названия речных пароходов
Помогаешь высвободиться пчеле из варенья
Каким предательством ты купил все это?[1, с. 102].

События могут быть частного порядка, а могут быть эпохальные. И то, и другое событие (и общечеловеческое, эпохальное – как ни странно!) возможно в жизни идиллического героя. Однако события собственной жизни идиллическим человеком так лелеются, что и в условиях жизни даже в масштабах страны он умудряется сохранить частное пространство неприкосновенным для внешних сил.

Идиллический мир для современного человека – это уже не сказочная Аркадия или утопический сад. Обычный лес, находящийся рядом, может стать искомым счастливым пространством. Но в том-то и дело: событием станет пересечение и уже такой близкой границы! См. стихотворение А. Яшина «Все для человека»:

...А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
– До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто – муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок, –
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

Причина этого, скорее всего, в том, что идиллический человек не может пересечь границу по внешнему способу событийности, ему нужно событие пережить внутренне. Пересечение границы от мира обыденного к идиллическому должно быть обязательно стремительным. См. значимое название стихотворения М. Лапшина «Побег»:

Что мне люди? Ни друзей,
Ни жены, ни проку.
Сдать бы родину в музей,
Всю ее мороку.

Если в праздной нищете –
Жизни больше нету:
И года уже не те,
И не видно свету.

Не хозяин, не слуга,
Чем еще блесну я?
А пуцусь-ка я в бега,
В глухомань лесную!

Брошусь в хвою да в листву –
Рванный, бородастый.
Как отшельник заживу,
Только что не святой.

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья...
[19, т. 1, с. 301].

Прибредет верзила лось –
Я ему, краснея,
Выложу, как мне жилось,
Не жилось, вернее.

А когда, как сон-звезда,
Глянет Смерти око,
Мне не будет и тогда
В мире одиноко.

Волки с лисами придут –
Быстро и толково
Похоронят, отпоют
Друга дорогого.[12, с. 145].

Вариант третий: событие будет. Приведенный выше пример обнаруживает тяготение героя к поступку: именно пересечение границы приводит его к желаемому замкнутому природному пространству. Правда, чаще всего в идиллическом мире (обратим внимание: говорим об идиллическом мире, а не об идиллическом герое!) возможен только один вариант события – его (мира) гибель²⁸. Эта аксиома наложила печать на восприятие идиллического мира: если он (мир) и ожидается, то смерть все равно рядом. Пример – стихотворение М. Лапшина. То же соседство вдруг обретенного идиллического хронотопа и гибель человека (пока речь идет о гибели героя, а не о гибели идиллического мира) встречаются в «Пастухе» Д. Магулы [8, кн. 1, с. 155], в стихотворениях Б. Рыжего «Родная, мы будем жить здесь..» и «Нежная сказка для Ирины» (у него нам известны два идиллических текста, и в обоих присутствует этот мотив) – [13, с. 294; с. 346-348]. Почему у современника идиллический мир и гибель так настойчиво рифмуются? Идиллический мир как нельзя лучше приспособлен к воплощению идеала, который всегда губителен. Кроме того, ожидаемая гибель возможна оттого, что бессобытийность провоцирует событие: хорошее чревато ожиданием несчастья.

Дает толчок к будущему событию «Эклога 4-я (зимняя)» И. Бродского. Бессобытийность существует на фоне ожидания близящегося конца:

В определенном возрасте время года
совпадает с судьбой. Их роман недолог,
но в такие дни вы чувствуете: вы правы...
Зубы, устав от чечетки стужи,
не стучат от страха. И голос Музы
звучит как сдержанный, частный голос.
Так родится эклога. Взамен светила
загорается лампа: кириллица, грешным делом,
разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли,
знает больше, чем та сивилла,
о грядущем. О том, как чернеть на белом,
покуда белое есть, и после. [2, т. 3, с. 13-18].

До этой эклог под номерами у Бродского не было, поэтому естественно предположить, что название стихотворения отсылает к знаменитой 4-ой эклоге из «Буколик» Вергилия. Эпиграф к стихотворению тоже взят из Вергилия: «*Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской, / Сызнова ныне времен зачинается строй величавый*». О. Глазунова отмечает, что в контексте стихотворения Бродского мысль римского поэта приобретает иной смысл: у Вергилия с «последним кругом» связывается пророчество о наступлении «золотого века» на земле, в «Эклоге 4-й (зимней)» значение этого образа имеет «зловещий оттенок, символизируя оледенение всех чувств, конец жизненного пути и переход к смерти» [3, с. 230].

Вариант четвертый: со-бытиё. На одно из утраченных значений слова «событие» указывает словарь В. Даля: «событность – кого с кем, чего с чем – пребывание вместе и в одно время; событность происшествий, совместность по времени, современность». «Событчик» мой – где-либо бывший со мной вместе, в одно время, сосвидетель» [5, с. 253]. Здесь отмечен семантический оттенок, связанный с присутствием приставки «со-». Это значение как нельзя кстати именно для идиллии:

Что со мной?.. Ручаюсь головою,
Что-то вдруг со мной произошло.
Заново люблю я все живое,
Все, в чем свет сияет и тепло.

Вот я в лес вхожу – задел осинку,
Как бы зря не сбить с нее листа!
Как бы не смахнуть с травы росинку –
Так она немислимо чиста!

По своей протоптанной дороге

²⁸ Прочитав ставшую хрестоматийной фразу Е. Хаева: «Можно сказать, что единственное событие, возможное в идиллическом мире, – его гибель» [16, с. 109].

Муравьишка трудно тащит тлю.
Стои! Куда ты лезешь мне под ноги,
Я ж тебя случайно раздавлю!

А моя любовь и страсть – рыбалка!..
Вот он, окунь, у меня в руках.
Мне же его и в воду бросить жалко.
И в мешок не опущу никак.

Глаз косит, навеки увядая,
Бьется тело, чувствуя беду...
Или я
В сентиментальность вдруг впадаю
На своем сороковом году?[14, с. 121].

Примеры событийности дают стихотворения «Я встретил стрекозу...» Р. Солнцева [12, с. 118], «В сторожке на даче...» А. Твардовского [15, т. 3, с. 21], «Вечером» В. Юнгера [9, с. 352], «За пустырем, за желтым донником...» Н. Ягодинцевой [12, с. 348], «Во ржи» Г. Голохвастова [4, с. 149], «Конаково» Е. Пашанова [1, с. 444], «Я построю дом своим ближним...» А. Птицына [11, с. 11] и др.

Один из вариантов необычной «событности» представлен Ю. Верховским, человеком с репутацией «Дельвига XX века» [6, с. 15]. В своих образцах пасторали не возлюбленная (пастушка), а муза любовной поэзии Эрато дарит герою вдохновение, напоив его из источника на горе Геликон (идиллия «У ручья»). Интерес к событию в идиллическом тексте тянет за собой еще много вопросов, так, например, наличие/отсутствие события выводит, во-первых, на вопрос о родовой природе идиллии; во-вторых, на субъектную организацию текста (событие, о котором рассказывается, и событие рассказывания), ведь факт отсутствия события может по-разному трактоваться: с точки зрения наблюдающего и с точки зрения героя, и тогда справедливо говорить о внешнем и внутреннем (соответственно) событии; в-третьих, на специфическое наполнение хронотопа идиллии, а именно ее а) вневременной характер, а также б) на цикличность идиллического времени.

Список литературы

1. Антология русского верлибра. 360 авторов. М., 1991.
2. Бродский И.А. Сочинения: в 4-х тт. СПб., 1992.
3. Глазунова О.И. Мотивы оледенения и конца жизненного пути в поэзии И. Бродского 80-х годов // Русская литература, 2005. № 1.
4. Голохвастов Г.В. Гибель Атлантиды: Стихотворения. Поэма. М., 2008.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М., 1991.
6. Звонова С.А. Творчество Верховского в историко-культурном контексте первой трети XX века. Автореф. канд. дис. Пермь, 2006.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970.
8. «Мы жили тогда на планете другой...»: Антология поэзии русского зарубежья: в 4-х т. Кн. 1. Первая и вторая волна. 1920-1990 гг. М., 1995.
9. От символистов до обэриутов. Поэзия русского модернизма. Антология: в 2 книгах. М., 2001-2002.
10. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008.
11. Птицын А.А. Поэзия ЗаЗемелья: сборник стихов. Киев, 1999.
12. Русская поэзия. XXI век. Антология. М., 2010.
13. Рыжий Б.Б. Оправдание жизни. Екатеринбург, 2004.
14. Старшинов Н. Мое время. М., 1984.
15. Твардовский А.Т. Собр. соч.: в 6 т. Стихотворения (1940-1945). М., 1977.
16. Хаев Е.С. Идиллические мотивы в произведениях А.С. Пушкина рубежа 20-30-х гг. // Болдинские чтения. Горький, 1984.
17. Шайтанов И.О. Мыслящая муза. «Открытие природы» в поэзии 18 века. М., 1989.
18. Шмид В. Событийность, субъект и контекст // Событие и событийность: Сборник статей. М., 2010.
19. Яшин А.Я. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Стихотворения, поэмы. М., 1984.

ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

Н.А.Басиляя, М.Д. Алексидзе

ТГУ им. И. Джавахишвили, Тбилиси (Грузия)

Аннотация: Сложнейшая задача осуществления межкультурной коммуникации по-разному решается в переводах с грузинского на русский язык великих эпических поэм - «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре») Шота Руставели (XII век) и «Гоготур и Апшина» (1886 г.) Важа Пшавела. В данной статье рассматривается совокупность достаточно сложных задач, которые каждый из переводчиков решал сообразно своей концепции и сопутствующим обстоятельствам, стратегии и тактики, выбранные переводчиками великих поэм, обстоятельства, способствовавшие или, напротив, мешавшие точности перевода.

Ключевые слова: Поэтический перевод, межкультурная коммуникация, «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели (XII век), «Гоготур и Апшина» (1886 г.) Важа Пшавела.

POETIC TRANSLATION PROBLEMS

Abstract: The most difficult task of intercultural communication is address in two different ways in the translations of two Georgian epic poems: Shota Rustaveli's *The Knight in the Tiger's Skin* and Vazha Pshavela's *Gogotur and Apshina*. The present article analyzes the methodology that individual translators apply to address the complex challenges presented by the nature of the two texts, both their own theoretical frameworks and specific circumstances. The article also analyses the strategies and tactics that the translators chose, also the circumstances that secured or, on the contrary, undermined the accuracy of the translations.

Keywords: Poetic translation, Intercultural communications, Shota Rustaveli's *Knight in the Tiger's Skin* (XII c.), Vazha Pshavela's *Gogotur and Apshina* (1886 y.).

Сложнейшая задача осуществления межкультурной коммуникации посредством «двойного послания» по-разному решается в переводах с грузинского на русский язык великих эпических поэм - «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре») Шота Руставели (XII век) и «Гоготур и Апшина» (1886 г.) Важа Пшавела. Знаменитые мастера художественного слова оставили пять полных переводов «Вепхисткаосани» (К. Бальмонт – 1933 г., Г. Цагарели – 1937 г., П. Петренко – 1938 г., Ш. Нуцубидзе – 1941 г., Н. Заболоцкий – 1958 г.) и три перевода поэмы «Гоготур и Апшина» (О. Мандельштам – 1923 г., М. Цветаева – 1940 г., Н. Заболоцкий – 1950 г.). Несмотря на то, что на русский язык название эпической поэмы «Вепхисткаосани» было по-разному переведено на русский язык, межкультурная коммуникация состоялась: великие грузинские поэтические тексты, с разной степенью адекватности или свободы интерпретации, давно стали фактом литератур разных народов.

Разные переводы эпических поэм Руставели и Важа Пшавела отражают совокупность достаточно сложных задач, которые каждый из переводчиков решал сообразно своей концепции и сопутствующим обстоятельствам.

1. *Обе поэмы написаны на языке, значительно отличающемся от его современного варианта.*

«Многие из поэтов пытались передать на своем языке поэму Руставели "Витязь в барсовой шкуре". Есть и полные переводы на русский язык... Но ни один из русских переводов не может вполне удовлетворить взыскательного читателя» [1, с. 260]. Это и неудивительно, в силу разного менталитета говорящих не только на разных, но на разнотемных языках. Именно этот вопрос волновал Бальмонта, когда он писал о разном восприятии звучания чужого языка для людей, воспринимающих на слух чужую речь [2, с. 507].

«Витязь в тигровой шкуре» написан на старогрузинском языке, лексика которого даже для носителей грузинского языка нуждается в комментариях. Грузинские лингвисты установили, что в языке «Вепхисткаосани»

наличествуют: 1) «лишние» слова, не имеющие аналогов в современном грузинском языке; 2) отличающееся от современного склонение и употребление указательных местоимений; 3) форма повелительного наклонения, которая во втором лице повторяет форму условного наклонения; 4) согласование глагола в числе с именем в дательном падеже; 5) согласование глагола в числе с именем в именительном падеже; 6) суффикс со значением мн. ч. в глаголах, имеющих прямое дополнение; 7) фиксация третьего лица мн. ч. в непереходных глаголах; 8) присутствие префикса не только в глаголах прошедшего времени, как в современном грузинском языке, но и в глаголах настоящего времени; 9) частица – *тса*, имевшая во времена Руставели большое количество функций; 10) употребление форм условного наклонения в значении изъявительного [6, с.3-8]. Поэма Важа Пшавела «Гоготур и Апшина» написана на литературном грузинском языке, в который вплетена пшавская диалектная лексика, отражающая характерные черты быта горцев, их разнообразные обычаи и идейные устремления. Некоторые издания поэм Руставели и Пшавела, характеризующихся определенной осложненностью языковой формы, часто включают в себя языковедческий комментарий, призванный способствовать их адекватному пониманию современным грузинским читателем. Несовпадение, принципиальное различие в мелодике, интонировании, сочетании звуков в словах, обозначающих одно и то же понятие в неродственных языках, создают определенный «шум», мешающий взыскательному читателю воспринять перевод известного ему поэтического текста на русский (и не только русский) язык как адекватный.

2. Знание грузинского языка.

Существует два мнения о том, нужно ли переводчику знать язык, на котором выполнено переводимое произведение. Ш. Нуцубидзе и Г. Цагарели блестяще владели и русским, и грузинским языками, поэтому, очевидно, их перевод «Витязя в тигровой шкуре» на русский язык признан близким к оригиналу и выдержанным в руставелиевском стиле. Н. Заболоцкий мог читать по-грузински, владел грузинским письмом и знал на память целые строфы «Витязя в тигровой шкуре».

Практика усвоения на слух звучания чужой речи достаточно широко распространена среди переводчиков. При переводе поэт не довольствуется только подстрочником. О. Мандельштам просил грузинских поэтов читать стихотворение на их родном языке, усваивая ритм, их музыкальное звучание. Он «... грузинские стихи ... слушал как музыку, просил при этом читать помедленней, выделяя мелодию ... и не всегда даже расспрашивал о содержании. Звучание некоторых стихов так его очаровывало, что он старался заучить их, подбирая к непривычным для русского слова звукам довольно близкие русские фонетические эквиваленты» [7]. У М. Цветаевой не было общения с носителями грузинского языка.

3. Выбор стратегии перевода.

Вечная проблема выбора между точностью и вольностью поэтического перевода неоднократно была темой жарких дискуссий. Poleмические заголовки статей, опубликованных в шестидесятые годы прошлого века, выявляют противоположные взгляды критиков на требования к переводу. Трудно вывести четкую шкалу градации от перевода к переложению, перепеву, интерпретации, свободному переводу, созданию на тему, подражанию, на крайних точках которой будут точность, с одной стороны, и вольность, с другой.

Бальмонт называл свой перевод поэмы Руставели «перепевом». Он не придерживался точного размера поэмы, оговариваясь: «Я перевожу поэму Руставели размером подлинника». О. Мандельштам отказался от гладкописи и легкости перевода ради высокого косноязычия, затрудненности, которые сохраняют «исполнительский порыв» подлинника [3, 2011]. Н. Заболоцкий считал, что «успех перевода зависит от того, насколько точно переводчик сочтет меру точности с мерой естественности»... [4, с. 26]. М. Цветаева «работала так, словно бы писала свою оригинальную поэму» [8, с. 147]. Она утверждала, что «без творческого «влива» переводчика перевод «может оказаться мертвым, да и вообще без него хорошего перевода не бывает» [8, с. 148].

Точность передачи многоплановых смысловых эффектов поэмы Важа Пшавела корифеями русской поэзии Осипом Мандельштамом, Мариной Цветаевой и Николаем Заболоцким достигается яркой спецификой в выборе языковых стратегий и авторских приемов, смелыми переводческими решениями, предусматривающими “жертвы” эквивалентности на низких уровнях с целью обретения эквивалентности на высших. Н. Заболоцкий свою версию перевода поэмы Важа Пшавела на русский язык сознательно решает в присущей ему творческой манере. В письме к Симону Чиковани от 13 марта 1949 года он писал: «Вы говорите, что в этой книге присутствую я, – правда Ваша, но правда и то, что у меня с этим поэтом много точек соприкосновения: та часть, которой я присутствую в этой книге, входит в поэзию Важа Пшавела не по моему произволу, но потому что она – и его часть» [10, с.7].

4. Роль подстрочника в работе над поэтическим переводом.

Не все переводчики поэмы Руставели пользовались подстрочником. По свидетельству К. Бальмонта, он взял за основу для перевода на русский язык английский перевод Марджори Скотт Уордропп, и название в его интерпретации звучало как «Носящий барсову шкуру». Для Г. Цагарели и Ш. Нуцубидзе, блестяще владевшими и грузинским, и русским языками, не нужен был подстрочник. Переводчики поэмы Руставели «Вепхисткаосани» на русский язык обращались к выполненному в 1930 году известным руствелологом и переводчиком С. Г. Иорданишвили (1898-1953) подстрочнику в машинописи, пока он не был издан в 1966 году.

Для перевода поэмы Пшавела «Гоготур и Апшина» О. Мандельштам руководствовался русским подстрочником, подготовленным грузинскими поэтами Т. Табидзе и П. Яшвили; М. Цветаева, согласно строкам из ее письма, «всю зиму – каждый день – переводила грузин – огромные глыбы неисповедимых подстрочников» [9, с. 48]. Не имея возможности воспринять на слух звучание грузинской речи, М. Цветаева была вынуждена довольствоваться грузинскими подстрочниками поэм, которые, по свидетельству ее дочери Ариадны Эфрон, «мало вдохновляли Цветаеву» [8, с. 146]. Подстрочник поэмы был не всегда понятен М. Цветаевой, поскольку он вводил ее в иную культурную среду, описывал поступки героев, не вписывающиеся в ее систему ценностей. С явным недоумением она пишет: «Когда Гоготур... раскаивается — он *долго* бьет себя по голове пестом (медным). Как такое передать в одной строке?? (Подстрочник: «Раскаившись, он *долго* бил себя по голове пестом»...)» [8, с. 147].

5. Отношение к автору переводимого текста.

О. Мандельштам называл поэта Важа Пшавела «явлением современного грузинского искусства, представляющим европейскую ценность» [5, с. 23]. Обращение Н. Заболоцкого к поэме Важа Пшавела было обусловлено ощущением ее близости каким-либо особенностям его собственного творчества. М. Цветаева не воспринимала Важа Пшавела как большого поэта. Эти и другие обстоятельства обусловили большую близость к источнику переводов О. Мандельштама и Н. Заболоцкого.

6. Знакомство с Грузией и дружба с грузинскими поэтами, от которых можно было получить достоверную информацию о поэме и ее авторе.

Н. Заболоцкий был во всех уголках Грузии, в том числе, и там, где происходит действие поэмы. Поэт С. Чиковани еще в довоенное время познакомил Н. Заболоцкого с историей и культурой Грузии и привлек его внимание к ее литературе. Грузинские поэты Н. Мицишвили, Т. Табидзе, П. Яшвили, В. Гаприндашвили и другие встречались и переписывались с Н. Заболоцким и О. Мандельштамом. П. Петренко, переводивший «Витязя в тигровой шкуре», сотрудничал с грузинским руствелологом, поэтом и переводчиком Константином Чичинадзе. О. Мандельштам читал свои стихи на вечерах поэтов в Батуми и в Тбилиси, именно в Батуми он переводил поэму Важа Пшавела «Гоготур и Апшина». М. Цветаева не бывала в Грузии.

7. Влияние грузинских переводов на творчество русских писателей.

В собственных стихах О. Мандельштама и Н. Заболоцкого исследователи находят отражение фонетического строя грузинской поэзии, интонацию и метафоричность В. Пшавела. Так, песня Важа Пшавела «Почему я создан человеком» очень родственна таким стихам Н. Заболоцкого, как «Метаморфозы» и «Завещание». С. Чиковани назвал Заболоцкого «не только бережным ценителем, но и по существу своеобразным деятелем грузинской культуры» [10, с. 4]. Знакомство с Грузией находит отклик в творчестве О. Мандельштама, как в образе пира жизни, так и в эпической

незыблемости противостояния добра со злом: «Кому зима - арак и пунш голубоглазый» (1922), «За гремучую доблесть грядущих веков» (1931).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Антокольский П.** О переводах «Витязя в тигровой шкуре на русский язык» // Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет, М, 1956. - 450 с.
2. **Бальмонт К.** Великие итальянцы и Руставели // **Бальмонт К.**, «Носящий барсову шкуру» (грузинская поэма XII в.), М., 1917, Париж, 1933. – 579 с. URL: <http://balmont.lit-info.ru/balmont/stihi/shota-rustaveli/vityaz-kommentarii.htm>
3. **Багратион-Мухранили И.** (2011): *Мандельштам и Кавказ.* URL: http://burdonov.ru/Podval1/Vaginov_premium/2010/esse/Irina_Bagratiion_Muhraneli/text.doc
4. **Заболоцкий Н.** Заметки переводчика. // Заболоцкий Н. Поэтические переводы в трех томах. Том 1. Грузинская классическая поэзия. М., 2005, Терра – книжный клуб. Серия: мастера перевода. - 448 с.
5. **Мандельштам О.** Кое-что о грузинском искусстве(1922). // Мандельштам О. Э. Собрание сочинений в 2-х т. Том 2. М., 1990, с. 260-263.
6. **Натадзе Н.** Язык «Вепхисткаосани» // Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси: Ганатлеба, 1974. – 551 с. (на груз.яз.)
7. **Нерлер П.** (2005): «Мне Тифлис горбатый снится». *Осип Мандельштам и Грузия. // Заметки по еврейской истории. Интернет-журнал еврейской истории, традиции, культуры. №12 (61), декабрь 2005 года.* http://www.rvb.ru/mandelstam/slovo_i_kultura/02comm/17.htm
8. **Саакянц А.** (1999): Марина Цветаева. Жизнь и творчество, М., Эллис Лак, 1999. - 816 с.
9. **Цветаева М.** Собрание сочинений в семи томах. Том седьмой. М.: Эллис Лак, 1997. – 638 с.
10. **Чиковани С.** Верный друг грузинской поэзии // «Литературная Грузия», №6, 24-28.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н.В. Баско

МГУ, Москва (Россия)

Кафедра русского языка для иностранных учащихся МГУ

им. М.В. Ломоносова

Аннотация :В статье рассматриваются основные направления развития современного русского языка, такие как: а) языковая глобализация; б) демократизация языка; в) экономия языковых средств; г) интолерантность в речевом общении. В качестве иллюстративных примеров в статье приводятся новые русские слова, которые появились и стали употребительными в последние два десятилетия.

Ключевые слова: словарь, лексика, языковое общение, языковая глобализация, демократизация языка, экономия языковых средств, интолерантность.

MAIN TRENDS IN THE EVOLUTION OF RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN TIMES

Abstract:In this article the main trends in the evolution of contemporary Russian language are considered, such as (i) globalization of language, (ii) democratization of language, (iii) economy of language possibilities, (iiii) intolerance in communication. As illustrative examples, a number of new Russian words are discussed that have emerged and became widely used in the last two decades.

Key words: vocabulary, lexicon, language communication, globalization of language, democratization of language, economy of language possibilities, intolerance in communication.

Основные тенденции развития русского языка на современном этапе (начало XXI века) связаны с развитием мирового научно-технического прогресса и с изменениями в самой России: распадом Советского Союза, общественно-политическими и экономическими реформами в стране.

Можно отметить следующие тенденции развития русского языка:

1. «Языковая глобализация». Термин «языковая глобализация» означает процесс взаимопроникновения языков в условиях глобализации. «Языковая глобализация» находит выражение, прежде всего, в широком распространении английского языка, в проникновении в русскую речь – англицизм. Этому способствует объективная необходимость введения в русский язык английских слов для обозначения новых реалий в политической, экономической и научно-технической сферах: *спикер, саммит, истэблшмент, амбуцмэн, маркетинг, менеджмент, дилер, айпад, айфон, сайт, блогер, онлайн, офлайн, спам* и др.

По мнению одних учёных-русистов, новые лексические заимствования признаются объективно необходимыми и вполне оправданными, поскольку они используются в качестве наименований понятий, новых для россиян.

Другие лингвисты обеспокоены потоком заимствований из английского языка, поскольку они проникают не только в экономическую, политическую и научно-техническую сферы, но и в обиходно-бытовой разговорный язык: *бизнес-ланч, офис, месседж, фэшн, экшен, креатив* и др.

«Языковая глобализация» проявляется также в возрастающем влиянии языка СМИ на общелитературный русский язык. В наше стремительное время именно телевидение, радио, пресса имеют возможность максимально быстро отражать политические и социальные изменения в обществе, смену культурных ценностей и ориентиров. Средства массовой информации играют важную роль в конструировании социальной реальности, в формировании образа политиков и целых стран, их имиджа.

«Языковая глобализация» проявляется в возрастающем влиянии языка Интернета и социальных сетей на общелитературный русский язык. Сетевая коммуникация создаёт новые возможности для устного и письменного общения. Происходит смещение акцентов с реального общения на общение в виртуальном пространстве. Это

вызвало появление Интернет-сообществ и, соответственно, Интернет-языков (социолектов), обладающих особой лексической базой с особыми парадигматикой и фразеологией.

Влияние компьютерного языка (социолектов) на общелитературный русский язык проявляется: а) во вхождении слов компьютерного языка в разряд общелитературной лексики (*месседж, сайт, e-мэйл, рунет, трафик, хакер, юзер*); б) в образовании новых производных слов на базе компьютерных терминов: *чатиться* (от *чат*), *спамить* «заниматься распространением спама» (от *спам*), *залогиниться* (от *логин*); в) в семантическом переосмыслении стилистически нейтральных слов общелитературного языка в новой сфере компьютерной лексики: *взломщик* (сети), *скачать* (текст), *сбросить* (текст на флэшку); г) во влиянии особого, упрощённого синтаксиса и «особой» орфографии компьютерного языка на речь молодёжи.

2. Демократизация языка. Демократизация языка проявляется в активном использовании разговорной по стилю лексики и фразеологии, традиционно характерной для обиходно-бытовой сферы общения в социально-политической сфере общения: в информационных сообщениях российских СМИ, в публичных выступлениях политиков и общественных деятелей, в статьях на социально-политические темы и в других жанрах письменной речи. Ср.: *социалка* (социальная сфера), *оборонка* (оборонная промышленность), *пиарить* проект, политическая *тусовка, разборки* (между кланами) и др.

Демократизация языка проявляется в образовании новых, разговорных по стилю, производных слов на базе английских заимствований с помощью словообразовательных средств русского языка: *пиарить, спамить, тролить, СМСка, флэшка, мобильник, сидюшник*. Так новая заимствованная лексика органично вливается в общий массив русской лексики, обрастая производными.

Демократизация языка проявляется и в изменении норм современного русского литературного языка в направлении демократизации, во введении новых вариантов (равноправных или допустимых), которые характерны для речи большинства современных образованных носителей русского языка. Ср.: *маркЕтинг* и *мАркетинг*, *одноврЕменно* и *одновремЕнно*, *фенОмен* и *феномЕн*, *договОр* и *дОговор*, *включИт* и *вклЮчит*, употребление слова *кофе* в мужском роде и в разговоре в среднем, свободные правила переноса слов.

Усиление влияния разговорного стиля тесно связано с проблемой культуры речи. Наблюдается вымирание элитарного типа речевой культуры, который заменяется фамильярно-разговорным типом, более того, он становится модным благодаря активному употреблению в СМИ.

3. Вульгаризация русского языка. Вульгаризация языка выражается в широком проникновении в общелитературный язык стилистически-сниженной, жаргонной и арготической лексики. Она используется в речи политиками и журналистами, присутствует в современных СМИ, в рекламных объявлениях, в литературных произведениях, в телесериалах и радиопередачах: *мент, лох, бардак, беспредел* и др. Нередко слово в общеязыковом значении начинает употребляться одновременно и в жаргонном значении. Например: *разборки* «выяснения отношений», *мочить* «убивать», *наезд* «критика, конфликт», *кинуть* «обмануть, украсть деньги», *крыша* «учреждение, легально прикрывающее незаконный бизнес».

Лингвисты и культурологи оценивают тенденцию вульгаризации русской речи как опасное социальное явление. Если раньше такие слова воспринимались как оскорбляющие слух окружающих людей, то сейчас они воспринимаются как обычные, разговорные слова. Снижение общего культурного уровня россиян проявляется в речи, и жаргонизмы становятся лингвистической характеристикой современного российского общества.

4. Экономия языковых средств. Экономия языковых средств – один из основных, универсальных законов языковой динамики, проявляющийся в поиске более экономичной, краткой, компактной формы высказывания.

Тенденция экономии языковых средств выражается: а) В активном употреблении новых аббревиатур, сокращённых названий: *ТЦ* (торговый центр), *ГИБДД* (государственная инспекция безопасности дорожного движения), *ЕРЦ* (единый расчётный центр), *СК* (Следственный Комитет); б) В образовании слов с помощью суффикса -к(а) на основе атрибутивных словосочетаний: *социалка* (социальная сфера), *нефтянка* (нефтяная промышленность), *коммуналка* (коммунальная система); в) В образовании новых слов путём усечения конца слова:

объява от *объявление*, *профи* от *профессионал*, *коммент* от *комментарий*, *мерс* от *мерседес*; 2) В предпочтительном использовании компактных заимствованных слов вместо длинных русских наименований: *уикенд* вместо *выходные дни*, *имиджмейкер* вместо *создатель имиджа*, *гастарбайтер* вместо *рабочий-иммигрант*, *принтер* вместо *печатающее устройство*. В эпоху ускорения научно-технического прогресса и ритма жизни компрессия языковых средств неизбежна.

5. Возрастающая интолерантность и агрессия в речевом общении. В наше время речевое общение носителей русского языка характеризуется повышенной напряжённостью между участниками коммуникации, речевой агрессией, отсутствием толерантности. В лингвистике интолерантность рассматривается как культура неприятия другого, речевая агрессия, выраженная языковыми средствами. Проявление агрессии в различных сферах коммуникации называют «дискурс борьбы», «конфликтный дискурс». Эта проблема активно разрабатывается в социо- и психолингвистике, поскольку агрессивность всё чаще становится составляющим элементом речевого общения. Лингвисты анализируют толерантность как коммуникативный феномен и рассматривают её в связи с проблемами политкорректности языка и культуры речи.

Интолерантные формы общения проявляются в различных обиходно-бытовых ситуациях, а также в языке СМИ, где особые языковые средства используются как инструмент политической борьбы для дискредитации политических конкурентов. Интолерантность выражается с помощью активного использования стилистически сниженной, жаргонной и даже ненормативной лексики, – всего того, что снижает культурный статус личности оппонента и формирует к нему неприязнь. Профессор Л.П. Крысин, исследующий эту проблему, отметил факторы, влияющие на толерантность в речевом общении: общность языкового кода, общность фоновых знаний, принадлежность к одной социальной группе, равенство социальных ролей и др.

Указанные выше тенденции развития русского языка тесно взаимосвязаны друг с другом, взаимно пересекаются. Так, тенденция «языковой глобализации» связана с тенденцией экономии языковых средств, а тенденции демократизации и вульгаризации языка связаны с тенденцией интолерантности.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что современный русский литературный язык упрощается, огрубляется, становится более «прагматичным» и менее поэтичным, что в полной мере отражает наше стремительное время. Происходит снижение уровня общей речевой культуры российского населения, доминирующим становится фамильярно-разговорный тип общения.

ЛИТЕРАТУРА

- Агрессия в языке и речи. Сб. науч. статей. М., РГГУ, 2004.
- Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.
- Крысин Л.П. Толерантность как фактор в речевом общении. В сб. Доклады V Межд. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация», Варшава, 2012, с. 55-59.
- Минасян С.М. Проблема культуры речи в средствах массовой информации. В сб. Доклады V Межд. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет», Варшава, 2012, с. 127-130.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОРТРЕТ УЧИТЕЛЯ-БИЛИНГВА: ОСНОВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Э.А. Баятян
АГПУ им. Х. Абовяна, Ереван (Армения)

В статье рассмотрены основные составляющие коммуникативного портрета учителя-билингва, подчеркивается необходимость специальной профессиональной подготовки учителя-билингва в педагогическом вузе.

Ключевые слова: учитель-билингв, языковая личность, речевая личность, коммуникативный портрет, профессиональная речь.

COMMUNICATIVE PERSONALITY OF THE BILINGUAL TEACHER: MAIN CHARACTERISTICS

In the paper the main components of the bilingual teacher's communicative personality are considered and the significance of specialized professional training of bilingual teachers in the pedagogical university is emphasized.

Keywords: bilingual teacher, language personality, speech personality, communicative personality, professional speech

В XXI веке би- и полилингвальное образование – это неизбежное общественное явление, неотъемлемый элемент развития цивилизации, позволяющее обеспечить непрерывное, обогащающее, развивающее, плюралистическое обучение. Многоаспектность явления двуязычия и многоязычия повлияла на то, что в методической литературе по этой проблеме появилось множество самых противоречивых дефиниций самого понятия «билингвизм», глоссариев терминов *коммуникативного* (выделено нами) полилингвального обучения. Именно коммуникативность обучения, поиски путей реализации компетентностного подхода находятся в центре внимания современной методики РКИ и РКН. Взятый на вооружение методикой РКИ коммуникативный метод обучения, а в Армении коммуникативно-сопоставительный метод в последние 2-3 года подвергается переосмыслению, наполняются новым содержанием: вместо «языкового обучения» – «межкультурное образование» [1, с.43-44], от коммуникативности, прагматического технократизма – к диалогу культур, к диалогическому антропоцентризму [2, с.32-33], от текста – к «метасмыслу в дискурсе – имплицитность, лакунология, культурология» [4, с.25]. Соответственно видоизменяется и расширяется понятие *коммуникативный портрет учителя-билингва*.

Нельзя сказать, что сама по себе проблема профессионального портрета преподавателя РКИ не привлекала внимания исследователей. Но только в последние десятилетия в основе ее изучения лежит коммуникативно-ориентированная модель обучения языку. Рассмотрению различных аспектов данной проблемы посвящены работы Л.А. Вербицкой, В.Г. Костомарова, О.Д. Митрофановой, Н.В. Кузьминой, А.А. Акишиной, Т.М. Балыхиной, В.В. Молчановского, Г.И. Рожковой, Б.М. Есаджанян, Т.А. Ладыженской, П.Г. Чеботарева, К.И. Саломатова и др. Приходится констатировать, что малоизученными остаются вопросы по подготовке коммуникативно компетентного *учителя-билингва* (выделено нами).

В данной статье рассмотрены наиболее значимые характеристики коммуникативного портрета учителя-билингва.

Языковая личность учителя-билингва. Уникальность языковой личности учителя-билингва

- в ее многогранности, в двуязычности языкового сознания;
- в широком использовании вербальных и невербальных средств;
- в интеграции двух языковых систем, владении ими на координативном и субординативном уровнях, в способности беспрепятственно переключаться с одного языка на другой;
- в интеграции психологических, социокультурных, культурологических, когнитивных, этнических, прагматических и других компонентов в язык, дискурс;
- в умении оперировать при обучении универсальными терминами, грамматическими категориями;

- в способности усваивать языковой материал на уровне значений и смыслов, овладевая концептами разных культурных миров;
- в умении преодолевать языковую интерференцию, отбирать языковой материал на основе внешнего и, что особенно важно, внутреннего сопоставления;
- во владении различными формами речевого поведения в различных ситуациях и сферах общения, в педагогическом дискурсе.

Речевая личность учителя-билингва. «Если языковая личность – это парадигма речевых личностей, то речевая личность – языковая личность в парадигме реального общения» [3, с.59], обладающая способностью осуществлять речевую деятельность. Это личность, владеющая развитым языковым и речевым вкусом, элитарным типом речевой культуры. Знание законов родного и преподаваемого языков, их уровней и ярусов, особенностей функционирования помогает учителю-билингву правильно, с учетом богатых стилистических возможностей языка построить профессионально-педагогический диалог, свою профессиональную речь.

К сожалению, приходится констатировать, что в настоящее время многие учителя-билингвы небрежно относятся к собственной речи, их речи присущи немотивированные заимствования, клише, злоупотребление аббревиатурами, нарушения норм речевого этикета и языковой нормы, затруднения в выборе речевых регистров и способов аргументации, что может привести к речевому конфликту.

Профессиональная речь учителя-билингва должна быть образцовой во всех видах речевой деятельности, служить реализации триединой цели занятия: обучающей, развивающей, воспитательной, а также информационной и организационной. Поэтому задачи овладения системой знаний о речи, повышения речевой культуры, изучения особенностей речевого поведения преподавателя должны оставаться в центре внимания работников образования и рассматриваться в тесной связи с такими категориями, как лингводидактический дискурс, культура педагогического общения.

Коммуникативная личность учителя-билингва. Языковая и речевая личность учителя-билингва составляют фундамент коммуникативной личности учителя-билингва, способной участвовать в реальной коммуникации с учетом социокультурных особенностей коммуникативного акта, ситуации общения, фактора адресата, коммуникативных способностей и отношений, умеющей выбирать коммуникативно значимые стратегии и тактики, приемы речевого воздействия и речевого поведения. Учитель-билингв является носителем не только двух языковых систем, но и разных национальных культур, посредником в диалоге культур, вынужденным преодолевать национально-культурные стереотипы в сознании учащихся. При этом у него должна быть хорошо развита социальная перцепция, методическая рефлексия, способность учитывать стремления собеседника и адекватно реагировать на ситуацию общения, коммуникативная гибкость, т.е. качества, необходимые для организации эффективного педагогического общения и характерные для всех трех уровней коммуникативной личности: ценностного, мотивационного и прагматического.

Активно общаясь на двух языках, учитель-билингв и в своем речевом поведении использует речевые жанры двух культур, постепенно вырабатывая собственный индивидуальный стиль речевого поведения и накапливая коммуникативный потенциал. Профессиональная деятельность учителя-билингва ориентирована на обеспечение межкультурного образования, построение коммуникативных программ, бикультурное и билингвальное развитие учащихся.

В процессе речевого поведения учителя-билингва межкультурные формы двух языков вступают во взаимодействие, происходит их взаимообогащение и интеграция коммуникативных умений межкультурного диалога в процесс обучения.

Таким образом, основные слагаемые профессионально ориентированного коммуникативного портрета учителя-билингва – это языковая, речевая и коммуникативная личности, каждая с присущими ей особенностями, отражающими коммуникативную культуру педагога, его личностно-психологические и профессиональные качества,

знание правил вербального и невербального поведения и общения в полилингвальной среде, владение гуманитарными технологиями.

Список литературы

1. Бердичевский А. Л. Что, как и почему в межкультурном образовании // Русский язык за рубежом. 2007. № 6. С. 43 – 46.
2. Пассов Е. И. Коммуникативность: прошлое, настоящее, будущее // Русский язык за рубежом. 2010. № 5. С. 26 – 35.
3. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: ЛКИ. 2008. – 224 с.
4. Шляхов В. И. Методика преподавания РКИ в прошлом, настоящем и будущем // Русский язык за рубежом. 2011. № 1. С. 18 -25.

ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В ФАМИЛИЯХ И ТОПОНИМАХ

М.Ю. Беляева КубГУ (филиал), г. Славянск-на-Кубани Краснодарского края (Россия)

Аннотация: Целью автора является демонстрация динамики обновления культурных кодов путем изменения внутреннего слоя картины мира. Утрата дешифрующих кодов (в частности, религиозного) прослеживается на материале фамилий и топонимов. В современном языковом сознании дешифровка религиозного кода осуществляется за счет ресурсов географии, урбанонимов.

Ключевые слова: культурный код, религиозный код, фамилии, топонимы

DYNAMICS OF CULTURAL CODES IN SURNAMES AND TOPONYMS

Abstract: The author's aim is to demonstrate dynamics of cultural codes' renewing by change of the inner stratum of the world's picture. The cultural codes' loss in the sphere of Proper nouns (surnames, toponyms) is shown. In modern language conscience deciphering of religious code is fulfilled at the expense of geographical resources, urbanonyms (in-town place-names).

Key-words: cultural code, religious code,

Культурный код в том или ином виде (акциональный, антропо- и биоморфные, религиозный и др.) представляет собой матрицу, отражающую содержание и формы ментальных и языковых репрезентаций; систему означивания, совокупность знаков и механизмов их применения, которая приводит к вербализации содержания в рамках определенной парадигмы. Культура, организованная в форме пространства и времени, моделирует реальность в соответствии с законами семиотики данного момента, в отвлечении от частных случаев (ср. *семиотическую карту* и *реальную картину* у Ю.М. Лотмана). Ю.М. Лотман обращал внимание на постоянное обновление кодов культуры, приводящее к возникновению "разнообразных возмущающих воздействий на внутренний слой "картины мира", при котором "некоторые тексты оказываются погруженными не в соответствующие им языки, а дешифрующие их коды могут вовсе отсутствовать" [Лотман, 1996, с. 168]. В рамках данного текста мы стремились продемонстрировать характер изменения кодов, в частности, религиозного, на материале собственных имен (фамилий, топонимов).

Количественно мощные, структурно разветвленные и в то же время качественно цельные сферы духовности человека получили в филологии название *логоэпистемы* [Верещагин, 2002, с. 3]; [Алефиренко, 2005, с. 21 – 22]. Исследователи считают, что в конкретно-исторических условиях эпистема перестает быть чисто нуминозной и подключает к себе семантические результаты деятельности человеческих коллективов – этнических, национально-культурных, языковых общностей, ср.: укр. *Великдень* (фамилия *Великодний*) - пол. *Wielkanoc* 'Пасха'. Считают, что логоэпистему можно определить путем соотнесения со смежными языковыми понятиями, в том числе как совокупность лексических фонов (состоящих из семантических долей), хранящих память об эпистеме [Верещагин, 2002, с. 8]. Показательны в этом плане семантико-стилистические трансформации прилагательных церковнославянского языка, ставших впоследствии, в этнических языках славян, собственными именами (фамилиями): *блажний* (*Блажний*), *чреватый* (*Череватый*, *Череватюк*) и др. Слово *благой* – "добрый, хороший, полезный, путный, добродетельный, доблестный" – в русском просторечии закрепило энантиосемические значения "злой, сердитый, упрямый, своенравный, неугомонный, беспокойный, дурной, тяжелый, неудобный" [Даль, 1956 (1), с. 90]. Конкретизация семантики 'ублажать, возносить, величать, прославлять' породила на славянской почве (см. украинский, польский, чешский языки) значения 'не от мира сего'; 'больной, слабый', 'полоумный, шальной, вспыльчивый, крикливый', а на этой базе – второвиденные характеристики лица 'дурак, шут'. Абстрактная семантика лексемы *чреватый* – 'содержащий что-либо, полный чем-либо' – в прозвищных фамилиях сменилась изначальной конкретикой – 'толстый, пузатый'.

Принцип развития значений в направлении от конкретного к абстрактному в применении к фамилиям обеспечивает "примат" первых типов значений. Обратный процесс – считывание информации с онимов в исторической перспективе – может расставить приоритеты в иной последовательности. В ходе проведенного нами психолингвистического эксперимента опрашиваемым было предложено дать толкования фамилиям *Великий*, *Пышный* от производящих-полисемантов с конкретной и абстрактной символикой, отражающей перво- и второвидение (внешние и внутренние признаки объекта). В русском *великий* (церковнославянское *велий*) акцентируется семантика превышения обычной меры; о человеке – 'славный великими, знаменитыми подвигами'; в украинском языке выделяют четыре значения слова *великий*: 1. большой (имеющийся в изобилии); 2. выдающийся; 3. просторный, значительный по содержанию; 4. крупный, противопоставленный мелкому. *Пышный* может характеризовать как конституцию, так и поведение человека: 1. мягкий, пухлый, рыхлый и легкий; 2. полный; 3. роскошный, великолепный; 4. напыщенный, высокопарный (о речи).

В ответах 88% респондентов о лексеме *великий* преобладает абстрактное значение: "означает величие и власть", "силу, знатность, могущество", "значимость человека", "уважение". Значение "господствующий над всеми" реализуется в таких, как "вождь народа", "князь", "император". Конкретное значение 'крупный, противопоставленный мелкому' в чистом виде не встречается; в 12 % ответов совмещаются обе характеристики: "фамилия могла быть дана высокому человеку либо тому, кто "высок" по общественному положению", "Иван Великий – велик ростом" и т. п. При толковании фамилии *Пышный* на долю абстрактных значений приходится 44,3 % ответов: "богатство", "роскошь", "шикарность". Конкретные значения реализованы в 41,4 % ответов: "человек был полный", "объемный", "упитанный", "склонный к полноте", "пухлый", "толстый". Смешанный тип ответа занимает 12,3 %: "богатый, нарядный либо толстый, рыхлый", "полнота, шикарность", пышность форм, пышность нарядов".

Будучи заимствованными из украинского языка с начала активного заселения Кубани запорожцами в XVIII веке, фамилии актуализировали конкретные признаки лиц – высокий рост и округлые формы тела. Под влиянием стихии книжно-письменной речи в слове *великий* для носителей современного языка на первый план вышла абстрактная семантика.

Культурные коды концепта "пространство" объединяют реальные территории с символическими (мифологическими). Символы складывается в пределах исторической специфики, условий жизни конкретного общества. Лингвистическое пространство (язык) занимает срединное положение между реальным и мифопоэтическим пространством, преодолевая дискретность первого и оставаясь при этом достаточно конкретным.

Известно, что христианская традиция актуализирует исторические центры мира на Синае и в Сионе. Иерусалимский храм – главная святыня древнего Израиля – является объединяющим началом для таких понятий, как *Эдем*, *Елеон*. Так, двенадцатилетний Иисус беседовал здесь с учителями закона Моисеева; на Елеонской горе, возвышающейся против Иерусалима, он со своими учениками пришел в сад, называемый Гефсиманским. В Иудее на реке *Иордан* Иисус был крещен.

Фамилии представителей духовенства, относящиеся, по Августину Блаженному, к "произведенным знакам", ориентированы на религиозные мифологемы. Если в сознании многих поколений россиян за корневыми словами *Эдем*, *Елеон*, *Иордан* стояли определенные географические реалии, то за годы антирелигиозной пропаганды подобные знания были искажены или утрачены. В качестве психолингвистического эксперимента мы предложили группам учащихся СОШ и студентам педагогического института дать толкования фамилиям *Эдемский*, *Елеонский*, *Иорданский*. Сложности возникли у опрашиваемых уже на уровне идентификации денотатов. Так, *Эдем* определялся как а) сад; б) город; в) рай (большая часть опрошенных дала нулевые ответы); *Иордан* – а) река, б) страна // государство; *Елеон* вообще не был идентифицирован респондентами. По количеству правильных вариантов ответов фамилии располагаются в следующем порядке: 1) *Иорданский* – 86,6 % ответов, 2) *Эдемский* – 63,3 %. Источниками сведений оказывается не культурология, но география (в объеме средней школы) и даже региональная урбанонимия (в каждом из населенных пунктов расположены магазины "*Эдем*").

Создание особого лингвистического пространства возможно благодаря особенностям морфодеривационной структуры производящих. Знаниевые лакуны молодого поколения заполняются за счет ассоциативных механизмов. Обычно действуют альтернативные варианты народной этимологии: *Эдемский* от *едем*, *ехать* и *еда*; *Елеонский*. – от *ель*, *лес*, *лесоруб*, *Ельня* и от *Елена*; исключение – *Иордан* – от *орда*. Перечень пардоксальных, с точки зрения отражения действительности, мотиваций можно дополнить толкованиями фамилии *Космодамианский* от *космос*, *дамский*; анахронизмом является определение истоков онима "от фамилии пионерки (!) в Великую Отечественную войну".

К "чужому" для опрошенных пространству относится не только сакральное (библейское), но и реальное, российское. Любопытно, что язык создает свое мифологическое пространство при толковании фамилий: *Елецкий* – от озера (не города) *Елец*, *Кадомский* – от города Кадомска (не *Кадома*), *Шуйский* – от *Шуйского* озера или от города Шуйска (не *Шуи*).

В действительности научное и «повседневное» мышление основе своей однородны, и человек не может мыслить попеременно то научными, то наивными понятиями в зависимости от ситуации. Пробелы в знаниях способна устранить такая комплексная дисциплина, как культурная антропология, в концептуальный план которой входит изучение географии культур, основных религий осевого времени, важнейших сакральных текстов [Иванов, 2002, с. 14] и воплощения в них эпистем, ключевых для культурных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологические значения: природа, сущность, структура / Н.Ф. Алефиренко // Грани слова: Сб. науч. тр. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко.- М., 2005. – С. 21 – 26.
2. Верещагин Е. М. Феномен (лого)эпистемы в свете лингвофилософских воззрений И. А. Бодуэна де Куртенэ / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров // ученые записки Казанского гос. ун-та. Т. 143 / материалы международной научной конференции «Бодуэновские чтения» (Казань, 11 – 13 декабря 2001 г.). – Казань, 2002. – С. 3 – 14.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И.Даль: в 4 т. – М, 1956.
4. Иванов, Вяч. Вс. Культурная антропология в системе наук: Программа нового гуманитарного образования / Вяч. Вс. Иванов // Антропология культуры. Вып. 1. – М., 2002. – С. 9 – 27.
5. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., 1996.

О ЯЗЫКОВОЙ БАЗЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА

Е. Б. Бесолова

Аннотация : В статье рассматривается языковая составляющая фольклорного обрядового текста и выявляется его художественная специфика.

Ключевые слова: языковая константа, метасистема, общefольклорные изобразительные средства, традиция, импровизация.

Summary: The language of the folklore text component and its artistic specifics are considered in the article «On the linguistic basis of the folklore text».

Keywords: language constant, metasystem, general folklore artistic means, tradition, improvisation.

Федеральное государственное бюджетное учреждение Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания,
гор. Владикавказ (Россия)

Обрядовый фольклор восходит к древнейшим формам словесного творчества. Он был вызван к жизни практическими потребностями людей и преследовал цель – подчинение сил природы человеку магией слова и действия. Существует также утверждение, что древние обряды вообще не сохраняются тем или иным народом в течение сотен лет с тем постоянством, с каким сохраняются *языковые* элементы [2]. По определению И. А. Оссовецкого, «язык фольклора – понятие очень широкое, неоднозначное и многогранное» [6, с. 67], причём учёным интерпретируется он как *метасистема*, которая включает в себя подсистемы отдельных его жанров, в которых она конкретно реализуется. Язык фольклора достаточно сложен и специфичен, характеризуется разнообразием вариантов не только исполнений, но даже и вариантами записей одного и того же исполнителя, зафиксированными в разное время. Это объясняют творческой индивидуальностью, интерпретацией исполнителя, каждый раз по-своему воссоздающего фольклорный текст.

Фольклорному слову присуще маркированность и многофункциональность, что даёт возможность рассматривать язык изустных произведений через обычаи, обряды и ритуалы. Специфика его жанровых структур, композиция, постоянные формулы поэтического языка, определение их функционального назначения и использования, архаичность и устойчивость вербальных текстов, их структура, символика базируются на определённой мифологической основе и подтверждают мысль, что место языка в процессе культуросозидания всегда неограниченно, ибо оно протекает в определённой этноисторической среде, выражаемой в языковых структурах; ср.: «Фольклорный вербальный код, являясь транслятором этничности, этнической культуры как наиболее древних и устойчивых форм информационного структурирования мира, является весьма объёмным в своей представленности по языковым способам и средствам. При полижанровости и поликодовости текста репертуар языковых единиц, актуализирующих содержание фольклорных концептов, различен: от морфемы к слову до фрагментов текста, образующих в комплексе фольклорный словарь монолексем и словарь текста» [9, с. 115].

Не раз отмечалось, что при создании каждого конкретного варианта традиционность выразительных средств фольклорного текста непременно сочеталась с импровизацией, что свидетельствовало об их общей основе, мотивирующей традицией. К примеру, импровизационное начало в плачах является главной составляющей, иногда и преобладающей, в отличие от тех произведений, где степень импровизации невелика или просто недопустима. Речь идёт о «малых» жанрах – заклинаниях, заговорах, обрядовых действиях, которые сопровождаются вербальным текстом. Вербальное выражение обряда, словесный, текстуальный материал – явление более позднее, чем действие определённого ритуального значения. Действо (ритуальное, магическое) сопровождается словом, благодаря чему возникает функционально единая магическая структура, в которой магия атрибутов, действия, жеста венчается магией слова, т.е. налицо органичное соединение слова с действием. Отсюда любое отклонение от вербальной формулы может привести к разрушению их магической силы или же нести вредоносный эффект. Та же функция присуща

некоторым календарно-обрядовым песням с магическим воздействием на силы природы и составляющим органическую часть обряда. Изменения в обрядовых песнях появляются только тогда, когда они теряют своё функциональное назначение при исполнении вне обряда.

Но существуют фольклорные жанры, в которых импровизация непременно долженствует; ср.: в сказке; она ограничена композиционной структурой и всем тем, что положено традицией сказочного повествования. Безусловно, импровизация ограничена определёнными рамками традиционных форм, сюжетов, мотивов и образов.

Считается, что в фольклорном тексте «коды различных семиотических систем (обрядовое действие, магия, музыка, ритмика, жесты, кинесика, система социально-бытовых, философских, религиозных представлений) <...> особым образом (имплицитно) трансформируются в языковые константы различных уровней: семантические, лексические, фразеологические, синтаксические – и становятся важным типобразующим признаком» его [3, с. 84]. Законы организации фольклорного обрядового текста, его роль в языковой системе, в речевой и когнитивной деятельности, а также сложность структуры обрядового текста – его лексического состава, семантики, символики и метафоричности – мотивируются рядом причин. Обрядовый текст охватывает все основные уровни языка, синкретичен в своём проявлении; он являет собой источник хранения и передачи информации, продукт определённой исторической жизни народа, форму существования древней культуры. По В. И. Абаеву, язык способен служить историческим источником, и поскольку он «живёт тысячелетия, его показания приобретают значение исторических документов, которые, если суметь их читать, могут многое рассказать о прошлых судьбах того народа, которому этот язык принадлежит» [1, с.197].

В аспекте постижения традиционной духовной культуры новое осмысление триады «язык → культура → действительность» приобрело значение сохранения и передачи опыта поколений, что связано с проблемой сбора и интерпретации информации о реликтовых моделях культуры. Трудно переоценить в связи с этим постулаты московской школы этнолингвистики, конкретнее – этнолингвистики в славистике, задачи, предмет, объект, методы и соотношение с другими гуманитарными дисциплинами которой сформулировал акад. Н. И. Толстой [10, с. 8]. Внимание, проявленное к обрядовому фольклорному тексту в плане отражения в нём культурных ценностей народа, было достойно оценено последователями московской школы этнолингвистов.

По Н. И. Толстому, обряд есть синтез вербального, акционального, этического, символического, эстетического и мифологического планов; он требует рассмотрения уникальных явлений культурных традиций через такие дисциплины, как лингвистика, фольклористика, этнография, история и археология [11, с. 16–18]. Комплексный подход к фактам языка в широком культурологическом аспекте связано с пониманием фольклорного обрядового текста как единицы языка, имеющей особый план содержания и выражения, с характерным использованием и языковых знаков, и внеязыковых средств выражения, с неперменным учётом мифологической семантики.

Обряд причисляется исследователями к категории «культурных текстов» [5, с. 176]; он художественный: построен на обрядовых, символических нормах и имеет эстетическое значение, а вариативностью сближается с фольклорным текстом [см.8], а также с этнографическим и археологическим; ср.: тексты фольклорных обрядовых песен, как русских, так и национальных. Они свидетельствуют о том, что «в языке своём каждый народ остаётся самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзажи, национальная пища, этнический тип, язык, – ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления» [4, с. 430].

Художественную специфику языка фольклорных обрядовых текстов составляют наиболее характерные и существенные общефольклорные выразительные средства, причём важнее отследить, какова конкретная эстетическая приуроченность этих средств, каков сплав, делающий их признаками абсолютно специфической художественной системы. Здесь трудно не согласиться с И. А. Осовецким в том, что язык фольклора имеет приметы единого стиля, особенно в пределах отдельных жанров, характеризуется набором определённых языковых средств и определяется, прежде всего, его художественной функцией, а также устной традицией, которая способствовала выработке в нём этих специфических языковых средств. В языке фольклора наблюдается много

нехарактерных для нефольклорного языка фактов, которые наблюдаются на всех уровнях [7, с. 181–182]. В частности, в лексике фольклора большое количество и архаизмов, и номинаций реалий, неизвестных исполнителю; своеобразен и его синтаксис, которому присущи принцип симметрии, проявляющийся в синтаксическом параллелизме разного типа, языковые формулы с одинаковым содержанием.

Вспоминается понимание Р. Якобсоном предмета фольклористического анализа как совокупности текстов, из которой вычленяется общая схема, художественный приём [12, с. 430]. Не в чём ином, кроме как в фольклоре, видел учёный истоки средств выразительности индивидуальной поэзии. Каждый знает, что выдающимся поэтам свойственно глубокое знание богатств национального фольклора, семейно-бытовой культуры, отражающей достаточно полно этико-нравственную сторону уклада жизни, нормы обычного права, принципы ритуально-обрядового и обыденного поведения русских и осетин. Есть у них такие произведения, в которых обилие фольклорных элементов отнюдь не нарушает целостности художественной структуры произведения, все эти образцы устного народного поэтического творчества органично вплетаются в их причудливую ткань, усиливая экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя. Художественными средствами и проявлением черт мифологического восприятия мира создаётся неповторимый, особый колорит, а традиционность и неизменяемость формы, постоянная повторяемость важнейших стиливых приёмов и поэтический синтаксис обеспечивают им жизнеспособность.

Литература

1. *Абаев В. И.* О языковом субстрате // В.И. Абаев. Избранные труды: религия, фольклор, литература. – Владикавказ: ИП, 1995. – С.269–286.
2. *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. – М., 1971.– 544 с.
3. *Венгранович, М. А.* Фольклорный текст и мифологическое сознание // Вопросы филологии. – 2002. –№ 2 (11). – С. 77 – 85.
4. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. – М., 1988. – 448 с.
5. *З. Михаил.* Этнолингвистические методы в изучении народной духовной культуры //Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы / Отв. ред. Н. И. Толстой.– М.: «Наука», 1989.– С. 174–191.
6. *Оссовецкий И. А.* О языке русского традиционного фольклора //Вопросы языкознания. – 1975. – № 5. – С. 66 – 77.
7. *Оссовецкий И. А.* Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.– 347 с.
8. *Пропт В. Я.* Морфология сказки. Изд. 2-е.– М.:Наука, 1969. – 168 с.; *он же.* Исторические корни волшебной сказки. – Л.,1986. – 365 с.
9. *Соколова Т. С.* Фольклорный вербальный код этнокультурной информации // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2005. –№2. – С. 109 – 115.
10. *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-е.–М.:Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 368 с.
11. *Толстой Н. И.* Атлас духовной культуры Полесья – лингвистический, фольклорный и этнографический аспекты // Рэіанальныя традыцыі ва ўсходнеславянскіх мовах, літаратурах і фальклоры: Тэз. дакл. II рэсп. навук. канф., 24–25 верасня 1980 г. – Гомель. 1980. – С. 16–18.
12. *Якобсон Р.* Работы по поэтике: Переводы // Сост. и общ.ред.М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987.– 464 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

Л. В. Богиня

ВГУЗУ "УМСА", Полтава (Украина)

Аннотация : В данной статье рассмотрены вопросы формирования элементов языковой компетенции в профессиональной сфере общения на русском языке в процессе обучения иностранных студентов на начальном этапе, а также некоторые аспекты лингвистической и социокультурной адаптации этой категории учащихся.

Ключевые слова: социокультурная, профессиональная иноязычная коммуникативная компетенция, начальный этап обучения.

SOME ASPECTS OF RUSSIAN LANGUAGE LEACHING AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE FIRST STAGE OF EDUCATION

In this article the questions of language competence formation elements in professional sphere of communication in Russian language in the process of foreign shedents teaching at the first stage were observed. And some linguistic and social cultural adaptation aspects of this category of students.

Key words: social cultural, professional foreign language communicational competence, first stage of education.

Основной целью современной системы образования является интеллектуальное и нравственное развитие личности, формирование критического и творческого мышления, умения работать с информацией. Поэтому системы образования разных стран в последнее претерпевают существенные изменения и выстраивают образовательный процесс на предоставлении студентам возможности размышлять, соотносить различные точки зрения, формулировать и аргументировать собственный взгляд на ту или иную проблему, опираясь на знание фактов, законов, на собственные наблюдения и чужой опыт. Именно такой подход, на наш взгляд, является наиболее приемлемым и при обучении русскому языку как иностранному.

Одной из составляющих иноязычной компетенции наряду с социокультурной, профессиональной, учебной и методической компетенциями, является иноязычная коммуникативная компетенция, представляющая совокупность навыков, умений и знаний, которая позволяет учиться, работать и общаться в многонациональном обществе, достигая в равноправном диалоге взаимопонимания и взаимодействия с представителями других культур. Иностранные студенты, прибывающие для получения высшего образования в Украину, сталкиваются с множеством проблем, попадают в так называемую ситуацию «культурного шока» [1]. По мнению большинства учёных и методистов [2,3] преодолению этой ситуации способствует целенаправленная работа преподавателей русского языка подготовительного факультета/отделения, которые в процессе обучения русскому языку используют специально отобранные адаптированные учебные материалы, содержащие лингвострановедческую и лингвокультуроведческую информацию

В самые первые дни в процессе изучения вводно-фонетического курса студенты знакомятся с реалиями и изучают лексику, связанную с географическими понятиями (Украина, Киев, Полтава и т.п.) и с культурой украинского народа (названия продуктов, блюд и т.д.).

Не менее важным нам представляется использование и трактовка элементов невербальной коммуникации (жестов, мимики), которые способствуют снятию психологических трудностей в новой социальной и языковой среде. Общение между преподавателем и студентами группы на начальном этапе обучения начинается всегда со взгляда и улыбки, которые служат средством установления контакта, средством получения «обратной связи» – информации о том, что человек «включился» в коммуникацию, слушает и понимает.

Некоторые жесты, являющиеся интернациональными, помогают студентам легче адаптироваться к учебному процессу. К таким жестам можно отнести жест указательного пальца, приложенного к губам, как требование тишины во время ответа одного из студентов с целью концентрации внимания других и во избежание подсказок. Покачивание головой в вертикальном положении расценивается как жест одобрения, поддержки, а

покачивание головой в горизонтальном положении, наоборот, – как жест несогласия. Круговые движения ладонью можно использовать как предложение повторения труднопроизносимых слов, ответа на вопрос. Для студентов данные жесты являются понятными и не вызывают напряжения или отрицательных эмоций.

Но при использовании жестов преподавателю следует быть особенно внимательным к тому, что один и тот же жест в культуре разных народов может трактоваться по-разному, иногда совершенно противоположно. Так кивание головой вперёд в русской языковой культуре значит подтверждение, в то время как в болгарском языке он значит отрицание. В нашей культуре (и в культуре большинства европейских стран) хлопок в ладоши – это жест одобрения, радости, поощрения, а у многих восточных народов – выражение скорби по умершему.

Так как на подготовительном отделении обучаются студенты-представители разных культур, одной из задач преподавателя является сведение к минимуму непонимания и недоразумения в общении. При этом учёт принадлежности студентов к представителям так называемых «контактных» или «неконтактных» социальных культур помогает предупредить возникновение конфликтных ситуаций. По мнению этнографов к «контактным» культурам условно можно отнести латиноамериканцев, испанцев, арабов. К «неконтактным» – культуры народов севера Европы и Азию. Славянские культуры относятся к «среднеконтактным». По мнению психологов, неконтактному собеседнику контактный кажется навязчивым, бесцеремонным. Этот факт следует учитывать преподавателю для поддержания и корректировки своего эмоционального состояния и для установления взаимопонимания между студентами группы. Значительного внимания, на наш взгляд, требует усвоение студентами форм обращения в русском языке, отличающихся от таких форм в языке тех стран, откуда приехали студенты. Зачастую иностранные студенты, для которых родным является арабский язык, используют принятую в их культуре форму обращения «преподаватель» или «преподаватель + имя». А студенты франкофоны используют форму «мадам + имя» для обращения к преподавателю-женщине. И использование принятых в русской языковой культуре форм обращения к преподавателю по имени-отчеству кажется им недостаточно уважительным. Объяснение правил употребления различных форм обращения к должностному лицу, преподавателю, незнакомому человеку, присущих именно русскому языку, требует от преподавателя терпения, ежедневного повторения и обязательного поощрения студентов, правильно употребляющих речевые этикетные формы.

Особый интерес для иностранцев представляют фразеологические единицы. Но на начальном этапе обучения языку их использование должно быть методически выверено и оправданно, как количественно, так и качественно. Студенты-иностранцы с удовольствием изучают фразеологизмы, аналоги которых есть в родном языке, что способствует сближению культур в их языковом сознании. Примером могут служить ФЕ «Повторенье – мать ученья», «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Введение же фразеологизмов, имеющих национальную окраску, проводится в процессе изучения курса «Страноведение», когда студенты уже знакомы с событиями украинской истории, обычаями и украинского народа. Во фразеологических системах разных языков существует значительное количество интернационализмов, а также ФЕ, связанных с общечеловеческим знанием о свойствах реального мира. Использование таких ФЕ на начальном этапе обучения русскому языку, на наш взгляд, является целесообразным.

Исходя из того, что иностранные студенты изучают русский язык как средство получения специальности, особое внимание уделяется формированию речевых умений и навыков в профессиональной сфере. Элементы языковой компетенции в профессиональной сфере общения формируются в процессе изучения русского языка как средства общения, в ситуациях, обусловленных условиями обучения и проживания. Так, в первые недели обучения на подготовительном отделении студенты проходят обязательный медицинский осмотр, в процессе которого они вынужденно усваивают некий лексический минимум к теме "Посещение врача". Впоследствии, на занятиях по русскому языку отрабатывается лексика, необходимая студенту изначально как потенциальному пациенту, а при обучении на основном факультете медицинского вуза – как будущему врачу.

При этом активно используются деловые игры, являющиеся методом активизации в подготовке специалистов к профессиональному общению на неродном языке, его изучению, основанному на сочетании

индивидуального и группового обучения и способствующие формированию навыков диалогической и монологической речи, активизации речевой деятельности, воспитанию средствами иностранного языка. Деловые игры позволяют будущим специалистам раскрыть свои собственные качества, научиться работать в команде, воспитывают понимания позиции других людей. Участвуя в диалогах "Врач – пациент" студент развивает не только навыки говорения, но и навыки чтения и письма, так как, максимально приближая ролевую игру к реальной ситуации, мы обучаем студентов-"врачей" вносить ответы студентов-"пациентов" в разработанную и предложенную преподавателем "Карту опроса врача". При этом используется и методика опережающего обучения, так как некоторые позиции предполагают использование ещё не изученных грамматических форм (например, причастия – давящая, ноющая боль). Такие виды занятий вызывают активный интерес у студентов к овладению языком будущей специальности и общению в профессиональной сфере. Кроме того, многие конструкции, используемые при подготовке и проведении ролевых игр, студент может использовать в реальных ситуациях общения (фразы типа "У меня насморк", "У меня болит горло" и т.д.)

Формированию навыков профессионально ориентированной языковой компетенции способствует и использование Интернет-технологий, поиск в сети ответов на узкоспециальные, но интересные вопросы (к примеру, о паразитарных инфекциях регионов, откуда приехали студенты).

Таким образом, создание преподавателем положительной эмоциональной обстановки на занятии с помощью вербальных и невербальных языковых средств, использование специально отобранных текстов, способствуют активной работе студентов, повышению их мотивации и ускорению адаптации.

Список литературы

1. Бердичевский А.Б. Диалог культур: что дальше?//Мир русского слова. Спб., 2005. №2.
2. Иванова М.А., Житкова Н.А. Социально-психологическая адаптация иностранных студентов первого года обучения в вузе. – 1993. - СПб.
3. Кулиева О.Н. "Компьютерные презентации в процессе профессионально-ориентированного обучения иностранному языку магистрантов и аспирантов"/Материалы I(V) Международной научно-методической конференции "Теория и технология иноязычного образования". К, "Апостроф", 2011. – 148с. (с.33-34).
4. Митрофанова О.Д. Принцип диалога культур в методическом освещении/ О.Д.Митрофанова// Мир русского слова. – 2005. - №2.
5. Пассов Е.И. Коммуникативное иноязычное образование. Концепция развития индивидуальности в диалоге культур. Липецк.1999.

**О СПЕЦИФИКЕ КОМПЛЕКСА УЧЕБНИКОВ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА
КОММУНИКАТИВНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ДЛЯ БОЛГАРСКИХ
УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ**

Виктор Петрович Бонев

Университет им. Проф. д-р Асена Златарова – город Бургас, Болгария

Новые концептуальные подходы к обучению русскому языку как иностранному, опирающиеся на развитие лингвокультуроведения, на коммуникативно-прагматический подход, характеризующийся ориентацией на взаимодействие коммуникантов: обучающий и обучаемых, на принцип антропоцентризма, позволяющий сфокусировать внимание на формировании у обучаемых черт вторичной языковой личности, несомненно, определили сегодняшние перспективы теории учебников, вызвав к жизни издания, отражающие новые реалии российской действительности, с учетом диалога культур, реализующегося в различных формах межкультурной коммуникации, и построенные на коммуникативно-интерактивной основе. На кафедре Славянских языков при Университете им. Проф. д-р Асена Златарова – город Бургас, Болгария, создан учебный комплекс по русскому языку. В комплексе реализованы принцип энциклопедизма и вариативности, определяющий многообразие и разностороннее тематическое наполнение учебников, его целостность была обеспечена пространственно-временной парадигмой, встроена четко структурированная модель тематической организации: самодостаточность разрабатываемых тем, однотипность структуры их подачи, последовательная внутренняя градация, обеспечивающая оптимальный отбор и подачу учебного материала. Все это в целом может рассматриваться в качестве основных концептуальных и лингвометодических параметров комплекса учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному нового поколения. Развитие теории учебника, отвечающее вызову времени, требует переосмысления целого ряда параметров, что стимулирует создание учебников нового поколения, дающих инофонам возможность активно и полноценно сотрудничать в современном поликультурном мире.

Ключевые слова: комплекс учебников и учебных пособий, болгарские учащиеся, русский язык как иностранный, коммуникация, учебный процесс

**ON THE SPECIFICS OF THE COMPLEX TEXTBOOKS AND RUSSIAN LANGUAGE COMMUNICATIVE
AND PROFESSIONAL ORIENTATION FOR THE BULGARIAN SCHOOLS TOURISM DESTINATION**

New conceptual approaches to teaching Russian as a foreign language, based on the development of lingual cultural studies on communicative-pragmatic approach, characterized by a focus on the interaction of communicants: Training and trainees, on the principle of anthropocentrism, which allows to focus on the formation of the trainees have the secondary language of personality traits, of course, determined today's perspective theory textbooks, bringing to life the publication reflecting the new realities of Russian life, including the dialogue of cultures, realized in various forms of cross-cultural communication, and built on the communicative and interactive way. At the Department of Slavic Languages at the University. Prof. Dr. Asen Zlatarov - Burgas, Bulgaria, a training complex for the Russian language. The complex implemented encyclopedic principle and variability that determines the diversity and diverse thematic content of textbooks, its integrity was provided by the space-time paradigm is built clearly text structuring model thematic organization: self-sufficiency developed by the uniformity of the structure of their supply, consistent internal grading for optimal selection and supply educational material. All of this together can be considered as the main conceptual and lingual methodical parameters of the complex textbooks and manuals on Russian as a foreign language of the new generation. Development of the theory textbook that meets the challenges of the time, requires a rethinking of a

number of parameters, which encourages the creation of new textbooks that give inofons opportunity to actively and fully cooperate in a modern, multicultural world.

Keywords: complex textbooks and teaching aids, Bulgarian students, Russian as a foreign language, communication, learning process

Обращаясь к современному рассмотрению проблем учебниковедения, можно с уверенностью представить основные направления развития методики преподавания русского языка как иностранного и наметить круг вопросов, связанных с теорией и практикой создания современных учебников и учебных пособий по русскому языку для иностранных (болгарских) учащихся.

Новые концептуальные подходы к обучению русскому языку как иностранному, опирающиеся на развитие лингвокультуроведения (в методике преподавания русского языка как иностранного сложилась весьма перспективная лингвокультуроведческая концепция), на коммуникативно-прагматический подход, характеризующийся ориентацией на взаимодействие коммуникантов: обучающий и обучаемых, на принцип антропоцентризма, позволяющий сфокусировать внимание на формировании у обучаемых черт вторичной языковой личности, несомненно, определили сегодняшние перспективы теории учебников, вызвав к жизни издания, отражающие новые реалии российской действительности, с учетом диалога культур, реализующегося в различных формах межкультурной коммуникации, и построенные на коммуникативно-интерактивной основе.

На кафедре Славянских языков при Университете им. Проф. д-р Асена Златарова – город Бургас, Болгария, создан учебный комплекс по русскому языку как иностранному, куда вошли:

1. Бонев В. П. В мире русских народных промыслов. Учебное пособие по страноведению. – Колеж по туризъм, г. Бургас, 1996 г.
2. Капинова Е. С., Михайлова М. Д., Енева А. В., Бонев В. П., Драгоева Г. И. Учебник по руски език (за първи курс). Колеж по туризъм, г. Бургас, 1999 г.
3. Капинова Е. С., Михайлова М. Д., Енева А. В., Бонев В. П., Драгоева Г. И. Сборник текстове за превод. Колеж по туризъм, г. Бургас, 1999 г.
4. Е. С. Капинова, М. Д. Михайлова, А. В. Енева, В. П. Бонев, Г. И. Драгоева. Учебное пособие по русской грамматике. Колеж по туризъм, гр. Бургас, 2000 г.
5. Капинова Е. С., Михайлова М. Д., Енева А. В., Бонев В. П., Драгоева Г. И. Учебник «Гостиница – какая она есть?», Бургас, 2001 г.
6. Е. Капинова, О. Бондаренко, В. Бонев, Гр. Драгоева-Тальская, Туристическая Болгария, Учебное пособие для студентов туристических специальностей, 2011, Габрово.

В учебном комплексе реализованы принцип энциклопедизма и вариативности, определяющий многообразие и разностороннее тематическое наполнение учебников, его целостность была обеспечена пространственно-временной парадигмой и своеобразным сюжетным «каркасом», встроена четко структурированная модель тематической организации: самодостаточность разрабатываемых тем, однотипность структуры их подачи, последовательная внутренняя градация, обеспечивающая оптимальный отбор и подачу учебного материала. Все это в целом может рассматриваться в качестве основных концептуальных и лингвометодических параметров комплекса учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному нового поколения.

В целях наиболее эффективного выявления существенных характеристик комплекса учебников и учебных пособий целесообразно рассматривать его в рамках триады «реальный мир (реальная действительность) – учебник – учебный процесс».

Что касается первого компонента – реального мира, то именно познание новой для болгарских учащихся российской действительности, новой культуры, овладение опытом общения, сотрудничества с представителями

русского социума и является одной из основных целей обучения болгарских учащихся русскому языку. Поэтому взаимодействие данного компонента, который можно охарактеризовать как сферу реального общения болгарских учащихся на русском языке или как языковую среду, с двумя остальными – учебником и учебным процессом (учебным общением) – представляется особенно важным.

Связь между реальной действительностью и учебным процессом, скорее всего, носит опосредованный характер и реализуется через комплекс учебников и учебных пособий, для которого реальный мир является прототипом.

В комплексе учебников и учебных пособий моделируются ситуации реального общения в самых различных сферах коммуникации, и чем больше комплекс учебников и учебных пособий приближен к реальному миру, тем в большей степени оправдывается устоявшийся в методике преподавания русского языка как иностранного тезис о ключевой роли учебника в организации эффективного обучения иностранных (болгарских) учащихся русскому языку. Учебник должен не только включать ситуации, характерные для российской действительности, но и давать примеры разрешения инофонами конфликтных ситуаций и спорных проблем с учетом норм и правил поведения носителей русского языка. Поэтому особенно важным становится привлечение материалов, авторами которых являются иностранцы: в них наглядно демонстрируются и ошибки, которые могут совершать иностранцы в условиях российской социокультурной среды, и пути их разрешения. Именно учебник, являясь моделью реального мира, раскрывает перед иностранными (болгарскими) учащимися новую для них, русскую, картину мира, и именно это делает его живым.

Ориентация комплекса учебников и учебных пособий на реалии российской действительности во многом обуславливает выбор тем для общения. Релевантными для них являются темы, относящиеся к сферам семейно-бытовой (дом, квартира, быт, времена года, внешность и характер человека, погода, семья, родственники и пр.), социально-бытовой (питание, продуктовые и промтоварные магазины, виды транспорта, здоровый образ жизни, медицина, почта, спорт, бытовые услуги), социально-бытовой (мужчина и женщина, счастье, смысл жизни, культурные развлечения, хобби и пр.), социально-политической (социально-политические особенности современного общества, государственная символика и пр.), учебно-профессиональной (профессия, профессии в туризме, успех, карьера, гостиничное и ресторанное дело, гостиница и гостиничные номера, услуги в гостинице, карточка блюд, предприятия общественного питания, русская кухня, болгарская кухня и пр.), информационной (телевидение, радио, пресса, Интернет, кино, театр и пр.), а также сфере отдыха (организация отдыха, увлечения, путешествие, туризм, болгарские черноморские курорты, болгарские горные курорты, болгарские бальнеологические, история и география Болгарии и пр.) Включение в комплекс учебников и учебных пособий актуального материала проблемного характера обеспечивает не только коммуникацию, адекватную условиям общения, но и формирование социокультурной компетенции болгарских учащихся. Изменение образа жизни людей и, соответственно, их мировоззрения, русская ментальность, проблема взаимопонимания между людьми, понятие о национальных стереотипах, этикете поведения и общения русских – вот далеко не полный перечень тем для проблемного обсуждения, которые помогают болгарским учащимся понять и принять русских, избежав недопонимания и конфликтных ситуаций.

Столь обширный спектр предлагаемых болгарским учащимся тем объясняется не только многообразием реального мира, но и весьма широким диапазоном интересов и потребностей обучаемых в зависимости от того, какие социальные роли придется им выполнять, в какие речевые контакты вступать в процессе реальной коммуникации.

Что касается «взаимоотношений» комплекса учебников и учебных пособий и учебного процесса, то комплекс учебников и учебных пособий определяет цели, организацию учебного процесса, становится сценарием, предполагая при этом вариативность интерпретаций и допуская трансформации, обусловленные как задачами разных форм обучения, так и особенностями коммуникантов: обучаемого контингента и личности преподавателя. Именно комплекс учебников и учебных пособий должен организовать речевую деятельность учащихся в учебном

процессе, погружать в концептосферу русского языка и русской культуры, формировать их тезаурус, способность к общению с соблюдением принятых в российском социуме норм, правил и стереотипов поведения.

Данные задачи определяют перспективность воплощения в комплексе учебников и учебных пособий принципа интерактивности (интерактивный – от лат. *inter* «между» + *action* «действие»), который в методике преподавания русского языка как иностранного терминологически, прежде всего, как принцип запроса, обращения к человеку, который читает учебник, адресованности, направленности автора (адресанта) на учащегося (адресата), конечного и главного объекта воздействия. Но именно авторское сознание, в конечном счете, способствует формированию «вторичной языковой личности» обучаемого.

Система адресованности к обучающимся в представляемом комплексе учебников и учебных пособий достаточно сложна, представляя сложность и системность форм проявления и взаимодействия коммуникантов.

При этом сюжетная канва организуется в диалогах, полилогах, дискуссиях, заданиях и упражнениях с ярко выраженным творческим началом, наконец, в особом рода текстах, которые по своей сущности диалогичны (полилогичны) и которые можно определить как интерактивные культурологические тексты.

Реализация принципа интерактивности в учебнике, тесно связанная с проблемами диалектики взаимоотношений коммуникантов (в нашем случае: авторов учебника и обучаемых), потребовала такого представления материала и заданий, которое позволило создать атмосферу партнерских отношений, на основе стратегии взаимодействия, возможности вести конструктивный диалог. Авторы стремятся опереться на культуру обучаемых, их образ мыслей. Итак, принцип интерактивности целесообразно рассматривать и как собственно адресованность, и как опосредованное воздействие адресата на адресанта, проявляющееся в учете авторами национально-культурных особенностей обучаемых.

Развитие теории учебника, отвечающее вызову времени, требует переосмысления целого ряда параметров (типологии текстов, большей частью приобретающих дискурсивный характер, содержательной структуры учебника, лингвометодического оснащения его коммуникативно-интерактивной организации и т. д.), что стимулирует создание учебников нового поколения, дающих инофонам возможность активно и полноценно сотрудничать в современном поликультурном мире.

Список литературы

1. Капинова Е., Бондаренко О., Бонев В. Система учебников по русскому языку для специалистов в области международного туризма. – Международный симпозиум «Изучение славянских языков, литератур и культур как инославянских и иностранных», Белград, Сербия, 2008 г.
2. Бонев В. П., Ермакова В. Н., Красан Т. Н., Онуфриенко Г. С. Памятки-инструкции в системе вспомогательных средств педагогического управления процессом овладения иностранными языками (в т.ч. русским языком). – сп. «Болгарская русистика» № 4, 1991 г.
3. Бонев В. П., Енева А. В. Необходимостта от комуникативно ориентиран учебни пособия по чужд език за целите на обучението в колежите по туризъм (на примера на руски език). – Международна научна конференция «Туристическата индустрия и образованието по туризъм пред новия век», гр. Варна, 1999 г.
4. Бонев В. П. К вопросу об использовании текстов по специальности (ТС) на русском языке в учебном процессе в Колледжах по туризму. – IX Международный конгресс МАПРЯЛ, г. Братислава, Словакия, 1999 г.
5. Капинова Е. С., Бонев В. П., Енева А. В. За комплекса учебници и учебни помагала по чуждоезиково обучение в колежите по туризъм. – Национална научно-практическа конференция «Висшето колежанско образование в България – постижения и съвременни предизвикателства», гр. София, 2000 г.
6. Капинова Е. С., Бонев В. П., Енева А. В. Система учебников по русскому языку для обучения студентов колледжей по туризму профессиональному общению. – Международная научно-практическая конференция «Туризм: практика, проблемы, перспективы», г. Минск, Беларусь, 2001 г.

7. Бонев В. П. Об отборе и презентации рекламного текстового материала в процессе обучения русскому языку в колледжах по туризму. – VIII международный симпозиум МАПРЯЛ, г. В.-Тырново, 2002 г.
8. Бонев В. П. О месте и роли краткого русско-болгарского словаря туристических терминов в учебнике «Гостиница – какая она есть?» – III международная научно-практическая конференция «Культура и образование работников туристической сферы: современные тенденции и прогнозы», г. Киев, Украина, 2004 г.
9. Бонев В. П. За системата от упражнения по диалогична реч през различните етапи на чуждоезиковото обучение. – Юбилейна конференция; 50 години катедра по методика на филологическите дисциплини; СУ Св. Климент Охридски, София; 2005 г.
10. Бонев, В. П. К проблеме культуры русской речи в современном коммуникативном пространстве, Симпозиум МАПРЯЛ «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры», Пловдив, 2006 г.

ДИАЛОГ И ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ

Борис Имнадзе, Темур Джагоднишвили

(Грузинский Технический университет, Грузия)

Boris Innadze, Temur Jagodnishvili GTU, Georgia)

One view of pragmatics is that sees itself as involving the study of dialogue use as it is exercised in a community of social practice. The exercise is, however, not limited to verbal signs: other communicative means are also included, as becomes clear when one studies 'pragmatic acts' as well as the traditional 'speech acts.' In addition, emphasis is placed on the way communication itself is organized socially, not just as envisaged in the earlier speaker-oriented models due to Austin, Searle, and Grice, but extending also to comprise more recent advances, especially in our understanding of notions of inference and implicature, including a recent expansion into the domains of optimality theory and relevance theory. Pragmatic thinking has also advanced in what used to be called the 'hyphenated disciplines'—sociolinguistics, psycholinguistics, and so on – and more recently in the study of humans in interaction with computers, the teaching of first and second languages, literary studies, the theory of discourse, intercultural studies, cognitive research, and a host of other practically and theoretically oriented fields of study, such as conversation analysis.

Одной из самых активных форм коммуникации в наши дни остается диалог. Если еще десятилетия назад традиционные типы диалога, были достаточно стереотипны, и живое непосредственное общение зачастую заменялось клишированными вопросами и типовыми ответами, то современная типология диалога значительно пополнилась новыми разновидностями и особенностями. Появляется возможность межкультурного диалога, специфичность которого диктует необходимость найти оптимальные речеповеденческие стратегии, обеспечивающие взаимопонимание.

Развитие коммуникативно-ориентированных направлений теории текста, коммуникативной лингвистики, и особенно теории речевых актов, позволило по-новому взглянуть на теорию диалога. Расчленение диалогического единства на вопросную и ответную части способствовало появлению многочисленных работ, посвященных исследованию вопросительных речевых актов. Изучалась и речеповеденческая тактика, и косвенные (непрямые) вопросительные речевые акты, и типология выражаемых ими интенций. На фоне гипертрофированного интереса к вопросительным речевым актам обращает на себя внимание почти полное отсутствие интереса к ответным речевым актам. Вопрос в процессе своей интенционализации предполагает определенную стратегию, своего рода целевую программу и имеет в конечном итоге задачу заставить собеседника выдать необходимую адресанту информацию. Естественно, что для адресанта имеет большое значение характер ответа. Коммуникативной стратегией обладает не только вопрос, но и ответ, который представляет собой своего рода код, дешифровка которого требует определенных усилий и зачастую происходит за рамками "телесного" знака реплики. На степень понимания ответных реплик может влиять, присущая той или иной культуре, речеповеденческая стратегия и тактика ведения диалога.

Назревшая необходимость "восстановления в своих гражданских правах" ответной части диалогического единства, которую мы называем "респонсивами", вытекает не только из малоизученности "респонсивных речевых актов", но и особой важностью проблем межкультурной и межличностной коммуникации в современном мире. Респонсивные речевые акты исследуемые в аспекте теории и практики перевода, рассматриваются как особая разновидность речевой интенции, реализующей определенную речеповеденческую тактику, что дает возможность учесть специфику межкультурной коммуникации при передаче содержания диалогических текстов.

Рассмотрев диалог в свете теории коммуникации и коммуникативной лингвистики (в работе рассматриваются конститутанты диалогического текста и их лингвопрагматика, а также речевые стратегии вопросительных и респонсивных речевых актов, исследуется проблема речевых тактик, реализуемая респонсивными речевыми актами в конкретных текстах, дается анализ специфических трудностей, возникающих в процессе передачи их с английского языка на русский и предлагается методика решения конкретных переводческих проблем, связанных с респонсивными речевыми актами) и изучив лингвопрагматику вопросительной части диалога и на данном фоне

«лингвистику» респонсивных речевых актов мы пришли к следующим выводам :

1. Респонсивы представляют собой особую разновидность речевых актов, соотносимых своими отдельными прагматическими значениями с вердиктивами, экзерситивами, с комиссивами, бехабитивами и с экспозитивами, что осложняло окончательное решение вопроса и нацеливало нас на разграничение прямых и косвенных значений респонсивов.
2. Основным назначением респонсивов является речевое реагирование на каузирующий стимул, что может проявляться в различных тактиках ответного реагирования адресата :
 - а) на личность адресата; б) на форму обращения; в) на саму информацию. Исходя из того, что онтологической основой ответного реагирования является передача информации, прямым значением будем считать т.н. «прямые ответы», а косвенными-реакции на форму обращения и отношение к адресанту.
3. Разграничение «прямых» и «косвенных» значений позволило нам выделить «собственно- респонсивы» и «респонсивы-реакции».

Первая группа связана с категориальными (информационным) типом вопроса и восполняет информационную недостаточность. «Респонсивы-реакции» представляют собой реакции на форму обращения или отношения к адресанту.

4. Асимметрия вопросительной формы и невопросительного значения нередко вызывает неоднородность восприятия информации (особенно у инофонов). Выступая в роли каузирующего стимула, подобные эротетивы задают своеобразный регистр общения.
5. Специфика ответного реагирования определяется балансом общения, включающим субъективные и объективные факторы, определяющие коммуникативную стратегию респондента. Баланс общения отражается на кооперативном фоне общения, включающим три тактики ответного реагирования: 1) сочувствие; 2) несочувствие; 3) игнорирование.
6. Категория связности в диалогическом единстве может выражаться в соотношении адресатом информации, как с содержанием самого вопроса, так и с формой обращения и личностью адресанта.
7. Автономность респонсивов в системе речевых актов проявляется в наличии специфических языковых структур: конструкций yes/no, т.н. «неполных предложений» (нормативных для диалогической речи). Они имеют и специфическую иллокутивную цель – речевое реагирование на каузирующий стимул, а также обладают интенциональной свободой – возможностью принимать или отвергать тактику кооперативного взаимодействия.
8. Конкретные переводческие решения непосредственно связаны с интерпретацией переводимого материала. Изучение взаимодействия эротетических и респонсивных речевых актов в рамках диалогического взаимодействия позволило соотнести категориальные и прагматические значения эротетивов с категориальными и прагматическими значениями респонсивов, что дало возможность предложить конкретные переводческие решения.
9. Исследование переводческих решений показывает наличие определенной системности в плане передачи респонсивов, однако, имеются случаи несовпадения, обусловленные различием, как соответствующих грамматических систем, так и специфической культурой национальных диалогических дискурсов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ «АЛГОРИТМА СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ»

Владимир БУДАЙ

Эрджиевский университет, Кайсери (Турция)

В Издательстве «Златоуст» (Санкт-Петербург) в 2012 году вышло учебно-методическое пособие по РКИ «Алгоритм словоизменения русских глаголов». Пособие состоит из 4-х частей: I. Лингвистическое описание каждой из 11 моделей; II. Языковые упражнения, направленные на овладение учащимися системой моделей; III. Соотнесённость моделей алгоритма с парадигмами прошедшего времени, императива, причастия и деепричастия; IV. Список глаголов (около 2000) с указанием модели и типа ударения и Приложения – алфавитного списка глаголов по каждой модели в отдельности.

Если у любого преподавателя РКИ (впрочем, как и у иностранца, изучающего русский язык) спросить, что составляет наибольшую трудность при изучении русского языка, они определённо скажут, что это склонение именных частей речи (все эти падежи, окончания!) и словоизменительная парадигма русского глагола в настоящем (простом будущем) времени. Упомянутое пособие и призвано помочь как изучающему, так и преподающему русский язык справиться с этими «ужасными» русскими глаголами.

Если согласиться с мнением, что "языковой навык" – это всего лишь сознательная сторона речевого навыка (что не лишено смысла), то становится совершенно очевидным, что обучение взрослых учащихся без опоры на грамматическую систему русского языка, на определённые грамматические правила значительно снижает эффективность обучения русскому языку.

Однако, чтобы добиться желаемого результата, в чём автор этих строк убедился за более чем пятидесятилетний опыт работы в группах начинающих изучать русский язык, иностранных учащихся следует знакомить с правилами грамматики не так, как мы это делаем, скажем, на уроках русского языка в средней школе или в лекциях на филологическом факультете вуза.

Отсутствие в глаголах четких границ между морфемами, между корнем и суффиксом, основой и окончанием приводит к тому, что овладение иностранными учащимися словоизменительной парадигмой русского глагола составляет определённую трудность.

На помощь как начинающему изучать русский язык иностранцу, так и преподавателю РКИ в такой ситуации может прийти система грамматических правил функционального характера не теоретически информационных, а практически ориентированных на выработку у учащихся соответствующих навыков владения языком.

Анализ словоизменения 37709 глаголов русского языка позволил вывести определённую закономерность (алгоритм) в системе словоизменения русских глаголов, лингвистическую основу которой составляет классификация русских глаголов по признаку продуктивности/непродуктивности, которая в свою очередь, как и алгоритм, определяется соотношением основ инфинитива и настоящего (простого будущего) времени.

Знакомство с алгоритмом словоизменения глаголов русского языка в настоящем (простом будущем) времени поможет преподавателю при объяснении темы "Спряжение глаголов русского языка", а у иностранных учащихся создаст представление о спряжении русского глагола, как о цельной, обозримой системе. И это, несомненно, будет способствовать более эффективному усвоению учебного материала, формированию устойчивых умений и навыков, связанных с использованием русских глаголов в процессе говорения и письма. Кроме того, владение системой моделей словоизменения глаголов поможет изучающим русский язык в работе со словарем при самостоятельном чтении литературы на русском языке.

Иногда приходится слышать сомнение в том, что алгоритм можно использовать на начальном этапе обучения, поскольку учащиеся не владеют в достаточной степени языком. Скорее, наоборот. Предлагаемую систему словоизменения русских глаголов по моделям следует использовать с момента появления в учебном материале первых глаголов, постепенно знакомя учащихся с особенностями каждой новой модели по мере того, как

встречаются глаголы, изменяющиеся по этой модели. Студентов, которые уже владеют русским языком, можно знакомить сразу с несколькими моделями или со всей системой в целом. Результат будет зависеть от того, насколько сам преподаватель сможет понять эту систему и соответственно объяснить её суть учащимся.

Прежде всего, учащихся нужно познакомить с алгоритмом словоизменения глаголов русского языка в общем виде. Объясните им, что для того чтобы изменять русские глаголы по лицам, в форме инфинитива необходимо произвести соответствующие изменения:

Изменения по сравнению с инфинитивом	Отсечение –	Нарращение +	Чередование Z	Нарращение +
--------------------------------------	----------------	-----------------	------------------	-----------------

Обратите внимание учащихся на то, что отсечением, наращением, чередованием и снова наращением ограничиваются те изменения, которые происходят в формах глаголов в настоящем (простом будущем) времени по сравнению с формой инфинитива. И в зависимости от того, какие из этих четырёх изменений и в каком варианте характерны для того или иного глагола, все глаголы делятся на 11 моделей словоизменения.

После этого, на примере первых глаголов, которые встретились в учебном материале (как правило, это глаголы, изменяющиеся по 1-й модели: *читать, делать, работать*) познакомьте их с частными случаями выражения алгоритма и одним из трёх типов ударения, так как важно не только правильно назвать личные формы глагола, но и правильно расставить ударение. Русским глаголам присущи три типа ударения: «А» – ударение, как в инфинитиве; «В» – ударение на личных окончаниях; «С» – подвижное ударение: в 1-м лице единственного числа на личном окончании, а затем на предпоследнем слоге глагола.

Следует обратить внимание учащихся, что модели I – IX имеют личные окончания I спряжения (на *-e-*) и только две модели X – XI имеют окончания II спряжения (на *-и-*). Если учащиеся запомнят это, они не будут делать ошибок в окончаниях 3-го лица множественного числа.

В I части пособия даётся подробное описание каждой модели.

I. ЧИТАТЬ (18174 глагола) – наиболее простая и распространенная модель, по которой производится отсечение показателя инфинитива (-ТЬ) и наращение личных окончаний на *-e-* (мягкий вариант: -Ю, -ЮТ).

II. ЖДАТЬ (2383 глагола) – модель, которой характерно отсечение показателя инфинитива вместе с предшествующей гласной и наращение личных окончаний на *-e-*.

III. ДАВАТЬ (125 глаголов) – по этой модели производится отсечение показателя инфинитива вместе с предшествующим суффиксом (-ВА-) и наращение личных окончаний на *-e-* (мягкий вариант: -Ю, -ЮТ).

IV. РИСОВАТЬ (4170 глаголов) – по этой модели необходимо произвести отсечение показателя инфинитива вместе с предшествующим суффиксом (-ОВА-, -ЕВА-), затем наращение гласной буквы (суффикса) -У-, -Ю- и личных окончаний на *-e-* (мягкий вариант: -Ю, -ЮТ).

V. ПИСАТЬ (941 глагол) – этой модели характерно отсечение показателя инфинитива вместе с предшествующей гласной, чередование во всех лицах конечного согласного основы инфинитива и наращение личных окончаний на *-e-*. Глаголы с основой настоящего времени на Л имеют мягкий вариант личных окончаний: -Ю, -ЮТ.

VI. По модели РАСТИ (593 глагола) необходимо произвести отсечение показателя инфинитива (-ТИ или -ТЬ), чередование согласных (это явление для части глаголов не характерно – 209) и наращение личных окончаний на *-e-*.

VII. Модель ЗВАТЬ (654 глагола) характеризуется отсечением показателя инфинитива (369) или показателя инфинитива с предшествующей гласной (285), чередованием гласных и наращением личных окончаний на *-e-*. Глаголы с основой настоящего времени на гласный и Л имеют мягкий вариант личных окончаний: -Ю, -ЮТ.

VIII. Модель ЖИТЬ (240 глаголов) требует отсечения показателя инфинитива (135) или показателя инфинитива вместе с предшествующей гласной (105), наращения согласной (-В-, -Н-, -М-, -ГН-) и личных окончаний на *-e-*.

IX. Модель МОЧЬ (339 глаголов) характеризуется отсечением показателя инфинитива -ЧЬ (270), (для некоторых глаголов (69) вместе с предшествующей гласной), наращением согласной -Г- (164) или -К-(175), чередованием этой согласной во всех лицах, кроме I лица ед.числа и III лица мн.числа (соответственно Г/Ж и К/Ч), и наращением личных окончаний на -е-.

X. ГОВОРИТЬ (5357 глаголов) – очень распространенная модель, по которой производится отсечение показателя инфинитива вместе с предшествующей гласной и наращение личных окончаний на -и- (мягкий вариант, кроме глаголов с основой настоящего времени на Ж, Ш, Ч, Щ).

XI. ВИДЕТЬ (4518 глаголов) – модель, которую характеризует отсечение показателя инфинитива вместе с предшествующей гласной, чередование согласной основы инфинитива только в I лице ед. числа и наращение личных окончаний на -и- (Глаголы с основой настоящего времени на Ж,Ш,Ч,Щ в 1-м лице ед. числа имеют твердый вариант: -У, -УТ).

Алгоритм словоизменения глаголов русского языка с учётом особенностей каждой из моделей представлен в пособии в виде общей сводной таблицы, в которой закодированы 37494 глагола (кроме исключений) и отражены все изменения, происходящие в формах настоящего (простого будущего) времени по сравнению с формой инфинитива.

За пределами предлагаемой системы остаются глаголы, группирующиеся вокруг следующих восьми корней: БЕЖАТЬ (29), БЫТЬ (27), ВЗЯТЬ (2), ДАТЬ (49), ЕСТЬ (36), СНЯТЬ (30), ХОТЕТЬ (11) и УЧЕСТЬ (31). Их следует рассматривать как исключения и вводить лексически. Три из этих глаголов имеют и отличающееся от описанных типов "А", "В" и "С" смешанное ударение (ХОТЕТЬ, ДАТЬ и ЕСТЬ).

Какие же преимущества даёт использование подобного описания глагольного словоизменения и знакомство учащихся с алгоритмом и глагольными моделями в процессе обучения русскому языку как иностранному?

Прежде всего, предлагаемая система словоизменения глаголов по моделям позволяет закодировать практически любой глагол (кроме исключений): *делать (I-A), смеяться (II-B) сдавать (III-B) использовать (IV-A), записать (V-C, с/и), грести (VI-B, с/б), брать (VII-B, -е), стать (VIII-A, н.), помочь (IX-C, з), учиться (X-C), любить (XI-C, б/л/б)*. Такое кодирование также очень удобно при введении новой лексики на занятиях по русскому языку и экономически выгодно при составлении учебных словарей.

Учитывая *полноту описания явлений*, происходящих в формах настоящего (простого будущего) времени по сравнению с формой инфинитива, субъекты учебного процесса получают *обозримую систему* словоизменения русского глагола, так необходимую для презентации и усвоения языкового материала.

Мотивированная практическими потребностями группировка глаголов вокруг определённого образца-модели вооружает преподавателя *минимально необходимым количеством правил для презентации* языкового материала, а учащегося – *минимальным количеством позиций для запоминания в правиле* при усвоении этого материала.

Использование алгоритма в учебном процессе развивает у учащихся навыки прогнозирования, языковой догадки на уровне грамматических форм.

Для успешного формирования языковых навыков, связанных со словоизменением русских глаголов, разработана и соответствующая система содержащихся во II части пособия языковых упражнений, которые: а) знакомят учащихся с особенностями каждой из 11 моделей, б) обучают применению полученных знаний на практике, в) закрепляют эти знания; г) контролируют прочность полученных знаний.

Многолетняя практика использования алгоритма показывает, что понимание учащимися сути алгоритма и владение системой моделей словоизменения русских глаголов однозначно способствует выработке у учащихся языковых навыков, которые затем трансформируются в речевые.

Учащиеся довольно легко справляются с трудностями усвоения особенностей каждой из моделей и успешно используют систему моделей не только в процессе обучения, но и в реальных речевых ситуациях, в чём, собственно, и заключается конечная цель обучения с использованием предлагаемой системы моделей словоизменения глаголов русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Budai V. G.* Russian Verbs Conjugation Types // Russian Language Monthly. Soviet Land Publication, New-Delhi, March-April 1970. №№ 41(29-31)–42(23-27).
2. *Будай В. Г., Багга Р. С., Менон Р. Н.* Русский язык. Учебный комплекс для студентов-нефилологов Индии: Учебник/Книга для преподавателя. М.: Рус. язык, 1982 (1-е изд.), 1989 (2-е изд.). (Алгоритм в учебнике).
3. *Будай В. Г.* Алгоритм словоизменения глаголов русского языка в настоящем (простом будущем) времени // Русский язык за рубежом. М., 1986. № 4 (73-81).
7. *Будай В. Г.* Русский с алфавита: Практический курс русского языка. Мн.: БГУ, 2003. (Алгоритм используется в учебнике)
8. *Будай В. Г.* Русский с алфавита: Практический курс русского языка (с грамматическим комментарием на турецком языке и озвученным приложением). Кайсери: Эрджиевский университет, 2011. 9.
- Будай В. Г.* Алгоритм словоизменения русских глаголов как средство овладения языковой компетенцией// XII Конгресс МАПРЯЛ, том 3. Шанхай: Shanghai Foreign Language Education Press, 2011 (61-65).
10. *Будай В. Г.* Алгоритм словоизменения русских глаголов, Учебно-методическое пособие по РКИ (с вкладышем), Санкт-Петербург, «Златоуст», 2012. (126)

К ОПЫТУ АНАЛИЗА ТЕКСТУАЛЬНОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ

(КОНЦЕПТ «КРЕМЛЬ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

XIX-XXI В.В.)

Ж.А. Вардзелашвили, Н. П. Певная

Университет им. С.-С. Орбелиани, Государственный университет Ильи, Тбилиси, Грузия

Статья посвящена анализу текстуального наполнения концептуальной области Кремль. Кремль для русского языкового сознания является одной из важнейших этнокатегорий, что подтверждается и данными Русского ассоциативного словаря. Лексема «кремль» при избранном подходе понимается как номинатор концепта культуры, который соотносится в сознании носителей языка с триадой «образ – понятие – символ». Способы и средства языковой реализации концепта Кремль в русском языке анализируются на материале текстов художественной литературы. Реконструкция концепта Кремль, проведенная на основе анализа лексикографических, экстралингвистических и конкретных эмпирических данных с применением методов когнитивной интерпретации и интроспекции, позволила выявить в его структуре концептуализированные области и сделать вывод о природе данного конструкта.

Ключевые слова: концептуальная область, текстуальное наполнение, конструкт, «семейное сходство».

To Practice of a Textual Content Analysis of a Conceptual Area (The concept of "Kremlin" in Russian literature of XIX-XXI centuries)

The article analyzes the textual content of a conceptual area of Kremlin. Kremlin is one of the most important ethnic categories of Russian linguistic consciousness which is verified by the data of the Russian Associative Dictionary. According to the chosen approach, the lexeme "Kremlin" is understood as the nominator of a culture concept, which is related to the triad of "image - notion - symbol" in the minds of language bearers. The methods and means of linguistic realization of the concept of Kremlin in the Russian language are analyzed on the literary texts material. The concept of Kremlins reconstructed on the basis of lexicographical, extra-linguistic and specific empirical data analysis using the methods of cognitive interpretation and introspection. The reconstruction of the concept of Kremlin made it possible to identify the conceptualized areas in its structure and to make conclusions about the nature of the given construct.

Keywords: conceptual area, textual content, the construct of "family resemblance".

Концептуальная область – это содержательное наполнение реконструируемой абстрактной структуры, которая имеет отношение к концептуальному полю национального сознания. Статья посвящена анализу текстуального наполнения концептуальной области *Кремль*. В задачи текстового анализа в предложенной методике входит выявление тех кодов, которые задействованы в процессе смыслообразования концептуального пространства отдельных текстов и которые через авторское мировидение оказывают влияние на развитие концептуализированной зоны этнокатегории *Кремль*. С этой целью в фрагментах художественного дискурса выявляются текстовые означающие концепта, которые сопоставляются с лексикографическими данными и экстралингвистической информацией.

Известно, что кремль определял структуру и планировку древнерусского города. Этимологическая справка дает следующее описание анализируемого слова: «**кремль**: «крепость внутри города», др.-русск. *кремль*, также *крем(ь)ник*. Сюда же: *кремль* м. «часть засеки, где растет лучший строевой лес», *кремлёвый* «крепкий, прочный» (о строительном лесе)» (1). В. Даль определяет лексему следующим образом: «**кремль** м. *кремль*, *кремник* стар. и *кромь* (от *кромить*, *кромленое место*), детинец, внутренняя крепостца, крепость внутри города; стена с бойницами, воротами, башнями, ограждающая важнейшую часть города, дворец, казну» (2). Со временем понятие, закрепленное за словом «кремль», в сознании носителей языка «сжимается» до конкретного: «**Кремль** – В старых русских городах – внутренняя городская крепость» (3). На то, что для русской культуры понятие «кремль» является одной из важнейших этнокатегорий указывает непрекращающийся динамический процесс внутри его концептуального поля.

Так, в СТСРЯ под редакцией С.А. Кузнецова фиксируется: «**Кремль** 1. Внутренняя городская крепость в старинных русских городах. 2. [с прописной буквы]. Место размещения аппарата президента на территории Московского Кремля. // О власти центрального правительства» (4). Как следует из словарной статьи, лексема приобрела ЛСВ2 и дополнительный оттенок значения (ср. с данными Словаря под ред. Д. Н. Ушакова). В Толковом словаре русского языка Дмитриева фиксируется: «1. **Кремль** – это внутренняя городская крепость в старинных русских городах. 2. **Кремлём** называют место размещения аппарата президента России на территории Московского Кремля. *Встреча в Кремле. | Руководить из Кремля.* 3. **Кремлём** называют членов российского правительства, президентской администрации. *Кремль затекает грандиозный проект создания двух системных партий. | Весь губернаторский корпус обеспокоен планами Кремля создать механизм увольнения губернаторов указами президента.*» (5). Еще более показательной можно считать дефиницию из толково-словообразовательного словаря русского языка Т. В. Ефремовой: «Кремль. м. 1. Московский Кремль как место пребывания главы государства и размещения аппарата президента. 2. Употребляется как символ высших органов власти Российской Федерации.» (6). Таким образом, в процессе освоения понятия можно проследить, как все более отдаляясь от референта «крепость внутри города», «кремль» превращается в номинацию «места пребывания главы государства», а вслед за этим, на основании действия метафорической трансформации, начинает употребляться в узусе «как символ высших органов власти Российской Федерации». Расширение семантики лексемы «кремль» связано с определенными историко-политическими событиями. Вместе с тем, смыслы, которые исторически принимали участие в концептуализации понятия, продолжают влиять на развитие концептуального пространства слова в сознании современных носителей языка.

По нашим данным, в современном русском языковом сознании можно выявить следующие эксплицитные коннотации лексемы: *власть, правительство, государство* и вывести ее концептуальное наполнение: *люди знают, что кремль – это тип архитектурного сооружения; люди знают, что Кремль – это архитектурный памятник на Красной площади (но есть и в других старинных русских городах); люди знают, что Кремль – это место, где находятся учреждения государственного управления; люди знают, что Кремль – это должностные лица, управляющие государством.*

Какова природа корреляции ассоциаций, связанных с языковой онтологизацией понятия *Кремль*? Для реконструкции наиболее адекватной модели концептуальной области *Кремль* обратимся к дискурсивному пространству нарратива, в пределах семантического объема которого опредмечивается концепт и выявляется динамика распределения смыслов данной контекстуальной единицы. Нумерация представленных фрагментов дискурса служит для подсчета количества концептуализированных смысловых областей, которые были установлены в ходе анализа.

В идиостиле Э. Лимонова выявлено: «1. Символ Парижа — Эйфелева башня, символ Москвы — Кремль ... [Эдуард Лимонов. Книга воды, 2002]». В концептуальной области проявляется авторское наполнение концепта, что можно проследить по следующей схеме: *Кремль = условный знак → обозначение → Москва*. У П. Проскурина: «2. Вот и *Кремль* сегодня проступает из снежной бури, как *фантастический корабль*, сильные огни фонарей на его стенах только усиливают сходство с фантастическим кораблем, *неизвестно из какой тьмы вырвавшимся и неизвестно куда плывущим*. [Петр Проскурин. Черные птицы, 1983]». В фигуре сравнения с предикатом «как» отношения подобия установлены между репрезентантами отличных классов, связанных в сознании через сравнение: «*Кремль как корабль*». В процедуре сравнения участвуют три компонента: *Кремль – корабль – движение*. Выстраивается следующая логосхема: *Кремль = крупное + морское + судно + неправдоподобный + неизвестность + недоступно + сознание*. В. Пелевин: «3. Все в его комнате было по-прежнему: на скатерти — пятно от селедки; громоздился маленький *бутылочный кремль* у двери шкафа, и, изо всех сил стараясь казаться обнаженной, улыбалась фотографу голая баба у «Запорожца» на календаре. [Виктор Пелевин. День бульдозериста, 1991]. Авторское намерение воплощается через наращение смысла лексемы «кремль». Раздвоение значения слова на два ЛСВ, формируя метаязыковой код. Именная группа является диффузным вариантом собственного наименования –

топонима *Кремль* и представляет образец онтологической конструкции. Возникает вопрос существования данного объекта. В концепции автора онтология Кремля включает предикат «бутылочный». Анализ предиката позволяет выявить его имплицитные составляющие. Пропозиция, приведенная в контексте, представляет прямую интерпретацию экстенционала, которая обозначает конкретный объект – сосуд из стекла. В транскрипции В. Пелевина бутылка является копией Кремля, исполненной из стекла, и представляет собой материализованный символ государственности, высшей власти. В анализируемом контексте можно выявить не только внутритекстовые компоненты, ограниченные пределами текста, но и внетекстовые. Очевидно, что для носителей русской культуры – современников автора – не представляет особой сложности понимание контекстуального смысла «*бутылочный кремль*». Описание деталей обстановки комнаты героя (пятно, оставленное рыбой на столе, настенный календарь) являются маркерами, которые указывают на «координаты» конвенционального кода: *бутылочный кремль* → *форма бутылки для водки* → *кремлевские башни* (сходство по форме). Проявляющиеся в процессе интерпретации интра- и экстратекстовые связи выносят семантическое наполнение за внутренние границы текста повести в интертекст: *бутылочный кремль* ≠ *символ государства* → *сосуд из стекла* → *емкость+жидкость*. Продолжая интерпретацию, можно вывести оппозицию: профанное – теургическое. Эта концептуальная схема представляет «изнанку» субъекта, мены его признаков и формирует «антикремль». Эманация элементов «*святыня*» → «*бутылка*» в тексте В. Пелевина может рассматриваться как иллюстрация увеличивающейся абсурдности современной жизни, своеобразная точка бифуркации. Фрагмент из романа П. Д. Боборыкина «Василий Теркин» можно рассматривать как антитезу пелевинского образа: «4. *Кремль* оставил в них ощущение чего-то *крупного*, такого, что *не нуждается ни в похвалах, ни в осуждении*. [П. Д. Боборыкин. Василий Теркин, 1892]». Данная пропозиция представляет прямую интерпретацию экстенционала, которая обозначает конкретный объект – архитектурное сооружение – Кремль: *Кремль* = *впечатление + большая сила + влияние* ~ *одобрение + анализ*. Частотными являются и контексты, в которых выявляется схожесть референта, но он имеет сакральную характеристику, например, пресуппозиционная установка: *Кремль* → *священное место*: И. И. Панаев: «5. Вот ее *святой Кремль* с золотыми, сердцеобразными куполами, с бесчисленными крестами, между которыми красуются старинные двуглавые орлы, почерневшие от времени; с пестрыми теремами и башнями; с Иваном Великим, который господствует надо всеми громадами зданий. [И. И. Панаев. Белая горячка, 1840]».

Реконструкция концепта *Кремль*, проведенная на основе анализа лексикографических, экстралингвистических и конкретных эмпирических данных с применением методов когнитивной интерпретации и интроспекции, позволила выявить в его структуре следующие концептуализированные области: *Кремль 1* – архитектурное сооружение; *Кремль 2* – символ Москвы; *Кремль 3* – символ движения; *Кремль 4* – символ волшебства; *Кремль 5* – символ государственности; *Кремль 6* – символическая модель мира; *Кремль 7* – сосуд для жидкости; *Кремль 8* – святыня. Следовательно, данный конструкт не копирует первичные составляющие концептуальных областей и не представляет собой совокупность их компонентов, но на «генетическом» уровне проявляет черты «семейного сходства» и при этом формирует собственную природу.

Список литературы:

1. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Москва, 1967;
2. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1955;
3. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. Москва, 1935;
4. *Кузнецов С.А.* Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2002;
5. *Дмитриев Д. В.* Толковый словарь русского языка. Москва, 2003;
6. Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой: электронный ресурс: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-11594.htm>.

ОБЪЯСНЕНИЕ КАК ТИП ТЕКСТА

(НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СТИЛЯ РЕЧИ)

И.М.Вознесенская
СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация: Задачи обучения связной речи (восприятия и порождения) требуют лингвистической разработки типов текста, уточнения способов изложения материала соотносительно с характером текстовой информации. В докладе рассматриваются особенности объяснения в аспекте текстовой типологии. Предлагается классификация объяснения на основе логико-смысловых компонентов его структуры и установок в процессе текстопорождения.

Ключевые слова: функционально-смысловые типы речи, текст, типы текста, объяснение, рассуждение, обучение связной речи

EXPLANATION AS A TYPE OF TEXT (A CASE STUDY OF PUBLICISTIC STYLE)

Annotation: objectives of the coherent speech training (perception and production) require linguistic formulization of the types of text and specification of the methods of rendering the material (in correspondence with the style of the text information). Discussed in the report are the characteristics of explanation (in terms of textual typology). The report provides a classification of explanation based on the formal semantic components of its structure and presuppositions in the process of producing the text.

Key words: pragmatival types of speech, text, types of text, explanation, discourse, coherent speech training.

Задачи обучения связной речи (восприятия и порождения), формирование умений понимать и строить текст разных типов в разных коммуникативных условиях требуют лингвистической разработки типологии текстов, уточнения способов изложения материала соотносительно с характером текстовой информации.

Наиболее адекватно реализации этих потребностей соответствует подход к изучению текста с позиции функционально-смысловых типов речи (ФСТР) как специальных речевых способов передачи информации. Как справедливо отмечает Н.С.Валгина, «функция и смысл, а не синтаксические структуры создают характерологические признаки текста» (Валгина. Электронный ресурс).

Наиболее традиционная классификация, как известно, включает три типа речи – описание, повествование, рассуждение. В составе рассуждения некоторые специалисты выделяют объяснение и доказательство как его разновидности.

В трактовке объяснения отражаются его разные понимания. Объяснение в широком смысле – рассуждение с установкой на сообщение новой для адресата информации, раскрывающей сущность предмета, признака, явления. Объяснение в узком смысле – рассуждение с установкой на представление информации в доступной для адресата форме, требующей специальной организации речи и ее выбора говорящим. Объяснение трактуется также как особая логическая процедура, операция, в теории общения – как коммуникативное действие.

Для объяснения как ФСТР характерны:

- нацеленность на адресата в ситуации «интеллектуального неравенства» (Купина, Матвеева 2013), предполагающей неравенство знаний, «разрыв в опыте»;
- информирование через сообщение нового для адресата знания о фрагменте мира, необходимого для его понимания, уяснения положения дел;
- смыслообразующие отношения причинности, шире – обусловленности, взаимосвязи, установление причинно-следственных связей, что проявляется в намерении говорящего охарактеризовать явление, изложить обстоятельства, его обусловившие, показать связь явлений;
- наличие специальных приемов, облегчающих понимание;

- специальная структура: эксплананд («фактофиксирующее высказывание», то, что подлежит объяснению) и эксплананс;

- разные формы, способы представления знаний: логико-рациональный способ и ассоциативно-художественный, образный, которые имеют ту или иную преимущественную реализацию в разных ситуациях и сферах общения.

Эти черты отражены, в частности, в характеристике объяснения, которое дают Н.А.Купина и Т.В.Матвеева: "Объяснение, в отличие от доказательства, используется в ситуации интеллектуального неравенства адресанта и адресата речи, например, в процессе обучения или столкновении со странным, непонятным явлением или текстом. Адресанту уже известна та или иная мысль по данному поводу, и он подбирает аргументы, чтобы убедительно представить эту мысль неосведомлённому или менее осведомлённому адресату. Задача говорящего состоит в том, чтобы подобрать доводы к своему тезису (правилу, закону, факту) таким образом, чтобы тезис стал понятен адресату. Содержательные части объяснения - это тезис и комментарий к нему, составляющий собственно объяснение с применением специальных приёмов комментирования, которые облегчают восприятие сложного для адресата содержания". Здесь могут быть иллюстрации, приёмы образной аналогии, перифразы и т.п.» (Купина, Матвеева, 2013: С. 113-114).

По содержанию логико-смыслового развертывания можно выделить некоторые типы текстов-объяснений:

1. Объяснение – квалификация предмета (*Что это? Что такое...?*)

Например: Первым для меня в Ереване был Матенадаран. Это хранилище рукописей, свитков, рукописных и первопечатных книг Армении, изукрашенных потрясающими миниатюрами («Огонек»).

2. Объяснение – квалификация лица (*Кто это? Кто такой...?*)

Например: Герой интервью – Владимир Ильич Толстой – эссеист, журналист, праправнук Льва Толстого, до недавнего времени занимавший пост директора музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», а теперь ставший советником президента РФ по вопросам культуры («Итоги»).

3. Объяснение – подтверждение, конкретизация через демонстрацию проявлений признака.

(В чем это состоит? В чем это заключается?, что сопровождается включением слов то есть, а именно, это проявляется в том, что..., это значит...).

Например: Он (Илия 11, грузинский каталикос-патриарх) сам очень образованный, энциклопедически развитый человек.

...каждый четверг проводил встречи с учеными, где обсуждались актуальные вопросы науки

... помогал грузинской науке и морально, и материально

... стал учредителем одного из престижных ныне светских вузов...

... он является почетным доктором Тбилисского ун-та... («Огонек»)

4. Объяснение-уточнение, пояснение (*Что именно? Какой именно? Как именно?...?*)

Например:

– Ещё люблю Токио и вообще Японию. Я считаю, что и мы, и весь мир должны у них учиться.

– *Чему именно?*

– Работоспособности, дисциплине, ответственности, опрятности, организованности. И ещё – вежливости («Смена»).

Названные типы далеко не исчерпывают разновидностей объяснения как ФСТР, лишь намечают некоторые возможные основания к выявлению его типологии. Такая систематизация возможных текстовых моделей может способствовать решению проблемы научно-методического характера, связанной с осознанием того, что учить словам и грамматическим конструкциям на тексте полезно, но недостаточно, что обучение речи должно опираться на выявление и разработку типов текста в смысловом и функциональном аспектах.

Список литературы

Валгина Н.С. Виды информации и функционально-смысловые типы речи (способы изложения). URL: <http://www.evartist.narod.ru/text14/14.htm>

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров/ Н.А. Купина, Т.В. Матвеева. – М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 113-114.

АНГЛИЙСКАЯ ПЬЕСА С РУССКОЙ ДУШОЙ: К ВОПРОСУ О СЦЕНИЧЕСКОЙ ПОСТАНОВКЕ МЕЩАНСКОЙ ТРАГЕДИИ В РОССИИ

М. С. Галлямова

Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск (Россия)

Аннотация : Творчество Джорджа Лилло представляет собой важный этап в истории английской литературы XVIII века. Основной задачей данной статьи является изучение жанра мещанской трагедии и анализ ее влияния на русскую театральную мысль. Рассматриваемый материал объясняет стремление русских драматургов приспособить новаторский жанр к русской сцене и позже видоизменить его. Оно возникло от осознания того, что мещанская трагедия представляла собой идеальное дискуссионное поле, где этические нормы, а также нравственные мотивы могли быть преобразованы на иных принципах.

Ключевые слова: мещанская трагедия, Россия, Англия, Джордж Лилло, Островский, мещане, новаторство

THE ENGLISH PLAY WITH A RUSSIAN SOUL: TO THE QUESTION ON SCENIC SETTING OF DOMESTIC TRAGEDY IN RUSSIA

Summary: The creation of George Lillo represents an important stage in the history of English literature of the XVIII century. The main task of this article is to study the genre of domestic tragedy and analysis of its impact on the Russian theatrical idea. The material explains the desire of Russian playwrights to adapt the innovative genre to the Russian stage and later modify it. It stemmed from the realization that the domestic tragedy had the ideal controversial field within which ethical norms, as well as moral motives could be modified.

Key words: domestic tragedy, Russia, England, George Lillo, Ostrovsky, petty bourgeoisie, innovation

Русские литераторы и деятели культуры всегда интересовались Англией. Они писали об этой стране, её истории, народе, традициях, о различных видах искусства. Между Англией и Россией были периоды, когда экономические и политические связи становились чрезвычайно тесными и плодотворными, но также существовало и социальное противодействие.

Однако культурные связи двух стран никогда не прерывались. Английский театр, литература, философская и эстетическая мысль, архитектура и изобразительное искусство оказали огромное влияние на русскую духовную культуру. Энтони Кросс отмечает: «...в XVIII веке Россия вступает с Западом в отношения любви и ненависти. Между Великобританией и Россией только уважение и почитание» [1, с. 26].

Интересно проследить, как в процессе развития русско-английских взаимоотношений в художественной и критической мысли России формировалось в XVIII веке представление о другой стране, ее зарубежной культуре, театральном искусстве.

Просветительская литература, центром идей которой становится Англия, отличалась тематическим богатством и жанровым своеобразием. Ни одна эпоха до тех пор не выдвигала такого количества типов романа, эссе, документального жанра, путевых заметок, комедии, трагедии и её разновидности – мещанской трагедии.

«Мещанская трагедия – это драматический жанр, отражающий исключительно острые проблемы, непримиримые жизненные конфликты с катастрофическими последствиями, происходящие в рамках семьи в отношениях между представителями третьего сословия, трагическое положение которых заключается в непреодолимых душевных противоречиях» [2, с. 63].

Джордж Лилло стал создателем нового драматического жанра, оказавшего определённое влияние и на русскую драматургию. В одной из его мещанских трагедий «Лондонский купец» (1731) показано нравственное падение главного героя Джорджа Барнвела, который связывает себя дружескими узами с падшей женщиной по имени

Мильвуд. Она сначала принуждает его совершить воровство, а затем убийство. Своего хозяина, Торогуда, молодой человек обманывает, чтобы завладеть частью его состояния, а родного дядю убивает ради наследства. В результате оба идут на виселицу. Подмастерье раскаялся после длительных молитв о прощении, а Мильвуд так и не посчитала себя виновной в содеянном. В центре внимания произведения – тема испытания добродетели, проверки ее стойкости против любых искушений и соблазнов.

В Англии эта пьеса стала продуктом социально-политического переворота, выдвинувшего вперед третье сословие. В России в XVIII веке дворянство не подвергалось опасности лишиться своих прав в пользу городского населения. Тем не менее, английские пьесы, написанные в жанре мещанской трагедии, были встречены в России с одобрением. Впервые они появились на русской театральной сцене преимущественно благодаря переводам.

Например, актер Иван Афанасьевич Дмитриевский переделал в 1764 году произведение Джорджа Лилло и назвал его «Лондонский купец, или приключения Георгия Барнвеля». Его перу принадлежит более 50 переработок иностранных пьес, в которых автор шел навстречу демократическим вкусам публики, постоянно расширяя репертуар русской сцены прогрессивными по меркам того времени английскими сентиментальными комедиями и мещанскими трагедиями.

И. А. Дмитриевский писал: «Театр – это такое место, которое должно быть во всей строгости училищем добродетели и страшилищем пороку» [4, с. 123]. Действительно, нравственность в XVIII веке была настоящим богатством, к которому стремился практически каждый человек. Это предмет рассуждений, споров, восхвалений на сцене эпохи Просвещения. «Да здравствует тот, кто любит добродетель!»: подобные восклицания раздавались во многих драматургических пьесах двух стран.

Мещанская трагедия стала развиваться и в России. Причину этого можно увидеть в том, что новые произведения, подобно английским образцам, представляли на сцене людей близких русскому обществу. Мещанин, мещанский – слова более понятные в нашем контексте, на почве русского языка, и по смыслу, и по отношению к исторической действительности.

Мещанами на Руси в то время назывались чёрные градские люди (черная сотня), т. е. низший разряд городских жителей (торговцы, ремесленники, поденщики), более распространенным названием, которых было посадские.

В толковом словаре В. Даля дано следующее определение: «мещанин – горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству; к числу мещан принадлежат также ремесленники, незаписанные в купечество» [3, с. 373].

Так под влиянием идеологии этого сословия на театральной сцене появились пьесы В. И. Лукина «Мот, любовью исправленный» (1765), М. М. Хераскова «Друг несчастных» (1774) и «Гонимые» (1775), М. И. Вережкина «Так и должно» (1773) и «Точь-в-точь» (1785), Д. В. Ефимьева «Преступник от игры, или братом проданная сестра» (1788), написанная на тему английской мещанской трагедии «Игрок» Эдварда Мура, и другие.

Эти пьесы изображали персонажи, которые являлись уже не королями и дворянами, а простыми людьми. Фабула развивалась так, что добродетельные герои играли сострадательные роли. Всё было направлено на то, чтобы вызвать у зрителя слезы сочувствия и умиления.

Русские драматурги разделили с английскими просветителями основную концепцию характеристики главного героя. Согласно их убеждению сюжеты таких пьес должны основываться на событиях жизненно подлинных, душой нового театра должен стать естественный, нравственный человек в частных обстоятельствах, изъясняющийся прозой.

Только к 30-м годам XIX столетия публика охладела к мещанским трагедиям, и драматурги перестали сочинять их в России. Но позже, также как это случилось и в Европе, жанр переродился в нечто более художественно зрелое, в драму, которая заключала в себе элементы трагедии, комедии, рисовала жизнь во всей сложности ее патетических и комических явлений.

Высоким творцом и последователем нововведения был в России А. Н. Островский. Другое восприятие мещан в нашей стране связано со смысловой переработкой данного термина под влиянием его творчества и общественно-политических процессов.

Благодаря русскому драматургу в переносном смысле мещанами стали называть людей, взглядам и поведению которых свойственны эгоизм и индивидуализм, стяжательство, аполитичность, безыдейность и т.п.

Например, своей наглядности эта мысль достигает в пьесе Островского «Гроза» (1859), где есть два главных персонажа – Кабаниха и Дикой. Оба входят в лагерь деспотичных, отрицательных героев и являются представителями «диких нравов» города Калинова.

В дальнейшем это резко негативное отношение к мещанству русского общества возникло в значительной мере под влиянием большевистской пропаганды, вследствие общей оппозиции мещанства революционному движению. «Человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором» [5, с. 564]. Это определение иллюстрируется словами М. Горького: «Театр, обнажая перед зрителем гнуснейшую сущность мещанина, должен возбуждать презрение и отвращение к нему» [5, с. 564].

Интересно отметить, что эта полностью негативная, политическая оценка мещанства – основного, стабилизирующего слоя общества XVIII века – с трудом могла быть понята в Европе того времени. «Ранний зарубежный аналог имел совсем другую этическую историю. В английском контексте мещанство очень близко по значению к словам благородство и интеллигентность, причем эти качества отличают не только образованного, воспитанного, культурного человека, но и обычного гражданина» [2, с. 66].

Итак, влияние английской литературы на русскую проявилось уже в начале XVIII века. Идеи англичан того столетия отразились в России главным образом в одной отрасли литературной деятельности - театре. Русские драматурги XVIII века сделали первые робкие шаги на пути художественного воплощения нового жанра мещанской трагедии. Общий накопленный опыт был передан как эстафета литературе XIX столетия, которая уже внесла свои коррективы и изменила главную составляющую жанра.

Список литературы

1. Great Britain and Russia in the XVIIIth century: Contacts and Comparisons Newtonwille, Mass., 1972. - P. 26.
2. Галлямова М. С. Проблема специфики жанра «мещанская трагедия» в английской литературе начала XVIII века//Язык. Словесность. Культура. Рецензируемый научный журнал. Вып. 2-3. - Ногинск, 2012. - С. 57-75.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. - Т. 2. - М., 1956. - С. 373.
4. Куликова К. Российского театра первые актеры. Л., 1991. - 334 с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - Т. 2. - М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1937. - С. 564.

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И АНАЛИЗА УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА НА УРОКАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

О.И. Глазунова
СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

Аннотация: В статье рассматриваются варианты анализа смысловой и структурной организации художественных произведений на основе универсального принципа золотого сечения. Подобный подход на занятиях по русскому языку и литературе поможет учащимся лучше ориентироваться в художественном тексте и сформировать о нем более полное представление. В качестве примера в статье проводится анализ «Повестей Белкина» А.С.Пушкина.

Ключевые слова: изучение русской литературы, художественное произведение, структурные и смысловые компоненты текста, принцип золотого сечения.

THE PRINCIPLES OF SELECTION AND ANALYSIS OF THE TRAINING MATERIAL AT THE LESSONS OF RUSSIAN LANGUAGE AND LITERATURE

Abstract: The article is devoted to the problem of analysis of the semantic and structural organization of literary texts from the point of view of the Golden Ratio principle. This universal approach will help pupils develop their reading activities and comprehend the literary texts better. The principle of the analysis will be presented in the example of “Belkin's Stories” by A.Pushkin.

Keywords: The study of Russian literature, literary texts, structural and semantic components of the text, the Golden Ratio principle

Изучение художественных произведений на уроках по русскому языку и литературе требует от преподавателя четко продуманного плана и подхода не только к их интерпретации, но и к вопросам потенциального развития аналитических способностей учащихся.

Принцип золотого сечений – гармонического расположения частей по отношению к целому – определяет наше восприятие как отдельных предметов в окружающем мире, так и структурных композиций. Во многом он напоминает принцип физического равновесия, когда действующие на тело силы взаимно гасят друг друга (их векторная сумма равна нулю). На протяжении веков этот принцип был «универсальным законом художественной формы» (А.Ф. Лосев) в искусстве.

В художественном произведении задействованы самые разные структурные и смысловые компоненты, и для того чтобы сознание читателя могло охватить весь этот огромный конгломерат форм и значений, автору необходимо придерживаться определённых правил. Процесс познания начинается со сравнения, при этом в поле зрения человека должно находиться не более двух сравниваемых объектов. Возможно, поэтому в художественных текстах происходит поэтапное введение действующих лиц – таким образом, чтобы перед глазами читателя одновременно находились только два персонажа или каждый новый персонаж сравнивался бы с уже известными.

Например, в повести Пушкина «Выстрел», с которой начинается цикл «Повестей Белкина», повествователь рассказывает сначала о необычном человеке, который жил вместе с офицерами, – о Сильвио, затем о «бедном поручике», который оскорбил Сильвио, метнув в него «медный шандал», затем сам Сильвио рассказывает о своём враге и о сообщении, которое он получил накануне его женитьбы, и т.д.

В конце повести «Выстрел» автор также сообщает читателю о судьбе своего героя: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами». Кроме кольцевой композиции, при которой повествование начинается и заканчивается информацией об одном и том же человеке, в «Выстреле» присутствует и зеркальная симметрия, отражающая порядок введение в сюжет действующих лиц. Попробуем представить этот порядок в виде схемы.

Итак, вслед за повествователем автор вводит в сюжет повести главного героя Сильвио, затем следует рассказ о ссоре Сильвио с «бедным поручиком». Так как образ поручика в структуре повествования является проходным и появляется только затем, чтобы воскресить воспоминания Сильвио о дуэли, мы расположим его слева от пронумерованной оси, обозначающей порядок введение в сюжет действующих персонажей:

Повествователь – (1) – Сильвио
«бедный поручик» – (2) – враг Сильвио
– (3) – жена врага Сильвио

----- прошло несколько лет

(4) – графиня
(5) – граф
(6) – Сильвио, о котором сообщает повествователь.

О зеркальной симметрии в композиционном оформлении повести читатель получает представление только в конце «Выстрела», после того как узнаёт, что «враг Сильвио» и «граф», с которым встречается повествователь, – одно лицо.

Таким образом, сюжет повести «Выстрел» построен с использованием нескольких вариантов симметрии. Осевая симметрии, связанная с главным действующим героем повести Сильвио, вокруг которого группируются его друзья и недруги, прослеживается от начала до конца повести. Сильвио не только является центром развития сюжетных коллизий, но и точкой отсчёта степени проявления задействованных в повести основных признаков значений: тщеславия, честолюбия, мстительности, выдержки, благородства и т.д. Кроме того, сюжет повести делится на две части, между которыми наблюдается зеркальное соответствие вводимых в повествование действующих лиц: жена врага Сильвио = графиня; граф = враг Сильвио.

По сходной модели строится и вторая повесть Пушкина «Метель». Сначала читатель знакомится с Гаврилой Гавриловичем и его женой, затем с их дочерью Машей. Вслед за Машей на сцене появляется возлюбленный Маши – армейский прапорщик Владимир Николаевич и т.д. Появление действующих лиц повести представлено в схеме:

Гаврило Гаврилович – (1) – жена Гаврилы Гавриловича
(2) – их дочь Маша
(3) – армейский прапорщик Владимир Николаевич
..... (то, что произошло в церкви, – скрыто от читателя)

----- победа в войне 1812 года

..... (то, что происходит с Марией Гавриловной, – скрыто от читателя)
(4) – Бурмин
(5) – девушка в церкви (Маша)

Сюжет «Метели», как и «Выстрела», делится на две части: до и после победы в войне 1812 года, и заканчивается рассказом о счастливом завершении истории замужества Маши – главной героини повести. Учитывая тот факт, что Владимир Николаевич и полковник Бурмин оба добиваются руки Марии Гавриловны, в данном случае также можно говорить о зеркальной симметрии в организации сюжетной линии «Метели».

В соответствии с принципами симметрии Пушкин выстраивает повесть «Станционный смотритель», сюжет которой делится на две части: до и после поездки Самсона Вырина в Петербург, во время которой он встречает свою дочь Дуню в доме ротмистра Минского. Появление главных героев повести «Станционный смотритель» происходит в соответствии со схемой, в которой тоже наблюдаются элементы симметрии:

Повествователь
Вырин
Дуня

----- прошло несколько лет

Повествователь
Вырин
Дуня (в воспоминаниях отца)

Ротмистр Минский
Вырин заболел и слёг

=====► *поездка в Петербург*

Вырин в Петербурге

Ротмистр Минский

Дуня

Вырин

Повествователь

----- *прошло неизвестно сколько лет*

Повествователь

Вырин (в воспоминаниях мальчишки)

Дуня в образе барыни

Могила Вырина

Повествователь

В начале повести присутствует симметрия со сдвигом: Повествователь, Вырин, Дуня – Повествователь, Вырин, Дуня. Центральный эпизод повести – поездка стационарного зрителя в Петербург – разделяет повествование на две части от оси «прошло несколько лет» до оси «прошло неизвестно сколько лет», в которых появление героев происходит в зеркальном соответствии: Повествователь, Вырин, Дуня (в воспоминаниях отца), Ротмистр Минский, Вырин (заболел и слёг) – Вырин (в Петербурге), Ротмистр Минский, Дуня. Вырин, Повествователь.

В конце повести вокруг оси «прошло неизвестно сколько лет» присутствует зеркальное соответствие: Дуня, Вырин, Повествователь – Повествователь, Вырин (в воспоминаниях мальчишки), Дуня в образе барыни. Таким образом, в структурной организации «Стационарного зрителя» Пушкина преобладает зеркальная симметрия и лишь в начале, как было уже отмечено, наблюдается симметрия со сдвигом относительно оси «прошло несколько лет».

Поэтапное введение в сюжет действующих лиц (возможно, уже известных читателю, но появляющихся в ином качестве) заканчивается возвращением к исходному персонажу, который и замыкает повествование, после чего дальнейшее развитие сюжета становится невозможным. Повесть «Выстрел» начинается и заканчивается рассказом о Сильвио; «Метель», началом которой послужила история любви, ею же и заканчивается; в конце «Стационарного зрителя» читатель видит перед собой могилу Самсона Вырина, с рассказа о котором автор начал свою повесть.

Если в обычных условиях при воспроизведении информации замкнутость системы непродуктивна, так как ведёт к тавтологии, то в художественном произведении она является важной частью структурной организации. Кольцевое построение развития сюжетной линии замыкает информационное поле, давая возможность читателю возвращаться назад по кругу, находя всё новые темы и варианты осмысления прочитанного.

Структурная организация «Повестей Белкина» спланирована и выверена поэтом до мельчайших деталей. Все возможные художественные приёмы, с помощью которых удерживается внимание и интерес читателя, в ней задействованы. Но вместе с тем не менее важную роль в «Повестях Белкина» играет присутствующая в них философия, которая выходит на первый план и объединяет рассказанные истории в единое смысловое целое.

Стоит отметить, что на всех уровнях структурно-семантической организации пушкинских «Повестей Белкина» присутствует принцип симметрии. Например, если обратиться к тематике остальных повестей и их взаимному расположению, т.е. к построению композиции цикла, можно отметить, что «Гробовщик» в «Повестях Белкина» стал центром композиционной симметрии. По обе стороны от «Гробовщика» расположены повести «Метель» и «Стационарный зритель», сюжет которых развивается вокруг одной и той же темы – самовольного ухода из родительского дома Марии Гавриловны и Дуни.

По краям «Повестей Белкина» расположены повести «Выстрел» и «Барышня-крестьянка», сюжет которых тоже выстраивается вокруг одной и той же темы – темы вражды. Для героев «Барышни-крестьянки» Ивана Петровича Берестова и Григория Ивановича Муромского дело до мести, слава богу, не доходит, но Пушкин не скупится на описание неприязни, которую ближайшие соседи испытывают по отношению друг к другу.

Повести «Выстрел» и «Барышня-крестьянка» можно объединить ещё по одному признаку – отношению повествователя к историям, которые он рассказывает. Мысль о том, что вражда бесплодна, и только любовь способна изменить жизнь человека в лучшую сторону, сопровождает читателя на протяжении всего чтения.

Соразмерность и заложенная в противостоянии тематических доминант полярность определяет сюжет литературного произведения, предполагая наличие сложного художественного пространства, в котором происходят события и развивается действие. Принцип гармонии входящих в состав литературного произведения компонентов находит проявление как в форме, связанной с его композиционной структурой, так и в содержании. Если форма художественного произведения подчиняется законам симметрии, то содержание базируется на соотношении полярных признаков, степень проявления которых пульсирует от максимально возможного значения до нулевого, переходя в свою противоположность на другом конце вектора.

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ
(НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО)**

М.В. Головня
МГОУ, Москва (Россия)

Аннотация :В статье анализируются различные лексические и синтаксические средства выражения оценочного высказывания. Рассматриваются средства выражения положительной, нейтральной и отрицательной оценки в произведениях А.Т. Твардовского.

В поэтическом языке А.Т. Твардовского положительная оценка преобладает в количественном отношении над отрицательной на всех языковых уровнях, в том числе на лексическом и синтаксическом.

Ключевые слова: оценка, положительный / отрицательный / нейтральный оператор, оценочная шкала, лексика, синтаксис.

LEXICAL AND SYNTACTIC EVALUATION EXPRESSION MEDIUM (BY EXAMPLES OF A.T. TVARDOVSKIY OPUSES)

Different lexical and syntactic expressional utterance are analysed in the article. The positive, neutral , negative evaluation expression medium in A.T. Tvardovskiy opuses is considered.

In poetic language of Twardowski's a positive appreciation prevails in a quantitative sense at negative to all language levels, including lexical and syntactic.

Key words: evaluation, positive / negative / neutral operator, evaluation scale, lexical, syntactic.

Категория оценки универсальна. Она существует во всех языках, но средства выражения оценочных значений различны. В круг наших научных интересов входит оценка как лингвистическая категория.

Актуальность заявленной темы определяется интересом филологов к аксиологической проблематике в современной лингвистике, пониманием оценки как многоаспектной категории, которая рассматривается в науке в рамках различных подходов к её исследованию.

Способы выражения оценочных высказываний в русском языке разнообразны, они представляют собой систему и осуществляются посредством единиц разных уровней языка; оценочные значения реализуются также при взаимодействии единиц разных уровней в тексте.

Оценочные средства являются важнейшей составляющей языка и стиля художественной литературы. Они выражают субъективное ценностное отношение автора к миру, отражённое в художественном мышлении и поэтическом языке, в своеобразной поэтической «картине мира». Изучение идиостиля конкретного автора открывает новые стороны проявления категории оценки. Исследование ценностных ориентиров А.Т. Твардовского, представленных системой оценочных средств, имеет значение и для осмысления советского периода в истории художественной речи.

В произведениях А.Т. Твардовского находят отражение три типа оценочности: функциональная, коннотативная и прагматическая (по классификации Т.В. Маркеловой) [Маркелова 2006: 75]. Преобладает в поэтическом языке А.Т. Твардовского функциональная оценочность, то есть оценка содержится в семантической структуре слова. На лексическом уровне специализированными средствами с точки зрения выражения оценочных значений «хорошо / плохо» выступают прежде всего имена прилагательные (хороший – плохой) и производные от них наречия и предикативы (хорошо – плохо): *Путь далёкий, день хороший* (Шофёр); *Хорошо, девочка, жнётся...* (Подруги); *А чем плохая наша жизнь?..* (Страна Муравия).

Мы исследовали также средства выражения нейтральной оценки. На лексическом уровне нейтральная оценка в текстах А.Т. Твардовского представлена словами *обычный, обыкновенный*: *И уже **обыкновенно**/ То, что минул целый год./ Точно день. Вот так, наверно./ И война и всё пройдёт* (Василий Тёркин).

Нами описаны синонимы абсолютных аксиологических операторов *хороший – плохой*, употребляемые А.Т. Твардовским: *добрый, отменный, удачный, славный, счастливый, радостный; худой, дурной, горестный* и др.: *Ах, добрая осень, такую бы **добрую** старость...* (Листва отпылала...); *Но и там – и на том свете –/ Тоже **худо** без друзей...* (Тёркин на том свете).

В оценочном высказывании в поэзии А.Т. Твардовского слова часто употребляются в метафорическом значении: *удивительный, родной, золотой, тёмный, первый, высокий*: *Как ты **первой** была на полях и в овине...* (Катерина); *Нет, какой вы все, ребята,/ **Удивительный** народ; «Белоруссия **родная**,/ Украина **золотая**»,/ Здравствуй, пели и прощай* (Василий Тёркин).

Положительная и отрицательная оценка представлена абстрактными именами существительными: *беда, горе, уважение, радость, счастье, любовь* и т.п.: *Братцы, **горе** у меня...*(Страна Муравия); *Для них готовишь ты покой и **счастье*** (С одной красой пришла ты в мужний дом...).

В качестве продуктивных средств выражения оценки А.Т. Твардовский употребляет фразеологизмы положительной оценочной зоны (*золотые руки, в добрый час, добрым словом поминать, любо-мило, хоть куда*) и отрицательной оценочной зоны (*дело табак, дело плохо, не мёд, душу рвать, крышка кому-нибудь*). Отмечены и фразеологические единицы, характер оценки которых можно определить только в контексте (*смех и грех*).

Лексический и синтаксический уровни тесно взаимодействуют между собой в рамках функционально-семантической категории оценки.

Мы описали средства выражения оценки на синтаксическом уровне: отметили оценочные словосочетания, простые и сложные предложения, которые активно использует в поэтическом тексте.

Поэт употребляет аппозитивные словосочетания, именующие предмет с его оценочной характеристикой. В них актуализируется субъективная модальность, характерная для оценочных предикатов (*мать-земля, мамаша-мастерица, орёл-народ*...). Такие словосочетания характерны для русского народного творчества, и народный поэт А.Т. Твардовский продолжает в своих произведениях фольклорную традицию.

Оценочный предикат является основой проявления оценочного значения на синтаксическом уровне. Конструкции простого предложения с инфинитивом, выражающие оценку действия, являются продуктивными в грамматической системе современного русского языка: *Дойти до фронта – **тяжёлый труд*** (Дом у дороги); *Честью, друг, **считай** немалой/ Заработанной в бою,/ Услыхать от генерала/ Вдруг фамилию свою/* (Василий Тёркин).

В качестве средства оценки поэт активно использует бисубстантивные предложения, в которых оценочную функцию выполняет предикат: *А **солдат** солдату – **брат*** (Василий Тёркин); *Свет – **не хата*** (Дом у дороги); *Малина – жизнь у перевоза...* (Перевозчик).

Характер оценочного знака в номинативных предложениях зависит от речевой ситуации, в которой употреблена данная конструкция. Сравним: *Ну и парень, ну и шут...* и *Ну и запах! Валит с ног* (Василий Тёркин). В первом случае выражена положительная оценка героя, во втором номинативное предложение участвует в отрицательном оценивании противника.

Взаимодействие разноуровневых оценочных средств в сложном синтаксическом целом открывает особые аксиологические возможности средств языка в речевой реализации. В контексте слово подвергается оценочным трансформациям: безоценочное слово может приобретать оценочное значение, а слово с заложенным в нём ещё на лексическом уровне оценочным значением в определённом контексте меняет в аксиологическом плане значение с одного оценочного знака на другой.

Итог наших размышлений об оценочной интерпретации слова в зависимости от контекста можно образно выразить словами А.Т. Твардовского из мудрой «Книги про бойца»: *Вот и смех тебе. Однако/ Услыхал бы ты тогда/ Эту песню, – ты б заплакал/ От печали и стыда* (Василий Тёркин).

Ирония в идиостиле А.Т. Твардовского является значимым оценочным приёмом, который проявляется только в контексте: - *Ну что там! Конь – огонь!../ Как побежит – земля дрожит,/ Как упадёт – три дня лежит...* (Страна Муравия).

В художественном тексте «слово превращается в часть эстетического целого, поэтому его нельзя рассматривать изолированно, вне стиля. Оно – составная часть стиля» [Пустовойт 1974: 47].

Особенность А.Т. Твардовского как выразителя русской национальной языковой картины мира в том, что, даже оценивая отрицательно, он использует средства из арсенала положительной оценки. В разговорной речи при соответствующей интонации употребляются слова *Спасибо! Молодец! Хорошо!* и другие при отрицательной ироничной оценке ситуации. Интонация играет решающую роль в обретении словом оценочной семантики.

В результате исследования нами было установлено, что в поэтическом языке А.Т. Твардовского положительная оценка преобладает в количественном отношении над отрицательной на всех языковых уровнях, в том числе на лексическом и синтаксическом. Следовательно, аксиологический фон поэтических произведений А.Т. Твардовского **положительный**, что является характерной чертой идиостиля поэта, выразителя национального мировосприятия.

Список литературы:

1. Маркелова Т.В. Вопрос о категориальном статусе оценки. Оценка в отношении к грамматическим категориям предложения. Оценочный предикат// Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой. Монография / Под ред. П.А. Леканта. – М.: МГОУ, 2006. – С. 71-95.
2. Пустовойт П.Г. От слова к образу. – Киев: Радянська школа, 1974. – 191 с.
3. Твардовский А.Т. Собрание сочинений. В 6 тт. – М., Художественная литература, 1977.

РУССКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Т.Ф. Гришенкова

Сургутский государственный университет ХМАО-ЮГРЫ, г. Сургут

В данной статье рассматривается влияние исторических условий развития русского и немецкого народов, общности религиозного сознания на формирование представлений русских и немцев о жизни и смерти.

Ключевые слова: мифопоэтическая модель мира, реликты архаического мировоззрения, земное предназначение человека, загробная жизнь, духовная память.

RUSSIAN AND GERMAN PERCEPTION OF LIFE AND DEATH IN THE CONTEXT OF FABULOUS POETIC TRADITION

The article covers the influence of historical conditions of the development of Russian and German nations, collectivity of religious conscience on the visual formation of the Russians and the Germans on life and death.

Key words: fabulous poetic model of the world, relicts of archaic philosophy, terrestrial human mission, eternity, spiritual memory.

Мировоззренческой основой любой национальной культуры являются вопросы смысла жизни, предназначения человека, преемственности и духовной памяти поколений. Самосознание, жизнеощущение и миропонимание человека во многом определяется его отношением к жизни и смерти. Данное мировосприятие является результатом многовековой истории народа, его религии, а также реликтов более древнего – языческого сознания.

«Славянское язычество развивалось по разным руслам: одни племена верили в силы космоса и природы; другие – в Рода и Рожаниц, третьи – в души умерших предков и в духов (одухотворенные силы)...»[1]. Неслучайно, русский человек обладает ключевым свойством, составляющим силу движения жизни – духовной памятью. Она реализуется в привязанности человека к своей земле, природе, к родным могилам, к народному прошлому. Данная обращенность к своим предкам говорит о том, что русскому человеку свойственно драгоценное чувство рода, ощущение того, что сейчас человек лишь в малой доле живет на земле, а полная и истинная жизнь реализуется в бытии рода, в длинной цепочке предков и последующих поколений. Особенно рельефно и ярко представление русского человека о своем земном предназначении и способности это предназначение осуществить воплощается в сценах воображаемой смерти. Например, в повести современного русского писателя В. Распутина «Последний срок» полная эмоциональной приподнятости картина собственной кончины возникает в сознании главной героини – Анны Степановны. Встреча со смертью представляется Анне Степановне страшноватой радостью, она подобна театральному действу с колокольным звоном и продуманными декорациями: «Немая от страха и радости, которых она никогда не испытывала, старуха мелкими шажками начнет продвигаться к протянутой руке, и тогда вдруг справа откроется широкий и чистый, как после дождя, простор, залитый ясным небесным светом ... ударит звон. Сначала он ударит громко, празднично, как в далекую старину, когда народ оповещали о рождении долгожданного наследника, потом лишний гром в нем уберется, и над старухиной головой поплывет, кружась, песенная перезвонница»[2]. Такое восприятие собственной кончины свойственно Анне как носительнице народного христианского мироощущения.

Как известно, русским народом выработано особое отношение к смерти. Как свидетельствует В. Белов, «смерть представлялась русскому крестьянину естественным, как рождение, но торжественным и грозным (а для многих верующих и радостным) событием, избавляющим от телесных страданий, связанных со старческой дряхлостью, и от нравственных мучений, вызванных невозможностью продолжать трудиться... У северного русского крестьянина – смерть не вызывала ни ужаса, ни отчаяния, тайна ее была

равносильна тайне рождения... Естественная и закономерная последовательность в смене возрастных особенностей приводила к философско-религиозному и душевному равновесию, к спокойному восприятию конца собственного пути... Но встретить ее (смерть – Г.Т.) спокойно мог только тот, кто достойно жил, стремился не делать зла и кто не был одинок, имел родных. По народному пониманию, чем больше грехов, тем труднее умирать» [3]. У русского человека проявляется спокойная примиренность с собственным уходом из жизни, добровольная уступка природному закону бытия – смене одного поколения другим. Лично чувствуемая преемственность родовой цепи, идущая от предков и передаваемая будущим потомкам – основа гармоничного народного мироощущения, но вместе с тем – и морально-психологическая подоплека, определяющая жизненные устои характера русского человека. Когда перед смертью человек отчетливо понимает, что ему есть от кого уходить и есть к кому уходить. Рождение человека и уход его из жизни – две точки отсчета в человеческом существовании и одно звено в цепи существования вечного мира. В основе такой житейской философии – глубинные особенности народного мироощущения. В своем духовном проявлении человек в каждый момент своей жизни связан с движением времени: прошлым, настоящим и будущим. Данная концепция времени связана с древней формой сознания, общей для всех народов. М. И. Стеблин-Каменский так охарактеризовал эту особенность определенной стадии развития сознания, исследованную на материале древнеисландских саг: «Общее во всех... представлениях о жизни после смерти только одно: для отдельного человека время не кончается со смертью, оно обладает прочностью. И эта прочность времени всего отчетливее в представлении о «живых мертвецах», то есть о том, что человек остается после смерти, в сущности таким же, каким он был при жизни. Вера в загробную жизнь не причина, а следствие представления о прочности времени. Не те или иные представления о жизни после смерти определяют отношение человека к смерти, а его представление о времени. Если время едино и прочно и для отдельного человека не кончается со смертью, то она не так уж и опасна. Она гораздо опаснее для человека, если пропасть лежит между временем в природе и временем в индивидуальном опыте, то, что было, и то, что будет, не существует, настоящее – единственная реальность, и оно – лишь миг, и сознание изолировано в нем, и нет у времени никакой прочности» [4]. Русской национальной особенностью является сохранение реликтов архаического мировоззрения, что, впрочем, не исключает сосуществование в сознании русского человека совершенно иных черт и представлений.

Германцы – воинственные кочующие племена – как единая этническая группировка выступали примерно с XII века. Война для германцев носила почти культовый характер, она являлась средством обогащения и проявления своей мужественности и зрелости. Языческая религия древних германцев основывалась на веровании в бессмертие души; при этом в ней присутствовало представление о гибели богов и разрушении всего существующего мира, который должен был поглотиться громадным пожаром и вновь возродиться в измененном и уже неразрушимом виде. «Для древнегерманского мифопоэтического сознания со свойственной ему циклической концепцией развития актуальна схема: рождение (космогенез) – смерть (древнеисландская «гибель богов») – возрождение (обновление вселенной после эсхатологической катастрофы), которая действует не только в сфере макрокосма, но и микрокосма, то есть она определяет существование как мироздания, так и человеческой жизни. Через смерть как завершение жизни жизненный цикл интегрируется в годовой цикл, наглядно демонстрируя изоморфизм микро- и макрокосма» [5]. Таким образом, время древними германцами воспринималось не только линейно, текущим от создания мира к Страшному суду, но и циклически, как вечная смена природных циклов, возвращение на круги своя. Именно эта повторяемость доминировала в мифопоэтическом сознании, поэтому положительным считалось лишь то, что было освещено традицией. Ценности культуры древних германцев имели универсальное применение в рамках родо-племенного сообщества. В соответствии с заданными представлениями средневековый автор подчинял изображаемые им в произведении события уже известной в обществе системе правил: искал прецеденты в прошлом, подбирал сюжетные формулы. В героическом эпосе мифологические сюжетные

элементы подчиняются целостному историзированному развитию сюжета. В рамках древнегерманской мифопоэтической модели мира «смерть противопоставляется жизни и ассоциируется с двумя некосмизированными состояниями вселенной - хаосом и эсхатологическим кризисом» [5]. Представления о жизни и смерти древних германцев характеризуют бинарные оппозиции: этот мир – иной мир, живой – мертвый. По мнению Т.В. Топоровой, «хтонизм древнегерманских представлений об ином мире ... коренится в особенностях древнегерманского менталитета мифопоэтической эпохи»[5].

Таким образом, обратившись к анализу представлений русских и немцев о жизни и смерти, можно сделать вывод, что русскому и германскому восприятию жизни и смерти соответствует представление о предпочтении земной жизни, об ожидании всяческих мучений на том свете. Во многом данные взгляды совпадают из-за общности исторического развития народов, принадлежности к одной религии – христианству, а также влияния реликтов более древнего сознания.

Список литературы:

1. Баженова А.И. Солнечные боги славян // Кайсаров А.С., Глинка Г.А., Рыбаков Б.А. Мифы древних славян. Велесова книга. – Сост. А.И. Баженова, В.И. Вардугин. – Саратов, «Надежда», 1993. – С.3-4
2. Распутин В. Г. Собрание сочинений : в 3 т. / В. Г. Распутин. – М. : Молодая гвардия, 1994. – Т. 2. С. 142
3. Белов В. Лад : очерки по народной эстетике / В. Белов. – М. : [Б. и.], 1982. – С. 132
4. Стеблин-Каменский, М. И. Мир саги : становление литературы / М. И. Стеблин-Каменский. – М. : Наука, 1984. – С. 119
5. Топорова Т.В. Древнегерманские представления об ином мире / Представления о смерти и локализации Иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т.А. Михайлова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.341

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RELATIONSHIPS BETWEEN SUBJECTS AND PREDICATES
IN MATHEMATICAL TEXTS IN ENGLISH, GERMAN AND RUSSIAN**

G.G. Gubina

YSPU, Yaroslavl, Russia

Abstract: The article investigates, using the comparative analysis, the relationships between subject and predicate in mathematical texts in English, German and Russian, i.e. types of subjects and predicates, their position in the sentences and problems of agreement.

Key words: agreement, character, cognitive, communicative, comparative analysis, imperative mood, normal and inverted word order, mathematical symbols, professional mathematical language, simple/compound/complete subject/predicate, type.

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПОДЛЕЖАЩИМ И СКАЗУЕМОМ
В МАТЕМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ НА АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Г.Г. Губина

ЯГПУ, Ярославль, Россия

С помощью сравнительного анализа в статье исследуются взаимосвязи между подлежащим и сказуемым в математических текстах на английском, немецком и русском языках: виды подлежащего и сказуемого, их место в предложениях и вопросы согласования между подлежащим и сказуемым.

Ключевые слова: согласование, знак, когнитивный, коммуникативный, сравнительный анализ, побудительное наклонение, прямой и обратный порядок слов, математические символы, профессиональный математический язык, простое/составное/полное подлежащее/сказуемое, вид

The interest towards the investigated problem is determined by the processes of globalization and universal standards of writing mathematical texts in different languages, mainly in English, German, Russian and French [6]. To write and speak well in these languages on the problems of mathematics one has to have proper knowledge of linguistic structure: phonology, morphology, lexicology, syntax, semantics and pragmatics [7, S.10]. We'll study syntax here, because it's the core matter for constructing sentences and in syntax, the problems of relationship between subject and predicate in mathematical texts, i. e.: comparative analysis of types of subjects and predicates in English, German and Russian; position of subjects and predicates in the sentences, and their agreement. All the three languages belong to Indo-European family of languages. Besides, English and German are both considered to be the languages of German group. Russian is a part of Slavic group. It is one of the East Slavic languages.

Both communicative and cognitive approaches are realized in professional mathematical language in any of the mentioned above languages. It is the language for specific purposes, performing both communicative and cognitive functions [2, p. 43]. It is more laconic and precise in comparison with the language for general purposes. Another characteristic feature of mathematical language is the use of characters: numbers and letters. They are mostly used in subjects and objects. Subjects usually express amounts, measurements or weights. Mathematical symbols include Latin and Greek letters, special signs, for example, plus, equal to, partial differentials, intersections, pointers, brackets, matrices, etc. They are all presented in the computer in the Table of Symbols or in special programs, aimed at work with formulas. It's so specific that even the whole formula can be used as a part of the subject or as the whole subject, for example: *A partition $\lambda = (\lambda_1, \dots, \lambda_r)$ is often represented by its Young diagram.* [Formula $\lambda = (\lambda_1, \dots, \lambda_r)$ is a part of the subject *A partition $\lambda = (\lambda_1, \dots, \lambda_r)$]. Then $B_m \subset M_f$ is a 2-dimensional cell that has boundary label $t^{-1}E_m t f(E_m)^{-1}$ [$B_m \subset M_f$ is the whole subject]. $\Phi \lambda_0$ is genau dann invertierbar... [$\Phi \lambda_0$ is the whole subject].*

The subject and the predicate are interrelated. For finding the subject we can apply the following *method of work*:

To find the subject of an action verb, ask yourself *Who? or What?* and connect the questions with the verb. To find the subject of a linking verb, ask *About whom or what is the statement being made?* The answer to each question will be the subject of the sentence.

As to the predicates, they are used according to general grammar rules of English, Russian and German, but, at the same time, in the mathematical text, besides indicative and subjunctive mood, the imperative mood is widespread, e.g.: *Consider, We assume (English); Beachte, Wir betrachten (German); Отметим, Положим (Russian)*. The expression *Let ... be (English), Es ... sei (German), Пусть (Russian)* is typical for all the three languages.

Impersonal sentences are more often used in German and Russian, for example: *Es gilt $\sigma_h(A) \neq \emptyset$ und es existiert eine Zahl $r_h(A) > 0$, so dass für jedes $\lambda_0 \in \sigma_h(A)$ die Ungleichung $\lambda_0 \leq r_h(A)$ gilt (German). Известно, что уравнения такого вида обладают сложной динамикой (Russian)*.

Compare one and the same sentence in three languages: *The only non-zero Lie brackets are for $v, w \in V$ (English). Die einzigen Nicht-Null-Lie Klammern gelten für $v, w \in V$ (German). Отличны от нуля только скобки Ли для $v, w \in V$ (Russian)*. There is one more peculiarity in them, concerning the case when the predicate is the English verb *to be*, or the German verb *sein*, because there is no such link verb in Russian and the Russians have to be specially taught such the rule to avoid the mistakes in the sentences.

We should also consider the difference of the position of the predicate in the sentences, containing modal verbs. In English and Russian the modal verb immediately precedes the main verb, e.g.: *If we accept the continuum hypotheses, one can construct a sequence with no convergent subsequence in each nonseparable metric space (English). Из теоремы Уолша мы знаем, что рациональная функция должна интерполировать в нулях многочлена (Russian)*. In German the use of the modal verbs in mathematical texts differs according to the type of the sentence: if it is simple, complex or compound. In simple sentences the modal verb is placed directly before the subject and the main verb is the last word of the sentence: *Es sollen die Voraussetzungen von Satz 17 gelten*. In complex and compound sentences in the subordinate clause the modal verb just succeeds the main verb: *Da wir uns auf $\mathcal{R}\Phi_{\lambda_0}$ beschränken können, ist die Bijektivität von $I_E - P$ klar, weil wegen $\mathcal{N}(P) = \mathcal{R}\Phi_{\lambda_0}$ nur die Identität auf $\mathcal{R}\Phi_{\lambda_0}$ verbleib*. [3, S. 247-251].

In all the languages we have to distinguish both simple, complete and compound subjects and predicates.

Table 1 Examples of simple, complete and compound subjects and predicates

	English	German	Russian
Sentence	The following lemma exhibits some basic properties of a positive vector measure taking values in a sequentially Lebesgue vector lattice. [4, p. 289]	Das folgende Lemma zeigt einige grundlegende Eigenschaften einer positiven Maßnahme Vektor mit Werten in einer sequentiell Lebesgue Vektorverband.	Следующая лемма показывает некоторые основные свойства меры положительного вектора, принимающего значения в последовательно векторной решетке Лебега.
Complete subject	The following lemma	Das folgende Lemma	Следующая лемма
Simple subject	Lemma	Lemma	лемма
Simple predicate	Exhibits	Zeigt	показывает
Sentence	Proposition 1 and Proposition 2 below furnish situations where a Dedekind σ -complete	Proposition 1 und Proposition 2 unten liefern Situationen, in denen ein Dedekind σ -complete	Утверждение 1 и Утверждение 2, приведённые ниже, обеспечивают ситуации, в которых σ -полная

	vector lattice is endowed with a sequentially Lebesgue topology [4, p. 288].	Vektorverband mit einer sequentiellen Lebesgue Topologie ausgestattet ist.	векторная решётка Дедекинда наделена последовательной топологией Лебега.
Compound subject	Proposition 1 and Proposition 2	Proposition 1 und Proposition 2	Утверждение 1 и Утверждение 2
Sentence	It is $\sigma_h(A) \neq \emptyset$ and there exists a number $r_h(A) > 0$, such that for each $\lambda_0 \in \sigma_h(A)$ is valid inequality $\lambda_0 \leq r_h(A)$.	Es gilt $\sigma_h(A) \neq \emptyset$ und es existiert eine Zahl $r_h(A) > 0$, so dass für jedes $\lambda_0 \in \sigma_h(A)$ die Ungleichung $\lambda_0 \leq r_h(A)$ gilt. [3, S. 243]	Применяется $\sigma_h(A) \neq \emptyset$ и существует число $r_h(A) > 0$, что для каждого $\lambda_0 \in \sigma_h(A)$ имеет силу неравенство $\lambda_0 \leq r_h(A)$.

We see that according to the type of subject or predicate, the results of their use are identical in all the three languages.

Now we'll analyse the position of subjects and predicates in all the languages mentioned above. According to the position of subject and predicate, the sentences are usually written or spoken in natural or inverted word order as well as the subject in imperative sentences.

Table 2 Examples of the sentences in natural or inverted word order and the subject of imperative sentences.

Natural Word Order			
	English	German	Russian
Subject + predicate	The left-hand side of this equality (<i>subject</i>) depends only on the Chern numbers of the manifold M^{2n} [5, p. 424].	Wir benutzen nur die Projektionen $P : E \rightarrow \mathcal{N}\Phi_{\lambda_0}$.	В доказательстве теоремы мы используем некоторые понятия Белова и Гришина.
Subject of Imperative Sentences			
The subject is always <i>you</i> , which is said to be understood.	Denote the constant map $M^{2n} \rightarrow \{pt\}$ by p .	Wir beschränken uns im Weiteren durchgehend auf reelle Banach-Räume.	Рассмотрим следующую коммутативную диаграмму модулей $GL(V)$.
Inverted Word Order			
Inverted declarative sentence Predicate + subject	Among the seven-sixth-order mock theta functions in Ramanujan's lost notebook are the three functions.	In diesem Falle können wir sogar $z_k = (x_k, y_k)$ wählen [3, S. 246].	Из теоремы следует, что $H_p(\mathcal{L}(r), \mathcal{L}(r))$ изоморфно прямой сумме всех диаграмм.
Declarative sentences, which begin with <i>here</i> or <i>there</i> .	There is also the version of the paper for Stiefel-Whitney classes [5, p. 428].	Es existiert genau eine stetige Funktion ϕ , welche für x aus einer gewissen Nullumgebung in E_1 die Gleichung $T(x, \phi(x)) = \phi(x)$ und die Bedingung $\phi(0_1) = 0_2$ erfüllt [3, S. 243].	Тогда не существует теории Гельфанда для $\mathcal{B}(E)$.
Interrogative sentences	What about non-trivial examples?	Was liefert diesen Hilfssatz?	Что мы должны определить в этих подгруппах?

Sentences with the normal word order strongly predominate in the case of the English and Russian variant. But in the German language are a lot of sentences in inverted order, especially of declarative type.

One more important thing in relationships between subject and predicate is their agreement. In general, if the subject expresses an amount, a measurement, or a weight, it is usually considered to be singular and requires the use of singular verb: *Six months is necessary for the publication of mathematical article. Sechs Monate ist notwendig für die Veröffentlichung von mathematischen Artikeln. Шесть месяцев необходимо для публикации математической статьи.*

But if an amount, a measurement, or a weight is considered as individual parts, then the verb is used in the plural form: *Five chapters of mathematical textbook were written last month. Fünf Mathematik Lehrbuch Kapiteln wurden im letzten Monat geschrieben. Пять глав учебника математики были написаны в прошлом месяце.*

If we use a fraction or a percent in the sentence, the verb agrees with the object of the preposition, which follows the subject: *Fifty percent of the work has already been done. Fünfzig Prozent der Arbeit ist bereits getan worden. Пятьдесят процентов объёма работы уже выполнено.*

In English there is also a special case of using the expressions *a number of* and *the number of*. With the expression *a number of* we use the verb in plural and with the expression *the number of* the verb is usually in singular, e.g.: *The number of scalar vectors is used in the task. A number of sets are presented in theorem.* [1, p. 70-71].

We come to the conclusion that the subjects and predicates in mathematical texts in English, German and Russian are closely interrelated. All the subjects express an amount, a measure or a weight. Another specific feature is the use of language of symbols and the formulas, including these symbols in the subjects and objects. As for the predicates, the indicative and imperative moods are used more often than the subjunctive mood and we emphasize a special role of imperative mood in mathematical texts. Impersonal sentences are also widely used.

In English and Russian mathematical texts natural word order is preferable and in German all the cases are used. Among the sentences in inverted word order one should more often use the sentences with *here* or *there* or the case when the subject *you* is to be understood. Rules of agreement of subjects, expressing amount, measures, weights, fractions, and percent are identical in the languages.

List of References

1. Губина Г.Г. Структура английского предложения Послевузовское образование = English Sentence Structure Postgraduate Education [Текст] : учебное пособие. –Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011 – 182 с.
2. Губина Г.Г. Применение мультимедийных технологий как инновационной формы обучения профессионально ориентированному английскому языку в вузе в условиях глобализации // Современные модели в преподавании иностранных языков и культур в контексте менеджмента качества образования: Сборник материалов IV Всероссийской (с международным участием) конференции 20 апреля 2010 г. Том 2 / Под общей редакцией Тихоновой Е.В. – М.: РГСУ, 2010. С. 43-46.
3. M. Damm: Konstruktive Verzweigungstheorie für Halbeigenwerte, Zeitschrift für Analysis und ihre Anwendungen. European Mathematical Society Publishing House 19 (1) (2000), 239-253.
4. P. J. Guerra & M. J. Muñoz-Bouso, On a theorem of Strassen for vector-valued measures, The Quart.Journ. of Math. 53 (3) (2002), 285-293.
5. K.E. Feldman, Chern numbers of Chern submanifolds, The Quart.Journ. of Math. 53 (4) (2002), 421-429.
6. B. Krön: Form und Still mathematischer Texte. Int. Math. Nachr. 218(2011), 29-42.
7. H. Maier & Fritz Schweiger: *Mathematik und Sprache. Zum Verstehen und Verwenden von Fachsprache im Mathematikunterricht. Mathematik für Schule und Praxis* (hrsg. von Hans-Christian Reichel) Bd.4. Wien: ÖBV & НРТ 1999.

ВОЗМОЖНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЖАНРА АНТИУТОПИИ

Дашко Елена Любомировна
к.филол.н., доцент, зав. кафедрой
русского языка и зарубежной литературы
Севастопольского городского гуманитарного
университета

Современная наука о литературе выдвигает новое требование к анализу художественного текста, основанное на понимании сути художественной коммуникации. Постмодерное пространство, активно оперирующее понятиями интертекста, эксплицитного и имплицитного цитирования, метатекста, симулякра, карнавализации, маски автора, авторской смерти и т.п., побуждает видеть художественные взаимосвязи, понимать литературный процесс как нечто непрерывное, уводящее сознание читателя как в вертикаль, так и в горизонталь литературных пересечений. Бесспорно, художественная коммуникация необходима не только для осмысления постмодернистских текстов, но и произведений, созданных ранее.

Вариации художественной коммуникации позволяют судить о взаимодействиях автора и читателя (наиболее распространённое толкование термина), автора и переводчика, автора и иллюстратора, писателя и писателя, писателя и художника, писателя и культурной среды. Всё это определяет авторский стиль, принадлежность к определённому явлению, жанру, течению, направлению, побуждает искать как типологические связи, так и прямые параллели. Закономерности, выявленные в процессе литературных сопоставлений, ассоциативного восприятия мотивов, образов, проблематики приводят к более глубокому осмыслению художественного текста, пониманию его контекстуальных пластов.

Художественная коммуникация отталкивается от так называемых культуuroобразующих текстов, принимающих участие в культурогенезе – порождении новых культурных форм и их интеграции в существующие культурные системы, а также в формировании новых культурных систем и конфигураций» [2].

Наглядно процесс заимствования может продемонстрировать жанр антиутопии, вбирающий в себя уже имеющуюся модель литературной утопии, а также её трансформирующей. Речь идёт об использовании ряда структурных элементов, которые роднят оба жанра. Среди них можно отметить наличие закрытого пространства, отнесённости действия в будущее, наличие фантастического элемента, детальное описание бытового уклада жителей некоего социума, моделирование новой системы государственного обустройства. Тем не менее, антиутопия, перенимая внешние атрибуты утопического мира, направлена на реализацию совершенно отличных от утопии задач. Не случайно, романы-антиутопии называют предостережениями. Если в утопиях предлагается описание идеального сообщества, основанного на принципах оптимизации жизни человека, приносящих чувство удовлетворения, то в антиутопиях представленная социальная структура диаметрально противоположна. Произведения, относящиеся к этому жанру, раскрывают негативные последствия реализации конкретной утопической идеи, нашедшей выражение в тоталитарных режимах XX в.

Культуuroобразующим в жанре антиутопии можно считать роман Е.Замятина «Мы», написанный в 1921 г. По причинам идеологического характера цензура не допустила его к печати, так как видела в нём критику на советское общество. Поэтому роман первоначально стал известен за границей: в 1924 г. он вышел в свет на английском языке в Нью-Йорке, затем был переведен на чешский и французский языки и издан в западноевропейских странах. Только в 1988 г. состоялась его публикация в Советском Союзе. Новаторский характер произведения Е.Замятина, актуальность поднятых в нём проблем импонируют тем писателям, которые искали новую романную форму и новые средства в выражении своих идей. Опираясь на замятинскую структуру представил своё видение будущего в романе «О дивный новый мир» (1932) О.Хаксли. Увлёкся творчеством русского писателя и Д.Оруэлл, который в 1949 г. издал роман «1984», завершивший развитие «ранней антиутопии» в первой половине XX в.

Сопоставительный анализ романов данных авторов позволит чётко представить возможности художественной коммуникации, увидеть реализацию коммуникативных взаимоотношений в структуре романного текста.

Во всех трёх произведениях представлена картина будущего (что подтверждается описанием высокоразвитой техники, новых биологических технологий или замысловатой архитектуры). Действие происходит в городах, ограждённых от внешнего мира. Целью насаждаемой политики в описанных мегаполисах является создание общности, основанной на равенстве или «одинаковости». При этом уничтожается любая возможность саморазвития, всего того, что может привести человека к независимой оценке. Всякие личностные проявления в городах сурово наказываются и пресекаются. Типичным для представленных авторами тоталитарных режимов становится процесс слежки, выявляющей на ранней стадии и искореняющей сомнения, неудовлетворённость.

Особое внимание при анализе антиутопий необходимо обратить на решение проблемы человека. Известно, что характерной особенностью антиутопии является способ изображения созданного «нового мира». Он основан не столько на внешнем воспроизводстве социальной формации, сколько на внутреннем, то есть через чувства и сознание главного героя. Это свидетельствует о том, что конфликт в антиутопии носит персоналистический характер. Главный герой антиутопий показан в момент возникновения у него сомнений в правильности знакомого ему мироустройства. Он интуитивно чувствует, что жизнь, которую ведут окружающие его люди, противоестественна. Чтобы подчеркнуть эту противоестественность авторы прибегают к одному и тому же художественному приёму: они противопоставляют город, в котором происходит действие, живой природе, раскрепощающей человека и возвращающей ему его изначальную сущность. Такое противопоставление раскрывало некий авторский идеал: и Замятин, и английские писатели видели совершенство в соединении науки и природы; разобщение же, по их мнению, приводило к хаосу и негативно отражалось на внутреннем мире человека.

Важное место в структуре романов-антиутопий занимает тема любви. Любовь, как и природа, не принималась Городом. Как отметили В.Гладышев и И.Похвищева, «Наиболее важная проблема, поставленная в известных антиутопиях XX века – это любовь и её судьба в тоталитарном обществе, так как именно любовь является наиболее интимной сферой жизни человека, и вмешательство в неё государства красноречивее всего свидетельствует о грубом произволе власти» [1, с.41]. Понятие любви изживалось из обихода горожан. Однако возникающая вопреки всему привязанность между мужчиной и женщиной становится свидетельством искусственности насаждаемых идей.

Проведённое сопоставление позволило выявить грани коммуникативных взаимоотношений и выделить общие для романов структурные черты:

- 1) развитие действия в закрытом пространстве. Ограниченная территория острова, города, зоны, клиники, тюрьмы и т.п. подчёркивает тему не-свободы, разворачивающуюся в произведении;
- 2) анти тоталитарная направленность текста, проявляющаяся в моделировании особых ситуаций, раскрывающих пагубное воздействие социальной системы на жизнь отдельно взятой личности;
- 3) постановка проблемы «человек-общество», которая реализуется при помощи ряда мотивов (мотив сопротивления, мотив утраты духовности, морали, мотив любви и т.п.);
- 4) отражение процесса формирования несогласной с законами общества личности, в конечном итоге выражающей протест против сложившихся обстоятельств;
- 5) противопоставление городской жизни природе, обнажающее противоестественность законов новой политической системы, основанной на страхе, ненависти, искажённом мировоззрении;
- 6) трагическая развязка, связанная с духовной или физической жизнью главного героя.

- 7) наличие в антиутопиях фантастического элемента (перенесённость действия в будущее, где реализуются невозможные на нынешнем этапе развития человечества биологические программы, нереальная обустроенность городов и т.д.);
- 8) отражение результатов научно-технического прогресса, сказывающихся на снижении уровня духовности, исчезновении нравственности и морали;
- 9) использование сатирических приёмов изображения художественной действительности, гиперболизация некоторых явлений, что призвано было указать на извращённую природу складывающейся формации.

Таким образом, использование приёмов художественной коммуникации в процессе обучения литературе помогает исследовать не только конкретный текст, но и литературное явление, частью которого он является.

Список литературы:

1. Гладышев В. В тоталитарном обществе любовь бессильна: Роман Дж. Оруэлла «1984» / В. Гладышев, И. Похвищева //Русская словесность. –1998. -№ 1.
2. Горбань Е.Е. Исследование художественной коммуникации в аспекте генеративной компетенции: на материале романа W. Faulkner “Absalom! Absalom!”: дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук. Шифр специальности 10.02.19 – теория языка / Елена Евгеньевна Горбань. – Барнаул, 2009. – 247 с.

ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Анжела Демьянюк, КНУ, Киев, Украина

Резюме. В статье рассмотрены эффективные инновационные подходы при обучении русскому языку как иностранному в высшей школе. Поданы специальные учебные техники и приемы, чтобы оптимально подобрать тот или иной метод преподавания русского языка как иностранного, учитывая уровень знаний, потребностей, интересов студентов.

Ключевые слова: методика, инновационные технологии, русский язык, обучение.

INNOVATIVE APPROACHES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.

ANGELA DEMYANYUK

Resume. The article deals with the effective and innovative approaches in teaching Russian as a foreign language in high school. The special educational techniques and ways for optimally choosing a particular method of teaching Russian as a foreign language, taking into account the knowledge, needs, interests of students, are given.

Key words: methodics, innovative technology, Russian language, education.

Проблема усовершенствования форм и методов преподавания русского языка как иностранного, их постоянного обновления, приспособления к новым условиям жизни в последнее время не выходят из разряда актуальных для высшей школы. Современная наука уже имеет опыт в решении подобных вопросов. На сегодняшний день уже есть значительное количество работ, в которых рассматривается суть инноваций в преподавании гуманитарных дисциплин в высшей школе. Сейчас перед преподавателем русского языка в высшем учебном заведении возникает проблема поиска путей повышения познавательного интереса студентов к изучению языка, закрепления их положительной мотивации к учебе.

Проблема выбора методического направления и эффективного подхода при изучении русского языка как иностранного есть актуальной, поскольку русский язык сегодня является не просто частью культуры граждан, которые получают образование в высших учебных заведениях, но и залогом успеха будущей карьеры студентов. Достижения высокого уровня овладения русским языком невозможно без фундаментальной языковой подготовки в вузе.

Поскольку сегодня происходит реформирование учебного процесса в высших учебных заведениях соответственно с общеевропейскими требованиями к качеству образования: информатизация образовательного пространства, интеграционные процессы в современном образовании, установление разными высшими учебными заведениями содружества с европейскими учебными заведениями в сфере учебной и научной деятельности, студенческие международные обмены, возможность получения второго высшего образования и учеба по магистерским программам за рубежом, то, несомненно, использование современных технологий, подходов и методов обучения русскому языку как иностранному в учебный процесс должно поднять качество преподавания и изучения этого языка, а также сделать его приближенным к европейскому формату.

На современном этапе необходимо создавать классификации методов обучения, которые бы охватывали широкий и разнообразный диапазон традиционных и нетрадиционных методов преподавания русского языка как иностранного. Невозможно останавливаться на использовании каких-либо методов отдельно. Только совмещая традиционные и нетрадиционные методы преподавания русского языка как иностранного в высших учебных заведениях возможно получить высокий результат.

Одной из возможностей решения проблемы поиска путей повышения познавательного интереса студентов к изучению русского языка есть использование инновационных технологий в обучении. Применение на практике

инновационных методологических подходов дает возможность преподавателям языка внедрить и усовершенствовать новые методы работы, повысить эффективность учебного процесса и уровень знаний студентов.

Отметим, что качественная языковая подготовка студентов невозможна без использования современных образовательных технологий.

В педагогике термин «инновация» обозначает нововведение, обновление процесса обучения. В нашей стране такие методы были запрещены. Только в 80-х гг. учителя-практики начали их использовать. Инновационные технологии имеют такие подходы к преподаванию русского языка как иностранного:

1. Интерактивные методы преподавания.
2. Использование технических средств обучения (компьютерных и мультимедийных, сети Internet) для контроля знаний, сохранения и использования учебных материалов [1, с. 10].

Современные технологии в образовании – это профессионально-ориентированное обучение русскому языку как иностранному, применение информационных и телекоммуникационных технологий, работа с учебными компьютерными программами (система мультимедиа), дистанционные технологии в обучении, новые тестовые технологии (создание банка диагностических материалов по курсу учебного предмета «Русский язык как иностранный» для проведения компьютерного тестирования с целью контроля обучения студентов).

В методологии преподавания русского языка как иностранного помогают интерактивные методы преподавания иностранных языков. Интерактивное обучение может быть определено как взаимодействие участников процесса усвоения знаний с помощью преподавателя, который владеет методами, направленными на овладение этими знаниями [3, с. 10]. Главными признаками интерактивного педагогического взаимодействия есть: полилог, диалог, межсубъектные отношения, свобода выбора, создание ситуации успеха, позитивность и оптимистичность оценивания, рефлексия и др. На уроках преподавания русского языка как иностранного используем такие формы интерактивных методов: «Незаконченные предложения», «Мозговой штурм», «Убери лишнее», «Разъедини слова», «Заверши фразу», «Алфавит» (позволяет повторить практически всю лексику по теме), «Минута разговора», «Замена собеседника» (тренировка диалогической речи) и др. [2, с. 25].

Чтобы сделать традиционные уроки интересными, повысить эффективность учебного процесса и уровень знаний слушателей, используем на уроках преподавания русского языка как иностранного инновационные методы. В отличие от обычных уроков, целью которых есть овладение знаниями, умениями и навыками, такие уроки наиболее полно учитывают интересы, способности каждого студента. На таком уроке сочетаем опыт традиционных уроков – восприятие нового материала, усвоение, осмысление, обобщение, – но в необычных формах.

К инновационным методам обучения можно отнести:

обучение с компьютерной поддержкой (создание презентаций в программе PowerPoint, использование Интернет-ресурсов. Программа PowerPoint проста в использовании, она позволяет педагогу создать опорный конспект урока, включить видео- и аудиофрагмент, отобразить в динамике какое-то явление, событие, что поможет студенту-иностранцу легко усвоить новый лексический и грамматический материал);

метод сценария (это метод без текстовых учебников. Речь идет о творческом планировании, подборе гипотез, переживании, систематизации и презентации работы. Спроектированная история имеет также элементы из драмы и ролевой игры. Учитель задает только рамки действия и представляет отдельные эпизоды. Студенты ставят свои вопросы и находят сами на них ответы);

метод симуляций (особенно в обучении русскому языку студентов-иностранцев экономических специальностей вузов можно с успехом применять метод симуляций).

В обучении речь идет о разных симуляционных бизнес-играх, что дают студентам возможность отрабатывать свои навыки, применять знания с целью решения какой-то задачи в так называемой «безопасной среде», которая имитирует реальные ситуации, например, в бизнесе, в работе компании. Симуляция дает возможность студентам проявить себя в определенной роли – руководителя, президента компании, дает возможность исследовать систему работы какого-то предприятия. Перед участниками игры ставят определенные

задания – достичь прибыли фирмы, заключить договор, успешно продать акции компании и др. Благодаря симуляции формируются навыки стратегического планирования у студентов, развивается умение работать в команде, проводить переговоры, убеждать делового партнера.

Метод обучения по станциям (учебная техника, при которой студенты выполняют работу над учебным материалом, который составлен в виде станций. Студенты получают рабочие планы с обязательными и выборочными заданиями. При использовании этого метода учащиеся учатся планировать свое время, учатся самооценке, анализу собственного учебного успеха, планированию и проведению этапов работы. Работа по станциям позволяет совершать дифференциацию по интересам студентов, по степени сложности задания);

метод ролевой игры (ролевая игра – активный метод обучения, средство развития коммуникативных способностей студента. Ролевая игра является средством эмоциональной заинтересованности, мотивации учебной деятельности. Она выступает активным способом обучения практического овладения русским языком как иностранным. Ролевая игра помогает преодолеть языковые барьеры студентов, значительно повышает объем их языковой практики. Игра развивает наблюдательность, учит делать выводы, сопоставлять отдельные факты. Ролевая игра требует от студентов принятия конкретных решений в проблемной ситуации в пределах роли. Ролевые игры складываются из определенного количества заданий, в которых основная цель – прийти к согласию или найти взаимодействие с партнером. В ролевых играх обязательно формируются социально-ролевые отношения участников. От студентов требуется не только решить поставленную задачу, но и правильно проиграть свою социальную роль. Например, ситуативно-ролевые игры, которые используют в обучении: «В ресторане», «Извините, как пройти к ...», «В магазине», «На почте», «Возле вокзальной кассы», «Пошли в кино» и др.).

Таким образом, внедрение инновационных методов значительно улучшает качество презентации учебного материала и эффективность его усвоения студентами, обогащает содержание образовательного процесса, повышает мотивацию к изучению русского языка.

На современном этапе продолжают появляться новые инновационные техники в преподавании русского языка как иностранного. Это указывает на значительную перспективу дальнейшего научного исследования в сфере поиска и применения эффективных инновационных подходов при изучении русского языка как иностранного.

Литература

1. Дичківська І.М. Інноваційні педагогічні технології / І.М. Дичківська. – Київ: Академвидав, 2004. – 352 с.
2. Інтерактивні технології навчання / [авт.-упор. І.І. Дівакова]. – Тернопіль: Мандрівець, 2009. – С. 23-27.
3. Кашлев С.С. Технология интерактивного обучения / С.С. Кашлев. – Минск: Белорусский верасень, 2005.

– 220 с.

ГЛЮТТОНИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Ирина Александровна Державецкая

ДНУ им. Олеса Гончара (Днепропетровск, Украина)

Научный руководитель – д.ф.н., профессор Е. И. Панченко

В фокусе данной статьи рассматривается роль глуттонической лексики как одного из средств выражения культурных концептов и базисной составляющей национальной картины мира. Также дается анализ того, насколько важным является правильный перевод кулинарной лексики для передачи смысла исходного текста ресторанного меню и рецептов.

Ключевые слова: глуттония, глуттоническая лексика, языковая картина мира, перевод, ресторанное меню, рецепт, реалия.

GLUTTONY LEXIS IN MODERN TRANSLATION STUDIES

The article reveals the significant role of gluttony lexis as one of the means of expressing cultural concept as well as its being the fundamental component of national world picture. It provides the analysis of the role which correct rendering of gluttony lexis plays for conveying a source text such as restaurant menu and recipes.

Key words: gluttony lexis, language picture of the world, translation, restaurant menu, recipes, realia.

В данной статье в общем виде рассматривается проблема определения места глуттонической лексики в системе русского и английского языка и проблемы её перевода.

Данная проблема является одной из наиболее актуальных в современном переводоведении, так как, на данный момент не существует достаточно четких критериев определения кулинарных реалий и мало изучена специфика языковых единиц, которые обозначают эти реалии.

А. В. Олянич, автор термина «глуттонический», говорит о лингвокультурной и этнокультурной специфике номинаций, связанных с приготовлением пищи. Термин «глуттонический», по мнению учёного, коррелирует с понятием гастрономии (знания поваренного искусства и умения пользоваться его производными) и соотносится с когнитивной системой глуттонии любой этнокультуры [4, с. 168].

Согласно мнению ряда исследователей, специфика англоязычной глуттонии определяется лингвокультурными сходствами и различиями английских, валлийских, шотландских, ирландских, американских, канадских, австралийских и новозеландских глуттонических номинаций, а также этнокультурными особенностями системы глуттонии в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Соединённых Штатах Америки, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Доказано, что специфика англоязычной глуттонии проявляется в хроно- и топосоставляющей англоязычной глуттонии, где хронос определяется ежедневной периодичностью приема пищи и включает в себя лингвосемиотическую подсистему, например, номинаций чаепития и распития пива и виски, характеризующуюся этно- и лингвокультурной спецификой, а топос специфицирован особыми заведениями, которые обеспечили развитие потребностной номинации в англоязычном этносе в целом [2].

По С. В. Захарову, в англоязычную глуттоническую коммуникацию вовлечено значительное количество знаков, в том числе лингвистических, которые образуют обширную лингвосемиотическую систему воздействия на потребителя через предписываемые пищевые предпочтения, формирование этих предпочтений и культурных доминант, активно внедряемых властью в разные слои населения и связанных с распределением пищевых ресурсов. Институциональная глуттония уточняет систему пищевых знаков – глуттонимов – вариативно закрепленных за социально неравными слоями населения Великобритании. Хронотопом институционального глуттонического дискурса, по его мнению, являются: 1) время, закрепленное за кулинарным производственным процессом и 2) место,

где осуществляется потребление или приготовление пищи. В процессе приготовления пищи и её потребления постоянно осуществляется коммуникация, в которую вовлечены различные лингвистические знаки глоттонии.

С. В. Захаров предлагает классификацию глоттонимов. По его мнению, глоттонимы, организующие текст, распадаются на общеупотребительные, общенаучные и узкоспециальные (терминологические) лексемы. Узкоспециальные кулинарные термины разделены на три группы:

- международные термины кулинарного профессионального языка (англ.: macaroni, chocolate, cutlet, pudding, jelly, jam, fruit, etc);
- термины базовых кулинарных понятий, имеющие национальное соответствие во всех языках (англ.: to blanch, to cook, to glaze, galantine, etc);
- термины, применяемые исключительно в национальных кухнях, типичные лишь для конкретной национальной кухни, а потому не переводимые на другие языки (Welsh Rarebit – гренки с сыром, Haggis – хаггис, древний мясной пудинг из абердин-ангусской говядины, Voxy Pancake – картофельные лепёшки, Stovies – стовиз, мясо, тушенное в собственном соку и т.д.) [1, с.14].

Были также выделены три группы знаков, номинирующих глоттоническое событие в рамках глоттонической ритуальной коммуникации. Это знаки-регулятивы, знаки-процессивы и знаки-классификаторы, которые выступают в роли ритуальных (рекурсивных) глоттонических презентем. К регулятивам относятся глоттонимы, определяющие конвенциональную успешность ситуации глоттонической ритуальной коммуникации. Процессивы номинируют и характеризуют собственно ритуальные действия и поступки участников глоттонического события. Классификаторы направляют глоттоническую ритуальную коммуникацию поэтапно в нужное русло и специфицируют поведение участников ритуала сообразно их социальной, статусной или национальной принадлежности.

На первый взгляд, гастрономические реалии в текстах ресторанных меню представляют собой «простой перечень блюд». Тем не менее, как показывает анализ материала, информация, заложенная в единицах языка, составляющих название блюда, далеко не всегда однозначна. Название блюда не только информирует о его составе или способе приготовления (причём, как в явной, так и неявной форме), но и побуждает клиента к действию (заказу блюда). Поэтому вопрос перевода такого рода лексем является чрезвычайно важным. На сегодняшний день существует довольно небольшое количество научных работ, в основном это статьи, объектом исследования которых являются особенности перевода глоттонических реалий.

Согласно Е. А. Княжевой и М. В. Макаровой, в гастрономических реалиях представлена как когнитивная, так и эстетическая информация. Неполное или ошибочное понимание значения гастрономической реалии на этапе восприятия текста переводчиком может привести к фактическим ошибкам и грубым искажениям смысла при переводе. Исследование английских гастрономических реалий в герменевтическом и трансформационном аспекте позволяет сделать вывод о том, что выбор переводческой стратегии и принятие переводческого решения во многом зависит от цели перевода и конкретной переводческой ситуации. При устном переводе текста меню основной задачей переводчика является информирование клиентов о том, что они могут заказать согласно своим гастрономическим предпочтениям и финансовым возможностям. Основная цель перевода в данном случае заключается в интерпретации явного и неявного содержания, заложенного в лексических единицах, входящих в состав названия блюда. В подобной переводческой ситуации целесообразнее воспользоваться такими способами перевода, как описательный перевод и калькирование, а также комбинированными способами перевода [3].

При письменном переводе ресторанных меню переводчику необходимо передать не только когнитивную информацию, но и эстетическую, то есть подобрать название блюда, которое должно информировать клиента о его составе и способе приготовления, и в тоже время привлекательно, а иногда и интригующе звучать. Для решения этой задачи переводчик может воспользоваться целым набором переводческих приёмов: транскрипцией, калькированием, а также комбинированными способами. Являясь одной из наиболее неоднозначных групп безэквивалентной лексики, гастрономические реалии выступают своего рода «хранителями» и «носителями» лингвокультурной информации.

Перевод гастрономических реалий, представленных в меню ресторанов, рецептах, художественной литературе – творческая процедура, требующая от переводчика соответствующих профессиональных умений и серьезной лингвострановедческой подготовки.

Список литературы:

1. Захаров С.В. Лингвoseмиотика англосаксонской институциональной глоттонии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук./ Захаров С.В. – Волгоград. – 2008 . – С. 14
2. Земскова А. Ю. Специфика глоттонического (гастрономического) дискурса. – Материалы Пятой Всероссийской электронной научно-практической конференции «Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона», январь-декабрь 2007 г. – Самара: СГАКИ, 2008. – Режим доступа: http://smrgaki.ru/8/1/1_7/zemskova.htm
3. Княжева Е.А., Макарова М.В. Герменевтический и трансформационный аспекты перевода реалий английской лингвокультурной сферы «гастрономия» / Княжева Е.А., Макарова М.В. // Язык, коммуникация и социальная среда. / ВГУ, Наука-Юнипресс. – Воронеж. – № 8. – 2010. – Режим доступа: <http://lse2010.narod.ru/lcseissue8/eaknyazheva/>
4. Олянич А. В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиот. Характеристики / А. В. Олянич // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. / РАН Ин-т языкознания. – М., 2003. – С. 167–201.

ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ И ФОРМЫ ОТНОШЕНИЙ

М.О.Долидзе . З.М.цотнишвили

СДАСУ, Тбилиси (Грузия)

В представленном нами труде показана позиция Булгакова. проведена параллель между Батуми и Владикавказом. Писатель до тонкостей изучил грузинскую культуру, познал азы народных обычаев. Булгаков описывает традицию гостеприимства, значение тостов, увлекательно повествует про грузинские песни: "Мравалжамиери" и "Хасанбегура". Отдельно рассказывает о роли женщины в обществе.

Трудно судить, кокой из них в нем преобладает, драматург, литератор или публицист. Одно явно, Булгаков являлся жертвой трагического времени. Его часто критиковали. Его творчество ценили отрицательно. Причиной этому было то, что как литератор и публицист всячески старался показать читателю все то, что происходило в стране, с применением литературно-публицистических элементов, установить отношения с обществом.

Грузия; Гостеприимства; культурные взаимоотношения;

LITERARY -PUBLICIST ELEMENTS AND FORMS OF INTERRELATIONS

In the work represented by us Mikheil Bulgakov's idea about Georgia, is shown his travelling from Vladikavkaz to Batumi. Story "Bohema" and play "Batumi" are discussed. Georgian hospitality, toasts, Georgian songs, especially "Mravalzhamieri" and "Khasanbegura", woman's part in society and attitude to her are paid attention. It seems Bulgakov learnt well either Georgian traditions or Georgian songs, toasts and their meaning when being in Georgia.

At discussing Bulgakov's creative works it is difficult to say who outweighs in him a writer, dramatist or publicist. One thing is obvious that he is a sacrifice of tragic period. His name was passed through the storm of criticism during particular years. His creative works were negatively estimated. The reason of this was that the writer and a publicist tried in every possible way to show a reader everything happened in the country, using literary-publicist elements to make interrelations with society.

Georgia; Hospitality; Cultural Communication

Как известно, грузино-русские культурные взаимоотношения имеют давнюю историю. Грузинских и русских литераторов друг с другом связывает не только творческие, но и дружеские отношения. В творчестве многих русских писателей и публицистов Грузия занимала особое место. Они путешествовали в Грузию, знакомились с ее историей и культурой и писали о ней. Не только путешествовали, но и в течении определенного времени жили Александр Грибоедов, Андрей Белый, Алексей Толстой, Михаил Булгаков и др.

В творчестве М.Булгакова Тбилиси и Батуми занимают значительное место. В 1921 году писатель из Владикавказа, на сцене которого была поставлена пьеса «Сыновья Муллы», приехал в Тбилиси. В своем одном из рассказов «Богема» описаны те противоречия, преодолеть которые ему пришлось во время приезда в Тбилиси. В Тбилиси Булгаков хотел поставить пьесу. Почему он избрал именно Грузию, а в частности Тбилиси, об этом он пишет в «Богеме»: «говорили, что: 1) в Тифлисе открыты все магазины; 2) - " - есть вино; 3) - " - очень жарко и дешево фрукты; 4) - " - много газет и т.д... и т.д. Я решил ехать.»[1]

По нашему мнению, в рассказе интересно проведена параллель между Тбилиси и Владикавказом. Если писатель о Тбилиси беседует с восхищением, а о Владикавказе разговаривает «Очень яркое солнце (это единственное, что есть хорошегово Владикавказе)[1] Булгаков прощается с Владикавказом и с применением художественных элементов описывает приближающийся вечер. «Огромный чудный вечер сменяет во Владикавказе жгучий день. Края для вечера - сизые горы. На них вечерний дым. Дно чаши - равнина». Он так мастерски рисует вечер Владикавказа, что явно проявляет публицистическое видение и применяет не

только нужные для рассказа литературные формы, но и публицистические элементы, характерные путешественным зарисовкам. Во время нахождения во Владикавказе Михаил Булгаков вспоминает все те преступления, которые он когда-либо совершал. Писатель оглашает каждое из них и подает нам интересные информации: первое преступление -- В 1907 г., получив 2 р. 50 коп. на покупку физики Краевича, истратил их на кинематограф; второе преступление -- в 1913 г. женился, вопреки воле матери; третье преступление -- в 1921 г. написал этот знаменитый фельетон. четвертое преступление, и самое тяжкое из всех -- пьесу, которую он собирался поставить в Тбилиси, считал хорошей пьесой. Но тут же оправдывается, что у него не было другого выхода, "Просто мне очень хочется в Тифлис."-- заявлял Булгаков .[1]Надо обратить особое внимание на то, что Булгаков с чувством юмора сообщает о своих ошибках и это не удивительно, т.к. он был не только хорошим писателем, но и хорошим публицистом. В его публикациях фельетон занимал важное место. "Фельетон - моя специальность." _ писал Булгаков

Используя волшебные краски, Булгаков пытался выявить уродство, характеризующее современное бытие. По этой причине некоторые считали его сатириком той эпохи. Заключение, что произведения Михаила Булгакова в СССР-е не смогли бы существовать. О нем писали, как о «Упорядочнике литературы». «И он, извините, писатель», «копается в ванючей помойке», «дать ему по морде» - такими цитатами отличалась советская пресса того времени. Нападения на Булгакова продолжались всю его жизнь. Вот что писал об этом сам писатель: "В результате анализа всех моих опубликованных матерьялов выявилось, что за десять лет литературной работы в советской прессе про мое творчество напечаталось 301 отзывом. 3 из них выражают похвалу, 298 - враждебно-ругательные. Последняя цифра зеркально отражает мою писательскую жизнь" [2. Стр. 55]

Булгаков чувствовал, что все его произведения обречены, а сам он в безнадежном состоянии. "Нет такого писателя, который может замолчать, Если же он все же перестает писать, то он не настоящий творец, или же... умер." [2. Стр. 60] В творчестве Михаила Булгакова резко отражаются впечатления его путешествий. Он путешествовал в разных городах и писал о них. Писателю Грузия нравилась особо, а военно-грузинскую дорогу описывал «необыкновенно красиво». По его мнению, Тбилиси был как экономически, так и культурно развитым городом и, что главное, так считал не только он, но, видимо, и другие тоже так думали. Отправиться в Тбилиси он, ведь, решился потому, что другие подали справки о Тбилиси. Писатель не в прямую говорит, но отмечает, что в тот период о Тбилиси многие имели информацию. «Говорят» - заявляет Булгаков, но кто говорит не уточняет и возможно, они, которые «говорят» даже бывали в Тбилиси и своими впечатлениями делиться с другими. Может по их совету, «обиженный» на Владикавказ Булгаков взял курс на Тбилиси. Это путешествие для него оказалось неочень легким. В Тбилиси он не смог осуществить свои цели и отправился в Батуми, где жил на протяжении определенных месяцев. Восхищенный Батумом и его окрестностями писатель писал: «Цихидзири, Махинджаури, Зеленый мыс! Цветут магнолии, белые цветы величиной в тарелку. Бананы, пальмы. Клянусь, сам видел, как растет пальма и море непрерывно бьется о гранитные глыбы...» /3. стр.19/. Восхищенный Батумом Булгаков, позднее, одну из своих пьес назвал «Батуми». Эта пьеса не посвящена достопримечательностям Батуми, она отображает жизнь молодого Сталина. Следует отметить и то, что у Автора не было никаких возможностей для использования исторических архивных материалов. Таким образом, писатель был вынужден ограничиться собственным воображением и художественной фантазией. Булгаков пытался приблизить своих героев к реальности. Но это было отнюдь не легко. Стараясь быть умеренным, он каждый раз сталкивался с все новыми препятствиями."Что будет с этой пьесой? Погадайте мне. Я вложил в нее много труда" – пишет Михаил Булгаков. [4. Стр. 107]

Булгаков подчеркивает происхождение Сталина: принадлежит к сословию крестьян, не занимающихся земледельчеством, из Горийского селения Тбилисской губернии.

Писатель до тонкостей изучил грузинскую культуру, познал азы народных обычаев. Булгаков описывает традицию гостеприимства, значение тостов, увлекательно повествует про грузинские песни: "Мравалжамири" и "Хасанбегура". Отдельно рассказывает о роли женщины в обществе. Кстати, восстание заключенных в тюрьме произошло из-за избияния некоей Наташи. Для всех нормальных людей, но в особенности, для грузин это оскорбительно.

В пьесе речь идет о грузинах, абхазах, русских, армянах. Слышется то грузинская, то русская речь. Грузия всегда отличалась своим гостеприимством и создавала комфортные условия всему многонациональному составу своего населения. Здесь, на благодатной земле, исторически бок о бок жили, трудились и боролись за светлое будущее Грузии представители многих национальностей. Писатель, кажется, прекрасно понял эту характерность описываемой страны.

Интересна история выбора названия для произведения. В списке среди вариантов были «Аргонавты», «Молния», «Юность командора», «Дело было в Батуми». Следует отметить, что сначала произведение называлось иначе: "Пастырь". Это кличка Сталина. Во время своей подпольной деятельности вождя называли именно так. Спустя какое-то время пьесе изменили название. И все же, почему "Пастырь"? Такую дефиницию сам Сталин объяснял следующим образом: "Я не знаю. Наверное, потому что я учился в духовной семинарии. Хотя, быть может, есть и другие причины." [5] Но от перечисления конкретных причин великий вождь воздержался. Может и на самом деле не существует иной причины. Об этом Булгаков и сам очень хорошо знает и, поэтому не очень-то подчеркивает этот факт.

Спустя какое-то время пьесе изменили название и Булгаков назвал «Батум». И все же, почему „Батум”? Фабулой ведь является история ликвидации бунта, произошедшего в Кутаиси?! Действия пьесы развиваются в трех городах Грузии: в Тбилиси, Кутаиси и Батуми. Но, пожалуй, тот факт, что тайный сбор большевиков проходит именно в Батуми, где и готовится новый этап их борьбы, заставил Булгакова дать произведению символическое название. В ходе пьесы подчеркнуто противостояние между добром и злом. Булгаков хочет представить себе, что победило добро и зло побеждено. Булгаков старается убедить читателя, что демон навсегда поражен. Но, в действительности, он прекрасно понимает, что это не так. Демон силен, как прежде, и, кстати, он и запретил постановку произведения. Быть может, мастер слишком отчетливо показал, кто он на самом деле. "Все дети и молодые люди одинаковы. Нет необходимости для постановки пьесы о молодой Сталине"- сказал Сталин. [6. Стр.27]. Но, конечно же невозможно, чтобы в каждом парне скрывался Джугашвили Сосо.

Т.о. в представленном нами труде показана позиция Булгакова. Трудно судить, кокой из них в нем преобладает, драматург, литератор или публицист. Одно явно, Булгаков являлся жертвой трагического времени. Его часто критиковали. Его творчество ценили отрицательно. Причиной этому было то, что как литератор и публицист всячески старался показать читателю все то, что происходило в стране, с применением литературно-публицистических элементов, установить отношения с обществом.

Список литературы :

1. Михаил Булгаков. Богема. <http://www.lib.ru/BULGAKOW/bogema.txt>
2. Журн. "Сабчота Хеловнеба" (Советское искусство) № 1, 1988;
3. Журн. "Дроша" (Флаг) № 5, 1990;
4. Булгаковская Энциклопедия. "Батум". <http://www.bulgakov.ru/b/batum/>
5. Булгаков М.А. "Батум". <http://www.masterimargarita.com/batum/>
6. Журн. "Огоньек" # 11, 1969;

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ К ПИСЬМЕННОМУ (ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПЕРЕВОДУ)

Жаксылыков Аслан Жамелевич, доктор филологических наук, профессор, кафедра теории и методологии перевода
КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация: Статья посвящена актуальным проблемам психологической подготовки к художественному переводу. При этом решающими факторами считаются развитие психосоматических данных, тренировка внимания, памяти, воли, специальных переводоведческих знаний, навыков и компетенций.

Ключевые слова: Предпереводческий анализ, перцепция, рецепция, внимание, воля, компетенция.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TRAINING TO WRITTEN (LITERARY) TRANSLATION

Annotation: This article is devoted to the psychological training to literary translation. In this case the decisive factors are considered the development of psychosomatic datas, training of attention, memory, will, special knowledge of translation, skills and competences.

Keywords: Pre-translating analysis, perception, reception, attention, will, competence.

Художественный перевод – один из важных каналов плодотворного взаимодействия национальных литератур. Опыт показывает, что на перевод одного романа объемом 30 п.л. уходит около 12 месяцев напряженного труда. В понятие перевод здесь входят следующие виды работы: чтение текста, предпереводческий анализ, составление глоссария и подстрочника, литературное редактирование, сверка текстов, корректорская работа, подготовка текста к печати. В эти месяцы интенсивной работы, особенно, - первые пять-шесть, когда выполняются важнейшие этапы, предпереводческий анализ, составление глоссария и подстрочника, первое литературное редактирование, - переводчиком расходуется большой объем психофизической энергии. Безусловно, такая работа нередко сопровождается и стрессом, переводчика «подгоняют» сроки, условия договора, боязнь не получить желаемый результат и т.д.

Таким образом, данная проблема достаточно актуальна, имеет высокую научную, гуманитарную и социальную значимость. Следовательно, необходимо внимательно изучать психологические, интеллектуальные, духовные аспекты переводческого процесса, особенно, - письменного (художественного). Знание языков является необходимым условием успешной работы переводчика художественных текстов. Это позволило бы избежать многих ошибок.

На наш взгляд, при наличии серьезного опыта, главным условием успешного переводческого процесса выступают волевые, психосоматические факторы, характеризующие индивидуальные особенности переводческой культуры личности. Под волевыми факторами мы понимаем способность личности максимально сконцентрироваться на задаче по выполнению сложного и масштабного письменного (художественного) перевода. Концентрация внимания означает формирование особой, системной памяти, позволяющей удерживать в сознании не только сюжет литературного произведения (романа), с огромным количеством сцен, картин, эпизодов, деталей, но и, в конечном счете, весь текст.

Запомнить сюжет литературного произведения может любой человек, имеющий необходимый интеллектуальный багаж. Однако, запомнить текст системно, с его стилистическими и лексическими особенностями, с внутренними семантическими связями, символами, фигурами, подтекстом, - это под силу только тому человеку, чья память натренирована специальным образом. В истории мировой культуры было немало таких переводчиков. На Востоке такой личностью, безусловно, являлся Кумараджива (4 в.н.э.), он перевел буддийские сутры с санскрита на согдийский язык в объеме более чем сто тысяч строк. В западном - Иеронима, осуществивший перевод Библии с древнееврейского языка на латинский. Н.К. Гарбовский так характеризует личность Иеронимы:

«Именно эти последовательность и целеустремленность в сочетании с высокой образованностью, постижением всех тонкостей мастерства слова, заимствованного им у античных писателей, и позволили ему свершить необычайно сложное дело – перевод Ветхого Завета». (3. с.49)

Внимательное, концентрированное чтение оригинала переводчиком, это – по сути профессиональное, волевое и интеллектуальное, творческое действие. Опытный переводчик читает текст неоднократно. Каждое очередное прочтение текста – это дополнительное углубление в контекст оригинала, интуитивное «сканирование» его внутренних слоев, «зондирование» стилем и кодов автора, и, в конечном счете, «считывание» авторской концепции, выявление роли нарратора, голоса повествователя. Именно этот уровень считывания – когда выявляется голос повествователя и его прихотливое структурное движение – становится отмычкой к секрету единства и интонационной неповторимости текста. Внимательное, специально организованное чтение, когда осуществляется не только «фотографирование» сюжета и композиции, но и «сканирование» стилистики, лексики, проникновение на внутренние смысловые уровни и выявление главных значений, - по сути, интуитивный анализ и схватывание, - такое качество развивается годами. Это уже уровень мастерства. Такое чтение представляет собой особый тип филологического сознания и памяти, результат многолетней работы специалиста над сложными текстами.

Нет сомнения, что многолетняя работа над объемными текстами развивает в психологической сфере переводчика особые волевые качества, способность к длительной концентрации сознания на сроки до года и более. Для более эффективного развития таких навыков и умений рекомендуются специальные методики аутотренинга по улучшению памяти, усилению концентрации, а также - преодолению рассеянности, утомления, то есть негативных явлений, неизбежно сопутствующих масштабной работе, которая целиком и полностью осуществляется в сознании и психике личности.

Предпереводческий анализ, составление глоссария, выполнение подстрочника – это, по основным параметрам, - филологическая работа, требующая базовых и специальных знаний по лингвистике и литературоведению. С интеллектуальной, психологической точки зрения, это – окончательное закрепление во вновь созданном, «черновом» тексте характерных черт оригинала. На этом уровне происходит как бы текстовая материализация того, что осуществлялось в процессе концентрированного чтения и волевого запоминания на подготовительном этапе. Если волевое запоминание текста происходило неформально, а заинтересовано, на максимуме внимания с поэтапным углублением на внутренние смысловые уровни, то и созданный в результате этого подстрочник будет носить качественные черты полноценной рецепции. Корреляция смыслов и их рецепция на уровне прочтения – это глубоко взаимосвязанные процессы. Подстрочник и глоссарий как материализованные контексты дают переводчику важное предощущение успеха. Чем лучше подстрочник и глоссарий, тем больше у исполнителя уверенности в том, что конечный результат будет успешным.

На этапе создания подстрочника происходит глубокое взаимодействие (рецепция) сознания с художественным психологизмом произведения. Под художественным психологизмом в литературоведении традиционно понимается духовно-эстетическая, идейно-эмоциональная, мироощущенческая сфера содержания произведения, а также формальные средства ее выражения. Хотя на этапе создания подстрочника не ставится цель адекватно воспроизвести художественный психологизм оригинала, тем не менее, перед переводчиком стоит задача выявления эмоционально-экспрессивной сферы (эмотивов, экспресем), особенностей текстуальной организации интонации автора-повествователя (нарратора).

Хорошим считается такой подстрочник, где переводчик уже показывает графически и комментирует особенности нарративной структуры оригинала, например, порядок слов в предложениях, наличие инверсии, уровень синтаксической сложности, модальные конструкции, вводные конструкции, фигуры поэтической речи, лексические обороты и единства, стилистические особенности и т.д.

Не менее 50% времени в подготовке конечного результата занимают литературная обработка и редактирование «чернового» текста. Здесь также решающую роль играют опыт переводчика, наличие филологических знаний, а также такие духовно-психологические качества, как воля, упорство, интуиция, внимание, концентрация, видение конечной цели. Интуиция – это отработанная опытом и отшлифованная мастерством внутреннее «филологическое» зрение переводчика, позволяющее высвечивать не только характерные языковые ошибки, но и все смысловые неточности в передаче содержания оригинала. Именно интуиция и играет ключевую роль в совершенствовании текста в поэтапном

редактировании. Интуиция подразумевает, что в глубине сознания переводчика уже брезжит некий идеальный вариант законченного текста, с фокуса которого критически выверяются и исправляются все промежуточные варианты редактируемого текста.

Между каждым завершённым периодом редактирования должны быть временные паузы. Опыт показывает, что во время пауз (отдыха) в подсознании переводчика происходит таинственная аккумуляция и актуализация полученного опыта, его обработка и коррекция, причем большая часть этого процесса бывает скрытой от сознания личности. Именно такой духовно-психологический опыт позволяет, в конечном счете, получить последний, завершённый вариант литературной редакции, который по своим параметрам (языковым, содержательным, выразительным), можно будет считать адекватным переводом оригинала.

Литература:

1. Бельгер Г. Жизнь – эпопея, - Алматы: Фонд М.О. Ауэзова, 2009, 143 с.
2. Бельгер Г. Ода переводу. – Алматы: Дайк пресс, 2005, 414 с.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода. - М: МГУ, 2007, 542 с.
4. Леонтьев Д.А. Психология смысла. – М.: Смысл, 2007, 510 с.

ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАК СМЫСЛ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

А.Т.Жаманкозова

ЕНУ им.Л.Н.Гумилева, г. Астана (Республика Казахстан)

В статье рассматривается движение среди противоречий как смысл существования человека и общества. Со-творческое со-переживание конфликта, порождение новой ситуации в результате этого конфликта являются необходимым и важным условием движения вперед.

Ключевые слова: противоречие, конфликт, ритм движения, смысл, эмоциональная рефлексия, действующий и думающий герой.

MOVEMENT AMONG CONTRADICTIONS AS SENSE OF EXISTENCE OF THE PERSONALITY

In article movement among contradictions as sense of existence of the person and society is considered. The sotvorchesky empathy of the conflict, generation of a new situation as a result of this conflict are a necessary and important condition of advance.

Keywords: contradiction, the conflict, movement rhythm, sense, the emotional reflection, the acting and thinking hero.

Современный человек пытается найти ответ на вопрос о смысле жизни. Вместе с тем, противоречия и трагические столкновения становятся реалиями общества. Их суть состоит в созидании, т.к. разрушение одной позиции неизменно влечет за собой рождение новой. Противоречие разума и страсти, справедливости и силы, истины и заблуждения. В этом противоречии и заключен смысл жизни, уничтожение исходного положения порождает противоположное, также имеющее право на существование положение. В борьбе противоположностей, добра и зла, и заключено течение жизни. Несмотря на трагические последствия и страдания героя, важным остается то, почему герой попадает в ситуацию разлада, противостояния добра и зла, во имя чего терпит страдания и боль, принимает смерть. Доминирующим становится сама личность, осуществляющая собственную судьбу, причем важным в этом аспекте является не *то*, достигнет ли личность в трагическом противоречии поставленной цели, а то, *что* выпадет на её долю. Сможет ли герой сохранить человеческое в человеке на пути достижения поставленной цели. Известный филолог, заслуженный деятель искусств, профессор ВГИКа В.Я.Бахмутский писал: «...все величие человека в его трагическом уделе. Поэтому все обращается в свою противоположность: сила становится слабостью, слабость – силой; порок превращается в добродетель, а добродетель оказывается источником зла»

[1, с. 82]. Если жизнь полна противоречий, и человек понимает это, то для чего нужна борьба и необходимость такой жизни вообще? Могут ли конфликты нести в себе то, что заставляет человека любить эту жизнь и хотеть ее, несмотря на гибель справедливого и торжество злодея? Безусловно. Сталкивая несовместимые, но взаимно зависимые антиномии, конфликт придает новый импульс жизни, который сопровождается движением вперед, действием. Жизненные обстоятельства раскрывают человека в различных ситуациях, необходимость выбора между истиной и заблуждением, разумом и страстями, благородством и подлостью, волей и неволей сопровождается действием, т.е. движением вперед. Смена пластов изображений в литературе позволяет герою переходить из спокойного состояния в иное измерение. В этом сущность литературного изображения. Происходит смешение, движение вперед строится на рождении новых неравенств, перемещении всяких отношений. Одна система представлений слагывается целиком, на ее место приходит другая, и в этом смешении возникает конфликт, требующий определения смысловой нагрузки такого смешения. Известный писатель и литературовед Виктор Шкловский в своем труде «О теории литературы» писал: «Противоречия омывают душу человека, очищают, прежде всего проясняют ее. Двигаясь среди противоречий, человек познает сам себя, и остановка – это только толчок нового пути. Ритм движения, что то же – рифма, возникает при касании то одной, то другой стенок противоречий» [2, с. 293]. Положения российского ученого нашли свое отражение и в произведениях казахской литературы.

Литературный герой казахской художественной прозы находится не просто в движении. Он учит выбирать и создавать свою жизнь, строить ситуацию и судьбу самому. Иначе говоря, герой казахской литературы учит *самости*. Возможно, он опережает свое время и потому остается непонятым современниками. Но это человек, сдвинутый с места. Таков Таган из повести О.Бокея «Атау-кере», который еще в 60-х годах XX века предвидел печальную участь казахского села XXI столетия. Таков Жуман из романа Б.Тлегенова «Қара жел» («Черный ветер» - А.Ж.), за внешним безумием которого скрывается непреложная истина вечности и бесконечности образа родины; таков образ писателя и поэта С.Бегалина в рассказе Р.Нургали «Өлген тау» («Умершая гора» - А.Ж.), глубоко переживающего за судьбу малой родины, на которой был открыт ядерный полигон. Эти герои, несогласные с обычным течением жизни, своим действием изменяют жизнь, опираясь на собственные представления добродетели и духовности. Из этого следует, что движение среди противоречий позволяет человеку не просто действовать, но и думать, размышлять, а значит жить. Но от борьбы противоречий кто-то может и не выдержать, сломаться. Если это происходит, то нет разницы между человеком и животными. Такой человек не несет ничего нового, творческого. Личность выделяет только её способность мыслить и ничего более. Но, как утверждал Кант, необходимо разумное мышление. В жизни каждый человек достигает чего-то разными путями: кто-то талантом, кто-то трудом, кто-то связями. Способность индивида мыслить, уметь строить жизнь с нуля и есть «ритм движения», в противном случае он ничем не отличается от своих младших братьев. Виктор Шкловский совершенно справедливо писал: «Трагедия основана на узловых моментах изменения нравственности. Восхождение людей, несогласных с обычным ходом: человек будущего, пришедший не в свое время... нужно возвышать униженных» [2, с. 355]. Способность героя казахской прозы к движению и оценке того, что происходит – обязательный элемент разумного действия. Это движение позволяет понять мир, изменить жизнь, постичь ее смысл. Перемещение антиномий возможно только в искусстве, в частности, в литературе. Поэтому движение среди противоречий является движущей силой произведения, заставляя читателя не просто следить за действием, событиями, сюжетной линией, но и понимать мир, в котором страдания и боль претерпеваются людьми с каждой минутой. Это понимание дает возможность мыслить, принимать единственное верное решение, постигать истину в ее нравственном совершенстве и, значит, жить. «Перемещение заинтересованности и самооцениваемости того, что происходит, - великая сила.

Искусство справедливо. Поэтому человек может смотреть на трагедию.

Искусство не только протирает стекла, которые открывают перед нами мир.

Искусство учит нас видеть и понимать мир, который так часто бывает обманут и окровавлен», - завершает В. Шкловский [2, с. 297]. Оспаривать ценности – занятие безнадежное. Игнорируя их невозможно что-либо понять в жизни и литературе. Оценивание движения помогает постичь истину; происходит смешение реальной жизни и ее осмысления, что и составляет смысл бытия. Вслед за оцениванием приходит эмоциональная рефлексия на происходящее. Они, переживания и реакции, проявляются через мышление, внутренние монологи и размышления. Об этом подробно и обстоятельно пишет доктор филологических наук, профессор В.И.Тюпа: «Эстетическое отношение не следует понимать слишком узко... К сфере эстетического принадлежат также смеховые, трагические и некоторые иные переживания, предполагающие особое состояние катарсиса. ...Иначе говоря, эстетическое отношение представляет собой **эмоциональную рефлексю**. Если рациональная рефлексия является логическим самоанализом сознания, ...то рефлексия эмоциональная – это **переживание переживаний** (впечатлений, эмоциональных реакций)» [3, с. 20]. Действительно, человек каждый день вступает в определенные взаимоотношения с детьми, семьей, миром, людьми. Всё это составляет особый тип поведения и отношения человека к действительности. Мы переживаем радость и горечь, счастье и боль, победы и поражения. Но эти чувства бытовой жизни вызывают в нас рациональные рефлексии на объективную реальность. Другое дело в литературе. Переживание переживаний или вторичное переживание нашим сознанием происходящих событий, столкновений, движений среди противоречий позволяет оценить происходящее «культурным опытом личности». Там, где живет и выбирает, а значит, действует свободный человек, там и возникает ситуация, противоположная изначальной. Чем

сильнее человек, свободнее разумом и духовнее, тем больше его жизнь наполнена движением. Активность человеческого духа и свобода его воли составляют социальную природу общества. Со-творческое со-переживание предполагает конфликт, противостояние «я» всему мироустройству, необходимость существования коллизии «я-в-мире». «Полноценное художественное восприятие предполагает не только внутреннее эстетическое видение и внутреннее эстетическое слышание, но и молчаливое «исполнение» произведения – в недискурсивных формах внутренней речи (исполнение текста вслух – факультативный момент его интерпретации). ... В этой двоякой ориентированности и взаимодополнительности **со-творческого со-переживания** и состоит феномен художественного восприятия как специфического коммуникативного события», - завершает В.И.Тюпа [3, с. 33]. Таким образом, движение среди противоречий помогает познать истину. Смысл жизни постигается там, где возникает новая ситуация, порожденная столкновением этих противоречий. «Перемещение заинтересованности и самооцениваемости» (В.Шкловский) порождает эмоциональную рефлексии личности. Со-творческое со-переживание движения раскрывает сущность и назначение жизни на земле. Очищение личности невозможно этого движения.

Список литературы

1. Бахмутский В.Я. Луч разума и глубины сердца (Французские моралисты) // Бахмутский В.Я. Пороги культуры. – М.: Гелеос, 2005. – 352 с.
2. Шкловский В. О теории прозы. – М.: Советский писатель, 1983. – 384 с.
3. Тюпа В.И. Анализ художественного текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 336 с.

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ

Ж. А. Вардзелашвили

Тбилисский университет им. Сулхан-Саба Орбелиани, Тбилиси, Грузия

В статье представлена методика лингвокогнитивного моделирования концептуальной структуры на базе ее константного элемента – мотивирующего семантического прототипа, который является вербализатором исходной когнитивно-денотативной ситуации. С элементами моделируемой структуры семантический прототип находится в отношениях «инвариант – вариант». Члены концептуальной структуры объединяются на основании принципа «семейного сходства», устанавливая в дискурсивных практиках общий образ той части картины мира, которая связана с анализируемым фрагментом. Методика может быть применена и в лингвокультурологических исследованиях, что иллюстрируется соответствующими примерами.

ключевые слова: когнитивно-вербальная структура, семантический прототип, номинатор, компонентный анализ

LINGUACOGNITIVE MODELING OF A CONCEPTUAL STRUCTURE

The paper presents a methodology for linguacognitive modeling of a conceptual structure based on its constant element - motivating semantic prototype, which is a source of cognitive verbalizer of a denotative situation. The semantic prototype is in the relationship of "invariant - variant" with the elements of the modeled structure. Members of the conceptual structure are combined according to the principle of "family resemblance", establishing a common image of that part of the world picture which is associated with the analyzed fragment in discourse practices. The methodology can be applied in linguocultural studies as illustrated by the corresponding examples.

Keywords: cognitive-verbal structure, semantic prototype, nominator, component analysis.

Одним из методов выявления связи когнитивных процессов с функционированием языка является моделирование и анализ когнитивно-вербальных структур. Модели и гипотетические представления о когнитивно-вербальных структурах основываются на теориях и разработках, заимствованных из психологии и когнитивизма, где под когнитивной структурой подразумевается интегральная модель переработки информации, включающая серию гипотетических логических операций. В основе концептуализированного знания, объединенного в структуру, лежит некоторая исходная когнитивно-денотативная ситуация, модификация которой основана на когнитивном процессе познания, неотделимом от культурного контекста, она отражает особенности языкового сознания и функционирования средств конкретного языка.

Несмотря на полифонию взглядов в понимании этих структур (“Image Schemes”, “Conceptual Framework”, концепты и т.п.) и различия в приемах их исследования, представители различных школ едины в признании того, что когнитивно-вербальные структуры являются основной единицей сознания, доступ к которому возможен через анализ фактов языка и их дискурсивной реализации. Вне зависимости от взглядов на объект, эти структуры исследуются как дискретные «конструктивные сущности» [Вардзелашвили, 2004: 39-45], в которых синхронизированы когнитивные и языковые процессы.

Мы оперируем термином «концепт» и моделируем гипотетическую структуру на основании следующих установок: 1). Структура номинируется тем знаком языка, который наиболее адекватно и концентрированно передает ее смысл. Параметры структуры задаются всем смысловым потенциалом ее номинатора. 2). Концепты формируются в коллективном и индивидуальном сознании и тесно связаны с языковым значением. Динамизм структуры связан с постоянно расширяющимся языковым и культурным опытом. Концепт содержит понятийный, образный и интерпретативный компоненты, включая имплицитные смыслы, связанные с его номинатором, «паутину» ассоциаций, – весь «гибкий веер значений» (по Гадамеру). 3). Члены одной концептуальной структуры объединяются на основании принципа «семейного сходства», устанавливая в дискурсивных практиках общий образ той части картины мира, которая связана с данным фрагментом. 4). Моделированию и описанию поддается только

коммуникативно-релевантная часть структуры, описывающая суппозиции, релевантные концептуальному смыслу²⁹. Компонентом, который позволяет конструировать концептуальную структуру, является ее мотивирующий семантический прототип, основание для сравнения, «языковая свертка» исходной когнитивно-денотативной ситуации. С элементами структуры он находится в отношениях «инвариант – вариант».

Установление семантического прототипа в нашей методике осуществляется методом компонентного анализа словарных дефиниций слова-номинатора структуры (концепта). Дефиниции выбираются из авторитетных толковых словарей, устанавливаются совпадающие компоненты значений, на их основании выводится инвариантная и дифференциальные семы. Признаки, составляющие прототип, упорядочиваются иерархически и количественно. Дальнейшая процедура основана на когнитивной интерпретации смыслового потенциала лексико-семантических вариантов значения, результаты интерпретации должны отвечать параметру логической выводимости и транзитивности. Продемонстрируем на примере установления семантического прототипа для концепта «деньги» на материале русского языка³⁰: «1. только мн. Металлические и бумажные знаки, являющиеся **мерой стоимости при купле-продаже**. 2. только мн. **Капитал**, состояние, средства (разг.). 3. только ед. деньга, деньги, собир. То же, что деньги (простореч.). 4. деньга, деньги, ж. То же, что денежка в 1 знач. (истор.)» [Словарь Ушакова]; «1. Металлические и бумажные знаки, являющиеся **мерой стоимости при купле-продаже**. 2. **Капитал**, средства.» [МАС]; «1. Металлические и бумажные знаки, являющиеся **мерой стоимости при купле-продаже**; то или иное их количество, сумма. 2. **Капитал**, средства. [Словарь Кузнецова]; «1. Металлические монеты и бумажные знаки, являющиеся **мерой стоимости** товаров и средством платежа. *отт.* То или иное количество монет и бумажных знаков. 2. Средства, предназначенные, отпускаемые для чего-либо. 3. *разг.* Плата за труд; зарплата. 4. Состояние, богатство; **капитал**» [Словарь Ефремовой]. Во всех словарных дефинициях совпадающими являются компоненты толкования «мера стоимости» и «капитал». Проследим:

Слово	Родовая сема	Дифференциальная сема	Инвариантная сема
Деньги (ЛСВ1)	мера стоимости при купле-продаже	Металлические и бумажные знаки, средство платежа	мера стоимости
Деньги (ЛСВ 2, ЛСВ 4)	Капитал	Состояние, средства	богатство

Установление исходной когнитивно-денотативной ситуации, которая «свернута» в семантическом прототипе (на материале словаря под ред. С.А. Кузнецова): мера стоимости + капитал, где «капитал»: «**1.** Совокупность средств (имущество, деньги, недвижимость), приносящих прибыль. **2.** *обычно мн.:* капиталы, -ов. *Разг.* Значительная сумма денег. **Нажить к. (стать богатым)**³¹**3.** (с опр.). То, что представляет собой большую ценность, важное достояние.». Установленный семантический прототип позволяет реконструировать когнитивно-вербальную структуру «деньги», в которую на основании эксплицитной или имплицитной связи с ядерным элементом вовлекаются пласты лексики, покрывающие названную концептуализированную зону в русском языковом сознании, например: *монеты, банкноты, «капуста», «зеленые», «подкуп»* и т.д.

Предложенная методика релевантна и для лингвокультурологических исследований, поскольку позволяет установить, насколько сопоставимы прототипы одноименных категорий в разных лингвокультурах, а при

²⁹ Разработанная нами методика апробирована в реконструкциях и описаниях концептов на уровне защищенных диссертаций в Тбилиском государственном университете им. Ив. Джавахишвили, что свидетельствует о достоверности и авторитетности полученных результатов (с 2005 по 2013 г.г.).

³⁰ совпадающие компоненты дефиниций выделены нами

³¹ выделено нами

дальнейшем анализе выявить и этноспецифическое в универсальном. Проследим на примере структуры «вода» (на материале русского и грузинского языков), которая относится к базовым концептам в картине мира каждого народа.

С лингвистической точки зрения концепт «вода» формируется из языковых репрезентаторов и сем, которые можно вычленил на уровне компонентного значения анализа слова-номинатора. В Словаре под ред. Кузнецова «вода» представлена пятью ЛСВ, основной набор сем которых может быть представлен следующим рядом: *жидкость+бесцветная+ прозрачная+пространство+чистота*. Сравним результаты анализа с данными компонентного анализа грузинской лексемы (по словарю А. Чикобава): *жидкость + бесцветная + прозрачная + разновидность жидкости + гибкость, ловкость, притягательность*. Грузинское языковое сознание не закрепляет в понятийном поле слова «вода» значение «пространство», но, как следует из иллюстративного материала словаря, передает этот смысл осложненной семой «разновидность жидкости»: вода реки, вода ручья и т. д. Очевидно, что указанное расхождение связано с тем, что водные пространства в России имеют качественно иной масштаб в сравнении с Грузией. Обратим внимание: в грузинском языковом сознании в качестве устойчивого значения закреплена сема, которую достаточно условно можно перевести как «гибкость, ловкость, притягательность» (ЛСВ4). Существенно, что рядом с ЛСВ4 в словаре нет помет, которые бы указывали на переносное значение или на стилистическую характеристику. Следовательно, оценка реалии, произошедшая в исторической перспективе, привела к категориальному сдвигу, который устойчиво закреплён внутри лексико-семантического поля. Полагаем, что эта сема – результат акта вторичной номинации, которую можно реконструировать через признак «сходство по функции». Поясним: вода в Грузии – это преимущественно быстрые горные потоки, наделенные силой и энергией прокладывая себе дорогу, ловко огибая на пути природные препятствия. Вода в этих реках бурлит и сверкает, она живая и полная сил. Поэтому в грузинской языковой картине мира все интерпретанты, связанные с водой, основываются на динамичных, жизненных силах воды. Отсутствие соответствующей пометы в словаре является свидетельством семантических транспозиций, устойчиво закреплённых в грузинском языковом сознании и вводящих в целый ряд установок, принятых в культуре. В грузинском языковом сознании закрепляется жизнеутверждающее начало воды как доминантная характеристика. Особого внимания заслуживает вектор символизации свойств воды, в котором на семантику ее очищающей силы накладывается пласт: *вода – благодать*. Благодать – это то, что ниспослано свыше, это покровительство, помощь, успокоение. Таким образом, природный объект осмысливается и порастает в менталитете народа как нечто бесценное, исключительное, несущее покой, милосердие, помилование. В результате семантических преобразований вода в грузинской языковой картине мира стала образом, формирующим семантическое поле из сферы духовной и социальной жизни человека: «милость/милосердие». Вектор символизации: *вода → благодать → милость → помилование*. Обратимся к данным языка. *Tskali* (вода), *shetskaleba* (помилование), *tsakaloba*, *motskaleba* (милость, доброжелательность), *satskali* (несчастный, тот, кто нуждается в милости), *mtskalobeli* (милующий), *shemtskale* (милосердный), *upalo*, *shemitskale!* (Господи, помилуй!), показательна и коллокация *tskali mitevebisa* (крещенская вода, дословно: вода прощения). Анализ позволяет заключить: являясь одним из ключевых слов в языковой картине мира, вода содержит элементы различий в культурной разработанности объекта, что обусловлено воздействием факторов, формирующих «символическую реальность», на фоне которой происходит фиксация разных планов бытия понятия в сознании человека.

Как следует из выше изложенного, предложенный подход является интегративным методом, который включает процедуры анализа, синтеза, интерпретации и интроспекции.

Список литературы:

1. *Вардзелашвили Ж. А.* Концепт как лингвистическая категория «конструктивная сущность» // ТГУ им. ив. Джавахишвили. Сб. научных трудов. 2004. - 39-45 с.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ «ЖЕНСКАЯ ПРОЗА» В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

И.Г.Зумбулидзе
КГУ, Кутаиси (Грузия)

Аннотация :Появление множества новых женских имен в литературе последних двух десятилетий привело к активному изучению «женской прозы» как в России, так и за рубежом. Женская проза является одним из активно развивающихся направлений, которое необходимо учитывать, анализируя современный литературный процесс. Если русская женская проза стремится подчеркнуть уникальность существования свобододлюбивой и независимой русской души в женском обличье, то вторая давно осознала и показала потрясающий разрыв между естественным женским стремлением к самореализации личности и сложившимся ходом вещей. Исследование специфики женской прозы будет способствовать ее дальнейшему утверждению и развитию в русле литературного процесса.

Ключевые слова: женская проза, специфика, общие аспекты, очевидные различия, перспектива.

INNOVATIVE RUSSIAN "WOMEN'S PROSE" IN THE CONTEXT OF THE WORLD LITERARY PROCESS

Summary: Appearance of great number of the new woman names in literature of the last two decades resulted in the active study of "woman prose" both in Russia and abroad. Woman prose is one of actively developing direction, that must be taken into

account, analyzing a modern literary process. If Russian woman prose aims to underline the uniqueness of existence freedom-loving, and the independent Russian soul in a woman look, then the second - a long ago realized and showed a staggering break between the natural woman aspiring to self-realization of personality and folded motion of things. Research of specific of woman prose will assist its further statement and development in the river-bed of literary process.

Keywords: women's prose, specific, general aspects, the obvious differences, the prospect.

Понятие «женской прозы» существует достаточно долгое время. Современная женская проза активно заявила о себе в конце 1980-х начале 90-х г.г. И до сих пор дискуссии о ней не умолкают. Во все времена право женщины на место в искусстве и ее художественная дееспособность обсуждались и критиковались с различных позиций и точек зрения. По мере развития европейской цивилизации такого рода дискуссии то обострялись, то утихали в зависимости от исторических катаклизмов, которые переживала та или иная страна.

Существуют разные точки зрения на вопрос о том, имеют ли право тексты, написанные женщинами, рассматриваться как самостоятельная область словесности. Для осмысления явления женской прозы с середины 90-х годов в литературоведении начинает использоваться термин «гендер».

Как отмечает М.Наклешикова, специфические черты женской прозы изначально были выделены в творчестве ряда зарубежных авторов-женщин, в содержании их популярных бестселлеров, и лишь несколько позднее появились исследования специфики отечественной женской прозы (В. Токарева, Е. Чижова, М. Трауб, И. Грекова, Е. Вильмонт, Л. Улицкая, Т. Толстая, Д. Рубина и другие). [4, с. 2]

Хотя славистика обратилась к этой проблематике сравнительно недавно, эта задержка, возможно, дает и некоторые преимущества. В предисловии к сборнику, посвященному современной женской культуре в России, американская исследовательница Елена Гоцило отметила, что в отличие от ученых, занимающихся литературами других стран, которые заложили теоретические и критические основы для феминистских и гендерных исследований, славистам, избирающим феминистское направление, нет необходимости развивать фундаментальные принципы с самого начала. Их задача состоит скорее в усвоении, развитии и применении. [1, с.4]

Появление множества новых женских имен в литературе последних двух десятилетий привело к активному изучению «женской прозы» как в России, так и за рубежом. С 1989 года на Западе регулярно выходят переведенные на английский язык сборники рассказов и произведения отдельных писательниц. Издаются библиографические словари. Ежегодно проводятся конференции и семинары, на которых отечественные и зарубежные исследователи могут вступить в диалог со своими коллегами. Однако, по замечанию И. Савкиной, пока рано говорить о полноценном диалоге, так как «западная» и «отечественная» модели в изучении женской литературы развиваются параллельно. Даже взаимные ссылки, несмотря на совместное участие в конференциях и научных сборниках, крайне редки. Тем не менее, в настоящее время русская «женская проза» является, одним из основных объектов литературно-критического осмысления в России и за рубежом.[6, с.11]

Женская проза является одним из активно развивающихся направлений, которое необходимо учитывать, анализируя современный литературный процесс. Поэтому многочисленные публикации российских и западных литературных критиков о женском творчестве имеют важнейшее значение для понимания современной литературы в целом.

Выявлению общих аспектов и очевидных различий в русском и западном литературно-критическом осмыслении русской «женской прозы» рубежа XX — XXI веков посвящено исследование Е.Пастуховой, в котором был проведен исторический обзор литературно-критического осмысления «женской прозы» в отечественной и западной литературной традиции. [5, с.75]

Как считает Е.Наклешикова, отличия русской женской прозы от зарубежной не так уж велики. Если первая стремится подчеркнуть уникальность существования изначально свобододлюбивой, гордой и независимой русской души в женском обличье в условиях обычного «приписывания женщины к сковороде и подгузникам», то вторая давно осознала и показала потрясающий разрыв между таким естественным женским стремлением к самораскрытию и самореализации личности и сложившимся ходом вещей. Обычно характер русской героини преломляется через систему воспитания, имеющего, бесспорно, устойчивые патриархальные основания. Зарубежная женская проза изначально проявила себя более дерзко, что объяснимо с точки зрения протекающих за рубежом (прежде всего, в Европе и Америке) социально-политических процессов. Сама женщина-автор является там более свободной и, следовательно, ведет себя более дерзко в отношении используемых литературных приемов и средств. [4, с. 2]

В связи со всем сказанным, весьма интересным представляется сделать хотя бы краткий обзор современного состояния женской литературы в России, поскольку книги, вышедшие за последние годы позволяют выявить некие основные направления и тематические тенденции, определяющие характер этого культурного феномена, и увидеть литературный процесс в России под новым углом зрения.

То, что на литературном горизонте появились такие талантливые и разные писательницы, как Людмила Петрушевская, Татьяна Толстая, Людмила Улицкая, Виктория Токарева и др., сделало актуальным вопрос о том, что такое «женская литература» и как она вписывается в контекст современной литературы в целом. Появляются разнообразные формы "женской прозы", среди которых наиболее часто используются социально-психологический, сентиментальный роман, роман-жизнеописание, рассказ, эссе, повесть.

Свойством современности можно считать повышенную публицистичность, злободневность, усиленную экспрессивность женской прозы. Отличительной особенностью является и то, что большое значение приобретают в произведениях писательниц вопросы, связанные с мечтой, счастьем, любовью и детством. Появляется новый тип героя и новая реальность, неповторимый художественный мир. Новая проблематика и поэтика обусловили создание произведений, где женщина выступила главным действующим лицом, а не только выразителем авторской идеи. Основная тематика женской прозы охватывает проблемы семьи, контраста детства и взрослой жизни, темы "утраченного рая", поиска смысла жизни, связи личности и общества, проблемы "маленького человека".

Мотив дома, семьи является центральным в творчестве Людмилы Улицкой. «Природа её произведений такова, - пишет М. Золотоносов, — что всё в них постоянно колеблется между семейным (по образцу XIX века) и женским романом современной поп-культуры, в котором выражены «женские мечты» и даются перечни типовых обид и желаний. Улицкая адаптирует классическую романную форму к современным привычкам «лёгкого потребления», переводит её на язык сегодняшней культуры». [2, с.7]

Одной из основных проблем в произведениях Людмилы Петрушевской является проблема «отцов» и «детей», вечная проблема преемственности поколений. Критики Н.Лейдерман и М.Липовецкий полагают, что писательница выражает в своем творчестве катастрофический кризис семьи как социального института: «Драматическая ситуация у Петрушевской всегда обнажает искаженность человеческих отношений, особенно в семье или между мужчиной и женщиной; ненормальность и патологичность этих отношений неизменно приводит её персонажей к отчаянию и чувству непреодолимого одиночества». [3, с.82]

Для произведений Татьяны Толстой характерна постановка проблем, касающихся общечеловеческих вопросов бытия, «вечных» тем добра и зла, жизни и смерти, выбора пути, взаимоотношений с окружающими людьми, осознания себя и своего предназначения.

В этой связи интересна мысль, высказанная В. Славиной, которая отмечает, что у Толстой звучит явная тоска по утерянным гуманистическим ценностям в искусстве, что, по мнению критика, является одним из первых признаков возвращения русской литературы к ее духовности и жизненной правде. [7, с.39]

Женская проза отражает характерные черты современного искусства, подводит итоги эстетическим исканиям всего столетия, своими художественными экспериментами и стилевыми открытиями намечает перспективу культуры будущего.

Исследование специфики женской прозы будет способствовать ее дальнейшему утверждению и развитию в русле литературного процесса.

Литература:

1. Гоцило Е. *Fruits of her plume: Essays on contemporary Russian Women's Culture* / Ed. by H.Goscilo. Amonk, New York, London, England, 1996. 234с.
2. Золотоносов М. Мужчина ее мечты / М. Золотоносов // Московские новости. - 2004. - 13 февраля. С. 7.
3. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература. В трех книгах. - М., 2001. Кн. 3. 342 с.
4. Наклейщикова М. Феномен женской прозы в современной литературе: литературный дневник. [сайт] 2013. URL: <http://www.proza.ru>
5. Пастухова Е. Русская "женская проза" рубежа XX-XXI веков в осмыслении отечественной и зарубежной литературной критики - Тверь, 2002. 205с.
6. Савкина И. Кто и как пишет историю русской женской литературы // НЛЮ. 1997. №24. С. 11.
7. Славина В. А. Современная литература в поисках идеала // Преподаватель. – 2005. №2. - С.38-41.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКО-ГРУЗИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В 19 ВЕКЕ

Зураб Сулаберидзе
Музаффер Кир

Аннотация: В публикации кратко обсуждаем о влиянии русской литературы и культуры на духовную жизнь грузинской творческой интеллигенции в 19 веке. Сначала 19 века в Грузии русский язык проник почти во всех сферы жизни: в социальных отношениях, школах, в науке, литературе и др. Следует отметить, что грузинский и русский язык сосуществовали и продолжали дальнейшее развитие более двух веков, что, естественно, является редким феноменом взаимоотношения двух различных языков и культур. Диалог двух культур на всем протяжении 19 века объединял духовные ценности двух народов.

Ключевые слова: Россия, Грузия, Кавказ, Тбилиси, Литература, Культура, Диалог двух культур, Романтизм, Пушкин, Лермонтов, Бараташвили, Чавчавадзе, Орбелиани.

LITERARY AND CULTURAL ASPECTS OF THE RUSSIAN-GEORGIAN RELATIONSHIPS IN THE 19TH CENTURY

S u m m e r y: In the publication briefly we discuss a question of influence of the Russian literature and culture on spiritual life of the Georgian intellectuals. At first the 19th centuries in Georgia Russian got almost into all life spheres: in the social relations, schools, in science, literature, etc. These two rich languages coexisted and more than two centuries continued further development, that is a rare phenomenon of relationship of two various languages and cultures. Dialogue of two cultures throughout the 19th century united cultural of two people.

Keywords: Russia, Georgia, Caucasus, Tbilisi, Literature, Culture, Dialog between two cultures, Romanticism, Pushkin, Lermontov, Baratashvili, Chavchavadze, Orbeliani.

В начале 19-го века присоединение Грузии к Российской империи привело ко многим изменениям в стране не только в социально - политических, но и литературно - культурных отношениях. Несмотря на то, что процесс присоединения Грузии к России был очень противоречив и сложен, кавказская тема заняла свое место в российском культурном развитии.

Буквально с 1805 года русское общество начинает знакомиться с жизнью Грузии, расширяются сведения о природе края и его народах, в печати появляются статьи и заметки о Кавказе и Грузии, авторами которых были русские чиновники, офицеры, путешественники, литераторы, побывавшие там. Литературный интерес явился отражением глубокого внимания различных слоев русского общества к событиям, совершавшимся в то время на Кавказе, к прошлому и настоящему этого края, к его многонациональному населению.

Сначала 19 века в Грузии русский язык проник почти во всех сферы жизни: в социальных отношениях, школах, в науке, литературе и др. Следует отметить, что Грузинский и Русский язык сосуществовали и продолжали дальнейшее развитие более двух веков, что, естественно, является редким феноменом взаимоотношения двух различных языков и культур.

В публикации будем кратко обсуждать о влиянии русской литературы и культуры на духовную жизнь грузинской творческой интеллигенции, что в свое время особенно подчеркивал известный грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе [6, 369].

Как бы удивительно ни было, в очень короткий период времени произведения известных русских писателей Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Белинского, Чернышевского, Толстого, Островского и многих других

для грузинского общества вместе с грузинской классической литературой, стали важной частью духовной пищи. Они не только читали их произведения, но и переводили их, включали в учебники школ и т.д. Кроме того, неизгладимая природа Грузии и Кавказа, богатая культура, воинствующий народ мгновенно стал поэтическим оазисом для русских поэтов и писателей, что хорошо отражено во многих литературных шедеврах.

В 20-30-ые годы 19 века Тбилиси был крупным культурным и политическим центром Закавказья. Поскольку полицейский режим в Тбилиси не казался здесь таким тяжелым, главный город Кавказа в ту пору являлся местом, куда тянулись сосланные на Кавказ декабристы. Именно Тбилиси являлся в то время центром «литературного Кавказа», который возник в русской культуре с начала XIX века на основе опыта русских писателей, поэтов, художников, ученых и, конечно, военных, которые изучали кавказский регион как культурно-исторический объект. Н. Я. Эйдельман в книге «Быть может за хребтом Кавказа...» пишет: «Тогда (в 1826—1829 гг.), можно сказать, «вся Россия» шла на Кавказ: сосланные в одних рядах с вольными, Бестужев с Пушкиным, Михаил Пущин с Денисом Давыдовым. Те, кто провел несколько лет в Грузии и Армении, у Тебриза и Арзрума, не выпадали из главного русла российской жизни. Скорее, наоборот: в ту пору Кавказ был один из центров духовной жизни страны» [9, 253].

Тема Грузии и Кавказа оказалась интересной для романтиков по нескольким причинам. Прежде всего, это было связано с тем, что в начале XIX века она была еще новой для русского читателя, а стремление к профессиональной писательской новизме всегда было признаком наиболее прогрессивных форм и школ в литературе [4, 177].

В русской романтической поэзии 20—30-х годов появилась масса подражаний «Кавказскому пленнику»: «восточных», «южных» и «кавказских» поэм, казачьих и других «этнографически окрашенных» песен, берущих свое начало опять-таки от «Черкесской песни» из поэмы Пушкина [3, 4].

Что касается «грузинского романтизма», он возник на национальной почве. Он был органическим продолжением многовековой грузинской литературы. Источником его была сама грузинская действительность [8, 176].

Связи грузинских романтиков с декабризмом наглядно подтверждают то общее положение, что грузинская литература воспринимала в русской то, что соответствовало прогрессивной художественно-мировоззренческой тенденции его развития [5, 32-34]. Духовное изменение молодых поколений грузинских деятелей, выступившее на общественно-литературном поприще в эпоху декабризма, во многих отношениях было связано с Пушкиным и первым поколением русских революционеров.

В сочинениях блестящих представителей грузинского романтизма: Ал. Чавчавадзе, Гр. Орбелиани, Н. Бараташвили, Ал. Орбелиани и другие, ярко видно прогрессивное мышление о современной и будущей жизни страны. Русская литература эпохи декабризма была первой волной, которая серьезно повлияла на творческую интеллигенцию Грузии. Молодое поколение грузинских деятелей на общественно-литературной арене в эпоху декабризма во многих отношениях было связано с первыми поколениями русских революционеров [7, 188].

В грузинской литературе контакты с русским романтизмом отчетливо делятся на два этапа: первый этап - Ал. Чавчавадзе и Гр. Орбелиани – ознаменован обращением к поэзии декабристов, к Пушкину, который в этот период воспринимается, прежде всего, сквозь призму декабристской идеологии. Вторым этапом восприятия грузинскими романтиками русского романтизма является Николоз Бараташвили, который главным образом был ориентирован на поэзию Михаила Лермонтова.

Гениальное творчество Пушкина, со своим разнообразием и глубиной, покоряющим поэтическим содержанием, изумительным совершенством художественной формы, особенно привлекало передовых представителей грузинского общества. Именно в пушкинскую эпоху намечается в грузинской поэзии переход грузинской литературы на европейскую ориентацию, особенно на русскую.

Это влияние особенно чувствуется в творчестве известного грузинского поэта и видного государственного и общественного деятеля Ал. Чавчавадзе. Выдающийся поэт и государственный деятель «усваивает» в грузинской литературе образцы лирики Пушкина, что хорошо видно в переводе стихотворения великого Пушкина «Анчар». Переводы Чавчавадзе органически дополнили его поэзию, усилили и обогатили идейное пространство великого поэта.

Очень интересно также Орбелиановское подражание «Исповеди Наливайко», которое настолько стало «своим», настолько отвечало грузинской действительности, что известный грузинский драматург и общественный деятель Г. Эристави, которому сам Орбелиани передал рукопись, озаглавил его «Исповедь Гиви Амилахвари» (имя известного в Грузии борца с персидскими завоевателями) [5, 38-39].

С именем Н. Бараташвили связан новый этап восприятия русского романтизма в грузинской литературе. Творческая биография поэта самым отчетливым образом связана с современной ему европейской культурой. Глубоко самобытная поэзия великого грузинского романтика вместе с тем имеет печать общих процессов европейского литературного развития.

Как отмечал известный исследователь Игорь Богомолов, в творчестве Бараташвили видна особенная близость с творчеством М.Ю.Лермонтова. В творчестве Бараташвили и Лермонтова созвучно многое, и особенно мотивы неудовлетворенности современностью. Гениальные поэты глубоко переживали упадок в общественной жизни, бездеятельность современников [1, 38]. В деле развития духовной нравственности грузинского народа в первой половине 19 века сыграли также те грузинские эмигранты, которые обосновывались в петербургских и московских грузинских колониях. Родовитая грузинская интеллигенция, очутившись на чужбине, не перестала трудиться на пользу своей родины, изучив русский язык, близко познакомившись с русской и западноевропейской наукой и литературой.

Если первые грузинские эмигранты, прибывшие в Россию до присоединения Грузии, пополняли главным образом офицерские кадры русской армии и занимали административные посты, то их наследники выделили из своей среды немало деятелей науки и культуры.

Представители этой группы в Москве и Петербурге весьма преуспели на научно-литературном поприще. Они работали над вопросами родного языка, литературы и истории. Собирали старые грузинские русские рукописи, организовывали книгопечатание и др. Они сделали достоянием грузин много интересных книг не только русских, но и европейских просветителей: Вольтера, Руссо, Мабли, Локка и др. [2, 112-113].

Также надо отметить, что литературной деятельностью в Москве и Петербурге занимались в той или в иной степени обрусевшие потомки Грузинского царского дома, писавшие и издавшие сочинения на русском языке. Среди них – прекрасные представители петербургской творческой интеллигенции: Грузинская Анна Павловна, драматическая писательница (ум. 1868 г.), светлейшая княжна Ольга Ильинична, дочь грузинского царевича Ильи, издавшая «Грузинские легенды» под псевдонимом Гульбат (ум. 1911 год), Грузинский Егор Иванович, писатель и переводчик (умер в 1896 году) и многие другие [2, 150-151].

Деятельность московских и петербургских грузин не ограничивалась наукой и литературой. Среди них мы видим и путешественников, и известных собирателей древних рукописей и музейных редкостей.

Петербургская грузинская эмиграция поддерживала постоянную связь с родной страной. Эти люди не извлекали какой-либо материальной выгоды из своей литературной и издательской деятельности.

Особенно усиливается грузинская интеллигенция в России после открытия отдела грузиноведения в Петербургском университете. В стенах Университета им был создан очаг грузинской науки. Здесь и образовалось целое поколение грузиноведов. С Петербургским университетом связаны имена грузинских ученых: Цагарели, Чубинашвили, Джавахишвили и многих других. Именно на основе петербургской научной интеллигенции было создано на Кавказе первое учебное заведение – Тбилисский государственный университет.

Диалог двух культур на всем протяжении 19 века объединял духовные ценности двух народов. Как грузинские, так и русские прогрессивные деятели литературы и культуры стремились к сближению обеих культур.

Литература

1. Богомолов, И., Из истории Грузино- Русских литературных взаимосвязей, Тб., 1967, С. 210
2. Горгидзе, И., Грузины в Петербурге, Тб. 1974, С. 407
3. Романенко С., Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я. П. Полонского, Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 Томск, 2006 (<http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/198673.html>)

4. Томашевский Б. , Теория литературы. Поэтика. М., 1999. С.177.
5. Хихадзе Л., Из истории восприятия русской литературы в Грузии, Тб., 1978, С. 240
6. Чавчавадзе И., сочинения. т. 4, Тб., 1987, С. 369
7. Шадури В., Декабристская литература и грузинская общественность, Тбилиси, 1958, С. 578
8. Шадури В., Пушкин и грузинская общественность, Тб. 1966, С. 230
9. Эйдельман Н., Быть может за хребтом Кавказа... (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX века. Кавказский контекст). М., 1990. С.368.

СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКА – АКТУАЛЬНАЯ ЗАДАЧА ЭВОЛЮЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИУМА

Л.И. Иванкина

ТПУ, Томск (Россия)

Аннотация :Раскрыта социокультурная природа языка, его неразрывная связь с ментальностью, обосновано, что в процессах intersubjectivity посредством приобщения к другим языкам обеспечивается сохранение родного языка как базового, что позволяет обеспечивать в условиях нарастающей унификации социальной сферы жизни рост разнообразия и уникальности.

Ключевые слова: социокультурная природа языка, языковая коммуникация, ментальность, когнитивный акт, языковой знак, тождество смыслов.

LANGUAGE PRESERVATION IS A RELEVANT TASK OF THE SOCIETY EVOLVING

Abstract: The paper discloses the sociocultural nature of language and its inextricable connection with the mentality. It has been proved that during the processes of intersubjectivity through the attachment to other languages, the native language is preserved as a basic one that allows providing the growth of its diversity and uniqueness under conditions of the enhancing unification of the social sphere of life.

Key words: sociocultural nature of language, language communication, mentality, cognitive act, language sign, identity of meanings.

Языковой знак, наряду с действием и наглядным образом, относится к наиболее значимым способам выражения и описания сущего человеком, живущим в мире символов, в котором знаковые системы образуют язык их интерпретации.

На уровне социокультурной эволюции язык, как принципиально новое качество самоорганизующихся систем, служит проводником культурного смысла. Э. Гидденсом было замечено, что мысль и действие постоянно преломляются друг в друге, и данное качество, получившее название «рефлексивность», заложено в саму основу воспроизводства системы [1. С. 38].

Язык, являясь универсальным средством отображения действительности в человеческом сознании и основой мышления, отображает мир, подчиняя его своей собственной организации и контексту жизни человека, создавая реальность, структурируя ее, а не просто ее описывая, о чем гласит принцип лингвистической относительности Сепира–Уорфа: язык определяет реальность, и слова не описывают, а пишут мир [2. С. 206], что было определено М. Фуко как единство автора и текста.

Формы и способы языковой репрезентации опыта в сознании, и их использование в процессе межличностного взаимодействия относятся к ментальным структурам сознания. Рациональность в языковом контексте является свойством, присущим языковым структурам изначально. Язык и шаблоны мысли неразрывно связаны между собой, представляя единое целое, универсум, детерминированный не только лингвистически, но и исторически и культурно, обеспечивая становление, воспроизводство и трансформацию социальных связей и культуры социума, получивший название «ментальности». Ментальность, входя в структуру повседневности, отражает особенности жизни людей, принадлежащих к одной эпохе и одному обществу. Последующие поколения наследуют мыслительные привычки, установки, ценностные ориентации, стереотипы социального восприятия от предшествующего. В этом качестве менталитет посредством языка выполняет функцию организующего начала, способствующего культурно-исторической преемственности, обладая инерцией, оказывая сопротивление переменам.

Разнообразные субъекты (личности, группы), стремясь реализовать в процессе коммуникаций свои интенции, взаимодействуют в формирующемся социокультурном «пространстве-времени» как множество

когнитивных структур общего и индивидуального (локального) знания. По своей природе знаки социальны и связь между означаемым и означающим зависит от менталитета той или иной культуры, поэтому социальная интерпретация знака в разных обществах может не совпадать.

Локальные и глобальные социокультурные пространства формируются в межличностной и межкультурной коммуникации благодаря взаимной ориентации партнеров. Транслируемые в коммуникации интенции интерпретируются по-разному, что может вести к социальным издержкам и социальной напряженности. По этой причине, понимание интенции Другого становится первичным в межкультурных коммуникациях, в которых проявляются, с одной стороны, интенции и жизненные стратегии людей, разрешающих проблемные ситуации с помощью собственных жизненных ресурсов, и с другой – встречные потоки сознания и институционально подкрепляемые стратегии лиц, являющихся держателями общественных ресурсов. Именно по тому, состоялся ли эффект адекватного понимания, можно судить о качестве самой коммуникации, о степени ее диалогичности и о возможности перехода к поиску согласия.

Важнейшим конститутивным объектом социального познания становится смысл, поскольку социальные связи относительно познающего субъекта релятивизированы, который сам вовлечен в социальные взаимодействия, что обуславливает существование объективных смысловых связей как необходимого условия понимания, а также трактовки языкового сообщества как гаранта intersubjectивности смыслов.

Адекватное понимание и проникновение в смысл приписываемых значений становится возможным на основании интерпретации языком и культурой фактов по правилам, определяемым людьми. Характерной чертой языковых знаков является то, что они образуют систему взаимосвязанных знаков, соединяемую по определенным правилам, составляющим грамматику языка, и его предметное значение является одинаковым для владеющих данным языком людей.

Язык как система знаков, различительных единиц существует в неразрывной связи с бытием человека – человеческим сознанием, мышлением, культурой, предметно-практической и духовной деятельностью, отношения между которыми образуют упорядоченную структуру – систему языка. Это, прежде всего, – система фонетических, лексических, грамматических единиц, являющаяся средством общения людей и выражения ими своих мыслей, чувств, желаний, намерений и пр. Последовательностью единиц языка, организованной и структурированной по его законам и в соответствии с потребностями выражаемой информации, выступает речь, неотделимая от мысли, что свидетельствует о влиянии языка на мышление и поведение человека.

Язык, проявляясь в способности ориентирования, и в многообразных человеческих практиках, выступает медиатором культурных смыслов, и в этом качестве выступает цивилизационно-культурным механизмом обеспечения единства субъекта с множеством подобных ему, способствуя образованию практикующего метасубъекта.

От идеальности языка, носителем которого является конкретное сообщество, непосредственно зависит и тождество смыслов. Задавая, вслед за Э. Гуссерлем [3], вопрос о том, почему Ганс понимает Эрну, ответ найдем в когнитивных актах, которые соответствуют одной точке на дереве значений-видов. Понимание возможно, по мнению Э. Гуссерлю, поскольку Ганс и Эрн относятся к одному культурно-историческому сообществу, и совпадение моментов индивидуальных когнитивных актов различных субъектов, обеспечивающее их соотнесение к одной и той же точке на дереве значений, обусловлено наличием у них общего опыта, привычек, убеждений, ценностей и т.п. Благодаря коррелятивности языка и мира, язык служит условием существования мира как общего горизонта, а также необходимым условием понимания для всякого индивидуального исторического субъекта.

Являясь домом бытия (М. Хайдеггер), язык нуждается в сохранении, что становится актуальной задачей эволюционирования социума, развивающегося динамически в процессе смены тенденций к унификации (центростремительные силы) – стремление к общему языку интерпретаций, и к разнообразию, самоидентификации (центробежные силы) – тенденция к защите права на уникальность постигаемого смысла бытия.

Множественность интерпретаций, ценностей, позиций, смыслов, знаний формируют многообразие контекстной среды как возможность для существования многих истин и основы для диалога культур, их обогащения (центростремительные тенденции) и одновременного сохранения собственной уникальности как способа отражения контекста базовых ценностей, специфики именно этого способа организации жизненного пространства (центробежные тенденции).

В процессе эволюционирования общества такой механизм сохранения родного языка был найден в принятии дву- и многоязычия как способа решения проблемы понимания в межкультурных коммуникациях, и чтобы сохраниться, нужно принять право других на уникальность. В современном мире, когда окружающая действительность стремительно меняется, язык, в силу своей стабильности, остается поддержкой и опорой, позволяя сохранять собственную идентичность и культурную преемственность, поскольку функционально язык является механизмом генезиса и поддержания объективной смысловой структуры определенного культурного сообщества.

Важность языкового многообразия и его распространения признается целым рядом международных деклараций, среди которых «Декларация принципов», принятая в Женеве в 2003 г. Всемирным саммитом по Информационному обществу, нормативные акты ЮНЕСКО – «Всеобщая декларация культурного разнообразия», «Конвенция по сохранению нематериального культурного наследия» и многие другие. В указанных документах констатируется, что язык является не просто важным средством коммуникации или вектором культуры и фильтром мировоззрений и ценностей, но также неотъемлемой частью самосознания и идентификации как отдельной личности, так и общества в целом.

Таким образом, язык, занимая ключевую позицию в культуре, является способом сохранения культуры этноса и самого этноса. Чтобы сохранить свою принадлежность к этносу и строить активные коммуникации, в современном обществе человек развивает многоязычие как инструмент эволюционирования родного языка в постоянно меняющихся условиях.

Список литературы

1. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 116 с.
2. Цветков Э. Режиссура судьбы. – СПб.: Питер, 2003. – 320 с.
3. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II (1). – М.: Гнозис, Дом интеллектуальной книги, 2001. – 529 с.

ПОЭТИКА РАССКАЗА Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ВЕТКИ ДРЕВА»

Н.У.Исина

ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, Астана (Казахстан)

Аннотация : Статья посвящена анализу поэтики рассказа «Ветки древа» Л.Петрушевской. Прочтение одного произведения позволяет выявить общие характерные черты всей прозы, обусловленные своеобразием индивидуального стиля, организацией пространства и времени, различными формами повествования. В статье раскрываются характеры героев, функции художественной детали в воссоздании образов героев.

Ключевые слова: жанр, рассказ, цикл, повествование, символизм, психологизм

“POETICS OF L.PETRUSHEVSKAYA’S STORY “BRANCHES OF THE TREE”

RESUME

The article deals with the analysis of the poetics in L.Petrushevskaya’s story “Branches of the Tree”. A detailed reading of a work of literature allows revealing common characteristics of prose in general which are conditioned by the peculiarity of an individual style, space and time arrangement, various forms of narrative. The article throws light upon the nature of the characters, functions of imagery detail in producing the image of the character.

Key words: genre, story, cycle, narrative, symbolism, psychologism

Знаковым событием в литературе второй половины XX в. стало творчество Л.Петрушевской, мастера современной прозы и драматургии. Литературный дебют писательницы начинается в 70-ые годы XX в. Первая книга рассказов вышла в 1988 году. Критики отмечали оригинальность сюжетов, композиционных приемов, своеобразие авторского стиля и языка. Вместе с тем творчество Л.Петрушевской вполне укладывается в рамки современной литературы. В ней отчетливо прослеживаются традиционные образы и мотивы русской классики.

Ведущим жанром в прозе Л.Петрушевской становится рассказ, выступающий при этом во всевозможных формах и вариациях, к примеру, «случаи», «монологи», «истории», «песни», «притчи».

Рассказы Л.Петрушевской объединены в циклы, что придает им смысловую и художественную целостность и единство. В то же время циклизация позволяет автору отразить раздробленное сознание современного человека, обусловленное катастрофичностью современного мира.

Своеобразие индивидуального авторского стиля Л.Петрушевской прослеживается на всех уровнях поэтики: в сюжете и композиции, системе образов и изобразительно-выразительных средств, в организации хронотопа и способах повествования. По мнению М.Липовецкого, секрет прозы Л. Петрушевской заключается в том, что «дробная, бессвязная, принципиально не романная и даже антироманная картина жизни в ее рассказах последовательно романизирована»[1,151]. Романность рассказов, по наблюдению исследователя, проступает в особом тоне повествования, необычности зачина, концовки, где «совмещаются житейские дребезги с истинно романной болью за жизнь как целое», а также в необычности соотношения реальности, ограниченной рамками рассказа, с затекстовой реальностью [1, 151].

Все названные выше качества прозы Л.Петрушевской отчетливо прослеживаются в рассказе «**Ветки древа**», избранном нами для анализа.

Заглавие рассказа «**Ветки древа**» Л.Петрушевской глубоко символично и метафорично. История двух одиноких, несчастных женщин, судьбы которых оказываются схожими в своей трагичности, составляет сюжет рассказа. Повествование ведется от лица главной героини – молодой женщины, писательницы, по воле случая оказавшейся в Вильнюсе. «Я встретила родную душу рано-рано утром, приехав в Вильнюс на попутке – это была немолодая женщина на пустой туманной улочке близ храма» [2, Petrushevskaya/petrushevskaya_boginya.htm]. Строго очерчено пространство: «на пустой туманной улочке близ храма». На пути к храму рассказчица проходит ряд испытаний: стоянка на шоссе в ожидании попутной машины, ночь у костра с водителями, чувство страха. И, наконец, встреча с

женщиной, которая привела незнакомку «в свою квартирку – это половина верхнего этажа, практически чердачное помещение двухэтажного дома». [2, Petrushevskaya/petrushevskaya_boginya.htm]

Композиционно весь рассказ можно условно разделить на три части: 1) до встречи, 2) встреча двух женщин, 3) после встречи. В первой части повествуются события, происшедшие с рассказчицей на пути следования в город. Во второй части рассказывается о встрече с Ядвигой, которая привела ее в свою квартирку. В третьей части героиня-рассказчица, уезжая из города, в пути вновь вспоминает о гостеприимной хозяйке.

Повествовательная структура рассказа «**Ветки древа**» напоминает своеобразный лабиринт со множеством поворотов, переходов, тупиков. Выходом из этого лабиринта становится дом Ядвиги, в котором пребывает героиня-рассказчица.

Я встретила родную душу рано-рано утром...

И тут мне встретилась эта женщина лет пятидесяти...

Я уезжаю дальше к морю...

В представленной выше схеме движения событий можно заметить, как меняется способ повествования: от перволичного «я» автор переходит к третьеличной и возвращается к форме «я». Но между ними возникает еще одна форма - повествование от второго лица. Способ повествования от второго лица – крайне редкий в прозе. Повествование о себе, о повседневных заботах ведется отстраненно. Героиня-рассказчица постоянно возвращается к ранее сказанному. Так, в начале рассказа автор рисует картину раннего утра в городе: «Гудели колокола. Сыпал мелкий дождик. Пахло дымом (люди топили камины), блестели черепичные крыши...» [2, Petrushevskaya/petrushevskaya_boginya.htm]. В последующем эпизоде вновь предстает эта картина: «...пахло дымом, небо было низкое, стоял легкий туман, из храма звонили». Внешние реалии, бытовые детали несут определенную смысловую, психологическую, художественную нагрузку. Дым, туман, храм, с одной стороны, воссоздают внешний облик города, с другой стороны, символизируют зыбкость, хрупкость мира, в котором живут герои рассказа.

Характерная особенность стиля Л.Петрушевской – стремление к краткости, лаконичности. Предельная сжатость фразы, отсутствие многосложных описаний, разъяснений обусловлены напряжением авторской мысли, ощущением остроты и драматизма ситуации.

В характеристике героини постоянно подчеркивается деталь ее одежды. «И тут мне встретилась эта женщина лет пятидесяти, скромно и аккуратно одетая, в платочке», «литовская женщина в платке» [2, Petrushevskaya/petrushevskaya_boginya.htm]. Художественная деталь придает образу смысловую целостность и завершенность.

Пространство в рассказе строго очерчено: события происходят в городе Вильнюсе, где «блестели черепичные крыши, старые дома источали сырость». Далее события перемещаются в квартиру Ядвиги, «чердачное помещение двухэтажного домика».

Художественное время подчеркнуто выражено в тексте: «ранним утром», «вечером»; глагольные формы указывают на действия настоящего, прошедшего времени – «ушла», «вернулась», «сгорели»...

Психологизм, внутреннее напряжение отличает рассказ Л.Петрушевской. «Ядвига передвигает сахарницу, масленку, баночку сметаны». Психологически емко выписан портрет героини в момент диалога. О своем несчастье Ядвига рассказывает просто и бесстрастно.

- Я утром ушла на рынок, - бесцветно продолжает моя Ядвига. – Вернулась – все горит. Они сгорели, пока я ходила. Дочь, внук, муж, зять. Они спали все. Я их оставила во сне. С тех пор не могу плакать. [2, Petrushevskaya/petrushevskaya_boginya.htm]

Психологизм достигает наивысшей точки напряжения в сцене молчания, когда Ядвига «недовольна собой, слишком рано выдала свою тайну». Душевная боль героини передается рассказчице, которая в повседневной суете вспоминает о собственных бедах и несчастьях. «Кирилл астматик у меня, восьмилетний мальчик. А муж умер в прошлом месяце...». [2, Petrushevskaya/petrushevskaya_boginya.htm]

Чувство одиночества, незащитности, внутренней отчужденности от семьи, от самых дорогих людей переполняют героиню-рассказчицу. И воспоминания об умершем муже (*«ушел, покинул нас...»*) звучат как плач-причитание. И только воспоминание о сыне и предстоящая встреча с ним (*«можно поддержать ребенка за руку»*) на время освобождают рассказчицу от мрачных мыслей.

Чужая боль и чужая утрата зеркально отражают собственную боль и трагическую судьбу автора-рассказчицы. Образ сухой ветки символизирует живое, не погибшее, но уже не способное плодоносить дерево.

Поэтический образ *ветки сожженного дерева* отсылает к произведениям русской классики, к примеру, к лермонтовскому стихотворению «Дубовый листок оторвался от ветки родимой», что позволяет в перспективе выстраивать анализ прозы Л.Петрушевской в аспекте поэтики интертекстуальности.

Литература

1. Липовецкий М.Н. Свободы черная работа. Ст. о литературе / Свердловск: Среднеуральское книжн. изд-во, 1991. 272 с.
2. Петрушевская Л. Богиня парка. Повести и рассказы. Электронный ресурс.
// http://belousenko.com/books/Petrushevskaya/petrushevskaya_boginya.htm

**К ИСТОРИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ
ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ)**

Н.Д. Каджая
д. ф. н., ассоц. профессор
ГУАЦ, Кутаиси (Грузия)

Аннотация :Длительная история эволюции древнерусского языка предопределила возникновение и развитие морфологического строя современного русского языка. Накопление и изучение фактического материала по русской исторической морфологии актуально и представляет несомненный интерес для науки, поскольку до сих пор далеко не все изучено и выяснено в развитии морфологического строя русского языка, а по ряду вопросов лингвистами выдвинуты совершенно разные гипотезы. Бесспорно, успешное изучение истории русского языка не возможно без привлечения памятников древне- и старорусской (великорусской, приблизительно с XIVв.) письменности различной стилистической и диалектной принадлежности.

Эти обстоятельства позволяют избрать для исследования: 1) историческую морфологию имен существительных (в "Виршах" Симеона Полоцкого и "Смехотворных повестях" старорусской, великорусской демократической литературы XVII в., нового периода русской истории и начала формирования русского национального языка), изучить типы склонения имен существительных и характер флексий, категории рода, числа и падежа; остановиться более подробно на некоторых из них.

Ключевые слова: историческая морфология, имя существительное, типы склонения, характер флексий, стилистическая принадлежность.

**THE HISTORY OF GRAMMATICAL CATEGORIES OF A NOUN
(BASED ON OLD RUSSIAN MONUMENTS)**

Abstract: The long history of evolution of Old Russian language predetermined the emergence and development of a morphological system of modern Russian. Accumulation and studying of the actual material on the Russian historical morphology actually represents undoubted interest for science as not all is still studied and found out in the development of a morphological system of Russian, and on a number of questions linguists made absolutely different hypotheses. Undoubtedly, successful studying of history of Russian does not possibly exist without attraction of monuments of ancient and Old Russian (great Russian, approximately since the XIV century) writings of various stylistic and dialect accessory.

These circumstances enable us to choose for research: 1)historical morphology of nouns (in Simeon Polotsky's "Verses" and "Ridiculous stories", Old Russian, great Russian democratic literature of the XVII century, the new period of the Russian history and the beginning of formation of the Russian national language) to study in these compositions types of inducement of nouns and character of inflections, categories of a sort, number and a case; to stop in more detail on some of them; 2) to discuss about a current state of these categories of the nouns, topical issues of their stylistic use.

Key words: historical morphology, noun, types of declination, the nature of inflections, the stylistic affiliation.

Успешное изучение истории русского языка невозможно без привлечения памятников древне - и старорусской (великорусской, приблизительно с XIV в.) письменности различной стилистической и диалектной принадлежности.

Изучение морфологии существительных по сочинениям: "Вирши" Симеона Полоцкого и "Смехотворные повести", великорусской демократической литературы XVII в., нового периода русской истории и начала формирования русского национального языка, а также переводной, представляется актуальным для русского исторического языкознания.

Симеон Полоцкий занимает важное место среди писателей XVII в. Академик В.В. Виноградов считал его (наряду с другими известными древними авторами) одним из величайших русских писателей периода начального формирования русского литературного языка на национальной основе и относил к тем мастерам слова, которые определяли пути и нормы развития русской литературной речи (Виноградов, 1938:371). По справедливому утверждению Г.О. Винокура, сочинения подобных древних авторов бесспорно могут быть названы самыми замечательными из памятников II половины XVII в. (Винокур, 1959:76). В этом плане не могут не представлять интереса для науки его писательские нормы. Однако морфология существительных в них изучена еще слабо. Поэтика "Виршей" Симеона Полоцкого предвдывает поэтику классического стихотворства. Смехотворные повести - шуточные рассказы и забавные анекдоты. Представляют собой переводную литературу с польского на русский (1680 г.). Тексты взяты из издания "Симеон Полоцкий. Избранные сочинения" (Буслаев, 1861; Гудзий, 1955: 505-513) и "Памятники древней письменности" (1878-1879 гг.) (Летописи русской литературы и древности, 1863:432-436; Гудзий, 1955: 477-480). Изучение этих сочинений как проявлений диалектов XVII в., безусловно, важно, т.к. диалекты активно влияли на формирование общерусских языковых норм.

На первом этапе описываются падежные формы существительных, содержащихся в текстах, на основе древнейшего распределения на 5-6 типов склонения; на втором этапе путем качественного и количественного анализа флексий восстанавливаются реальные типы склонения существительных, имевшие место в выборках.

1. Существительные с древними основами на *-а, -ја встретились с флексиями: а) в ед. ч.: И. п. -а, -я, -и (мзда, лепота, купля); Р. П. -ы, -и, -я (молвы, тмы, девы, у сохи, до земля); Д. п. -е, -и, -ю (к лавке, жертве, Тимофею, к земли); В. п. -у, -ю, -а (вину, в житницу, в пищу, батька); Т. п. -ою, -ею (рукою, красотою, чашею); П.п. -е, -и (на земле, в земли, в келии); Зв. п. -о, -е (дево, земле); б) во мн. ч. В. п. -е (руце, нозе); Т. п. -ама (рукама); в) во мн. ч.: И. п. -ы, -и и церковнославянская -а (жабы, беды, земли, душа); Р. п. нулевая (от жён); Д. п. -ам, -ям (ко жёнам, к жабам, по стихиям); В. п. как И. п. или Р.; Т.п. -ами (колесницами, под ризами, с жёнами, куплями); П. п. -ах, -ях (на ногах, на руках).

2. Существительные с древними основами на *-о, -јо встретились с флексиями: а) в ед. ч.: И. п. нулевая для м.р. и -о, -е для ср. р. (монах, селенин, древо, зелие); Р. п. -а, -я (от вина, без греха, достояния); у некоторых существительных м. р. со значением неодушевленности употребляются также -у, -ю (от гладу, смраду); Д. п. -у, -ю (мужу, самодержцу, по велению) и -ови у слова "господин"; В. п. как И. и. или Р. (во учение, господина, за кедр); Т.п. -ом, -ем (богом, хлебом, морем, сердцем); П. п. -е, -и (в селе, во свете, на мори, терпении), -ы (на селы, на лица), -у, -ю у м. р. со значением неодушевленности (во гробу, в раю), Зв. п. -е, (боже, старче, упование), у м.р. ещё -ю (князью), хотя встречается и нулевое в м. р. (дед); у ср. р. ещё -о (воинство); б) во мн. ч.: Р-П. -у (крылу); в) во мн. ч.: И. п. -ы, -и, -а, -ья, -ие у м.р. (зубы, лви, окна, братья, стражие), у ср. р. -а, -я (лакомства, рассечения); Р. п. нулевая, -ов, -ев, -ей у м. р. (от грехов, ради сидельцев, у князей); у ср. р. только нулевая (без дел); Д. п. -ам, -ям, -ом (по кустам, по полям, к началом); В.п. как И. или Р. п.; Т. п. -ы, -ами, -ями (со кресты, дела, болотами.), у м.р. также -и, -ми (с цари, грехми), у ср. р. еще -еми (с беззаконъеми); П. п. -ех, -ах, -ях (в купцах, в писаннях), у ср. р. также -их (в оправданных).

3. Существительные с древними основами на *-й встретились с флексиями: а) в ед. ч.: И. п. нулевая (сын, дом); Р. п. -у, -а (миру, мира); Д. п. -овы, -у (сыновы, сыну); В. п. нулевая (в дом) и -а (сына); Т. п. -ом (сыном); П. п. -у, -е (в дому, в мире); Зв. п. -е (сыне); б) во мн. ч.: И. п. -ове (сынове); Р. н. -ов и нулевая (сынов); В. п. -ы (в. домы); П. п. -ех (в домех).

4. Существительные с древними основами на *-і встретились с флексиями: а) в ед. ч.: И. п. нулевая (худость, ересь, тать); Р. п. -и, -а, -я (чести, паче огня, господра ради); Д. п. -и (твари), -еви, -у (господеви, ко господу); В. п. как И. п. или -я у м.р. одуш. (рожь, на путь, зверя); Т. п. у ж. р. -ию, -ью, -нею (помощию, с чепью благодатнею), у м. р. -ем (путем, огнем); П. п. -и, -е (в грязи, на пути, в огне); Зв. п. -и (господи); б) во мн. ч. И. п. -и, -ие, последняя только у слова люди (кости, медведи, людие.); Р. п. -ей (страстей, от людей), у м. р. еще -ий и

нулевая (господий); Д. п. -ем, -ям (ересем, по степеням, людям); В. п. -и, -ей (двери, людей, люди); Т.п. -ми (сластями, со зверьми, с людьми); П. п. -ех, -ях (в смертях, в печалех, в людях).

5. Существительные с древними основами на согласные и на *-ŭ встретились с флексиями: а) в ед. ч.: И. п. у ср. р. -о или нулевая (небо, время, робя); Р. п. -е (с небесе, из чрева маторе), -и (до дни, у матери), -а, -я (тела, дня); Д. п. -и (к матери, к робяти), -у (к слову), -е (церкове); В. п. как И. п.: Т. п. -ом, -ем (с телом, именем, ремнем), -ию, -ью (кровию, с дочерью), П. п. -е или -и (в церкви, во церкви, на небе, на небеси); Зв. п. -о (о небо); б) в дв.ч.: Р – П. пп. -у, -ю, при этом основа слова око осложнена гласным -и (от очию); В. п. -е (две оце); Т. П. -има (очима); в) во мн. ч.: И. п. -и (дни, уши), -а, -я (имена), -е (бояре), -ие (учителие, дние); Р. п. нулевая и -ей (последняя только у слов день и ухо); Д. п. -ем, -ом, -ам (мытарем, по времяном, по временам); В. п. как И. или Р. п., а также -я у слова мать (всех матеря); Т. п. -ми (дньми), -ями (матерями), -ы (пред плимены, со гражданы); И. п. -ех (на оленех), -ах (во церквах, на небесах), -их (именях).

Тип склонения с древними основами на *-а, -ја (в письменной речи оставался в качестве особого типа склонения, так как появление в этом склонении новых флексий, отличных от древнерусских, вызвано, в основном, двумя причинами: воздействием твердой разновидности склонения на мягкую и изменениями в системе консонантизма (отверждением шипящих и смягчением г, к, х). Доли новых флексий, возникших под влиянием других причин, малы.

Тип склонения с древними основами на *-о, -јо в ед. ч. тоже был самостоятельным. Доминирующими во всех падежах остановились исконные флексии (а также возникшие на базе исконных в результате закономерных фонетических изменений) или развившиеся в результате взаимодействия твердой и мягкой разновидностей данного типа склонения. На формы ед. ч. существенное воздействие оказал только тип склонения на -ŭ, давший в Р. и П. пп. существительным м. р. с твердой основой флексию -у. В остальных случаях влияние других типов склонения было незначительным.

Во мн. ч. тип склонения на *-о, был в стадии перехода от древнерусской системы к новой, современной: 1. Формы мн. ч. этих существительных в ряде падежей испытали существенное воздействие со стороны других типов склонения, заимствовав у них флексии в ряде падежей (-ов, -ев, -ей в Р. п., -ам в Д. п., -ами в Т. п., -ах, -ах, -ях в П. п.). В остальных случаях воздействие других типов склонения было незначительным. 2. Более проницаемыми для новых флексий во мн. ч. оказались формы м. р., а существительные ср. р. предстают как более устойчивые. У существительных м.р. с твердой основой во всех падежах, кроме В. п., новые флексии статистически равноценны с исконными (или фонетически возникшими из исконных). В В.п. употребление флексии -ы или -ов определялось принадлежностью форм к существительным со значением неодушевленности или одушевленности. У ср. р. в большинстве падежей господствуют исконные флексии: в И., Р., В., и П. пп.; в Т. п. у твердых основ – исконные и новые флексии без преобладания тех или других; и только в Д. п. определяющей выступает новая флексия -ам.

Существительные с древними основами на *-ŭ в ед.ч. уже утратили свою самостоятельность в склонении, примкнув к основам на *-о, так как в качестве определяющих везде, кроме П. п., выступали новые флексии, по основам на *-о, или флексии, фонетически развившиеся из традиционных и совпавшие с флексиями основ на *-о. Во мн. ч. характер эволюции не ясен из-за малочисленности фактического материала.

Тип склонения с древней основой на *-і в ед. ч. сохранился, однако почти полностью превратился в женский, так как существительные м.р. этого типа, кроме слова путь, изменялись уже по образцу основ на *-јо, -о. При этом существительные ж. р. былых *-і основ в ед. ч. сохранили исконные флексии (или фонетически возникшие на исконных), тогда как существительные м.р. исконные флексии сохраняли лишь в том случае, если они после фонетических преобразований совпали с изменившимися флексиями основ на *-јо (в И., В. и Т. пп. ед.ч.). Во мн. ч. существительные с основами на *-і утратили былую самостоятельность как особый тип склонения, так как: 1) традиционные флексии именных основ на *-і (или фонетические варианты позднейшей поры) в трех падежах (И., Д. и В) совпали к XVII в. с флексиями других типов склонения (речи, дожди; к речем, как к царем). А в остальных трех падежах фонетически изменившиеся флексии *-і основ проникли в другие типы склонения (речей

как царей, речью как дождями, о речах как о дождях); 2) В Д. и П. пп. новые флексии, по основам на *-ja, используются на равных правах с фонетически преобразованными исконными флексиями.

Типы склонения существительных с древними основами на согласные и на *-ĭ не были самостоятельными. Они были ассимилированы сохранившимися типами склонения.

Стилистически флексии существительных в сочинениях древних авторов различаются редко: 1. Существенных стилистических различий в использовании флексий у существительных с былыми основами на *-a, -ja нет. Правда, обращает на себя внимание церковнославянская флексия -a (-я) из «юса малого» в Р. п. ед. ч. и в И. и В. пп. мн.ч. Но доля их ничтожна. 2. Только в одной позиции наблюдается существенное стилистическое различие у существительных с древними основами на *-o; в П. п. мн. ч. у существительных с основами на -ц не отмечена новая флексия -ax, а в других стилях она использовалась не реже традиционной. В остальных случаях у существительных на *-o, -jo стилистические различия в использовании флексий существенного характера не имеют: в литературно-повествовательном и деловом стилях изредка использовалась унифицированная флексия -яx в П. п. мн. ч. у ср. р., архаическая флексия -ие в И.п. мн.ч. (стражие), диалектная флексия -ми в Т. п. мн. ч. (грехми).

Сравнение результатов изучения существительных в памятниках русской письменности XVII в. различных стилей позволяет сделать утверждение: в целом было свойственно использование общерусских флексий нового и архаического для XVII в. типов и крайне редкое употребление диалектных флексий, особенно диалектных новообразований. Реализация категории падежа существительных имеет некоторые особенности: 1. Зв. п. еще играл видную роль. 2. В качественных и количественных закономерностях использования форм и категорий существенных различий стилей проявились общие тенденции развития старорусского языка и индоевропейских языков в целом: сокращение числа типов склонения и постепенное сокращение падежных и родовых различий. 3. Общая для всего русского языка XVII в. борьба между традиционными и новыми флексиями существительных и литературная регламентация использования архаических и новых форм при кажущемся на первый взгляд стихийном соединении их. 4. Своеобразное использование ряда падежных форм существительных: форм И. п. в функции прямого дополнения, родительного причины вместо В. п. и Т. п. в функции предиката.

Литература

1. Буслаев, Ф. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков./Ф. Буслаев. – М.: 1861.
2. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка, XVII-XIX вв./В.В. Виноградов. – М.: 1938, – 371 с.
3. Винокур, Г.О. Избранные работы по русскому языку./Г.О. Винокур. – М.: 1959, – 76 с.
4. Гудзий, Н.К. Хрестоматия по древней русской литературе XI – XVII веков./Н.К. Гудзий. – М.: 1955, – 505-513; 476-480 сс.
5. Летописи русской литературы и древности. Т. 5, – М.: 1863, 432-436 сс.
6. Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) в 10-ти т. АН, Институт русского языка. – М.: «Русск. яз.», 1988 - 1989.
7. Словарь русского языка (XI – XVII вв.). – М.: «Наука», 1975.

ОБ УРОВНЕВОМ ПОДХОДЕ К ПРЕПОДАВАНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО В КАЗАХСТАНСКОМ ВУЗЕ

Г.А. Кажигалиева, Р.И. Бекишева
КазНПУ им. Абая, Алматы (Казахстан)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются дидактические возможности уровнево-дифференцированного подхода к языковому обучению в вузе в условиях преподавания русского языка как неродного в казахстанском вузе.

Ключевые слова. Русский язык как неродной в казахстанской высшей школе, уровнево-дифференцированный подход к языковому обучению, групповые формы работы.

ON A TIERED APPROACH TO TEACHING AS A UNNATIVE LANGUAGE RUSSIAN IN THE KAZAKHSTAN INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION

Abstract. This article is devoted to the didactic possibilities of level-differentiated approach to language learning in high school in terms of teaching Russian as a unnative language in the universities of Kazakhstan.

Key words. Russian as a unnative language in the higher education of Kazakhstan, level-differentiated approach to language learning, forms of group work.

В рамках преподавания русского языка как неродного в казахстанской высшей школе актуализация уровнево-дифференцированного подхода произошла с введением в действие новой типовой учебной программы по данной общеобязательной дисциплине, разработанной в рамках государственной программы «Триединство языков» [1].

Под уровневым (уровнево-дифференцированным) подходом к языковому обучению нами понимается развитие личности обучающегося с учетом его индивидуальных особенностей через использование на занятиях дифференцированного по степени сложности дидактического материала. Идеи уровневого подхода красной строкой проходят через весь процесс обучения русскому языку, начиная с составления учебно-методической документации. В учебно-методическом комплексе дисциплины (УМКД) «Русский язык», разработанном на основе новой типовой программы на кафедре практического русского языка – практических языков (последнее – действующее название кафедры), уровневая концепция выдерживается во всех его компонентах: 1) типовая программа дисциплины; 2) силлабус; 3) рабочая программа дисциплины; 4) планы практических занятий; 5) материалы для организации и управления самостоятельной работой обучающихся: а) задания для самостоятельной работы студентов под руководством преподавателя (СРСП); б) задания для самостоятельной работы студентов (СРС); 6) материалы для мониторинга и контроля образованности обучающихся (уровня сформированности предметных компетенций): а) тестовые задания; б) задания для текущего, рубежного и промежуточного контроля; 7) методические разработки (рекомендации); 8) официально изданные преподавателями учебные и учебно-методические пособия (при условии публикации); 9) учебно-методический комплекс для обучающегося (УМКДО); 10) учебная литература и/или материалы на электронных носителях, интернет-ресурсов.

Далее здесь хотелось бы привести конкретные примеры дидактического материала, форм и видов работы, которые использовались нами в учебном процессе в целях реализации уровневой концепции преподавания русского языка как неродного в педагогическом вузе.

Предварительно отметим, что в дифференциации дидактического материала мы придерживаемся позиции Н.П. Гузика [2], который выделяет три типа дифференцированных программ разной степени сложности: А, В, С: 1) задания уровня “С” представляют собой *базовый стандарт*. Их выполнение позволяет обучающемуся овладеть конкретным материалом по предмету на уровне его *воспроизведения* (многократное повторение этого материала, умения выделять основные группы, вычленять главное, знание приемов запоминания и т.д.), в связи с чем задания этого уровня сопровождаются алгоритмами выполнения, инструкциями о том, как учить, на что обратить внимание, какой из этого следует вывод и т.д. Также здесь важно отметить, что задания уровня “С” должен уметь выполнять и выполнить каждый обучающийся, прежде чем приступить к работе над более сложными заданиями; б) задания

уровня “В” расширяют материал первого уровня, помогают глубже понять основные знания, показывают функционирование, применение изученных и изучаемых понятий и обеспечивают таким образом овладение обучающимися теми общими и специфическими приемами учебной и умственной деятельности, которые необходимы для решения данных заданий на *применение*; в) задания уровня “А” направлены на осознанное, *творческое применение* знаний. Задания уровня “А” предусматривают свободное владение фактическим материалом, приемами учебной работы и умственных действий, дают развивающие сведения, углубляющие материал, его логическое обоснование, открывающие перспективы творческого применения.

Теперь хотелось бы привести конкретные примеры использования подобных уровнево-дифференцированных заданий трех степеней сложности (А, В, С) в рамках общеобязательной дисциплины «Русский язык» в педагогическом вузе. Данные задания использовались нами в контексте групповой работы, когда различные задания выполняются разными группами. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что групповая работа с выраженной интерактивностью является определяющим направлением в кредитной системе обучения, функционирующей сегодня, как известно, в вузах РК.

Итак, примером указанной групповой работы с реализацией уровневого подхода может служить следующая работа в группах, использованная нами в контексте темы «Рецензирование научного текста» на занятии с будущими учителями биологии: Задание первой группы. *Составьте краткий алгоритм текста рецензии на научно-познавательную статью «Новозеландская птица уэки».* Задание второй группы. *В данном вам варианте текста рецензии на научно-познавательную статью «Новозеландская птица уэки» допущены ошибки, исправьте их.* Задание третьей группы. *Составьте краткую рецензию на статью Зубаня И.А. и Вилкова В.С. «[К особенностям гнездовой биологии обыкновенного чеглока в Жамбылском районе Северо-Казахстанской области](#)».*

По этой же теме («Рецензирование научного текста») студентам этой же специальности нами было дано следующее уровневое домашнее задание: а) *ознакомиться с данной рецензией на выпускную квалификационную работу по специальности «Биология»; устно дать ответ на вопрос: «Какой должна быть рецензия на дипломную работу?».* (Задание для всех трех групп, поскольку оно уровня “С”, которое должен уметь выполнять и выполнить каждый обучающийся, прежде чем приступить к работе над более сложными заданиями; б) *на основе анализа текста рецензии на дипломную работу выделить в нем структурные и смысловые части рецензии, записать в тетради.* (Задание для 2-ой группы, задание уровня “В”); в) опережающее домашнее задание: *сопоставить характеристики рецензии и отзыва, представить данные характеристики в табличной форме.* (Задание для 3-ей группы, задание уровня “А”).

В рамках изучения темы «Подстили научного стиля»: студенты также работали тремя группами (соответственно уровня А, уровня В, уровня С). Группы сидели за большими столами, составленными из парт, и на каждом из этих столов были поставлены карточки с номерами групп. Каждой группе было предложено задание их уровня (карточки) на занятии, посвященном обобщению и закреплению знаний по указанной теме. Для всех групп нами были подготовлены электронные варианты правильного выполнения заданий, которые демонстрировались ближе к концу занятия, дифференцированно для каждой из групп.

Студенты группы “А” получили два задания уровня “В” и одно творческое задание, выполнение которых должно обеспечить обучающимся продвижение дальше в результате самостоятельной работы над данными заданиями. Для контакта с этой группой затрачивается меньше всего времени. За 10 минут до конца занятия им демонстрируется электронный вариант правильного выполнения заданий: этого времени студентам достаточно для того чтобы сопоставить свое выполнение задания с правильным, сделать анализ допущенных ошибок (если они имеются), сделать взаимопроверку и т.д.

Студенты группы “В” получили также три задания: одно первого уровня и два второго уровня, фактически последние задания - задания уровня “С”, но в большем объеме. Обучающимся этой группы предоставлялось право выбора: если выполнение заданий не вызывает затруднений, то они работают самостоятельно, если же, напротив, они сомневаются в своих силах, то они переходят в группу “С”.

С ребятами группы “С” работа шла «публично», у доски, одновременно и в тетрадях студентами фиксировалась проводимая работа. Группе “С” были предложены задания первого и второго уровней, последовательное выполнение которых подробно разбиралось на доске, то есть анализировался и обосновывался каждый этап выполнения данных заданий.

Задания группы “А”: 1) охарактеризовать данный текст научно-популярного подстиля с точки зрения его лексических, морфологических и синтаксических особенностей; 2) преобразовать данный научно-учебный текст в научно-популярный; 3) составить текст-миниатюру научно-учебного подстиля по своей специальности.

Задания группы “В”: 1) доказать принадлежность данного текста к собственно научному подстилю; 2) определить подстиль текста, обосновать свой ответ; 3) сопоставить тексты и определить их принадлежность к подстилям научного стиля.

Задания группы “С”: 1) по образцу алгоритма «Функциональные стили русской речи» составить алгоритм темы «Подстили научного стиля речи»; 2) распределить представленные в общем списке конкретные подстилевые характеристики трех текстов научного стиля по соответствующим подстилям.

Таким образом, как показывает практика, в условиях дифференцированного обучения комфортно чувствуют себя сильные и слабые ученики. Уровневая дифференциация способствует более прочному и глубокому усвоению знаний, развитию индивидуальных способностей, развитию самостоятельного творческого мышления обучающихся.

Литература

1. Ахмедьяров К.К., Мухамадиев Х.С. Типовая учебная программа. Русский язык. – Алматы: Казак университети, 2012. - 16с.
2. Гузик Н.П. Учить учиться.- М.: Педагогика, 1981. - 88 с.

СТАТУС РУССКОГО ЯЗЫКА В КАЗАХСТАНЕ

(ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Т.С. Каленова

ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, Астана (Казахстан)

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект формирования русской диаспоры в Казахстане. Также исследуются актуальные вопросы развития и распространения русского языка в Республике Казахстан.

Ключевые слова: Казахстан, русская диаспора, русский язык, развитие, государственный язык, языковая политика, русскоязычный.

RUSSIAN STATUS IN KAZAKHSTAN (HISTORICAL ASPECT)

Summary. In article the historical aspect formation of the Russian diaspora in Kazakhstan is considered. Also topical issues of development and Russian distribution in the Republic of Kazakhstan are investigated.

Keywords: Kazakhstan, Russian diaspora, Russian, development, state language, language policy, Russian-speaking

В советский период в Казахстане доминирующее положение, как и во всем СССР, занимал русский язык. С приобретением Казахстаном суверенитета приоритеты языковой политики государства определяются стремлением соответствовать потребностям полиэтничного населения страны, учитывать особенности языковой, демографической и политической ситуации и сохранить стабильность межнациональных отношений. Но и сегодня русский язык продолжает быть востребованным в Казахстане, он используется практически во всех сферах жизнедеятельности страны. Современный русский язык Казахстана используется в следующих важнейших функциях: устном бытовом общении; письменном официальном и неофициальном общении: на нем созданы и создаются художественные произведения различного жанра и общественно-политическая литература; письменном научном общении: пишутся научные труды, средствах массовой информации всех видов: пресса, телевидение, радио, Интернет; официальный статус русского языка в Казахстане закреплён «Законом о языках»; используется на уровне межгосударственного общения [1].

Высокий процент владеющих русским языком во многом объясняется историческими причинами. К XVI - XVII векам Российское государство расширилось настолько, что стало соседствовать с казахскими родами и племенами, кочевавшими на территориях от Южной Сибири и Западного Алтая до Уральских гор и рек Эмба и Яик. Уже в XVI веке возникли казачьи поселения на реке Яик, в непосредственной близости от казахских кочевий. В 1520-м году был основан Яицкий городок (ныне — г.Уральск).

В 1731 году хан Младшего жуза Абулхаир подал российской императрице Анне Иоанновне прошение о протекторате в надежде найти защиту для своих родов от набегов джунгар. Анна Иоанновна ответила согласием, и большая часть казахов Западного, Северного и Центрального Казахстана перешла под протекторат России. Однако фактически власть Российской империи над Казахской степью оформилась только к середине XIX в. Тогда в результате военных мероприятий и административных реформ Казахстан окончательно вошёл в состав России, был разделён между тремя генерал-губернаторствами, а институт ханской власти, существовавший до 20-х гг. XIX в., был упразднён.

Во второй половине XIX столетия начинается активное переселение в Казахстан гражданского населения: крестьян, ремесленников, учителей, лекарей, торговцев.

После революции советская власть одним из главных приоритетов поставила всеобщее обучение и ликвидацию безграмотности. Русский язык становится в Советском государстве универсальным средством межнационального общения, и его позиции в национальных окраинах значительно укрепляются [2].

Самый мощный и значимый поток переселенцев связан с освоением целины, и приходится на 1950-е гг., когда в Казахскую ССР приехало 640 000 человек. Таким образом, в период между переписями 1939 и 1979 гг. русские стали самым многочисленным этносом Казахстана, а вместе с украинцами и белорусами - большинством населения республики. Численность русских возросла за 1897 – 1979 гг. на 5,5 млн. человек (в 13,2 раза). В 1979 г. в Казахстане проживало 14,68 млн. человек, причем славянское население составляло 48 %.

После распада Советского Союза 6 млн. русских в Казахстане стали второй по величине (после самой большой на Украине - около 11 млн.) русской диаспорой в ближнем зарубежье. По переписи 1989 г., они были здесь вторым по численности этносом после казахов (37% населения).

После получения независимости в 1991 году начался отток русских в Россию, и их численность значительно сократилась и продолжает сокращаться, но уже более медленными темпами.

За период с 1990 по 1997 г. из Казахстана выехало 1,2 миллиона русских, что составляло почти 14 % населения - из них более 90 % уехало в Россию [3].

Основными факторами отъезда считаются: распад единого пространства СССР, возвращение на этническую родину (русские в Россию, немцы в Германию, поляки в Польшу и так далее), безработица и инфляция в начале 90-х. Однако экономический подъём в Казахстане и связанное с этим расширение возможности применения труда специалистов приводит к сокращению темпов отъезда русских из республики: в 1999 году из Казахстана выехало на 80 тыс. русских больше, чем въехало, а в 2004 году эта разница составила около 25 тыс. человек [4].

Выступая в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 5 апреля 2006 года Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев подчеркнул следующее: «Сегодня среди казахов, представителей других этносов, живущих в современном Казахстане, сложно найти человека, который бы не знал русского языка. Казахстан первым из стран СНГ в конституционном порядке придал русскому языку статус официально употребляемого наравне с государственным. На русском издаются сотни периодических изданий, вещают все электронные средства массовой информации.

На русском языке ведется обучение во всех казахстанских вузах. Русский язык – обязательный предмет в общеобразовательных школах Казахстана. Более того, свыше 40 процентов всех учащихся Казахстана обучаются в школах с исключительно русским языком обучения... Мы делаем это не ради политики. Русский язык – наше великое богатство».

Официальный статус русского языка в Казахстане определен следующим образом: «В государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [5]

Русский язык в Казахстане, наряду с государственным языком, сохраняет весь объем функций. «Ведение документации осуществляется на государственном языке и русском языке; не допускается ущемление прав граждан по языковому признаку; в учебных заведениях русский язык является обязательным учебным предметом и входит в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании».

Сегодня в Казахстане действует Концепция языковой политики, направленная на расширение сферы функционирования государственного языка и определяет русский язык как основной источник информации и как средство коммуникации.

Концепция также гарантирует русскому языку сохранение в полном объеме тех социальных функций, которыми он обладал в середине 90-х гг. XX в. уже в независимом Казахстане. Согласно Концепции, интересы экономического и научно-технического развития страны определяют востребованность знаний и образования, получаемых на русском языке. Сохранение сферы функционирования русского языка обеспечивается стремлением Казахстана к интеграционным процессам, сохранению единого культурного и образовательного пространства со странами СНГ [6].

Список литературы

1. Журавлева Е.А. К проблеме национальной вариативности языков: особенности развития русского языка в Казахстане. URL: <http://www.ia-centr.ru>.
2. Маев И. Статус русского языка в Казахстане: вчера, сегодня, завтра. Исторический и юридический аспекты // Вестник МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка литературы), ежеквартальный дайджест, №60, 2009 г.
3. Эшмент Б. Проблемы русских в Казахстане - этничность или политика? // Диаспоры.- 1999.-№ 2/3.- С. 169-187.
4. Кудабаяева Р. Русские в Казахстане: уехать или остаться? // URL: <http://bbc.co.uk/russian>.
5. Конституция Республики Казахстан.-1995; Закон о языках Республики Казахстан.-1997.
6. О Концепции языковой политики Республики Казахстан. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 4 ноября 1996 г.- № 3186 // Основные законодательные акты о языках в Республике Казахстан. Алматы, 2005.- С. 11–17.

ПАРАТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОВЕЛЛЫ А.П.ЧЕХОВА «ТОЛСТЫЙ И ТОНКИЙ».

В.Б.Квантре
КГУ, Кутаиси (Грузия)

Аннотация : В работе предпринята попытка паратекстуального анализа новеллы А.П.Чехова «Толстый и тонкий». Данный анализ предполагает обращение к аспектам структурной лингвистики текста, нарративной типологии, проблемам авторской субъективности по указанному произведению. Структура текста строится на призрачном мире колеблющихся полутонов, определения приобретают самостоятельный смысл, независимый от их носителя. Цвет, звук, движение, запахи являются не фоном, а структурно-психологической основой текста, от их восприятия и переливов зависит человеческая судьба и на их основе строятся отношения. В новелле Чехов навязчиво использует те модернистические новации, которые так активно входили в критический реализм

Ключевые слова: паратекстуальный анализа, структура текст модернистические новации, чиновничество.

PARATEXTUAL ANALYSIS OF THE NOVEL OF A.P.CHEKHOV "THICK AND THIN"

Summary: In work we have attempted to paratextual analyze Anton Chekhov's short story "The thick and thin" . This analysis assumes the appeal to aspects of structural linguistics of the text, narrative typology, problems of author's subjectivity of this novel. The structure of the text is based on the illusive world of oscillating halftones, definitions get the independent sense irrespective of their carrier. Color, sound, movement, smells are not the background, but the structural and psychological basis of the text, from their perception and the iridescence depends human fate and on their basis relationships are built. In the novel Chekhov compulsively uses the modernist innovations that were so active in critical realism.

Keywords: paratextual analysis, the structure of the text ,modernist innovations servility.

Новеллистка А.П.Чехова довольно хорошо исследована, однако рассмотрение литературного текста с использованием методов лингвистического анализа, внесение в интерпретацию фоновых, страноведческих элементов, учет текстологических правок, а также поэтапный анализ формирования текста с точки зрения присутствия в нем автора – явление далеко нераспространенное в исторической поэтике. Данный интегрированный паратекстуальный анализ углубляет внутритекстовые связи, дает новое, отчасти и неожиданное представление об авторской правке. Данный анализ предполагает обращение также и к аспектам структурной лингвистики текста, нарративной типологии, проблемам авторской субъективности. С такой точки в работе предпринят анализ новеллы «Толстый и тонкий». Подобный подход на текстологическом уровне рассматривает и проблему двойственного отношения к классической и современной ему литературе.

Новелла ««Толстый и тонкий» несмотря на свой небольшой объем и на первый взгляд совершенно простую сюжетную линию подвергся авторской правке. В первой редакции новелла финал новеллы, которая была опубликована в журнале «Осколки» за 1883 год, финал совершенно соответствовал жанру новеллы, отличался остротой неожиданной социальной развязки. Тонкий рассказывает о себе: «Служил в департаменте «Предисловий и опечаток», а теперь сюда переведен секретарем по тому же ведомству... <...> Начальник, говорят, скотина, ну да черт с ним!.. Уживусь как-нибудь. Однофамилец он твой. <...>— Тэк-с... Так это вы, стало быть, секретарем ко мне назначены? — сказал басом толстый, надувшись вдруг, как индейский петух. — Поздно, милостивый государь, на службу являетесь...» [1, с.459]. Однако он был явно выражен в гоголевском духе. Несмотря на то, что новелла относится к периоду ученичества, автор снимает социальный аспект, следует раскрытию главной темы, обозначенной в заглавии. Тонкая ирония и полемика с Гоголем уже обозначена в этой новелле. Если у Гоголя после смены первой редакции «Шинели» («Чиновник, укравший шинель») новелла теряет номинативную функцию, словно обезличивается, то у Чехова обезличивание, отсутствие духовности в мире чиновничества уходит в еще

более тонкие слои структуры. Структура текста строится на призрачном мире колеблющихся полутонов, определения приобретают самостоятельный смысл, независимый от их носителя.

Период написания новеллы 80-ые годы отмечен сменой литературных процессов, когда в критический реализм активно начинают входить модернистические новации. Их постепенно и ненавязчиво использует Чехов. Цвет, звук, движение, запахи являются не фоном, а структурно-психологической основой текста, от их восприятия и переливов зависит человеческая судьба и на их основе строятся отношения. От толстого пахло «хересом и флер-д'оранжем» — дорогим вином и духами, от тонкого — «ветчиной и кофейной гущей», то есть дорожным завтраком небогатых людей. Однако это социальное различие самим героям не ясно: оба они «приятно ошеломлены». И все-таки Чехов не избегает искушения подсказать читателю основную суть своего незатейливого повествования. Такой подсказкой является слово: **чинопочитание**. С точки зрения лингвистики текста ключевой знак дается в тексте один раз, несколько раз в начале текста и в конце повторяется: «приятно ошеломлены», такой повтор образует кольцевую структуру. Однако в чеховской интерпретации данный повтор приобретает совершенно противоположный смысл. В первом случае - радость от неожиданной встречи, воспоминания детства, во втором - подобострастное отношение к сильному мира сего, чинопочитание. Тем самым снимается замыкается идущая через весь текст оппозиция : толстый/ тонкий, крупный/мелкий чиновник, богатый/ бедный, и т.д. Новые, отчасти неожиданные внутритекстовые смыслы приобретают имена в тексте новеллы, которые также выявляются двойственное отношение Чехова к другим авторам, с которыми он полемизирует на уровне текста. Тонкого звали Порфирий. В словаре имен читаем: «Порфирий обладает врожденным чувством справедливости, любое нарушение ее вызывает в нем яростный протест. Он готов отстаивать свою правоту любыми средствами, невзирая на последствия, неприязненно относится к расчетливости, ко всяким тактическим и дипломатическим уловкам, чем часто неумышленно восстанавливает против себя людей.» [3,с.290]. Эта характеристика имени совпадает с характеристикой тонкого: «Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казённую книжку папироской прожёл, а меня Эфиальтом за то, что я ябедничать любил.»[2,с.91]. Прозвище Эфиальт, данное тонкому в детстве, воспринимается как метатекст в тексте. Эфиальт- политический деятель в древних Афинах, пользующийся характеристикой честности, неподкупности, справедливости. Такое обращение к номинативному ряду вызывает ассоциацию обращения Чехова к образу Порфирия Петровича (Достоевский «Преступление и наказание»). Однако и в этом случае наблюдаем двойственность отношения автора к Достоевскому. Прозвище Эфиальт ближе Порфирию Петровичу, чем Порфирию - тонкому, мелкому чиновнику. Порфирий Петрович кроме имени обладает и удвоенной смысловой нагрузкой. Этот образ кроме значения имени приращивает внутритекстовый смысл: порфироносный, то есть государственный, и Петра- наследник Петра. Тонкий не выдерживает сравнения ни с Порфирием Петровичем, ни с Эфиальтом. Складывается противостояние не в пользу тонкого, как и ироническое противостояние честолюбца Герострата и ябедника Эфиальта, истинный носитель этого имени ябедником не был. Сниженная характеристика тонкого переносится и на членов его семьи. Автор опять обыгрывает имена сына Нафанаил и его жены Луизы: «Луиза, лютеранка, некоторым образом.»[2, с.93]. Сам потомок крепостных, сын мелкого торговца, Чехов хорошо знал мир «тонких», но этот мир в его новелле парадоксально перевернут, известные в литературе имена героев приобретают совершенно новый смысл: они даны в полутонах юмора, иронии, бессильной злобы против пошлости во всех ее проявлениях и на всех ступенях чиновничьей лестницы. «В некотором роде лютеранка» звучит иронично, хотя у этого персонажа несколько литературных и житейских прототипов. В письмах Чехова упоминается имена Марии Францевны Файст и ее сестры Луизы, провинциалок, которые, живя в русской провинции оставались немками.[4, с.250]. Тонкий бравирует именем своей супруги, подчеркивает ее необычность. Известно, что имя супруга тонкого могла сменить на русское Лиза, однако этого она не сделала, имя преподносится тонким словно украшение. Он подчеркивает, что она еще и дает уроки музыки. В значении имени Луизы также обозначены черты, данные и в новелле: импульсивность, желание казаться лучше, чем она есть, экстравагантность. Во времена написания новеллы в русской культуре было хорошо известно имя Луизы Аржанто (1837— 1890), урожденной княжны Караман-Шимэ, — видной деятельницы в истории новой русской музыки. Тонкий

подчеркивает в разговоре с толстым имя, фамилию и род занятий своей супруги. Нафанаил- богом данный, вероятно, единственный наследник этого семейства, который пойдет по следам отца, в этом читателя убеждает застегнутая на мундире пуговица при упоминании чина толстого. Такой многоплановый ассоциативный ряд, пушкинская манера давать имена героям по словарю, в котором читатель мог бы вычитать более подробную характеристику имени, неявная полемика с Достоевским, Гоголем и модернистические новации, связанные с общей тенденцией сокращения грамматически выверенных предложений, когда одна и та же графическая страница вмещала намного больше содержания, чем жанр новеллы начала 19 века вероятно всего и послужил переделки финала новеллы, который автор посчитал излишеством. В дальнейшем Чехов учился еще большему минимализму, глубина которого все еще не исследована в должной мере.

Литература

1. З.Г. Минц. Сложная простота. Анализ рассказа А. Чехова «Толстый и тонкий» / З.Г. Минц. Блок и русский символизм. М.: Искусство- СПб. 2004.С. 457-463
2. Чехов А.П. Полн. соб. соч. в 12-ти т.. т1,с.91-93
3. Грушко Е. Словарь имен., 1997., 645с.
4. Чехов А. П. Поли. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1975. Т. 2. С. 250.

ГРУЗИНСКО-РУССКИЙ И РУССКО-ГРУЗИНСКИЙ СЛОВАРЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛЕКСИКИ

И. Д. Киквидзе

Государственный университет Акакия Церетели, Кутаиси (Грузия)

Аннотация: Разрабатываемый нами словарь представляет собой попытку сопоставления православных религиозных лексических единиц в русском и грузинском языках. Издание подобного словаря осуществляется впервые. Помимо терминов, он объединяет нетерминологические единицы – общеупотребительные слова, развивающие переносные и коннотативные религиозные значения. Особый интерес представляет вопрос о характере подачи слов, не имеющих в сопоставляемом языке прямых лексических соответствий. Слова-реалии, существующие в православной лексике русского и грузинского языков, не игнорируются в словаре – их значения передаются описательно. Словарь может быть использован при изучении иностранного языка. Он окажет большую помощь переводчикам, а также учёным, занимающимся сопоставительным исследованием.

Ключевые слова: православная лексика, грузино-русский словарь, русско-грузинский словарь.

GEORGIAN-RUSSIAN AND RUSSIAN-GEORGIAN DICTIONARY OF ORTHODOX VOCABULARY

Abstract: The dictionary is an attempt of comparison of Orthodox religious lexical units in Russian and Georgian languages. Besides terms, it unites untermiological units - current words that have portable religious values. Especially important is a question about character of serve of words not having in the compared language of direct lexical accordance. Words-realities are not ignored in a dictionary - their values are passed descriptive. A dictionary can be used for the study of foreign language. It will give help to the translators, and also to the scientists working in comparable researches.

Key words: orthodox vocabulary, Georgian-Russian dictionary, Russian-Georgian dictionary.

Православная лексика представляет собой важнейший пласт языковой системы, содержащий богатую информацию о культуре, истории, системе ценностей и характере народа. По воле судеб, данная часть лексики в языковом сознании русских и грузин по настоящее время составляет гиперлакуну. Однако в последнее время в Грузии и в России значительно активизировалась религиозная жизнь, возрос интерес к православной литературе.

Разрабатываемый нами словарь представляет собой попытку сопоставления православных религиозных лексических единиц в русском и грузинском языках. Работа над созданием словаря ведётся в течение двух лет и оказалась намного сложнее и интереснее, чем предполагалось в начале. Сложность составляет то, что помимо необходимости ознакомления с существующими русско-грузинскими и грузинско-русскими переводными словарями, необходимо изучить в оригинале религиозную литературу, сопоставить тексты на двух языках. Следует учесть также то обстоятельство, что издание подобного словаря осуществляется впервые, что обуславливает необходимость выработки максимально чёткого подхода к определению лексического состава словаря, принципов включения в него лексических единиц.

Проблему представляет определение объёма понятия «православная лексика», поскольку не существует жёстких критериев выделения данного пласта лексики в составе единой лексической системы языка. В лингвистической литературе встречаем различные подходы к определению термина «православная лексика» и лексического состава соответствующей совокупности единиц. Наиболее полное определение православной лексики как очень широкого понятия, включающего в себя названия культов, их последователей, здания и предметы, связанные с религией; элементы церковного календаря, формы и предметы богослужения и др. представлено в работах И.В. Бугаевой, Г.Н. Складневской [1; 4].

Гибкость границ рассматриваемой лексики обусловлена неоднородностью её состава. Помимо терминов, она объединяет нетерминологические единицы – общеупотребительные слова, развивающие переносные

религиозные значения. Двухязычный православный словарь включает лексико-семантические варианты подобных нетерминологических слов (падение, очищение; *dacema, ganwmenda*). Включены в словарь также нетерминологические - общеупотребительные слова, которые в религиозном (церковном) дискурсе приобретают дополнительные коннотативные значения (разбойник, смертный; *avazaki, mokvdavi*).

Таким образом, православная лексика, представленная в словаре, охватывает следующие тематические группы:

- небесная иерархия: Бог, Богородица, Начала, Престолы и др. (В словарь включены также метафорические наименования Иисуса Христа, Богородицы, святых): *RmerTi, RvTismSobeli, mTavrobani // dasabamni, saydarni*;
- церковная иерархия - наименования представителей духовенства: архимандрит, дьякон, иеродиакон, псаломщик; *arqimandriti, diakvani, ierodiakoni, medaviTne*;
- элементы богослужения: акафист, евхаристия, молитва, отпуст: проповедь, псалтырь, ирмос и др.; *akaTisto // daujdomeli, evqaristia, locva, ganteveba // Camolocva, daviTni, irmosi // Zlispiri // TviTavaji*;
- храм – его внешнее и внутренне устройство: алтарь, иконостас, клирос; *sakurTxeveli, kankeli, klirosi*;
- предметы богослужения и церковная утварь: воздѹх, дикирий, звезда, кадильница // кадило, паникадило; *dafarna, dikiri // orsanTela, brwkali, sacesxluri // sasakmevle, qorkandeli // panikandeli*;
- важнейшие богословские понятия: блаженство, грех, добродетель, сребролюбие; *netareba, codva, saTnoeba, vercxlismoovareoba*;
- слова, передающие действия, связанные с церковной жизнью, соблюдением церковного этикета: говение, отшельничество; *marxva, gandegiloba*;
- элементы церковного календаря (в данную группу входят также наиболее распространенные народные названия православных праздников и других элементов церковного календаря): Вербница, Ваий неделя, Рождество, Пасха, Масленица, Страстная неделя, Седмица; *baiaoba, bzoba, Soba, aRdgoma, yvelieri, vnebis kvira, vnebis kviriake*;
- священнические облачения: анафора, клобук, орарь; *anafora, kunkul-bartyuli, gingila // orari*;
- слова, связанные с церковным пением; элементы и формы православной гимнографии: светилен, двупеснец; *ganmanaTlebeli // xuedrni, orsagalobeli // diodioni*;
- названия наиболее чтимых православных икон: Неупиваемая Чаша, Прибавление ума, Всецарица (Пантанасса), Лоза истинная // Спас Лоза Истинная, Неопалимая Купина; *barZimi Seusmeli, gonebis momniWebeli, yovelTa dedufali (pantanasa), Sen xar venaxi, Seuwveli mayvali*;
- устойчивые словосочетания, возгласы, фразеологизмы, ситуативные и этикетные клише, характерные для православного дискурса: Христос воскрес, Воистину воскрес, Хлеб наш насущный, Царские Врата, Святые врата, Тайная вечеря; *qriste aRsdga, WeSmaritad aRsdga, puri Cveni arsobisa, aRsavlis (sameufeo) kari, saidumlo seroba*.

Слова исходного языка расположены в словаре в алфавитном порядке. Для составных терминов, устойчивых словосочетаний принята алфавитно-гнездовая система, то есть лексические единицы, состоящие из определяемых слов и определений, расположены по определяемым словам.

Особый интерес представляет вопрос о характере подачи слов, не имеющих в сопоставляемом языке прямых лексических соответствий. В подобных случаях значения передаются описательно. Таким образом, слова-реалии, существующие в православной лексике русского и грузинского языков, не игнорируются в словаре - описание реалий нацелено на выявление культурно-этнической специфики данных слов.

Словарь может быть использован при изучении иностранного языка учащимися школ и студентами светских, и особенно, духовных учебных заведений. Он окажет большую помощь специалистам, занимающимся переводом религиозной литературы с русского на грузинский, а также с грузинского на русский язык.

Словарь может быть полезен учёным в сопоставительных русско-грузинских и грузинско-русских лингвокультурологических разысканиях.

Литература:

1. Бугаева И.В. Православная лексика в русском и финском // *Instrumentarium of Linguistics Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian*. - Helsinki, 2010. С.393–402.
2. Плисов Е.В. Конфессиональная дифференциация христианской лексики в немецком языке // *Hl'adanie ekvivalentnosti – III*, Prešov, 2007. С. 187–199.
3. Сергеева Е.В. Гиперлакуна в лексиконе современной языковой личности: религионимы и библеизмы // *Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте*. Новосибирск, 2009. С. 102 – 107.
4. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Н.А. Кипиани
Университет им. Ибрагима Чечена, г. Агры (Турция)

Резюме: В статье рассматриваются явления сингармонизма и цоканья в тюркских языках и русском языке, которые в генеалогическом отношении сильно удалены друг от друга. Цоканье, так же, как и тюркские слова в «Слове о полку Игореве», свидетельствует о южном происхождении первоначального текста.

Ключевые слова: типология, сингармонизм, полногласие, прогрессивная и регрессивная ассимиляция, цоканье, «Слово о полку Игореве».

PHONETIC CONVERGENCE IN EAST SLAVIC AND TURKIC LANGUAGES

Resume: The article reviews the phenomenon of vowel harmony and mixture of phonemes [ɯ] and [ɟ] in the Turkic languages and Russian language, that in the genealogical relation are strongly separated from each other. Mixture of phonemes [ɯ] and [ɟ] and Turkic words in “The Song of Igor’s Campaign” testifies about the south origin of the initial text.

Key words: typology, vowel harmony, pleophony, progressive and regressive assimilation, mixture of phonemes [ɯ] and [ɟ], “The Song of Igor’s Campaign”.

На рубеже XIX - XX веков проблемы типологии, изучения языка в сравнении с другими, рассматривались И. А. Бодуэном де Куртэнэ. В своей работе «О смешанном характере всех языков» он отметил: «Весьма благодарную тему для лингвистических занятий могло бы дать сравнительное рассмотрение языков славянских и урало-алтайских (тюрко-татарских)» [6, с. 370].

Сопоставление агглютинативных тюркских и флективного русского языков - это фактически сопоставление разнотипных языков, различных в типологическом отношении. Носители же этих языков – племена славянские и туранские, или урало-алтайские, на протяжении веков были ближайшими соседями. «Сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории», - отмечает Н.С. Трубецкой [13].

Если проследить общую эволюцию взглядов на соотношение в языке универсального, типологического и специфического, то выявляется любопытная закономерность. Содержательная сторона языка, в том числе грамматическая категоризация, казавшаяся когда-то в основе своей универсальной, представляется со временем все более индивидуальной, несмотря на сохранение универсального компонента. В отличие от этого, во внешней, звуковой стороне, изначально считавшейся сугубо индивидуальной характеристикой языков, обнаруживается все больше типологических и универсальных свойств.

Покажем общность языковых явлений в разных языках – в тюркских языках и русском языке, которые в генеалогическом отношении сильно удалены друг от друга. Среди сопоставляемых фактов - явление сингармонизма и цоканье.³²

Во всех языках тюркской семьи, широко представлен сингармонизм. Сущность этого явления в единообразном вокалическом (а иногда и консонантном) оформлении слова. Корпус всего слова, его звуковая форма закладываются с самой первой слогаобразующей гласной, и все последующие гласные присоединяемых аффиксов уподобляются первой. Например, в турецком языке: *ev* «дом» - *evde* «дома», *araba* «машина» – *arabada* «в машине», *ayak* «нога», множ. число *ayak-lar*, *el* «рука», множ. число *el-ler*. Сингармонизм распространяется и на заимствования. Стечение двух согласных в одном слоге на конце слова - явление характерное для слов, заимствованных из арабского и персидского языков. Для устранения стечения согласных используются в качестве эпентезы гласные,

³² Наши заметки имеют целью констатацию структурных сходств между языками – то, что относится к *инвентаризации* типологии.

подбираемые в соответствии с законом гармонии гласных: *asl* (араб.) > *asil* «основа», *şehr* (перс.) > *şehir* «город», *ömür* (араб.) > *ömür* «жизнь».

Явление сингармонизма, или ассимиляции, уподобления, в той или иной степени присутствует во многих языках мира. Известно оно было и древнерусскому языку. Отметим, что в отличие от родства и сродства языков, изоморфизм не связан обязательно ни с фактором времени, ни с фактором пространства. Изоморфизм может объединять различные состояния одного и того же языка или два состояния (как одновременных, так и отдаленных во времени) двух различных языков, причем как языков, расположенных по соседству, так и находящихся на далеком расстоянии, как родственных, так и имеющих разное происхождение. Показательна в данном отношении история русского языка, где гармония гласных может быть «прогрессивной» и «регрессивной».

В русской традиции принят термин «полногласие» (явление полногласия как результат прогрессивной ассимиляции), а не «сингармонизм».³³

Восточнославянское полногласие развилось в результате изменения праславянских сочетаний гласных «о» и «е» перед плавными г и л в позиции между согласными, т. е. сочетаний типа **tort, tolt, tert, telt*. Поскольку эти сочетания, произносившиеся в пределах одного слога, образовывали закрытый слог, они не могли сохраниться в праславянском языке в силу действия в нем закона открытого слога и пережили изменения (разные на разных славянских территориях), приведшие к утрате закрытых слогов.

У восточных славян изменение сочетаний типа **tort, tolt, tert* шло путём развития гласного после г и л. Причём этот гласный (вставочный по своей природе) получал такое же качество, что и гласный перед плавным: **borda* > «борода», **berg* > «берег», **golva* > «голова». Полногласие распространялось и на заимствованные слова. Примеры заимствований весьма показательны: при заимствовании языковая инерция стремится перестроить структуру чужого слова. Ср.: *Karl* (*Карл Великий*, франкский король, известная историческая личность - 742 г. – 814 г.) → король, *magaros* (греч.) → мороморь (древнерусск., ср. старосл.: мраморь).

В восточнославянских языках распространены также слова с так называемым вторым полногласием — с сочетаниями «оро», «оло», «ере», восходящими к сочетаниям редуцированных «ъ» и «ь» с плавными г, л между согласными, то есть к сочетаниям типа **tъrt, tьrt, tьlt, tьlt*; например, рус. «пóлон» (др.-рус. «пълнь»), совр. «полный»), «верёвка» (др.-рус. «връвка»), «бестолочь» (др.-рус. «тълкъ»), совр. «толк»), «сумеречный» (др.-рус. «сумьркъ»), совр. «сумерки»).

В сочетаниях, выступавших на месте праславянской группы типа **tъrt*, после плавного очень рано (в дописьменный период) развивался дополнительный, вставочный по своей природе *ъ* или *ь*. В южных говорах этот гласный не достигал статуса полноценного редуцированного и не развивался в самостоятельный гласный. Возникал рефлекс типа **tъrt* (например, *скорбь* < *скърбь*). На севере и северо-западе Руси, где редуцированные удерживались до XIII-XIV вв., вставочный звук уравнивался с исконным, то есть развивалось второе полногласие (рефлекс типа *tъгът*: *тьрьстомъ*).

Итак, важной особенностью рассмотренных написаний является обусловленность выбора о/е или ъ/ь после плавного характером предшествующего плавному гласного - закон прогрессивно-ассимилятивного развития вставочной гласности в русском языке, открытый В.М. Марковым [10]. То есть то, что можно назвать межслоговым сингармонизмом, хотя и с известными ограничениями, проявляющимися в том, что сингармонизм в восточнославянских языках, в отличие от тюркских языков, представлен только в корневой морфеме. Сингармонизм не распространяется на префиксы, суффиксы, что объясняется неоднотипностью морфологического строения слова в

³³ В тюркологии термин «полногласие» имеет другое значение [7]. В турецком языке, как и в других тюркских языках, действовал закон полногласия, который не допускал стечения как двух согласных, так и двух гласных в одном слове. В результате этого некоторые заимствованные слова с фонетической структурой, нарушающей это правило, подверглись фонетической обработке в соответствии с гармонией гласных: *tramvay* — *tramvay* (англ.) «трамвай»; *triko* — *triko* (фр.) «трико»; *trur* - *turur* (фр.) «труппа»; *gür* - *gürür* (фр.) «группа»; *broşür* — *buşür* (фр.) «брошюра», король - *kıral* (болг.) «король». Показательно в этом отношении явление сингармонизации русских лексем, наблюдаемое в русской речи турок: [*близко*] - близко, [*здание*] - здание, [*школа*] - школа [12].

славянских и тюркских языках. Необходимо также иметь в виду, что русский язык в фонетическом отношении имеет ярко выраженный консонантный характер. Смена доминации вокализма на доминацию консонантизма исторически происходило в эпоху падения редуцированных, и это, естественно, ограничило развитие сингармонизма гласных в восточнославянских языках.

Существование четкой зависимости качества неорганических гласных вставок от качества этимологических гласных, т.е. сингармонизм, можно проиллюстрировать и на других примерах из исторического прошлого русского языка. Так, формы именительного падежа единственного числа существительных *огнь, вѣтръ*, формы родительного множественного *земль, сестръ*, после падения редуцированных превратились в *огонь, вѣтеръ, сестер, земель* именно в силу действия сингармонизма, когда гласный призвук в возникшем сочетании согласных развился в гласный полного образования, подобный предшествующему гласному.

К древнейшим примерам, иллюстрирующим проявление сингармонизма в славянских языках, можно отнести и случаи мены ъ и ь в зависимости от качества гласного в следующем слоге, отражённые в орфографии дошедших до нас старославянских памятников. На это явление, которое Н.М. Ван-Вейк назвал перегласовкой редуцированных, первым обратил внимание И.В. Ягич. Смысл его состоит в том, что [ъ] > [ь], [ь] > [ъ] в результате ассимилятивного влияния гласного: *дѣва – дѣвѣ, вѣрѣни – вѣрѣна*.

Исследователи относят эти случаи к ошибкам в орфографии памятников, свидетельствующим о процессе падения редуцированных [11]. Но именно эти «ошибки» писцов дают нам возможность утверждать, что в XI веке проявляли себя законы сингармонизма в живой речи старославянских книжников, осуществлявших свою деятельность в Болгарии и Македонии. На фоне достаточно часто встречающихся в памятниках примерах смешения редуцированных ъ и ь, обусловленного процессом падения редуцированных (*зѣриши – зѣриши, дѣва – дѣва*), факты перегласовки редуцированных к данному процессу по существу не имеют отношения.

Сингармонизм гласных как характер синтагматических отношений звуковых единиц древнерусского языка объясняет процесс исторического изменения [e] в [o]. Ср.: нести > нёс, темно > тёмный, веселье > весёлый. Как убедительно показала в своём исследовании И.А. Измъстьева, причиной изменения [e] в [o] является не влияние твердого лабиализованного согласного (традиционная точка зрения), а межслоговое регрессивное уподобление гласных по ряду [9].

К числу фонетических явлений, объединивших русский язык с тюркскими языками, относится цоканье - неразличение аффрикат /ц/ и /ч'/, совпадение их в звуках [ц] и [ч']: *чай → цай, хочу → хоцу, чистый → ц'истый*.

Цоканье - одна из наиболее древних диалектных черт русского языка. Цоканье отражено уже в самых древних новгородских берестяных грамотах (XI в.) и, следовательно, возникло не позднее, чем в самом начале письменной истории русского языка. Оно отмечается в смоленских и полоцких памятниках XIII в., в псковских - XIV в., в вологодских - XVI в. (в памятниках это явление отражается в написании буквы ц на месте ч или наоборот, либо в беспорядочном смешении этих двух букв). Цоканье отражено в известнейшем памятнике древней русской литературы - в «Слове о полку Игореве» (XII в.). Цоканье распространено в современных русских говорах в Карелии, в Архангельской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Кировской областях, а также в говорах Сибири и Дальнего Востока; оно известно говорам рязанской Мещеры.

Цоканье — одна из особенностей и тюркских языков и диалектов. Цоканье известно татарским народным говорам Среднего Поволжья и Приуралья, встречается в диалектах сибирских татар. Переход ч → ц встречается в диалектах карачаево-балкарского языка. Цоканье охватывает диалекты южного Азербайджана, наблюдается в галицком диалекте караимского языка. Кроме того, цоканье сохранилось в некоторых словах в речи отдельных представителей киргизского племени чайырчы, живущих в горах Таджикистана и Киргизии. Цоканье встречается в анатолийских и румелийских диалектах турецкого языка [5].

Согласно Н.А. Баскакову, цоканье было характерно для языков тюрков савиро-хазарского союза, цоканье было связано с языковыми особенностями древних хазаров [2, с. 110]. Таким образом, цоканье, несомненно, древнее диалектное явление, сохранившееся и в тюркских, и в славянских языках.

Цоканье связано с определением локализации дошедшего до нас списка «Слова о полку Игореве», относящегося к XV–XVI вв. На основе комплекса диалектных черт, отражённых в списке «Слова о полку Игореве», и, прежде всего, самой надёжной из всех диалектных особенностей – цоканью, А.А. Зализняк делает вывод: «последний переписчик принадлежал к северо-западной части восточнославянской территории... с предпочтением к псковской [8, с. 149]. В определении же территориального приурочивания и времени создания первоначального текста «Слова...» определенную роль, как отмечают исследователи, играют восточные элементы, пронизывающие весь текст. По мнению Н.А. Баскакова, «это касается не только значительного слоя тюркской лексики, проникшей через половецкий (кипчакский) и, как представляется нам, в еще большей степени через огузский языки кочевников-узов (торков, ковуев, берендеев, боутов, каепичей), но и самого характера «Слова»: его стиля, образов, эпитетов, сравнений, метафор и др., аналоги которым можно найти в фольклоре некоторых тюркских народов» [3, с. 59-68].

Подтверждением в пользу южной локализации памятника древней русской литературы, как представляется, может также служить цоканье, отразившееся в «Слове». Наиболее достоверные примеры: Словетицу, луце «лучше», лучи (ср.: луци) «луки», сыновья, Галичкы; колебание в Русичи и Русици [8, с. 142].

Попытка определить диалектную принадлежность цоканья ведёт к тюркским языкам и их носителям – хазарам, печенегам и другим народам, участникам русской истории.

Принципиальную значимость в этом отношении, полагаем, приобретает карачаево-балкарский язык. Современный карачаево-балкарский язык, сохраняющий ведущие черты древнетюркского языка, очень слабо подверженному влиянию нетюркских языков, относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков [4, стр. 126]. Карачаево-балкарский язык состоит из двух диалектов: основного диалекта (опорного), составившего основу литературного языка - чокающего, и малкарского диалекта – цокающего. Ср. отражение в этих диалектах цоканья – чоканья: чпрак – цафрак «лист», чырпа – цырфа «лохматый», чал – цал «седой», чакь – цакь «время», чолфу – цолфу «ложка». Кроме этих двух диалектов, обнаруживающих системное проявление цоканья или чоканья, есть переходный холамо - бызынгиевский смешанный говор, характеризующийся совмещением особенностей обоих диалектов. В нем параллельно употребляются ч и ц: чач и цац «волосы», бычакь и быцакь «нож» [1, с. 79-80].

Таким образом, исторические связи Древней Руси с гуннским, болгарским и хазарским союзами племён, а в более позднее время с огузскими и кыпчакскими племенами, пришедшими в южнорусские степи в X-XI вв., имели глубокие корни и обусловили тесное взаимодействие древнерусского и тюркских языков, характерное для эпохи создания «Слова о полку Игореве». Под пером переписчиков цоканье как особенность оригинала сохранялась, а в найденном списке XV-XVI вв. предстаёт уже как один из языковых признаков псковской приуроченности памятника древней русской литературы, поскольку отражает живое произношение переписчика –псковитянина.

О причинах возникновения цоканья существуют разные гипотезы, в числе которых видное место занимает гипотеза иноязычного происхождения цоканья. При этом в качестве основы явления называется только финно-угорский субстрат [14]. Мы склоняемся к теории самобытного, славянского характера генезиса неразличения аффрикат как результат внутрисистемного развития языка. Факторы внутрисистемного порядка подготовили внешнее воздействие со стороны других языков – и не только финно-угорских, но и тюркских, с которыми некоторые диалекты древнерусского языка издавна вступали в контакты.

Итак, представленный материал свидетельствует о том, что восточнославянский русский язык и тюркские языки – это не автономно существующие миры. Здесь много схождений и не только в области лексики, обнаруживающей значительный пласт заимствований из тюркского источника, но и в области фонетики. Проанализированные отдельные языковые явления, конечно, недостаточны для каких-либо решительных заключений. Отметим, однако, что сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений. Представленный материал может, полагаем, свидетельствовать в пользу того, что типология обнаруживает за разнообразием фонологических и грамматических систем языков мира ряд объединяющих их элементов и, соответственно, существенно ограничивает многообразие языков, кажущееся на первый взгляд бесконечным.

Список используемых источников

1. Акбаев Ш.Х. Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении.– Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. пед. ин-та, 1999. - 258 с.
2. Баскаков Н.А. Тюркские языки. - М.: Изд-во вост. лит., 1960. — 242 с.
3. Баскаков Н.А. «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. М., 1978. С. 59-680. URL: <http://tochka.gerodot.ru/slovo/baskakov02.htm> (дата обращения 2.02.2013).
4. Баскаков Н.А. Историко-типологическая фонология тюркских языков. - М.: Наука, 1988. – 208 с. URL: http://altaica.ru/library/baskakov/baskakov_phon_34.pdf (дата обращения 20.01.2013).
5. Баязитова Ф. С. Этнолингвистический ландшафт цоканья в тюркских и славянских языках. //Фаизхановские чтения №7 (2010). URL: www.idmedina.ru/books/materials (дата обращения 12.04.2013).
6. Бодуэн де Куртене И.А.. Избранные труды по общему языкознанию. Том I. М.: Издательство АН СССР. 1963. –384 с.
7. Буров А.Г. Изменения французских заимствований в турецком языке в области гласных звуков.// Вопросы духовной культуры – Филологические науки. URL: dspace.nbu.gov.ua:8080/dspace/.../21-Burov.pdf?...1 (дата обращения 15.02.2013).
8. Зализняк А.А. “Слово о полку Игореве”: взгляд лингвиста. - М.: Языки славянской культуры, 2004. – 352 с. URL: dshinin.ru/Upload_Books2/.../200901061209501.pdf. (дата обращения 2.02.2013).
9. Измestьева И.А. Фонетико-фонологические процессы в истории русского вокализма: автореф. дис. ... докт. филол. наук. - М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2009.
10. Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке, Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1964. – 279 с.
11. Палеославистика. //Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». /Под ред. М.Л. Ремнёвой. URL: <http://www.philol.msu.ru/~tezaurus/> (дата обращения 20.06.2013).
12. Рогозная Н.Н. Типология лингвистической интерференции в русской речи иностранцев (на материале разноструктурных языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. - М.: Гос. ин-т. рус.языка им. А.С. Пушкина, 2003. URL:<http://www.dissercat.com/content/tipologiya-lingvisticheskoi-interferentsii-v-russkoi-rechi-inostrantsev-na-materiale-raznoststrukturalnykh-yazykov> (дата обращения 17.05.2013).
13. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский временник. – Кн. 4. / Под ред. П. Н. Савицкого, П.П. Сувчинского, Н.С. Трубецкого. Берлин, 1925. - С. 351-377. URL: http://www.hrono.ru/statii/turan_ru.htm (дата обращения 22.03.2013).
14. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. — Л.: Наука, 1972. — 655 с.

**ВЕНЕЦИЯ КАК СЮЖЕТ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (Д. РУБИНА «ВЫСОКАЯ ВОДА ВЕНЕЦИАНЦЕВ»,
А. ГАЛИН «ГРУППА»)**

Л.С. Кислова,

Тюменский государственный университет

Тюмень (Россия)

Аннотация :Повесть Д. Рубиной и пьеса А. Галина посвящены Венеции – уникальному географическому и духовному пространству, объединившему культурные и природные ландшафты. Венецианский сюжет близок русскому сознанию, поскольку Венеция воспринимается им как земной эквивалент рая, знаковое путешествие в иную, гармоничную реальность.

Ключевые слова: образ, сюжет, гео-этническая панорама, сигнатуры, текст, карнавал, пространство, символ.

**VENICE AS THE STORY IN THE MODERN RUSSIAN LITERATURE (D. RUBIN «HIGH WATER VENETIANS,
A. GALIN «THE GROUP»)**

Abstract :The Story D. Rubina "High water of Venetians» and play A. Galin "The Group" dedicated to Venice as unique geographical and spiritual space, embracing the cultural and natural landscapes. Venetian plot is close to the Russian consciousness, because Venice is perceived by it as the equivalent of Paradise, a momentous journey to the other, the harmonious reality.

Key words: Image, plot, geo-ethnic panorama, signature, text, carnival, space, symbol

В повести Дины Рубиной «Высокая вода венецианцев» героиня, доктор Лурье (Кутя), узнав о том, что смертельно больна, отправляется в свое, возможно, последнее путешествие – в Венецию (сюжетная параллель с новеллой Томаса Манна «Смерть в Венеции»). Т.В. Цивьян в книге «Семиотические путешествия» отмечает значимость образа *русской Италии*, который «...собрал такое огромное досье, что стоит говорить об *итальянском тексте русской культуры* – словесном, живописном, архитектурном, музыкальном и т.д., вписывающемся в «диалог культур». Конечно, следует учитывать существование в русской культуре и иных *текстов* – это лежит на поверхности, но в *итальянском тексте* видится нечто особое» [1].

В повести «Высокая вода венецианцев» город, в который героиня приезжает для того, чтобы скрыться от страшной реальности, полностью изменяет ее жизнь, заставляя Кутю обратиться к своей женской природе. Венеция, первоначально привлекающая доктора Лурье как место, где можно красиво уйти из жизни, неожиданно дарит ей призрачное ощущение счастья. Среди этих оперных декораций Куте страстно захотелось жить, и, встретив в Венеции двойника своего покойного любимого брата, она понимает, что жизнь, вопреки всему, продолжается. Именно в Венеции – городе женщин – доктор Лурье самоидентифицируется как женщина. Она приезжает в Венецию осенью, в период, когда нет карнавала, туристический сезон еще не начался, и совершенно неожиданно для себя самой снимает маску. В день приезда героиня, раздеваясь в ванной комнате, впервые за долгое время видит себя обнаженной и в этот момент понимает, что абсолютно незащищена без маски. Но эта незащищенность, пробудившая в ней женское начало, в сущности, прочнее любой брони. Она распускает волосы, расстается со шпильками и заколками, обнаруживая сказочную красоту тициановских волос, что также способствует ее женскому самоузнаванию.

И то, на что доктор Лурье решается в Венеции, она никогда бы не позволила себе в Иерусалиме, поскольку Венеция даже в отсутствии карнавала – прекрасная карнавальная площадка, город, населенный не то актерами, не то призраками, город, в котором воедино слились все стихии. Только Венеция дарит героине иллюзию праздника, ощущение всепоглощающего покоя, абсолютной гармонии. Кутя не понимает, отчего она так счастлива и несчастна одновременно, почему ее временами перестает пугать возможный скорый конец, а мысль о счастливой смерти на дне голубой лагуны в окружении великих архитектурных памятников прошлого представляется ей столь благодатной. «За эти несколько минут изматывающего, окликающего ее зова колоколов она все поняла:

Этот город, с душой мужественной и женской, был так же обречен, как и она, а разница в сроках – семь месяцев или семьдесят лет – такая чепуха для бездушного безграничного времени! И это предощущение нашей общей гибели, общей судьбы – вот что носится здесь над водой каналов» [2]. Героиня одну за другой примеряет маски в магазине карнавальных костюмов, словно пытаясь наконец найти ту, что соответствует ее нынешнему состоянию обреченности и счастья. Выбирая карнавальные маски, доктор Лурье старается понять венецианскую ментальность, угадать, каким образом этот обреченный город может продолжать жить, веселиться, танцевать и притворяться. Карнавальная иллюзия продолжается даже тогда, когда карнавал заканчивается, и его участники, наконец открыв лица, могут назвать собственные имена. Сказочный карнавальное город, не отдыхающий даже в отсутствии карнавала, преподносит героине настоящие живые дары: мокрого замерзшего щенка и изысканного, чуткого мужчину, так напомнившего ей покойного брата. Отдавая своему пылкому возлюбленному найденную собаку, Кутя словно стремится соединить два дорогих ей существа, которым суждено жить долго. Венеция теперь не кажется ей чужой, поскольку в этом городе остается Антонио, носящий имя брата героини, и маленький щенок, названный ее собственным именем.

Венеция в повести Д. Рубиной может рассматриваться как пример ««гео-этнической» панорамы» (В. Н. Топоров) – текстового пространства, объединяющего природу и культуру. С точки зрения Т. В. Цивьян, каждый город как любой символ «отпечатывался в виде минимального набора признаков; так возникали сигнатуры города (или шире – любого знакового и значимого *итальянского объекта*), которые затем тиражировались в бесчисленных словесных и несловесных, художественных и нехудожественных текстах» [3]. В повести Д. Рубиной «Высокая вода венецианцев» четко очерчены сигнатуры Венеции, способствующие идентификации этого города и нахождению его в соответствующем культурном поле: канал Рио де Сан Джулиано, Гранд-канал, гондолы, мосты, вапоретто (морской трамвай); отель «Аль Анжело», площади Сан-Марко, Джетто Нуово, улицы Калле Ларджо, Кампо Сан-Маурицио, улочки Санта-Кроче, Дворец дождей; церкви Сан-Джорджо Маджоре, Сан-Джулиано, Санта-Мария Формоса; полотна великих итальянских мастеров, маски, карнавал. И хотя Венеция первоначально воспринимается героиней как особая изысканная декорация, постепенно Кутя начинает ощущать ее как живой организм, она чувствует неразрывную связь с этим обреченным городом, живущим, тем не менее, в постоянном ожидании грядущего карнавала.

Чрезвычайно выразителен в повести музыкальный интертекстуальный слой: щемящие мелодии «Санта Лючия!» и «Бесамемучо» в исполнении гондольеров, хрестоматийная, но по-прежнему прекрасная мелодия «Домино», торжественная «Прелюдия» Баха и нескончаемый мучительный колокольный звон. Образ Венеции возвращает героиню в мир столь живых и памятных детских впечатлений, связанных с болезненной, греховной страстью любимого брата, научившего Кутю видеть и понимать живопись.

Кутя видит в Венеции то, что наблюдает любой турист, но, созерцая традиционные культурные объекты и прикасаясь лишь к видимой части айсберга, она, тем не менее, воспринимает Венецию как место, где невозможно ощущать себя потерянным, отвергнутым, доживающим последние дни.

Действие пьесы «Группа» Александра Галина происходит в Венеции во время карнавала, однако ощущения праздника не возникает, поскольку ослепительное карнавальное шествие, сопровождаемое радостными возгласами ликующих участников, остается где-то за сценой. Карнавал в Венеции – это действие, в котором не принимают участия русские, они не способны раствориться в нем, погрузиться в карнавальное веселье и чувствуют себя, по

сути, чужими на этом празднике жизни. Герои драмы А. Галина словно участвуют в собственном мрачном представлении, которое разыгрывается на фоне венецианского карнавала и производит особенно гнетущее впечатление. Карнавал в Венеции превращается в карнавал наоборот, в параллельный карнавал, и каждый персонаж, выдавая себя за другого, на самом деле демонстрирует свою истинную сущность, слишком долго скрываемую от окружающих. Таким образом, в пьесе стирается граница между правдой и вымыслом.

Эмигрант нового времени предпочитает дистанцироваться от прежних ценностных центров, полагая, что долгожданную «другую жизнь» не следует отягощать багажом прошлого, ее необходимо начинать «с чистого листа», однако героини пьесы Таня, Катя и Лена, вырвавшись за пределы тоталитарного государства (речь в пьесе идет о Советском Союзе), все время говорят о прошлом, как будто только то, что случилось с ними когда-то в прошлом, представляет истинный интерес. В этой связи кажется нереальным рассказ Кати, неправдоподобной история Лены, а трагедия Тани, которой не дают покоя унижения прошлого, напоминает скорее плод ее воображения. Появление в суеде карнавального веселья Татьяны Ильиной (герцогини фон Браун), столь успешной и благополучной, сопровождаемой многочисленной свитой, словно воссоздает сцену из беспомощного, плохо разыгранного спектакля. Также нереальными представляются зловещее общее прошлое Рубцовой и Потаповского, жалкое счастье наивной Клавы, преувеличенные восторги экзальтированной Хлои.

Герои пьесы «Группа» А. Галина (за исключением Хлои) не пытаются прислушаться к собственному «Я», не чувствуют великой вечной темы, звучащей в «разрывающей душу» песне гондольера, поскольку они – только зрители, сторонние наблюдатели на нескончаемом празднике жизни, но не участники его: «...С грохотом и треском взрываются тысячи огней! Блаженным трепетным светом озаряется Венеция. Нет! Нет! Ничто не кончается на свете! Не кончается Венеция. Не кончается карнавал» [4]. Ошеломляющий блеск Венеции – города великих лицедеев – подавляет, но в то же время и вселяет надежду.

Путешествие по Италии не проходит для героев пьесы «Группа» бесследно, а пребывание в Венеции заставляет их посмотреть на мир иными глазами. Они покидают карнавал, понимая, насколько конечно и сиюминутно в сравнении с неувядающей красотой древнего города все то, что еще вчера представляло для них абсолютную ценность. Случайная встреча столь разных людей в праздничной Венеции – явление, безусловно, знаковое. Этот город подарил им иллюзию душевного покоя и ощущение бесконечного умиротворения. Венецианский карнавал – не просто фон, на котором разворачивается грустная русская история, а прекрасный параллельный мир. Карнавальное действие символизирует бессмертие, карнавальные метаморфозы и карнаральные превращения наполнены жизненной энергией, в то время как мрачное прошлое героев – это лишь подобие живой жизни, а их страдания – суррогат истинных чувств. Вечная жизнь великих городов антитетична по своей природе сиюминутности человеческого бытия, и персонажи А. Галина, находясь на периферии настоящей жизни легендарного города, в финале как будто наконец осознают, что им на мгновение посчастливилось прикоснуться к бессмертию, заглянуть в Вечность.

Таким образом, оказавшись в Венеции и погружившись в атмосферу Вечности, герои Дины Рубиной и Александра Галина получают возможность выбрать себе судьбу и начать новую жизнь.

Список литературы

1. Цивьян Т.В. Странствие Ахматовой в ее Италию // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. С. 53.
2. Рубина Д.И. Высокая вода венецианцев // Рубина Д.И. Воскресная месса в Толедо: Роман, повести, рассказы. М.: Вагриус, 2005. С. 218.
3. Цивьян Т.В. «Золотая голубятня у воды...»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. С. 41.
4. Галин А.Группа // Театр. 1990. № 7. С.39.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ СОЗНАНИЯ НА УРОКАХ РКИ

О. И. Климкина, КНУ, Киев (Украина)

Статья посвящена рассмотрению проблемно-ориентированных способов презентации и актуализации учебного материала на занятиях в языковых вузах. Представлены примеры проблемно-поисковых заданий, демонстрирующих многомерность и вариативность национально окрашенной единицы в языке.

Ключевые слова: преподавание иностранного языка, проблемное обучение, ассоциативный эксперимент.

ASSOCIATIVE PORTRAITING IN THE LINGUISTIC UNIVERSITY'S CURRICULUM

The article considers problem-setting ways of presentation and actualization of educational material in the linguistic university's curriculum. The article provides examples of problem-solving tasks, illustrating the multi-dimensional structure and variety of nationally coloured linguistic units in language.

Key words: teaching a foreign language, problem-solving teaching, and associative experiment.

Основной целью языковой педагогики начала XXI века является «построение эффективной модели обучения иностранному языку в условиях межкультурной коммуникации» [2, 116]. Успешная подготовка к межкультурному диалогу невозможна без изменения акцентов в технологиях обучения: речь идет о смещении акцента с преподавательской деятельности на деятельность учащегося. Как отмечают Л. Г. Кузьмина и Е. В. Кавнатская, в процессе обучения иностранному языку особое внимание должно быть уделено «подготовке обучаемого к непредвиденному, вместо тренировки предсказуемого» (М. Байрам) [2, 112]. Функция преподавателя в этом случае «заключается в отборе необходимых данных из смежных наук для использования в качестве учебного материала, а обучаемый выступает в роли исследователя культуры и быта страны изучаемого иностранного языка. При этом обучаемые не только опираются на материалы исследований в названных областях в своей речевой практике, но и сами используют методы исследования этих дисциплин» [2, 112].

Активное участие обучаемого в процессе освоения им культурно маркированного языкового материала может быть обеспечено с помощью заданий проблемно-поискового характера. В заданиях подобного типа представляется возможным использование ассоциативного портретирования образов сознания. Так как вербальные ассоциации являются репрезентацией ("овнешнением") языкового сознания представителя определенного этноса, А.А. Леонтьев не случайно называет ассоциативный эксперимент методом, с наибольшей объективностью позволяющим увидеть национально-культурную специфику языковых единиц, проникнуть в социальную память и сознание носителей языка. Составленные на основе ассоциативных словарей задания дают возможность рассмотреть лексический фон как явление языкового сознания, увидеть его общественную динамику.

Рассмотрим задания, предоставляющие иностранному студенту возможность с большой долей самостоятельности исследовать динамику ассоциативно-вербальной модели ключевого (константы русской культуры) слова *хлеб* и в определенной степени проследить изменения облика сознания русских конца XX века [2].

1. Ознакомление с материалом, классификация и комментирование.

Задание: прочитайте результаты сопоставительного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «хлеб» [3]. Обратите внимание на то, что слова-ассоциаты расположены по частоте встречаемости (указана цифрами). Ассоциации, повторяющиеся в ходе трех опросов, выделены жирным шрифтом, встретившиеся дважды – курсивом, без выделений даны реакции, полученные в ходе одного эксперимента. Сгруппируйте слова-ассоциаты по смысловой близости при помощи тем: 1) основной продукт питания; 2) результат труда; 3) характеристики, основанные на восприятии внешнего вида, состава, сорта, запаха, вкуса; 4) место в иерархии жизненных ценностей;

5) коллективный символ; 6) элемент национальной самоидентификации; 7) метафорический потенциал. В случае необходимости познакомьтесь с комментариями.

«ХЛЕБ»

Годы опроса 1967 – 1973 гг.: **насущенный 123, соль 119, черный 49, белый 38, свежий 19, имя существительное 17, вкусно 16, съесть, черствый 15, булка 14, пшеница, ржаной, рожь 12, мягкий, поле 8, еда 7, пища 6, жизнь, украинский 5, горячий, кушать, масло, печь, стол 4, булочная, горький, купить, магазин, молоко, нож 3, вода, голодовка, зерно, колхоз, мука, наш, не бросать, пшеничный, резать, русский язык, теплый, хлебница 2, 14 коп., агроном, ароматный, батон, вино, голод, дорогой, душистый, колосок, колхозники, корка, круглый, Ленинград, печеный, работа, румяный, ситный, урожай, целина 1.**

Годы опроса 1986 – 1997 гг.: **насущенный 67, черствый 40, черный 39, свежий 33, белый 28, ржаной 27, мягкий 24, вкусный 23, соль 19, всему голова 18, булка 14, есть, теплый 12, горячий, еда 10, масло, поле 8, буханка, жизнь, пища 7, богатство, вкусно, душистый 6, батон, каравай, магазин, молоко, пшеничный 5, вода, пшеница 4, дорогой, имя существительное, круглый, кусок, печь 3, зерно, золото, колосья, крошки, купить, кушать, рожь, сдобный, стол, труд, мать 2, ароматный, белый за 25 копеек, берегите, бутерброд, вино, война, голод, горький, дом, единый, и зрелище, и сало, корка, лаваш, мир, мука, науки, наш, неурожай, нож, орловский, отец, печеный, подорожал, промокашка, промышленности, работа, радость, резать, русский, святыня, ситный, сок, сытость, хлебобоб, Христос, чай, яд 1.**

Годы опроса 1998 – 2000 гг.: **еда 48, соль 46, всему голова 45, насущенный 31, черный 26, белый 23, горячий, мягкий 16, масло 15, есть 14, жизнь, пища, свежий 12, батон, вкусный, черствый, Рама (Rama) 11, теплый 10, мука, ржаной 9, булка 8, вода, рожь 7, зерно, каравай, пшеница 6, печь 5, кушать, молоко, поле 4, вкусно, горбушка, сытость 3, богатство, душистый, круглый, отец, резать, родной, сдобный, стол 2, бетон, Бог, бородинский, булочная, буханка, водка, Глеб, голод, гостеприимство, единый, заплесневел, здоровье, золото, каша, колосок, краюха, магазин, мед, нарезной, наш, нужно беречь, очень вредно, пахучий, печеный, полнота, пшеничный, радость, родина, с икрой, с корочкой, сила, суп, сыр 1.**

2. Составление лингвокультурологического портрета слова «хлеб».

Задание: дайте ответы на следующие вопросы.

1. Какие слова-ассоциаты подтверждают распространенную точку зрения, что в представлении русского человека хлеб – основной продукт питания?
2. Какие ассоциации показывают, что в хлебе русский человек видит результат тяжелого труда? Как в словах-ассоциатах отражены социально-культурные роли мужчины как хлебопашца, а женщины как хозяйки?
3. Назовите закрепленные в русском языковом сознании характеристики хлеба, основанные на восприятии его внешнего вида, состава, сорта, запаха, вкуса. Проанализируйте реакции адекватного типа. Обратите внимание на то, что хлеб – один из продуктов, который имеет номинативные обозначения частей. Какие из них занимают особое место в представлении русского человека о хлебе?
4. Определите место хлеба в иерархии жизненных ценностей русского человека. Какие оценочные суждения устойчиво фиксируются словами-ассоциатами, являются наиболее значимыми?
5. Какие ассоциации свидетельствуют о процессе символизации языкового значения слова-стимула? Покажите, что культурно-символический компонент значения слова хлеб имеет двойственный смысл: жизненно важная ценность, источник жизни и одновременно – земное начало, противопоставленное духовному. Какие реакции демонстрируют осмысление хлеба как пищи, символизирующей тяжелый жизненный период, связанный с войной, голодом, изгнанием?
6. Какие слова-ассоциаты показывают, что хлеб воспринимается русскими как элемент национальной самобытности? Проанализируйте ассоциативные связи: *хлеб* → *мать* ← *родина*. Как в реакциях представлены черты национального характера, связанные с широтой русской души?

7. Какая сема в значении слова хлеб превращает его в универсальную метафору? Проанализируйте реакции со словом-стимулом в предикатной позиции.
8. Является ли слово *хлеб* ключевым для русской культуры? Почему?

3. Составление «речемыслительного портрета» россиянина конца XX – начала XXI века.

Задание: проследите и опишите изменения, которые произошли в языковом сознании русских с 60-х гг. XX века. Дайте ответы на вопросы и выполните следующие задания.

1. Определите круг ассоциаций, которые можно назвать «базовыми», остающимися неизменными в течение длительного времени. Какие реакции занимают самые высокие позиции? Покажите, что в языковом сознании русских главную роль в представлении о хлебе играет понимание его ценности (*насущенный*), вид хлеба (*черный*), национальные традиции (*хлеб-соль*).
2. Покажите, что образ хлеба как источника жизни в языковом сознании русских присутствует в рамках оппозиции: *жизнь / мир / сытость – смерть / война / голод*, которая со сменой поколений постепенно утрачивает свое конкретное историческое наполнение: *Ленинград / голод → война / голод → голод*.
3. Как в ассоциациях отражена динамика социокультурной повседневности? Дайте историко-культурный комментарий к словам-ассоциатам: *колхоз, целина, буханка, лаваши, Рама, нарезной*.
4. Какие ассоциации свидетельствуют о постепенном улучшении благосостояния советских граждан, повышении общего уровня жизни? Объясните изменение частоты встречаемости реакции *насущенный*: *123 → 67 → 31*, появление отрицательных оценочных коннотаций в словах-ассоциатах – *очень вредно, яд*.
5. Как в языковом сознании русских фиксируется религиозное осмысление понятия хлеб? Когда исчезнувшие в советский период под влиянием идеологии церковные символы вновь возвращаются в публичную сферу общественной жизни, делая возможными ассоциации: *Бог, Христос, святыня*.
6. Какова роль устойчивых выражений (фразеологизмов, пословиц, лозунгов, рекламных слоганов) в наполняемости данного ассоциативного ряда? Какие из этих единиц формируют устойчивые, «долговременные» ассоциативные связи, а какие «скоропреходящие»? Определите источник ассоциаций: *насущенный, единый, всему голова, имя существительное, берегите / богатство, соль, масло, Рама*.
7. Покажите, что со временем представление о хлебе в языковом сознании русских становится более абстрактным (например, сокращается путь хлеба от поля до стола), что приводит к его все большей символизации (*жизнь: 5 → 7 → 12*) и метафоризации (*уголь – хлеб промышленности; бетон – хлеб строительства*).

Включение заданий предложенного типа в профессионально-ориентированное обучение иностранных студентов-филологов позволит организовать учебный процесс в контексте диалога культур, усилит мотивационный фактор в процессе освоения культуроведческого материала.

Литература

1. Климкина О. И. Лингвострановедение: русский язык: [Уч. пос. для иностр. студентов-филологов] / О. И. Климкина. — К.: КНУ, 2013. — 319с.
2. Кузьмина Л. Г., Кавнатская Е. В. Современные культуроведческие подходы к обучению иностранным языкам / Л. Г. Кузьмина, Е. В. Кавнатская // Вестник Воронежского государственного университета. — 2001. — № 2. — С.108-117. — (Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»).
3. Черкасова 2008: Черкасова Г. А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. – М.: ИЯз РАН, 2008. – Эл. ресурс: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/>

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИЕМОВ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВУЗЕ

М.Т. Костава (Грузия, Кутаисский университет Акакия Церетели)

Аннотация : В статье рассматриваются некоторые приемы использования интерактивных методов при изучении дисциплин литературоведения в вузе. Выделяются следующие методы: эвристическая беседа, метод «мозговой атаки», тренинг, метод деловой игры и метод дискуссии. Отмечаются возможности каждого из них в развитии продуктивного мышления студентов-филологов; подчеркивается мысль, что при использовании интерактивных методов возникают новые взаимоотношения между преподавателем и обучающимися, которые способствуют не только увеличению интереса к изучаемому предмету, но и превращению занятий в воспитательный процесс.

Ключевые слова: интерактивный метод, эвристическая беседа, «мозговая атака», дискуссия, деловая игра, тренинг.

APPLICATION OF RECEPTIONS OF INTERACTIVE METHODS WHEN STUDYING THE RUSSIAN LITERATURE IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Summary: In article some receptions of use of interactive methods when studying disciplines of literary criticism in higher education institution are considered. The following methods are allocated: heuristic conversation, "brainstorming" method, training, method of business game and discussion method. Possibilities of each of them in development of productive thinking of students philologists are noted; the thought is emphasized that when using interactive methods there is new relationship between the teacher and training which promote not only to increase in interest to a studied subject, but also transformation of classes into educational process.

Keywords: interactive method, heuristic conversation, "brainstorming", discussion, business game, training.

В педагогике существуют многочисленные классификации методов обучения. Традиционно выделяют три метода:

1) **Пассивные:** где учащиеся выступают в роли «объекта» обучения, которые должны усвоить и воспроизвести материал, который передается им учителем-источником знаний. Основные методы - лекция, чтение, опрос.

2) **Активные:** где обучающиеся являются «субъектом» обучения, выполняют творческие задания, вступают в диалог с учителем. Основные методы это творческие задания, вопросы от учащегося к учителю, и от учителя к ученику.

3) **Интерактивные:** От англ. (inter - «между»; act - «действие») таким образом, дословный перевод обозначает интерактивные методы – позволяющие учиться взаимодействовать между собой; а интерактивное обучение – обучение, построенное на взаимодействии всех обучающихся, включая педагога. Эти методы наиболее соответствуют личностноориентированному подходу, так как они предполагают сообучение (коллективное, обучение в сотрудничестве), причем и обучающийся и педагог являются субъектами учебного процесса. Педагог чаще выступает лишь в роли организатора процесса обучения, лидера группы, создателя условий для инициативы учащихся.

При применении интерактивных методов на занятиях по русской литературе в вузе, от преподавателя требуется гораздо больше активности и творчества, чем при применении традиционных методов. Формы участия преподавателя в дискуссии могут быть самыми разнообразными, но ни в коем случае не навязыванием своего

мнения. Лучше всего это делать путем тонко рассчитанного управления ходом дискуссий, через постановку проблемных вопросов, требующих продуктивного мышления, творческого поиска истины.

К методам интерактивного обучения могут быть отнесены:

1) эвристическая беседа, 2) метод дискуссии, 3) «мозговая атака», 4) метод «круглого стола», 5) метод «деловой игры», 6) конкурсы практических работ с их обсуждением и др.

Эвристическая беседа. Метод получил название от восходящего к Сократу метода обучения «эвристика» (гр. – нахожу, отыскиваю, открываю). Данный метод путем искусно сформулированных наводящих вопросов и примеров побуждал учеников прийти к самостоятельному правильному ответу. По своей психологической природе эвристическая беседа, в современном понимании – это коллективное мышление или беседа как поиск ответа на проблему. В педагогике этот метод принято считать методом проблемного обучения (проблемно-поисковая беседа).. В беседе мыслительный поиск превращается в поиск коллективный, где происходит обмен мнениями, предположениями, догадками, различными вариантами промежуточных решений, когда студенты ищут истину во взаимодействии и во взаимопомощи. Следует иметь в виду, что этот метод предполагает наличие у студентов определенного запаса знаний, представлений, понятий. При подготовке к беседе преподаватель должен: а) четко определить цель; б) составить план-конспект; в) подобрать наглядные средства; г) сформулировать основные и вспомогательные вопросы. Важно правильно сформулировать и задавать вопросы:

– они должны быть логически связаны;

– они должны соответствовать уровню развития учащихся;

– они не должны подсказывать ответ.

Надо помнить, что вопрос задается всей группе. После небольшой паузы для обдумывания вызывается студент. Необходимо привлекать других студентов исправлять, уточнять, дополнять ответ. Беседа – сложный метод, так как требует определенного напряжения сил, соответствующих условий, мастерства преподавателя, который внимательно слушает ответы, правильные одобряет, ошибочные комментирует, уточняет и вовлекает в процесс работы всю группу.

Дискуссия как метод интерактивного обучения успешно применяется в системе учебных заведений на Западе. Метод дискуссии представляет собой «вышедшую из берегов» эвристическую беседу. Смысл данного метода состоит в обмене взглядами по конкретной проблеме. Это активный метод, позволяющий научиться отстаивать свое мнение и слушать других.

Обычно предполагается, что из мышления рождается ответ на высказывание оппонента в дискуссии, поэтому разномыслие и рождает дискуссию. Однако дело обстоит как раз наоборот: спор, дискуссия рождает мысль, активизирует мышление, а в учебной дискуссии к тому же обеспечивает сознательное усвоение учебного материала как продукта мыслительной его проработки.

Метод дискуссии используется в групповых формах занятий: на семинарах-дискуссиях, собеседованиях по обсуждению итогов изученной литературной темы, заданий на практических и лабораторных занятиях, когда студентам нужно высказываться. На лекции дискуссия в полном смысле развернуться не может, но дискуссионный

вопрос, вызвавший сразу несколько разных ответов из аудитории, не приведя к выбору окончательного, наиболее правильного из них, создает атмосферу коллективного размышления и готовности слушать преподавателя, отвечающего на этот дискуссионный вопрос.

Дискуссия на семинарском (практическом) занятии по литературе требует продуманности и основательной предварительной подготовки студентов. Нужны не только хорошие знания (без них дискуссия беспредметна), но также наличие у студентов умения выражать свои мысли, четко формулировать вопросы, приводить аргументы и т. д. Учебные дискуссии обогащают представления учащихся на итоговых занятиях по литературной теме, упорядочивают и закрепляют знания.

Метод «мозговой атаки». Название метода родилось в системе управления, а также в сфере научных исследований. Метод заключается в поиске ответа специалистов на сложную проблему посредством интенсивных высказываний всевозможных приходящих в голову идей, догадок, предположений, случайных аналогий. Золотое правило мозговой атаки – ничего из произнесенного участниками не подвергать сомнению, не критиковать, а обеспечить полную свободу высказывания любых идей. Такая психологическая свобода позволяет вести себя раскованно, не бояться ставить себя в неловкое положение неудачной репликой, показаться неумным, смешным и т. д. В такой обстановке рождаются самые невероятные идеи, многие из которых в дальнейшем, после тщательного анализа могут быть отсеяны, но неожиданно возникает то, что надо для решения данной проблемы. Ради этого и затевается мозговая атака.

Метод круглого стола был заимствован из области политики и науки. В обучении метод круглого стола используется для повышения эффективности усвоения теоретических проблем путем рассмотрения их в разных научных аспектах. На занятии по литературе, используя этот метод, может присутствовать кроме преподавателя литературы и преподаватель

психологии. Литературная тема может быть рассмотрена с двух сторон – точки зрения психологии и литературоведения. Метод круглого стола применим и в других формах. Так, можно в рамках студенческой учебно-методической конференции провести «круглый стол» студентов-психологов с группой студентов-филологов. Как видим, метод круглого стола может иметь разнообразные формы, если при этом помнить об одном важном условии и его неукоснительном соблюдении – это осознание необходимости разностороннего рассмотрения теоретической проблемы с разных позиций и точек зрения на ее практическое воплощение в жизнь.

Метод деловой игры первоначально появился не в системе образования, а в практической сфере управления. Сейчас деловые игры применяются в самых различных областях. Суть метода деловой игры как метода обучения заключается в учебном моделировании ситуаций той деятельности, которой предстоит обучить учащихся, чтобы на моделях, а не на реальных объектах учить будущих специалистов выполнять соответствующие профессиональные функции. Например, при преподавании литературы в вузе можно разыгрывать ситуации: «урок», «работа с отстающими», «разбор ошибок» и т. д.. Такая деловая игра заранее планируется (составление сценария, распределение ролей, выбор ситуаций и т. д.) и проводится на практическом занятии.

«Деловая игра», поставив студента в ситуацию реальных действий в роли конкретного действующего лица (учителя, завуча, директора, методиста и пр.) заставляет его мыслить конкретно и предметно, с ясно осознаваемой целью достичь реально осязаемого результата. Это обстоятельство обостряет внимание обучаемого, делает целеустремленнее мышление, а значит, способствует лучшему усвоению.

Тренинг – это один из сравнительно новых методов интерактивного обучения. Различные ситуации, возникающие в группах тренинга, являясь учебными и в этом смысле условными, игровыми, для обучаемого выступают как вполне реальные ситуации, в которых надо действовать со всей ответственностью за результат действия. Чувство ответственности здесь особое: не только перед самим собой, но и перед партнерами по группе, так как успешность действия каждого – это залог успеха деятельности всей группы.

В этом аспекте тренинг напоминает метод деловой игры, где тоже сильна ответственная зависимость участников игры друг от друга. Различие же методов обучения в том, что один из них служит обучению практическому применению теории (по принципу «дело на основе теории»), а другой – практическому обучению самой теории («теория из живой практики»).

Проведение занятия методом группового тренинга требует от преподавателя большой подготовительной работы. Подготовка включает в себя:

- работу над планом – сценарием тренинга;
- работу со студентами по их настрою на активное участие в решении проблемы, выносимой на тренинг;
- самоподготовку преподавателя;
- распределение ролей между участниками, хотя роли могут получить не все, а большинство окажется в роли как бы сторонних наблюдателей и критиков, и в этом качестве принимать самое активное участие в тренинге.

В заключение следует отметить, что в практике преподавания активные методы, скорее всего, будут выступать не в «чистом виде», не самостоятельно, а их элементы будут включены в разных долях в разные формы занятий: то в методику лекции, то в методику семинара или практических занятий. Возможно, что несколько разных методов из числа рассмотренных будут взаимодействовать на одном и том же занятии.

Таким образом, использование методов зависит от самого преподавателя и научной значимости содержания изучаемой темы. Активные методы обучения в преподавании литературы создают обстановку, в которой взаимоотношения между преподавателем и студентами не только придают учебным занятиям активный характер в познавательном смысле, но и превращают их в процесс воспитательный.

Литература:

1. Бордовской Н.В. Современные образовательные технологии. Учебное пособие. М.: КНОРУС, 2011-432с.
2. Панина Т.С. Современные способы активизации обучения: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2008 – 176с.
3. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: учебное пособие. Издательский центр «Академия», 2009 -192.
4. Ступина С.Б. Технологии интерактивного обучения в высшей школе: учебно-методическое пособие. Саратов. Издательский центр «Наука», 2009 -52с.

ЭМОЦИЯ « РАДОСТЬ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКИХ И ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ Г. ЩЕРБАКОВОЙ «ЖЕНЩИНЫ В ИГРЕ БЕЗ ПРАВИЛ»

И.М. Лисенкова

филиал ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани (Россия, г. Славянск-на-Кубани)

В работе анализируются языковые средства репрезентации эмоции «радость» в русской языковой картине мира и в художественном тексте. Прослеживается взаимосвязь цветовой символики текста и его эмоциональной составляющей.

Ключевые слова: языковая картина мира, эмоция «радость», художественный текст, женская литература, смысловые коннотации

EMOTION "JOY" IN RUSSIAN LANGUAGE'S PICTURE OF THE WORLD AND ITS REPRESENTATION IN THE NOVEL "WOMEN ARE IN THE GAME WITHOUT RULES" BY G.SCHERBAKOVA

In this work literary devices are analyzed which reproduce the representation of emotion "joy" in Russian language's picture of the world and a fiction text. There is correlation between color symbolics of the text and its emotional component.

Keywords: language's picture of the world, emotion «joy», a fiction text, women's literature, semantic connotations

Язык является средством накопления социального опыта, в том числе и эмоционального, который закрепляется в языковых единицах. При их использовании в речи человек кодировано выражает и воспринимает эмоции в виде вербальных эмоциональных отношений и состояний говорящего.

Художественный текст как стилизованный репродукцент реальной жизни людей заключает в себе не только информацию о действительности, а сложный мир чувств, настроений, стремлений человека. Эмоциональное содержание – неременный компонент семантической структуры текста.

Художественные коммуниканты воспроизводят весь потенциал эмотивного кода языка, а через них эмоции, которые, в отличие от языковых (материальных) знаков, являются скрытыми сущностями, опредмечиваемыми в этих знаках и в физиологических симптомах, и с помощью языковых знаков транслируются за пределы художественной литературы.

Роман Г. Щербаковой «Женщины в игре без правил» отличает многообразие эмотивных смыслов, объясняемое принадлежностью произведения к так называемому «женскому письму» – явлению, по словам С. Василенко, не похожему «ни на что». «Уникальный мир женщины, мир ее чувств, ощущений, ее мирозерцание, ее объяснение мироустройства, вылившиеся на бумагу, уже само по себе рождало новое направление, называвшееся просто и емко: женская литература» [цит. по 12].

Доминирующей в структуре эмотивного пространства романа Г. Щербаковой является эмоция «страх». Это и неудивительно, потому что в центре повествования – судьба трех поколений женщин: бабушки, дочери, внучки. А «вся жизнь женщины – это напряженность и страх» [14], наиболее глубокой и важной причиной которого является одиночество. На фоне негативных эмоций неожиданной является эмоция «радость».

Анализ словарных дефиниций толковых словарей русского языка [2,7,8,9,10] позволяет представить семантическую структуру лексемы радость следующим образом: 1) веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения); 2) тот (то), что вызывает такое чувство. Языковая картина мира русских, зафиксированная в словаре В. И. Даля, позволяет обнаружить в значении слова объединение прямо противоположных значений. «Радость» может быть как проявлением каких-то счастливых, радостных событий, так и печальных, грустных (у

нашего старосты три радости; корова пала, изба сгорела да жена померла». В словаре приводится и старинное значение слова радость – «брачный пир, свадьба» [3].

Синонимический ряд номинанта «радость» по данным соответствующих словарей [1,4,6,8], включает 19 единиц: ликование, праздник, торжество, веселье, отрада, просвет, улада (трад.-поэт.), утеха (прост.), светлое пятно; ликующий, торжествующий / о человеке, виде, улыбке и т.п.; просветленный, сияющий, / об улыбке: солнечный, / о времени, чувствах, воспоминаниях: светлый, / о мечтах, будущем: лучезарный, светозарный (трад.-поэт.), / о планах, мечтах: радужный, розовый.

В романе Г. Щербаковой языковыми средствами репрезентации эмоции «радость» становятся лексемы веселье, смех и их производные, существительное празднество, слова категории состояния: «у Марии Петровны кончился нервный спазм, и она просто засмеялась» [13, с.220]; на вопрос Кулачева, «с чего это она развеселилась», «с юмором рассказала, как она боялась его и как ей сейчас легко. Ей на самом деле было так легко и освобожденно, так расслабились мышцы тела от радости, что нормальный мужчина не мог не учуять /.../ в даме огромные неиспользованные резервы; «всю дорогу продолжалось – легкое празднество» [13, с.220].

Подводя итог описанию зарождающихся отношений между Марией Петровной и Борисом Ивановичем, автор резюмирует, что ключевым словом в этих взаимоотношениях было слово **радость**, «неведомое нашей душе по причине хронического дефицита в русской природе/.../ у нас нет радости. Завели моду улыбаться, но именно завели. Улыбка не пристает к русскому лицу. Если бы не писался роман о любви и только о ней, надо бы срочно писать о радости, которой у нас нет». /.../ Мало ли дел у Человека без Радости? Но когда она в ком-то пробуждается, ...возвращается к человеку, тогда и происходит то, что случилось с Марией Петровной и Кулачевым. Случилась радость. Нет, не любовь, ибо она, как и все, с мрачностью и обыченностью» [13, с.220-221].

В структуре романа Г. Щербаковой вербальным репрезентантом эмоции «радость» выступает белый цвет и слова, образующие лексико-семантическую парадигму с доминантой «белый»: светлый, белый, сияющий, снежный и т.п. Как отмечает К. Изард, любое эмоциональное состояние может быть активизировано соответствующими цветовыми сочетаниями [5, с. 250].

Третья часть романа так и начинается: «Надо рассказать о свойстве белого цвета. Свойстве снега» [13, с.289]. Прием парцелляции актуализирует именно важность белого как относящегося к снегу. Далее акцентируется противоположность качеств снега: первого, «умирающего в процессе бессмысленного полета», и второго – того, который «справился со своим делом и укрыл землю белым» [13, с.289]. «Первая реакция на белый, белый снег – радость» [13, с. 290].

Белый (снежный) цвет как одно из средств выражения эмоции «радость» подтверждается следующим контекстом: «когда Бог послал радость в дорогу /.../ Супостат перехватил радость и закинул ее во льды океана. Северным сиянием полыхает она нам – наша закинутая радость/.../ [13, с. 221].

В результате словоупотребления структура лексического значения слова белый обогащается дополнительными смысловыми коннотациями: «наполняемость себя другим», «новый», «незапятнанный», «счастье», «радость». Значение чистоты, новизны, счастья вербализуется глаголом прочистилось, существительным мороз, прилагательным новенький: «На морозе в лесу все прочистилось, и я вернулся новенький. Квартира слепит меня своей белой пустотой» [13, с. 290].

В словосочетании *белый снег* актуализируются следующие семантические компоненты: «начало новой жизни», «рождение», «смерть». Так, один из женских персонажей, Елена, дочь Марии Петровны, смотря в окно на снег, падающий «редко и лениво», «будто разбуженный ночью», «воистину русский снег, умирающий в процессе бессмысленного полета», подумала: «А следующий первый снег мальчик уже увидит». Думая о мальчике и глядя на падающий снег, «Елена первый раз испытала радостное нетерпение» [13, с. 289]; «у Елены родился мальчик. Она радостно и облегченно вздохнула и умерла» [13, с. 309].

Таким образом, в романе Г. Щербаковой контекстуальное окружение номинанта «радость» способствует обогащению его семантической структуры. «Радость» - это эмоция, которая несет свет, проявляет свет души, эмоция, связанная со счастьем, любовью.

В природе человека тесно переплетены рациональное и эмоциональное начала, субъективность и избирательность видения мира художником слова является важнейшей особенностью его художественной картины мира, проявляющейся в эмоциональном отношении автора к называемым реалиям и их цвету.

Список литературы

1. Горбачевич К. С. Словарь синонимов русского языка. – М.: Изд-во «Эксмо», 2006. – 608с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – СПб., 1863-1886 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%>
3. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Астрель, 2008. – 734 с.
4. Евгеньева, А. П. Словарь синонимов русского язык / А.П. Евгеньева. – М.: АСТ, 2001. – 656 с.
5. Изард К. Эмоции человека: Пер. с англ. – М.: Издательство Моск. ун-та, 1980. – 440 с.
6. Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник. В 2-х томах. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. - Т.2. – 480с.
7. Словарь современного русского языка: В 4 т./ Под. ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Ин-т рус. яз., 1999. – 2990 с.
8. Тихонов А. Т. Комплексный словарь русского языка. – М.: [Славянский Дом Книги](#), 2001. – 1002с.
9. Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. – М: Азбуковник, 1999. – 944 с.
10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. – М.: [Славянский Дом Книги](#), 2009. – 960 с.
11. Фатеева Н. А. Современная русская "женская" проза: способы самоидентификации женщины-как-автора [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/avangard/sovremennayarus.html>
12. Шеховцова Н. Галина Щербакова: «Я живу в больной стране» / Наталья Шеховцова // Дочки-матери. – 1999. – №6. –С.12.
13. Щербакова Г. Женщины в игре без правил // Русская проза конца XX века: Хрестоматия для студ. высш. учеб. заведений / Сост. и вступ. ст. С.И. Тиминой. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета; М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 600с. – С. 202 – 317.

О ТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Мераб Ахвледиани (Грузия)

TURKISH LOANWORDS IN RUSSIAN Merab Akhvlediani

Resume: The given article is devoted to the Turkish loanwords in Russian. The author speaks about the reasons of borrowing Turkish lexemes in Russian, gives their thematic classification, studies the lexemes' semantic and grammatical peculiarities.

It is concluded, that there are too many Eastern elements (Arabian, Persian) in Russian, but Turkish loanwords play an important role.

Заемствованная лексика в русском языке занимает, по подсчетам разных ученых, от 10 до 24% от всего лексического состава русского языка. Большая часть заимствований приходится на старославянский и западноевропейские языки. Заимствования же из восточных языков сравнительно немногочисленны. Единичны заимствования из арабского, иранского, японского, китайского и других языков. Самую большую группу восточных заимствований составляют тюркизмы.

Слова из тюркских языков проникали в русский язык с давних пор, еще до образования древнерусского государства, так как восточнославянские племена соседствовали с тюркскими племенами – аварами, печенегами, половцами, хазарами и др. Следствием этого были ранние торговые и культурные связи, военные союзы и столкновения.

К VIII-XII вв. относятся такие древнерусские заимствования из тюркских языков, как *атаман*, *басурман* (фонетически видоизмененное *мусульманин*, в последующем развилось значение «иноверец», «иноземец»), *барабан*, *башмак*, *бешимет*, *буран*, *боярин* (тюркск. *baj*-«богатый», «знатный», осложненное формантом –аг. См. Л.П.Якубинский. Древнерусский язык.), *войлок*, *вьюк*, *кабала*, *казна*, *караул*, *курган*, *орда* (лагерь, стан), *товарищ* (первоначально «компаньон по торговле»), *чертог*, *чулок* (мягкая обувь), *шалаш* и др.

Тюркизмы передавались в основном устным путем, однако они встречаются и в некоторых письменных памятниках того периода. Л.П.Якубинский, анализируя язык замечательного памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» (XII век), находит в нем следующие тюркизмы: *яруга* (овраг), *япончица* (покрывало), *хоругвь* (знамя), *кощей* (раб), *чага* (рабыня), *быля* (знатный) и др.

Среди тюркских заимствований больше всего слов вошло в русский язык из татарского языка, что объясняется многолетним монголо-татарским игом. Татарское нашествие и затем татарская неволя, длившаяся на Руси около 250 лет, оказали определенное влияние на словарный состав русского языка. Насчитывается более 250 тюркских слов, укоренившихся в русском языке.

Тюркское влияние на русский язык было значительным вплоть до XVI века. Тюркизмы этого периода перешли в русский язык при торговых и военных отношениях.

Тюркские слова, заимствованные русским языком из разных языков и в разное время, тематически многообразны. Они обозначают:

- 1) предметы кочевого быта и домашнего обихода: *амбар*, *арба*, *бадья*, *войлок*, *вьюк*, *караван*, *каланча*, *кибитка*, *кошма*, *лачуга*, *наждак*, *очаг*, *сарай*, *сундук*, *таган*, *таз*, *тарантас*, *телега*, *топчан*, *торба*, *тюфяк*, *утюг*, *чемодан*, *чулан*, *чугун*, *чердак*, *юрта* и др.;
- 2) предметы одежды, обуви и украшения: *армяк*, *башлык*, *бешимет*, *бурка*, *зипун*, *клубук*, *колтак*, *кушак*, *кисет*, *карман*, *сарафан*, *тулуп*, *халат*, *чалма*, *чулок*, *чекмень*, *шаровары*, *башмак*, *каблук*, *чувяки*, *бахрома*, *кисея*, *кумач*, *парча*, *сафьян*, *тафта*, *алмаз*, *бирюза*, *бисер*, *жемчуг*, *изумруд* и др.;
- 3) названия кушаний и напитков: *балык*, *бурда*, *изюм*, *кавардак*, *коврига*,

кумыс, лапша, шашлык и др.;

4) предметы и понятия, связанные с коневодством: *лошадь, буланый, бурый, гнедой, каурый, караковый, мухортый, чалый, аркан, табун, тамга и др.;*

5) названия животных, птиц, растений: *барс, барсук, бирюк, бурундук, бугай, кабан, таракан, сазан, беркут, чайка, арбуз, кавун, камыш, кочан ;*

6) предметы вооружения и снаряжения: *кинжал, кистень, колчан, кобура;*

7) понятия из сферы торговли и экономики : *аршин, базар, бакалея, барыш, баи на баи, чохом, деньга, казна, магарыч, пай, таможня, товар и др.;*

8) названия лиц по деятельности, должности, положению: *атаман, баскак, боярин, богатырь, батрак, визирь, казак, казначей, караул (стража), кощей (раб), толмач, чабан, чумак, ямщик и др.;*

9) презрительные наименования: *балбес, балда, болван, башка, каюк, карга (буквально «ворона»), ералаш, тумак, якиаться, ни бельмеса и др.;*

10) некоторые другие наименования: *алтын, буерак, барабан, буран, бумага, ватага, кабала, карандаш, курган, набат, орда, туман, чума, яр, ярлык и др..*

В лексическую систему русского языка включались не только собственно тюркские слова, но и слова, усвоенные тюрками из монгольских, иранских, арабского языка, а также из санскрита, китайского, тохарского и др. языков.

Заемствования из турецкого языка в русском языке немногочисленны. Они проникли в русскую речь значительно позже, чем, например, татарские слова, преимущественно письменным путем: *башибузук, косхалва, чоха, чапрак чадра, янычар* и другие. Многие слова, заимствованные русским языком из турецкого языка, по происхождению являются арабскими или персидскими, например: *бязь (араб.), мечеть (араб.), султан (араб.), халва (араб.), халат (араб.), харчи (араб.), хурма (перс.), ханжа (араб.), шайтан (араб.), шербет (араб.), шаровары (перс.), чалма (араб.)* и др. (Н.М.Шанский, В.В.Иванов, Т.В.Шанская. Краткий этимологический словарь русского языка). Это свидетельствует о том, что турецкий язык в 18-19 вв. выполнял функцию языка-передатчика восточной лексики.

Определенное количество тюркизмов проникло в русский язык в советское время из среднеазиатских и кавказских языков. К тюркизмам советской эпохи относятся: *ашуг, акын, арык, аксакал, батыр, басмач, бай, дехканин, кетмень, тюбетейка, чайхана и др.*

В XIII-XV вв., в период интенсивного воздействия татарских языков на восточнославянские языки, заимствовались не только отдельные тюркские слова, но и различного рода грамматические элементы. К числу подобных заимствований следует отнести, например, некоторые кальки в разговорной речи: *давай бери* (тюркск. *ala ber-* возьми, возьми же), *пиши давай* (тюркск. *jaza ber*), *взял и написал* (тюркск. *jazur aldum*) и др.

К следам воздействия тюркских языков на древнерусский язык следует отнести также некоторые фразеологизмы, поговорки, пословицы, а также наличие в системе словообразования так называемых парных слов типа *елки-палки, печки-лавочки* и др.

Сегодня тюркизмы можно встретить не только в русской разговорной речи, но и в произведениях художественной литературы. Активно использовали тюркизмы в своих произведениях классики русской литературы М.Ю.Лермонтов, Л.Н.Толстой и другие.

Слова, заимствованные русским литературным языком, могут иметь различную судьбу. Одни постепенно осваиваются русским языком и перестают восприниматься как тюркские, например: *кровать, уют, чулан, чемодан* и т.д. Другие же наоборот, в зависимости от коммуникативных функций, выполняемых

ими, и грамматической природы полностью меняют свое лексическое значение. Например, слово «кавардак» в тюркских языках является названием кушанья (турецкое kavurdak- «жаркое»), в русском же языке оно употребляется в совершенно другом значении – «беспорядок, бестолковщина, путаница». В некоторых русских диалектах это слово сохранило первоначальное значение. Например: псковское «кавардак»- «дурная еда, безвкусная похлебка».

Тюркское «дурман» (лекарство) в русском языке получило более широкое значение - «нечто одуряющее». Тюркское «каланча» (небольшая крепость) в русском языке приобрело значение - «дозорная вышка пожарной части».

Слово «алтын» в тюркских языках является названием золотой монеты, а в русском языке значение «медная монета в 3 копейки» является вторичным.

Грамматическое освоение тюркских слов выражается в придании заимствованному тюркскому слову форм, соответствующих русскому языку, как-то: включение тюркизмов в систему русского склонения (например: беркут, беркута, беркуту - склоняется по мужскому типу склонения; тюркское «кабал» в русском языке переоформляется по типу слов на «-а» - «кабала» и т.д.); осмысление грамматического рода (мусульманин – мусульманка, батрак – батрачка, атаман - атаманша); осмысление грамматической категории числа : арба – арбы, басмачи (в узбекском языке единственное число) – басмач.

Заемствование тюркизмов – не единственный источник обогащения лексического запаса русского литературного языка. Большое значение имеет образование от тюркизмов новых слов (например, от турецкого «сур» при помощи русского суффикса «-ок» образовалось собственно русское слово «сурок» ; от тюркского «кибет» образовалось русское «кибитка»; русское слово «кулак» является суффиксальным образованием от тюркского «кул» - «рука»), новых частей речи (например: барабан – барабанить, барабанный; толмач – толмачить, караул – караулить, караульный; кабала – закабалить, кабальный; ханжа – ханжеский; атаман – атаманский, казна - казенный и т. д.

Таким образом, заимствование тюркской лексики русским языком – результат постоянного взаимного культурного и социально-экономического обмена русского и тюркских народов. Многочисленные контакты русских со многими тюркоязычными народами обусловили проникновение в русский язык заимствований, выражающих реалии природных условий, жизни, быта и обычаев тюркских народов. Общность исторических судеб многих тюркоязычных народов с русским народом обусловили наличие значительного количества тюркизмов в русском литературном языке, исчисляемое, по мнению некоторых ученых, сотнями и даже тысячами слов

(Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке). Значительное количество тюркизмов входит также в состав русской диалектной лексики. Все это способствует расширению социальной функции и совершенствованию структуры русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР // Ответственный редактор Ю.Д. Дешериев. М., 1987.
2. Сапаров К. Об экзотизмах тюркского происхождения в современном русском языке. Журнал «Русский язык в школе», 1978, № 3.
3. Якубинский. Л.П. История древнерусского языка. // Тюркские элементы в древнерусском языке. М., 1953.
4. Толковый словарь русского языка // Под редакцией Д.Н. Ушакова. В 4-х томах. М., 1935 – 1940.
5. Шанский Н.М., Иванов В.В. Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
6. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

АННА АХМАТОВА И ГРУЗИНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Н.М. Миндиашвили

Сухумский государственный университет (Грузия)

Доктор филологии, профессор

ANNA AKHMATOVA AND GEORGIAN POETRY

Аннотация : Тбилиси и грузины занимают определенное место в личной и творческой биографии Анны Ахматовой, её имя встречается в дневниках, воспоминаниях, эссе у метра грузинской поэзии Г. Табидзе, К. Надирадзе, Н. Табидзе, А. Гацерелия, Г. Маргвелашвили, Т. Чхенкели, Г. Шарадзе.

Паоло Яшвили, Иосиф Гришашвили, Михаил Квливидзе – это имена тех грузинских поэтов, которых перевела Анна. Анна навеки связала себя с грузинской поэзией, познала ее очарование ароматом, а грузинские поэты познали ее душу.

ключевые слова: Анна, Тбилиси, Грузия, поэзия

Key Words: Anna, Tbilisi, Georgia, poetry

Жизнь Анны Ахматовой полна контрастными событиями, конфликтными ситуациями, предельным трагизмом, которые были вызваны тоталитарным режимом. Вызывает интерес то обстоятельство, что Тбилиси и грузины занимают определенное место в личной и творческой биографии Анны.

Очарование грузинской поэзией восприняла с поэмой великого Шота Руставели “Витязь в тигровой шкуре”, тому подтверждение “Надпись на книге” с афоризмом Руставели “Что раздать – к тебе ж вернется, а что нет – то все чужое!”. [1] По поводу этого афоризма она сказала - “Эти слова не человека - а самого Бога”. [2]

Ахматова лично была знакома представителями литературной группировки “Голубые роги” Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили, с которыми познакомилась, за год до их гибели, в 1936 году на литературном вечере, проходящем в Ленинграде. Говорят душу познает душу, вероятно поэтому, Анна подружилась с Тицианом и Паоло, которые стали жертвами страшного режима, (Паоло Яшвили 1937 году в знак протеста застрелился из охотничьего ружья в зале союза литераторов, Тициана Табидзе арестовали, как врага народа, а затем расстреляли), они пали жертвами того режима, который превратил ее в “траурную вдову”.

Анна Ахматова перевела стихотворение Паоло Яшвили “Сонет к Элли”.

В 30 годах в Ленинграде трудился известный грузинский языковед, исследователь, автор монографии “Древности в Лиаховском ущелье” – Иосиф Мегрелидзе, он имел близкие отношения с ленинградской интеллигенцией, особенно хорошие отношения он имел Анной Ахматовой. Господин Иосиф встречался с ней на заседаниях ассоциации писателей, на квартире у друзей, на ее даче в Комарово.

После несчастья с ее супругом в 1937 году Анна вручила Иосифу два сборника стихов, большой и маленький, и попросила позднее вручить сыну, если ее арестуют. В 1939 году перед возвращением в Грузию Мегрелидзе вернул сборники Анне... Анна большой взяла, а маленький подарила Иосифу. [3]

Анна и Иосиф познакомились у И.А. Орбели, который, в тяжелые для поэтессы годы, окружил ее теплом и заботой. Орбели попросил Мегрелидзе оказать ей братское участие и тот опроверг давние доверия. Поэтому поэтесса доверяла грузину самую дорогую часть своей души.

Интересна и история связанная с грузинским критиком 20-го века Акакия Гацерелия, который незадолго до ее кончины написал письмо “Анна Ахматова”, которое перевел на русский язык психолог Володя Цома. Письмо принесли в больницу, Анне очень понравилось письмо она не скрывала своего восторга, тем более, что по словам ее биографа В. Вавиловн Анна жаловалась на свое поэтическое участие, это чувство обострилось в последние годы. “Меня не знают” с болью в сердце говорила она часто, подразумевая неопубликованность “Реквиема” и “непонимание” ее творчества. Восторг Анны вызвали следующие строчки: “Мировая литература не избалована поэтессами такого масштаба, которые создали эпоху в родной литературе. Древняя Греция человечеству подарила королеву эллинской лирики Сафо. В ее честь в городе Метеле была выпущена монета с ее изображением. Вторично

и совершенно справедливо изображение поэтессы появилось на медали Оксфордского университета. Это изображение королевы мировой поэзии 20 века Анны Ахматовой”. [4] “Королева поэзии” действительно заслужила параллель, грузинского критика, с эллинской поэтессой.

Часто эпоха невидимыми нитями связывает поэтов разных народов: В одном из своих стихов поэтесса пишет с разбитым сердцем:

“Всё расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?”

Невольно вспоминаются строчки известного грузинского писателя Нико Лорткипанидзе “Продается Грузия, с полями – нивами, с горами – пригорками, с лесами, с виноградниками, с посевными полями, с прошлой историей, с будущей судьбой; с прекрестной судьбой”. [5]

Это тот период, когда расстреляли Николая Гумилева, предъявив ему беспочвенное обвинение, хотя в тот период они не жили единой семьей, пуля пронзившая Николая навсегда осталась в ее сердце.

“Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем,
И за тебя я пью,-
За ложь меня предавших губ,
За мертвый холод глаз,
За то, что мир жесток и груб,
За то, что Бог не спас.”

Этот стих, написанный в 1934 году превосходно описывает душевное состояние человека к которому приближается смерть...

Анна Ахматова важное место занимает в грузинской поэзии. Паоло Яшвили посвятил ей стих “Письмо Анне Ахматовой”

“О, благодать и жар Тифлиса тебя утешат

Дадут слезами нам излиться в проулках здешних”. [6]

Перевод Г.Маргвелашвили.

Имя Анны Ахматовой встречается в дневниках, воспоминаниях, эссе у метра грузинской поэзии Г.Табидзе, К.Надирадзе, Н.Табидзе, А. Гацерилия, Г.Маргвелашвили, Т. Чхенкели, Г.Шарадзе.

В Москве в семье Пастернака Гурам Асатиани встретил Анну Ахматову, на этом вечере присутствовали: прекрасная грузинская актриса Нато Вачнадзе, поэт С.Чиковани с супругой и ленинградец Г.Шенгели. Облик двух прекрасных женщин Анны и Нато представляло удивительное зрелище и навсегда осталось в памяти присутствующих.

Паоло Яшвили, Иосиф Гришашвили, Михаил Квливидзе – это имена тех грузинских поэтов, которых перевела Анна. Анна навеки связала себя с грузинской поэзией, познала ее очарованиеи аромат, а грузинские поэты познали ее душу.

Ахматова действительно является королевой русской поэзии и очень радостно, что она была тесно связана с грузинской поэзией.

Список литературы:

- 1) Шота Руставели “Витязь в тигровой шкуре”,(перевод поэта Н. Заболоцкого)-
www.highlanderfishingboats.co.uk
- 2) Анна Ахматова - Воспоминания об Анне Ахматовой- <http://anna.ahmatova.com>
- 3) Иосиф Мегрелидзе – “ Королева поэзии” – “Южная Осетия” # 15, 1985г
- 4) Акакий Гацерелия-“Анна Ахматова” <http://imwerden.de/>
- 5) Паоло Яшвили - “Письмо Анне Ахматовой”- <http://www.poezia.ru>

ОБ ОЦЕНОЧНЫХ ОППОЗИЦИЯХ КАК ЧАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Л.Ю. Мирзоева,

Университет имени Сулеймана Демиреля

г. Алматы (Казахстан)

Аннотация. В статье рассматриваются оппозиции «соответствие норме – отклонение от нормы» и «свой – чужой», которые отражают специфику оценочных представлений, характерных для русского языка. По нашему мнению, они входят в число ключевых оппозиций, формирующих национально-специфичное восприятие мира.

Ключевые слова: *эмотивность, оценочность, оппозиция, национальная языковая картина мира, нормативность.*

Annotation: *The article is dedicated to investigation of key oppositions with evaluative meaning represented in Russian language. Such oppositions as 'native – foreign', 'standard – non-standard' are considered to be very important for Russian national picture of the world.*

Keywords: *emotiveness, evaluative means, opposition, national picture of the world, standard.*

В процессе изучения языковых средств выражения оценки представляется целесообразным акцентировать внимание на оппозициях, насыщенных аксиологическим содержанием и отражающих специфику оценочных представлений, характерных для данного языка. По нашему мнению, в число ключевых оппозиций, формирующих национально-специфичное восприятие мира, входят оппозиции «соответствие норме – отклонение от нормы» и «свой – чужой».

Как утверждает О.В. Балясникова, оппозиция «свой - чужой» - одна из базовых культурно-психологических оппозиций, формирующих когнитивную ценностно-оценочную систему знаний. Она отражает уникальность восприятия и интерпретации реального мира, обусловленную особенностями конкретной культуры [2, с. 4].

Фиксированный характер оценочных смыслов (закрепленность оценки со знаком «плюс» за теми явлениями, фактами, событиями, которые воспринимаются как «свои», и, напротив, негативного колорита за всем, что сопряжено со значением инакости) наделен как постоянством, так и исторической изменчивостью. «Ещё с архаических времён мир делился в сознании первобытного человека на две части: «свое» и «чужое». Бинарная система мышления за прошедшие эпохи в основных чертах не изменилась» [3, с. 223] .

Наличие семы 'чужой', как правило, индуцирует негативную оценку (при этом 'чужой' – понятие многогранное, включающее в себя такие значения, как 'относящийся к иному социальному кругу', 'соотносимый с иной национальной культурой' и пр.): «Знать, любить *не рука мужику-вахлаку да дворянскую дочь*...» (Н.А. Некрасов. Огородник) [5] – негативная оценка личности на основании принадлежности к иному социальному слою; **ферфлюхтер** – бранное обозначение немца: «И все *ферфлюхтеры*, все немцы мешают, сказал Ломоносов...» (П. Данилевский. Мирович) [5] – основанием для соотнесения СВО с пейоративной частью шкалы оценок служит принадлежность объекта оценки к иной национальной культуре. Остановимся на данном случае подробнее. Лексическое значение нем. Verflucht(e) – *проклятый*. Таким образом, данная лексическая единица соотносится с инвективным классом, и, следовательно, характеризуется приматом прагматического значения. Но присутствие компонента 'чужой', 'относящийся к иной культуре', 'иноверец' создает возможность для появления рационального основания негативной оценки: "Я вживе дышать не останусь, чтобы я этакому *ферфлюхтеру* немцу уступил" (Н.С. Лесков. Железная воля) [5]. Инакость может реализоваться и в сфере оценок речи: «*ферфлюхтер*, а говорит с пафосом и русскими пословицами, даже слова как-то особенно старательно отчеканивает» (Г. П. Данилевский. Сожженная Москва) [5]; а также может способствовать превращению инвективы в говорящее имя: «...барон *Ферфлюхтер*, который ни на что особенно не сетует, а только излагает факты. И в заключение не без язвительности спрашивает: отчего ничего подобного до сих пор не было в лояльном Остзейском крае...» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке) [5]. В последнем случае оно находится в ряду таких же

чужеродных «имен»-характеристик (маркиз *Шассе-Круазе*, князь *Мирза-Мамай-Тохтамышев*), также актуализирующих ряд негативных ассоциаций.

Как указывает В.В. Колесов, «... ко всему чужому и чуждому русский человек относится терпимо и даже способствует развитию этого чужого, но до известных границ: если оно не есть чуждая вера...» [4, с. 120]. Отсюда и довольно типичная, сформировавшаяся окончательно в литературном языке XIX в. тенденция восприятия иноконфессиональных явлений, символов веры и т.п. в качестве негативно оценочных СВО и трансформация их в негативно-оценочные лексемы, полностью утратившие понятийную сторону и аккумулировавшие только закрепленную за ними эмотивность. Базой для этого, безусловно, послужила многовековая закрепленность отрицательно оценочных смыслов за данными единицами лексической системы, что и послужило отправным пунктом для их эволюции.

Несколько иная картина наблюдается в тех случаях, когда как «чужеродные» воспринимаются явления, в той или иной мере неподвластные говорящему субъекту. По нашему мнению, степень негативной оценки здесь существенно ниже, чем в предшествующих случаях: «Страсти, как вы знаете, *не свой брат*, разсудительность говорит одно, - страсти чаще всего глухи, рвут и мечут зря в свою сторону!» (Д.В. Григорович. Не по хорошу мил, по милу хорош) [5] – негативная оценка явления, неподвластного разуму, и, следовательно, отчасти «инородного» для него.

Во многом схожую оценочную атмосферу в рамках национальной картины мира формирует оппозиция «соответствие норме – отклонение от нормы». Ср.: *Эксцентричный* – ‘выходящий из разумной середины (нечто крайне странное, чудаковатое)’ (как указывает Е.М.Вольф, «другой модальностью (наряду с “модальностью оценки” – Л.М.), где картина мира входит в модальную рамку, является модальность, которую можно условно назвать “модальностью странности” и которая непосредственно указывает на отношение к норме и стереотипам с точки зрения модального субъекта. Эта модальность имеет два значения – совпадение с нормативным положением вещей и отклонение от него, причем маркированным является отрицательное значение - отклонение от норм и стереотипов» [3, с. 179]. *Пристало, как корове седло* («Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство как корове седло!») (Н.В. Гоголь. Ревизор) [5]. Достаточно часто негативная оценка порождена несоответствием субъекта действия (речи) характеру этого действия (речи): *Неумытые руки* – лица недостойные, *неподходящие* (выделено нами – Л.М.), неподготовленные к делу; «*Не умыв рук*, за стол не садятся»; «Нам, говорит, нужны *чистые руки*» (Н.С. Лесков. Кольванский муж) [5]. В ряде случаев сема “чрезмерность” индуцирует пейоративно оценочный смысл лексической (фразеологической) единицы: *Телячьи нежности* - чрезмерно нежное выражение ласки. «Маму свою он очень любил, а не любил только “*телячьих нежностей*”, как выражался он на своем школьническом языке» (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы) [5]. Основа негативной оценки – “то, что не соответствует (не подобает) человеку”. К числу отрицательных оценок, порожденных понятием несоответствия нормативным представлениям, следует отнести и языковые единицы, в семантике которых заложено понятие “ненужность” (по классификации Н.Д. Арутюновой [1] их следует соотносить и с утилитарными квалификациями) (ср. *Нужно, как петровкам варежки*, [*Нужно*], как *прошлогодний снег*: «Бревно! пень! Школой он так же интересуется, как я *прошлогодним снегом!*») (А.П. Чехов. Кошмар) [5].

Ряд оценочных стереотипов, связанных с нормативностью, носит своеобразный межкультурный характер. В их состав включаются и единицы ономастического инвентаря, и любые символы, за которыми закреплены устойчивые оценочные ассоциации, оказывающие влияние на национальное мировосприятие и являющиеся органичной частью системы СВО). Ср.: «Какая я тебе матушка, *пигмей* ты этакой! Как смеешь ты давать такое название благородной даме, которой место в высшем обществе, а не подле такого осла, как ты!» (Ф.М. Достоевский. Дядюшкин сон) [5]. Формированию квазистереотипа способствовал перенос негативной оценки физических качеств мифологических пигмеев (см. «Илиаду» Гомера, которую в данном случае можно рассматривать как первоисточник) в область духовно-нравственную (сема ‘низкий’, ‘небольшой’, ‘не соответствующий норме’, актуализируясь применительно к духовной стороне характеризуемой личности и отражая отклонение от нормы,

индуцирует негативную оценку достаточно высокой интенсивности). Оценочная лексика такого рода соотносится не с национально своеобразным, а скорее, с интернациональным компонентом языковой картины мира; вследствие этого эти оценочные средства не являются помехами в процессе декодирования текста представителем иной лингвокультурной общности, а напротив, служат своеобразными «мостиками», «зацепками» и помогают адекватно воспринять оценочный план текста.

Приведенные нами факты свидетельствуют о том, что изучение оценочных оппозиций «свое – чужое» и «соответствие норме – отклонение от нормы» может послужить своеобразным ключом к познанию национальной языковой картины мира, что, в свою очередь, обуславливает ее постижение носителями иной культуры.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 194 с.
2. Балясникова О.В. "Свой-чужой" в языковом сознании носителей русской и английской культур. Канд. дисс. Москва, 2003. 224 с.
3. Вольф Е.М. Оценка и «странность» как виды модальности // Язык и логическая теория. М., 1987. С. 178-186.
4. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] /URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>
6. Письменюк О. Языковые средства репрезентации оппозиции «свой» - «чужой» в коммунистической прессе // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: труды и материалы: в 2 т. / Казан. гос. ун-т; под общ. ред. [К.Р. Галиуллина](#), [Г.А. Николаева](#). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.– Т.2.– С.223-225

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СУПРАСЕГМЕНТНОГО УРОВНЯ РУССКОГО, ГРУЗИНСКОГО, НЕМЕЦКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.

С. А. Муджири, Ц. А. Ахвледиани

Тбилисский Государственный Университет им. Джавахишвили (Грузия)

Аннотация : Данная статья представляет собой попытку контрастивного описания супraseгментного уровня грузинского, русского, немецкого и французского языков. Различия сравниваемых языков в основном вытекают из специфических особенностей их фонетического, морфологического и синтаксического строя. Эти особенности характерны и для супraseгментного уровня, реализующиеся в рассматриваемых языках различно. Сопоставительный анализ просодии немецкого, французского, грузинского и русского языков на фонетическом и морфолого-синтаксическом уровне дает возможность выявить положительно и отрицательно действующие факторы, учет которых крайне необходим при обучении интонации. Теоретические выводы и практические рекомендации сопоставительного анализа могут быть использованы в практике обучения и совершенствования интонации на продвинутом этапе языкового вуза. Они могут применяться, кроме того, и в другой аудитории с учетом специфики корреспондирующих языков.

Ключевые слова: контрастивное описание супraseгментного уровня грузинского, русского, немецкого и французского языков, интерференция, положительно и отрицательно действующие факторы

A COMPARATIVE STUDY OF THE SUPRASEGMENTARY LEVEL OF THE RUSSIAN, GEORGIAN, GERMAN AND FRENCH LANGUAGE: LINGUISTIC AND METHODIC ASPECTS

Annotation : The present article is an attempt to give a contrast description of the suprasegmentary level of the Georgian, Russian, German and French Languages. The difference between the compared Languages is the result of the specific features of their phonetic, morphological and syntactic structure. These specificities are characteristic of their suprasegmentary level too, realized in the studied languages differently. The comparative analysis of the prosody of the German, French, Georgian and Russian languages on the phonetic and morphological and syntactic level gives a possibility to reveal the positively and negatively acting factors, absolutely necessary to consider with the teaching intonation. The theoretical conclusions and practical recommendations of the comparative analysis can be used in the practice of teaching and improving the intonation at the advanced stage of the language teaching higher educational institution. Apart from that they can be used in another classroom, considering the specificity of corresponding languages.

Key words: The contrasting description of the suprasegmentary level of the Russian, Georgian, German and French languages, interference, positively and negatively acting factors.

1. Данная статья представляет собой попытку контрастивного описания супraseгментного уровня грузинского, русского, немецкого и французского языков. Сравнимые языки являются не родственными. Грузинский язык принадлежит к языкам с агглютинативным строем и представляет собой картвельскую группу иберийско-кавказских языков, что предопределяет его основные отличия от французского (галло-романская группа), немецкого (германская группа) и русского (восточно-славянская группа) языков которые имеют флективно-аналитический строй. Различия сравниваемых языков в основном вытекают из специфических особенностей их фонетического, морфологического и синтаксического строя. Эти особенности характерны и для супraseгментного уровня, реализующиеся в рассматриваемых языках различно.

2. Качественная редукция безударных гласных в русском языке, отсутствие сильного приступа в наличие слабого отступа, дифтонгоидность монофтонгов (скольжение), плавность произнесения, возможность палатализации

согласных, отсутствие их длительности при меньшей силе выдоха, а также флективно-аналитический характер грамматического строя русского языка оказывают влияние на просодию русской речи.

3. Особенности системы *немецкого* вокализма (характерный для данного языка твердый приступ, наличие сильного и отсутствие слабого отступа, сохранение количественного и качественного признака, стабильность артикуляции большинства гласных), а также особенности немецкого консонантизма (альвеолярность переднеязычных согласных, напряженность глухих согласных и большая напряженность и длительность глухих и сонорных при интенсивности выдоха) создают особый акустический эффект чеканности звучания немецкой речи. Строгие в весьма постоянные закономерности порядка слов во фразе, синтетические и аналитические способы выражения грамматических значений, также влияют на интонационный образ немецкого языка.

4. Фонетическая модель *грузинского языка*, его специфический звуковой состав, характерные для него дещесивные и акцессивные комплексы согласных, сложный состав слогов, сложная морфологическая структура слова - префиксация, суффиксация, обилие падежных форм, важное синтаксическое и акцентное значение глагола - сказуемого в предложении, относительно свободный порядок слов в предложении, специфические стилистические фразеологические обороты - все это определяет своеобразную организацию компонентов интонации грузинского языка.

5. Диапазон *французских* тон шире, чем русских и грузинских; в некоторых случаях тон повышается с II до IV уровня, или падает с IV до II-го, тогда как в русском и грузинском диапазон не выходит за пределы двух соседних уровней; французская мелодика более ровная, в русском и грузинском движение тона более изменчиво. Это особенно характерно для вопроса, восклицания или приказа.

6. Сопоставительный анализ просодии немецкого, французского, грузинского и русского языков на фонетическом и морфолого-синтаксическом уровне дает возможность выявить положительно и отрицательно действующие факторы, учет которых крайне необходим при обучении интонации.

К положительным факторам, облегчающим усвоение интонации немецкого и французского языка в грузинской или русской аудитории, следует отнести закономерности, общие для немецкого, французского грузинского и русского языков, в частности: динамический характер ударения (хотя в грузинском и русском языках динамичность выражена слабее); выделение важного по смыслу слова во фразе и сохранение словесного ударения; средства выражения синтагматического членения (пауза, тональный интервал, темп речи и др.); доминирующая роль семантического фактора в процессе членения потока речи на синтагмы; общее движение основного тона голоса (восходящее или исходящее) в основных коммуникативных типах предложения: терминальный тон реализуется в повествовательном и побудительном предложениях, интеррогативный - в вопросительном; мелодическое выражение законченности и незаконченности мысли: нисходящая мелодия выражает завершенную мысль, восходящая - незавершенную; способ логического выделения с помощью порядка слов; одинаковая реализация основных интонационных структур в коммуникативных типах предложения (повествовательном, вопросительном, побудительном); реализация падения тона на конце предложения и нередко используемое замедление темпа при терминальной мелодии.

7. Не требуют особых усилий для студентов-грузин и русских явления, близкие к фонетическим, в том числе и интонационным особенностям родного языка: позиционное чередование гласных; сохранение квантитативного признака гласного в безударных слогах; сокращение длительности гласных безударных слогов; отсутствие палатализации согласных и оглушение звонких согласных в конце слова; наличие аспирации; ударение, падающее большей частью на начальный слог; реализация затакта терминальной мелодии в низком уровне интонационной структуры; восходящее движение основного тона голоса при интеррогативной мелодии.

Положительно действуют также явления русского языка, имеющие сходные черты с немецким языком: чередование сильных и слабых позиций (ударных и безударных слогов); преимущественная реализация нейтральной фразовой интонации в пределах одного слога значимого слова, расположенного в конце фразы; резкое

падение тона при терминальной мелодии; создание тональной вершины на первом ударном слоге слова, который может быть вообще первым в предложении; тесная связь тональных изменений с ударением.

8. К отрицательным факторам следует отнести явления, отсутствующие в немецком языке и характерные для грузинского и русского языков: наличие слабого отступа у гласных; отсутствие твердого приступа гласных; отсутствие фонологических признаков длительности, качеств и степени, стабильности артикуляции гласных, имеющие в данных языках фонетический характер; большая степень звонкости согласных; отсутствие напряженности длительности сонорных и глухих согласных; дентальность переднеязычных согласных; сравнительно слабая интенсивность ударного слога; относительно свободный порядок слов; преимущественно восходяще-нисходящее движение тона в прогрессивной методике.

9. Известно, что при изучении интонации иностранного языка в большей степени интерферирует родной язык, чем первый неродной – русский. Особую сложность представляют следующие специфические (фонологические и интонационные) признаки грузинского языка: преобладание заднеязычных артикуляций и вялая артикуляция губ; отсутствие редуцированного [e] в безударных слогах; отсутствие чередования сильных и слабых позиций; закономерность ударения ритмической группы, отличающейся от других ударений такого же типа;

Наиболее слабая интенсивность и равномерность распределения силы ударения; отсутствие фонетического выделения слов во фразе; определение интонационного образа предложения порядком слов, местом и ролью глагола-сказуемого; нестабильный характер тональной вершины и ударного слога во фразе; наличие заударного подъема тона в слоге, являющемся интонационным центром предложения; зависимость начала падения тона терминальной мелодии от логического предиката предложения; преимущественное наличие восходяще-резко нисходящего движения тона в прогрессивной мелодии с нарушением словесного ударения во фразе; удлинение конечного гласного при интеррогативной мелодии; релевантность тональных изменений, а не интенсивных; реализация, интонационных изменений в пределах нескольких (двух-трех) слогов; наличие границ между синтагмами после союзов в сложных предложениях.

10. Для подтверждения гипотезы о трудностях некоторых интонационных явлений, выделенных на основании теоретических исследований, был проведен срез и проанализирована (ошибки в немецком и французском языке, допускаемые носителями грузинского языка¹, проведенный анализ ошибок студентов в области интонации, немецкого и французского языка подтвердил предполагаемые трудности. Наибольшее количество ошибок было обнаружено: при произнесении немецкого сильнодинамического ударения; при реализации немецких гласных (долгота, сильный приступ редуцирование безударного [e]) и согласных (альвеолярность, наименьшая звонкость звонких согласных и наибольшая напряженность глухих и сонорных согласных; при чередовании сильных и слабых позиций; при членении фраз на синтагмы; при реализации внутренних модуляций терминального, прогрессивного в интеррогативного тонов; при интонационном оформлении односинтагменных и многосинтагменных предложений разных коммуникативных типов; при соблюдении синхронности тональной вершины и ударного слога в интонационном центре фразы и при соблюдении стабильности последнего; при реализации прогрессивной мелодии в синтагме с многосложными словами.

11. Причинами допущенных ошибок являлся, на наш взгляд: 1) интерферирующее влияние родного языка в процессе обучения немецкой и французской интонации; 2) недостаточно сформированные за период обучения в средней школе умения и навыки; 3) слабые знания в области теории интонации при отсутствии необходимого учета сопоставления особенностей немецкой, французской, русской и грузинской интонации.

На основе учета перечисленных выше сходных и различных параметров, а также -характера ошибок студентов были отобраны учебные интонационные модели. Модели позволяют: 1) глубже понять абстрагированные взаимоотношения элементов, выраженные в интонации, и более сознательно реализовать эти взаимоотношения в потоке речи; 2) свести к минимуму все многообразие интонационных вариантов; 3) реализовать интонационные

модели в наиболее типичных примерах. Модели отбирались с учетом методических и лингвистических критериев. Были отобраны четыре учебные интонационные модели немецкого и французского языков. Эти модели наиболее ярко отражают интонационные образцы речи и сравнительно легко воспринимаются на слух. Они не претендуют на универсальность, однако значительно облегчают усвоение немецкой немецкого и французской интонации.

Результаты сопоставительного анализа: теоретические выводы и практические рекомендации, могут быть использованы в практике обучения и совершенствования интонации на продвинутом этапе языкового вуза. Они могут применяться, кроме того, и в другой аудитории с учетом специфики корреспондирующих языков.

Литература:

1. *Akhvlediani Ts.* Phonétique du français. – Tbil., Meridiani. 2011.
2. *Gamkrelidze T., Kotetishvili Sh., Lezhava I., Lortkipanidze L., Javakhidze L.* Phonetic Analysis of Georgian Normative and Dialektal Speech. – Tbil., tsu, 2006. http://www.tsu.edu.ge/data/file_db/faculty_humanities/fonetika%201.pdf
3. *Mehlhorn G., Trouvain J.* Sensibilisierung von Lernenden für fremdsprachliche Prosodie. In: Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht, 12:2. – Darmst., Sprachenzentrum der TU. 2007.
4. *Mujiri S.* „Kontrastive Analyse der prosodischen Merkmale des Deutschen und des Georgischen und ihre Bedeutung im Prozess des Sprecherwerbs“. Beiträge der XIV. Internationalen Tagung der Deutschlehrerinnen und Deutschlehrer. IDV - Magazin, B. Nr.84, Heft 4, S. 638-645. Jena-Weimar. 2011.
5. *Richter N.* Prosodie neutraler und nicht neutraler Äußerungen der russischen Standardsprache im Kontext des Fremdspracherwerbs. In: Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht, 12:2. – Darmst., Sprachenzentrum der TU. 2007.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ЛИНГВОКОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

М.Ш.Мусатаева

Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы (Казахстан)

Резюме : В арсенале современной лингвистики накопилось огромное количество исследований, в которых делается попытка реконструкции национальных языковых картин мира путем изучения доминантных концептов той или иной национальной концептосферы. В статье осуществляется обзор исследований, посвященных данной проблеме с целью систематизации и обобщения состояния сопоставительной лингвокогнитологии.

Ключевые слова: язык, картина мира, концептуализация, концепт, концептосфера, сопоставление

NATIONAL LANGUAGE PICTURES OF THE WORLD IN THE LINGVO-CONCEPTOLOGICAL RESEARCHES

Summary: The huge number of researches in which attempt of reconstruction of national language pictures of the world is made (by studying of prepotent concepts by this or that national conceptosphere) collected in the arsenal of modern linguistics. In the article the review of the researches devoted to this problem is carried out. The purpose is systematization and generalization of the condition of a comparative lingvokognitology. .

Keywords: language, world picture, conceptualization, concept, conceptosphere, comparison.

В сравнительном и сопоставительном аспектах на материале двух и более национальных языков выполнено большое количество работ, в которых делается попытка проникнуть в концептосферу другого народа с целью выявления универсального и специфического в сопоставляемых национальных менталитетах. Очевидно, что «некие общечеловеческие (если и не универсальные) концепты по-разному группируются и вербализуются в разных языках в тесной зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, фиксируются в разных значениях». [Кубрякова Е.С., 1996:92-93].

Поскольку количество сравнительных и сопоставительных лингвокогнитивных исследований концептов огромно, мы ограничимся лишь приведением лишь ряда работ с целью иллюстраций ключевых проблем.

Следует отметить, что в качестве фактического материала сопоставительных исследований используются единицы разных уровней языка.

Так, В.Т. Титов рассматривает *корневой фонд* романских языков в трех аспектах: 1) как основу категоризации внеязыковой действительности, и тем самым – основу лексико-семантической системы; 2) как динамическую систему, развивающуюся от латинского языка к современным литературным романским языкам; 3) как процесс дифференциации лексико-семантических систем романских языков. Автор предлагает взгляд на *корневой фонд* романских языков не просто как на набор алфавитно упорядоченных морфем, а как на самоорганизующуюся и саморегулирующуюся целостность, как на ядро лексико-семантической системы языка. Исследователь исходит из того, что из того, что важнейшие лексико-семантические оппозиции языка задаются посредством оппозиций *корневых морфем*, и лишь затем этот «общий чертеж» лексико-семантической системы языка конкретизируется и обогащается словообразовательной системой (посредством *аффиксальных морфем*), морфологической системой (посредством *флексий и артиклей*) и фразеологической системой данного языка (посредством *словосочетаний*). [www.vestnik.vsu.ru]

Сопоставительный анализ *квантитативных фразеологических единиц* в современных западнороманских языках: французском, итальянском, испанском и португальском проводится в работе Д.А.Скоробутова [Скоробутов, 2004], что позволяет автору выявить не только широкий набор тождественных черт разноязычных ФЕ, но также раскрыть идиоэтническую специфику плана выражения ФЕ, своеобразие механизма их образного переосмысления, чем и объясняется очевидная значимость проводимых *конфронтативных фразеологических исследований*. В результате

проведенного исследования автор приходит к следующим выводам: в составе количественных фразеологизмов числительные сохраняют собственную лексическую семантику в виде определённо-количественных значений, утрачивают её, реализуя неопределённоколичественные значения в оппозиции 'много'/'мало', а также объединяются отношениями синонимии, не свойственными им в свободном употреблении; на межъязыковом уровне количественные фразеологизмы сопоставляемых западноевропейских языков характеризуются отношениями эквивалентности, вариантности, синонимии, омонимии, антонимии и полисемии; отношения межъязыковой синонимии количественных фразеологизмов обусловлены разными формами реализации их мотивирующих прототипов – изосемантической и идиосемантической; отношения межъязыковой фразеологической вариантности, синонимии, омонимии и антонимии являются системными – обусловленными их производностью от аналогичных внутриязыковых фразеологических отношений.

Проведенный в работе М.А. Лазаревой сопоставительный анализ метеорологической лексики английского и русского языков позволяет реконструировать один из фрагментов национальных языковых картин мира. [Москва, 2000].

Сопоставительному анализу субъективно-оценочных, ассоциативных и когнитивно-метафорических смыслов в русском и английском языках, объединённых в сознании носителей языков лингвокогнитивным концептом *красота* посвящено диссертационное исследование И.О. Окуновой [М., 2009], в которой выявляются и анализируются прототипы, *когнитивные метафоры*, стереотипные представления и эталоны красоты, важные для восприятия и правильной интерпретации поступающей информации слушателями, т.е. для рецептивной речевой деятельности, отмечается тесная связь концепта «красота» с эмоциональными, «материальными», ментальными и оценочными концептами. В связи с этой работой следует отметить, что вопрос эстетических оценок и некоторые аспекты данного концепта освещены в работах В.М. Богуславского [1995], в исследованиях группы ЛАЯз [2004] под руководством Н.Д. Арутюновой, в работе Ю.В. Мещеряковой [2004] и др. Тем не менее, данная тема остается актуальной, поскольку видоизменяются тенденции, взгляды и оценка человеком окружающего мира и себя в нем.

Концептосфера эмоций на материале словарных статей лексикографических источников русского и немецкого языков рассматривается в работе Н.А. Красавко [Воронеж, 2001]. В результате сопоставительного исследования автор выявляет следующие специфические особенности, характерные для носителей двух языков. Для русских – наиболее ярко иллюстрируется их: а) «вкусовым» и «цветовым» осмыслением (тоска зеленая, уныние темное, горе горькое и др.), б) корреспонденцией с понятиями «душа» и «сердце» (душа в пятки ушла [от страха], в) связью с понятием тяжести (тяжело на душе, тяжело на сердце), г) ярко выраженным соматическим описанием эмоций в гиперболической форме (слезы в три ручья). Такие специфические особенности немецкой концептосферы эмоций, как: а) поиск для переживания положительных эмоций, б) стремление избежать переживания негативных эмоций, в) указание на способы избавления от них, что позволяет говорить о гедонистической и витальной направленности мышления представителей немецкого этноса.

А.В. Медведева, изучив концепт *дом* в русской и английской концептосферах, приходит к выводу о символической национально-культурной специфике: для носителей русского языка *дом* расширяется до понятия родины, умственного и психического здоровья, чего-то святого; для англичан же *home*, наоборот, эгоцентрически сужается до последнего предела внутреннего мира человека (предел, и разум), а *house* – ограждение собственности (стена) и гостеприимства.³⁴

В казахстанской русистике сформировались научные школы по контрастивно-сопоставительному изучению русского и казахского языков. Фундаментальные труды З.К. Ахметжановой, Э.Д. Сулейменовой и др. заложили основы различным направлениям сопоставительно-типологического языкознания, в том числе сопоставительным когнитивным исследованиям.

Сопоставительное исследование концептов в разных национальных языковых картинах показывает, что одни и те же мыслительные пространства объективируются с помощью разных концептуальных метафор.

Представляет интерес дальнейшее изучение обозначенных в вышеперечисленных работах проблем на материале других как близкородственных, так и типологически разных языков.

³⁴ Медведева А.В. Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001. - С.102-106

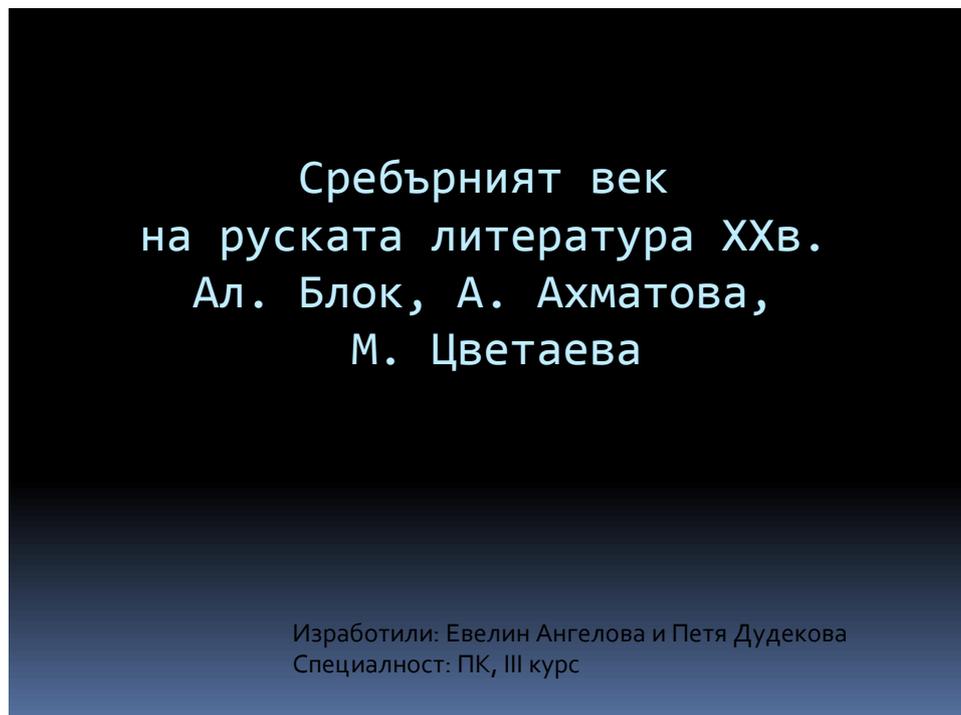
Список литературы

1. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.
2. Титов В.Т. Квантитативная лексикология романских языков: введение в проблематику// Вестник Воронежского университета <http://www.vestnik.vsu.ru>
3. Скоробутов Д.А. Сопоставительный анализ квантитативных фразеологических единиц в современных западнороманских языках: французском, итальянском, испанском и португальском/ Дисс. к.ф.н. – М., 2004
4. Красавский Н.А. Русская и немецкая концептосферы эмоций //Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001. – С. 113-118

ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В. НЕФИЛОЛОГАМ

доц. д-р Николова Мария Стефанова

Государственный университет библиотековедения и информационных технологий – г. София, Республика Болгария

Резюме: Целю на настоящия доклад – ознакомить колеги с иновативним методом преподавания руской литературы студентам-нефилологам в Университете библиотековедения и информационных технологий в г. София, Р. Болгария. Метод основан на на формах и методах активизации студентов в процессе преподавания, на стимулировании их личного участия и на максимальном использовании их знаний и умений в области информационных технологий в процессе обучения.

Ключевые слова: русская литература, студенты-нефилологи, методика преподавания

EFFECTIVE METHOD FOR TEACHING NON-PHILOLOGIST STUDENTS RUSSIAN LITERATURE OF THE 20th CENTURY

Associate prof., PhD Nikolova Maria Stefanova

Summary: The main goal of the report is the colleagues to be introduced to the innovative method of teaching Russian literature to non-philologist students at the University of Library Studies and Information Technologies in Sofia, Bulgaria. The method is based on the forms and methods of enhancing students while teaching and on stimulating their personal involvement and maximizing the use of their knowledge and skills in the field of information technology in the learning process.

Key words: Russian literature, non-philologist students, methods of teaching

Государственный университет библиотековедения и информационных технологий (УниБИТ) существует уже больше 60 лет и с правом считается одним из университетов духовности. в нем очень атрактивные и востребованные специальности, как Библиотековедение, Печатные коммуникации, Информационные фонды культурно-исторического наследия, Информационные ресурсы туризма, Коммуникации и информированность, Информационные технологии, Информационное брокерство и др.

Традиционно в УниБИТ студенты Факультета „Библиотекосведение и культурное наследие” изучают различные литературы – болгарскую, детскую, русскую литературу XX в., западноевропейскую, а студенты всех специальностей изучают и русский язык. Образовательная концепция руководства университета базируется на том, что в университете общеобразовательная подготовка в самом широком смысле является обязательной частью высокой профессиональной подготовки наших студентов и поэтому, что касается русского языка, наш университет один из четырех в Болгарии, в котором нефилологи изучают русский язык и литературу. Здесь надо с гордостью подчеркнуть, что наш университет является индивидуальным членом МАПРЯЛ, что для нас большая честь.

Изучение культурного наследия в условиях глобального мира, особенно литературного, является не просто необходимостью для наших студентов – будущих специалистов в области культуры нашей страны, а гарантией успешного роста их профессионального роста и приобретения социального статуса. Такова образовательная политика нашего университета и мы последовательно отстаиваем и проводим ее, независимо от меняющейся политической конъюнктуры. Мы убеждены, что у библиотекарей и специалистов, работающих в сфере печатных коммуникаций должна быть хорошая и разностронная литературная компетентность, в которой знание литературного наследия России занимает достойное место.

Преподавать Русскую литературу XX в. студентам-нефилологам трудно, потому что сама материя, сам литературный процесс для них незнаком. К тому надо учесть и факт, что в болгарских средних школах русская литература не изучается и мы начинаем обучение с нулевого уровня. Кроме того, в эпоху Интернета и информационных технологий вызвать у молодежи интерес к литературе, к книге становится серьезным вызовом для нас. Поэтому многолетняя практика преподавания этой дисциплины студентам-нефилологам привела к поиску эффективной в данных условиях стратегии, к применению атрактивных, нетрадиционных методов преподавания.

В своем докладе нам бы хотелось поделиться своим опытом в преподавании русской литературы, так как уже несколько лет мы применяем новый метод преподавания русской литературы, который, как доказала практика, оказался эффективным и удачным. Наша концепция преподавания базируется на активизации самих студентов принять участие в преподавании, используя при этом их знания и умения в области информационных технологий. Интерес к дисциплине и к самому процессу преподавания и освоения материала спровоцирован тем, что в основе применяемого метода стоит сам студент, его знания и умения применять в новом контексте свои умения в использовании современных информационных технологий, что дает ему возможность проявить себя, и в конечном счете, достичь желаемого результата.

Курс рассчитан на 45 ч. лекций и 15 ч. семинарных занятий. Еще на первом занятии студенты делятся на группы, максимум из 3 человек и каждая группа получает задание – изучит жизнь, творчество и присутствие в Болгарии одного из русских поэтов или писателей XX в. Это не случайно, потому что одна из побочных целей работы приучить их работать в команде. Каждая группа в определенный день по графику должна представить на занятии своего автора. Их презентации начинаются через 4-5 недель с начала занятий, а до этого времени преподаватель читает свои лекции по плану и консультирует группы при необходимости.

Когда они презентуют свое исследование, они должны подготовить изложение о жизни и творчестве автора, о его болгарских переводах и изданиях и подготовить мультимедийную презентацию (материальная база УниБИТ позволяет на занятиях пользоваться мультимедией). Чтобы рассказать и показать больше того, что преподаватель рассказал и показал на лекциях, они проявляют исключительную изобретательность и ищут, находят и интерпретируют различные факты на болгарском и русском языках. В своих презентациях они показывают оригинальные издания произведений автора, а потом и издания на болгарском языке, сравнивая их в своих комментариях. Нередки случаи, когда специально находят у букинистов, покупают и приносят старые издания произведений.

Опыт показал, что студенты очень находчивы, они способны найти исключительно интересные и любопытные факты. Они стараются, потому что для них очень важно, интересно, атрактивно выступить – в конце занятия весь курс, буквально по списку, анализирует и оценивает работу своих коллег. Оказалось, что студенты

гораздо критичнее преподавателя. Нередко на занятиях возникают споры по различным поводам, чаще всего по поводу неприемлемой интерпретации текста самого произведения. Например, был такой случай по поводу комментариев рассказа Шолохова „Судьба человека”, когда половина курса набросилась на презентующую студентку за то, что она неправильно комментирует текст. В конце обсуждения преподаватель обобщает и оценивает работу коллектива.

К каким выводам привел нас новый метод преподавания русской литературы XX в нефилологам:

1. В процесс преподавания активно включены сами студенты и они убеждены, что их мнение и рассуждения будут услышаны и учтены. Им известно, что аудитория готова согласиться с любым их суждением, если они, на основе текста, смотивируют и докажут его. Для этого все в подробностях знакомятся с текстом – и презентующий, и аудитория.

2. Независимо от того, что занятия ведутся на болгарском языке, студенты знакомятся с произведениями и на русском языке, сравнивая переводы различных болгарских переводчиков с подлинником. Особенно их впечатляют песни Окуджавы и Высоцкого, которые обязательно звучат при презентации авторской песни. Они специально находят различные переводы произведений и сравнивают их с оригиналом, стараясь найти лучшие варианты.

3. Нередко в свои презентации они включают отрывки из художественных фильмов – экранизаций известных произведений русской литературы XX в.: „Калина красная”, „Судьба человека”, „Они сражались за родину”, „Бег”. Таким образом знания о русской литературой обогащаются и знакомством с достижениями русского кино XX в., слушают русскую речь. К сведению, отдельно наши студенты смотрят фильмы В. М. Шукшина, экранизации произведений Шолохова и Булгакова, причем они их смотрят по своему желанию в кабинете после занятий.

4. С другой стороны, разрабатывая в своем исследовании часть о литературной рецепции данного автора в Болгарии, они расширяют свою компетентность в области книгоиздания переводной литературы, знакомятся с различными переводами на болгарский язык отдельных авторов, находят и обобщают сведения о том, как и когда их произведения проникали в Болгарию, кто их переводил, кто издавал, кто из переводчиков лучше справился с текстом и т.д. это причащает их проводить исследования, собирать эмпирический материал, проводить анализы и делать соответствующие обобщения. В конечном итоге развивается не только их способность проводить научные исследования, но и расширяется и обогащается их литературная компетентность, вырабатывается литературно-художественный вкус при восприятии литературного текста. 5. В конечном итоге все студенты открывают для себя новую литературу и культуру, которая до этого момента, по различным причинам, им была неизвестна.

В заключении можем сказать, что в нашем университете работает удачная форма преподавания русской литературы нефилологам. Для всех, кто прошел этот курс имена Блока, Ахматовой, Булгакова, Солженицына, Шукшина, Высоцкого и Окуджавы уже знакомы, узнаваемы и интересны.

То, что метод удачен, говорит и факт, что, независимо что дисциплина факультатив, каждый семестр студенты различных форм обучения и специальностей выбирают ее и с интересом посещают занятия. Даже больше, среди них постоянно распространяется информация, что на занятиях по русской литературе идут презентации, каждый свободно может высказать свое мнение по вопросу, звучат интересные песни, отрывки фильмов, просто – там интересно и старшие курсы рекомендуют младшим выбрать эту дисциплину. А для нас подобные высказывания лучшее признание, что мы свое дело сделали.

РАЗНЫЕ ВИДЫ АЛЛЮЗИЙ, ВЫРАЖАЮЩИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ ФОЛКНЕРА В РОМАНЕ

«АВЕССАЛОМ, АВЕССАЛОМ!»

Нино Дондоладзе (ГРУЗИЯ), Чингиз Бедалов (АЗЕРБАЙДЖАН)

DIFFERENT KINDS OF ALLUSIONS EXPRESSING FAULKNER'S WORLD VIEW IN *ABSALOM, ABSALOM!*

Summary: In the paper different kinds of allusions from the novel *Absalom, Absalom!* by Faulkner are classified and their concrete functions are shown.

Besides traditional forms, Faulkner employs two kinds of specific allusions: 1. A syntactical allusion, which can be called so because of its specific structure. Through a syntactical allusion one of the main messages is delivered on a supersemantic level. 2. A double allusion, which is specific because of its function.

As far as the contents is concerned, the most important allusions mentioned in the text are biblical and the ones referring to Shakespeare, which make a specific impact on a reader. Some allusions to the Bible are metaphorical in Faulkner's text.

Allusions in *Absalom, Absalom!* are often multifunctional, express different elements of the writer's world view and constitute an organic part of the text.

Аллюзия, как любой другой элемент фолкнеровской прозы, функциональна и является выразителем авторского мировоззрения в его произведениях. В нижеследующей статье мы рассмотрим использование аллюзий в одном из его романов – «Авессалом, Авессалом!» Хотим отметить, что аллюзии, использованные в данном романе (библейские, мифологические, шекспировские) повторяются и в других произведениях писателя, и везде они становятся носителями авторского мировоззрения.

То, что библейские и шекспировские аллюзии становятся неотъемлемой частью произведения, является одной из особенностей «Авессалом, Авессалом!» Именно с их помощью становится часто возможным выражение одного взгляда писателя, момента судьбы (имеется в виду, что греховное начало влечет неперемнное поражение) на суперсемантическом уровне. Данную функцию аллюзия выполняет исходя из своей собственной функции. Кроме того, исходя из общей функции аллюзии, библейские и шекспировские аллюзии придают явлениям, описанным в романе, общечеловеческое значение.

В романе «Авессалом, Авессалом!» читатель как бы вынужден вместе с Квентином Компсоном принять участие и объяснять явления, описанные в романе. Поддержанию такого состояния читателя, напряжения, уже возникшего в нем (ощущения того, что он вместе с героем является частью мира Йокнапатофа), способствует и использование аллюзий. А созданное при помощи аллюзий напряжение усиливается тем фактом, что фолкнеровские аллюзии в основном имеют мировое значение, являются библейскими, космическими (основное назначение которых выражение закономерностей вселенной и существования в этой вселенной человека) и общечеловеческие, шекспировские. Именно поэтому эти аллюзии в произведении несут сильную функцию в признании фактов, произошедших в произведении, в качестве общечеловеческих явлений.

Момент судьбы (в том смысле, что греховное начало приводит человека к поражению) выражен уже в названии произведения, которое само по себе является библейской аллюзией на историю Царя Давида. Потеряв сына, горестный, царь плачет: «... O my son Absalom, O Absalom, my son, my son!» (The Holy Bible: 2 Samuel. 19-4). По мнению экзегетов, Авессалом - символ любимого греха человека и, поэтому, обречен на гибель. Поэтому при помощи аллюзии, выраженной в названии, у читателя уже до прочтения произведения возникают ассоциации, связанные с логическим результатом греховного прошлого. Вообще, как это видно из произведения, и как отмечают и критики Фолкнера, есть сходство между жизнью главного героя произведения Томаса Сатпена и историей царя Давида. Тут важен и тот момент, что в качестве названия Фолкнер берет библейскую аллюзию, в которой видно не только явление, но и человеческая позиция и его отношение к явлению (этими словами царь обращается к сыну,

оплакивая его). В данном случае аллюзия связана с взглядом модернистов о том, что намного важнее не сам факт, а восприятие этого факта человеком.

Библейская аллюзия, выраженная в названии, переключается и с другим душевным состоянием героев романа. Герои «Авессалом, Авессалом!» - это люди, еще не выразившие сожаления из-за греховного начала, они лишь страдают из-за потери. Наверно именно поэтому в качестве названия произведения писатель берет не отрывок из псалма, выражающего покаяние царя Давида, а отрывок из его плача, выражающего любимый грех царя. Это впечатление усиливается и тем фактом, что: царь Давид в «Ветхом завете» отличается и тем, что его покаяние полно и связано с требованиями девяти блаженств. Таким образом, аллюзия, выраженная в названии, многопланова и она органически сливается как с взглядом модернистов вообще (намного важнее восприятие человеком факта, а не сам факт), так и с взглядами Фолкнера в частности (причина поражения Юга – греховное начало). Такая многосторонняя и органическая связь со всем текстом и писательским мировоззрением характерна и для других аллюзий, использованных в романе.

Библейский план, указанный в названии, появляется в самом начале произведения во фразе из «Ветхого завета» (“like the oldentime, be light”(Faulkner 1982: 32); “creating the Sutpen’s Hundred be light”. (Faulkner 1982: 32). Эти библейские аллюзии, кроме других функций, своеобразно подчеркивает временную отдаленность выраженного в предложении содержания (этот эффект создается эпитетом «oldentime») и из-за акцента на прошлое становятся выразителями авторского взгляда о том, что прошлое не исчезает, поскольку он не существует в человеческом сознании сейчас.

В романе «Авессалом, Авессалом!» встречаются метафорические аллюзии на «Новый завет», например: “...she resembled a crucified child. . .” (Faulkner 1982: 32); “. . . Gethsemane which he had decreed and created for himself, where he had crucified himself and come down from his cross for a moment and now returned to it.” (Faulkner 1982: 204). Конкретной функцией данной аллюзии является подчеркивание мучений и горестей героев Йокнапатофа. Кроме того, аллюзия доводит до читателя момент распятия на кресте, выражающий славу Христа, как человека и этим напоминает читателю, о том, что поскольку если в истории человечества один человек уже вытерпел, то будет спасен человек вообще.

Здесь же хотим отметить, что одна из главных мыслей, которую хочет выразить писатель, что человек не просто будет спасен, а он победит, выражена в романе (наряду с другими средствами) путем особого построения одного из последних предложений романа.

“So it took Charles Bon and his mother to get rid of old Tom, and Charles Bon and the octeroon to get rid of Judith, and Charles Bon and Clytie to get rid of Henry; and Charles Bon’s mother and Charles Bon’s grandmother got rid of Charles Bon.” (Faulkner 1982: 348).

Это предложение, как по своей структуре, так и так и по содержанию вызывает в читателе ассоциации предложения из «Ветхого завета», выражающего генеалогию и второго предложения, из «Евангелия от Матфея» которое, фактически является началом «Нового завета» и отражает земное происхождение Иисуса Христа («Abraham begat Isaac; and Isaac begat Jacob; and Jacob begat Judas and his brethren...(The Holy Bible 1998: Matthew 1-2)»). Поэтому мы назвали его синтаксической аллюзией. С его помощью до читателя доходит ощущение того, что Христос, один человек вытерпел и победил, спас человечество и поэтому человек вообще вытерпит и будет спасен. Это наблюдение подтверждает то, что Квентин, как это видно в конце произведения, вынес свой крест. Если на протяжении всего произведения Квентин мучается под своим бременем (это бремя - прошлое Юга), на последний вопрос, почему он ненавидит юг, Квентин отвечает: «I dont. I dont! I don’t hate it! I dont hate it!» (Faulkner 1982: 349).

Как уже отмечалось выше, наряду с библейскими аллюзиями в романе важны также и шекспировские аллюзии. Они связаны с известным монологом Макбета, когда перед лицом неминуемого поражения разочарованный герой говорит, что жизнь - это история, рассказанная языком сумасшедшего. (Shakespeare 1998: V.V. 795). Поэтому по мотиву Макбета происходит выражение судьбы в том смысле, что греховное начало

приводит человека к поражению. Монолог Макбета подтекстуально связывает «Авессалом, Авессалом!» с другим произведением Фолкнера «Шум и ярость», в котором шекспировская аллюзия выражена уже в названии.

В романе встречается отрывок, когда шекспировская аллюзия кроме вышеназванной функции вместе с другими средствами создает впечатление монотонности:

“It would probably be about sunset now and probably he could feel them quite near now: father said it probably seemed to him that he could even hear all the voices, the murmuring of tomorrow and tomorrow and tomorrow beyond the immediate fury”. (Faulkner 1982: 273).

Читатель, не раз встречавший шекспировские мотивы в романе, легко может распознать что «tomorrow and tomorrow and tomorrow» - это фраза из монолога Макбета («Tomorrow and tomorrow and tomorrow./Creeps in this petty pace from day to day. (Shakespeare 1998: V.V. 795). В начале предложения Фолкнер одновременно использует параллельные конструкции и повторения, что порождает ощущение монотонности, ощущение того, что в человеческом сознании время течет медленно. Аллюзия, выбранная писателем, своим звучанием сливается с монотонным фолкнеровским предложением.

В романе встречается также аллюзия на стихотворение Эдгара По «Ворон». В конце произведения, как отмечает Майкл Милгейт, Квентин зачарован знаниями, переданными ему, историей Генри Сатпена, из-за состояния Джим Бонда, Квентин не находит облегчения в конце книги (Millgate 1966: 164). Повторение слова «nevermore» в описании этого момента для героя является реминисценцией известного стихотворения По «Ворон», а для читателя – аллюзия на данное стихотворение:

“He lay still and rigid on his back with the cold New England night on his face and the blood running warm in his rigid body and limbs, breathing hard but slow, his eyes wide open upon the window, thinking “Nevermore of peace. Nevermore of peace. Nevermore Nevermore Nevermore.” (Faulkner 1982: 344).

Из-за отсутствия знаков препинания эта аллюзия в читателе вызывает ощущение целостности, и фраза своим монотонным звучанием и в этом случае связывается с фолкнеровским предложением, схожим с человеческим сознанием, где медленно течет прошлое и настоящее человека.

В романе неоднократно появляется трехкратно повторяющееся в предложении одно и то же обстоятельство времени, являющееся в то же время аллюзией.

«No wonder you folks all outlive yourselves by years and years and years.” It was becoming quite distinct; he would be able to decipher the words soon, in a moment; even almost now, now, now.” (Faulkner 1982: 347).

“The South,” Shreve said. “The South Jesus. No wonder you folks all outlive yourselves by years and years and years.” It was becoming quite distinct; he would be able to decipher the words soon, in a moment; even almost now, now, now.”(Faulkner 1982: 347).

Позиция одного из героев романа, Шрива, отличается от позиции Квентина. Он сейчас, в данный момент заинтересован историей Генри Сатпена и это эмоциональное отношение к роду Квентина проявляется в повторяемости, являющемся еще одной синтаксической аллюзией в данном случае как на монолог «Макбета» (“Tomorrow and tomorrow and tomorrow”), так и на «Ворон» Эдгара По, в котором слово «nevermore» повторяется практически в каждой строке. И распознавание этой синтаксической аллюзии, которое мы назвали «двойной аллюзией», происходит очень легко, поскольку в сознании читателя, загруженном информацией, полученной из романа, уже произошла реанимация «Макбета» и «Ворона». При помощи этой, связанной с разными произведениями аллюзии, содержательно выражена идея единения вселенной и связь с концепцией времени Фолкнера.

В «Авессалом, Авессалом!» Фолкнер использует и мифологические параллели. Попытка Квентина и Шрива разобраться в истории Сатпена, сравнивается с ящиком Пандоры. «Ящик Пандоры» тоже становится указанием на фолкнеровскую концепцию времени, поскольку при помощи этой аллюзии передается взгляд, что прошлое Сатпена и впредь не даст покоя Квентину и Шриву, станет составной частью их жизни и в определенной степени обусловит их состояние в настоящем.

В качестве заключения хотим сказать, что органической частью «Авессалом, Авессалом!» становятся аллюзии разных видов. Особое значение имеют библейские и шекспировские аллюзии. Содержательно они бывают многоплановы, выражают мировоззрение писателя и придают общечеловеческое значение явлениям, описанным в произведении. С точки зрения формы эти аллюзии могут быть: синтаксическими, двойными и метафорическими и своим звучанием иногда могут стать выразителями идеи о том, что в человеческом сознании медленно течет его прошлое и настоящее.

Использованная литература:

1. Faulkner William. Absalom, Absalom!. Moscow. Progress Publishers, 1982.
2. Millgate M. The Achievement of William Faulkner. New York. Random House, 1966.
3. Shakespeare William. Macbeth. The Illustrated Stratford Shakespeare. London. Chancellor Press, 1998.
4. The Holy Bible: Authorized King James Version. Oxford University Press, 1998.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Т.Т.Нодия

Резюме : В статье предпринимается попытка описания своеобразной методики обучения студентов при помощи русско-грузинских параллельных текстов, нацеленных на академическую активизацию самих обучаемых.

Ключевые слова: параллельный, русский, грузинский тексты, обучение

Abstract: In this article it is attempted to describe a kind of methods of teaching students using the Russian-Georgian parallel texts aimed at intensifying academic learners themselves.

Keywords: parallel, Russian, Georgian texts, training

Интерпретация текста решается путём анализа его лексико-грамматической структуры. Основная цель - пошаговое движение в процессе работы с текстом - аналитическое прочтение его, возможно более полное и глубокое понимание текста как на эксплицитно представленном лингвистическом уровне, так и на уровне идейно-художественного смысла. Целесообразность чтения-интерпретации параллельных текстов на уроках русского языка основана на признании национального своеобразия литературы, языка, истории общества.

Задача занятий с параллельными текстами - «поиски пути к смыслу текста как целого через воплощение его структуры»(Г.А. Золотова).

Предлагаемая методика интерпретации параллельных текстов опирается на основные положения известных работ Л. Щербы, В. Виноградова, Ю. Лотмана, а также современные исследования по лингвистике текста.

Использование параллельных текстов при обучении русскому языку в грузиноязычной аудитории помогает несколько упростить процесс освоения материала в результате экономии времени, ускорения способа самопроверки, углублённого понимания общего смысла текста.

Главный объект изучения - адаптированные художественные тексты на русском и грузинском языках.

К текстам на обоих языках даются послетекстовые лексико-грамматические и стилистические комментарии, включающие следующие единицы: слова и выражения, эквивалентная и безэквивалентная лексика, многозначные слова, конкретные русские и грузинские грамматические модели, типы разнообразных предложений и т. д.

Задача интерпретации параллельных текстов-пошаговое движение для декодирования текста.

С этой целью особенно подробно разрабатываются разделы «Вопросы и задания», «Ключи», представляющие собой методические приёмы лингвистического анализа.

Обязательными моментами в процессе работы над параллельными текстами являются: дробление, членение текста и многократное перечитывание параллельных отрывков.

Чтение текста учащиеся осуществляют самостоятельно, пользуясь подтекстовыми комментариями, предложенными преподавателем при первом чтении.

Несмотря на «пошаговую» разработку анализа(вопросы и задания- ответы), преподавателю необходимо проделать определённую работу по отбору и переводу материала, рассчитанного на конкретную группу учащихся.

Ведущая роль преподавателя - активная реакция на ответы учащихся, настойчивое побуждение их к поискам лингвистической аргументации своего ответа на материале как русского текста, так и его грузинского эквивалента.

Чтение текста в оригинале и в переводе - это один из способов ускоренного обучения русскому языку в инонациональной среде путём анализа лексико-грамматической структуры как изучаемого, так и родного языка, что создаёт также конкретный фон расширяющегося межкультурного сотрудничества.

ТЮРКСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ

КАРТИНЕ МИРА

М.В. Орешкина

Институт языкознания РАН, Москва (Россия)

В статье анализируются тюркские лексические заимствования, которые, проникнув в русскую языковую картину мира в результате взаимодействия языков, создают в ней представления о жизни, быте, традициях, обычаях, мировоззрении тюркских народов. Рассматривается также их лексикографическое освоение в русском языке.

Ключевые слова: русский язык, тюркские лексические заимствования, взаимодействие языков, культурные концепты, русская языковая картина мира, лексикографический аспект.

TURKIC ELEMENTS IN THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

The paper analyses Turkic lexical borrowings which, penetrating into the Russian linguistic picture of the world as a result of languages interaction, create representations of life, existence, traditions, customs, world outlook of Turkic peoples. Their lexicographic exploration in the Russian language are treated as well.

Key words: the Russian language, Turkic lexical borrowings, languages interaction, cultural concepts, the Russian linguistic picture of the world, lexicographic aspect.

Предметом данной работы является рассмотрение теоретических проблем соотношения языка и культуры, связи языка с социальным и духовно-культурным контекстом времени, отражения в языке культурных ценностей, а также прошлой и настоящей, "своей" и "чужой" картины мира. В качестве материала привлекается тюркский заимствованный иноязычный лексикон, отражающий материальные и духовные концепты тюркских народов, имеющих многовековые традиционные связи с русской культурой.

В нашей работе используется понятийный аппарат лингвокультурологии, социолингвистики и других смежных наук, в который вошли такие понятия и термины, как «заимствование», «тюркизм», «концепт», «культурный концепт», «национально маркированный концепт», «концептосфера», «языковая картина мира» и многие другие, с помощью которых отражается национальная картина мира во всех ее проявлениях и особенностях, или, по словам Д.С. Лихачева, «концептосфера» [1] национального языка.

Следует отметить, что в научной литературе встречается разное понимание этих терминов. Мы придерживаемся следующего значения термина «концепт». Концепты – это единицы культурологии и / или лингвокультурологии, имеющие языковое выражение (слова-концепты) и содержащие лексемы, передающие лингвокультурное содержание с национально-культурным, культурно-историческим, этнокультурным, страноведческим или другим подобным компонентом и являющиеся ключевыми для понимания национального менталитета носителей языка. Концепты формируют «наивную» языковую картину мира данного народа.

При изучении культурных концептов возникает множество проблем. Наше внимание привлекла проблема изучения концептов, составляющих национальную специфику языковой картины мира. В связи с этим должна решаться практическая и вместе с тем фундаментальная задача установления корпуса, состава, репертуара национально-культурных концептов и затем лексикографического описания концептов национальной культуры. В частности, мы занимаемся составлением словаря национально маркированных слов-тюркизмов, являющихся культурными концептами. Описание инационально маркированных концептов русского словаря очень важно, так же как и включение их в различные современные словари русского языка, что делается в недостаточном объеме; при этом составителями словарей русского языка часто не учитывается потребность в такого рода словарной информации, а тем не менее именно национально-культурные концепты не только отражают национальные картины мира других народов в русском языке, дают представления о других народах через презентацию заимствованных элементов в

русском языке, но и помогают создать полноценную русскую языковую картину мира во всем ее масштабе, красочности и многообразии.

Национально-культурные концепты отражают менталитет определенного народа или группы близких, родственных народов. Приведем несколько популярных примеров. Концепты *изба*, *береза*, *самовар* отражают русский менталитет; *хата*, *галушки*, *гопак* – украинский менталитет; *яранга*, *ягель*, *парка* – менталитет северных народов; *сакля*, *ткемали*, *бурка* – менталитет кавказских народов; *кишлак*, *кибитка*, *карагач*, *казан* – менталитет тюркских народов. Для описания пейзажа, портрета, интерьера в художественном, особенно поэтическом, или публицистическом тексте бывает достаточно одного-двух заимствованных слов-концептов и появляются яркие характерологические зарисовки из жизни другого народа [здесь и далее курсив в примерах наш. – М.О.]: «На днях посетил я калмыцкую *кибитку* (клетчатый плетень, обтянутый белым *войлоком*). Все семейство собиралось завтракать. Котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху *кибитки*» (А. Пушкин. Путешествие в Арзрум); «В Арзрумском арсенале нашли множество старинного оружия, шлемов, лат, *сабель* <...>. *Мечети* низки и темны. За городом находится кладбище. Памятники состоят обыкновенно в столбах, убранных каменною *чалмою*» (Там же); «В большом *ауле*, под горою, Близ *саклей* дымных и простых, Черкесы позднюю порою Сидят» (М. Лермонтов. Кавказский пленник); «*Домбра*, как черный лебедь, шеей тянется, крылами бьет! Пинается!..» (О. Сулейменов. Доброе время восхода); «Запах яблок и *плова* / летний воздух смешал, / И сидят *аксакалы*, пьют чай не спеша» (Н. Красильников. Урюковый цвет).

На этих небольших примерах можно наблюдать, как появившиеся в русском художественном тексте тюркские заимствования, обозначающие характерные понятия жизни тюркских народов, начинают восприниматься как концепты тюркской культуры, и в русском сознании возникает иной мир – мир тюркской культуры.

Если говорить о словарях, включающих тюркизмы русского языка, то определенное количество таких словарей существует, но, к сожалению, они не являются полными (представляют далеко не все существующие в словарном составе русского языка тюркизмы) и не являются комплексными (отражают далеко не все параметры и характеристики тюркизмов).

Такую задачу в отношении тюркизмов-татаризмов, функционирующих в русских текстах на территории Татарстана, успешно решают исследователи Казанского университета [2]. Большой интерес вызывает изданный в Казани в 2005 году значительный по объему словарь тюркизмов Р.А. Юналеевой «Тюркизмы в русской классике. Словарь с текстовыми иллюстрациями» [3], который практически единственный из всех словарей тюркизмов снабжает словарные статьи богатым иллюстративным материалом, что является крайне ценным для данного типа словарей – не только тюркизмов, но и любых словарей иностранных и иноязычных слов.

Самым фундаментальным среди отечественных изданий является «Словарь тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой [4], содержащий около 2000 слов-тюркизмов. Словарь отличается объемной, детально разработанной этимологической частью и наибольшим словником, но он не ставит целью проиллюстрировать употребление тюркизмов цитатами из литературных источников. А это очень важно для читателя, мало знакомого с восточными реалиями.

Существуют и другие, как правило, небольшие по объему, словари, посвященные заимствованиям тюркизмов из отдельных тюркских языков в русский язык, например заимствований из узбекского, из киргизского, из туркменского, из якутского языка, из тюркских языков среднеазиатского региона [5] и др. Однако, отметим еще раз, все эти словари без исключения страдают неполнотой описания заимствованной лексики в том или ином плане.

Задуманное нами комплексное, многоаспектное лексикографическое описание тюркизмов в русском языке даст возможность теоретически осмыслить роль тюркских заимствований в формировании русской языковой картины мира, в которой одновременно сосуществуют, дополняя друг друга, национальные картины мира разных народов, представить цельный фрагмент концептосферы сообщества тюркских народов (в России и в странах ближнего зарубежья их 25), объединенных общей культурой и религией.

В качестве примера культурных концептов, которые включены в словарь-справочник, можно привести слова-концепты тюркских народов, относящиеся к сфере дома и быта и дающие представление о традиционной жизни тюркских народов: обозначающие предметы быта, одежды (*кошма, палас, мангал, беешмет, чапан*); домашней утвари, посуды (*казан, кумган, пиала, дастархан, хурджин*); музыкальных инструментов (*домбра, дутар, комуз*); блюд и напитков (*плов, чурек, кумыс, кок-чай, шербет, кебаб, лагман, шурпа, пахлава, халва, рахат-лукум*) и др. Здесь необходимо оговориться, что вслед за Н.К. Дмитриевым, который в своих трудах по тюркским языкам подчеркивал, что при исследованиях в области Turco-Slavica классификация тюркизмов по их происхождению излишня, так как «все тюркизмы русского словаря, какова бы ни была их предыдущая история, попали в русский язык ближайшим образом из тюркских языков» [6], мы понимаем тюркские заимствования широко как слова, восходящие и к собственно тюркским этимологическим источникам, и к иранским, арабским, монгольским, китайским и другим восточным языкам.

В словник вошла также широко представленная в русском языке, но слабо отраженная ранее в словарях русского языка группа фундаментальных концептов (термины арабо-ирано-тюркского происхождения), отражающих основной круг понятий мусульманской жизни, характеризующих ее с разных сторон: вероучение (*аллах, коран, хаджж, джихад, газават*); культ (*намаз, азан, рамадан, ураза*); служители культа (*мулла, имам, муфтий, мюрид, муэдзин, халиф, хатыб*); нравственные и правовые нормы ислама (*адат, шариат*); мусульманские храмы и культовые здания (*мечеть, минарет*); мусульманские праздники (*навруз, курбан-байрам, ураза-байрам, лейлят аль-кадр*); мусульманские учебные заведения (*медресе, мектеб*) и др. Все вместе они ярко представляют языковую картину исламского мира.

Словарная статья содержит, помимо историко-культурного толкования тюркизмов, литературные примеры и включает следующие зоны: заглавное слово, варианты заглавного слова, грамматическая характеристика слова, толкование слова, стилистические пометы, иллюстративная часть, гнездовая часть, справочные отдел (словарные источники и языки-источники).

Приведем образец словарной статьи с заглавным словом *суфра*.

СУФРА _{3,6} (супра ₄, сурпа ₄), ж. 1. Скатерть. 2. Стол с угощением. 3. Кусок кожи, на котором разделявают тесто, просеивают муку. ♦ См. также ДАСТАРХАН, САЧАК. «Усевшись на суфру, Абдулмеджит-хан больше не стал интересоваться похождениями своего гостя» (К. Кулиев. Суровые дни) / *Образн.* «Над широкой суфрой бытия опрокинул он чашу / И всю горечь Вселенной над чашею той заключил» (О. Хайям. Рубай).

- Наз., Мирг., Хал.

= Тюрк. (туркм., узб.), иран. (тадж.).

Осуществляемое нами исследование и разрабатываемый на его базе сводный словарь заимствований иноязычной тюркской лексики, вошедшей в разные периоды истории в русское речевое употребление, наглядно демонстрируют интенсивные языковые контакты в духовной и материальной сфере русского народа с тюркскими народами, живущими на территории России и ближнего зарубежья, и отвечает насущным потребностям российского общества начала XXI века.

Список литературы

1. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Лихачев Д. С. Избр. труды по русской и мировой культуре / СПбГУП. - СПб., 2006.
2. См.: Галиуллин К.Р. Проблемы комплексного лексикографирования заимствований (на материале ориентализмов/тюркизмов русского словаря) // Языковая семантика и образ мира. Кн. 2. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 1997; Юналеева Р.А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). – Казань: Изд-во «Таглитмат», 2000; и др.
3. Юналеева Р.А. Тюркизмы в русской классике: Словарь с текстовыми иллюстрациями / Р.А. Юналеева. – Казань: Изд-во «Таглитмат», 2005.
4. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке / Е.Н. Шипова. - Алма-Ата, 1976.

5. См.: Шеломенцева З.С. Словарь тюркизмов в русском языке жителей Киргизии / З.С. Шеломенцева. - Фрунзе, 1971; Кушлина Э.Н. Словарь местных слов в русской печати Узбекистана и Таджикистана / Э.Н. Кушлина // Кушлина Э.Н. Таджикские и узбекские слова в русском языке. - Душанбе, 1968; Назаров О.Н. Словарь туркменских слов, встречающихся в русском тексте // Назаров О.Н. Туркменские слова в русском тексте. – Ашхабад, 1984; Самсонов Н.Г. Слова из языков народов Якутии в русских текстах. – Якутск, 1984; и др.
6. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. – М., 1962.

**МИФОЛОГЕМА НЕФТИ В БАКИНСКОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АСПЕКТЕ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Ольга Вячеславовна Орлова

Томский государственный педагогический университет, Томск (Россия)

Аннотация: В статье выдвигается концепция Бакинского текста русской культуры как поэтического гипертекста, сформированного, в том числе, эстетическим осмыслением феномена нефти. На материале «бакинских стихов» русских поэтов доказывается, что парадигма воплощения мифологемы нефти в бакинском тексте развивается в сторону тех или иных форм новой религиозности и утверждения абсолютной человеческой воли. Во многом развитие данной линии интерпретации в русском поэтическом дискурсе в целом обусловлена уникальными социально-историческими обстоятельствами в которых формировался бакинский культурный топос в первой половине XX в.

Ключевые слова: Бакинский текст, мифологема нефти, межкультурное взаимодействие

**MYTHEME OF OIL IN THE BAKU TEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE IN ASPECT OF CROSS-
CULTURAL INTERACTION**

Concept of the Baku text of Russian culture as the poetic hypertext created by esthetic judgment of a phenomenon of oil is described in an article. It is proved on a material of «the Baku verses» of the Russian poets that the paradigm of an embodiment of mytheme of oil in the Baku text develops towards these or those forms of the new religiousness and the statement of the absolute human will. Development of this line of interpretation in Russian poetic discourse is caused as a whole by unique sociohistorical circumstances in which Baku cultural topos was formed in the first half of the XX century.

Keywords: Baku text, mytheme of oil, cross-cultural interaction

В истории русской словесности есть пример поистине уникальной социокультурной и лингвокультурной ситуации, в которой нефть стала не только причиной интенсивного экономического, а следовательно, и социокультурного подъема определенной территории, но и объяснимого исключительной комбинацией сложившихся объективных и субъективных обстоятельств факта формирования совершенно своеобразного текстового пространства межкультурного взаимодействия, а именно – Бакинского текста русской литературы.

Как писал в 1918 году английский журнал «Near East», «Баку – это величайший нефтяной центр мира. Если королева – нефть, то Баку – ее трон» (цит. по: [Султанов, 2004, с. 24]). Нефть становится причиной и стимулом не только экономического, но и культурного процветания, позволившего данной фронтальной территории, как Крыму, на многие годы стать местом «переплетения множества мощных историко-культурных парадигм». По словам Чингиза Гусейнова, писателя, профессора МГУ, «Баку – особый, ни на что не похожий сплав. Баку был городом нефти, питал ею всю Россию, а потом и СССР. Потому и сформировалось такое мощное, необычное явление» [Бакинский феномен, 2007].

Трагические события пореволюционного и послереволюционного времени стали причиной географических перемещений огромного количества соотечественников, в том числе – в Закавказье. Активная культурная жизнь столиц Закавказья уже в предреволюционный период дает основание называть происходившее здесь культурным возрождением. «Двигаясь на юг, ведущие представители русского символизма, акмеизма и кубо-футуризма (такие как Сергей Городецкий, Вячеслав Иванов, Василий Каменский, Алексей Крученых, Сергей Маковский, Осип Мандельштам, Сергей Судейкин и Максимилиан Волошин) продолжали печатать свои произведения, читать доклады, выступать, рисовать, полемизировать...», – пишет известный знаток русского искусства профессор Джон Боулт (Наш Баку: Сайт-энциклопедия. URL: <http://www.ourbaku.com>).

Вяч. Иванов в 1921 – 1924 гг был профессором Бакинского университета и называл этот университет «маленьким оазисом среди академических развалин нашей родины» [Лаппо-Данилевский, 1994, с. 402], «бакинские периоды» выделяются отдельной строкой в творчестве С. Есенина, В Хлебникова, а переехавший в 1920 г. в Баку из Тбилиси С. Городецкий создает здесь объединение «Цех поэтов».

В результате образуется уникальный фронтальный локус, в котором отмеченные разнообразными по времени возникновения, мировидческой, эстетической, этнической и религиозной направленности культурные потоки, создав неповторимое духовное и антропологическое единство, вступили в резонанс с социально-географически-экономико-политическим фактором нефти. «Реализуя стыковку различных национальных, социальных, стилевых кодов и текстов, город осуществляет разнообразные гибридизации, перекодировки, семиотические переводы, которые превращают его в мощный генератор новой информации» [Лотман, 1996, с. 282], и, безусловно, в случае Бакинского текста таким «стыковочным» кодом, цементирующим пространство вербально выраженной эстетической рефлексии о Баку, является образ нефти.

Если в общем контексте поэзии Серебряного века нефтяная тематика, в целом периферийная в общей содержательной топике литературы данного периода, в основном служит реализации идей технократии и технического утопизма, то в рамках Бакинского текста, в котором образ нефти обретает мощное солирующее звучание и получает более разнообразные и глубокие семантические аранжировки.

В уникальном средосплетении Бакинского текста, синтезировавшего революционные эстетическо-философские искания, геологические мифологические рефлексии и космогонические интуиции, образ нефти в творчестве мастеров поэтического слова стимулирует появление новой парарелигиозной концепции индустриального покорения новым человеком нефти как покорения мироздания.

Например, оригинальны ассоциативно-семантические и мифопоэтические решения образа нефтяного Баку в поэзии незаурядной писательницы и переводчицы, ученицы и возлюбленной лидера русского символизма Валерия Брюсова Аделины Адалис. «Особенно любила поэтесса столицу Азербайджана. Городу Баку она посвятила большие циклы стихотворений» [Хахам, 2007], написанных в 1930-х годах. В ее одноименном стихотворении Баку – гордое творение великого *неунывающего* народа, героически возведшего *заветный город на скорлупе, над самым адом, над нефтью, серой и смолой*.

Нефть для поэтессы – средоточие духовной силы города, но для нас значимо, что Адалис говорит о подлинной семантике слова *нефть* (*Пусть для кого-нибудь другого / Нефть значит только нефть... А я – / Я вкладываю в это слово / Глубинный смысл бытия...*). В органической гипотезе происхождения нефти поэтесса усматривает мудрые и предписанные природой мироздания при его зарождении в миллионах темных лет *превращения законы: Узорных папоротов чащи... / Рогатой птицы взгляд горящий / И тяжелых ящеров тоску, / Дым океанов, пламя суши...*

Сакральная мудрость и разумность природы заключается в ее устремленности из глубины тысячелетий к претворению доисторических тел и душ в нефть как сырье для существования современного человечества: *Горячей нефтью стали души*. Нефть представлена и как реальная субстанция, и, напомним, как слово, вместившее в себя души усопших миллионы лет назад, но своею жизнью и плотью теперь претворенные в нефть и горящие ради нового мира. Онтологический цикл и глубинный смысл витальности и бытия в том, что смерть в форме биологических останков претворяется в свет жизни (в контексте особенно знакова колористическая символика (*алый и зеленый*) и экспрессивный синтаксис) современного человечества: *Свет жизни алый и зеленый / В останках первобытных лет!*

Ассоциативная сцепка с хлебниковским идеалистическим представлением о нефтяном огне, который *кротким цветком выходит из земли, как бы прося и навязываясь приручить и сорвать его*, здесь очевидна.

Так Аделина Адалис представляет нам, пожалуй, самую гуманистическую и утопическую трактовку нефти для современного человечества. Процесс образования нефти, добычи и применения ее людьми в собственных утилитарных целях трактуется как смысложизненность дикости, тоскующей по цивилизации (*ящеров тоску*), одухотворение мироздания, укрощение звероподобного и первобытного: *Учились нам служить «горючим» / И страсть, и бешенство, и страх!*

Для Адалис, интерпретировавшей социальную и естественную историю в русле утопического материализма и антрополатрии, человек предстает как венец творения, исток всего осмысленного, гуманного, полезного и целесообразного, как герой, построивший нефтяной индустриальный Баку, укротивший и упорядочивший мрачный хаос первобытных недр: *Над укрощенной преисподней, / Над миром бури смоляной, / Стоит давно, стоит сегодня / Баку – жемчужный город мой.*

Гордый и сильный человек, покоривший своим творческим созидательным трудом построения города мечты (*жемчужный город*) саму преисподнюю (значим лексико-синтаксический повтор в начале и в конце стихотворения: *над самым адом, над укрощенной преисподней*), становится в результате высшим смыслом эволюционного тысячелетнего развития всей природы, а нефть – необходимым средством этого развития и миссионерским предназначением тех, кто претворился в нефть.

«В общем русле неомифологической устремленности символизма» [Даниелян, 2002, с. 51] и иных течений литературы Серебряного века и наследующей ей советской поэзии художники генерировали различные «нефтяные неомифы». Большинство этих мифов стимулированы, в числе прочего, эксцентричным, по классификации Ю.М. Лотмана [Лотман, 1996], характером бакинского топоса и бакинского текста и свойственным ему противостоянием природы и культуры, естественного и индустриального, натуры и цивилизации. Это противостояние – примета смысловой структуры произведений Бакинского текста, актуальная до сих пор: *Я, родом из города рыб, погибающих в нефти* – напишет в одноименном стихотворении родившаяся в Баку Инна Лиснянская в 2004 г. Здесь мы видим, как проблема природы и цивилизации преломилась в проблему экологическую, столь значимую для современного нефтяного контекста.

Из иных ведущих неомифологических мотивов, свойственных развитию темы нефти в бакинском тексте русской поэзии, выделим мотив персонификации нефти и отождествления ее с кровью социального самостояния и революции, мотив сакрализации нефти в ее противопоставленности традиционной религиозности, ницшеанский мотив демургического пересотворения новым человеком мироздания и природы в форме покорения стихии нефти. Безусловно, все эти сценарии имеют множество вариативных аранжировок в творчестве различных художников, творчестве, несущем неповторимый отпечаток «бакинского» взаимодействия различных культур и традиций.

Литература

1. Бакинский феномен // Лехаим. 2007. № 7. URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/183/mamedov.htm>
2. Даниелян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. Ереван: Лингва, 2002. 176 с.
3. Лаппо-Данилевский К.Ю. Вячеслав Иванов и Алексей Крученых в споре о Ницше и Достоевском // Cahiers du Monde russe. 1994. Vol. XXXV. P. 401 – 412.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.
5. Султанов Ч. Нашествие. Кн. 1. Баку, 2004. 596 с.
6. Хахам Д. Последняя любовь Брюсова, или Неизвестный роман Аделины Адалис. 2007. URL: <http://sites.google.com/site/davidkhakhamssite/>

КОСВЕННЫЙ СУБЪЕКТ В БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ

О.Е.Орлова

МГОУ, Москва (Россия)

Научный консультант – д.ф.н., профессор Лекант П.А.

Аннотация : В данной статье рассматриваются безличные предложения с модальным значением нежелательности действия с инфинитивным предикатом. Мы попытались доказать, что в подобных предложениях наличествует указание на субъект, являющийся производителем действия. Мы привели и систематизировали средства репрезентации субъекта. Основным средством являются местоимения.

Ключевые слова: безличность, модальность, субъект, валентность глагола, дательный субъекта, нежелательность действия, инфинитивный предикат.

INDIRECT SUBJECT WITH MODAL MEANING OF UNDESIRABILITY OF THE ACTION IN IMPERSONAL SENTENCES

Abstract: The article deals with impersonal sentences with modal meaning of undesirability of the action with the infinitive predicate. We tried to show that there is indication of the subject who does the actions in these sentences. We gave some examples and classified the meanings of the representation of the object. The main means are pronouns.

Keywords: impersonality, modality, the subject, the valency of the verb, the dative of the subject, undesirability of the action, infinitive predicate.

Вносить коррективы в общее значение внеличности в безличное предложение могут различные дополнения и обстоятельства, указывающие на косвенный субъект.

«Отнесённость высказывания к лицу может получить более или менее определённый характер, обусловленный соотношением грамматической формы главного члена и лексико-грамматического содержания второстепенных членов. Так, в предложениях любой структуры дополнения, выраженные личными местоимениями в дательном падеже или в других формах, обусловленных конструктивно, и имеющие значение косвенного потенциального субъекта, указывают своим лексико-морфологическим значением на отнесённость высказывания к определённому лицу». [Лекант 2004: 147].

Самым продуктивным способом указания на косвенного производителя действия является дательный субъекта.

«Дательный субъекта – самый яркий второстепенный член в структуре безличных предложений разных структурно-семантических групп. В безличных предложениях он выполняет структурную и семантическую функцию». [Бабайцева 2004: 188].

Дательный субъекта может указывать на то, что действие производит сам говорящий, либо на субъект, испытывающий действие: - *Ну, так вот-с, - Мальшев очень понизил голос, - понятно, что мне не хочется остаться в этом каменном мешке на подозрительную ночь и, чего доброго, угробить двести ребят, из которых сто двадцать даже не умеют стрелять!* (М.Булгаков); - *Разве тебе не хочется повидаться с ними?* (И.Гончаров); - *Пожалуй, Но если нам не хочется говорить о тряпках? Вы величаете себя свободным художником, зачем же вы посягаете на свободу других?* (И.Тургенев); *Чем утешать-то? Терпите, говорю. А - вижу: терпеть надоело всем. Надейтесь, говорю. А на что надеяться? Богом не утешаются. Тут ходит пекарь...* (М.Горький).

В случае употребления в роли «субъектного» дополнения существительного соответствующей формы высказывание следует относить к третьему лицу: *Не хочется Медведю умереть*. (И.Крылов); *Как мошки зарею, Крылатые звуки толпятся; С любимой мечтою Не хочется сердцу расстаться*.

В роли «субъектного» дополнения в дательном падеже может выступать и имя собственное: *Идти домой Ромашову не хотелось - там было жутко и скучно*. (А.Куприн); *Даврецкому не хотелось идти домой: он вышел из города в поле*. (И.Тургенев).

Наличие указания на косвенный субъект и объект одновременно в предложении напрямую связано с особенностью управления глаголов в форме инфинитива, с их валентностью.

Кроме одновалентных глаголов, в безличных предложениях с модальным значением нежелательности действия могут также наличествовать двухвалентные и трёхвалентные глаголы, что помогает конкретизировать более детально и чётко описываемое действие.

В предложениях с двухвалентными глаголами в составе главного члена дательный субъекта и объекта могут находиться одновременно: *А кажется, и придумано это им потому, что ему не хочется подчиняться ненавистному и младшему чином немицу Барклаю*. (Л.Толстой).

В предложениях с трёхвалентными глаголами наряду с дательным субъекта и дательным объекта может находиться также предложный объекта: *Хотя ему и не хотелось напоминать Ростовым о Болконском, но Пьер не мог воздержаться от желания порадовать их известием о награждении сына и, оставив у себя воззвание, афишу и другие приказы, с тем чтобы самому привезти их к обеду, послал печатный приказ и письмо к Ростовым*. (Л.Толстой).

Употребительным является также сочетание дательного субъекта с предложным и родительным объекта: *Ригорист был признанный атлет, но Дмитрию Сергеичу никак не хотелось оставить на себе того афронту, что не может побороть офицера; пять раз он схватывался с ним, и все пять раз офицер низлагал его, хотя не без труда*. (Н.Чернышевский).

Использование предложного объекта в безличных предложениях с модальным значением нежелательности действия возможно, но мало продуктивно: *Жена была знакомой троюю, по которой Петр, и ослепнув, прошел бы не споткнувшись; думать о ней не хотелось*. (М.Горький).

Продуктивным является функционирование модели безличных предложений с модальным значением нежелательности действия, в которой при безличном сказуемом с двухвалентным инфинитивом одновременно употребляется дательный субъекта и творительный объекта.

Дательный субъекта указывает на деятеля, творительный же объекта мотивирует валентность глагола: *Я понимаю, что вам не хочется сблизиться с этими офицерами*. (Л.Толстой); - *Спрячь меня куда-нибудь, - шептал голова. - Мне не хочется теперь встретиться с дьяком*. (Н.Гоголь); *Во-вторых, потому, что не хочется ей скоро расстаться с дочерью*. Главное же потому, что приличие того требует. (Л.Толстой); *Не зная еще хорошенько князя Гальцина, ему не хотелось изобличить перед ним свое знакомство с простым пехотным штабс-капитаном; он слегка поклонился ему*. (Л.Толстой); *Он чувствовал, что слезы приступали к его глазам, а ему не хотелось заплакать перед своим насмешливым другом*. (И.Тургенев); *На лето пятьдесят третьего года он не переехал в Кунцово: он остался в Москве, будто бы для того, чтобы пользоваться минеральными водами; в сущности, ему не хотелось расстаться с своею вдовой*. (И.Тургенев).

В исследуемых предложениях при главном члене с двухвалентным инфинитивом могут одновременно находиться дательный субъекта и родительный приглагольный прямого объекта при отрицании: *Самому же лаптишек не хочется сплести...* (И.Никитин); *Вот для этих-то вероятнейших шансов ему и не хотелось ослаблять ее*. (Н.Чернышевский); *Кирпичом поначищены ручки кают, И матросы все в белом сидят и поют, И будить мне не хочется брата*. (М.Кузмин). Также в подобных примерах может наличествовать не только родительный приглагольный прямого объекта при отрицании, но и родительный

приглагольный с предлогом: Ему даже отойти от них не хотелось, но он поднялся по лестнице и вошел в большую, высокую залу, и опять и тут везде, у окон, около растворенных дверей на террасу, на самой террасе, везде были цветы. (Ф.Достоевский); Мне от Попова слушать надоело – «Ровней держитесь, выпрямите грудь!»... (Д.Мережковский).

Двухвалентный инфинитив в составе главного члена безличных предложений с модальным значением нежелательности действия также может управлять одновременно дательным субъекта и винительным объекта: - Вот как приходится платить за ложь, - говорила она, - и больше я не хочу лгать. Я осталась бы у тебя и сейчас, но мне не хочется это делать таким образом. Я не хочу, чтобы у него навсегда осталось в памяти, что я убежала от него ночью. (М.Булгаков); - Дай! - сказал Раскольников. Ему не хотелось ее огорчить. (Ф.Достоевский); Он не находил, что и как надо сказать сыну, и ему решительно не хотелось бить Илью. (М.Горький); Наконец, пришла к нему женщина; он знал ее, знал до страдания; он всегда мог назвать ее и указать, - но странно, - у ней было теперь как будто совсем не такое лицо, какое он всегда знал, и ему мучительно не хотелось признать ее за ту женщину. (Ф.Достоевский).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в безличном предложении с модальным значением нежелательности действия с инфинитивным предикатом часто даётся прямое указание на то, что производит действие субъект.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. - М., 2004. - 512 с.
2. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и дополн. – М.: Высш.шк.2004. – 247с.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ БИОГРАФИЙ ПИСАТЕЛЕЙ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Г.А. Островская

ОИППО, Ивано-Франковск (Украина)

кандидат педагогических наук, доцент

Островская Г.А. Основные подходы к изучению биографий писателей в подготовке учителей литературы. В статье рассматриваются составные системы подготовки будущего учителя литературы: принципы, подходы (компетентностный, социокультурный, экзистенциальный, аксиологический).

Ключевые слова: система обучения студентов, принципы, подходы, изучение биографии писателя.

Ostrovskaya H. The main approaches in studying writers' biographies while training teachers of literature. The article has grounded theoretically components of the system of future teachers of literature' training: principles, approaches (competent, socio-cultural, existential, axiological). Key words: the system of training of students, the principles, approaches, the study of the biography of the writer.

Основой изучения истории жизни и деятельности писателя считается биографический метод, объектом исследования которого выступает биография человека. В комментариях XIV –XV веков к поэзии “Paraclytus” Варнерия с Базеля (1118 г.) ведомости об авторе обозначены как «причина следствия» [4, с. 249]. Биографические источники позволяют проанализировать роль личности в общественных событиях и ее отношение к ним (дневники, письма, документы, статьи, воспоминания современников, автобиографические сочинения, частично авторские произведения и др.). Это еще раз убеждает в актуальности серьезной подготовки будущих учителей к изучению биографии писателя, в необходимости исследования источников его мировоззрения для понимания творческих замыслов и изучаемого произведения.

Методам и приемам изучения биографии писателя посвящены исследования ученых прошлого и современности (Т. Браже, В. Дробота, Н. Волошиной, Л. Мирошниченко, Ю. Михайловой, Е. Пасичныка, О. Радионовой и других). Большинство исследований нацелены на методику обучения в школе. Меньше уделено внимания формированию необходимых умений у студентов. Цель статьи – раскрыть основные подходы к формированию готовности будущих учителей литературы к изучению с учениками истории жизни и деятельности писателя.

Готовность к изучению биографии писателя – это способность студента-выпускника решать учебно-воспитательные задания с использованием фактов жизни и деятельности мастеров художественного слова. Система подготовки будущих учителей литературы к изучению с учениками биографии писателя в общеобразовательной школе строится на принципах научности, системности, диалогичности, интеграции знаний, активной познавательной и практической деятельности студентов. Обращение к биографической информации предполагает реализацию компетентностного, социокультурного, экзистенциального, аксиологического подходов.

Компетентностный подход к подготовке студентов заключается в том, что содержание их обучения строится на основе направленности учебного процесса на формирование набора компетенций, необходимых для полноценной профессиональной деятельности (через личную активную и эффективную учебную деятельность, творчество, собственный опыт, критическое мышление, самоанализ). Базовыми выступают такие компетентности, как читательская, коммуникативная, интерпретационная, информационная, управленческая. В работе педагогов-филологов они выступают в неразрывной взаимосвязи. Поэтому важно, чтобы учебный процесс был открытой педагогической системой, в которой будущие учителя выступали б как соавторы, исполнители и эксперты результативности своей работы.

Социокультурный подход предполагает внимание к личности как представителю конкретного общества, который освоил его культурный код. П. Сорокин в своем исследовании «Общество, культура и личность: их структуры и динамика» соединил эти категории в триаду за принципом возрастания взаимодействия

(индивидуальное – общество: совокупность и взаимодействие индивидуумов – культура: совокупность ценностей носителей опыта [5, с. 4] Цель подхода – показать культурный код личности писателя, представителя иноязычной культуры, вступить с ней в диалог, усовершенствовать культуру участников учебного процесса, учебную атмосферу. Преподаватель подводит студентов к пониманию ценностей культуры, приемов их усвоения через диалогичность обучения. Подход предполагает изучение и оценку фактов биографии и художественных текстов как мыслительной и речевой деятельности её носителей. Поэтому у студентов необходимо формировать умения использования историко-культурологического контекста при изучении биографии писателя и подготовке урока в общеобразовательной школе, способности «услышать в тексте «чужой голос» – голос культуры...», «образного восприятия слова через осознание его духовных смыслов и оттенков» [3, с. 428]. Еще М. Бубер писал: «Мы приблизимся к ответу на вопрос, что есть человек, после того, как научимся видеть в нем существо, в чьей динамической природе и органической способности быть вдвоем совершается и опознается встреча Одного и Другого» [2, с. 142]. Эффективность культурологического подхода в подготовке студентов обеспечат принципы диалогичности, мировоззренческого плюрализма, компаративности. Диалог требует поиска связи между эпохой, типом культуры, способом мышления ее представителя, знаний контекстов разного уровня (социально-исторического, национального, биографического, творческого). Интеграция знаний во время аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов выстраивает систему «человек – общество – природа – мир», где четко прослеживается принадлежность каждого (независимо от национальной культуры) к единому жизненному пространству (целостная картина мира), общечеловеческому культурно-эстетическому опыту.

Экзистенциальный подход [7] к изучению жизнедеятельности писателя предполагает внимание к таким этапам:

1. Ощущение человеком своего присутствия и одиночества в этом мире. (Внимания заслуживают такие вопросы, как составные защищенности человека (происхождение, семья, экономическое положение, друзья и т.д.), идентификация себя и своего места в обществе; способности, самооценка своей жизни, неразделенные радости и горечи...).

2. Этап критической ситуации, переломный момент конфликта с миром и поиска собственных жизненных ценностей. (Предполагает нахождение критических ситуаций в жизни писателя, которые стали судьбоносными, подтолкнули к новому поступку, выбору.)

3. Этап сознательного следования выбранным ценностям. (Личность не только выстраивает свою систему мировосприятия, а и свой образ, стиль жизни, поэтому факты биографии позволяют выстроить систему ценностей писателя и спроектировать ее на творчество.)

Аксиологический подход к изучению жизнедеятельности писателя предполагает внимание к ценностям не только эпохи, но и личности. Каждый писатель выстраивает свой жизненный путь, определяет цель и содержание своей деятельности, видоизменяя свое жизненное пространство. Известный биограф *А. Морья писал*: «Читайте Гомера, читайте Платона, читайте Монтеня, хоть их моральные нормы не совсем совпадают с нашими, т.к. верования и традиции изменились, но вы увидите, что они прославляют те же достоинства: мужество, верность, честность – и презируют те же недостатки: трусость, развращенность, безответственность. Почему? Потому, что эти добродетели есть необходимыми условиями каждой цивилизации» [6, с.176]. Аксиологический подход предполагает исследование писательских биографий «с позиции мировоззренческих ориентиров, порывов, идеалов, духа народа, нации» [1, с. 124], направленности личностных потребностей и желаний на писательский жизненный выбор, гуманистическое содержание творчества. Ориентиром для подготовки уроков в школе станут высокая гражданская и духовная позиция классиков мировой литературы.

Таким образом, система подходов к изучению истории жизнедеятельности писателя в комплексе с внутренней мотивацией студентов, их активной познавательной деятельностью, эффективными методами и приемами усвоения знаний и формирования практических навыков работы с биографиями писателей, постоянной рефлексией своих достижений – научная основа не только формирования профессиональной компетентности

будущего учителя литературы, углубления его читательского восприятия, но и повышения уровня образовательных услуг в общеобразовательных школах.

Литература

1. Бех І.М. Духовні цінності в розвитку особистості / І.М. Бех// Педагогіка і психологія. – 1997. – № 1. – С.124-129.
2. Бубер М. Проблема человека /М. Бубер – М: ИНИОН, 1992. – 146 с.
3. Бурвинкова Н.Д., Костомаров В.Г. Единицы лингвокультурного пространства (в аспекте толерантности) // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – М.: ОЛМА ПРЕСС, 2005. – 542 с.
4. Курціус Ернест Роберт. Європейська література і латинське середньовіччя / Переклав з нім. Анатолій Онишко. – Львів: Літопис, 2007. – 752 с.
5. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социентально-функциональные структуры // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3–12.
6. Моруа А. Мистецтво і життя: зб./ Упоряд., вступ. стаття, приміт., імен. покажчик і пер. з фр. І.М. Овруцької. – К.: Мистецтво, 1990. – 360 с. (Пам'ятки естет. думки)
7. Токмань Г. Методика викладання української літератури в старшій школі: екзистенціально-діалогічна концепція / Ганна Токмань. – К.: Міленіум, 2002. – 320 с.

«ЛЕСНАЯ СКАЗКА» В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА КУПРИНА И КАЗИМЕЖА ТЕТМАЙЕРА»

Вера Оцхели (Грузия, Кутаиси, Университет Акакия Церетели)

Аннотация : В статье рассматриваются два произведения – повесть А. Куприна «Олеся» и повесть польского писателя К. Тетмайера «Бездна». Отмечается сюжетное сходство названных произведений, близость центральных персонажей, что дает возможность назвать как повесть Тетмайера, так и повесть Куприна, «Лесной сказкой». В статье подчеркивается принадлежность творчества Куприна к реализму, а Тетмайера к модернизму. Отсюда и различие в поведении центральных героев, в тональности испытываемых ими чувств. Опираясь на проведенное сопоставление делается вывод, что между указанными произведениями кроме типологической связи прослеживается и контактно-генетическая связь.

Ключевые слова: Олеся, бездна, типология, генетика, связь, концепция, стиль

"THE FOREST FAIRY TALE" IN ALEXANDER KUPRIN'S CREATIVITY

AND

KAZIMEZHA TETMAYERA

Summary : In article two works – A.Kuprin's story "Olesya" and the story of the Polish writer K.Tetmayera "Chasm" are considered. Subject similarity of the called works, proximity of the central characters that gives the chance to call and Teimayer's story, as well as Kuprin's story "Forest fairy tale" is noted. In article belonging of creativity of Kuprin to realism, and Tetmayera to a modernism is emphasized. From here and distinction in behavior of the central heroes, in a tonality of feelings had by them. Relying on the carried-out comparison the conclusion is drawn that between the specified works is traced as typological communication, and kontakt – genetic.

Keywords: Olesya, chasm, typology, communication, genetics, proximity, concept, person

Повесть «Олеся»(1898), которую в литературной критике часто называют «лесной сказкой», является одним из лучших произведений Александра Куприна(1870-1938) 90-х годов. Поначалу автор предполагал включить ее в цикл «Полесских рассказов», толчком, к написанию которых, было непосредственное знакомство писателя с изумительной природой полесского края и драматической судьбой его жителей. (В способности Куприна с благоговейной и спокойной любовью изобразить природу Полесья: сосновые леса, песчаные бугры, мшистые болота, проявилась вся сила его таланта). Однако, в ходе работы повесть «Олеся» переросла первоначальный замысел. По идейной насыщенности, глубине образов, поэтической настроенности она уже не укладывалась в рамки рассказов об одном из живописных уголков России, и Куприн выделил ее в самостоятельное произведение.

В основе повести – история любви полесской «колдуньи» Олеси, девушки, выросшей вне общества и цивилизации, и начинающего писателя Ивана Тимофеевича, которого «Судьба забросила(...) на целых шесть месяцев в глухую деревушку Волынской губернии, на окраину Полесья»[1;120]. Вступительная часть повести носит фактический характер, в которой автобиографичность центрального персонажа не вызывает сомнений. Известно, что в 1897 году Куприн служил в Ровенском уезде Волынской губернии управляющим имением. Как начинающий писатель, он с интересом изучал нравы местных крестьян, которые впоследствии отразил в рассказах цикла, описав темноту жителей края, следы польского владычества в манере их поведения и др. Все это составило живой и красочный фон, на котором развернется поэтическая история любви полесской красавицы и городского интеллигента.

Тема «Олеси» является одной из ведущих в литературном наследии автора «Гранатового браслета». Это - тема любви. Она была заветной темой в творчестве Куприна, «Он прикасался к ней, - как отмечал Константин Паустовский, - целомудренно, благоговейно и нервно»[2; 89]. У Куприна много рассказов о любви и каждый из них имеет свой аспект, свое «благоухание». Не случайно польский исследователь творчества писателя выделяет в его

произведениях своеобразную парадигму любви, «[...]нашедшую воплощение в образах Эроса, Амура и Купидона. При этом Эрос символизирует всепобеждающее чувство любви, ярче всего представленное в «Суламифи» и «Гранатовом браслете». Амур связан с понятиями L'amour, amore, и соотносится с взаимоотношениями, которые в художественном мире Куприна обречены на трагедию («Аль-Исса», «Олеся»). Купидон же символизирует наиболее приземленный, примитивный тип любовных отношений («Негласная ревизия», «Наталья Давыдовна», «Марианна», «Морская болезнь»)[3;112]. Если следовать обозначенной парадигме, то становится ясно, что любовь Олеси и Ивана Тимофеевича заведомо обречена.

В «Олесе» Куприн развивает романтическую тему «естественного человека», показывает ценность чувств не искаженных современным обществом, изображает любовь как вечное, светлое чувство, способное возвысить душу любящего человека. Тема «естественного человека» не была новой для русской литературы. Образ Олеси, выступающий олицетворением естественного чувства, стоит в одном ряду с уже имеющимися в литературе женскими образами, также выросшими в природных условиях, не испорченными влиянием городской цивилизации, духовно независимыми. Это - Бэла в романе М.Лермонтова «Герой нашего времени», Марианна - в повести Л.Толстого «Казачьи сыновья». Их объединяет цельность характера, ясность ума, нравственная чистота, внутренняя свобода. Они способны на сильное чувство, самоотверженные поступки, но любовь к человеку другой среды – представителю светского общества, как в случае с Бэлой и Марианной, или городскому интеллигенту, как в случае с Олесей, к сожалению, оборачивается для них бедой.

Также как Лермонтов и Толстой, Куприн сталкивает в своей повести две разные натуры, два разных мировоззрения. Олеся – дитя природы, она хранит в себе ее своеобразие, загадки и таинства, ее первобытность и цельность. Иван Тимофеевич, по-своему, человек, хотя и добрый, но слабый. «Доброта ваша, - говорит ему, гадая Олеся, - не хорошая, не сердечная. Слово вы своему не господин. Над людьми любите верх брать, а сами им хотя и не хотите, но подчиняетесь (...)»[Т.2,273]. Именно эти его качества дали повод Ю.В.Бабичевой, исследователю творчества Куприна, сделать справедливый, на наш взгляд, вывод о том, что герой «Олеси» «Это все та же разновидность русского «лишнего человека», с его ленивым сердцем и безволием»[4;3].

Но, несмотря на трагический финал повести, в ней с удивительной вдохновенностью и целомудренной нежностью показано слияние двух сердец, изображено, хотя и кратковременное, но счастье взаимной любви. Тема разделенной любви сменяется в финале темой недостижимости счастья.

Произведения Куприна уже в начале XX века стали переводиться на многие иностранные языки (финский, чешский, польский). В Польше на рубеже XIX и XX веков он был одним из наиболее читаемых русских писателей. По популярности Куприн соперничал там с «буревестником революции» Максимом Горьким, самым переводимым на польский язык зарубежным автором в тот период.

Первым произведением Куприна, переведенным на польский язык, стал роман «Поединок». Его публикация в польском переводе состоялась в 1905 году в петербургском журнале «Край», а в 1906 году почти одновременно он был опубликован в Варшаве и Львове. Повесть «Олеся» появилась в Польше в 1907 году и сразу завоевала сердца читателей. Она пользовалась огромной популярностью: неоднократно печаталась в разных переводах и разных периодических изданиях. Можно говорить о том, что она была в то время одним из наиболее читаемых произведений Куприна[5;156].

Мы ставим перед собой цель сопоставить повесть Куприна «Олеся» с повестью польского писателя Казимежа Тетмайера(1865-1940) «Бездна»(1900), которую также как повесть русского писателя, можно назвать «лесной сказкой». Основание этому - сюжетное сходство названных произведений, значительная близость центральных персонажей и сопричастность изображаемого материала автору. Прослеживаемое сходство могло быть результатом как типологической близости, возникшей независимо, самостоятельно, так и следствием контактно-генетической связи, появившейся вследствие знакомства Тетмайера с повестью Куприна «Олеся» (1898), написанной, как видим, раньше повести «Бездна»(1900) (как известно, при компаративном сопоставлении время написания сопоставляемых произведений очень важно).

К. Тетмайер, автор повести «Бездна», был одним из популярных в Польше писателей рубежа XIX и XX веков. В 90-е годы под скромным названием «Стихи» («Poezje») он издал несколько поэтических сборников, которые завоевали ему широкое признание публики и принесли шумную славу. Это были стихи, окрашенные дымкой меланхолии, подчиненные смене настроений автора, отражающие ритм его души, удивительную способность восприятия природы, пейзажа. Музыкальность таких стихов, как «Мелодия ночных туманов», «К вечерне бьют колокола», покоряла, захватывала читателя. Поэт мечется, он, то с презрением отворачивается от окружающего мира, обращаясь к идеалам «чистого искусства», то доказывает обязанность искусства служить людям. Этот внутренний накал, эмоциональная приподнятость в сочетании с передачей нюансов настроения составляли притягательную силу тетмайеровского стиха. Литературная манера писателя, тональность его произведений, внешний облик, стиль поведения, «короля польских модернистов», как называл его историк польской литературы А.И.Яцимирский, были предметом подражания для многих.

Мотивы, свойственные поэзии, пронизывали и прозу Тетмайера, которая с конца 90-х годов занимает все большее место в его творчестве. Популярность поэта определила успех и его прозаических произведений. В 900-е годы Тетмайер создает ряд повестей и романов, которые по своей стилистической направленности близки его поэзии – это «Ангел смерти» («Aniol smierci»)(1898), «Бездна» («Otchlan»)(1900), «Панна Мери» («Panna Meri»)(1901), «Гибель» («Zatrascenie»)(1905). В них, в основном, присутствуют обычные в декадентских кругах темы и образы: культ гения, утонченных наслаждений, эротические мотивы, мотивы надломленности, трепет перед непостижимостью, тяготение к смерти, эстетствующий индивидуализм и др. Лучшее прозаическое произведение Тетмайера будет написано позже, когда пройдет пора его бурной славы, как поэта. Это роман «Легенда Татр», состоящий из двух частей – «Марина из Грубого» и «Яносик Нендза Литмановский». Он посвящен богатой событиями эпохе в истории польского народа – 50-м годам XVII века, времени грандиозной освободительной войны Украины и Белоруссии против гнета Польского государства, времени антифеодальных восстаний в польских землях, времени шведской оккупации, грозившей уничтожить независимость Польши.

Повесть «Бездна»(1900) выделяется среди произведений Тетмайера, в которых декадентские темы и образы играют ведущую роль. В ее центре – любовь «лесной» девы Мирты, живущей вдалеке от цивилизации, не испытавшей ее воздействия, и городского интеллигента, инженера, который строит мост над бездной, прокладывая путь из лесной глуши. Образ «естественного человека» не был чужд польской литературе – это Марыля в поэме А.Мицкевича «Пан Тадеуш», Анелька в романе Г.Сенкевича «Семья Поланецких» и др. Однако и Марыля и Анелька, хотя и живут вдалеке от цивилизации, но причастны к ней (умеют и любят читать, знают иностранные языки и др.). Можно, таким образом, говорить о том, что Тетмайер при создании образа Мирты мог опираться, как на традиции отечественной литературы, так и русской, родственной славянской литературы.

Также как в повести Куприна, природа в повести польского писателя играет особую роль, что также не случайно и связано с биографией писателя.

Тетмайер родился в предгорье Татр – наиболее высокого хребта польских Карпат. Там прошла юность писателя, в дальнейшем он подолгу жил в Подгалье, прекрасно знал каждый его уголок, любил этот край, его суровую и величественную природу. Горы и долины, скалы и поляны, вихри и снега, реки и водопады были для него неиссякаемым источником вдохновения. Неудивительно, что тема Подгалья, начиная с ранних поэтических опытов, занимает центральное место в творчестве Тетмайера. Займет она значительное место и в прозе писателя - повести «Бездна», а впоследствии, с особой силой, прозвучит в романе «Легенда Татр».

В повести «Бездна», также как в повести «Олесь», природа с ее красотой и очарованием определяет весь колорит повествования: на фоне волшебной красоты леса, цветов, запахов травы расцветает любовь между красавицей Миртой и инженером. И, также как в повести русского писателя, с ней, неразрывно связана авторская концепция человека. Образ Мирты, также как Олеси, опозитизирован, органично связан с природой. Если имя *Олеси*, вызывают у читателя ассоциацию с лесом, то имя *Мирты* с бором. Первое появление Олеси, неожиданно вышедшей из леса с голодными птенчиками в руках, похоже на появление лесной феи: «рослая смеющаяся

девушка... бережно поддерживала полосатый передник, из которого выглядывали три крошечных птичьих головки с красными шейками и черными блестящими глазенками. – Смотри, бабушка, зяблики опять за мною увязались» [1.2640]. Сродни этой сцене и первое появление Мирты с соколом на руке, вышедшей из зарослей кустарников за маленькой козочкой и лающей собакой. Автор-рассказчик называет ее «лесной феей», «колдуньей», неожиданно явившимся «чудом».

В обоих произведениях прошлое героинь покрыто мраком. Об Олесе мы знаем только то, что она сирота и живет с бабушкой, с которой ей пришлось пережить немало трудностей, о Мирте – что она вышла замуж за пожилого и богатого человека, который относится к ней как к дочери (кстати, муж в повести не появляется).

Для проведения дальнейшего сопоставления произведений польского и русского писателей необходимо учитывать различие в их стилевой ориентации. Куприн был представителем реализма, Тетмайер – модернизма. Отсюда различие в поведении центральных персонажей, тональности взаимоотношений и оттенков, испытываемых героями чувств.

Иван Тимофеевич - манерой поведения, образом мышления соответствует, что уже отмечалось выше, широко известному в русской реалистической литературе образу «лишнего человека», для которого по определению А.Добролюбова, была характерна тяга к литературной работе, идиллическому образу жизни на лоне природы, неспособность глубоко любить [6;243]. Герой Куприна практически во всем соответствует этой характеристике: он – начинающий писатель, живет на момент повествования в живописном Полесье и, если говорить откровенно, при всей его привязанности к Олесе, не способен на глубокое чувство. Пусть и с болью в сердце, но он отпускает ее, так как не готов перешагнуть через условности своей среды и сделать Олесю, несмотря на предложение, действительно своей женой.

В повести Тетмайера и герой-рассказчик (повествование ведется от первого лица и имя рассказчика не указано), и его возлюбленная - по всем признакам соответствует образу «сверхчеловека», столь распространенному в польской литературе декаданса (романы и пьесы Станислава Пшибышевского). Для такого типа характерна любовная одержимость, раскрывающая власть инстинктов, непреодолимая трагичность, толкающая на преступления против морали и гуманности. Полюбив «лесную деву», герой Тетмайера поначалу, также как герой Куприна, мечтает сделать ее своей женой, увезти из лесной глуши. Даже после того, как он узнает, что Мирта замужем, его намерения не меняются. Но тут он сталкивается с непреодолимым препятствием: Мирта сама не хочет уезжать из мест, которые ей бесконечно дороги и где она чувствует себя спокойно и уверенно. Не хочет она расставаться и с мужем, который заботится о ней с отцовской нежностью и к которому она привязана как дочь.

Таким образом, конфликт, в произведениях польского и русского писателей, имеет разный характер. Если в «Олесе» на передний план выдвигается сословная причина – Олесь и Иван Тимофеевич принадлежат к разным социальным и общественно-культурным слоям, то в повести польского писателя конфликт перенесен в нравственно-психологическую плоскость. Если Олесь отказывается ехать за своим возлюбленным, потому что учитывает разницу в их положении и не желает причинить ему вреда, то Мирта, жена состоятельного государственного чиновника, не хочет лишать себя привычной и обеспеченной жизни в богатом доме мужа. Олесь жертвует собой и своей любовью, Мирта, наоборот, требует жертвы от любящего ее мужчины: она требует, чтобы он отказался от своей работы, которая для него важна, и остался с ней, навсегда, в лесной глуши.

Мирта не хочет терять своего возлюбленного, свою первую страстную любовь и делает все, чтобы удержать его около себя. Она использует для этого свою способность к колдовству: вызывает молнии и громы, ветер и ураган. Таким образом, при всей схожести образов Олеси и Мирты, между ними существует значительная разница. Так, если Олесь растворяется в любви, жертвует собой во имя возлюбленного, то Мирта не способна на самоотдачу. Она эгоистична и в любви не бескорытна: взамен своей любви Мирта требует от возлюбленного полного подчинения и отказа от собственных интересов, т.е. всего, что не связано с ней. У нас все основания говорить о том, что героиню характеризуют черты, свойственные героям ницшеанского типа.

Соответствует героине и герой повести. Чувствуя неспособность преодолеть свою страсть к возлюбленной и, одновременно, невозможность принять ее предложение, то есть отказаться от работы, карьеры и, оставив все, остаться с ней в «лесной сказке», он идет на крайнюю меру. Понимая, что только смерть может их разлучить, он идет на преступление - сбрасывает Мирту в бездну и торжествует свою победу над собственной страстью. Только вперед и вперед! Призывает он. Только к победе. Этот, характерный для модернистов «танец любви и смерти», мы наблюдаем в финале повести Тетмайера.

Можно говорить о том, что повесть польского писателя, хотя и близка в своей основе рассказу Куприна, но создана она в ином стилизовом ключе, что сказалось на сути конфликта, чертах главных героев и финале произведения. Проведенное сопоставление дает основание говорить как о типологической близости, так и контактно-генетической зависимости произведений польского и русского писателей.

Литература:

1. **Куприн А.И.** Олеся.// А.И.Куприн. Собр. соч. в 6-ти тт. Т.2, М., 1957. С. 249
2. **Паустовский К.** Поток жизни// А.И.Куприн. Собр. соч. в 6-ти тт. Т.2, М., 1957. С.25
3. **Danuta Szymonik.** Эрос, Купидон, Амур. Об одном польском издании рассказов Александра Куприна.// Poska – Rosja: dialog kultur. Warszawa, 2012. S. 231-232.
4. **Бабичева Ю.В.** Александр Куприн //История русской литературы в 4-х тт. Т., Ленинград, 1983. С.376.
5. **Sielicki F.** Kuprin w Polsce (1905-1939). // Z polskich studiow slawistycznych, t. 2, ser. 4. Nauka o literaturze. Warszawa, 1972. S. 1
6. **Добролюбов Н. А.** Что такое обломовщина? // Н.А.Добролюбов. Избранное. М., 1985

ТЕРМИН «РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК» В НАУЧНОМ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОМ ОБИХОДЕ

А.Е.Павленко

Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог (Россия)

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств закрепляет в официально-административном обиходе термины «региональный язык» и «язык меньшинства». Правда, они парадоксальным образом объединены в этом документе в один сложный термин, подразумевающий возможность выбора. Что касается термина «региональный язык», то, благодаря расплывчатым формулировкам Хартии, он перешел из понятийного аппарата социолингвистики в обиход политики и администрирования, где получил максимально широкое толкование.

Ключевые слова: «региональный язык», «язык меньшинства», политика языковая, Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств

‘REGIONAL LANGUAGE’ AS A SOCIOLINGUISTIC AND POLITICAL TERM

The European Charter for Regional or Minority Languages is the first all-European document, which establishes the use of the terms "regional language" and "minority-language" in legal and administrative sphere. However, paradoxically, they are combined in this document in a complex term – "regional or minority language." Because of the deliberately ambiguous wording resorted to by the authors of the Charter the term "regional language" has already received the broadest interpretation possible and moved from the conceptual apparatus of sociolinguistics into that of politics and administration.

Key words: regional language; minority language; language policy; European Charter for Regional or Minority Languages

Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств закрепила в административно-правовом обиходе термины «региональный язык» и «язык меньшинства». Правда, они парадоксальным образом объединены в этом документе в один сложный термин, подразумевающий возможность выбора и заменивший повсеместно в тексте Хартии термин «менее используемый язык» [см. 1, 9-10]. Разграничение между «региональными языками» и «языками меньшинств» в тексте намеренно не проводится, что вполне предсказуемо породило ситуацию, когда любое государство, этническая группа или партия может использовать эти термины, руководствуясь соображениями собственной политической выгоды. Такая ситуация породила определенные противоречия в функционировании данных терминов в научной и административной сферах.

С одной стороны, ряд социолингвистов уже довольно давно четко их разграничивает, соотнося с конкретными типами идиомов. В тоже время, в политической и административно-правовой сферах их начали использовать вовсе не как строгие научные термины, а как своего рода ярлыки или маркеры, произвольно присваиваемые тем или иным идиомам. В последние годы этот второй подход в силу объективных причин стал преобладающим, существенно потеснив первый.

Необходимость в четком разграничении дополнительных языков (т.е. языков, используемых в обществе наряду с языком доминирующим), имеющих различный социолингвистический статус, осознавалась специалистами давно. С точки зрения понятийного аппарата социолингвистики было вполне оправданным желание исследователей разграничить идиомы, получившие наименование региональных языков и языков меньшинств (иначе «миноритарных языков»), поскольку эти термины очень удачно описывали реально существующие различные классификационные типы.

Так, термин «язык меньшинства» или «миноритарный язык» четко указывает на тот факт, что языковой коллектив, использующий данный идиом – это национальное или этническое меньшинство. В тоже время главной отличительной особенностью региональных языков является то, что коллективы их носителей меньшинствами признать нельзя [2, 93]. При этом следует отметить, что «нацменьшинство» понятие не столько демографическое, сколько политическое, и существует ряд примеров численного превосходства меньшинства над доминирующей группой.

Классификация собственно миноритарных языков, бытующих в странах современной Европы, в общих чертах может быть представлена в следующем виде:

- языки нацменьшинств, не имеющих своих национальных или этнических государств и проживающих в различных странах Европы (напр., баскский язык в Испании и во Франции или русинский язык в Словакии, Польше, Сербии и на Украине);
- языки этносов, являющихся в одних государствах национальными меньшинствами, а в других (часто имеющих общую границу с первыми) составляют большинство населения и являются «титულიной» нацией (напр., русский язык в государствах Балтии, немецкий язык в Польше и Чехии и др.);
- языки этнических диаспор, не соотносимых с определенной территорией расселения (в современной Европе к таким языкам относятся, например, цыганский и вымирающий идиш);
- «малые» языки, имеющие небольшие коллективы носителей и распространенные в пределах одного или нескольких населенных пунктов (напр., караимский язык в г. Тракай в Литве).

Наряду с определением миноритарного языка в социолингвистике начало складываться и единое представление о том, что собой представляют региональные языки. Ряд исследователей выделяет их в самостоятельную группу, объединяемую рядом общих характеристик [2; 3 и др.]. Перечислим важнейшие из них:

1. Прежде всего эти идиомы характеризует близкое родство с языком, доминирующим в данном государственном образовании, в силу чего их зачастую воспринимают как территориальные диалекты соответствующих доминирующих языков.
2. Обычно такие языки длительное время сосуществуют (часто в рамках одного государственного образования) с соответствующими доминирующими языками.
3. Населению регионов, в которых распространены подобные идиомы, часто бывает присуще высокоразвитое региональное и/или этническое самосознание при недостаточно сформированном национальном самосознании.
4. Таким идиомам присуща развитая территориальная вариативность. Обычно они существуют в виде нескольких диалектных групп.
5. Региональные языки либо совсем не подвергались нормализации, либо она не была завершена. В силу этого они не имеют литературного стандарта в общепринятом смысле этого термина.
6. Как правило, региональные языки имеют авторитетную литературную традицию, которая продолжает развиваться и в наши дни. Иногда она рассматривается как составная часть литературной традиции, сложившейся на основе близкородственного доминирующего языка.
7. Обычно общественный престиж таких идиомов сравнительно низок, и их носители хорошо сознают все преимущества владения доминирующими национальными языками.
8. Языковая политика, осуществляемая в отношении таких идиомов, в силу «размытости» статуса последних, часто отличается вялостью и непоследовательностью.
9. Обычно коллектив носителей регионального языка не воспринимает себя как нацменьшинство, а отождествляет себя с большинством населения данного государства [см., 3, 165-6].

Очевидно, что перечисленные параметры, лежащие в основе понятия «региональный язык», максимально сужают и конкретизируют его. В соответствии с перечисленными признаками, в настоящее время в современной Европе к региональным языкам можно отнести такие идиомы, как нижненемецкий в Германии, скотс в Шотландии,

окситанский во Франции, астурийский в Испании, жемайтский в Литве, латгальский в Латвии, вырусский в Эстонии, кашубский в Польше, прекурско-словенский в Словении и ряд других.

Возвращаясь к современному функционированию термина «региональный язык», можно констатировать, что благодаря расплывчатым формулировкам Хартии он уже получил максимально широкое толкование и из понятийного аппарата социолингвистики, где, как показано выше, он был весьма востребован, переключался в обиход политики и администрирования. Прикладной аспект проблемы возобладал в данном случае над теоретическим. Типичный пример такого развития демонстрирует Украина, где высокоразвитый иносударственный русский язык (т.е. язык, являющийся государственным в других странах, напр. в России и Белоруссии) попал в разряд региональных на востоке и юге страны. Тем самым он был уподоблен скотс, нижненемецкому, окситанскому и другим «малым» языкам с неполным набором общественных функций и недоразвившейся нормой.

Описанная ситуация с употреблением термина «региональный язык» уже получила закрепление в терминологических словарях [ср. 4; 5; 6]. Есть, правда, и словари, в которых определение термина «региональный язык», имеет более цельный характер, с точки зрения социолингвистики. Например, Н.Б. Боева-Омелечко характеризует данный тип идиома в своем «Кратком толковом словаре социолингвистических терминов» как «... 1) языки наций и других крупных этнических общностей, имеющих литературную форму; 2) бесписьменные языки крупных народностей. В однонациональном государстве региональный язык может быть представлен наддиалектным койне ... типа нижненемецкого в Германии» [см. 7].

Можно констатировать, что политики, так сказать, освоили рассматриваемый нами термин, максимально расширив его применение и семантику – например, язык меньшинства в ряде случаев может теперь параллельно именоваться региональным языком. Лингвистам же пришлось покорно закрепить это преобразование в отраслевых словарях.

Литература

1. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств (и пояснительный доклад). Серия «Европейские договоры», № 148. Декабрь 2009. – Издательство Совета Европы. – 2009. – 48 с. http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/textcharter/Charter/Charterexpl_rus.pdf.
2. Павленко 2003 – Павленко А.Е. Региональный язык и его статус (на материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – СПб.: «Наука». – 2003. – 243 с.
3. Wicherkiewicz 2005 – Wicherkiewicz T. Kashubian as a regional language // Eds. J.M.Kirk and D.P.Ó Baoill. – Legislation, Literature and Sociolinguistics: Northern Ireland, the Republic of Ireland, and Scotland. 4th Language & Politics Symposium. September 2004. – Queen's University Belfast. – Belfast Studies in Language, Culture and Politics., No. 13. – Belfast: Cló Ollscoil na Banríona. – 2005. – p. 163-172.
4. Жеребило 2012 – Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика: Словарь-справочник. - Назрань: «Пилигрим». - 2012. – 280 с.
5. Панькин и др. 2011 – Панькин В.М., Филиппов А.В. Языковые контакты: краткий словарь. – М.: «Флинта», «Наука». – 2011. – 160 с.
6. Кожемякина и др. 2006 – Кожемякина В.А., Колесник Н.Г., Крючкова Т.Б. Словарь социолингвистических терминов – М.: ИЯРАН. – 2006. – 312 с.
7. Боева-Омелечко 2004 – Боева-Омелечко Н.Б. Краткий толковый словарь социолингвистических терминов. – М.: «Готика». – 2004. – 60 с.

НАШ ВКЛАД В АНГЛИЙСКИЙ ЛЕКСИКОН (ОБЩИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Г.В. ПАВЛЕНКО

ТИУИЭ, ТАГАНРОГ (РОССИЯ)

В докладе рассматривается процесс заимствования из русского языка в английский, выделяются его основные экстралингвистические причины и анализируется судьба и положение русизмов в английском языке на примере пяти заимствований послевоенного периода.

Ключевые слова: язык-заимствователь, русизм, англицизм, процесс заимствования, историзм, экзотизм, интернациональный термин

RUSSIAN CONTRIBUTION TO THE ENGLISH LEXIS (GENERAL APPROACH TO THE STUDIES OF RUSSIAN LOAN WORDS IN THE ENGLISH LANGUAGE)

The paper regards the process of borrowing words from Russian into English pointing out some extralinguistic causes of the process and analyzing the fate and the status of Russianisms in the English language on the basis of five loan-words.

Key words: language-recipient, Russianism, Anglicism, borrowing, exotic word, international term

Заимствование, по одному из определений, – это перемещение слов на лексическом уровне с последующим их освоением в языке-заимствователе. За последние 20 лет чрезвычайно много было написано о том, с какой легкостью и быстротой русский язык пополняет свой словарный состав англицизмами.

Внимание отечественных исследователей, естественно, в большей степени сконцентрировано на проблемах развития родного языка. Поэтому, сокрушаясь по поводу “всеядности” и “неразборчивости”, которые характерны для отечественной культуры и русского языка, мы забываем о том, как наш главный “донор” – английский язык – и сам охотно прибегает к заимствованиям, в частности, из русского языка. Интересно, что русизмам в английском языке уделялось мало внимания, и публикации на эту тему редки или же они описывают какой-то один аспект процесса заимствования ([1], [2], [3]). Тем не менее, русские заимствования, которые стали появляться в английском языке со второй половины XVI века, нашли свое отражение в работах по истории английского языка, а также в английских словарях, в частности, в Оксфордском словаре английского языка [4]. По мнению польского исследователя Мирославы Подхаеской [5], в английском языке насчитывается 535 заимствований из русского языка. Они появились в нем в силу ряда причин. В XVI веке русизмы проникли в английский язык благодаря торговле, через посредство английских купцов и послов. Количество заимствований из русского языка в XVII веке значительно сократилось из-за нестабильности в отношениях между Россией и Великобританией. В XVIII веке политика Петра I, направленная на интенсивное развитие отношений с Западом, значительно увеличила число новых русских слов в английском языке. Сложная история России в XIX веке: Крымская война, восстание декабристов, еврейские погромы, рост нигилизма и поворот к коммунистической идеологии, научные открытия и расцвет русской литературы, – все это вызывало огромный интерес со стороны Англии и способствовало активному заимствованию из русского в английский. Наконец, XX век явился пиком заимствований, особенно, его 20-е – 50-е и 60-е годы.

Для того, чтобы понять положение русских слов в английском языке, рассмотрим несколько заимствований послевоенного периода. Как известно, к ним относятся *molotov*, *apparatchik*, *sputnik*, *disinformation*, *kalashnikov*, *otkaznik*, *perestroika*, *glasnost*. Из этих слов лишь 3 заимствования – *disinformation*, *kalashnikov* и *molotov* присутствуют в современной английской устной и письменной речи (причем, в основном, в газетной публицистике). Заимствования *kalashnikov* и *molotov* представляют собой эпонимы. *Apparatchik*, *sputnik*, *otkaznik*, *perestroika*, и *glasnost* – уже превратились в историзмы и известны лишь специалистам и людям старшего поколения, интересовавшимся российской/ советской историей и культурой. Русское слово “*sputnik*” очень короткое время

просуществовало в английском языке в качестве экзотизма, но так и не переросло в интернациональный термин, и было вытеснено английским “satellite”. Таким образом, упомянутые 5 слов обозначают явления или категории, значимые в тот или иной период для жизни советского общества и в определенной степени для всего мирового сообщества, но впоследствии утратившие свою актуальность. Ниже приведем словарные статьи из Нового Оксфордского словаря английского языка [6], посвященные трем русским заимствованиям послевоенного периода, остающиеся частотными в английском языке, а также соответствующие статьи из словаря новых слов Brewer’s Dictionary of the 20th – century phrase and fable [7]:

1. *disinformation* – noun, false information which is intended to mislead, especially propaganda issued by the government organization to a rival power or the media.

-- origin 1950-s: formed on the pattern of Russian *dezinformatsiya*.

2. *Kalashnikov* – noun, a type of rifle or sub-machine gun made in Russia.

--origin 1970-s: named after Mikhail T. Kalashnikov (born 1919), the Russian designer of weapons.

3. *Molotov cocktail* – noun, a crude incendiary device typically consisting of a bottle filled with flammable liquid and with a means of ignition. The production of similar grenades was organized by Vyacheslav Molotov during the Second World War.

Brewer’s Dictionary of the 20th – century phrase and fable:

1. *disinformation* – Misleading or inaccurate information deliberately leaked or given to the media by official sources, such as government departments, to draw attention away from the true information. It was originally used of such information disseminated in the Soviet Union but has now spread worldwide.

2. *Kalashnikov* – A Soviet automatic or semiautomatic assault rifle capable of firing 600 rounds per minute. Manufactured in China, North Korea, and many eastern European countries as well as in the Soviet Union, the Kalashnikov is used by Eastern Bloc armies and by nationalist and guerrilla groups throughout the world. It was named after its inventor, Mikhail Timofeyevich Kalashnikov (1919-); it is also known as the AK – 47 (Russian Automat Kalashnikov, automatic Kalashnikov, 1947).

3. *Molotov cocktail* – A home-made anti-tank bomb, invented and first used by the Finns against the Soviets in 1940 and developed in the UK as one of the weapons of the home guard. It consisted of a bottle filled with inflammable and glutinous liquid, with a slow match protruding from the top. When thrown at a tank the bottle burst, the liquid igniting and spreading over the plating of the tank. It was named after the Soviet statesman Molotov.

Следует отметить, что эпонимы *kalashnikov* и *molotov*, вошли в лексикон многих языков мира и превратились в интернационализмы. В силу исторических причин они обозначают объекты, имеющие не только широкое распространение во многих странах и континентах, но также имеют высокую символическую нагрузку и, безусловно, иконический характер. Особенно это касается эпонима *Kalashnikov*. Обозначаемая этим термином штурмовая винтовка (в просторечии “автомат”) в буквальном смысле стала символом национально-освободительной борьбы и превратилась в эмблему всевозможных повстанческих движений по всему миру. Распространение и закрепление эпонима *molotov* во многих языках, включая английский, относится к явлениям того же порядка. Представляя собой редукцию словосочетания *molotov cocktail*, эпоним *molotov* также обозначает предмет, имеющий своего рода культовый характер, что способствовало его закреплению в языках-реципиентах. Очевидно, что характер этих 2 заимствований в английском языке не оставался статичным в семантическом и функционально – стилистическом плане и изменялся по направлению от специального и экзотического к общему. Огромную роль в популяризации этих слов, несомненно, сыграли СМИ, освещавшие бурные события второй половины XX века. Уже предварительно можно отметить, что характер русских заимствований, вошедших в английский язык, обусловлен особенностями историко-политического развития России и ее вклада в общемировую культуру.

Литература:

1. Stacy, Robert H. A note on the Russian Words in an American Dictionary. *Slavic and Eastern European Journal*, 1961, 5.2, 132 – 138.
2. Benson, Morton Russianisms in the American Press. *American Speech*, 1962, 37.1, 41 – 47.
3. Wade, Terence Russian Words in English. *Linguist*, 1997, 36.4, 102 – 104.
4. *The Oxford English Dictionary*(second edition). Oxford, 1989.
5. Mirosława Podhajecka Russian Borrowings in English: Similarities and Differences in Lexicographic Description. *Cascadilla Proceedings Project Somerville, MA* 2006.
6. Pearsall J. (ed.) *The New Oxford Dictionary of English*, Oxford, 1998.
7. *Brewer's Dictionary of the 20th – century phrase and fable*. London, 1991.

**ХУДОЖЕСТВЕННО - СИМВОЛИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП: ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК И ЕЛЕНА
ДАРИАНИ (СОПОСТОВИТЕЛЬНЫЙ ДИСКУРС)**

Пайчадзе Тамара Анзоровна

Тбилисский Государственный Университет им. М. Джавахишвили (Грузия)

Доктор филологии, профессор факультета Гуманитарных наук

**THE ARTISTIC - SYMBOLIC CHRONOTOPE: CHERUBINA DE GABRIAK AND ELENE DARIANI
(COMPARATIVE DISCOURSE)
TAMAR PAICHADZE**

Keywords: Literature. Modernism. Symbol. Author. Myth. Intercultural communication

Ключевые слова: Литература. Модернизм. Символ. Автор. Миф. Интеркультурные коммуникации.

Аннотация : В литературной жизни Грузии 20-ых годов прошлого столетия стало сенсацией появление Елены Дариани, её смелые и неординарные мысли... Несмотря на появление позднее нескольких комментариев, о персоне Елены Дариани мистификация существовала 12 лет и стала удивительно популярным. Это был не только успешный факт первой литературной мистификации, ещё и беспрецедентный пример, как мужчина постарался объяснить истинный дух женщины, её внутренний психологический мир, передать в стихах её чувства. Естественно, исходя из этого, ещё труднее было заметить тот факт, что другие поэтические создания Паоло Иашвили своими эстетическими формами, художественным аксессуаром и поэтической рукописью были очень похожи на "дневники Елены Дариани". И эти стихотворения для их автора не были только самоцелью литературной театрализации, причиной их создания мы должны искать в художественном стиле и в методе самого поэта.

До этого случая в Грузии не было прецедентов похожей поэзии, а в мировой литературе у неё и предшественников много было, и современников. Особенно надо отметить Черубину де Габриак – которая родилась с помощью Елизаветы Дмитриевы и её другом Максимилианом Волошиным, своим духовным драматизмом и поэтическим миром её можно считать “духовной сестрой” Елены Дариани, родившейся несколько позже (1915) в литературе.

Несмотря на особенную популярность и поэтический кругозор, личность Черубины де Габриак в поэзии жила всего лишь 2- 3 месяца и скоро выявилось. Кроме этого поэзия Черубины, в отличие от Елены Дариани, было создано женщиной; Но некоторые импульсы от этой поэзии можно осознать в “дневниках Елены Дариани”. Можно сказать, что лирический герой Елены Дариани отражает особую близость с прекрасным духом Черубины, но не в такой степени, как поэзия Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Мировоззренческую поддержку литературная мистификация грузинской поэзии, как и в Русских аналогах, нашла в философических теориях “духовного отца” символистов Владимира Соловьёва, и в символических образах литературной мистификации любовь к маскам, желание литературной театрализации сходится с теориями Э.Ланн. и Реми де Гурмон, указывая на символиста творца с артистическим духом, целью которого представляется самоявление. Вероятно, этим и можно объяснить сходство мифологическо-символьного образа Елены Дариани с Черубины де Габриак.

В литературной жизни 20-ых годов прошлого столетия стало сенсацией появление Елены Дариани, её смелые и неординарные мысли... Несмотря на появление позднее нескольких комментариев, о персоне Елены Дариани мистификация существовала 12 лет и стала удивительно популярным. Это был не только успешный факт первой литературной мистификации, ещё и беспрецедентный пример, как мужчина постарался объяснить интимный дух женщины, её внутренний психологический мир, передать в стихах её чувства. Естественно, исходя из этого, ещё труднее было заметить тот факт, что другие поэтические создания Паоло Яшвили своими эстетическими формами, художественным аксессуаром и поэтической рукописью были очень похожи на "Дневники Елены Дариани".

Должно быть, ночью будет ветер.
 Мой муж опять ушёл к певичке.
 Ко мне вернётся на рассвете.
 Не плачьте, алычи-сестрички!
 Давно уж в пламени камина
 Горят мои девичьи грёзы.
 Обед приправлю горсткой тмина.
 Цветут... Ох, не было б мороза!
 Притащит утром он гребёнку
 Моей соперницы несчастной.
 Даст бог, рожу ему ребёнка.
 Иль разорву его на части.
 Прикажет строго: – Дай напиток
 Мне из персидского кувшина.
 И сладко скрипнет половица
 О том, что в доме есть мужчина.
 Я славная жена, наверно.
 Он целовал меня сегодня.
 В ночь выброшу, уже не первый,
 Вином облитый галстук модный.
 А что он смелый – не жалею.
 Мне потакать ему привычно.
 Мой драгоценный, пьяный, вечный!..
 Уснёт он раньше, как обычно.

(Паоло Яшвили ’’ Елена Дариани пишет просто и сбивчиво ’’ *Пер. [Мария Фарги](#)*)

И эти стихотворения для их автора не были только самоцелом литературной театрализации, причиной их создания мы должны искать в художественном стиле и в методе самого Паоло Иашвили. Поезию Елены Дариани можем принять как – визитную карточку литературной мистификации. Этаким „Литературный реверанс“ Елена Дариани сделала ещё в 1915 году на литературном вечере известного грузинского поэта Галактиона Табидзе, но публика пока ещё не знала, что под именем Елены Дариани демонстрировалась для того времени вполне безпрецедентное и незнакомое явление в Грузинской литературе – литературная мистификация . С этого дня миф об Елене Дариани всё более становился сенсационным и его порасширяли известные писатели и деятели такие как : Григор Робакидзе, Тициан Табидзе, Сергей Есенин, Борис Пастернак, Осип Мандельштам, Андрей Белый. Несмотря на несколько комментарии (в смысле объяснения), кое-где появившиеся о персоне Елены Дариани. Мистификация продлилась 12 лет и стала очень популярной .

Это был не только первый факт в грузинской литературной мистификации, но и успешный и безпрецедентный пример, как мужчина постарался объяснить интимный дух, внутреннее психологическое строение женщины и выразить всё это поэтическим, художественным языком.

„Дарианские” стихи воспевают жизни и любви, выраженные символами, художественными образами с эстетическим мировоззрением. Его можно принять отражением мировопонимания „Духовного отца“ символистов Владимира Соловьёва и его слов: „Ложная духовность есть отрицание плоти, а истинная духовность есть её перерождение, спасение, воскресение...”³⁵; Евгений Лан тоже считал, что в литературной мистификаций

³⁵ Соловьёв В. С., 1939. ’’ собр. сочинений’’. III с.61

отражается „Желание литературной театрализации”³⁶, Реми де Гурмон в своей хрестоматии символистики „Книге масок” тоже указывает на цель самовыражения символиста и творца артистического духа - „...Индивидуализм в литературе, свобода творчества, отречение от заученных формулировок, стремление ко всему новому, необычному, даже странному”³⁷.

Но создание Дарианской поэзии не являлась лишь самоцелью литературной театрализации – значительную роль в их появлении играла сама персона Паоло Яшвили, который был явный символист, по творческой натуре, мастер экспромтов, артист и романтик. И был ещё один повод, который дал начало не одной мистификации, – это было создание мифа. „Сегодня поэзия создаёт новые мифы, в старых никто уже не верит, в тоже время мы жаждем миф, и новое время создаёт новый миф.”³⁸

Для грузинских символистов особое значение имели образы Пьеро и Колобины, так как они выражали протест против всякого официального, общественным вкусом указанного. Грузинские символисты любовные истории превратили в мистерии, и если Дарианской поэзии в Грузии прецедента не было, в мировой литературе у него и немало было и современников.

К примеру, можно назвать в предшественников литературной истории знакомые или менее знакомые „происшествия” литературной мистификации, в частности знаменитая мистификация Пушкина, связанная с именем английского писателя Ченстона, которого Пушкин назвал автором „Скупого рыцаря”; Также „илирические поэмы” Проспера Мериме, которого автор объявил, как народным, и жертвой этого объявления стал Пушкин своим переводом „Песни западных славян”; Также „Театр Клары Гассуль”, Проспера Мериме, с биографией несуществующей писательницы; знаменитая мистификация Петра Вяземского „Письма и заметки” Омера де Гелли; „Козьма Прутков” Алексея Толстого и братьев Жемчужниковых; Нельзя не вспомнить мифообразную историю Валерия Брюсова и Андрея Белого с Нины Петровской, и роман Валерия Брюсова, создавший „Огненный ангел”; или же художественный пересказ собственной любовной истории Александром Блоком в стихах прекрасной дамы – в образ Лидии Мендлеевой под культом „вечной женственности” Владимира Соловьёва; Аналогичным явлением можно назвать стихи французского поэта Дефорж Маяра, творчество которого из поэта средней возможности приобразился в высокохудожественных строках под именем поэтессы Малкре де Вин; ещё можно вспомнить поэтессу Луизу Лалан придуманным Гиийом Апполиаром.

Особенно надо отметить Черубину де Габриак – которая родилась с помощью Елизаветы Дмитриевы и её другом Максимилианом Волошиным, которую своим духовным драматизмом и поэтическим миром можно считать „духовной сестрой” Елены Дориани, родившейся несколько раньше (1909) в литературе и несмотря на особенную популярность и поэтический кругозор, её личность в поэзии жил всего лишь 2- 3 месяца и скоро выявилось... В первую очередь надо отметить, что оба литературных мистификации состоялись под именем аристократической женщины. Но факт, что такая „длинная жизнь”, как у Елены Дариани в мистификации не было.

Царицей призрачного трона
Меня поставила судьба...
Венчает гордый выгиб лба
Червонных кос моих корона.

Но спят в угаснувших веках

Все те, что были бы любимы,
Как я, печалию томимы,
Как я, одни в своих мечтах.

³⁶ Ланн Е., 1930. «Литературная мистификация», Москва. С.136

³⁷ Гурмон Реми де., 1913. "Книга масок", С. Петербург.С.24

³⁸ Белый А., 1999. «Символизм, как мировоззрение». Москва. С.27

И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг.
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?
(Serubina de gabriaki "С моею царственной мечтой...", 1909)

Безумье легко предпочту стиховому безмолвью
Черней слепоты невозможность восславить светило.
И если творенье из сердца не вырвется с кровью,
Откуда у песни возьмется бессмертная сила?
Пожары и войны, терзания вечной разлуки,
Чума моровая, разломы в граните упругом -
Ничто не сравнится с величием яростной муки
Поэта, который сражен вдохновенным недугом.
По городу бродит на прочих похожее тело.
Прохожие скажут: "Гляди, от поэзии пьяный".
Но кто понимает, что это - опасное дело,
Что в пламени гибнет и корчится мозг окаянный?
О, сколько мне нужно сердец, чтобы чувствовать души!
И глаз, чтобы каждого ясно увидело зреньё.
Я множество образов должен нещадно порушить,
Чтоб, бабочки чище, взлетело одно песнопенье.
Как смерть неотвязное, слово горячкой слепило,
И тело, и душу душило цепями полона.
Не спишь, а наутро, когда постучится светило,
Ты - скорбная память о том, кого звали Паоло.
Рождается песня - и на год урезаны сроки
Земного пути. И недолго уже до предела.
И если вот это и вправду - последние строки, -
Швырните воронам никчемное мертвое тело!
(Паоло Яшвили "Голубой зонтик" Пер. Яна Гольцмана)

Как известно, поэзия Черубины, в отличие от Елены Дариани, было создано женщиной и жила недолго, как создание некой католички французского происхождения. Некоторые импульсы от этой поэзии можно осознать в "дневниках Елены Дариани"; Можно сказать, что лирический герой Елены Дариани отражает особую близость с прекрасным духом Черубины, но не в такой степени, как поэзия Анны Ахматовой и Марины Цветаевой.

Черубина де Габриак выставляла себя перед читателем восемнадцатилетней эспанкой, которую вырастила наставница, строгая иезуитка католического монастыря, но в ней жила особенно ранимая и поэтическая натура. А появление Елены Дариани в литературе обусловила тогдашняя литературная среда и близость к поэтам. Оба эти мифы очень скоро вступили в силу, мифы стали вполне популярны. Но если личность Черубины стала поводом обсуждения и сомнения только в узких литературных кругах, то об Елене Дариани говорил весь город, и все с нетерпением ждали её появления.

Мистификация победила читатели Дарянских стихов не сомневались, что их автор именно женщиной в них выражается тот женский мир, которую не может художественно отразить и осмыслить мужчина. Это есть исповедь чувствительной женщины для которой существует два понемания – любовь и поэзия. В восприятии

женской психики и инстинкта её внутреннего мира Паоло Яшвили можно сравнить с такими знатоками женской психологии в литературной классике, как Штефана Цвейга и Оноре де Бальзака. В „Дарянских” стихах до конца открылась внутренний мир его автора и его личность. Как известно Паоло Яшвили сам был очарован этой мистификацией и девять лет он жил как бы в плену „своего изобретения”.

Для грузинской поэзии такие стихи были не только новые но и как-то запрещённые и оно вызвало жёсткую и критическую реакцию в обществе, но прошли эмоции, и необоснованные обвинения отредактировало время – самый строгий и справедливый редактор

В ”Дарянской” тематике современникам не понравилась открытое обсуждение о любви, о чувствах и о страсти и приняли его за проповедь непростой, несмотря на то, что акцентироваться на страсти и чувства в творчестве этого периода было уже как бы принято, ещё в 1904 году Валерий Брюсов в журнале „Весы” писал: „Существенная черта нового миропонимания - признание равноправности тела, телесного начала, как же было нашему времени, осветившему самую сущность тела, не освятить то, в чём полнее всего выражается его мощь – страсть”.

И в художественном творчестве остались она -Елена Дариани-духовная принцесса грузинской поэзии. И тут можно привести в пример ответ французских символистов на вопрос к ним что у них новое в поэзии? - “новое то что мы принесли в поэзии нечто, которую вы предупредили к забвению.”

Мифологизация и сенсация, сопровождали и Черубину, её поэзию и имя, Сергей Маковский, Иокентий Аненский, Вячеслав Иванов, Николай Гумилёв, Михаил Кузмин бесконечно искали её следы и местонахождение. Идентичное художественное и мировоззрительное пространство, моральные императивы и духовные ценности, апология любви, идеализация одиночества и мистики...

И ещё одно художественно- тематическое сходство: Черубина по поводу переселения в Париже простилась с Маковским и с его друзьями. Елена Дариани тоже уехала в Париж навсегда и в последнем стихотворении из цикла „ Дневников “ она простилась с Родиной и с любимым, чтобы зажить свои душевные раны в городе мечты, в родине символизма.

Художественный анализ „Дневников Елены Дариани” связанно с концепцией „Вечной женственности” Владимира Соловьёва. Так как, идеалистический мир Соловьёва стоит на материальном миропонятии, для него неразделима идея и материя, и она воспринимается в „всесторонем единстве” (всеединство), и является основой этой философии. Всё живёт во всём и человек, имевший материальный дух в космическом порядке, стоит выше ангелов, из-за того, что он имеет свободу духа. Высшим интимно-человеческим миропониманием - это отражает проповедание о Софии, она материализация идала. София святое тело и первое выявление прекрасного – любви; Божье „Алтарь Его” – вечная женственность, доброта, идея прекрасного, где всевышний отражается в женщине. Связь между женщиной и мужчиной Соловьёв обсуждает - всеединстве, и красота является вещественным смыслом идеализма. Любовь - притяжение душевного и телесного начала и пример этого, муж и жена. „Идеализм Софии” Соловьёва стал этакой мировоззрительной основой русского символизма и его интерпретацией можно принять и тезу Достоевского: „Красота спасает Мир.” О творческой философии Соловьёва часто отмечал и А. Лосев...

Дарианские стихи самое полноценное объяснение находят в этой эстетической практике, так как она является классическим образом „Софийской любви”, вопреки обвинению появившийся в литературной критике 20-х годов, где сторонники соцреализма в „Дневниках Елены Дариани” нашли „Сексуальную рязовщину”. В Дарианской поэзии самая существенная черта схожая с Соловьёвской философией это эстетика красоты и моральная позиция – любовь супруг, которая связана не только с философическо- мировоззрительной платформой, но и с Библейским началом - „Мистерион Мега” – супружеская жизнь, одно из библейских тайн, слова апостола Павла „Церковь, как невеста Христа и тайна она велика”³⁹(к эфесовцам 5.32).

³⁹ Библия 1989., Тбилиси. (на Груз. Яз.) С.138 (к эфесовцам 5.32)

Кроме того была и реальная жизнь, которой дал повод для рождения Елены Дариани в поэзии. В 1912-м году встретились молодой гимназист Паоло Яшвили и Елена Бакрадзе, но им не было суждено быть или же жить вместе. Она скоро вышла за другою и любовь продолжалась в стихах и в письмах до 1927 года и Елена стала полноправным персонажем грузинской поэзии.

''Дневники'' в творческом и композиционном направлении точно отражают все особенности этого жанра, оно продиктовано настроением и эмоцией : ,,Зов ''- Ожидание, ,,Окончился пир'' – восхищение, счастье, ,,Зимой ''- одиночество, ,,Увертюра ''- надежда и любовь, '' В Пирамидах'' – вечность любви и ожидание, ,, Последнюю сняла одежду''- надежда и зов, ,,Цветной сонет '' – мистические ощущения, ,,Письмо Анны Ахматовой''- сочувствие, ,,Дарианули '' – растование, ,, В Париж ''- прощание .

Постепенно выражается лирический герой этих строк, тонкая нежная особа, рождённая для любви и преданности, с моральным идеалом, и её жизнь полна душевными метаморфозами. Она материально обеспечена , живёт в благополучии , но для неё самое большое богатство – это любовь и человек в любви.

Что делать нам и как нам выстоять
со смертью Блока?
Ночами я одна неистово мечусь у окон.
Явись в мое многобалконье, -
нам жить как сестрам.
Ведь Петербург в бреду агонии
вокруг простерся.
О, благодать и жар Тифлиса тебя утешат.
Дадут слезами нам излиться
в проулках здешних.
Иль ты к туманам, как изваянная,
навек прильнула?
А родина моя Испанией слывет в июле!
Мой жребий жалок, день неярк,
сон - непробуден,
Но припасла тебе в подарок
я звонкий бубен,
Чтоб горевать ты перестала
среди наших марев...
Прильни холодными устами
к перстам Тамары.
(Паоло Яшвили ''Письмо Анне Ахматовой '' Пер. Г. Маргвелашвили)

В быстро сдернутых перчатках
Сохранился отпечаток рук,
Черный креп в негибких складках
Очертил на плитах круг.

В тихой мгле исповедален

Робкий шепот, чья-то речь.
Строгий профиль мой печален
От лучей дрожащих свеч.
Я смотрю игру мерцаний
По чекану темных бронз

И не слышу увещаний,
Что мне шепчет старый ксенд¹.
Поправляя гребень в косах,
Я слежу мои мечты,-
Все грехи в его вопросах
Так наивны и просты.
Ад теряет обаянье,
Жизнь становится тиха,-
Но как сладостно сознание
Первородного греха...

(Serubina de gabriaki «Исповедь» 1909)

В дневниках Елены Дариани отражается весь художественно – мировоззрительный спектр символистического кругозора: гармония цветов, символы драгоценных камней, символика солнца, огня, воды, пирамид - так называемых вечных ценностей .

Вероятно, этим и можно объяснить создание мифологическо-символьного образа Елены Дариани. Истинного автора ”дневников” литературная аудитория выявил спустя несколько лет, а в поэзии осталась она – ”голубая принцесса грузинских символистов”.

Литература:

1. Библия 1989., Тбилиси. (на Груз. Яз.) (к эфесовцам 5.32).
2. Яшвили П. Д., 1975. «Поэзия, Проза, Переводы» Тбилиси, Литиздат.
3. Пайчадзе Т., 2009. «Грузинские Лирики» ТГУ Press (на Груз. Яз.)
4. Гурмон Реми де., 1913. "Книга масок", С. Петербург.
5. Ланн Е., 1930. « Литературная мистификация», Москва.
6. Белый А., 1999. «Символизм, как мировоззрение». Москва.
7. Лосев А., 1978. «Проблемы символизма реалистическое искусство». Москва.
8. Краткая литературная энциклопедия, 1971. т. I-X, Москва.
9. Бавин С., Семибратова И.,1993. Судьбы поэтов серебряного века. Русская государственная библиотека. Москва: Книжная палата.
10. Соловьев В. С., 1939. ” собр. сочинений”. Т. III. Москва
11. Габриак Ч. Поэзия., [http:// www. Libera.ru./stixiya/](http://www.Libera.ru/stixiya/).

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» А. С. ПУШКИНА:
ВЕЧНЫЙ ВЫЗОВ ПЕРЕВОДЧИКУ**

Е.И. Панченко

ДНУ имени Олеса Гончара, Днепрпетровск (Украина)

Аннотация :Рассматриваются проблемы перевода поэзии с точки зрения лингвокультурологии. Наиболее значимые детали отрывка из романа А.С. Пушкина рассматриваются в разных переводах.

Ключевые слова: перевод, поэтический перевод, лингвокультурология.

“EUGENE ONEGIN” BY A. S. PUSHKIN: ETERNAL CHALLENGE FOR THE TRANSLATOR

Summary: Various problems of poetry translation from the point of view of linguoculturology are regarded. The most meaningful details of a fragment from “Eugene Onegin” by A. Pushkin are analysed in various translations.

Key words: translation, poetic translation, linguoculturology.

Великие произведения великих авторов принадлежат всему человечеству, и поэтому проблема их перевода на языки мира всегда остается актуальной. Меняется время, язык, реалии, ментальность читателя, и ко всему этому должен приспособиться новый перевод. Примером востребованности новых и новых переводов на английский язык является роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Существует, по меньшей мере, пятнадцать известных переводов романа Пушкина на английский язык (как американских и британских, так и российских переводчиков). С точки зрения теории перевода и переводческих концепций особый интерес представляют британские переводы, отражающие и эволюцию восприятия творчества Пушкина в Англии.

Впервые роман был переведен с русского стихами в 1881 г. Генри Сполдингом (Spalding). Второй перевод Клайва Филипса Уолли (Wally) вышел в свет в 1904 г. В 1936 году в Нью-Йорке вышел перевод Бэббет Дейч (Deutsch). Год спустя там же "Евгений Онегин" был опубликован перевод Оливера Элтона (Elton). Тогда же в Калифорнии роман вышел в университетском городе Беккли в переводе Доротеи Пралл Радин (Dorothea Prall Radin) и Джорджа Патрика (George Patrick) . В Нью-Йорке в 1963 году Уолтер Арндт (Arndt) опубликовал собственный перевод романа. Год следующий был для "Евгения Онегина" – как никогда на английском языке – удачным. Вышло сразу два "Евгения Онегина": в переводе Набокова (в Нью-Йорке) и в переводе Юджина М. Кейдена (Kayden), штат Огайо [2,3]. В настоящее время существует еще больше переводов романа, и далее мы рассмотрим некоторые моменты перевода знаменитого отрывка «Мой дядя самых честных правил...».

Нами предпринята попытка сравнения переводов одного и того же отрывка произведения «Евгений Онегин», выполненных разными переводчиками. Исследуются также особенности восприятия смысла текста этими переводчиками, приводятся отрывки из переводов на английский язык.

Значительный интерес для переводческого анализа представляет собой характеристика дяди – «мой дядя самых честных правил». Это выражение имеет следующие варианты: характеризуется человек: man of firm convictions, what a worthy man, a most worthy gentleman, a clever man, a man of virtue, его жизнь: a perfect life without a flaw, жизненные принципы: matchless moral model, ruled by utmost honor, high ideals inspire him; was the soul of honor, keeps to honest systems, has most honest principles, verse was always upright, goodness is extreme, отношение к нему окружающих: ought to be respected. Тем не менее среди всех этих вариантов ни один не передает пушкинскую иронию, связанную с аллюзией («осел был самых честных правил»).

Рассмотрим далее варианты перевода слов «он уважать себя заставил». По мнению ряда лингвистов, данное выражение имело в пушкинские времена значение «умер», однако его однозначность вызывает сомнения у ряда исследователей, которые считают, что в данном контексте обыграны прямое и переносное значение данного словосочетания. В любом случае значение фразеологизма не передано ни в одном переводе. Обращает на себя внимание разнообразие субъектов, вынужденных уважать упомянутого дядю. В некоторых переводах это вообще люди, что в общем соответствует пушкинскому тексту: he makes one respect him, he has made one respect him,

constrained everyone to respect him, he really forced one to admire him, but honors of the highest rung He asked for, and he got his fill, Forced men to treat him with distinction; в других вариантах обязанной уважать дядю является его родня: He told his kin they were expected To be attentive to his will, He had the sense to make his kin Respect his smallest wish, his family's reacted nicely and he's most happy with his trick, его друзья: . His friends respect him, bow and coddle, заглавный герой романа: He made me love him with insistence, My own respect for him was quickened; , O yes, he's made me respect him, he forced us to respect him for the first time, as if we'd never been able to find a reason to before., и, наконец, весь мир: He hath acquired the world's esteem, Respect from all (or high or low), The best he knew, or cared to know!

Значительное разнообразие переводов наблюдается при анализе слова «полуживой» в сочетании «полуживого забавлять». В первую очередь обращают на себя внимание противоположные подходы к его переводу: half-dead и half-alive. Во многих переводах умирающий эфемистически назван просто «пациентом» или «больным»: sick man, sick, patient, ailing man. Есть менее распространенные варианты: the sad, sick nurse, invalid. Нам представляются наиболее соответствующими пушкинскому тексту варианты living dead, dying man.

Еще одним проблемным отрезком перевода можно считать фразу «Ему подушки поправлять». По-видимому, во многих вариантах перевода возникает различное понимание того, каковыми есть подушки. Если для английской бытовой культуры типичными можно считать небольшие продолговатые упругие подушки, то для русского помещичьего хозяйства, богатого домашней птицей, перо которой широко использовалось в хозяйстве, типичны большие, мягкие, многочисленные подушки. Поэтому в вариантах cushion correct, Beneath his head the pillow smooth речь явно идет о другом объекте. «Поправлять» имеет в переводе пространственные варианты: prop up, set straight, smoothe down, варианты, если можно так сказать «технические»: adjust, fix, arrange; наблюдается и ряд, на наш взгляд, удачных вариантов: fluff, puff, plump.

И еще один отрывок из романа, перевод которого мы проанализируем в данной статье: «Когда же черт возьмет тебя!». Здесь наблюдается ряд дословных переводов:

When will the deuce take you apart?"
 When will the devil take you?
 When will the Devil come for thee?"
 "When will the devil come for you!"
 When will the Devil take you off?"

В других вариантах добавляется дополнительная модальность: never – для передачи частицы же, дополнительная характеристика дяди и т.п.:

'Will the Devil never take you?"
 When is the Devil coming to collect you?
 'Why can't the devil take you now?'
 When the devil will the old rascal die?"

В других переводах использован более свободный перевод, с добавлением дополнительных семантических элементов:

'Deuce take you, step on it and die!"'
 the devil take you, go to hell!"'
 The devil take you, Uncle. Die!'
 'Hurry, dear Uncle, up and die!"'
 'God damn old man, why ain't you gone?'

When will the devil let him sink?

Апогеем такого вольного перевода данного выражения мы считаем вариант

When will old Nick consume your bones?"'

Таким образом, сопоставление переводов разных авторов, разный язык перевода позволяет более контрастно и ярко показать, что необходим учет реалий при поиске эквивалентов лексических и фразеологических единиц. Эмоциональность и экспрессивность у Пушкина создается посредством использования диалектных и просторечных слов, фразеологических единиц, повторов, усилительных частиц, которые не всегда сохранены в языке перевода.

Как видим, в процессе работы с текстами далеко не вся русская лексика имеет абсолютные эквиваленты в переводах. К сожалению, книжная и устаревшая лексика, которая играет весомую роль при анализе произведения, которая помогает читателю создать наиболее полное представление о нем, в переводах отображается нейтральной или общеупотребительной лексикой. Подобный, слишком простой подход к переводу русского классика не всегда передает читателю атмосферу романа и дух того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова, Н. Перевод – это пересечение границ / Н. Автономова. Электронный ресурс: режим доступа "Русский журнал" www.russ.ru
2. Кукурян, И. Л. Английские переводы романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» как предмет лингвопоэтического анализа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. Л. Кукурян ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1990. – 24 с.
3. Кукурян, И. Л. Из наблюдений над переводами романа Пушкина "Евгений Онегин" на английский язык // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультур. коммуникация. – 1999. – № 2. – С. 130–138.

О ТРУДНОСТЯХ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

И.Б.Петриченко

ДНУ, Днепрпетровск (Украина)

В статье рассматриваются проблемы изучения русских фразеологизмов в иностранной аудитории на начальном этапе обучения.

Ключевые слова: фразеологизм, идиома, межкультурное общение.

DIFFICULTIES OF LEARNING RUSSIAN PHRASEOLOGISMS IN FOREIGN AUDIENCE AT THE BEGINNER'S LEVEL

The article deals with the problems of Russian phraseologisms study with foreign audience at the beginner's level.

Key words: phraseologism, idiom, cross-cultural communication.

Полноценная коммуникация иностранных студентов на русском языке становится затруднительной (а иногда и невозможной) без знания наиболее употребительных фразеологических оборотов. Незнание фразеологизмов создаёт предпосылки для коммуникативных ошибок и неудач в общении на русском языке. Большинство учебников по русскому языку для иностранных учащихся основано на стилистически нейтральной русской лексике, далёкой от живой реальной речи. В результате этого у студентов образуется огромный разрыв между теоретическими знаниями и реальной практикой общения на русском языке. Решить эту проблему – познакомить учащихся с наиболее употребительными русскими фразеологизмами, их значением, ситуацией употребления – является одной из главных задач преподавателя, работающего в иностранной аудитории.

Следует отметить, что фразеология как самостоятельная лингвистическая дисциплина возникла ещё в середине прошлого столетия. Её развитие было связано, прежде всего, с работами крупнейшего русского языковеда В.В.Виноградова, который определил задачи изучения фразеологических единиц, установил основные их типы и тем самым заложил основы фразеологии. За последнее десятилетие эта лингвистическая дисциплина получила небывалое развитие.

На уроках развития речи в иностранной аудитории преподаватель определяет фразеологический оборот как «образное выражение языка, которое устойчиво воспроизводится в речи и, как и слово, выполняет номинативную (назывную) функцию в языке и одновременно характеризует предмет» [1, с. 7]. Необходимо объяснить иностранным учащимся, что главное отличие фразеологического оборота от слова заключается в особенностях его семантики. Слово в языке может иметь прямое и переносное, образное значение. В отличие от слова, значение фразеологизма всегда переносное, метафорическое, образное. Общий смысл фразеологических оборотов невозможно понять исходя из простой суммы значений составляющих компонентов. Значение фразеологизма идиоматично, скрыто. Носители языка знают, понимают этот «скрытый» смысл фразеологизмов, а для иностранцев он всегда лингвистическая загадка, секрет. Именно поэтому фразеологические обороты являются наиболее сложной в семантическом плане группой языковых единиц для иностранных учащихся. Для того чтобы понимать «скрытые» значения слов, чтобы правильно понимать разговор русских людей и содержание произведений русских писателей, нужно знать самые употребительные фразеологические обороты русского языка, их значения и ситуации употребления.

Знакомить с русскими фразеологизмами необходимо на начальном этапе обучения иностранных студентов. Безусловно, начинать надо с образных выражений-реплик, которые русские люди традиционно употребляют в речи. На вопрос «Как дела?», обычно отвечают «Хорошо (отлично, прекрасно), спасибо». Если дела не очень хороши, используют фразеологизм *так себе*. Это значит: ни хорошо, ни плохо; средне. К таким образным выражениям-

репликам можно отнести: *добро пожаловать, приятного аппетита, на здоровье, была не была, понятия не имею, слава Богу* и т.д.

Уместно знакомство с фразеологизмами на тематических уроках. Например, при изучении темы «Описание внешности и характера человека» предлагается объяснить студенту-иностранцу значение следующих фразеологических оборотов: *сёстры похожи как две капли воды, выглядеть ужасно как мокрая курица, у тебя золотое сердце, родиться в сорочке, ни рыба ни мясо* и др. Большой интерес у иностранных учащихся вызывают сравнительные обороты с именем прилагательным и союзом *как*. Например, сравнительные зоосемантические конструкции: *упрямый как осёл, тихий как овечка, грязный как свинья* и т.д. Или обороты с названиями растений: *стройный как берёза, крепкий как орех, красный как свекла*. При объяснении данных оборотов уместно предложить студентам сравнить, сопоставить их с фразеологическими оборотами родного языка, ведь фразеологизмы любого языка отражают характер образного мышления народа, тесно связаны с культурой, историей, традициями народа.

Лексический материал на уроках русского языка в иностранной аудитории может быть предложен с учётом оформления грамматической структуры каждой фразеологической единицы, а также с учётом определённых программой грамматических тем. Например:

именительный падеж: *доброе утро, общий язык, первое время, слабое место*;

родительный падеж: *ни пуха ни пера, с первого взгляда, счастливого пути, без ума, цены нет, без пяти минут; сколько лет, сколько зим*;

дательный падеж: *не верить ушам своим, не верить глазам своим, так себе*;

винительный падеж: *взять себя в руки, минута в минуту, в первую очередь*;

творительный падеж: *не за горами, главным образом, какими судьбами*;

предложный падеж: *в двух словах, в двух шагах, играть на нервах, на носу*;

деепричастия: *сложив руки, короче говоря, засучив рукава, не шутя*;

компаратив: *как снег на голову, как рыба в воде, как без рук, как дважды два*.

Как специфические языковые единицы, отражающие национально-культурную семантику, фразеологизмы всегда представляют большой интерес, но и большие трудности для иностранцев. Вот почему правильное понимание содержания художественных текстов, разговора русских людей в разных жизненных ситуациях невозможно без знания наиболее употребительных идиом русского языка. Фразеологические обороты являются обязательной частью того лексического и культурного минимума, который необходим для адекватной коммуникации иностранцев на русском языке.

Усиление международных контактов и увеличение интереса к изучению языков в XXI веке привело к активизации межкультурного общения, в связи с этим проблематика соотношения языка и культуры на межнациональном уровне становится чрезвычайно актуальной. Вопросы межкультурного общения и взаимопонимания на занятиях русского языка как иностранного представлены в работах известных учёных (Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова, О.Д.Митрофановой и др.). Формирование культурной компетенции иностранных учащихся является обязательным при изучении русского языка, поэтому преподавать его нужно «не только как новый код, как новый способ выражения мыслей, но и как источник сведений о национальной культуре народа – носителя изучаемого языка» [2, 3]. В связи с этим следует отметить актуальность изучения русских фразеологических оборотов на уроках развития речи в иностранной аудитории.

Библиографические ссылки

1. Баско Н.В. Русский язык как иностранный. Русские фразеологизмы – легко и интересно: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 152 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Просвещение, 1983. – 248 с.

ДИСТРИБУТИВНОСТЬ САКРАЛЬНОЕ/ПРОФАНОЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ СОВРЕМЕННОГО КАРСА

Пидвойный В.М. (Карс)

В статье основе полевых исследований анализируется ЛЛ современного Карса, дается характеристика особенностей функционирования элементов ЛЛ, релевантного для приграничного региона, устанавливается закономерность соотношения элементов ЛЛ в сакральной и профанной сфере турецкой лингвокультуры.

Ключевые слова: лингвистический ландшафт, сакрализация, турецкая лингвокультура

DISTRIBUTIVITY OF SACRAL/PROFANE OF LINGUISTIC LANDSCAPE IN KARS

According to result of research doing in essay, the linguistic landscape is being examined in today's Kars city and the functional properties of linguistic landscape particular outside border of city and compatibility to a holy place of Turkish linguistic-culture has been put forth in this essay.

Key words: linguistic landscape, sacralization, Turkish linguoculture

Территория современной Турецкой Республики дает широкий исследовательский материал для анализа нового объекта лингвистических исследований в целом и суггестивной лингвистики в частности – лингвистического ландшафта (ЛЛ) определенного региона с четко детерминированной с точки зрения культурологических, культурно-исторических, демографических и юридических определений и, в свою очередь, выступает этапным моментом для комплексного рассмотрения общего состояния ЛЛ Турецкой Республики, определения стадий его формирования, проблем языковых интерференций и культурных взаимовлияний.

Цель нашего исследования определяется необходимостью проанализировать исторический, социолингвистический и социокультурный контекст формирования городского ЛЛ современного Карса, зафиксировать и систематизировать элементы, которые определяют ЛЛ пограничных регионов Турции, выявить жанровые особенности элементов ЛЛ данной территории на основе теоретических постулатов и практических рекомендаций известных социолингвистов Р. Ландри, Р. Бури, а также Е. Бен-Рафаеля, П. Бакгауза, Е.Шогами, Е. Гоффмана, Ф.Грина.

ЛЛ современной Турции представляет сложную систему взаимосвязанных между собой элементов со специфической коммуникативной направленностью. Предметом нашего внимания были текстовые блоки на вывесках, тексты дорожных указателей, городской маркировки, текстовые элементы уличной рекламы, стрит-арт, граффити, объявлений, тексты объявлений частного сектора (объем фотографических документов – более 500 единиц, см.: www.facebook/Karsdilgorunumu).

Особенность функционирования элементов ЛЛ заключается в обращении к ним суггеренда в условиях проблемной ситуации, информативной деструкции, с определенными стратегиями суггестора (в данном случае – местную власть и частных владельцев), устоявшуюся методику изготовления табличек, активацию внимания, предупреждения, запрета, требующие полного и адекватного понимания их смысла со стороны суггеренда.

Историческая обусловленность языковой дистрибуции, степень присутствия разных по происхождению и функциональной нагрузке языков в составе ЛЛ региональных объектов анализируемой территории определяют весьма пестрый языковой сегмент ЛЛ Карса, поскольку приграничное соседство с четырьмя государствами, присутствие миноритарных этнических групп – факторы, которые не могли не повлиять на формирования ЛЛ,

демонстрируя, пусть и латентную, поликультурность региона. Доминирующая роль, учитывая особенности языковой политики Турецкой Республики, принадлежит государственному языку страны. Параллельное использование языков наблюдается в корпусе информационных текстов музеев, что оправдано с точки зрения функционального назначения: текст на арабском языке/текст на персидском языке / SEYYİD EBU'L-HASAAN HAKKANİ / türbesi; KARS ARKEOLOJİ MÜZESİ / KARS MUSEUM of ARCHEOLOGY; параллельные тексты информационных стендов возле архитектурных памятников современного Карса и Ани, стилизованная под армянский алфавит текстовая манифестация KAHVEÇAY в селении Оджаклы возле музейного комплекса Ани, надписи на древнеармянском и русском языке на экспонатах Археологического музея г. Карса.

Из всего комплекса элементов, формирующих ЛЛ современного Карса явно можно выделить официальные элементы (надписи на государственных учреждениях, информационные таблички городской маркировки, дорожные указатели), атрибуты и сегменты рекламистики и нейминга, а также текстовые комплексы сакрального характера (надписи на памятниках и мемориальных объектах, тексты, регламентирующие функцию культовых сооружений, цитаты Кемаля Ататюрка).

Очевидным есть то, что административная маркировка города Карса (вывески с названиями улиц / переулков, таблички над почтовыми ящиками, названия административных учреждений, государственных организаций) созданы в соответствии с нормативными установками, они имеют «правильную» форму (преимущественно прямоугольную), цвет текста соответствует общепринятым по всей стране стандартам – преимущественно на красном фоне с буквами белого цвета: Т.С. / KARS VALİLİĞİ; Т.С. /KARS/İL ÖZEL İDARESİ/ KARS GENEL MECLİSİ; Т.С. / KÜLTÜR VE TURİZM BAKANLIĞI / Kars Kültür Varlıkları Koruma Bölge Kurulu Müdürlüğü; Т.С. ZİRAAT BANKASI. Использование в дизайне вывесок аббревиатуры «ТС» и именно этих двух цветовых оттенков символизирует колоративную гамму национального флага. Коммуникативная составляющая и корректность текстовых презентаций этого типа очень высока, а семантическая локализация текстов государственных учреждений логичная – вверху или справа от входных дверей. Значительной «свободой выбора», расширением возможностей реализации в цвете характеризуются тексты, которые презентуют названия учебных заведений и образовательных организаций г. Карса: KAFKAS ÜNİVERSİTESİ (синий фон), KARS /ATATÜRK / İLKÖĞRETİM OKULU; KARS ANADOLU LİSESİ; KARS / TOKİ ORTAOKULU и т.п.

Определенным социокультурным явлением, имеющим как страноведческую, так и социолингвистическую ценность имеют «бытовые формы» ЛЛ – надписи на частных домах (на синем фоне), которые часто имеют символическое значение. Высоким уровнем унификации характеризуются текстовые презентации табличек с названием улиц, площадей и переулков г. Карс, а также наличием инерционных процессов в системе наименований линейных объектов города.

В процессе сбора материала для исследований практически не было выявлено наличие частных объявлений, что можно объяснить особенностями турецкого менталитета, культурой интимности и сакральности личной жизни жителей Карса.

Значительный интерес для понимания общей картины ЛЛ г. Карса представляют тексты дорожных указателей, которые имеют четко выраженную функциональную направленность: указание расстояния к объекту (Erzurum 220), без указаний на пространственные указания (İstanbul; Ardahan).

Дорожные указатели отвечают требованиям действующего законодательства Турции и ведомственным инструкциям. Они отличаются прозрачностью, имеют в своем информационно-коммуникативном поле дополнительные символы (гербы, элементы автопрогаммирования (стрелки), Radar EDS / Elektronik Denetleme Sistemi), текстовые элементы различной семиотической природы: (знак «Стоянка запрещена» / RESMİ PARK YERİ (2 aracılık), которые характеризуются семиотичным распределением, адекватных сильных позиций текста (Знак «парковка запрещена»/ARAÇ GİRİŞİDİR/PARK YAPILMAZ), отсутствием императива к аналоговому мышлению суггеренда («стрелка «НАПРАВО» / KARS BELEDİYESİ YOL ÇALIŞMASI»). Исключение составляет лишь один

пример из нашей картотеки (KARS KENT TURU / TAŞKÖPRÜ 2 / 5 km), выполнений на разноцветном фоне, что объясняется его коммуникативной функцией – информировать туристов во время тура по городу.

К исторически сложившимся формам ЛЛ любого населенного пункта относятся также надписи с четко выраженной коммуникативной стратегией предупреждения: YASAK! «Запрещено!», ÖLÜM TEHLİKESİ «Опасно для жизни!», KAZI ALANINDA GİRMEK TEHLİKELİ VE YASAKTIR «Входить на территорию раскопок опасно и запрещено!» ÇÖP DÖKMEK YASAKTIR! «Мусор высыпать запрещено!»; тексты регулятивного характера: YAVAŞ «Медленно!», DUR «Остановись!»; тексты, имеющие стратегию предупреждения: DİKKAT «Внимание!», стрелка / ELEKTRİK TEHLİKESİ / UZAK DUR! DİKKAT /BUZ / DÜŞEBİLİR «Осторожно! Возможно падения льда!» и т.п. Как правило надписи, представляющие этот сегмент ЛЛ города, выполнены заглавными буквами на одноцветном фоне (чаще синий, реже – желтый или красный) с использованием общей нейтральной, иногда с «спокойной»: (KALE İÇERİSİNDE PİKNIK YAPMAK YASAKTIR) семантикой «ненавязчивой доброжелательности»: (LÜTFEN / ÇİNLERE / BASMAYINIZ).

Современной сферой выражения собственного «Я», личных креативных потенциалов является жанр стрит-арта, граффити и рейтинговых теговых презентаций, выполненных на стенах публичных мест города разноцветными красками, и которые имеют особое влияние на поведение человека, детерминированные поведенческими стереотипами современной турецкой молодежи, и, пожалуй, больше всего имеют уровень читабельности и «замечаемости». Для карского ЛЛ релевантными есть несколько типов этого жанра: футбольная тематика (Beşiktaş; FB; Gay Fenerbahçeliler); политические мотивы (MHP köpek); интимного характера (SENİ SEVİYORUM; AYRILSAK DA☺ / BERABERRİZ☺); часто встречающимися надписями типа BURASI SATILIK/номер телефона); закодированных месседжей: E♥B Emrah; ПeLyэsэII / By Leqend и т.д.

Информативная функция текстов сохраняется также и в надписях на памятниках и мемориальных досках, которая вызывает у карсцев «определенные тактики социального поведения» [Слухай, 58], а у гостей города уважение к культуре и традициям турецкого народа. Показательный в этом плане есть часто встречающийся текст: черно-белый портрет Ататюрка / Olmasaydın... Olmazdık. / 1881-193∞ («∞» – знак бесконечности).

Высокий уровень информативности имеют надписи на сакральных зданиях (EVLİYA CAMİİ), культовых сооружений (MAZLUM AĞA HAMAMI, турецкий флаг / Kars belediyesi / FETHİYE CAMİİ meydanı; HAVARİLER KİLİSESİ / KÜMBET CAMİİ). Так для адекватного восприятия текста один из участников «заочного» коммуникативного акта должен знать, кто такой Святой Али (HZ. ALİ ÇARŞI CAMİİ), иметь представление о жизненном и творческом пути Харакани (монограмма / HAKANİ KÜLTÜR MERKEZİ), исторический дискурс эпохи Султана Явуза (султанская тугра / YAVUZ SULTAN SELİM / KAPISI), определенные концепты сакральной сферы, релевантной для турецкой лингвокультуре (ESMER KARALAR HAYRATI / год открытия; KURBAN KESİMİ YAPILIR/Dilaver Usta/телефон), причем все надписи этого диапазона выполнены в разных стилях. Надписи сакрального локуса в ЛЛ г. Карса характеризуются размытостью четких линий, абстрактным характером, включением в текст надписей фактологической и фоновой информации, экстралингвистическими факторами сенсорного влияния, полным отсутствием элементов экзонимии.

Обзор исторически сложившихся форм ЛЛ г. Карса, их коммуникативных и программных особенностей показывает, что, во-первых, все они имеют четко определенный коммуникативный (вербальный) характер, во-вторых, тексты сакрального характера не поддаются директивным указаниям.

Таким образом, современный ЛЛ г. Карса – численная, жанрово-структурированная система, включающая в себя элементы разных семиотических систем. Анализ ЛЛ свидетельствует о существовании значительной доли сакральных сегментов, указывающих на связь с прошлым и культурно-религиозной традицией, которая не подпадает под влияние административно-правовых факторов, и составляет определенный «символический порядок».

Литература:

Белей Л. Соціолінгвістичне висвітлення терміна «мовний ландшафт» / Л. Белей // Наук. вісн. Ужгор. ун. Серія: Філологія. – 2010. – Вип. 23. – С. 36-41

Белей Л. Класифікація елементів мовного ландшафту / Л. Белей // Наук. вісн. Волинського нац. ун. імені Лесі Українки. Серія: Мовознавство. – 2012. – Вип. 1 (226). – С. 10-16.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

Слухай Н.В. Суггестия и коммуникация: лингвистическое программирование поведение человека: учебно-методическое пособие / Н.В. Слухай. – К.: ИПЦ «Киевский университет», 2012. – 319 с.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ MODUS VIVENDI: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ Б. АКУНИНА

Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов

УрФУ, Екатеринбург (Россия)

Аннотация: Статья посвящена характеру художественной репрезентации национального дискурса в творчестве Б. Акунина. Материалом для анализа стал литературный проект «Приключения Эраста Фандорина». Основные уровни исследования проблемы национального в романах писателя следующие: мировоззренческий (система достраивания национального мифа); сюжетно-композиционный, в рамках которого рассмотрена и конфликтология, основанная на принципиальном неузнавании и непонимании наций друг другом; персонажный и языковой уровни с точки зрения их национальной / инонациональной маркированности. В результате показано, какими приемами писатель пользуется, ставя в своих романах нации в ситуацию культурного диалога, выявляя тем самым их самобытность и одновременно штампы и стереотипы этой самобытности.

Ключевые слова: национальная идентичность, *modus vivendi*, национальные барьеры восприятия.

THE NATIONAL MODUS VIVENDI: REPRESENTATION OF B. AKUNIN

Abstract: The article is devoted to the nature of the artistic representation of the national discourse in Boris Akunin's work. The material for analysis was the literature project «The Adventures of Erast Fandorin». The main levels of studying the problem of the national in the writer's novels are the following: the level of outlook (the system of national myth completion); that of subject-composition, based on the principle of not-recognizing and national misunderstanding of each other, in the latter the conflictology being considered as well; the level of characters and of the language from the point of view of their original / borrowed ethnical identity. As a result, there is shown what devices the writer uses through putting the nations in a situation of cultural dialogue in his novels, therefore revealing their ethnical individuality and, at the same time, clichés and stereotypes of this identity.

Key words: national identity, *modus vivendi*, national barriers of perception.

Б. Акунин принадлежит к тем современным писателям, для которых проблемы национальной принадлежности и национального *modus vivendi* являются важнейшими и так или иначе непосредственно представленными в творчестве: от знаменитого литературного проекта «Приключение Эраста Фандорина» до книги-блога «Любовь к истории». Особый путь России, «тайна русского характера», предопределенность трагизма русской истории, особое географическое положение, парадоксально соединяющее азиатчину и европеизм – все названные вопросы находятся в центре внимания филолога, переводчика, автора книги «Писатель и самоубийство», публицистического эссе «Но нет Востока и Запада нет (о новом андрогине в мировой литературе)», ныне уже и оппозиционного политика, а так же автора романов, подписанных и Б. Акуниным, и А. Брусникиным, и А. Борисовой.

В силу особенностей своего происхождения (грузин по отцу и еврей по матери), своего воспитания (русская культура), своего образования (английская школа, историко-филологическое отделение Института стран Азии и Африки), своей первоначальной профессии (историк-японист, переводчик с японского и английских языков), Б. Акунин не мог не обратиться к проблеме национальной идентичности и национального *modus vivendi* во всей их сложности и противоречивости. Б. Акунин – писатель, остро ощущающий свою безусловную принадлежность русской культуре, пишущий по-русски, но всегда помнящий о своей некой «инаковости», что

дает ему возможность осмыслять русскую ментальность, характер, историю, судьбу и место России в мире, по крайней мере, с двух позиций: изнутри и несколько отчужденно-отстраненно и (с художественной точки зрения) отстраненно.

Художественный мир Акунина никогда не бывает мононационален. И дело не только в географической широте и свободе его художественного пространства: от Москвы, Петербурга, русского провинциального Заволжска, русского староверческого Севера до Англии, Франции, Японии, Германии, Швейцарии, Болгарии, Америки, Турции, Азербайджана и т.д. Дело в том, что Акунин любит разыгрывать «национальную карту» буквально на всех уровнях текста.

Прежде всего, презентация национальных стилей мышления и поведения дана писателями через своеобразную систему национальных зеркал. Ее создают и в нее «вглядываются» фактически все народы и категорически не узнают себя, при полной уверенности в том, что их собственное оценочное зеркало, в котором проступает лицо другой нации, не искажает действительные черты «другого». Причем, эта «взаимонеузнаваемость» наций под пером Акунина становится все резче, что вынудило писателя в своем последнем романе «Черный город» сделать предуведомление «От автора (во избежание недоразумений)», напечатав его на авантитуле: «Я с совершенно одинаковой симпатией отношусь и к азербайджанцам, и к армянам, глубоко уважаю обе эти нации и продолжаю надеяться, что они помириятся» [1, с. 1].

Осмысление чужого национального образа поведения представлено и на языковом уровне. Акунин – всеми признанный стилист. В аннотациях к изданиям фандоринского проекта обращается внимание на то, что они написаны «чистым филигранным русским языком» [2, с. 4]. Стилизаторская филигранность текста Акунина безусловна, но «чистота» русского языка всегда оттенена, разбавлена и подчеркнута иноязычием самого разного свойства и характера, вплоть до того, что редко кто из героев говорит правильным русским языком. Текст Акунина буквально переполнен фразами на французском, немецком, японском, турецком, азербайджанском, армянском и требуют специального перевода в сносках. Часто употребляются иностранные слова, «вкрапленные» в русскую речь и переведенные в самом тексте. В романах писателя звучит «плохой русский», «плохой немецкий», «плохой английский», «плохой французский».

Сродни языковой игре игра, воплощенная в поэтике названий. При наличии в творчестве писателя названий, прямо или косвенно указывающих на «русскость» текста («Статский советник», «Особые поручения»), немало и таких, что содержат прямой иноземный («Нефритовые четки», «Коронация») или общекультурный акцент («Азazelь», «Смерть Ахиллеса»), или прямо вводят инонациональный сигнал – «Турецкий гамбит». В сборнике новелл «Нефритовые четки» принцип национального смешения особо очевиден, поскольку уже в их названиях репрезентировано несколько культур. «Сигумо», «Table-talk 1882 года», «Чаепитие в Бристолe» – прямая национальная маркировка. «Долина мечты» (американская мечта) и «Перед концом света» (русская эсхатология) – косвенная. «Скарпея Баскаковых» – узнаваемость классической «Собаки Баскервилей», перенесенной на русскую почву. «Узница башни, или Краткий, но прекрасный путь трех мудрых» – указание и на «Узника замка Иф», и на бесконечные легенды, в том числе русские, о прекрасной узнице, и на мудрые притчи Востока.

Выявляя специфику национального поведения, Акунин любит смешивать два традиционных сюжета: «приключения иностранцев в России» и «русский за границей». Зачастую героям его романов нужно выбрать и разоблачить один из двух заговоров: нигилистический (= революционный) или международный. Предпочтение отдается второму, поскольку он является более всего национально маркированным. Типично русского героя в общепринятом смысле у Акунина почти нет. «Типично русский», с точки зрения писателя, тот, кто соединил в себе несколько кровей и обладает той способностью, которую Достоевский определил как «всемирная отзывчивость». Таков Фандорин, род которого ведется от Фон Дорна. Герой, как и его создатель, уже в четвертом романе литературного проекта («Смерть Ахиллеса») становится япономаном, что, впрочем, не исключает улыбки автора, в какой-то степени оборачивающейся и самоиронией.

Национальные кросс-образы, являющиеся, как правило, героями положительными, противостоят всегда отрицательным героям-космополитам, преступникам-убийцам. Такова международная авантюристка, убийца Рената Клебер («Левиафан»). Таков профессиональный убийца Ахимас Вельде («Смерть Ахиллеса»). По Акунину, Ахимас становится профессиональным убийцей, поскольку у него было три бога и три языка (смесь голландского с немецким – от отца, чеченский – от матери, русский – от среды, в которой вращался). В результате, Ахимас остался без Бога («Бога нет») и без языка («молитвы – глупость»). И в этом Акунин видит причины абсолютного пренебрежения своего героя к чужой жизни.

С точки зрения современного писателя, языковые, визуально- антропологические, физиологические, бытовые барьеры – следствие инаковости ментального характера. Барьер чужого, вплоть до чуждого, сознания порождает комический, но чаще трагикомический конфликт, непреодолимый для массового сознания. Например, японец Гинтаро Аона глазами француза «папаши Гоша» представлен так: «Вообще же дикарь дикарем. В салоне обмахивается ярким бумажным веером, будто педераст из развеселых притонов на рю Риволи. По палубе разгуливает в деревянных шлепанцах, хлопчатом халате и вовсе без панталонов. Гюстав Гош, конечно, за свободу, равенство и братство, но все-таки не следовало такую макаку в первый класс садить» [3, с. 25].

Но не менее остра, открыто физиологична модель восприятия японцем европейцев: «Семь лет жизни среди рыжеволосых варваров так и не приучили меня к некоторым их отвратительным привычкам. Когда я вижу, как утонченная Клебер-сан режет ножом кровавый бифштекс и потом облизывает розовым язычком покрасневшие губы, меня начинает тошнить [3, с. 110].

Б. Акунин не устает под разной оптикой показывать ярмарку национального тщеславия, но убежден в том, что интеллектуальность и аналитизм могут снять комплекс инонационального неприятия. Название книги «Нефритовые четки», объединяющее десять новелл, чрезвычайно полисемантично: от бытового контекста (любимые четки Фандорина) до национально-исторического (каждая четка – народ со своим укладом, этническими традициями и заблуждениями) и философского (только собранные в одну нить они символизируют гармоническую целостность мира, которую может постичь и чувство, и ясная просветленная мысль). Фандорин, обладатель четок, приходит к знанию о том, что только собранные вместе, но, оставаясь сами по себе, нации могут сохранить цивилизованный статус человечества. Именно поэтому любимый герой Б. Акунина из российского сыщика становится человеком мира, который способен навести порядок, восстановить справедливость, разоблачить преступника и в Йокогаме, и в Рио-де-Жанейро, и в Москве, в том числе в одном из центров преступного мира – Сухаревке, и в Бристоле, и в американском салуне, и в староверческом скиту, и в английском замке, и в русской дворянской усадьбе.

Библиографические ссылки:

1. Акунин Б. Черный город. – М.: Захаров, 2012. – 368 с.
2. Акунин Б. Азазель. – Москва – Назрань: Захаров. АСТ, 2000. – 237 с.
3. Акунин Б. Левиафан. – М.: Захаров, 2005. – 319 с.

ПОЛИЛИНГВАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ЖИТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Т. В. Попова, Ж. А. Храмушина

УрФУ, Екатеринбург (Россия)

В статье рассматривается такая особенность языкового сознания жителя современного мегаполиса, как пассивная полилингвальность. Последняя формируется вследствие воздействия на человека полиязычного языкового пространства города. Рассматриваются неймы предприятий питания г. Екатеринбурга, совмещающие в своем составе элементы разных языков, и их влияние на языковое сознание жителя мегаполиса.

Ключевые слова: языковое сознание, полилингвальность, языковое пространство города, эргоним, нейм, графикаст.

MULTILINGUALISM OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE MODERN CITY DWELLER

The article deals with passive multilingualism, specific trait of linguistic consciousness of the modern city dweller. It is formed due to impact of multilanguage city linguistic space on its dweller. Names of Yekaterinburg companies which combine elements of different languages and their influence on linguistic consciousness of modern city dweller are researched.

Keywords: linguistic consciousness, multilingualism, city linguistic space, ergonym, trade name, graphyxate.

Современный крупный город – в условиях глобализации социально-экономической, культурной, политической и иных сфер общества, в условиях активной миграции населения – предполагает каждодневное столкновение различных культур, обычаев, религий, традиций, языков. Эти процессы охватывают все аспекты существования мегаполиса, в том числе серьезно модифицируют его языковое пространство, придавая ему поликультурный, полилингвальный характер. Последнее обстоятельство оказывает серьезное влияние на языковое сознание современного горожанина, т.е. на ту ипостась, часть сознания, которая связана с речевой деятельностью человека. Языковое сознание неизбежно приобретает качество полилингвальности, большей сложности и глубины, чем те, что характеризуют сознание монолингвальной личности.

Ярким свидетельством этого является языковое пространство такого крупного города, как Екатеринбург. Достаточно обратиться к неймам (эргонимам), которые в XXI в. часто имеют гибридный, двуязычный характер. Особенно показательны неймы предприятий питания, с которыми жители города и его гости сталкиваются постоянно.

По данным рекламно-справочного сайта <http://vibirai.ru/ekaterinburg/> в октябре 2012 г. в г. Екатеринбурге зарегистрировано 996 предприятий питания: ресторанов, кафе, пиццерий, баров и т.п., каждое из которых имеет искусственно созданное имя-эргоним. При этом графо-орфографическое оформление 435 неймов, или 44 % от всех, не является узуальным.

Для системы эргонимической номинации периода перестройки в целом характерно отсутствие жестко закрепленных норм, общепринятых канонов [Романова 2006: 80]. По мнению современных исследователей, графическая окказиональность эргонима связана с его рекламной функцией: форма нейма в силу его необычности должна привлечь внимание потребителя, заинтересовать его. Эффективность такого приема при столь широком его распространении может быть поставлена под сомнение: окказиональность (несистемность) «работает» на фоне количественно доминирующей узуальности (системности), в рассматриваемой же группе эргонимов удельный вес графически окказионального и узуального вполне сопоставим.

Отступления от норм русского письма при оформлении эргонимов Екатеринбурга разнообразны: обычно они связаны с совмещением в одном слове элементов разных языков или орфографических норм разных временных пластов.

- Наиболее частый прием – использование графических средств иностранного языка в оформлении неймов. Он охватывает более 200 эргонимов, оформленных не кириллической, а латинской графикой: *Agave, Al Capone, American Hot Pizza, Babooshka, Ballad, Bamboo, Barbara, barBQ, BarHouse, Bella Napoli, Bellissimo, Ben Hall, Berry Bar, Biennale, Black bar, Brut Bar, Brv, Bukowski, Cat's Cafe, Cherry Berry, Chianti, City Bar, Coffe Break, Coffe Mall, Dolce Vita, DolceAmaro, Donna Olivia, Dostavka-Sushi, Express Food, Havana Club, Hippo, MeSto, Milk & Coffee* и под.

Такие неймы относятся к заимствованиям-вкраплениям, которым не свойственна графическая ассимиляция слова языку-реципиенту. Эргонимы данной группы оформлены латиницей, но соотносятся с разными языками: английским (*The Art Grand club, Sweetcafe*), немецким (*Weissen Beer Haus*), французским (*Mon Plaisir*), итальянским (*Dolce Vita*), испанским (*El Gusto*) и др. Неймы, оформленные по правилам кириллического письма – болгарского (*Кръчма София, Злата Печка*) или сербского (*Српска кафана, ресторан сербской кухни*), – немногочисленны.

Среди латинизированных неймов встречается ретранслитерация русских (хорошо знакомых и легко опознаваемых носителями русского языка) слов: *Angel* (Ангел), *Babooshka* (Бабушка), *barBQ* (Барбекю), *Dostavka-Sushi* (Доставка-суши), *Ekaterinburg* (Екатеринбург), *Kollbasoff* (Колбасофф), *MeSto* (МеСто), *Mojo* (Мое), *Pashkin-bar* (Пашкин-бар), *The Perchik* (The Перчик), *Veranda* (Веранда), *Zasada* (Засада). Такие образования получили имя транслитерированных реверсивов [Самсонова 2011: 36].

Если латинизированные неймы первой группы позволяют предположить, что их реципиент, житель или гость мегаполиса, является полиглотом, знающим несколько европейских языков, то группа транслитерированных латиницей русских имен – то, что он креативная личность, способная воспринять языковую игру с орфографической формой слова (найти русское в иноязычной форме).

- Еще одна группа графических окказионализмов-эргонимов состоит из неймов-полиграфикатов [Попова 2009: 164], в оформлении которых одновременно используется графика разных языков, в основном кириллица и латиница. Их значительно меньше – около 20 имен: *Azuataж, Золотой Ris, Квартал Pro, Пекара by Петровић, ПодЗемка, Спорт бар Carlsberg, Tri желания, ФрутMix, Фуриетoff, Чайкоffский, Шаверма-King, Шустoff.ка, SanКабан, Rock & Ролл*. Такие эргонимы, будучи преимущественно игровыми образованиями, выполняют не чисто номинативную, но экспрессивно-рекламную функцию: в *Шаверма-King* подают не просто шаверму, но шаверму королевского размера; *Фуриетoff* – кафе, где не только организуют фуршеты, но и предлагают услугу выездных фуршетов; *Шустoff.ка* – не просто кафе, владелец которого демократичный, не снобистски настроенный (.ка), западничски ориентированный (-off) господин Шустов, а кафе для среднего класса, где возможны блюда на вынос (-off).

- Достаточно часто при создании неймов используется кириллица, обычно для транслитерации заимствований-экзотизмов либо не освоенных (не полностью освоенных) русским языком слов. Эта группа неймов предприятий питания включает в свой состав около 150 эргонимов: *Аль-Шам, Антрэ, Арт Хаус, Асадо, Бай-Бабай, Байрам, Гордонс бар, Дастархан, Дежа вю, Дель Песто, Джага, Донер-кебаб, Заравиан, Идзумо, Латте, , Ля Фамилья, Магик пицца, Мак Пик, Макдоналдс, Макрус, Максим Холл, Мацури, Мачо Пикчо, Мокачино, Мокко, Мон Плезир, Моретти, Моцарелла, Навруз, Тануки* и под.

Часть таких неймов знакома екатеринбуржцам, поскольку они манифестируют бренды (*Баскин Роббинс, Кофе Хауз, Сандей, Макдоналдс, Штолле*), именуют блюда национальных кухонь (*Везде Суши, Вездесуши, Лагман, Моцарелла*), национально специфические реалии (*Бонсай, Конкиста, Ля Фамилья, Мачо Пикчо*). Большая же часть неймов (*Идзумо, Икан, Капкейня, Саюри, Сбарро, Синнабон, Сушиба, Хотэи, Чойс, Эффе, Ялла* и др.) обладает лишь символической или ассоциативной номинативностью, т.е. пониженной информативностью, вследствие их слабой

мотивированности. Положение усложняется тем, что их восприятие и расшифровка предполагает знание рецепиентом не только европейских, но и некоторых восточных языков: японского, узбекского, таджикского, казахского и др. Представляется, что эти факторы ограничивают номинативно-прагматический потенциал данной группы эргонимов.

- Графо-фонемная окказиональность неймов предприятий питания проявляется в фонетизации их написания в соответствии с языком-источником: *Пати-шах* вместо привычного *падишах*, *Ходжа Насретдин* (кафе) вместо *Насреддин*, *Цыплята Табака* вместо Цыплята Табака, *Сушкоф* вместо *Сушков*, *Тинькофф* вместо *Тиньков*.

- В эргониме возможно также неузואльное использование прописных и строчных букв, иногда связанное с актуализацией в составе русского слова иноязычных морфем. В рамках отдельного слова выделяются некоторые буквы, по каким-либо причинам значимые для создателя нейма, что приводит к изменению членности слова и его новому осмыслению: *БлинОфф* (*БлинОфф* – блины на вынос (-офф) в блинной «*БлинОфф*»), *ЖарКо* (*Жар* и *Ко* “компания”), *РоллИкс* (*Ролликс*, *Ролл* и *Икс*), *ТриО* (*Три О*). Игры со статусом букв (прописная/строчная) внутри слова характерны и для латинизированных эргонимов: *barBQ* (Барбекю), *GoA*.

- Графо-фонемная окказиональность современных эргонимов проявляется также в использовании устаревших букв, обычно Ъ (ерь) с нулевой фонемной нагрузкой: *В. БородинЪ*, *ДемидовЪ*, *ЕдовозовЪ*, *КулинарЪ*, *ЛюбовЪ* и *ГолодЪ*, *МаниловЪ*, *ОбедовЪ*, *Сибирский ТрактирЪ*, *ПироговЪ*, *ТихвинЪ*, *ТроекуровЪ*. Активное использование данного элемента связано с его высоким коннотативным потенциалом: Ъ обычно служит символом надежности, длительного существования компании, признаком следования старым русским традициям.

Анализ современных эргонимов Екатеринбурга, являющихся неймами предприятий питания, свидетельствует о значительном доминировании среди них рекламно-информационных номинаций, что коррелирует с результатами других исследователей искусственной номинации столицы Урала. Так, Н. В. Шимкевич, анализируя эргономикон городов-миллионников Урала и Сибири, отмечает, что прагматизм неймов Екатеринбурга наиболее высок: у Екатеринбурга он равен 60 %, у Омска – 49 %, у Перми [Шимкевич 2002: 20].

Пассивно-принудительное восприятие разноязычных эргонимов современным горожанином предопределяет полилингвальность его языкового сознания при монокультурности сознания в целом. По мнению Н.В. Уфимцевой, «овладение вторым языком вне культурной среды этого языка приводит лишь к билингвизму, а не к бикультурности, поскольку индивид овладевает лишь внешним, формальным языком данной культуры. Образ мира, т.е. те знания, с которыми работает внутренний язык, принадлежит родной культуре, и в случае искусственного билингвизма формируется лишь умение переводить знания, принадлежащие образу мира своей культуры, на внешний (формальный) язык другой культуры. В этом и кроются основные трудности межкультурного общения» [Уфимцева 2012: 128], в условиях которого живет житель современного мегаполиса.

1. *Попова Т. В.* Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. Т.В. Попова // Лингвистика креатива : коллективная монография. – Екатеринбург : УрГПУ, 2009. – С. 147–176.

2. *Романова Т. П.* Эволюционные процессы в области современной российской эргонимической терминологии Т. П. Романова // Вопросы ономастики. – 2006.– № 3. – С. 76–83.

3. *Самсонова Е. С.* Стратификация графико-фонетических иноязычных средств в эргонимии (на материале номинаций г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. – 2011. –№ 345. – С. 34–37.

4. *Уфимцева Н. В.* Этнический язык в условиях культурной и языковой полифонии // Филология и культура. – № 2 (28). – С. 129–132.

5. *Шимкевич Н. В.* Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты : автореферат диссертации ... канд. филол. наук. – Екатеринбург : УрГУ, 2002. – 23 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЛОРИЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Д. Размадзе, Н. Хазалия

Тбилисский университет им. Сулхан-Саба Орбелиани, Тбилиси, Грузия

«Желание славы свойственно всем людям. Мы как бы умножаем свое существо, когда можем запечатлеть его в памяти других»

Ш. де Монтескье

Эмоции как феномен душевной жизни человека универсальны, но их языковая репрезентация отличается в различных языках. Статья посвящена контрастивному анализу экспликации глорических эмоций в русском и английском языках. Глорические эмоции связаны с потребностью в самоутверждении и славе, в стремлении завоевать признание, уважение и почет. Анализ обширного языкового материала позволил установить универсальное и этноспецифическое в языковой экспликации глорических эмоций, которые охватывают все сферы жизнедеятельности человека.

ключевые слова: глорические эмоции, слава, языковая экспликация, градуация признака.

VERBALIZATION OF GLORIOUS EMOTIONS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

D.Razmadze, N. Hazalia

Emotions as phenomena of a human's psychic life are universal, but their linguistic representation varies in different languages. The article is devoted to the contrastive analysis of explication of glorious emotions in the Russian and English languages. Glorious emotions are related to the need for self-affirmation and fame, to an effort to gain recognition, respect and honor. The analysis of the extensive linguistic material allowed us to determine universal and ethnically specific features in linguistic explication of glorious emotions that cover all areas of human activity.

Keywords: glorious emotions, fame, language explication, feature graduation.

Когнитивная активность человека, его мысли и опыт не сводятся к рассудочному восприятию реальности, поскольку сопровождаются разнообразием чувств и эмоций. Объектом лингвистического анализа сфера эмоциональной деятельности человека является лишь в той мере, в какой она находит отражение в языке. Если сами эмоции как феномен душевной жизни человека универсальны, то их языковая репрезентация отличается в различных языках.

В данной статье мы отталкиваемся от классификации эмоций И. Додонова [1978: 272], которая основана на критерии «потребности и цели», т.е. мотивы, придающие непосредственную ценность процессу жизнедеятельности человека. В указанной классификации наряду с альтруистическими, коммуникативными, романтическими и др., выделяются и глорические эмоции. Глорические эмоции (*от лат. gloria, слава*) связаны с потребностью в самоутверждении и славе, в стремлении завоевать признание, уважение и почет. Они возникают, когда человек становится образцом для подражания, предметом всеобщего внимания и восхищения. Предметом анализа в данной статье является языковая экспликация глорических эмоций в русском и английском языках.

Представления о поведении, жизни и подвигах человека, достойных славы, в той или иной степени присутствуют в национальном сознании любого народа. Эта самостоятельная культурная область бытия служит неизменным фоном существования человека. Подтверждение этому можно найти в многочисленных афоризмах, пословицах, поговорках и фразеологизмах разных народов. В архаических культурах слава воспринимается как спасение от забвения: «Если тебе не спастись от смерти, умри по крайней мере со славой» (Эзоп); «Жизнь коротка, но слава может быть вечной» (Цицерон). Следовательно, можно предположить, что еще на архаичном уровне мировосприятия в языках лингвистического макроареала «Старый свет» концептуализировалась краеугольная формула «слава – путь к бессмертию». Вместе с тем, в процессе эволюции сознания и культуры, каждый конкретный

этнос развивает уникальные самобытные черты мировосприятия. Последнее, как известно, связано, в том числе, и с типом географической среды, в которой распространяются и развиваются языки, с религиозными и морально-этическими установками, ценностными ориентирами конкретной культуры. Осмысление понятия «слава» в русской и британской лингвокультурах, как свидетельствует проанализированный нами обширный экстралингвистический материал, формировались на фоне относительно сходного исторического контекста (от античности до современности, что подтверждается принятой периодизацией эпох в истории Европы) и под влиянием христианства, как доминирующей религии. Но в процессе эволюции отдельный этнос развивает самобытное мировосприятие, которое отражается в языковой форме посредством увеличения семантической плотности тематической группы.

Вербализаторы глорических эмоций в русском языке (по данным лексикографических источников)⁴⁰ отражают осмысленную языковым сознанием дихотомию:

слава
 ↓ ↓
 почетная известность слухи, толки, молва

Дихотомия основана на градации ценностного признака: слава – всеобщее признание достоинств, доблести и т.п. (высший регистр) и слава – слухи, толки, молва (снижение ценностного признака). Эти отношения охарактеризованы антонимизацией смысла «общее мнение о ком, о чем»: языковое сознание допускает концептуализацию: *добрая* ↔ **слава** ↔ *худая*.

Коллокация «худая слава» становится концептуальным синонимом «слухи, толки, молва» (словари фиксируют пометой «перен.») и «репутация». Поэтому градуация может быть представлена следующим образом:

- высший регистр – всеобщее признание достоинств, доблести и т.п.;
- средний – сложившееся мнение о ком-, чём-л., репутация;
- низший – слухи, толки, молва (преимущественно с отрицательной коннотацией).

Сопоставим с данными английского языка⁴¹:

Glorify

↓ ↓
 high renown or honour honourable fame; subject for boasting

Ценностная градуация, по нашим данным, совпадает в обоих языковых сознаниях. Выявлено отличие: словари русского языка фиксируют и отрицательную оценку славы, что не зафиксировано в словарях английского языка при дистрибуции значений лексемы *Glorify*. Но этот смысл может передаваться, к примеру, языковой единицей *Notoriety*, которая эквивалентна русской коллокации «дурная слава».

Установлено, что в обоих языках глорические эмоции неотделимы от понятий:

- **Честь, достоинство:** (безгрешный, восхищение, гордый, дело чести, удостоиться чести, с честью выполнить долг ↔ pride ЛСВ1, а) (to take great pride in...), lordiness ЛСВ3, matter of honour, be given/afforded the honour (of ger), honourably discharge one's duty (to), valour) // «отрицательная оценка» (бесчестие, бесславный, уязвленная гордость, гордыня, мания величия, покрывать позором, много чести ↔ wounded pride, self-conceit, worthy (of), chastity ЛСВ2, ЛСВ4, lordiness ЛСВ2, glorify ЛСВ3, cowardice, (he) doesn't deserve the honour);

- **Доблесть** (герой, смерть, бессмертие, лавр, славить, мемориал, победа, стяжать славу ↔ worthiness, hero, immortal fame, sing smb's praises, glorify ЛСВ1, Death or glory); // «отрицательная оценка» (бесславие, позор, слава померкла ↔ dishonour, dishonesty, [self-restraint](#), disgrace, infamy);

⁴⁰ к исследованию привлечены: [Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля](#), Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, Малый академический словарь (МАС) под ред. А. П. Евгеньевой, Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (БТС-2000), Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева (2003), Фразеологический словарь русского языка под ред. А. И. Молоткова; онлайн версия Нового толково-словообразовательного словаря русского языка Т. В. Ефремовой-2000

⁴¹ к исследованию привлечены: Merriam Webster's Collegiate Dictionary, Compact Oxford English Dictionary, Collins English Dictionary, The Concise Oxford Dictionary of Current English, Cambridge Advanced Learner's Dictionary

• **Известность** (великий, популярность, блистать, почет, кумир, овация, звезда, самовосхваление, медные трубы, звезда первой величины ↔ worship, Grand, the Great, outstanding, nobleman, star, ovation); // «отрицательная оценка» (славолюбивый, честолюбец, калиф на час, слава тускнеет ↔ pride ЛСВ1, b) (His pride may still be his downfall), self-praise, to burst with pride, King for a day);

• **Имя, репутация** (авторитет, именитый, идеал, достойный, реноме, достопочтенный, безупречный, неподкупный, человек чести ↔ radiance, distinguished, famous, The radiance of the regal name, worthy of (one's) name, man of honour, hold dear [value] one's reputation); // «отрицательная оценка» (тщеславие, дешевая, двусмысленная, скандальная, худая [слава], не делать чести (кому-л.) ↔ vanity, vainglory, conceit, glorify ЛСВ3, vanity Fair, to dishonour one's name, do no honour);

• **Власть** (властелин, король, царь, коронованный, властвовать, вождь, знатность ↔ imperious, leader, noble, lord ЛСВ1, ЛСВ2, ЛСВ3, Lord ЛСВ2, King of glory); // «отрицательная оценка» (властолюбец, властность, властолюбивый ↔ haughty, oberbearing, power-loving);

• **Божественная слава** (ореол, нимб, венец, сияние, осанна, слава в вышних Богу!, Славить Христа, превозносить до небес ↔ wordhip, nimbus, halo, shaining, halo of sanctity and miracle, glory to God in the highest, to praise to the skies); субфрейм «профанное» (на славу, Слава богу, слава тебе, господи!:) междометие, вводное выражение, в значении сказуемого; 2) вводное выражение; 3) в значении сказуемого ↔ God be praised!, thank goodness!, thank God!);

• **Слухи, толки** (одобрение, славословить, хвала, восхвалять ↔ extol, to sing one's praises, to bestow; // «отрицательная оценка» (молва, слухи, слухок, ославлять – ославить, ходит [дурная] слава, только и слава ↔ defame, defamation, dishonour, asperse, discredit, gossip (about), censure).

В обеих лингвокультурах глорические эмоции могут передаваться лексическими единицами, которые связаны с тематической группой «слава» по сигнификативному признаку, который актуализируется в контекстах. К этой группе мы относим, к примеру: *богатство – Riches, смерть – Death, мужество, смелость – Brave, Bold, удача – Fortune, успех – Success, процветание – Prosperity, самовосхваление – Self-praise.*

Единицы фразеологического и паремиологического фондов обоих языков содержат не только этномаркированные смыслы, как например, *подмоченная репутация, Every inch a king*, но и универсальные: *Little things amuse little minds ↔ Малые птички свивают малые гнезда; There are lees to every wine ↔ И на солнце бывают пятна.*

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что вербализация глорических эмоций в обеих лингвокультурах охватывает все сферы жизнедеятельности человека, а их языковая экспликация отражает как универсальные, так и этномаркированные смыслы.

Список литературы:

1. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. Москва, 1978. – 272 с.

НЕКРАСОВЦЫ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ:

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

И.Р.Рамеева

Окан университет, Стамбул (Турция)

Литератор и религиозный философ Константин Н *Аннотация*. В данной статье исследуется произведение Константина Леонтьева «Мой приезд в Тульчу», представляющее воспоминания автора о его проживании в Тульче (Тулча – город в Румынии, входивший тогда в состав Османской империи) и о русских раскольниках, казаках-некрасовцах, подданных Османской империи. Воспоминание было впервые опубликовано в 1883 году в «Петербургских новостях».

Ключевые слова: русская литература, Османская империя, Тулча, Константин Леонтьев.

Annotation. In this paper we study the work of Konstantin Leontiev "My arrival in Tulcea", which represents the author's memoirs on his stay in Tulcea (a city in modern Romania, formerly the part of the Ottoman Empire) and about Russian dissenters ("Raskolniks"), the Nekrasov Cossacks, subjects of the Ottoman Empire. The memoirs were published in 1883 in "St. Petersburg News."

Keywords: Russian literature, the Ottoman Empire, Tulcea, Konstantin Leontiev.

Николаевич Леонтьев (1831-1891) наиболее известен своими художественными произведениями, вошедшими в известную книгу «Из жизни христиан в Турции». Однако, период жизни в Турции нашел свое отражение не только в художественных произведениях, но и в воспоминаниях. В данной статье речь пойдет о произведении «Мой приезд в Тульчу», в котором автор описывает свое проживание в Тульче⁴². Произведение впервые было опубликовано в 1883 году в «Петербургских новостях».

На дипломатическую службу в Тульчу Константин Леонтьев прибывает ранней осенью 1867 года. Прожив «пять лет подряд безвыездно в Турции» и воспевав красоты востока в своих произведениях Константин Леонтьев оказывается в Тульче в «уголке России под турецким владычеством». Тульча стала ему близка по причине того, что все здесь напоминает Россию, родное Кудиново: «Не выезжая из Турции - я дома! Не теряя ни одной из выгод положения русского агента на Востоке, - я опять как будто у себя на родине... Уж не в Калуге ли я моей милой? Вот опять розовый сарафан и пестрый фартук под окном моим; вот серая поддевка. Вот песня точно такая же горькая и прекрасная, какие я слышал в Кудинове нашем, за садом, в поле или в роще, в которой я помню даже, где какая трава растет!». [3]

После проживания в ярких городах острова Крит и два года в Адрианополе (Эдирне), сам город Тульча особо ничем не привлекает внимания Константина Леонтьева. Автор описывает Тульчу как невзрачный городок, ничем не приметный и без особых прекрас: «Все белые, штукатуренные, невысокие дома и широкие улицы; широкие улицы и белые дома. Одно и то же везде, и в этом однообразии нет ни стиля, ни красоты, ни какой бы то ни было архитектурной или живописной идеи. ... Да, это так: бесцветный, бесхарактерный, белый городок, построенный амфитеатром на полугоре, у берега низменного, унылого, безлесного» [3]. Константин Леонтьев против всего белого, одинакового, серого, однообразного. Его живой ум и глаза всегда ищут разнообразие красок и пестроту цветов. И как справедливо отметил Николай Бердяев, «эстетика его не выносила ничего среднего, умеренного,

⁴² Тульча (современное название) или Тульча ([рум.](#) Tulcea, турецкие названия — Нога-Терé и Tolçu) — город в [Румынии](#), в исторической области [Добруджа](#), административный центр [жудеца Тульча](#). (материал взят из <http://ru.wikipedia.org>, 20.08.2013).

неяркого» [1]. Именно поэтому, может быть ему очень понравилось предыдущее место его дипломатической службы – Адрианополь, откуда он приехал в Тулчу. Совсем другие впечатления оставляет Адрианополь в памяти Константина Леонтьева. Город Адрианополь автор описывает как «пеструю и живописную столицу прежних султанов»: «В Адрианополе деревянные, резные потолки были так разнообразно раскрашены, и разноцветные, узорные стены с турецкими шкафчиками так красивы, розовый с белым и светлосерым, пунцовые, синие, голубые, темно-розовые со светло-розовым. А здесь – белая штукатурка и белая штукатурка...» [3]. Для Константина Леонтьева увидеть Тулчу после Эдирне «все то же, что смотреть или читать какую-нибудь нынешнюю гладко и бойко написанную комедию после шекспировского "Короля Лира" или "Горациев" Корнеля» [3].

После такого восточного разнообразия и разноцветия, автор сетует на русский ум и русский вкус за его «недостаток творчества и стиля». В Тулче у Константина Леонтьева происходит борьба между «памятью сердца» и «потребностью ума». Как всегда он старается быть объективным. И здесь он мечтает «о независимой, оригинальной, богатой даже и внешними формами, великорусской культуре». Именно поэтому Леонтьеву, который томится «по своеобразию, силе и картинности» в Тулче по душе приходятся только раскольники «с их оригинальными формами, с их независимым духом, с их видом, вовсе не западным, не буржуазным...» [3].

Константин Леонтьев коротко дает историю переселения некрасовцев⁴³, объясняет происхождение экзотного названия, описывает их быт и нравы. История переселения некрасовцев в Османскую империю относится к XVII веку. Константин Леонтьев пишет, что «... под начальством Игната Некрасова ушли когда-то из России служить султану». Согласно А.А.Пригарину «на образование, так и на развитие этой группы в XVIII–XIX столетиях оказало влияние два фактора. Во-первых, социально-политический протест против „программы реформ“, начавшийся в истории Российской империи с Петра I. И, во-вторых, стремление сохранить старую „дониконовскую“ веру. Бескомпромиссность этих взглядов фиксирует известный кодекс обычного права – „Заветы Игната“, авторство которого фольклорная память приписывает первому атаману – Игнату Некрасову (1660–1737 гг.), выведшему предков казаков под юрисдикцию Османской Порты, на Кубань» [4].

А.А.Пригарин в своей статье рассказывает о происхождении названия «инат казак»: «На протяжении своей истории *некрасовцы* (самоназвание – и по происхождению, и по форме бытования), то есть общность бывших донских казаков, получила от своих соседей ряд экзотных названий (внешние наименования): *Кара-Игнат* („черные Игнаты“ – так прозвали их ногайцы за черные кафтаны); *Игнат-казаки* (турки – в честь их атамана; к слову, часть некрасовцев в Малой Азии в XIX ст. от турок получила еще одно близкое прозвище – „*Ин’ат-казаки*“ – „упрямые казаки“)» [4]. Автор отмечает, что происхождение этого названия связано с именем главного и легендарного предводителя казаков Игната Некрасова (1660–1737). Константин Леонтьев в воспоминании относительно значения «инат казак» отмечает очень интересную деталь и добавляет еще одно значение, которое он связывает не только со значением упрямости как характера, а с их упрямостью и непоколебимостью в вере: «Игнат казак», сначала звали их в Турции; звали их так, пока помнили самого атамана Игната, а потом стали звать «Игнат-казак», – упрямый казак, упрямый в вере своей, казак непоколебимый!...» [3].

Некрасовцы в Османской империи имели особые привилегии за верное служение султану. Эта привилегия заключалась в том, что им разрешалось строить церкви и колокольный звон. Константин Леонтьев отмечает, что «турецкая власть и турецкое начальство всегда любило своих подданных больше других христиан». Особое отношение турецкой власти к русским Константин Леонтьев объясняет еще и тем, что у русских подданных не было никаких других требований к власти турок кроме как свободы веры. Политика русских не интересовала: «русские под властью турок – не политики, подобно юго-славянам и грекам, им нужно только одно: свобода веры, и потому-то турки и дали им охотно эту свободу громко звонить, которую они другим христианам, более политикующим, без настоятельного вмешательства русской дипломатии, никогда не давали» [3].

⁴³ Некрасовцы (некрасовские казаки, казаки-некрасовцы, игнат-казаки) — потомки [донских казаков](#), которые после подавления [Булавинского восстания](#) ушли с [Дона](#) в сентябре [1708 года](#). Названы в честь предводителя, [Игната Некрасова](#). (материал взят из <http://ru.wikipedia.org>, 20.08.2013).

Представители турецкой власти стараются проявить хорошее отношение не только к некрасовцам, но и к России. Например, Сулейман паша – мутесариф⁴⁴ тулчинский посетив Константина Леонтьева предлагает ему вместе сделать визиты к трем консулам – австрийскому, французскому и эллинскому. Константин Леонтьев отмечает, что раньше он «никогда ничего подобного не слышал и не видал». Эта любезность объясняется тем, что представитель турецкой власти хочет показать «...многолюдному на Нижнем Дунае русскому (или вообще христианскому) населению, до чего теперь Турция с Россией ладят...» [3]. Да и сам Константин Леонтьев старался быть «поближе к местной власти, чем держаться за европейских агентов». Для него идеал русского консула на Востоке – это «Быть подружнее с пашою, если возможно, - если он поддается; и быть хоть сколько-нибудь популярным среди населения города и края...» [3].

Как отмечает в своей работе, известный исследователь биографии и творчества Ю.П.Иваск: «В книгах Леонтьева немного русских народных «типов», а в романах его они отсутствуют. Больше внимания он уделял балканским людям из народа — грекам, болгарам, туркам» [2]. Константин Леонтьев и в воспоминаниях остается верен себе. Лишь в воспоминании «Мой приезд в Тульчу» автор описывает русских-старообрядцев, с которыми ему приходится встречаться, проживая в Тульче. Как описывает автор, сразу по приезду он начинает жить в «большом, двухэтажном доме, хозяином которого был русский, богатый старовер – Филипп Наумов» [3]. Прислуживают Константину Леонтьеву две русские женщины. Константин Леонтьев даже подмечает, что «настоящие» русские: это – Акулина и Аксиныя. Тут писатель находит очень точные определения для характеристики этих женщин. Акулина – «очень лихая вдова, пожилая кокетка, даже пьяница...». Аксиныя же «скромная, добродетельная, замужняя и тоже немолодая женщина». Здесь нужно отметить леонтьевский стиль в умении находить два противоположных образа, и в умении находить точные, даже антономичные определения для раскрытия внутреннего мира народных характеров.

Интересный случай из народной жизни, а точнее драку среди пьяных мужиков в один из праздничных дней описывает Константин Леонтьев в воспоминании: «Слышу нашу брань и крики... Смотрю - на улице, у дверей питейного домика, небольшая толпа "мужиков", настоящих мужиков великорусских, с бородами и рубашками наружу... Подхожу и вижу: у одного на груди рубашка разорвана; у другого кровь на лице. Лица бледные, худые... Другие кричат что-то громко, тоже бранятся, иные молча смотрят; двое в стороне сидят спокойно, на лавочке, у ворот соседнего дома» [3]. Несмотря на то, что эти все люди были турецкими подданными и власти никакой над ними Леонтьев не имел, он решает их пристыдить тем, что «...Пятый год живу в турции и ни одного народа не видал, чтобы так скверно и часто напивался, как вы... добры слишком к вам турки, слабо вас держат...» [3].

В воспоминании Константин Леонтьев остается верным детальному приему в создании своего повествования. Здесь он использует этот метод для характеристики внешности людей, раскрытия их внутреннего мира, для описания предметов быта и окружения и как мы уже видели даже в детальном описании городов. Писатель в воспоминании подмечает все, что его окружает и что составляет основу национального характера. Мир народной культуры выражается в воспоминании через мельчайшие детали, которые в совокупности помогают составлять один общий целостный мир народного характера. Воспоминание «Мой приезд в Тульчу» небольшое по объему повествование, которое по стилю очень напоминает его очерки, в которых он с такой любовью описывает жизнь и нравы народов, населяющих Османскую империю того периода.

Список литературы:

1. Бердяев Н. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Paris: YMCA-Press., 1926.
2. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев (1831-1891). Жизнь и Творчество. Bern; Frankfurt/M.: H. Lang, P. Lang, 1974.

⁴⁴ Мутесариф (тур. mutasarrıf) – правитель санджака.

3. Леонтьев К.Н. Мой приезд в Тульчу. http://dugward.ru/library/leontjev/leontjev_moy_priezd_v_tulchu.html
4. Пригарин А.А. Некрасовцы и русско-турецкая война 1828-1829 гг. // Дриновський збірник. Центр болгаристики та балканських досліджень ім. Марина Дринова ХНУ ім. В.Н. Каразіна, Інституту історії та балканістики БАН та Комісія істориків Україна – Болгарія. – Т. V. – Харків-Софія: АИ «Марин Дринов», 2012. – С.350-368.

ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ НАВЫКОВ И УМЕНИЙ ПО САМОКОНТРОЛЮ И САМООЦЕНКЕ КАК НЕОБХОДИМЫХ КОМПОНЕНТОВ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В.В. Решетникова
МГУПС МИИТ, Москва (Россия)

Аннотация : Доклад посвящен проблеме формирования навыков и умений по самоконтролю и самооценке при обучении студентов-иностранцев русскому языку. Приводятся конкретные примеры тестов по самоконтролю понимания грамматических явлений, содержания текста, тесты по аудированию, устной и письменной речи. Учащиеся могут осуществить самооценку своей учебной деятельности, используя специальные материалы - так называемые справочные данные с системой критериев успешности учащихся. Самооценка и самоконтроль значительно повышают качество учебной деятельности студентов технических факультетов.

Ключевые слова: грамматические явления, качество, коммуникативная компетенция, лексические единицы, основные словосочетания, письменная речь, самоконтроль, самооценка, тест, учебная деятельность.

FORMATION OF SKILLS AND ABILITIES OF SELF-CONTROL AND SELF-ASSESSMENT AS ESSENTIAL COMPONENTS OF EDUCATIONAL ACTIVITIES IN TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE TO FOREIGN STUDENTS

Annotation: The report is devoted to the problem of formation the skills of self estimation and self control in the process of teaching the Russian language to foreign students. Concrete examples of the tests for self- assessment and self-control of grammar, reading, listening and writing are given in the report. Students can carry out self-assessment of their learning activities, using special materials - the so-called reference data with the criteria for success of the students. Self- assessment and self-control significantly improve the learning activities quality of students of technical faculties.

Keywords: grammatical phenomena, quality, communicative competence, lexical units, the basic phrases, writing, self-control, self-assessment, test, training activity.

Учебная деятельность – это активность учащегося по усвоению новых знаний и овладению способами их добывания. Учебная деятельность включает не только понимание учебных задач, выполнение активных учебных действий, но и осуществление самоконтроля и самооценки.

Психологи рассматривают самоконтроль и самооценку как комплексное умение учащихся самостоятельно находить, исправлять, предупреждать ошибки в собственной деятельности и оценивать ее путем сопоставления собственного уровня знаний, навыков и умений по русскому языку с эталонным уровнем.

Учебная программа представляет собой учебно-методический документ, помогающий студенту организовать управление своей учебной деятельностью.

Программа должна включать специальный методический аппарат, способствующий развитию у учащихся навыков и умений по самоконтролю и самооценке. Он состоит из:

- 1) определенных требований и типов заданий для проведения самоконтроля и самооценки;
- 2) контрольных текстов с тестами и ключами;
- 3) справочных данных с критериями успешности деятельности учащихся.

Требования и типы заданий программы для преподавателей и программы для учащихся основываются на едином материале и отличаются лишь организацией и формулировками: в программе для учащихся они описываются более подробно и в более доступной форме.

Что касается текстов, то они составляются в соответствии с требованиями к текстам, которые были разработаны в программе для преподавателя.

Для проведения самоконтроля могут быть введены тесты. Среди многочисленных видов тестов существуют промежуточные, которые называют тестами успешности или тестами учебных достижений, так как они позволяют определить достижения или результаты в знаниях, умениях, навыках, приобретенных учащимися в процессе обучения за определенный период.

Следует также отметить, что различают тесты текущего и итогового контроля. Первые измеряют прирост знаний, умений и навыков по русскому языку за определенный цикл (по программе для студента технического вуза он равен 7-8-ми неделям), вторыми контролируется учебный материал за семестр или год обучения.

Приведем конкретные примеры тестов.

Одним из важнейших компонентов чтения, который определяет успешность понимания прочитанного, является знание иностранными учащимися необходимого количества лексических единиц. Поэтому в программу для учащегося может быть введен тест на узнавание данного слова в контексте и соотнесение его с одним из предложенных вариантов дефиниций либо синонимических слов или словосочетаний, находящихся среди нескольких неправильных ответов. Помимо синонимических конструкций в тесты могут быть включены антонимы. В качестве средств семантизации в лексических тестах можно использовать различные мыслительные операции: классификации, обобщения (например, дается задание вычеркнуть «лишнее» слово, не относящееся по ряду признаков к данной группе слов).

Для понимания грамматического явления учащиеся осуществляют следующие действия: вычленяют признаки, соотносят их с грамматической категорией, связывают категории с функцией, соотносят формы с грамматическим значением, соотносят грамматическое значение с лексическим.

Для проверки умения учащихся анализировать грамматические явления можно использовать, например, такие задания:

1. Прочитайте предложения и определите, в какой последовательности совершаются действия.
2. Определите: а) грамматическую форму, б) принадлежность к той или иной части речи подчеркнутых в предложении слов.

Для проверки адекватности понимания прочитанного текста используют так называемые избирательные тесты и тесты с конструированием ответов.

Избирательные тесты считаются наиболее эффективными при проверке прочитанного, поскольку обладают наибольшим количеством положительных признаков: однозначностью, надежностью, меньшей вероятностью случайного угадывания, экономичностью, диапазоном использования. В программе для учащегося используются тесты-задания, главным образом, с множественным выбором, когда учащимся предлагается несколько ответов (и правильный, и неправильные).

Тесты с конструированием ответов рекомендуются чаще всего для проверки прочности усвоения норм семантико-лексической сочетаемости, которые создаются по принципу «клоуз-тест». При выполнении этой разновидности тестов учащемуся предлагается текст с пропущенными словами, например каждым 5-м или 7-м.

Для аудирования предлагается использовать тесты с конструированием ответов для проверки понимания иноязычной речи на слух. В программе для студентов целесообразно ввести клоуз-тесты для проведения самоконтроля по аудированию.

Тестовая методика адекватна в основном рецептивным видам речевой деятельности. Что же касается продуктивных видов, то здесь значительно труднее проверить владение ими учащихся. Устную речь, ставшую главным средством коммуникации, сложнее подвергнуть тестированию с помощью традиционных средств. Так, например, возникает трудность учета индивидуальности речи, ее вариативности (особенно на продвинутом этапе обучения). Хотя в условиях лингафонного кабинета каждый учащийся может записать свой ответ на компьютер, все же проверка и оценка этих записей должна быть выполнена только преподавателем.

В настоящее время в качестве объектов тестового контроля устной коммуникации выделяют овладение звуковой системой изучаемого языка, активным словарем, активной грамматикой и собственно речью. При этом овладение звуковой системой проверяется тестами

- на произношение фонем,
- на интонирование слов и предложений,
- на постановку ударения.

Лексический навык составляют три основные группы операций, которые должны выступать объектом тестового контроля:

- по переводу лексической единицы из оперативной памяти в долговременную,
- по сочетанию лексических единиц,
- по замещению лексических единиц.

Первая операция проверяется умением учащегося назвать хранящиеся в долговременной памяти определенные лексические единицы. Для этого в программе для студентов может задаваться определенная тема воспроизводимых слов. Вторая операция может проверяться количеством слов, способных сочетаться с данным словом, заполнением пропусков подходящими по смыслу словами. Третья операция может проверяться количеством слов, которые могут замещать данное слово. При тестировании репродуктивных грамматических навыков выделяют следующую группу действий по конструированию и оформлению фразы:

- выбор модели;
- выбор словоформы;
- образование сочетания слов;
- расстановку слов в предложении.

Тестирование коммуникативной компетенции (т. е. способности правильно строить свое речевое поведение в ситуации общения) может быть «жестким», когда оно реализует управляемое высказывание, либо свободным. Для программы студентов предлагается «жесткое» управление, при котором учащимся задается тема для беседы или диалога, а в ключах - основные словосочетания для построения высказывания.

Тестирование письменной речи имеет также ряд трудностей. Если овладение техникой письма, умениями передать на письме чужой текст еще поддается контролю, то контроль продуцирования собственного текста в письменной форме трудно «уложить» в рамки традиционных тестов, особенно на продвинутом этапе. Здесь также предлагается «жесткое» управление, когда учащимся дается тема, например для сочинения, а в ключах - основные словосочетания, на которые следует опираться.

Помимо самоконтроля, учащиеся при использовании программы могут осуществить самооценку своей учебной деятельности. Для этого в программу вводятся специальные материалы - так называемые справочные данные с системой критериев успешности учащихся. Эти материалы составляются по формуле

$$K = A/B,$$

где А - количество правильных ответов, В - общее число заданий теста, К - критерий оценки.

При К = 0,90 и выше - оценка «отлично»;

При К = 0,80-0,89 - оценка «хорошо»;

При К = 0,60- 0,79 - оценка «удовлетворительно»;

При К = 0,59 и ниже - оценка «неудовлетворительно».

Студенты, используя эти справочные данные, могут оценить свои знания, умения и навыки, что, активно стимулирует их учебную деятельность.

Практика использования приемов самооценки и самоконтроля показывает значительное повышение качества учебной деятельности студентов технических факультетов.

Литература

1. Раппопорт И., Селье Р., Сотгер И. Коккота В. А. Лингводидактическое тестирование. М.: Высш. школа. 1989. С. 9-13.
2. Кувшинов В. И. Тестовый контроль в процессе обучения иностранному языку // ИЯШ. 1992. С. 41-44.
3. English Proficiency Testing For School Leavers: Пособие для учителей / Авт. сост. Е. А. Маслыко и др. Мн.: НМЦентр, 1999. 224 с.
4. Мильман Р. Г. Контроль уровня сформированности у обучаемых коммуникативных навыков // ИЯШ. 1998. № 5. С. 61-66; № 6. С. 44-48.
5. www.russianedu.ru – электронный журнал «Русский язык за рубежом».
6. www.world.russianforall.ru - портал по проблемам изучения русского языка и получению российского образования на русском языке для иностранных граждан.

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

Г.Н Рзаева
АГЭУ, Баку(Азербайджан)

Аннотация: В статье отмечается, что организация языкового материала должна быть комплексной, так как только комплексное объединение аспектов языка в речевых единицах на синтаксической основе - на уровне предложения – может быть основой речевой коммуникации.

Ключевые слова: речевая единица, связный текст, речевая коммуникация, средства языка.

COMMUNICATIVE ORGANISATION OF THE LANGUAGE MATERIAL

Annotation :In the article it is noted that the organisation of the language material should be complex, as only a complex unity of language aspects in speech units on syntactical basis, in the level of a sentence can be considered as a basis of speech communication.

Key words: speech units, connected text, speech communication, language tools.

Организация языкового материала в значительной мере определяет успех обучения практическому владению иностранным языком, поэтому она должна быть адекватна коммуникативным целям и коммуникативно – деятельностному подходу к обучению иностранному языку и лингвистическим данным.

Организация языкового материала, отвечающая этим требованиям, должна быть комплексной, так как только комплексное объединение аспектов языка в речевых единицах на синтаксической основе - на уровне предложения – может быть основной речевой коммуникации.

При владении речевой единицей, представляющей собой единство плана содержания и плана выражения, учащиеся учатся пользоваться лексико – грамматическими средствами русского языка как иностранного (РКИ) в соответствии с его нормами в целях коммуникации, а не как объектом их теоретического изучения.

Речевую единицу на уровне предложения в методической литературе принято называть речевым образцом, поскольку она может служить эталоном для создания большего количества сходных по структуре, содержанию и смыслу предложений.

Методическая ценность такой речевой единицы состоит в том, что в ней связь всех уровней языка – грамматического, лексического, смыслового – реализуется в простом речевом действии, естественном для языка как средства общения и мышления.

Поэтому в речевой единице возможно освоение лексического значения слов, а также морфологических средств языка в их взаимосвязи.

Речевая единица имеет наряду с грамматическими аспектами конкретно-смысловое содержание.

Можно назвать три направления в классификации простых речевых единиц в методической литературе. Остановимся на этих подходах подробнее.

Формально-структурное направление можно обнаружить в работах представителей структурной и «генеративной» лингвистики, а также в зарубежной методике преподавания иностранного, для которого правильное структурное оформление предложения в силу его специфики имеет важное значение.

Сторонники второго направления исходят из логико- смыслового или функционально – семантического аспекта речевых единиц как компонентов речевого общения, и в основу организации языкового материала кладут типовые предложения, выражающие определенные логико – смысловые категории, например: категория деятеля, характеристики его деятельности, характеристики предмета по его назначению, категории времени, причинно – следственных отношений и др.

Третье направление можно было бы назвать содержательно – функциональным, потому что оно учитывает как смысловую, так и функционально – формальные аспекты предложения в их единстве при ведущей роли смысла. В

зависимости от того, какую роль в процессе овладения языком играет типовая модель, акцент может быть сделан либо на плане выражения, либо на плане содержания. Этот подход можно назвать собственно – методическим, потому что он является средством управления процессом усвоения содержания в единстве с формой. Как уже упоминалось выше, из идеи о единстве мысли и слова следует вывод о том, что нерационально игнорировать языковые средства выражения мысли, поскольку план содержания и план выражения, хотя и взаимосвязаны, однако каждый из них имеет свою особенность при овладении новым языком: план выражения представляет наибольшую трудность, поскольку обучаемый овладевает в основном новыми средствами выражения знакомого содержания.

Если рассмотреть типовую модель предложения с этой точки зрения, то в зависимости от методических целей она может служить средством овладения морфологическими и синтаксическими формами языка в единстве, и порядком слов, а также созданию прочных межсловесных связей в соответствии с лексическими, смысловыми и стилистическими нормами изучаемого языка.

Требования современной методики относительно комплексной организации языкового материала понимаются некоторыми методистами иногда весьма односторонне, без учета особенностей каждого аспекта в комплексе. Примером такого одностороннего подхода является «структурный» подход к организации языкового материала, при котором объектом обучения являются структуры отдельных предложений или «структурные группы». Лексика, используемая в этих структурах, является нередко логически несвязанным, случайным материалом. Он служит в основном цели тренировки и автоматизации синтаксических структур предложения, а не развитию логически и тематически связной речи. Такой формально – синтаксический подход противоречит коммуникативно – смысловой основе речи как средство естественного общения.

Конечная коммуникативная цель преподавания русского как иностранного языка в вузе состоит в обучении связному высказыванию и пониманию связного целого текста разного объема, а не только усвоении изолированных речевых образцов. Поэтому необходимо рассмотреть роль и место речевой единицы в связном высказывании. В лингвистике установлено, что текст не является простой совокупностью отдельных предложений, он представляет собой сложную иерархию единиц разных уровней, к которой относятся, кроме отдельных предложений, также и сверхфразовые единства, и более крупные смысловые части как компоненты структуры текста.

Поэтому переход от отдельных усвоенных предложений к связному высказыванию осуществляется не так легко, как это может показаться на первый взгляд, и для этого необходима специальная работа прежде всего над «связочными» средствами языка, объединяющими отдельные предложения в логически связанное целое. При этом важную роль играют формы речи – монологическая и диалогическая.

На первом этапе – на этапе структурно – ситуативной тренировки речевых образцов – достигается овладение учащимися речевыми действиями и языковыми средствами их реализаций на уровне простых предложений, которые относятся к одной какой – либо теме.

На втором этапе осуществляется объединение речевых образцов по тематическому или логико – смысловому принципу в монологическое высказывание путем расширения лексики по теме.

На третьем, межтемном этапе речевые образцы, изученные ранее по темам, комбинируются друг с другом в другом сочетании в соответствии с межтемными ситуациями общения.

Если иметь в виду рецептивные виды речевой деятельности – аудирование и чтение, то единицами обучения и здесь, наряду с отдельными предложениями, будут тексты разного объема и разного назначения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984.
2. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991.
3. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики. М.: Русский язык, 1989.

4. Сахарова Н.С. Развитие иноязычной компетенции студентов университета М: Творческий центр, 2003.
5. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции М: Лабиринт. 2004.

КУРС «ДЕЛОВОЙ РУССКИЙ ЯЗЫК» ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: СТРУКТУРНЫЙ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ.

О.К. Романова

ОНПУ, Одесса (Украина)

Данная статья посвящена разработке актуального для иностранных студентов курса «Деловой русский язык».

Ключевые слова: *официально-деловой стиль речи, документ, деловые бумаги, деловая переписка.*

COURSE "BUSINESS RUSSIAN LANGUAGE" FOR FOREIGN STUDENTS: STRUCTURAL AND CONTENT ASPECTS

This article concerns the elaboration of the course «Business Russian» that is actual for foreign students.

Key words: *official business style of speech, a document, business papers, business correspondence.*

Реальная языковая ситуация не исследована как в России, так и за её пределами. Вместе с тем, даже свободное владение русским языком не является гарантом его полноценного использования на работе и в общественных местах.

Следует отметить возрастающую роль русского языка в деловом общении. Этому способствует целый ряд экстралингвистических причин: усиление международных контактов, рост сотрудничества между организациями, развитие предпринимательства.

Разрешение проблемы углубленного изучения делового русского языка открывает большие возможности для согласования интересов личности с интересами государства в подготовке высококвалифицированных специалистов.

В связи с этим остро стоит задача вооружить знаниями богатств языка армию студентов высших учебных заведений, которые будут использовать слово как орудие труда, нести культуру русской речи на предприятия, в средства массовой информации.

Но приобретение необходимых навыков и умений, лингвистического чутья становится возможным только при освоении теоретических основ курса «Деловой русский язык», выполнении практических заданий по составлению документов, изучении определенных закономерностей функционирования языковых средств в различных сферах общения и, в первую очередь, в общественно-деловой, которая обслуживает сферу права и делопроизводства, с помощью чего государство регулирует отношения между членами общества, гражданами и государством, государственными организациями, государствами.

Эти отношения типовые, неличностные, обязательные. Отсюда - главная коммуникативная установка делового текста – однозначность, единообразие его восприятия всеми. Речевая организация делового текста ориентирована на то, чтобы исключить возможность любого инотолкования.

Речевая точность и логичность в официально-деловом стиле существует как средство, обеспечивающее деловому тексту возможность быть в разных условиях адекватным себе.

Среди книжных стилей языка официально-деловой стиль выделяется своей относительной устойчивостью и замкнутостью. Исторически сложившиеся жанры, специфическая лексика, фразеология, синтаксические обороты, многочисленные речевые стандарты – клише придают ему в целом консервативный характер и создают своей сухостью и административной выверенностью определенный барьер в овладении иностранцами русского языка.

Если в других стилях шаблонизированные обороты нередко выступают как стилистический недостаток, то в официально-деловом стиле они воспринимаются как вполне естественная его принадлежность.

Прямой порядок слов в предложении как преобладающий принцип его конструирования, наличие полных повествовательных, как правило, двусоставных предложений, тенденция к употреблению сложных предложений (союзных и бессоюзных), отражающих логическое подчинение одних фактов другим, большое количество

предложений, осложненных вставными конструкциями, причастными и деепричастными оборотами, активное использование страдательных конструкций, стремление к нейтрализации изложения – почти полное отсутствие эмоционально-экспрессивных речевых средств, широкое использование терминологии, номенклатурных наименований, включение в текст сложносокращенных слов, аббревиатур значительно осложняют самостоятельное освоение курса «Деловой русский язык» студентами-иностранцами заочной формы обучения, где роль преподавателя минимизирована.

С этой целью на кафедре украинского и русского языков Института подготовки иностранных граждан Одесского национального политехнического университета были созданы и успешно прошли апробацию «Методические рекомендации и контрольные задания дисциплины «Деловой русский язык» для иностранных студентов всех специальностей заочной формы обучения» (авторы: Романова О.К., ст. преп. Курова Г.И.). Данная методическая разработка состоит из 3^х блоков.

I блок – теоретический, включающий в себя лекции, посвященные особенностями официально – делового стиля и требованиям по оформлению документов.

II блок – практический, состоящий из 10 вариантов заданий по теоретическим и практическим вопросам (8 заданий в каждом).

III блок – приложение, представляющее собой формуляры-образцы документов для заполнения.

Проведенная апробация данной методической разработки с иностранными студентами-заочниками II курса Одесского национального политехнического университета из Азербайджана и Туркменистана подтвердила актуальность и практическую ценность курса «Деловой русский язык» для иностранных учащихся.

РОЛЬ ЧАСТИЦ ПРИ ПРЕДИКАТИВЕ В ТЕКСТАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1 ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Д.А. Савостина

МГОУ, Москва (Россия)

Научный консультант – д.ф.н., профессор П.А. Лекант

Аннотация: В статье на материале художественных текстов русской литературы 1 половины XX века проанализированы функции частиц в конструкциях с предикативом; установлена грамматическая и семантическая роль частиц; сделан вывод о том, что они являются грамматическим средством субъективности.

Ключевые слова: предикатив, частица, негатив, субъективность, модальность, художественный текст.

ROLE OF PARTICLES AT A PREDICATIVE IN TEXTS OF THE RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST PART OF XX CENTURY

Annotation: In the article about texts of Russian literature of the first part of XX century functions of particles in predicative constructions are analyzed; grammatical and semantic role of particles is set; its subjectivity is concluded.

Key words: predicative, particle, negative, subjectivity, modality, literary text.

Частицы являются своеобразным «корректором смыслового поля предложения» [Нагорный 1995: 39]. Употребляясь в конструкции с предикативом, частицы являются своеобразным оператором субъективности, организуют эмотивную сторону высказывания. Мы рассмотрим функциональность частиц *не* (*ни*) и *ли* (*ль*), наиболее активно употребляемых при предикативе в художественных текстах русской литературы серебряного века.

Слово *не* имеет постоянное логическое содержание отрицания и способно сочетаться со всеми знаменательными частями речи. Такая универсальность, по мнению П.А. Леканта, характеризует *не* как не служебное слово. «Считать отрицание грамматическим значением неправомерно. Сочетание полнозначного слова с *не* не является формой этого слова. Отрицательное слово *не* есть скорее слово знаменательное.

На наш взгляд, отрицание *не* (*ни*) представляет собой часть речи (ср.: Л.В. Щерба о связке), которую можно обозначить термином **негатив** (или отрицание)» [Лекант 2002: 34].

В.В. Виноградов различает две функции отрицания *не*. «Она выступает и в функции агглютинируемой приставки (ср.: *неймется, нездоровится, неможется, неприлично, недурно, независимый* и т.п.), и в роли отрицательной частицы» [Виноградов 1972: 525].

В конструкциях с предикативом частица *не* выступает в своем прямом употреблении и передает разные степени отрицания. Это, по нашим наблюдениям, зависит, прежде всего, от позиции *не* в предложении. Отрицание может находиться непосредственно перед тем компонентом предикатива, который несет лексическое содержание. В таких случаях утверждается наличие качественного состояния, но его оценка дается в отрицательном смысле: *Через неделю на двуспальной кровати Лонгрена осталось пустое место, а соседка переселилась в его дом нянчить и кормить девочку. Ей, одинокой вдове, это было не трудно* (А. Грин). Утвердительная связка в предикативе передает факт обладания признаком: *было не трудно*, т.е. *было легко, просто*. Ср. еще: *Не радостно было ее [старухи] прошлое: ну, конечно, муж разбойник и пьяница, <...>долгие годы голода, холода, бесприютности* (И. Бунин); *Правду сердце мое говорило, И ограда была не страшна, Не стучал я – сама отворила Неприступные двери она* (А. Блок). Данную модальность В.В. Виноградов определяет как контрастно-утвердительную, при которой «утверждается наличие противоположного отрицаемому качества, состояния или действия или, реже – сильное ограничение признака, качества» [Виноградов 1972: 526].

Если же *не* препозиционна связке, то высказывание в целом приобретает отрицательный смысл, отрицается сам факт обладания предикативным признаком. *Одно тебе скажу: никогда я не был счастлив в жизни* (И. Бунин) (отрицается вообще счастливое бытие, высказывание оформлено как общеотрицательное). Ср. еще: *Культуру нужно любить так, чтобы ее гибель не была страшна* (А. Блок); *И не был мил мне голос человека, А голос ветра был понятен мне* (А. Ахматова); *- Ах, ни единый миг, прекрасный Эрос, Без Вас мне не был пуст!* (М. Цветаева); *Грэй не был еще так высок, чтобы взглянуть в самую большую кастрюлю, бурлившую подобно Везувию...* (А. Грин). «Негатив как знаменательное слово создает не форму предложения, а логически противоположное высказывание» [Лекант 2002: 36], ср.: *Я не был счастлив – Я был счастлив*. Такое модальное значение частицы *не* В.В. Виноградов характеризует как чисто отрицательное [Виноградов 1972: 526].

Как префикс *не* выражает следующие оттенки значения:

1) противоположность: *Первый признак старости эти впадины, - лошадиной становится голова! Да и прочее недурно* (И. Бунин); *Суда поспешно не чини: Непрочен суд земной!* (М. Цветаева); *Место неизвестно. Зима* (В. Маяковский), 2) количественного ограничения: *Был он [Шарый] невысок, голову имел клином, стриженую, в густом крепком серебре усы* (И. Бунин); *Стоял он [дом] во главе двора, у самого сада, - ветви лип обнимали его, - был невелик и приземист* (И. Бунин).

«Таким образом, отрицание *не* в русском языке может сочетаться с яркими красками субъективной экспрессии, выражая модально-оценочные суждения говорящего лица» [Виноградов 1972: 528], дополняя при этом основное модальное значение высказывания.

Широкая область модальных частиц, употребляемых с предикативом, обуславливает многообразие модальных типов предложения в целом. Так, частица *ли* (*ль*), продуктивно используемая с предикативом, может иметь более трех модальных оттенков значений и выступать в комплексе с «негативом».

1) Частица *ли* реализует вопросительное значение в таком вопросительном предложении, которое предполагает однозначный ответ (*да* или *нет*). *Я шел сюда проситься в команду «Обновы».*

Начальник говорит: - Я ожидал этого. Но правление не отпустит тебя, если не представишь заместителя. А такого не предвидится.

Я спрашиваю: - Верны ли слухи, что Николай Зимний ушел с «Обновы»? (Б. Шергин) (да, верны / нет, не верны); Не странны ли поззовечера, Бессмертного искусства карнавалы, В стране, где «завтра» хуже, чем «вчера» (И. Северянин); Мне уже не страшен этот сон, но не будет ли он страшен внукам и правнукам? (Д. Мережковский).

«*Ли* является лишь формальным знаком вопроса, «ярлычком», а главное – отмечает, фиксирует слово, которое для говорящего является главным» [Лекант 2002: 38].

Находясь при предикативе, *ли* усиливает его доминирующую роль в высказывании, подчеркивает значимость для говорящего того признака, который назван предикативом.

2) *Ли* предполагает некую альтернативность, возможность выбора (*Я не знаю, жив ли, нет ли Тот, кто мне дороже сердца, Тот, кто мне дороже Сына* (М. Цветаева)), на основе чего можно выделить значение предположения, допущения, выбора. Это значение может реализоваться в вопросительных или риторических предложениях. *Однажды в кустах я нашел два черепа со сплетенными рогами. Силачи-изюбры <...> погибли в бою за самку, а какой-нибудь плутишка после того был счастлив, - не так ли обидно это бывает и у нас, у людей? (М. Пришвин).*

3) В риторических вопросах типа *О, поэт пленительнейших песен, Ты опять бежишь на край земли... Но и он – тебе ли неизвестен?* (М. Волошин). На месте (*не*) *ли* может использоваться просторечная частица *аль* (*али*), также имеющая семантику допущения. *Помнишь, Катя, офицера - Не ушел он от ножа... Аль не вспомнила, холера? Али память не свежа?* (А. Блок); *Маринька сделала еще несколько стежков <...> и отложила работу. – Поди-ка сюда, внучка, - позвала ее бабушка. – Что это ты нынче такая невеселая. Вот и личико бледное. Аль нездорова? <...>Хоть и бледна, а очень, очень при своем авантаже сегодня!* (Д. Мережковский).

Употребление *ли* в качестве компонента во множестве производных доказывает ее продуктивность и многоплановость в текстах литературы анализируемого нами периода: *Ужель непобедима жалость?* (Д. Мережковский); *Скажите мне, ужель разумен пес, Который воет, если месяц светел?* (Н. Гумилев); *У «правых» лозунг «учредилка». Ужели жив еще курилка?* (В. Маяковский).

Частицы, употребляемые при предикативе, вносят дополнительные оттенки в значение этой категории, служат для выражения грамматических, логических и эмоциональных отношений высказывания в целом; придают речи экспрессию, служат грамматическим средством субъективности в художественных текстах.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – 616 с.
2. Лекант П.А. Часть речи *негатив* // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 32-36.
3. Лекант П.А. «Часть речи» *ли* // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 36-40.
4. Нагорный И.А. Роль частиц со значением недостоверности в выражении утверждения – отрицания // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц: Межвуз. сб. науч. трудов. – М.: МПУ, 1995. – С. 31-41.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕРИВАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В РУССКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

С. Менабде

Тбилисский университет им. Сулхан-Саба Орбелиани, Тбилиси (Грузия)

В статье представлены результаты лингвистического анализа деривации аксиологического компонента национальных вариантов концепта «деньги» на материале паремиологического фонда русского и испанского языков. В ходе анализа фиксировались паремиологические единицы, содержащие смысловую единицу «деньги» и ее составляющие на уровне прототипа концепта «мера стоимости, капитал»/“medida de valor, riqueza”. Выявлено двойственное отношение к деньгам, что может быть сведено к дихотомии «деньги → добро-зло». Национальные варианты концепта «Деньги» обладают развитой образной и ценностной составляющей, что обусловлено существованием в национальном сознании эталонов и стереотипов, которые связаны с религиозными установками, категориями этики и частично совпадают в сопоставляемых лингвокультурах.

ключевые слова: Деривация, лингвокультура, аксиологический компонент.

COMPARATIVE ANALYSIS OF DERIVATION OF AXIOLOGICAL COMPONENT OF THE CONCEPT “MONEY” IN RUSSIAN AND SPANISH LINGUOCULTURES

The article presents the results of the linguistic analysis of axiological component derivation of the concept of "Money" national variants on the material of Russian and Spanish proverbs and sayings. In the process of the analysis paroemiological units containing the semantic unit of "money" and its components at the level of the concept's prototype of "measure of value, capital" / "medida de valor, riqueza" were traced. The revealed dual attitude to money can be reduced to the dichotomy of "money → good-evil". National versions of the concept of "Money" possess a developed imaginative and value component conditioned by the existence of standards and stereotypes of the national consciousness. They are associated with the religious attitudes, ethical categories and overlap in the compared linguistic cultures.

Keywords: Derivation, linguistic culture, axiological component.

Создание представления о деньгах, т.е. образа денег, определяется ценностными ориентациями, социальными установками, нормами поведения, стереотипами и представлениями, сформированными в лингвокультуре. Деньги как универсальная реалья вещного мира связаны с религиозными установками и категориями этики, что иллюстрирует мысль Ю. С. Степанова о том, что «...в культуре нет ни и чисто материальных, ни чисто духовных явлений, те и другие идут парами» [1997: 18]. Так, еще в эпоху первобытно-общинного строя деньги содержали сакральное начало, что, к примеру, подтверждается ролью денег в похоронных ритуалах у древних народов. На современном этапе прослеживается универсальная тенденция – по материалам социологических опросов, деньги занимают центральное место в шкале общественных интересов, хотя традиционно в большинстве культур говорить о деньгах считалось неэтичным. Можно высказать осторожное предположение, что рыночные отношения, господствующие в современной цивилизации, вводят рациональный компонент в систему моральных норм.

В контексте данного сообщения, в котором мы представляем результаты сопоставительного лингвокультурологического анализа на материале неблизкородственных русского и испанского языков, заслуживает внимание выявленное двойственное отношение к деньгам, что может быть сведено к дихотомии «деньги → добро-зло». Возможно, истоки этого факта можно объяснить влиянием общих раннехристианских традиций, воздействие которых сказалось и на формировании во многом общих принципов хозяйственной этики уже в средние века.

«Положительная оценка труда как средства спасения и как единственного нравственно оправданного источника собственности, признание правомерности обладания имуществом в объеме, необходимом для удовлетворения личных потребностей, возвеличение бедности перед богатством /.../. Феодалам и богатым людям приходилось платить угнетаемым нравственную дань. Благотворительность, щедрость, молитвы и покаяния...» – таковы некоторые из способов компенсации за несправедливость, неизбежно, с точки зрения средневекового христианина, сопутствовавшую богатству и высокому положению в обществе» [Гуревич, 1999: 248].

Расположенность русского и испанского народов между Востоком и Западом определяет во многом схожую самобытность этих народов: преобладание духовности и эмоциональности над логикой и рационализмом, позитивное отношение к христианским ценностям, настороженное отношение к нововведениям, приверженность к старым традициям, эмоциональность и обостренная склонность к переживаниям, творческие успехи в литературе, поэзии, драматургии, живописи, непродолжительность волевых усилий и способность прикладывать длительные усилия для достижения целей, представляющих для них большой интерес, и т.п. [Крысько, 1999].

Полагаем, что реальия «деньги» включена в круг объектов ценностного отношения, которые могут противопоставляться в дихотомиях «добро – зло», «допустимое – запретное», «справедливое – несправедливое». Ниже представлены результаты лингвистического анализа деривации аксиологического компонента национальных вариантов концепта «деньги» на материале паремиологического фонда сопоставляемых языков. Известно, что паремии присутствуют в сознании носителя языка, интерпретируются им, принимаются или отвергаются, но знание, которое содержит текст паремии, вовлечено в концептуализированную область, влияя на содержательные характеристики, образные и ценностные признаки концепта⁴⁵.

В ходе анализа фиксировались паремиологические единицы, содержащие смысловую единицу «деньги» и ее составляющие на уровне прототипа «мера стоимости, капитал»/“*medida de valor, riqueza*”, который был установлен методом компонентного анализа лексемы-номинатора концепта в обоих языках. Это дало возможность вывести несколько ключевых логем, представленных в обобщающей таблице, где в скобках рядом с паремиологической единицей дан ракурс ее осмысления (прагматичный, этический) и указаны оценки: ≈ (нейтральная), + (положительная), – (отрицательная), +/- (двойственная). Выведенные логемы можно понимать и как модификацию аксиологического компонента концепта в указанных параметрах в рамках прагматического или этического осмысления реалии деньги. Рамки доклада ограничивают полную презентацию проанализированного нами фактического материала.

Русские паремии	Оценка	Культурная установка в лингвокультуре		Испанские паремии	Оценка
		Русская	испанская		
Бог любит веру (<i>или: правду</i>), а деньги счет (прагматичное осмысление);	≈	Деньги надо уважать	К деньгам невозможно быть равнодушным	En cuestión de dinero sobran sentimientos (этическое осмысление);	+/-
Деньга деньгу наживает (прагматичное осмысление);	≈	Деньги надо уважать	Деньги, богатство – хорошо// Без денег – никуда	El dinero abre todas las puertas (этическое осмысление);	+/-

⁴⁵ Фактографическим материалом послужили русские и испанские паремиологические единицы, извлеченные из сборников: «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Даля в двух томах, «Словарь русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения //Лингвострановедческий словарь» В. П. Фелицыной, Ю. Е. Прохорова, сборник А. В. Кисилева «Испанские пословицы и поговорки и их русские аналоги» [2004], Jorge Sintes Pros. Diccionario de aforismos, proverbios y refranes. Con su interpretación para el empleo adecuado y con equivalencias en cinco idiomas. – Barcelona [1954], Sbarbi José maría. Diccionarios de refranes, adigios, proverbios modismos, locuciones y frases proverbiales de la lengua española. Tomo 2 (Nabu Press 2011) и иллюстративного материала словарей обоих языков.

			не денешься		
После Бога – деньги первые (прагматичное/этическое);	+	Деньги, богатство – хорошо	Деньги, богатство – хорошо	El dinero no es santo; pero hace Milagros; (прагматическое/этическое);	+
Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счет (прагматичное осмысление);	+	Деньги надо уважать	Будет день – будет пища// Без денег – никуда не денешься	La necesidad aguza el ingenio (прагматичное/этическое);	+/-
Богатством в рай не взойдёшь (этическое осмысление);	+/-	Деньги – не самое главное в жизни //Не все можно купить за деньги	Будет день – будет пища// Без денег – никуда не денешься	A dineros pagados, brazos quebrados (прагматическое/этическое);	+/-
Деньги счетом крепки. Считанная сотня полна (прагматичное осмысление);	+	Деньги надо уважать	Деньги портят отношения	Para el reino el bolsillo, no necesitan amigos (этическое осмысление);	+
Хлебу мера, а деньгам – счет (прагматичное осмысление);	+	Деньги надо уважать	Без денег – никуда не денешься	Quien con hambre se acuesta, con pan sueña (прагматическое осмысление);	+/-
Денежка не Бог, а полбога есть; (прагматичное/этическое);	+	Деньги, богатство – хорошо	Деньги надо уважать	Quien guarda halla (прагматическое осмысление);	≈
Дорог хлеб, коли денег нет (прагматичное/этическое);	+	Деньги надо уважать	Деньги надо уважать	A falta de pan, buenas son (las) tortas / las tortas son buenas (прагматичное/этическое);	+
Тому живётся, у кого денежка ведётся (прагматичное осмысление);	+	Деньги, богатство – хорошо	Деньги, богатство – хорошо// Деньги – не самое главное	La pobreza no es vileza, más deslustra la nobleza (этическое осмысление);	+/-
Богатство с деньгами, голь – с весельем (прагматичное/этическое);	-	Деньги – не самое главное// Не все можно купить за деньги	Деньги надо уважать	Dinero olvidado, ni hace merced ni grado (прагматическое/этическое)	+/-
Деньги, что камня: тяжело на душу ложатся (этическое осмысление);	-	Деньги, богатство – плохо	Деньги, богатство – хорошо //Без денег – никуда не денешься	A poco dinero poca salud (прагматическое осмысление)	+

В обеих лингвокультурах паремии с условно нейтральным отношением к деньгам встречаются крайне редко. Деньги и связанные с ними богатство и бедность осмысливаются как в прагматичном, так и в этическом аспекте, частотны паремии синкретичного содержания. Заслуживают внимания выявленные совпадения на условной оценочной шкале, что позволило реконструировать совпадающие культурные установки в рамках прагматического или этического осмысления реалии: «деньги, богатство →хорошо»; «деньги, богатство→плохо»; «деньги портят отношения»; «деньги надо уважать», «деньги (добытые честным трудом) надо уважать». Испанское языковое сознание вербализует оценку денег как объект, к которому нельзя оставаться равнодушным, в то время как в русских народных предложениях этот смысл содержится имплицитно, сравним, например: *En cuestión de dinero sobran sentimientos* и *После Бога – деньги первые, Наличные денежки – колдунчики* и др.

Национальные варианты концепта «Деньги обладают развитой образной и ценностной составляющей, что обусловлено существованием в национальном сознании эталонов и стереотипов, которые во много совпадают в сопоставляемых лингвокультурах. Данный факт, прежде всего, связан с функциональным универсализмом самих денег. Вместе с тем, по мнению ряда ученых он может быть связан с особенностями культуры двух стран, входящих в общий цивилизационный ареал, с некоторой психологической общностью менталитета, что объясняет существование культурных изоглосс, например: преобладание духовности и эмоциональности над логикой и рационализмом при осмыслении данного фрагмента картины мира.

Список литературы:

1. Степнов Ю. С. Константы. // Словарь русской культуры. Москва, 1997. –18 с;
2. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва, 1999. - 248;
3. Крысько В. Г. Этнопсихологический словарь. Москва, 1999.

СХОДСТВО СИСТЕМ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВИДА НА ПРИМЕРЕ ГРУЗИНСКОГО И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

И.Т. Саникидзе

ТГУ, Тбилиси (Грузия)

Аннотация: Вид глагола в славянском для языков индоевропейской группы – это архаичная категория и процесс, выраженный глаголом, помещен в двух формально-семантических кругах – несовершенности и совершенности. Подобная ситуация наблюдается и в типологически отличном языке – в грузинском. Схожесть систем проявляется и в формальных показателях. Наверное, именно приставочное словообразование и есть тот основной морфемно-семантический фактор, который в перечисленных языках влечет за собой большую конкретность, сужение содержания в глагольных процессах и, вместе с тем, вбирает в себя содержание совершенного вида.

Ключевые слова: морфология, категория вида, типология.

SIMILARITY OF SYSTEMS OF MORPHOLOGICAL CATEGORY OF ASPECT ON EXAMPLE OF THE GEORGIAN AND SLAVIAN LANGUAGES

I.T. Sanikidze

TSU, Tbilisi (Georgia)

Summary:The aspect of the Slavian verb for the Indo-European group of languages is an archaic category and the process expressed by the Verb is located in two semantic-formal circles of imperfectness and perfectness. The similar situation is in typologically different language – in the Georgian language. Similarity of systems reveals itself in stickle expression too. Probably, the very prefixal derivation is that main morphological-semantic factor which causes more concretization, contraction of the contexts in the indicated languages and, at the same time, include in itself the content of the perfect aspect too.

Key words: morphology, category of aspect, typology

Исследование глагольных форм указывает на то, что каждый отдельный язык или языковая группа по-разному оценивают характер действий, выраженных глаголом и исходя из собственного семантико-морфологического потенциала, создают разное представление о признаке действия/состояния, который иначе мы называем категорией вида (/аспекта).

Вообще, в современном языкознании морфологическая категория рассматривается как единство схожих по содержанию противопоставленных форм внутри одной конкретной части речи. На синхронном уровне сложно отдать приоритет форме или содержанию морфологической категории, какой-то одной ее стороне, т.к. «языковое содержание является таким же основным объектом языковедческого исследования, как и языковая форма» (Джорбенадзе 1980: 4). Вместе с тем, нужно отметить и то, что «сущность морфологической категории лучше всего проявляется в языках с богатой морфологией, где сравнительно полнее могут быть реализованы потенциальные семантические возможности категории» (Мачавариани, 1981: 5).

Обычно, характер действия/состояния оценивается по условиям их протекания. Исходя из этого, в глагольных процессах имеют место такие выражения содержания, как: диуративное-моментальное, результативное-нерезультативное, однократное-многократное, совершенное-несовершенное. Передать на морфологическом уровне весь спектр содержания не под силу ни одному языку. Поэтому только некоторые из них могут стать объектом морфологического описания. В лингвистической литературе известным фактом является то, что *вид* в славянских языках – это особо ярко выраженная морфологическая категория. По словам А.М. Ломова, вид глагола является специфической категорией, с которой не знакомы другие индоевропейские языки (Ломов, 1977: 17). Автором интересных исследований грамматического вида славянских языков является русский ученый, представитель лингвистической школы Петербургского университета – И.С. Маслов; основа его концепции состоит в том, что вид глагола – это грамматическая категория, объединяющая известные типы выраженных глаголом действий (Бондарко,

1975: 5-6). Именно с именем И.С. Маслова связано привнесение в науку нового термина – *видовая основа*; основными компонентами видовой основы являются: (глагольный) корень, (глагольный) префикс/приставка, словообразующий суффикс (посредством которого глагол образуется от имени или глагола, имеющего другое содержание) и суффикс имперфективации, от которого возможно образование имперфектной основы (Маслов, 1965: 58). Именно подобные основы создают видовые оппозиции в различных языках, в том числе, и в русском. Из бинарных видовых оппозиций наиболее распространенной в славянских языках является оппозиция совершенности-несовершенности, в которой форма несовершенного вида имеет семантически инвариантные возможности. Н. М. Шанский и А.Н. Тихонов замечают: «В системе русского глагола не существует почти ни одной грамматической формы, которая не передавала бы видовое значение. Этим отличается вид от других грамматических категорий. Его основу, как грамматической категории, составляют глагольные пары» (Шанский, Тихонов, 1981: 168-169).

Из-за того, что возможности передачи видовых значений выходят за рамки морфологии, в 60-70-ых годах прошлого века русский языковед А. В. Бондарко предложил науке новый лингвистический термин – *функционально-семантическая категория* (Бондарко, 1967: 18), под который объединил категории вида, темпоральности и персонализации. Ядром функционально-семантической категории, в том числе, вида, ученый считает морфологическую категорию, но, кроме того, включает в нее и периферийные компоненты, в частности, лексические и синтаксические показатели. Типологическое сопоставление славянских языков и грузинского языка с точки зрения функционально-семантической категории вида невозможно вместить в рамки одного доклада, поэтому наши заключения касаются лишь современной системы морфологической категории вида.

Дело в том, что семантико-морфологическое сопоставление видовых форм славянских языков, которое сегодня выражено в морфологическом оформлении совершенных и несовершенных содержаний и создает бинарную оппозицию, в значительной степени схоже с системой, характерной для типологически отличного языка – грузинского; а сходство, в первую очередь, выражается в наличии парной формы. На синхронном уровне грузинский язык также является бинарным с точки зрения морфологического выражения вида, в нем сопоставление также состоит в морфологическом маркировании несовершенных и совершенных содержаний и, что самое главное, их выражение происходит только на префиксном уровне. На несовершенный вид, как и в одной из групп славянских языков (русский, болгарский и др.), в грузинском также возложена функция нейтральной формы, а совершенные содержания без морфологического маркирования фактически не функционируют. Во время процесса передачи совершенного вида в грузинском языке функцию морфологического знака имеют диахронно независимые лексемы, а грамматические средства превращаются в превербы, которые наряду с указанием направления, выражают совершенный вид и в процессе спряжения времен-наклонений создают оппозиционную систему вида. Функцию приставки славянских языков в грузинском выполняет преверб и в случае совершенного вида предлагает глагольные формы разного направления (ср. *несовершенный* – груз. [a k e t a] – русск. делал; *совершенный* - груз. [g a -a k e t a] – русск. с -делал; груз. [gada- a k e t a] - русск. пере-делал и др.).

В языкознании до настоящего времени спорным остается вопрос о происхождении вида в славянских языках. Так, для Антуана Мейе вид – это главнейшая общеславянская глагольная категория, несмотря на то, что вид в славянском не сохранил древнейшие видовые различия, имеющие место в индоевропейском праязыке. По мнению Ант. Мейе, система славянского глагола по своему значению не отличается от системы глагола в греческом. Разница только формальная (Мейе, 1951: 228). Несмотря на разнообразие мнений, все ученые в один голос признают, что вид глагола в славянском для языков индоевропейской группы – это архаическая категория, которая достигла пика своего развития у славян. Дело в том, что в грузинском языкознании также никто не оспаривает древнейшее происхождение морфологической категории вида, хотя, как в славянских языках, так и в грузинском, она прошла довольно долгий путь переосмысления. Диуративность-моментальность древнейшего грузинского языка дошла до системы выражения несовершенного и совершенного вида. Процесс, переданный глаголом, поместился в двух важнейших, противопоставленных друг другу семантико-формальных кругах и в новогрузинском (с XII века) выбрал собственный путь маркирования. В грузинском языке примыкающий к видовой основе префиксный маркер

передает содержание совершенности также, как мы имеем это в части славянских языков. По-видимому, для типологически различных языков препятствием не являлся тот фактор, что их системы оказались включенными по-существу в одинаковые формы. Наверное, именно приставочное словообразование и есть тот основной морфемно-семантический фактор, который в перечисленных языках влечет за собой большую конкретность, сужение содержаний в глагольных процессах и, вместе с тем, вбирает в себя содержание совершенного вида.

Использованная литература:

1. Бондарко, 1967: Бондарко А.В., К проблематике функционально-семантических категорий. В. кн.: Вопросы языкознания №2. Москва, 1967.
2. Бондарко, 1975: Бондарко А.В., О видах русского глагола. Русский язык за рубежом №5-6. Москва, 1975.
3. Джорбенадзе, 1980: Джорбенадзе Б., Принципы формального и функционального анализа грузинского глагола. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
4. Ломов, 1977: Ломов А. М., Очерки по русской аспектологии. Воронеж, 1977.
5. Маслов, 1965: Маслов Ю.С., Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. В. кн.: Вопросы общего языкознания. Ленинград, 1965.
6. Мачавариани, 1981: Мачавариани М., Семантика грамматической категории залога. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
7. Мейе, 1951: Мейе А., Общеславянский язык. Москва, 1951.
8. Шанский, Тихонов, 1981: Шанский Н.М., Тихонов А.Н., Современный русский язык, ч. II. Москва, 1981.

ИДИОЭТНОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

М.Л.Сари Ад-Дин
Российский центр науки и культуры в Бейруте,
Университет Святого Иосифа в Бейруте (Ливан)

*«Каждая нация насмехается над другой,
и все они в одинаковой мере правы»
А.Шопенгауэр*

Статья посвящена проблеме изучения фразеологических единиц с компонентом-этнонимом, обозначающим представителей различных этнических общностей людей. Анализ подобных выражений в различных языках свидетельствует об опыте кросскультурной коммуникации, частично закреплённой в языке, и способствует более объективному осмыслению языковой картины мира в поликультурном пространстве.

Межкультурная коммуникация – языковая картина мира – этнонимы – идиоэтнонимы – этностереотипы – этноконнотация – диалог цивилизаций

The article is dedicated to the problems of studying phraseological units (idioms) with an ethnonym component, identifying representatives of the different ethnic communities. Analysis of such expressions in the different languages indicates cross-cultural communication and contributes to the more objective and clear perception of the linguistic picture of the world.

Cross-cultural communication – language picture of the world – ethnonyms – idioms with an ethnonym component – ethnostereotypes – ethnoconnotation – dialogue of civilizations

Проблема межкультурной коммуникации чрезвычайно важна в многополярном мире, поэтому не случайно в последнее время много говорится о толерантности, политкорректности и уважении к другим культурам и нациям. Эти вопросы столь актуальны, что они являются предметом обсуждения и изучения разных дисциплин: культурологии, этнопсихологии, этнолингвистики и многих других. В наши дни, когда межнациональное общение становится проще, кросскультурная коммуникация становится реальностью нашей жизни, на смену национальным стереотипам, сформированным в языковом сознании людей литературой и СМИ, приходит попытка осмысления менталитета, традиций, культуры «иноземцев», «чужих» через собственный опыт. Однако в любом языке выражения, связанные с наименованиями представителей разных национальностей, *этнонимы*, их экспрессивные словообразовательные дериваты, неизменно вызвали интерес, так как именно в них проявляются стереотипы отражения восприятия того или иного этноса.

Возможно ли понять представителей другой этнокультуры? Вот что считает, например, современная писательница Дина Рубина, которую спросили: «- Чем больше путешествуешь, тем легче понимаешь другого – странника, прохожего, туземца... Вы согласны с этим? - Не совсем. Скажем так: путешествия, возможность увидеть мир во всей совокупности его прекрасных и омерзительных черт несколько смягчают наше изначальное неприятие «другого». Воспитывают нечто вроде смирения, дают осознание того, что никогда, никогда тебе не понять до самого дна душу другого человека. Мы – разные. Мы – странные. Смиримся с этим.» (Рубина, с. 296)

Образ «чужого», «иноного», отличного от того, что привычно, складывался в разных языках на протяжении всей истории и контактов того или иного этноса с представителями других культур. Кроме существующих в любом языке нейтральных общепринятых названий различных видов этнических общностей, этнонимов, напр. *русские, датчане, французы* и пр. в языках сложилась группа экспрессивных этнонимов, этнофолизмов, или псевдоэтнонимов, относящихся, как правило, к области пейоративов, ср. *армяшка, чурка, чучмек, азер* и пр.

Надо сказать, что в русскоязычных словарях достаточно трудно найти этнофоллизмы и выражения с компонентом этнонимом, что, очевидно, связано с сознательным желанием не показывать враждебных чувств к представителям других этнических групп, что вполне было созвучно как с принятым в СССР принципом «неразжигания вражды на национальной и этнической почве», так и с современным термином «политкорректности». Данные, имеющихся фразеологических словарей, значительно расходятся с актуальной языковой практикой (ср., напр, уст. *греческий огонь*, *римские свечи*, *китайская трава* и др., библеизмы: *вечный жид* (англ. *the Wandering Jew*, нем. *ewiger Jude*), *добрый самаритянин* (англ. *good Samaritan*, нем. *Barmherziger Samariter*), *вавилонская блудница* (*Whore of Babylon*)).

Ряд выражений возник из литературных источников, в которых компонент-этноним семантически деактуализируется, утрачивая свой денотат: ФЕ *тайны мадридского двора* вошёл в русский язык после появления перевода романа немецкого писателя Г. Борна, повествующего о скандальных похождениях испанской королевы Изабеллы (1843-1868); *мавр сделал своё дело, мавр может уйти* – выражение – цитата из драмы Ф. Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе» (ср. нем. *Der Mohr hat seine Schuldigkeit/Arbeit getan, der Mohr kann gehen* или англ. *The Moor has done his duty, let him go*); *последний из могикан* ‘последний или старейший представитель какой-л. группы, поколения, отмирающего социального явления’, от названия романа американского писателя Ф. Купера «Последний из могикан» (1826) (ср. нем. *Der letzte (der) Mohikaner*). Собственно русскими являются следующие этнофразеологизмы из литературных источников: *битва русских с кабардинцами* ‘о какой-л. ссоре, шуме’, выражение возникло из заглавия лубочной повести Н. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» (1840); *колумбы росские (русские)*- ‘Уст. о талантливых русских учёных, писателях, путешественниках’, выражение из поэмы М.В. Ломоносова «Пётр Великий» (1761); *французик из Бордо* ‘о некоторых заносчивых, хвастливых иностранцах’, выражение из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (1824).

Определённой этноконнотацией во многих языках обладают этнонимы *цыган* и *еврей*, часто окрашенные пейоративностью. Ср, напр. нем. *Christlicher Jude* ‘купец-христианин, занимающийся махинациями’ (досл. христианский еврей), *darauf borgt kein Jude etwas* ‘это и гроша ломаного не стоит’ (досл. за это ни один еврей ничего не одолжит), русск. *ну тебя к жиду*; англ. *Gipsy's warning* ‘загадочное и зловещее предупреждение’ (досл. предупреждение цыганки), *gipsy's ginger* ‘человеческие экскременты на улице’ (досл. цыганское рыжее), русск. *У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери*, или *цыганский загар* ‘Прост. шутол. О грязи на чьей-л. коже’, в которых негативная коннотация этнонимов является общей, что связано с идентичным опытом кросс-культурной коммуникации носителей данных языков. Однако в русском языке находим также ФЕ *цыганская жара* ‘Прост. шутол.-ирон. Холод, озноб’, *цыганский пот прошибает* ‘озноб, дрожь от холода, ощущение холода’, поговорка *Цыган с рождества шубу продаёт*, в которых закрепилось мнение о цыганах, как о людях, легко переносящих холод.

Этноконнотация ‘сложности, непонятности, изощрённости’ присуща отэтническому прилагательному *китайский*, ср. *китайская стена* ‘непреодолимая преграда, полная изолированность от кого-л, чего-л.’ (от названия древней стены, отделявшей Китай от Монголии), (ср. также англ. *Chinese wall* ‘китайская стена, принцип китайских стен (строгое разграничение функций и информации между подразделениями фирмы или другой организации)’, *китайская грамота* ‘Что-л. недоступное пониманию, в чём трудно разобраться’, (в некоторых словарях находим ФЕ *тарабарская грамота* или *халдейская грамота* с тем же значением), *китайские церемонии* ‘Шутол.-ирон. Излишнее проявление вежливости, излишние условности в отношениях между людьми’, *китайский болванчик* ‘самодовольный, ограниченный человек’. Википедия приводит устоявшееся в русском языке выражение *последнее китайское предупреждение* ‘бесплодные предупреждения на словах, при этом заведомо известно, что никаких действий не последует’. Выражение возникло в связи с обострением американо-китайских отношений в 1950-1960-х гг XX в., касающихся так называемого «тайваньского вопроса». В то время США часто нарушало воздушное и водное пространство Китая, который в свою очередь, делал предупреждения о последующих ответных акциях, но ничего не предпринимал. Известно, что к концу 1964 г. их было около 900. Во французской языковой картине мира на отношение французов к Китаю во многом повлиял роман Октава Мирбо «Сад пыток» (1889), и появилось выражение *supplice chinois* ‘изощрённое, медленное

истязание' (досл. 'китайская пытка'). В английском языке *Chinese whispers* (досл. китайский шёпот) обозначает детскую игру «испорченный телефон».

В образную основу многих ФЕ русского языка с компонентом-этнонимом легли названия этнических общностей людей, контакты с которыми у русских были значимы в историческом плане, ср. известные фразеологизмы *незванный гость хуже татарина*, *как Мамай прошёл, как швед под Полтавой*. Происхождение междометного идиоэтнонима *японский городской* 'выражение досады, разочарования, злости', используемого с конца XIX в., связывают с инцидентом, произошедшим с

будущим российским императором Николаем II в Японии. Когда кортеж с цесаревичем отъезжал от дома губернатора, откуда-то выскочил полицейский (японский городской) и ударил наследника российского престола саблей по голове. От повторного удара Николая спас греческий принц Георгий с помощью своей трости.

Слова и выражения, связанные с этностереотипами, способствуют формированию в сознании более объективной языковой картины мира, позволяют глубже понять язык и культуру той или иной нации, что чрезвычайно важно, в частности, в процессе межкультурной коммуникации и в диалоге цивилизаций вообще, ибо, как сказал Леонардо да Винчи, «познание стран мира – украшение и пища человеческих умов».

Литература:

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.- 704 с.
2. Рубина Д. Больно только когда смеюсь.- М.: Эксмо, 2010. – 384 с.
3. Фразеологический словарь русского языка/По ред. А.И.Молоткова.- Изд. 5.- СПб, Вариант, 1994.- 544 с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX в.: В 2 т./ Под ред. А.И.Фёдорова.- Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991, Т.1: А – Н, - 340 с., Т.2: О- Я, - 274 с.

АДАПТИВНОСТЬ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА

Свердлова Наталия Александровна,
к.ф.н., доцент, декан международного факультета
ФГБОУ ВПО "Иркутский государственный лингвистический университет"

В докладе рассматривается свойство адаптивности системы языка в условиях языковых контактов в соотношении с данными когнитивной лингвистики и социолингвистики. Выявление общих характеристик семиосфер языков и социосфер обозначает пути изучения механизмов слияния контактирующих языков. Межязыковая интерференция является маркером изменений и адаптаций языковых систем, находящихся в состоянии конвергенции.

Ключевые слова: адаптивность, языковой знак, языковой контакт, интерференция, билингвизм, языковое сознание, семиосфера.

ADAPTABILITY OF CONTACTING LANGUAGE SYSTEMS AT BILINGUALISM Sverdlova Natalia

The report views the adaptability of the language system in the conditions of language contacts in relation to the data of cognitive linguistics and social linguistics. Identification of general characteristics of semiotic language spheres and social spheres marks the means of studying the mechanism of the contacting languages. Cross - language interference is the marker of changes and adaptations of the language systems being in the convergent condition.

Key words: adaptability, linguistic sign, language contact, interference, bilingualism, language consciousness, semiotic sphere.

Являясь знаковой системой особого порядка, язык полностью обеспечивает коммуникативные потребности человека и одновременно способствует "запуску" познавательных процессов в его сознании.

Репрезентация мира в сознании говорящего индивида по-прежнему остается вопросом теоретической лингвистики [6]. Ментальные репрезентации организуют в сознании носителя языка определенную идеографически упорядоченную концептуальную структуру, которая характеризуется подвижностью. Мысль об ее нестатичном / подвижном характере базируется на идеи Ч.Пирса о неограниченном семиозисе – динамическом процессе интерпретации знака [8]. Бесконечность процесса концептуализации отношения "знак / объект", недостижимость объекта репрезентации, находящегося в сознании носителя языка, интерпретация, отражающая "культурные системы и нормы своего времени" [3] (то есть, по своей природе синхронная - прим. авт.) вызывает затруднения в изучении путей вербализации знака, но не влияет на степень сложности изучения порожденных объектом знаков. Их изменчивость, как одна из характеристик, отражает динамичность языковой системы носителя языка (Я1) и является маркером изменений и адаптаций, которые возможны под влиянием системы знаков другого языка (Я2), которым владеет говорящий.

Выявление закономерностей взаимодействия языков, особенностей функционирования единиц уровней контактирующих языков в динамическом пространстве представляется одной из важнейших проблемных областей языкознания. Изучение механизма слияния контактирующих языков во всем его конвергентном и дивергентном состоянии является социально-значимым в условиях общественно-культурного многообразия.

Социолингвистика и семиотика при рассмотрении вопросов билингвизма обнаруживают общие объекты исследования. Контактующие в процессе «попеременного пользования языками» [1, с. 22] семиосферы, различные по своему ярусному наполнению, характеризующиеся внутренним движением «ментальные репрезентации – вербализация – структурирование концептов» [6, с. 23], находятся в зависимости от особенностей

социальной динамики носителя языка. Представления и набор знаний индивидуального и коллективного характера заложены в личности, язык которой «связан с профессиональной, социальной и вообще групповой принадлежностью человека» [7, с. 105-106], «входящей в общество через социальные группы» [9, с. 176-177], чье представление о языке сформировано «на основе знаний, обязательных для члена профессиональной группы, профессионального социума» [5, с. 44].

Говорящий индивид современного типа – личность, готовая к осуществлению межъязыковой и межкультурной деятельности – "вторичная языковая личность" [10]. В силу экстралингвистических причин этот человек владеет не только родным языком (Я1), но языком (Я2), необходимым для бытового и профессионального общения в полинациональных коллективах сегодняшнего мира. Объективная реальность социума представляет собой пересечение активных социосфер отдельных индивидуумов, находящихся в "рамках определенного исторического сознания" [3]. Таким образом, общей чертой семиосфер языков человека и его социосфер является динамичность, способность к адаптации, готовность к контакту и перемещению.

Так называемый встречный характер потоков мигрантов – отличительная черта общества 21 века. Миграционное движение охватывает все уголки нашей Земли, но самыми популярными странами, которые "обмениваются" иммигрантскими потоками являются мультиязыковые государства: США, Россия, Германия, Саудовская Аравия, Канада, Франция, Великобритания, Испания, Индия и Украина [2]. Социальная сфера жизни перемещающихся представителей самых разных этноколлективов пересекается с культурной и языковой. Решению вопросов современных билингов, полилингов, учитывая объем необходимой коммуникации для обеспечения целей их перемещения, способствует изучению особенностей функционирования языковых систем, находящихся в контакте.

Наиболее отчетливо свойство адаптивности языковой системы обнаруживается не в "изолированном виде" (например, при контакте одноязычных носителей языка), а в условиях использования "чужой" языковой системы. Исследование результатов такого использования иной системы языка в диахронии наиболее ярко подтверждает адаптивный характер языка; в синхроническом режиме маркером процесса взаимной адаптации языковых систем является интерференция.

Объем отклонений интерферентного характера от языковых норм зависит от ряда факторов, связанных с условиями "приобретения" Я2 (language acquisition), полноты реализации концептуальной и межличностной (по М.А.К. Халлидею [11]) функций Я1 и Я2, собственно лингвистических (генеалогических, типологических) различий контактирующих языков.

Способность языковой системы "принимать" чуждые ей элементы заложена в ее межличностной функции, "устанавливающей и поддерживающей социальные отношения, ролевую структуру и т.д." [11]. Интерференция, как «отступление» каждого из контактирующих языков от своих норм, свидетельствует о разной степени их взаимопроникновения на разных уровнях системы, что формирует объем конвергентной зоны контактирующих языковых систем на ее уровнях (см. рис. 1).

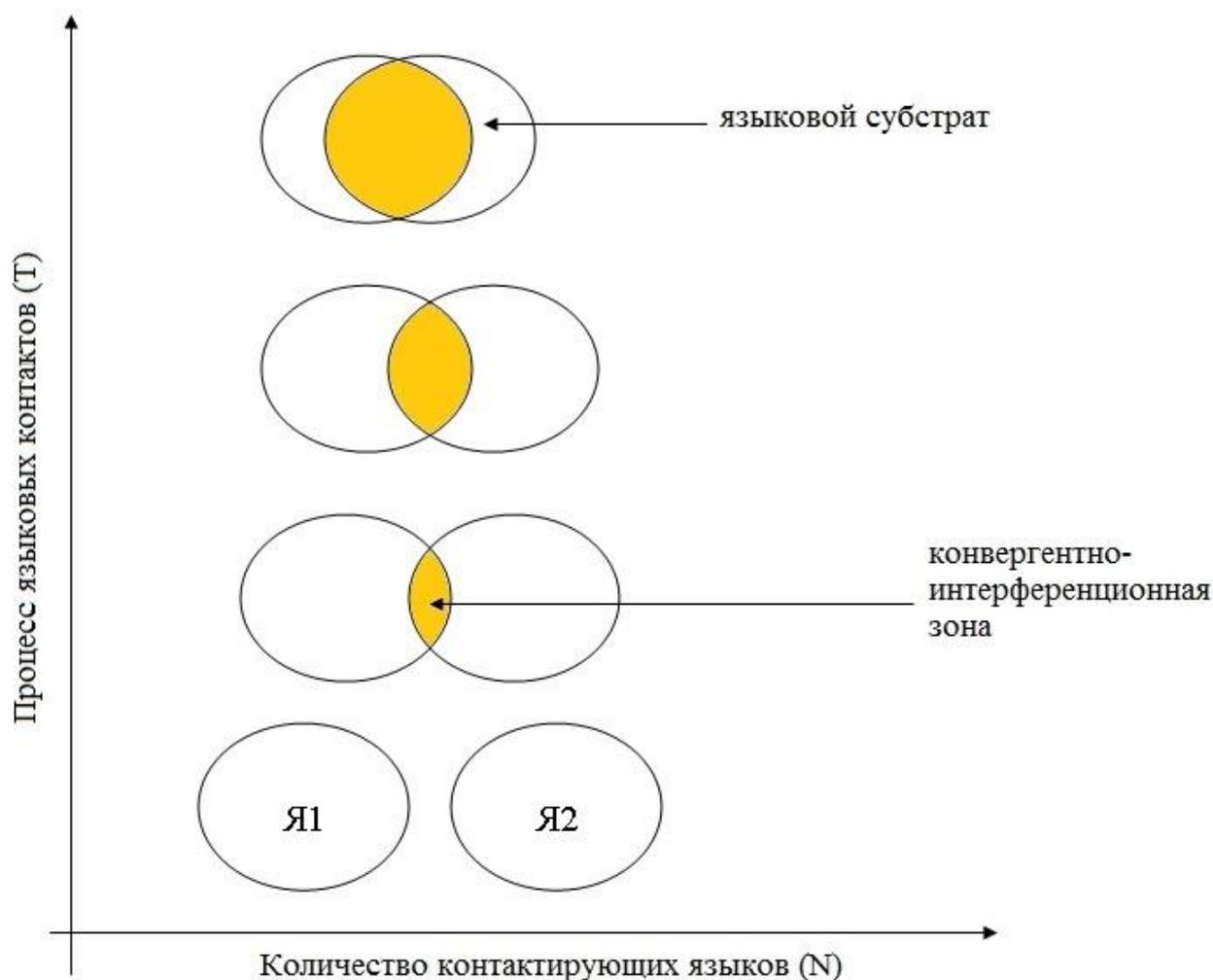

Рис. 1 Формирование конвергентной зоны контактирующих языковых систем. Г - процесс контакта языковых систем с учетом фактора времени. N - количество контактирующих языковых систем.

Процесс "овладения" иной языковой системой, её присвоения, "подчинения собственным смысловым стереотипам, находящимся в сознании" [10] не имеет ничего общего с утратой собственной структуры в процессе адаптации. Напротив, проходя этапы отношений между элементами систем (Я1 Я2, Я2 Я1) в виде интерференции и интеркаляции [4] языковые системы стремятся к стабилизации, что приводит к появлению новых системных структурных образований.

Очевидно, что для характеристики изменений в системах контактирующих языков необходимо формирование системного подхода к исследованию явления межъязыковой интерференции. Изучение данного феномена охватывает результаты научных обобщений социолингвистического, антропологического, психолингвистического, культурологического, собственно лингвистического научных полей, что создает новые вызовы в процессе исследования и требует учета критического анализа накопленных знаний, с последующим обобщением на современном этапе развития лингвистической науки.

Список литературы

- Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояния и проблемы [Текст]. Благовещенск, 2000. 264 с.
 Встречная миграция: народу дома не сидится. № 487 - 488 демоскоп weekly. 21 ноября - 4 декабря 2011.

URL: http://demoscope.ru/weekly/2011/0487/gazeta_037.php. (дата обращения: 15.12.2011).

Жак Деррида - постструктуралист Sans Pareil // Постструктурализм: основные концепции, понятийный аппарат. URL: <http://www.philosophy.ru/library/il/2.html> (дата обращения: 14.01.2010).

Карлинский А.Е. Основы теории взаимодействия языков и проблемы интерференции: Автореф. дис. . д-ра филол. наук [Текст]. Киев, 1980. 48 с.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность [Текст]. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. О ментальных репрезентациях // Сборник научных трудов. Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. Выпуск II [Текст]. 2007. С. 5 - 27.

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. языковое сознание [Текст]. М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. С. 105-106.

Семиозис // История философии. 2008 URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/460 (дата обращения: 29.07.2013).

Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики [Текст]. М.: Наука, 1987. 168 с.

Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность [Текст]. М.: 1995. С. 277-278.

Halliday M.A.K., Christian M. I. M. Matthiessen A short introduction to functional grammar [Text]. L.: Hodder Arnold Publication, 2004. 700 с.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ЭПОХУ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН

Лейла Авидзба - д.ф.н., Тбилисский государственный
университет (Грузия)

Жужуна Сихарулидзе - преподаватель кафедры русского
языка как иностранного, Агрыйский университет
им. Ибрагима Чечена (Турция)

Ключевые слова: титулатура, межкультурная коммуникация, социолингвистические переменные

Abstract: This article deals with the problem of cross-language adaptation in the era of historic change on the examples of titles, etiquette formulas, references and proper names.

Титулатура, как известно, это исторически сложившаяся система терминов, отражающих присущую данному обществу систему социальных отношений между его членами (звания, ранги, учёные степени, этикетные формулы и т.д.). В силу свойственной ей специфики титулатура принадлежит к лексическому пласту, непосредственно связанному с жизнью и функционированием соответствующего этноязыкового коллектива, вследствие чего на ней особенно сказываются изменения, происходящие в обществе. Наглядным примером может служить судьба дореволюционной российской титулатуры в двадцатом столетии: в первые послереволюционные годы в Советской России дворянские титулы, военные звания, гражданские чины, наименования административных должностей были полностью отвергнуты. С течением времени наблюдалось частичное возвращение традиционных воинских званий, в чём немаловажную роль сыграла Великая отечественная война, когда было сочтено необходимым вспомнить о боевых традициях современной истории. Кроме того, наркоматы были переименованы в министерства, наркомы – в министры и т.д. В конце восьмидесятых - начале девяностых годов в связи с демонтажем социалистического строя стали предприниматься попытки реставрации дореволюционной титулатуры. Данный процесс коснулся и отсоединившихся республик, где всё делопроизводство в советский период практически велось на русском языке. Так, в Грузии актуальным, в первую очередь, стал вопрос создания военной терминологии, титулатуры на национальном языке, подготовки военных переводчиков и т.д.

Послереволюционной «переделке» в начале двадцатого столетия подвергся и речевой этикет: вместо обращений «сударь / сударыня», «господин/госпожа», «милостивые государыни и милостивые государи» и т.д. утвердились: демократическое «товарищ/товарищи» и «гражданин» / «гражданка / граждане». Обращение же «товарищ» можно было адресовать как лицам мужского пола – «товарищ Костров» (Маяковский, 1978: 360), так и лицам женского пола: «товарищ Надя!» (Маяковский, 1978: 213). Как видим, в своих сатирических стихотворениях поэт остро отреагировал на «речевой этикет», внедрённый большевистской властью. Надо отметить, что обращение «товарищ» сочеталось как с именем (товарищ Надя, ...), так и с фамилией (товарищ Фурцева, товарищ Костров), и с должностным званием (товарищ секретарь...). «Переделку» обращений при «переделке» истории ярко проиллюстрировал и Михаил Булгаков в «Собачьем сердце»: «-Во-первых, - перебил его Филип Филипович, - вы мужчина или женщина? – Какая разница, товарищ?» (Булгаков, 1989: 135)

В эпоху существования СССР в связи с этим вопросом возникали определённые трудности при так называемой «внутрисоветской» межкультурной коммуникации. В отличие от России, где слова типа «госпожа» и «господин» получили ярко выраженный маркированный характер, в Грузии, за исключением официальной партийно-государственной сферы, где требовалось пользоваться общесоюзным обращением «товарищ(и)» - «амханого - амханягебо», продолжало сохраняться и традиционное «батано» - господин и «калбатано» - госпожа, а также «калбатанебо да батанебо» - «дамы и господа». По этому поводу одна из переводчиц с грузинского заметила:

«У нас раньше было принято при переводах с польского языка оставлять «пан», с французского «мосье», с английского «мистер» и т.д.

Но если мы переводим с языков наших республик, то тут обычное, бытующее в народе обращение подвергается гонению. И непонятно, почему вдруг в переводах, к примеру, с грузинского языка недопустимо

общераспространённое «батано», которое никак нельзя заменить выпавшими из современного разговорного языка «господин» или «сударь». А у нас в Грузии обращения «батано» и «калбатано» - вежливое, давно утратившее классовый оттенок: так поныне обращается и крестьянин к крестьянину, и младший к старшему». (Гогоберидзе, 1967: 340-341)

Обращение «гражданин / гражданка» сочеталось только с фамилией и выявляло социальную отчуждённость: гражданин Иванов / гражданка Иванова, в то время как дореволюционные обращения различали пол адресата, подразумевали определённый и достаточно высокий статус, использовались вместе с фамилией, званием, профессией, что, в свою очередь, выявляло уважительное отношение к данному лицу.

Время от времени в советской печати мелькали пожелания народа реабилитировать «сударь» и сударыня». Наличие подобной национально-культурной специфики в рассматриваемой сфере и связанные с этим «межкультурно-коммуникативные» сложности привлекали к себе внимание достаточно давно. Вспомним хотя бы известную сцену из «Горя от ума», где ставится актуальный на сегодняшний день вопрос:

«Как европейское поставить в параллель

С национальным? – странно что-то!

«Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель*?

«Ужли сударыня!» - забормотал мне кто-то...» (Грибоедов, 1862: 76)

Наличие в русском речевом этикете специфического обращения по имени и отчеству (Надежда Александровна, Иван Сергеевич) частично компенсировало «этикетную» утрату в обращениях-советизмах «товарищ» и «гражданин». Более того, данный феномен имел распространение и на другие народы СССР. Так, в Грузии, общаясь на русском языке с грузинами (на административном уровне, в школах, в вузах), обычно обращались по имени и отчеству: Нана Варламовна, Нодар Леванович, - однако параллельно могли обратиться и так: «калбатано (госпожа) Тина, когда можно будет с Вами встретиться?»

Утерев этикетные обращения дореволюционного периода (госпожа ...), сознательно отказавшись от предложенных советским речевым этикетом форм (товарищ ...) и гендерному обращению (девушка, женщина, мужчина, дед ...), общество фактически остановилось на этикетных формах обращения типа: «Извините, не могли бы вы...», «Простите, ...» «Будьте любезны...», - поскольку ещё не выработало замены формам обращения советского и постсоветского периодов.

Традиция обращения по имени и отчеству в России имела место уже в средние века. Полностью и по имени и отчеству величали только самых значительных персон в обществе: бояр, князей и т.д. (Царь и великий князь Иван Васильевич). В дореволюционной России употребление отчеств в обращении к человеку во многом зависело от социального статуса: представителей высших сословий именовали по имени и отчеству даже с юного возраста: «Рано, Пётр Андреевич, - сказал он (Савельич) мне, качая головой, - рано начинаешь гулять.» (Пушкин, 1986: 243) К выходцам же из простонародья обращались только по отчеству и то в сокращённом форме: « - Поди вон, Савельич, я чаю не хочу.» В советскую эпоху в грузинском языке укоренилась именно просторечная форма обращения по отчеству (Иваныч, Александрыч...), которая, однако, выражала факт некоего панибратства, а не указывала на сословный признак. Обращение же по имени и отчеству было весьма популярным только в партийных органах и властных структурах и не активизировалось в грузинской культуре речи. Что касается области переводоведения, то чисто русский феномен – имя / отчество - создаёт немало трудностей переводчикам и определённое непонимание, как уже отмечалось, у иноязычного читателя, но тем не менее в переводах выдающихся литературных произведений отчества в наименованиях рекомендуется сохранять, поскольку «каждый элемент художественного текста имеет повышенную ценность, он может выполнять не только смысловую, но и другие функции (например, ассоциативную, звуко-ритмическую, эстетическую и т.д.), следовательно, им нельзя жертвовать в переводе без весьма серьёзных причин.» (Ермолович, 2001: 59).

В современной России наблюдается факт вытеснения из речевого этикета обращения по имени и отчеству и не только в бизнес-сфере, но, как отмечает Формановская Н.И. (Формановская, 2002: 21), и в письменных

медийных текстах, и на телевидении к заслуженным людям и к людям старшего возраста обращаются по имени и представляют их, называя только имя и фамилию и опуская отчество, что, в свою очередь, приводит к формам «ты-общения» и «вы-общения». Тенденция обращения только по имени (под влиянием американского речевого этикета) наблюдается и в грузинских медийных средствах. Популяризация обращений западного образца воспринимается как своеобразный протест против насильственно узаконенных советских форм обращения. Однако в грузинском, наряду с укоренившимися формами современного речевого этикета, продолжает функционировать традиционное обращение к представителям старшего поколения или к уважаемым людям: «калбатано Нана», «батано Паата», - адекватное русским «госпожа» и «господин».

Межкультурные адаптаторы обращения «ты» и «вы» к одному лицу относят к т.н. «социолингвистическим переменным», представляющим языковые средства, которые находятся между собой в отношении дополнительности, т.е. каждый раз при осуществлении коммуникативного акта приходится делать выбор в пользу того или другого обращения. Переводчикам с английского языка, как известно, необходимость определять, как именно следует передавать английское «you», доставляет немало хлопот, и далеко не всегда при работе с одним и тем же текстом их решения в том или ином случае будут совпадать.

Своеобразно обстоит дело в тех случаях, когда в исходном тексте, в котором речь идёт о чужой (и зачастую отдалённой) культуре, сознательно используются привычные культуре автора нормы (что можно рассматривать как одно из проявлений «приближения» описываемой действительности к своему читателю). Это можно наблюдать, читая «иерусалимские» страницы «Мастера и Маргариты» Булгакова, когда Понтий Пилат, беседа с иудеями, с которыми, как указывается в тексте, он говорит по-арамейски или по-гречески, независимо от их социального статуса (будь то обвиняемый Иешуа или первосвященник Каиафа) использует обращение «ты». Аналогичным образом поступают и они, адресуясь к прокуратору. С другой стороны, при общении его с подчинёнными римлянами используется форма «вы», но, произнося тост в честь находящегося в Риме императора, Пилат, - что вполне согласуется с нормами русского словоупотребления – прибегает к торжественно-возвышенному «ты»: « За нас, за тебя, кесарь, отец римлян, самый дорогой и лучший из людей!» (Булгаков, 1988: 574) Сохранение подобной дифференциации как приёма при межъязыковой трансформации (межкультурной адаптации) было бы желательным, однако далеко не всегда это оказывается возможным.

Список литературы:

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. Мастер и Маргарита. – Минск, 1988.
2. Булгаков М.С. Собачье сердце. Собрание сочинений в 5 томах, т. II, М., 1989
3. Гогоберидзе Е. Актуальные проблемы теории художественного перевода. М., 1967. Т.1, с. 340-341.
4. Грибоедов А.С. Горе от ума. Издание Николая Тиблена, СП, 1862.
5. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001.
6. Лунева В.В. – Обращения в русской лингвокультуре: Сохранения традиций или нововведения. – Материалы междунар. заочн. Научно-практической конференции «Современные тенденции общественных наук: типология, социология, философия». 03 мая, 2011. – <http://sibac/info>
7. Маяковский В.В. Письмо товарищу Кострову. Собрание сочинений в 12 томах, т. V, Правда, М., 1978
8. Маяковский В.В. О дряни. Собрание сочинений в 12 томах, т. I, Правда, М., 1978
9. Пахомова И.Н. Новые явления в русском речевом этикете (на материале средств массовой информации) [Текст] – Автореф. Дис. канд. филол. Наук / И.Н. Пахомова – М., 2008
10. Пушкин А.С. Капитанская дочка. Художественная литература, 1986
11. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Нормативный социокультурный контекст. М., 2002

ЯЗЫКОВЫЕ ТРУДНОСТИ ИНОСТРАННЫХ ТУРИСТОВ В РОССИИ

М.Н. Степанова
ФГБОУ ВПО Восточно-Сибирский государственный университет
технологий и управления
г. Улан-Удэ (Россия)
Научный руководитель - доктор культурологии, профессор В.Л. Кургузов

В статье автором рассматривается ряд наиболее острых языковых проблем, возникающих у иностранных туристов при путешествии по России, в контексте межэтнического диалога, межкультурной адаптации и сотрудничества.

Ключевые слова: туризм, культура, межкультурное взаимодействие, языковые трудности, культурные и языковые навыки, межкультурная адаптация.

LANGUAGE DIFFICULTIES OF FOREIGN TOURISTS IN RUSSIA

In this paper the author discusses a number of the most critical language problems encountered by foreign tourists traveling to Russia, in the context of inter-ethnic dialogue and cross-cultural adaptation and cooperation.

Keywords: tourism, culture, intercultural communication, language difficulties, cultural and language skills, cross-cultural adaptation.

Известно, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа. Все тонкости культуры народа отражаются в его языке, который специфичен и уникален, так как по-разному фиксирует в себе мир и человека в нем.

Как заметил К. Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык - специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов.

Культура влияет на все аспекты нашей жизни, и часто мы не осознаем, почему видим или делаем некоторые вещи определенным образом. Только выходя за пределы наших культурных границ, мы начинаем понимать, как наши действия определяются культурой, в которой мы живем.

Стремительный процесс глобализации, происходящий в современном мире, ведет к тому, что в сфере общественных отношений, бизнеса, образования, досуга и туризма существенно возрастает количество контактов между представителями разных культур. А это, в свою очередь, детерминирует настоятельную потребность осмысления и анализа того, что происходит при социальном взаимодействии, которое носит кросс-культурный характер.

Туризм – это всегда встречи между людьми, между людьми и пространством их обитания. Это та область, где первостепенное значение приобретает владение культурными и языковыми навыками, как организаторами туризма, так и самими туристами.

Современная Россия начала XXI века относится к числу государств, в которых наблюдаются высокие темпы развития туризма при все возрастающей государственной поддержке данной отрасли.

Россия - самая большая страна мира. Она занимает 11,5% мировой территории, а ее площадь равна 17 млн. кв. км. Российская территория простирается на 10 тысяч км от Балтийского моря на западе до Японского на востоке. Россия располагает огромным потенциалом природного и историко-культурного наследия, а с учётом многонационального характера её населения - отличается высокой степенью этнокультурного многообразия. Не случайно поэтому, что начиная с 2009 г. количество иностранных туристов, путешествующих по России, неизменно растёт. В пятерке лидеров стран по посещению России (по данным Ростуризма в 2012 г.) находились: Германия, Китай, Соединенные штаты Америки, Соединенное королевство и Финляндия.

Вместе с тем, по ряду объективных причин (усложненная процедура получения виз, нередко недостаточный уровень сервиса и качества услуг, высокая стоимость туров, и т.д.) Россия продолжает оставаться для большинства иностранцев недоступной.

Кроме того, одной из самых распространенных проблем, с которой приходится сталкиваться иностранным туристам в России - это языковой барьер.

Несмотря на то, что русский язык в последнее время обретает все большую популярность в мире, стал актуальным и распространенным особенно среди молодых иностранных граждан, пребывающих в Россию, тем не менее, большое количество иностранцев, которые приезжают работать, учиться или путешествовать по России имеют трудности в общении на русском языке. Этот факт, естественно, оставляет отпечаток на их жизнедеятельности и качестве жизни, поскольку порождает определенные ограничения в освоении нового для них культурного пространства.

Эту проблему уместно рассмотреть более подробно и постараться ответить на вопрос, «с какими языковыми трудностями приходится сталкиваться иностранным туристам в России?».

На наш взгляд существует шесть основных областей, в которых у иностранных туристов возникают языковые сложности, что наглядно подтверждается данными таблицы.

Область	Содержание
1. Сфера обслуживания туристской индустрии	- низкий уровень знания иностранных языков, социально - психологической и этнокультурной подготовки среди большинства специалистов всех уровней, непосредственно контактирующих с туристами
2. Общественный муниципальный и междугородный транспорт	- недостаточное, а в большинстве регионов и полное отсутствие дублирования названий остановок и их объявлений на английском языке
3. Сфера общественного питания	- слабый, либо полностью отсутствующий перевод меню на иностранный язык на предприятиях питания различного уровня
4. Обозначения	- скудное наличие транслитерации различных указателей, дорожных знаков и перевода текстов на достопримечательностях (русский язык основан на кириллице, поэтому чтение или хотя бы интерпретация надписей и текстов, сделанных на русском языке, для большинства туристов из западных стран является крайне сложной задачей, так как их алфавит основан на латинице)
5. Интернет	- техническая и информационная неполноценность сайтов туроператоров и турагентств, сопровождающаяся некачественным переводом, либо его отсутствием
6. Информационные материалы	- узкий ассортимент информационных материалов (различных путеводителей, словарей, разговорников, брошюр и т.п.) способствующих лучшей ориентации иностранных туристов на территории Российской Федерации, а также малое количество пунктов их распространения.

С нашей точки зрения, только качественное устранение или сглаживание приведенных в таблице первопричин может в корне поменять ситуацию по уровню восприятия русского языка среди иностранных туристов в лучшую сторону, и, тем самым привести к увеличению туристского потока в Россию.

В связи с этим возникает и еще одна проблема. При обслуживании иностранных туристов ошибочным является общее предположение о том, что каждый человек имеет одинаковые потребности, ожидания и модели поведения, поскольку, на самом деле, действия и реакции людей происходят в результате их культурной обусловленности и, в связи с этим, могут отличаться. Поэтому, на наш взгляд, очень важным является определение конкретных культурных компонентов, которые имеют отношение к предоставлению услуг, в целях повышения качества обслуживания клиентов и, в конечном счете, гарантии удовлетворенности и лояльности туристов. Иными словами, лояльность туристов зависит от восприятия уровня предоставления услуг, и влияет на выбор решения о

повторных покупках. В свою очередь, восприятие качества и удовлетворенность от получения услуг, зависят от культурного фона каждого конкретного человека.

В этой связи, для более эффективного общения с представителями других культур, повышения качества предоставления услуг, и, в конечном итоге, привлечения и удержания постоянных клиентов, особенно актуальным является подготовка будущих специалистов сферы туризма, ресторанного и гостиничного сервиса практическим навыкам в области этнологии, лингвистики, фольклористики и межкультурного общения, поскольку даже глубокое знание иностранных языков не исключает непонимания и конфликтов с их носителями.

Немаловажно и то, что непосредственные контакты россиян с иностранными туристами предоставляют уникальные возможности формирования и развития межэтнического диалога и сотрудничества, основанного на признании и уважении плюрализма идентичностей и культур, межгрупповой терпимости и доверия, разрушения «образа врага», изменения общественного мнения. Иностранные туристы, побывавшие в нашей стране, вносят определенный вклад в создание представлений о России и россиянах в мире. Поэтому исследование социально-психологической природы межэтнических установок, приезжающих в Россию иностранных туристов, т.е. их отношения к нашей стране и ее гражданам, а также взаимосвязи этого отношения с другими факторами межкультурной адаптации, позволяет не только расширить понимание содержания этих феноменов, но и создает возможности целенаправленного воздействия на формирование и развитие позитивного образа России.

Список литературы:

1. Туризм как явление культуры: материалы Всеросс.научно-практ.конференции, 01.02.2007г. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – 140 с.
2. Кургузов В.Л. Восток-Россия-Запад: Теория и практика межкультурной коммуникации: очерки лекционного курса / В. Л. Кургузов. - Улан-Удэ : Изд. - полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. - 350 с.
3. Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. -238 с.
4. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания / Под ред. Н. В. Уфимцевой .- М.: Ин-т языкознания РАН, 1996 .- С. 7-22.
5. Федеральное агентство по туризму (Ростуризм). URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124140477/>, (дата обращения 29.04.13)

СОВРЕМЕННЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДИФИКАЦИИ ОДНОГО ВИДА НАИМЕНОВАНИЙ

Стребуль Людмила Алексеевна

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

г. Днепропетровск (Украина)

Аннотация: Анализируются современные официальные наименования высших учебных заведений, варианты их переименований; определяются основные тенденции современного процесса номинотворчества.

Ключевые слова: коммуникация, структура, семантика, номинация, компонент-детерминант.

MODERN COMMUNICATION MODIFICATION OF ONE NAME TYPE

Annotation: The modern official names of higher educational establishments, variants of their renaming, are analysed; the basic tendencies of modern process of номинотворчества are determined.

Keywords: communication, structure, semantics, nomination, component-determinant.

Постоянно изменяющееся и развивающееся состояние языка (о чем Л.В. Щерба писал: «... язык находится в состоянии более или менее устойчивого и сплошь и рядом вовсе неустойчивого равновесия» [5,50]), характерно и для процесса номинотворчества, особенно активно происходящего на территории б\СССР с конца XX - начала XXI вв. в силу социально-экономических преобразований в обществе. Эти изменения существенно повлияли на значительную часть ономастического пространства, в частности, наименований организаций, объединений, учреждений и высших учебных заведений. Эта сфера номинотворчества достаточно узкая, но интенсивно развивающаяся и совершенствующаяся.

В данной статье в исследуются структурно – семантические особенности современных названий вузов, представляющих собой специфический тип речевой деятельности, где первоочередным является его соответствие коммуникативному предназначению – кратко и доступно донести до коммуниканта необходимую информацию.

На наш взгляд, любое изучение основных тенденций процесса номинации представляется актуальным.

Исследование номинации в центре внимания многих современных ученых-лингвистов, в частности, В.Г.Гака (1972), Е.С.Кубряковой(1986), Г.В.Колшанского (1975), А.А.Уфимцевой(1997), В.А.Горпинича(2004) и других.

Например, В.Г.Гак определяет номинацию «как процесс и результат наименования, при котором речевые элементы соотносятся с объектами, которые они обозначают» [2,37]. По мнению Е.Кубряковой, «номинация демонстрирует заинтересованность коммуниканта на признаках задействованного в его деятельности объекта [3,9].

«Акт номинации как акт семиоза связывает тело знака с той группой концептов, которую сформировал интерпретант» [3,9].

Как отмечает А.Уфимцева [9,8], «номинация есть процесс обращения фактов действительности в знаки, значения и категории, отражающие общественные аспекты носителей языка».

Продолжая наши исследования в сфере номинации вузов, в данной статье проанализируем наименования вузов России, Украины, Беларуси и других стран. Как правило, информация, представленная в наименованиях вузов, складывается из значений компонентов, образующих целостную содержательную структуру номина. Эти составляющие представляем так:

1\слово, указывающее на объект и статус вуза (академия, университет, институт, факультет, филиал вуза, центр, высшая школа и др.);

2\слово или словосочетание слов, указывающие на местонахождение вуза (Днепропетровский, Ататюрковский, Кабардино-Балкарский, Евразийский);

3) слово или словосочетание, указывающие на специализацию вуза (институт восточнославянской филологии, институт сервиса и туризма).

Отдельные наименования не имеют компонента по специализации, а именуется так: Южный федеральный университет.

Для наглядности приведем примеры современных номинатов, отражающих продуктивную 3-х компонентную конструкцию ААС, где А-определение, выраженное согласованным именем прилагательным, С-стержневое слово, имя существительное в Им. п., ед. ч., С- слово или именное словосочетание в Р.п. ед.ч.: *Харьковский университет радиозлектроники, Национальная академия управления.*

Наиболее продуктивными являются 3-х, 4-х-компонентные синтаксические структуры: ААС, АААС, ААСС, в которых: А – согласованное определение, выраженное именем прилагательным в Им. п. ед. ч., С-стержневое слово, выраженное именем существительным в Им. п., ед. ч. С-несогласованное определение, выраженное именем существительным в Р. п. ед. ч. Например: *Российский новый университет, Мексиканский национальный автономный университет, Московская просвительная духовная академия.*

К продуктивным синтаксическим конструкциям наименований вузов мы относим также и 4-х-5-ти-компонентные с указанием имени: ААСС–*Гаврицкий национальный университет им. В.И.Вернадского, Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра, Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б.Н.Ельцина.* К непродуктивным синтаксическим конструкциям наименований можно отнести с нетрадиционной синтаксической структуры: 1) с профильным компонентом в препозиции – к объекту вместо локализирующего компонента – *Технологический университет Подолья*, 2) *Государственный университет «Львовская политехника»*, где компонент – «Львовская политехника» объединяет два признака: локализирующий и профильный.

Сравнивая наименования вузов СНГ и некоторых стран зарубежья, можно отметить краткость и упрощенность структур, например: *Университет Фрибур (Швейцария), Карлов университет в Праге (Чехия), Университет КА Фосфари (Италия) Сельчукский университет (Турция)*

Очевидно, выбираются варианты комбинаций, оптимально осуществляющие коммуникативную цель и представляющие собой образцы адаптации в коммуникации.

Наглядно представляем те изменения номинации, что произошли за последние 25 лет, приводя примеры номинатов до 90-х годов XX столетия и современных.

В качестве иллюстрации рассмотрим переименования вузов г. Днепропетровска: *Днепропетровский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени воссоединения Украины с Россией (до 1990 года); Днепропетровский государственный университет; (с 1993 по 1998 года) Днепропетровский национальный университет (статус национальный присвоен вузу в связи с 80-летием; Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара (имя выдающегося украинского писателя и общественного деятеля, Героя Украины, 2008 г.).*

Эта тенденция к первоначальному упрощению структуры наименования и компрессии содержащейся в нем информации была характерной для большинства названий вузов б\СССР.

Как мы видим, в переименованиях 1-ой, скажем, волны (условно 1993-ий-1996-ой годы) крайне редкими стали компоненты-детерминанты, указывающие на присвоение вузам орденов и медалей б\СССР, так как была утеряна их социальная значимость при переименованиях. То же можно сказать и об именах государственных деятелей: они унифицировались. 2-ая волна (1996-2000-ый годы) принесла замену компонентов «государственный» на «национальный».

3-ья волна (с 2000-года) принесла изменение статуса большинства вузов: академия→университет, институт→академия, высшее училище→институт. В последнее десятилетие появилась тенденция к новым специальностям, вызванным выполнением инновационных программ международного рынка образовательных услуг (*криогенная техника, имиджеология, религиоведение, ресурсосбережения* и др.). Так, появились *Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, Академия иудаики (Ешива) Торат Хаим* и др.

Данное исследование дает возможность проследить механизм образования и содержательную базу, отражающую восприятие номинатов в коммуникации и их прагматико-ценностное отношение к реалиям. Видоизмененные и функционирующие сегодня наименования вузов позволяют говорить о достаточно глубоком проникновении социального в ткань языка, о содержательной роли информации – предельно точно и кратко характеризовать объекты образовательной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. - М.:Издательство АСТ; ООО Русские словари, 2002.- 960 с.
2. Гак В.Г. Высказывание в ситуации. / В.Г. Гак / В кн.: Проблемы структурной лингвистики. – М. : Наука, 1972. - с.353-355.
3. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. / Е.С. Кубрякова / М., 1986. - С.91.
4. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) Языковая номинация. Виды номинаций. / А.А. Уфимцева / . - М., 1977.- с.8
5. Щерба Л.В. Очередные проблемы языкознания / Л.В. Щерба// Языковая система и речевая деятельность - Л., 1974.- с.50.

НИКОЛАЙ II В ВОСПРИЯТИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА «ПИСЬМА ЦАРЮ»)

Е.В.Суровцева

МГУ, Москва (Россия)

Title: Nikolay II in perception of the Russian writers (on the material of genre of «letters to tsar»).

Резюме: В статье описывается образ Николая II на материале жанра «письма царю».

Summary: In article the image of Nikolay II on the material of the genre of «letters to tsar» is described.

Ключевые слова: жанр, «письмо царю», образ адресата, Николай II, Л.Толстой.

Keywords: genre, «letter to tsar», image of addressee, Nikolay II, L.Tolstoy.

Данная работа является тематическим продолжением проводимого нами исследования обращений русских писателей во власть предрешающим и во властные структуры с письмами. Нами обосновывается тезис, что подобные тексты – письма представителей русской интеллигенции, в частности писателей, во власть – образуют особый эпистолярный жанр, обладающий следующими отличительными чертами: напряжённость, вызванная иерархичностью отношений адресанта и адресата; «высоте» адресата соответствует «высота» темы; часто «письма вождам» мыслятся их авторами как открытые; теме соответствует язык и стиль. Нами были выделены следующие разновидности анализируемого жанра: письмо-инвектива; письмо-декларация; письмо-памфлет; письмо-донос; письмо-жалоба / просьба / оправдание; письмо-дифирамб / благодарность / творческий отчёт. Письма царям и высокопоставленным царским сановникам мы предлагаем, используя терминологию Л.Н.Толстого, называть «письмом царю» (Своё письмо Николаю II Толстой озаглавил как «Царю и его помощникам» (1901). К слову отметим, что именно как «Письмо царю» озаглавил Н.Я.Эйдельман свой рассказ, посвящённый Булгарину и его сотрудничеству с III Отделением (см.: [6]).

Письма представителей интеллигенции властителям являются интереснейшими и важными документами нашей истории, в которых «отразился век» и с иной, подчас неожиданной стороны предстаёт личность писателя, знакомого по художественным произведениям и отзывам современников. Есть в этих текстах и ещё один существенный аспект, неизбежно проявляющийся при знакомстве с ними. Это то, каким предстаёт собственно адресат, личность не менее реальная, чем автор письма, однако отмеченная в эпистолярном контексте субъективным авторским отношением, подчас мифологизированием.

Письма, адресованные властям, можно подразделить на две категории: во-первых, это письма на имя непосредственно особ Царского дома (Николаю I; Александру I – к нему обращались с письмами ещё в бытность его наследным цесаревичем; Александру II; Александру III – к нему также обращались с письмами ещё в бытность наследным цесаревичем; Николаю II; К. К. Романову; императрице Марии Александровне); во-вторых, это письма, адресованные царским министрам и сановникам (С.С.Уварову; М.А.Дондукову-Корсакову; Л.А.Перовскому / П.А.Ширинскому-Шихматову / А.Ф.Орлову; В.Д.Олсуфьеву; Е.П.Ковалевскому; Д.А.Толстому; Д.Н.Набокову; К.П.Победоносцеву; И.Л.Горемыкину; Н.В.Муравьёву; А.Г.Булыгину) и III Отделению. Отметим, что в процентном отношении писем, адресованных Царствующим особам, больше всего среди писем-деклараций; среди писем-просьб велик процент посланий на имя Царских приближённых.

В рамках данной работы речь пойдёт о письмах первой группы, так как именно они, на наш взгляд, дают возможность судить об отношении к власти в анализируемый период. Нами уже проанализировано образ Николая I [3] и Александра II [2] в «письмах царю». В данной статье речь пойдёт о Николае II.

Николаю II были адресованы Толстым два письма-декларации. Первое из них – открытое письмо «Царю и его помощникам» [4], написанное 15 марта 1901 г. Следует отметить один немаловажный момент: Толстой пишет: «Обращаемся к вам не как к врагам, а как к братьям» [4]. И в другом месте: «Обращаемся к вам не как к людям другого лагеря, а как к невольным единомышленникам, сотоварищам нашим и братьям» [4]. То есть не просто как к

людям (как прямо декларирует писатель в письме к Александру III 8 – 15 марта 1881 г.) и не только как к христианам (что прямо не заявляется, но подразумевается в том же письме Александру III), а именно как к сотоварищам и к братьям. Кроме того, по мысли Толстого, власть имущие связаны с народом, с населением страны, связаны «с нами так, что всякие страдания, которые мы несем, отзываются и на вас, и ещё гораздо тяжелее...» [4]. В тексте есть своего рода предположение, о чём думает адресат: «Вам или большинству из вас кажется, что всё происходит оттого, что среди правильного течения жизни являются какие-то беспокойные, недовольные люди, мутящие народ» [4]. Однако это мнение абсолютно неправильно, Толстой оспаривает его – «Люди все не могут желать раздора и вражды, а всегда предпочитают жить в согласии и любви с своими братьями. Если же теперь они волнуются и как будто желают вам зла, то только потому, что вы представляетесь им той преградой, которая лишает не только их, но и миллионы их братьев лучших благ человека – свободы и просвещения» [4]. И далее по пунктам Толстой перечисляет то, что должна сделать власть для того, чтобы всё успокоилось (об этом шла речь в предыдущей главе).

Следующее письмо-декларация Толстого Николаю II датировано 16 января 1902 г. [5]. Начинается оно необычным в таких ситуациях обращением – «Любезный брат!». И далее пояснение: «Такое обращение я счёл наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не столько как к царю, сколько как к человеку – брату» [5]. Писатель напоминает царю о его ответственности перед Богом: «Как ни велика ваша ответственность за те годы вашего царствования, во время которых вы можете сделать много доброго и много злого, но ещё больше ваша ответственность перед богом за вашу жизнь здесь, от которой зависит ваша вечная жизнь и которую бог дал вам не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять его волю. Воля же его в том, чтобы делать не зло, а добро людям» [5]. То, о чём говорит Толстой, является долгом любого христианина вне зависимости от его положения в обществе, ничего специфически «царского» в подобном отношении к жизни нет. Таким образом, Лев Николаевич снова не упускает момент поговорить с адресатом о Боге как с обычным христианином. Писатель утверждает: «Ваши советники говорят вам, ... что русскому народу как было свойственно когда-то православие и самодержавие, так оно свойственно ему и теперь и будет свойственно до конца дней и что поэтому для блага русского народа надо во что бы то ни стало поддерживать эти две связанные между собой формы: религиозного верования и политического устройства. Но ведь это двойная неправда» [5]. Иными словами, как и в письме Александру III (7 января 1900 г.) Толстой указывает на лживость окружения царя, которое вводит правителя в заблуждение. Интересно то, что неприятие и непонимание своих идей, изложенных в письме, Толстой приписывает не царю, а как раз его окружению: «Знаю я, что эти мысли мои будут приняты вашими советниками как верх легкомыслия и непрактичности человека, не постигающего всей трудности государственного управления ... <...> Советники ваши скажут вам, что освобождение земли от права собственности есть фантазия и неисполнимое дело» [5].

Кратко сформулирует предварительные итоги этой части нашего исследования. На настоящее время нами обнаружены письма на имя Николая II только Л.Н.Толстого. Император предстаёт в них как сотоварищ, христианин и брат, которого обманывает лживое окружение и которому не лишне напомнить о христианском призвании. Полученные нами выводы могут дополнить наше представление о личности Николая II и об особенностях его восприятия, известное нам по документам и по художественным произведениям (об образе императора в русской литературе XX века см. в [1]).

В качестве одной из перспектив разработки затронутой нами темы следует назвать анализ образов Александра I, Александра III и К.К.Романова в «письмах царю».

Список литературы.

1. Подлубнова Ю.С. Николай Второй в русской литературе XX в.: политическая мифология и концепция личности // Художественная антропология: Теоретические и историко-литературные аспекты. Материалы

международной научной конференции «Поспеловские чтения» – 2009 / Под ред. М.Л.Ремнёвой, О.А.Клинга, А.Я.Эсалнек. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 318 – 324.

2. Суровцева Е.В. Александр II в восприятии русских писателей (на материале жанра «письма царю») // Язык и личность в поликультурном пространстве: Сборник статей / Отв. ред. Л.В.Адонина. – Серия «Молодой филолог». Выпуск 3. – Севастополь: Рибэст, 2013. – В печати.

3. Суровцева Е.В. Николай I в восприятии русских писателей (на материале жанра «письма царю») // Занкиевские чтения. Сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции по теме: «Национальное образование и культура в полиэтничном пространстве», посвящённой памяти заслуженного учителя РФ, писателя, лауреата премии Г.Тукая Республики Татарстан Якуба Камалеевича Занкиева (г. Тобольск, 5 апреля 2013 г.). – Тобольск: ТГСПА им. Д.И.Менделеева, 2013. – С. 66 – 67.

4. Толстой Л.Н. . Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928 – 1964. – Том 34. – С. 239 – 244.

5. Толстой Л.Н. . Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. – М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1928 – 1964. – Том 73. – С. 184 – 197.

6. Эйдельман Н.Я. Письмо царю. Исторический рассказ в документах // Знание – сила. – 1988. – № 1. – С. 78 – 83.

ЖУРНАЛ «ЦИСКАРИ» - МОСТ МЕЖДУ БЕСТУЖЕВЫМ-МАРЛИНСКИМ И ГРУЗИНСКИМ ЧИТАТЕЛЕМ

Т.Т. Шарабидзе, ТСУ,(Грузия)
И.В Милорава, ТСУ,(Грузия)

ключевые слова: журнал «Цискари», Грузинская общественность, Бестужев-Марлинский.

THE BRIDGE BETWEEN BESTUZHZEV AND GEORGIAN READER

Annotation: We represent in the work to know what caused the 19th century, 50 years in Georgia, 20-30- years a great interest to Russian prose-writer Alexander Bestuchev-Marlinksi that in the newly-founded magazine “tsiskari” which is the expression of public opinion in the Georgian period, Marlinski appears as a prose writer.

In 1852-1853 in this magazine from number 10 to number 24 was printed about Bestuzhev- Marlinski. The fact is that the magazine “Tsikari” has not met met the most famous neither the Russian and nor the Georgian works of classical writers of this period.

The magazine "Tsiskari" for spreading area and the signatures (buyer) according to analyze who was the magazine's readers, and the readers' interests in the following conclusion:

It seems that the magazine’s editor George Eristavi was foreseed his readers, officials and influential Georgian people who did not need about “too much” patriotic, severe and profound philosophical and social content and feature-type compositions. Sentimental-romantic-classicistic with eclectic melodrama have been more receptive for them

Keywords: the Maazine "Tsiskari", Georgian Society, Bestuzhev-Marlinksi

В 50-х годах XIX века в грузинской литературно-общественной жизни произошло два значительных события: были основаны две национальные организации – Грузинский театр и журнал «Цискари».

Журнал «Цискари» имел четыре отделения: 1. «Художественная литература», 2. «Наука и искусство», 3. «Семейное хозяйство», 4. «Смешенное». Художественная литература была разделена на «Стихотворения-Сочинения» и «Прозу». В нем печатались как грузинские произведения (в основном стихотворения), так и переводы русской и иностранной литературы.

Александр Бестужев-Марлинский - главный прозаик журнала «Цискари» при Г. Эристави. Георгий Эристави напечатал его романы - «Мулла-Нур», «Аммалат-Бек», рассказы - «Ночь на корабле» и «Пещера за кладбищем». Отсюда «Мулла-Нур» перевел Георгий Эристави, «Аммалат-Бек» _ Георгий Эристави и его брат Иванэ Эристави, «Ночь на корабле» _ Лука Исарлов и «Пещеру за кладбищем» _ Георгий Баратов. С 1852 года по 1853 год из вышедших в свет 24-х номеров «Цискари» в 10-ти печатают Бестужева-Марлинского.

Что определило в 20-30 годы такой большой интерес к русскому прозаику (и не только прозаику, Бестужев-Марлинский пробовал перо во всех литературных жанрах) грузинской общественной мысли, выразителем которой в 50-х годах был журнал «Цискари»? С целью осмысления данной проблемы, в статье вкратце представим некоторые детали жизни и творчества Бестужева-Марлинского, которые дадут нам возможность составить определенное представление о русском писателе и общественном деятеле. Однако для нас больший интерес представляет отношение к Бестужеву-Марлинскому журнала «Цискари» и грузинской литературной мысли 50-х годов, литературного мнения, которое, как нас убеждают, склонялось к принципам реализма.

Обзор 24-х номеров журнала «Цискари» Г. Эристави делает явственным:

1. Уже в 50-х годах современными авторами журнала «Цискари» являются романтики. В журнале преобладают стихи, так как грузинская романтическая художественная проза недостаточно развита.
2. В журнале не прослеживается единая литературно-мировоззренческая и языковая позиция, что вызывает эклектизм.
3. Не напечатано ни одного письма критического характера, которое дает какое-нибудь направление журналу, формирует вкус писателя и читателя.

4. Что касается переводов, сделаны попытки перевести всё новое и знакомое, независимо от литературного направления писателя, а так же обращает внимание сюжет, который воздействует на читателя мелодрамной чувственностью.

Нужно учитывать и то обстоятельство, что, хотя грузинская литературная мода вплотную следует за русской, она все равно отстает от нее. То, что для России является частью истории, для Грузии почти новый плод, во всяком случае, еще не совсем знакомый. Именно об этом беспокоится Илья Чавчавадзе в своей критической статье «Несколько слов о переводе «Безумная» Козлова Ревазом Шалвовичем Эристави», старается привить принципы реализма, чтобы литература пошла по его пути и не повторила ошибок прошлого.

Этих принципов нет в журнале «Цискари» ни Георгия Эристави, ни Иванэ Кереселидзе. Они предпочитают Марлинского и Гоголю и Лермонтову. В оправдание можно сказать то, что «Цискари» был первым журналом, и само его существование при благоприятных условиях давало ему возможность развиваться дальше. Личность Бестужева-Марлинского была знакома грузинской общественности, он долго жил в Тбилиси, а так же в расположенных Ахалцихе и Кутаиси гарнизонах. Писателя хорошо знало грузинское общество, его смерть была окутана тайной, и, что важно, грузинам нравилась и интересовала кавказская тематика, герои, борющиеся за свободу, симпатия писателя к национальной борьбе кавказских народов против порабощительной, шовинистической политики России. Так же в колоритном описании местности и этнографических обычаях они видели «реалистические стремления» писателя (известно, что Марлинский охотно изучал быт горцев, их фольклор и историю).

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос, что определяло подбор переводимых произведений для журнала «Цискари»: случайность, «стремление» к Европе побуждает переводить все доступное таланту, или интересы общественности и читателей. По нашему мнению, невозможно исключить ни одну из версий. Несомненно, прослеживается стремление переводить русскую и европейскую литературу, на случайность подборки переводимых произведений указывает тот факт, что ни один переводчик (не говоря о том, что на страницах журнала нашли свое место сентиментализм, романтизм, реализм и даже классицизм) не имеет целостную литературно-мировоззренческую позицию. В то же время, не может переводчик при выборе материала не иметь к выбранному материалу особенный интерес, тем более нельзя, чтобы сам редактор, печатая переводы в периодическом издании, не думал об интересах читателей, не ставил перед самим собой вопрос, кто будет читателем журнала.

В статье попытаемся выяснить, кто был читателем «Цискари» как в Грузии, так и за ее пределами. По разным данным, количество подписчиков «Цискари» варьировало от 150 до 300 (Джологуа Т. 2011:117). Отсюда 100 номеров выписал сам Главный управляющий Воронцов для Училища Св. Нино, урегулировав, таким образом, материальную сторону редактору-издателю (там же).

Думаем, что эти номера Воронцовым распространялись как среди государственных чиновников, так и воспитанниц училища Св. Нино. Что представляло собой училище? Оно было основано в 1846 году «Благотворительным обществом женщин Св. Нино» и им непосредственно руководила жена наместника царя Елизавета Браницкая-Воронцова. Целью общества было способствовать в Грузии образованию женщин и создание женского училища «для подготовки добрых жен и хороших матерей семей». Членами общества были выдающиеся представители грузинской аристократии: Нино Чавчавадзе-Грибоедова, Манана Орбелиани, Елена Эристави, Нино Чилашвили-Кипиани и другие.

В грузинских семьях и так были богатые традиции воспитания «добрых жен» и «хороших матерей», поэтому, думаем, целью училища должно было быть иное, в частности, воспитание грузинских женщин на русских традициях, что имели целью основанные Воронцовым все учреждения, в том числе и культурные: Русский театр, Грузинский театр, Училище Св. Нино, Грузинская гимназия и журнал «Цискари». Другое дело, как осуществлялась и каких результатов достигала политика русификации в этих учреждениях. Во всяком случае, большинством читателей журнала «Цискари» мы должны считать представительниц высокого аристократического круга. Так же

нужно отметить, что «Цискари» выписывали в Кутаиси, Телави, Гори, Зугдиди и в самой России – Москве и Петербурге.

Понятно, что в Москве и Петербурге журнал выписывали грузинские читатели. Это были переселившиеся в Россию представители дворянства. Большинство этого круга уже испытало поражение заговора 1832 года, и подключением к русской общественной жизни пытались интегрироваться с ней. Что касается остальных подписчиков, ими могли быть находящиеся на службе России чиновники или другие влиятельные лица, которые даже имели право посылать редакции письма с требованием о немедленной публикации того или иного материала" (Каландадзе А. 1977 : 295).

Как видим, читателем журнала является часть высокого круга общества, в целом же, грузинская общественность, исходя из традиций, не была материально готова ни для распространения журнала, ни для его издания (оно привыкло читать рукописи). В тоже время нужно отметить, что на читателей «Цискари», т.е. элитарную аристократию и чиновников, не могли оказать влияние в то время уже написанные произведения современных грузинских классиков, которые по какой-то причине не печатались в журнале. Исследователь грузинской истории XIX века Тамаз Джологуа отмечает, что Эристави не смог привлечь этих художников к деятельности журнала (Джологуа Т. 2011:138). Интересно, не смог, или не захотел? Конечно, мы не сомневаемся во вкусе Георгия Эристави, автора «Осетинских рассказов» и многих других произведений, однако явно видно, что Георгий Эристави учитывает вкус и интересы «своего» читателя (хотя часто и в интересах этих читателей наблюдаются различные мнения).

Результат на лицо: для читателей «Цискари», взамен произведений философско-художественного типа глубоко патриотического и острого социального содержания, более приемлемыми оказались приправленные эклектикой сентиментально-романтически-классицистические мелодрамы.

Использованная литература:

1. Каландадзе А., «История грузинской журналистики (1819-1853)», I, издательство «Гамомцемлоба», Тб., 1977.
2. Джологуа Т., «История грузинской журналистики (XIX век)», I, издательство «Некери», 2011.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЯЗЫКОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ (842-1794)

Тариел Сихарулидзе-д.ф.н.,
Государственный университет Ильи, Тбилиси (Грузия)

Резюме : В данной статье автор акцентирует свое внимание на языковое законодательство Франции с 842 – 1794 годов. Автор пытается показать как формировалась Французская государственность параллельно с развитием языкового законодательства и какую роль играло языковое законодательство в становлении Французской государственности.

Ключевые слова: Языковая политика, языковая политика Франции, языковое законодательство, языковое законодательство Франции

ON SOME QUESTIONS OF LANGUAGE LAWS ON EXAMPLE OF FRANCE (842-1794)

Summary: In the present article author writes about the linguistic laws of France from 842 – 1794. He demonstrates how the construction of French statehood was linked to linguistic construction via ordinances, decrees and laws and vice-versa. He equally demonstrates that the adoption of linguistic law is not a sufficient measure if State can not fully implement them.

Key words: Language Policy, French language policy, Language law, French language laws

Фактически каждая страна наряду с построением своей государственности (укрепление и утверждение суверенитета, строительство и укрепление государственных структур, внедрение и реализация политики) проводит языковую политику, используя язык как политический инструмент служащей целям упрочнения государственного строительства, разрешения межнациональных и межъязыковых вопросов; укрепления позиции государственного языка или языков в однопациональном или мультипациональном государстве; утверждение языка образования; размежевания ролей между языками в мультиязыковой среде; или в некоторых случаях упорядочение вопросов территориального разделения государства по языковым принципам (как, например, в Бельгии). Как отмечает К.Л. Ганди правильно построенная языковая политика, гарант эффективного функционирования законодательства, делопроизводства, торговли, промышленности, системы образования. “Общий язык нужен стране еще и для того, чтобы выковать единство и солидарность.” (Ганди, 1982: 79)

Как пишет Никольский “... языковая политика, т.е. система мер, принимаемых государством, обществом, партией для сохранения или изменения языковой ситуации, для стабилизации или изменения существующих лингвистических норм.” (Никольский, 1986: 47)

Для проведения языковой политики нужно не только осознавать ее необходимость, но важно разработать долгосрочные мероприятия ее реализации, учитывая при этом рациональные и целесообразные инструменты ее претворения в жизнь. Законодательство в сфере языка (языковой политики) представляется одним из аспектов государственной политики, посредством которой регламентируется методика проведения внутренней и внешней языковой политики. Хотя, нужно отметить, что языковую политику можно проводить не прибегая к выработанным юридическим нормам.

Р. Жиркова в своей работе дает следующее определение: “Языковое законодательство – часть проводимой государством языковой политики, которая в свою очередь является частью национальной политики и имеет особое идеологическое значение: оно формирует определённые идеалы, представления, ожидания. Особенности законотворчества в области языка обусловлены самой сущностью языка, который обслуживает все сферы деятельности человека. Широта данных функций предопределяет сложность законодательства.” (Жиркова, 2009)

В данной статье мы рассмотрим некоторые из аспектов языкового законодательства Франции его истоки и его эволюцию (на примере языкового законодательства 842-1794 годов). Мы сфокусируемся на ключевых аспектах

языкового законодательства Франции, и постараемся показать взаимосвязь языкового законодательства со становлением французского государства.

Общеизвестно, что Франция очень богата своей культурой, историей и языком. Небезынтересно, что она также является одной из первых стран Европы, где язык играл роль при формировании государства. Формирование Французской государственности напрямую с формированием и развитием языка, языковой политики и языкового законодательства. Можно предположить, что языковая политика Франции берет свои истоки от Страсбургской Клятвы 842 года, когда западнофранкский король Карл II Лысый и восточнофранкский король Людовик II Германский, (сыновья Людовика Благочестивого) дали клятву на романском (старофранцузский) и германском (тевтонском) языках, а не на латыни. Язык это символ самобытности, который проявляет стремление каждой нации, каждого государства и народа к независимому выражению своих мыслей на родном языке. обретению суверенитета и язык, как мы видим, играет немаловажную роль. Как пишет Ажеж касательно Страсбургской Клятвы: “В случае французского языка, связь между лингвистикой и политикой очень ясна: рождение французского, это рождение Франции.” (Claude Hagège, 1996: 21)

Начиная с XIII века французский язык постепенно начал вытеснять латынь из государственного делопроизводства, притесняя также и другие языки. Фактически французский язык становится языком юриспруденции с 1235 года по средствам редактирования и записи обычных правовых норм, которые базировались на римском праве а записывались на французском. (9) Например королевские ордонансы 1490 года (ордонанс Карла VII *Ordonnance de Moulins*), ордонанс 1510 года (ордонанс Людовика XII) и ордонанс 1535 (ордонанс Франциска I *Ordonnance d'Is-sur-Tille*), все эти юридические акты укрепляют использование родного (не обязательно французского) языка и французского (особенно ордонанс 1535 года) во время допросов, следствия и в юридических документах или процедурах а не латыни (Blanc, 2010:215-255). Монархи Франции постепенно укореняли французский язык как язык юриспруденции и делопроизводства, но именно в 1539 году король Франциск I ордонансом Виллер-Коттерет (*Villers-Cotterêts*) укрепил статус французского языка как единственного языка юриспруденции. Латинский язык давал возможность множественной интерпретации юридических актов. Дабы избежать этого ордонанс в статье 111 гласит, что все процедуры, все анкеты, все контракты, все юридические документы были оглашены, отредактированы, произнесены и доставлены сторонам на французском родном языке и не как иначе (*Ordonnance de Villers-Cotteret, 1539, Art. 110*).⁴⁶ (Нужно отметить что некоторые французские ученые считают этот ордонанс настроенный на искоренение латыни но не других языков Франции, хотя отмечают, что он именно так и был интерпретирован в последствии. Например Ж.Л. Тритте задается вопросом, на сколько власть вообще хотела консолидировать государство по средству языка? (Tritter, 1999: 64-65) В принципе, стоит отметить, что интерпретация этого ордонанс с одной стороны может быть следующей: ордонанс 1539 года не делает Французский государственным языком, так как главная задача ордонанса по статье 111 укоренить французский как язык документов а не как язык государства (так как в ордонансе отсутствует какая либо запись, что французский является языком государства) и не ориентирован на искоренение других языков и их употребление в повсеместном общении. Хотя, с другой стороны именно этот ордонанс можно считать как поворотное явление в языковом законодательстве Франции, так как именно а языке Короля будут вестись все юридические документы и ордонансом 1564 года (*ordonnance de Beaulieu*) это правило распространилось на работу администрации. (Hagège, 1996:53)

Как указывает Гарольд Шифман этот ордонанс был направлен не только против латыни, но и против других языков Франции. (Schiffman, 1996: 83) Хотя, по его мнению, из за слабости центрального правительства этот ордонанс не был эффективным. Не смотря на это XVII-XVIII веках Французская корона присоединя новые

⁴⁶ *Ordonnance de Villers-Cotterêts, 1539: art. 110 « Et afin qu'il n'y ait cause de douter sur l'intelligence desdits arrêts, nous voulons et ordonnons qu'ils soient faits et écrits si clairement, qu'il n'y ait ni puisse avoir aucune ambiguïté ou incertitude ne lieu à demander interprétation.» art. 111. « Et pour ce que telles choses sont souvent advenues sur l'intelligence des mots latins contenus esdits arrests, nous voulons d'oresnavant que tous arrests, ensemble toutes autres procédures, soient de nos cours souveraines et autres subalternes et inférieures, soient de registres, enquestes, contrats, commissions, sentences, testaments, et autres quelconques, actes et exploits de justice, ou qui en dépendent, soient prononcés, enregistrés et délivrés aux parties en langage maternel français et non autrement».*

провинции пытается проводить языковую политику по средствам юридических актов навязывая эксклюзивное использование французского языка в новоприсоединённых провинциях эдиктами: декабря 1684 года для Фландрии, июня 1685 года для Эльзаса, сентября 1748 года для германоязычной Лотарингии, июня 1768 года для Корсики. (Hagège, 1996: 73)

Перед тем как перейти к Французской революции и языковым вопросам того периода нужно отметить еще одну ключевую дату - 25 июня 1787 год - когда законодательным актом были созданы муниципалитеты, где вся работа и все акты производились на французском языке. С этого момента все контракты, нотариальные акты или другая документация велась именно на французском. Как замечает Шифман Фактически с этого момента в полную силу вступил ордонанс 1539 года. (Schiffman, 1996: 93)

Несмотря на те многочисленные инициативы в сфере языкового законодательства которые были рассмотрены, Франция всё же остается страной со множеством идиом. Она не централизованное государство в языковом плане. Новая реальность которая наступает вместе с Французской революцией несет за собой кардинальные изменения в плане языковой политики и языкового законодательства.

Революция изменила подход к языковой политике. Она стала агрессивно проводить языковую политику искореняя другие языки на территории государства и именно революция связала воедино два понятия нации и языка. Во время революционного периода были приняты законы в сфере образования, культуры и религии, хотя мы сфокусируемся на самых важных аспектах революционного периода.

В начале революции языковая политика по отношению к разным идиомам была терпимой. Законы переводились с французского на другие языки, хотя в последствии эта инициатива оказалась слишком дорогой для бюджета и не выполнимой. Республика нуждалась в едином языке, язык должен был быть одним для всех. Разные диалекты, говоры, языки начали считаться препятствием для распространения революционных идей. Те кто говорил не на стандартном французском языке а на диалекте или других языках считались врагами революции. (Schiffman, 1996: 95) Два рапорта аббата Грегуара (1793 год) и Бертрана Барера (1794) призывали к истреблению других идиом на территории Франции.

Например Барер пишет: «У монархии была причина походить на Вавилонскую Башню; в демократии, оставив граждан не знающих национальный язык, неспособных контролировать власть, это предательство ... у свободного народа, язык должен быть единым для всех.»

Еще одно из его изречений: «федерализм и суеверие говорят по бретонский; эмиграция говорит по немецкий ... контрреволюция говорит по итальянский а фанатизм на баскском. Разрушим эти инструменты бреда и ошибок.»⁴⁷

Эти рапорты а также рапорт Талейрана касательно образования и языка послужили одним из базисов для принятия декрета «*décret du 8 Pluivoise*» (27 Января 1794). Этим декретом было принято решение в течении 10 дней назначить учителей французского языка во всех департаментах где говорили не на французском. (Schiffman, 1996: 111) Хотя этот декрет не сработал должным образом из за нехватки педагогов, книг и других проблем сопутствующих революционным временам.

Еще один интересный памятником языкового законодательства революционного времени является декрет «*décret du 2 Thermidor*» (20 июля 1794), который ознаменовывает начало лингвистического террора на территории Франции. Мерлен де Дуа (Perrot Marie-Clémence, 1997: 158-167) в своем выступлении перед Конвентом ссылаясь на ордонанс Виллер-Коттерет, заявлял, что Республика будучи гарантом свободы могла запретить использование любого другого языка, так как это сделала Монархия навязав французский как язык юриспруденции.

⁴⁷ цитаты Барера смотрите в: Leclerc Jacques, Histoire de la langue française, Chapitre 8, La Révolution française: la langue nationale (1789-1870)
http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%BB_sous_la_R%C3%A9volution_%281789-1799%29 - просмотрено 15.10.20135.

Закон состоял из 4 статей. Здесь мы суммируем их Статья 1. Со дня публикации данного закона, каждый публичный акт, в любой части на территории Республики, должен быть написан на французском; Статья 2. Спустя месяц после публикации данного закона, ни один акт, даже частного порядка, не должен быть зарегистрирован если он не написан на французском языке; Статья 3. Если любое должностное лицо или государственный служащий, любое должностное лицо Правительства, со дня опубликования настоящего закона, издаст, напишет, подпишется при осуществлении своих функций, под протоколами, судебными решениями, контрактами или другим актами в целом разработанными на любом языке или языках, кроме французского, будет доведено до суда исправительной полицией по месту жительства, приговорен к шести месяцам тюремного заключения и будет освобожден от должности. Статья 4. Это наказание будет применено и к тем лицам получателям права регистрации, которые спустя месяц после опубликования данного закона, регистрируют любой акт, даже в частном порядке, на любом другом языке кроме французского.»

Лингвистический террор приостановился спустя несколько недель после падения Робеспьера, хотя движение за укоренение Французского было продолжено. Декретом «*décret du 30 Vendémiaire an II*» (17 ноября 1794) были созданы школы где ученики обучались читать и писать по Французский. В последствии закон рассматривался не раз и была принята поправка которой на всей территории Франции образование должно было быть только на французском языке. Хотя и этот закон не был до конца дееспособным из за постоянных поправок, из за нехватки литературы.

В данной статье рассмотрены два периода языковой политики Франции (вообще языковую политику Франции можно поделить на дореволюционный, революционный и постреволюционные и современный периоды). Монархический период ознаменовался не силовой языковой политикой. Революционный период, не смотря на толерантную поначалу лингвистическую политику, в итоге ознаменовался довольно жёсткой языковой политикой и законодательством.

Не смотря на юридические инициативы, принятые в эти два периода, они не достигли поставленных перед ними целей. Принятие юридических норм и законов в сфере языка не всегда эффективно, если впоследствии государство, по тем или иным причинам, не в состоянии претворить эти законы в жизнь.

Нужно отметить, что именно в современный период, а именно в 1992 году, а не во время монархии или революционных веяний, французский становится языком государства. В 1992 году, конституционным законом N92-554 от 25 июня, входит поправка в конституцию V Республики французский провозглашается языком Республики. Языковая политика Франции XX-XXI веков эта довольно обширная тема, которая не входит в нашу задачу и представляется предметом отдельного анализа и изучения.

Использованная литература

1. Ганди К.Л., Языковая Политика в Современной Индии, Наука, 1982
2. Жиркова Р., Правовые основы и механизмы реализации государственной языковой политики в условиях языкового и культурного многообразия, 2009 http://www.ifapcom.ru/files/Monitoring/2009/zhirkova_prav_osnova_gos.pdf просмотрено 7.10.2013
3. Никольский Л.Б., Язык в политике и идеологии стран зарубежжиги Востока, Москва 1986
4. Blanc Agnès, La langue du roi est le français, L'Harmattan, 2010
5. Hagège Claude, Le français, histoire d'un combat, Editions Michel Hagège, 1996
6. Leclerc Jacques, Histoire de la langue française, Chapitre 8, La Révolution française: la langue nationale (1789-1870) http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/HIST_FR_s8_Revolution1789.htm#2_Le_guerre_aux_%C2%ABpatois%C2%B_B_sous_la_R%C3%A9volution_%281789-1799%29 - просмотрено 15.10.2013.
7. Ordonnance de Villers-Cotterêts, 6 septembre 1539, <http://www.assemblee-nationale.fr/histoire/villers-cotterets.asp>
8. Perrot Marie-Clémence, Mots, 1997, Volume, 52, pp. 158-167 http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/mots_0243-6450_1997_num_52_1_2474 просмотрено 01.09.2013
9. Schiffman Harold, Linguistic Culture and Language Policy, Routledge, 1996
10. Tritten J.-L., Histoire de la langue française, Paris, 1999

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛОРАТИВА В РЕКОНСТРУКЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

О.П.Ташдемир

КазНПУ им. Абая, Алматы (Казахстан)

Научный руководитель - д.ф.н., профессор М.Ш.Мусатаева

Аннотация : В статье рассматривается метафорическое использование колоратива при выражении эмоций, являющихся абстрактными по своей сути. Когнитивный аспект данной проблемы позволяет восстановить отношение человека к объектам внешнего и внутреннего мира, закреплённое в разных языковых коллективах. Исследования различного видения мира обогащают наше знание о мире и оказываются ключом к взаимопониманию между народами.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, эмоция, колоратив, языковая картина мира

METAPHORIC USAGE OF COLOR ADJECTIVES FOR RECONSTRUCTION OF THE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD

Annotation: Metaphoric usage of color adjectives for expression of emotions, which are actually abstract, is considered in the article. Cognitive aspect allows reconstructing fixed in the different speech communities man's relation to the objects of mental inner and outer world. Researches on different vision of the world enrich our knowledge of the world and become a key to mutual understanding between nations.

Key words: cognitive linguistics, metaphor, emotion, color, linguistic view of the world

Процесс осмысления, отображения, категоризации объектов действительности человеком проходит по-разному в разных языковых коллективах. Это связано с тем, что мировидение человека, формируясь на знании и опыте предыдущих поколений, переломляется через индивидуальное восприятие, обработку и способ выражения информации. Субъективное восприятие и его языковое отображение, охватывающее внутренний и внешний мир человека, объективируясь и обогащаясь в языковом коллективе, находит своё место языке, превращаясь в драгоценный таинственный код, скрывающий мировоззрение нации. Постигая родной или любой другой язык, человек одновременно усваивает и разделяет уже существующий в языковом коллективе способ восприятия и отображения предметов и явлений действительности, взаимодействие с которыми неизбежно на пути приобретения индивидуального опыта. В ходе этого процесса развивается духовный мир человека, обогащаясь духовными ценностями языкового коллектива, раскрывающихся в этом таинственном коде.

В современной парадигме этот таинственный код исследует возникшая в последние два десятилетия XX века когнитивная лингвистика. В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова определяют когнитивную лингвистику как «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в кодировании и в трансформировании информации» [Кубрякова 2000:53].

Интерес к усвоению, обработке информации и способам репрезентаций знаний с помощью языка был обозначен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке. Еще В. фон Гумбольдт в 1801 г. писал: «Разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его... Путём многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познаётся в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [Гумбольдт 2000: 601]

Исследование близкородственных и типологически различных языков в когнитивном подходе направлено на выявление особенностей такого видения, присущих разным народам, что актуализирует определение соотношения языковых знаков и отраженных в них культурных реалий. В соответствии с этим в рамках данной статьи мы представляем фрагментарный лингвокогнитивный анализ колоратива *белый*.

Мы считаем, что цвет, являясь одним из наиболее ярких и наглядных признаков предмета, как физических, так и созданных творческой силой воображения, используется человеком для выражения собственных субъективных представлений и, следовательно, закрепляясь в языке при объективации понятия в рамках определённой языковой среды, соответствует тождественным субъективным представлениям членов языкового коллектива. Динамика процесса объективации понятия согласуется с коллективным знанием и опытом, приобретённым в ходе взаимодействия с окружающей средой.

В исследуемых нами языках, слово *белый* относится к лексико-грамматическому разряду качественных прилагательных, обозначающих признак предмета непосредственно, не абстрагируясь от сущности предмета, явления, содержащих этот признак. Качественные прилагательные характеризуют сам предмет по данному признаку, называя особенности, которые непосредственно воспринимаются органами чувств и указывают на то, что именно этот признак был выбран человеком и закрепился в языке как признак, характеризующий данный предмет наиболее точно, значимость которого превышает значимость всех остальных признаков этого предмета.

Так как понятие признака, качества является смысловой универсальной категорией, присущей семантическим системам всех языков, мы предполагаем наличие как универсальных, так и специфических национальных особенностей, отразившихся в причине по которой именно данная характеристика предмета была признана языковым коллективом как наиболее значима и ставшая составляющей частью структуры концепта в целом.

Интерес исследователя вызывает использование определённого цвета для обозначения абстрактных понятий. Ассоциативные связи, лежащие в основе выбора цвета для выражения чувственного отношения к абстрактному понятию, отличаются в разных языковых коллективах. Так, эмоции, являясь абстрактными по своей сути, могут быть вербализованы посредством использования различных метафорических концептов, структура которых включает определённые образы и фрагменты, сформированные в результате обработанной человеком информации, получаемой посредством органов чувств. Такие фрагменты включают ощущение цвета, вкуса, запаха, восприятие звуков и осязание объектов.

Метафорическое отображение объектов, возникающее на основе ассоциативных связей, вносит в структуру концепта абстрактного объекта фрагменты физических свойств объектов-прототипов, воспринимаемых человеком вследствие его взаимодействия с объективной реальностью или же существующих в его воображении, и, соответственно, формирует новые ассоциативные связи. Появляющиеся в результате осмысления опыта взаимодействия с окружающей действительностью ассоциативные связи становятся достоянием языковой группы, разделяющей соответствующий опыт.

Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают на то, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причём не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф Дж.: Джонсон М. 2008: 25]. В основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структуры знаний, представляющих собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром.

Как известно, метафоризация основана на взаимодействии когнитивной структуры источника и когнитивной структуры цели. При когнитивном отображении происходит структурирование областей цели по образцу источника. Результаты этого процесса обнаруживаются на уровне семантики предложения и текста. Так, частичное воспроизведение структуры концепта-источника СОЛНЦЕ отчетливо видно в структуре концепта-цели ЛЮБОВЬ и концепта-цели НЕНАВИСТЬ в известном выражении английского языка *to hate/love (an object) with the white-hot passion of a thousand burning suns* в русском переводе *ненавидеть /любить (кого-л.) бело-горячей страстью тысячи жгущих (палящих) солнц*. Одним из понятийных признаков этого концепта является солнечный свет. Издревле среди эпитетов при слове СОЛНЦЕ, выражающих отношение человека к солнечному свету были *яркий, блестящий, сияющий, сверкающий, палящий, сжигающий, ослепляющий* и др. Именно они и являются этимологическим источником слова БЕЛЫЙ во всех исследуемых нами языках. Сильнейшие чувства человека

ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ, которые нельзя увидеть, или дотронуться к ним физически, вливающиеся в сильное, всеохватывающее, стойкое, часто причиняющее неудобство, доминирующее чувство, известное как СТРАСТЬ, переданы в метафорической проекции бело-горячим светом СОЛНЦА.

Пример: 1. *His passion for his wife flamed up burning white in those moments; it was as overpowering as the passion of Mr. Crary for Delphine. (A.Bennet. During Dinner.) – В такие моменты его страсть к своей супруге воспламенялась жгущим белым (огнём/светом) и была такой же всепоглощающей, как и чувство г-на Крэйери к Дельфин.(А.Беннет. За обедом.)*

Примечание: В букв. переводе - «...страсть к своей супруге воспламенялась жгущим белым...». При переводе была произведена лексическая трансформация с добавлением слов *огонь, свет*.

Напротив, в турецком языке подобная СТРАСТЬ выражена чёрным цветом. Примером послужит известный фразеологизм Kara sevda- чёрная любовь, страсть, значение которого раскрывается следующим образом: 1. Душевное заболевание, проявлениями которого является чувство беды, несчастья, катастрофы, вины, ненависти, ведущее к прекращению общения с людьми. 2. Безнадёжная, безответная любовь.

Kara	Sevda	Böyledir	Чёрная любовь –это так:
Bu derdi bir çeken bilir,			Эту боль знает тот, у кого болит
Her gece gezen bilir,			Тот, кто ночью не спит
Hasret ile yanan bilir,			Тот, кто от жажды горит
Kara sevda böyledir....			Вот так по-чёрному любить...
<i>Kara Sevda Böyledir . Tahir Korkut</i>			<i>Вот так по-чёрному любить.</i>
			<i>Перевод: О.Ташдемир</i>

Тогда как предыдущий пример был приведён для иллюстрации результата когнитивного отображения взаимодействия человека с явлениями природы, следующий пример изображает переосмысление, возникшее в результате непосредственной деятельности человека. Взаимодействие с окружающим материальным миром, переломляясь через мир духовный, отражается в языке.

Как известно, металл при нагреве приобретает сначала *красный*, потом *желтый*, а при более сильном нагреве – ослепительно *белый* цвет. Метафорически этот факт отражен в русских фразеологизмах: *довести до белого каления* и *дойти до белого каления*, значение которых понимают как *выводить кого-либо из состояния равновесия, доводить до иступления, до крайних проявлений неуравновешенности, до полной потери самообладания. Белое каление* – последняя стадия приготовления металла перед ковкой. Устойчивое выражение *доводить до крайности* является синонимом этого фразеологизма. Пример: 1. *Много раз доводили они Платонова до белого каления сожалениями и расспросами, как это опозорил его у всех на виду не равный ему по силе казачина, а безусый молокосос. К.Ф. Седых. 2. Обычно сдержанного Леонида на этот раз взорвало и, как это бывает со спокойными людьми, когда их кто-нибудь доводит до белого каления, лицо его стало неузнаваемым: оно то бледнело, то волна краски заливала его. Б. Изюмский.*

В русско-украинском словаре устойчивых выражений И.О. Вирган и М.М. Пилинской обозначены эквивалентные выражения: *розпекти до білого жару кого; розгарячити (розпекти) до краю (до нікуди) кого; роззлостити (розлютити) вкрай кого –небудь - довести до белого каления кого –либо.*

Данные примеры свидетельствуют о том, что *белый* цвет в английском, русском и украинском языке используется для выражения наиболее сильного накала чувств, эмоционального и физического состояния человека, описания наиболее ярких моментов событий и явлений. При этом *белый* цвет несёт более сильную смысловую нагрузку по сравнению с *красным* цветом, что основано на когнитивном отображении в языке определённого явления природы, а также опыта непосредственной деятельности человека. В турецком языке предельная сила неразделённого чувства любви передана чёрным цветом, что, скорее всего, соотносится с универсальным использованием чёрного цвета для обозначения негативных явлений и событий.

Противоположные по своей сути *белый* и *чёрный* цвета использованы в разных языках для выражения ненависти, любви, испуга, неуравновешенности, полной потери самообладания, страсти. В разделяющем их огромном диапазоне заключается всё многообразие красок духовного мира человека, используемых для созидания уникального орнамента видения мира, закреплённого в разных языках.

Список литературы

1. В. фон Гумбольдт Избранные труды по языкознанию.- М., 2000
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. Краткий словарь когнитивных терминов.- М., 1996
3. Лакофф Дж. Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём.- М., 2008
4. Панасова Е.П. Концепт СОЛНЦЕ в русском языке и речи.// Е., 2007
6. Gray R. Classic Short Stories.- L., 2007

Лексикографические источники

1. Фразеологический словарь русского языка.- М., 2008
2. Atasözleri ve Deyimler Sözlüğü.- İst., 2009
3. Русско-украинский словарь устойчивых выражений.- Х., 2000

СТИЛИСТИЧЕСКИ СНИЖЕННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Д.С. Ташимханова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

г. Астана, Казахстан

STYLISTICALLY REDUCED LEXICAL ITEMS IN A MODERN NEWSPAPER TEXT

Summary: In search of expression, ways of expressing the newspaper refers to the reduced and non-literary lexical units having significant stylistic resources and revitalizing newspaper speech.

Keywords: newspaper text; the democratization of the language; stylistically reduced vocabulary; slang.

Язык СМИ вызывает неослабевающий интерес исследователей. Несмотря на то, что медиадискурс весьма разнороден, зачастую исследователи в качестве материала для наблюдений используют, прежде всего, печатные СМИ, что представляется вполне обоснованным: газета является «родоначальницей всех СМИ» (В.Г. Костомаров), и именно из текстов печатных СМИ возможно вывести их стилевую сущность. Медiateксты, представляющие собой интерпретацию фрагментов социальной жизни, дают богатый дидактический и фактический материал для исследования, позволяют определить характер и тенденции процессов, происходящих в современном русском языке. Анализ медиатекстов интересен и в связи с тем, что они занимают особое место в типологии текстов, поскольку имеют коллективное авторство, ориентированы на массовую аудиторию и воспринимаются не автономно, а в окружении невербальных знаков. Органический синтез вербальных и невербальных средств предопределяет особое «звучание» медиатекста и его восприятие.

Язык современной прессы, по данным исследователей, претерпевает значительные изменения. Среди основных тенденций развития языка газет (в частности, его лексической составляющей) лингвисты, наряду с интеллектуализацией, указывают тенденцию к экспрессивизации и демократизации текстов (М. А. Кормилицына, Г. Я. Солганик, Л. Е. Кройчик, Т. В. Тукова). Эти тенденции, на наш взгляд, являются в определенной степени взаимообусловленными. Демократизация, как процесс, характерный для современных газетных текстов, связана с «проникновением элементов живой разговорной речи в различные литературные жанры» (В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Л.А. Булаховский, Б. А. Ларин и др.) и выражается в «раскрепощении» языка, взаимодействии между литературным языком и внелитературными элементами, жаргонизации, либерализации, расшатывания традиционной нормы, «коллоквиализации» (Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, А.И. Горшков, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Г.Я Солганик). Демократизация языка СМИ содействовала «приходу в него слов и выражений, которые раньше считались грубыми, редко употребляемыми и просто невысказанными в сфере публичных отношений» [1, 83]. Одной из основных причин демократизации языка современные исследователи считают демократизацию состава носителей литературного языка (Крысин Л.П.).

Состав и структура стилистически сниженной лексики не определены окончательно, в целом, к подобного рода лексике исследователи относят лексику, находящуюся за пределами литературного, кодифицированного языка.

Стилистически сниженная лексика – неотъемлемая составляющая общенародного языка, неоднородна по своему составу, обладает особой стилистической окраской и экспрессивностью, употребляется преимущественно в разговорной речи.

Анализ региональных печатных изданий свидетельствует об активном использовании подобного рода лексики в газетном тексте. Включение в газетный текст стилистически сниженной лексики, по мнению исследователей, связано в одних случаях с невысоким уровнем речевой культуры журналистов, в других - с желанием «приблизиться к народу», что заставляет их порой опускаться до уровня массовой городской устной речи.

Однако, активное вовлечение стилистически сниженной лексики в газетный текст обусловлено различными факторами, среди которых можно указать и выразительные возможности таких единиц, и стремление автора информации к яркому выражению своей личности, и следование своеобразной языковой моде.

Стилистически сниженная лексика, являясь важным средством выразительности газетного текста, служит показателем как собственно языковых процессов, характерных для газетного дискурса, так и изменений во внеязыковой действительности, в картине мира носителей языка.

Лексика подобного рода, передавая информацию, имеющую эмоционально-экспрессивный или эмоционально-оценочный характер, выражает субъективное отношение автора высказывания к сообщаемому и прямо воздействует на читателя, побуждая его занять позиции автора в оценке сообщаемого.

Стилистически сниженная лексика отличается высокой степенью экспрессивности, является одним из распространенных способов усиления выразительности текста и служит действенным средством привлечения внимания читателей. Довольно часто стилистически сниженная лексика используется в качестве заголовков, что представляется вполне оправданным: заголовок призван не только информировать читателя о факте или событии, но и привлечь внимание к материалу, заинтересовать читателя, заставить его знакомиться с корреспонденцией. Заголовочное место в газете – это «эффективный способ актуализации, потому что именно на заголовок в первую очередь обращает внимание читатель» [2, 47]. В заголовке «*Драйв в кайф*» [3], предваряющем статью о масштабном автомобильном событии, обыгрываются слова разговорного характера, активно употребляющиеся в речи молодежи: кайф (разг.) – «состояние полного удовольствия, наслаждения» [4], и их использование рассчитано на привлечение внимания определенного круга читателей.

В статье под заголовком «Аким *«настучит»* на журналистов в прокуратуру» речь идет о том, что «в парковой зоне безжалостно вырубается деревья, строятся коттеджи и уничтожается экосистема. Местные жители, экологи, археологи и политики призывают прекратить вырубку деревьев и спасти курганы времен железного века» [5, 5]. Поводом к появлению такого заголовка послужил ответ акима сельского округа на вопрос журналиста о предпринимаемых действиях по предотвращению вырубке: «Мне придется предупредить прокуратуру, что я давал комментарий журналисту...». Использование в заголовке слова «настучит» (просторечн., жарг., в знач. «рассказывать кому-то того, что рассказывать нельзя, т.е. предавать [6]) не только привлекает внимание читателя, побуждает его познакомиться с содержанием публикации, но и выражает отношение автора публикации к сообщаемой информации. При включении таких лексических единиц в текст журналист демонстрирует свою оценку, зачастую отрицательную, осуждающую, стилистически сниженная лексика в подобных случаях используется для усиления негативной оценки описываемых фактов.

В статье под заголовком «Благотворительный *облом*» речь идет о том, что в одном из клубов города «прошел благотворительный аукцион, на который были выставлены два наряда от молодого казахстанского дизайнера ... Коллекция молодого дизайнера впечатлила гостей, но вот *раскошелиться* не решился никто». Использование в тексте стилистически сниженных слов свидетельствует о явно негативном отношении журналиста не только к проводимому мероприятию, обозначенному жаргонным словом «*облом*» (в значении «неудача, провал» [7, 353]), но и к гостям мероприятия, не решившимся «*раскошелиться*» (грубо-прост., «перестать скупиться, пойти на издержки, траты» [7, 531]).

Журналисты используют стилистически сниженную лексику и в качестве убедительного показателя интеллектуального потенциала личности, степени речевой культуры личности. Зачастую речевая характеристика персонажа несет пейоративную оценку, подтверждением чему служит следующий пример: Один из руководителей независимого профсоюза студентов прокомментировал результаты Единого национального тестирования

выпускников школ: «...Знания испаряются? Если нет мозгов, их *не наклепать*, как Страшилу из Изумрудного города иголками. Как может испариться то, чего нет? Если есть *сообразала*, любой возьмет себя в руки и будет решать тесты, чтобы *радоки* радовались своему чаду...».

Очевидно, что использование подобной лексики в газетном тексте требует от журналиста тонкого языкового чутья и кропотливой работы над текстом. Журналисту (корреспонденту, адресанту журналистской информации) необходимо ясно представлять свою целевую аудиторию, ее запросы, предпочтения, интересы, проблемы и соответствовать им своим журналистским произведением. «Слабо мотивированные предметом изображения, идейно-эстетическими задачами, неумело вписанные в контекст, они “восстают” стилистическим диссонансом в восприятии человека, обладающего читательской культурой» [8, 41].

Список литературы

1. Аветисян Н.Г. Язык СМИ как фактор развития языка // Вестник Московского ун-та. - Серия 19. Лингвистика и межкультурные коммуникации. - М., 2002. - С. 80-87.
2. Блисковский З.Д. Муки заголовка. М., 1972.
3. «Экспресс К» / Ежедневн. общ.-полит. респ. газета // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.express-k.kz>
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wiktionary.org>.
5. Ульбашева Л. Чиновники торгуют курганами // Свобода слова. – № 13 (357). – 12.04.12. – С. 21.
6. Словарь молодежного, компьютерного и другого сленга и жаргона // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slanger.ru/?mode=library&sl_id=647.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Скворцова Л. И. – 27-е изд., испр. – М. : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2011. – 342 с.
8. Васильева А.Н. Основы культуры речи. - М.: Русский язык, 1990.- 247 с.

НРАВСТВЕННОЕ И ДУХОВНОЕ НАЧАЛО В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ, РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.В. Уманцева

Ростовский государственный университет путей сообщения

Ростов-на-Дону (Россия)

Аннотация : Слово есть связующее звено в построении гражданского общества, в обучении и воспитании человека как личности высоконравственной и духовно обогащённой, в формировании человека как профессионала, носителя культуры, пропагандиста, популяризатора и защитника русского языка и русской культуры.

Обучение русскому языку с таких позиций является инновационным и продуктивным, так как способствует сохранению гражданского общества, его культурных ценностей и добродетелей. А всё это вкуче и составляет сущность нашего мироздания. Без нравственности, без духовности, без морали нет жизни, нет мира. Эти понятия являются основополагающими.

Ключевые слова: нравственность, духовность, гражданственность, воспитание, русская культура, русский язык.

MORAL AND SPIRITUAL EDUCATION IN RUSSIAN LANGUAGE, RUSSIAN LITERATURE AND RUSSIAN CULTURE

The word is a link in building a civil society in education of man as a person highly moral and spiritual enrichment in the formation of man as a professional, media culture, advocate, defender and promoter of Russian language and Russian culture.

Learning Russian language with such positions is an innovative and productive, as it promotes the preservation of civil society and its cultural values and virtues. And all of this together is the essence of our universe. Without morality, without spirituality, without morality is no life, there is no peace. These concepts are fundamental.

Keywords: morality, spirituality, citizenship, education, Russian culture, Russian language.

Предмет научного рассмотрения настоящей работы – слово, его нравственное, духовное и морально-эстетическое значение в разных сферах человеческой деятельности – науке, публицистике, художественной литературе, религии и т.д. Слово есть связующее звено в построении гражданского общества, в обучении и воспитании человека как личности высоконравственной и духовно обогащённой, в формировании человека как профессионала, носителя культуры, пропагандиста, популяризатора и защитника русского языка и русской культуры. В выполнении всех перечисленных функций русского языка особая роль отводится учителю, преподавателю, так как слово, произнесённое ими, есть культура. Конечно, говорить на хорошем русском языке должны все начиная с ребёнка и заканчивая руководителем страны, политиком и т.п. Квинтэссенция подобных размышлений сводится к следующим формулам: «Если человек не умеет говорить на хорошем русском языке, то его уважать не будут» и «Слово не только нравственная, но и экономическая категория». Человек воспитывается, обучается, формируется как личность, как профессионал только с помощью слова. Слово – основное орудие выражения наших мыслей, чувств и намерений. Слово лежит в основе любой профессии. К слову необходимо относиться бережно: «Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому» (М.В. Ломоносов) или: «Каждый учитель независимо от того, какой предмет он преподаёт, должен быть словесником. Слово – наш важнейший педагогический инструмент, его ничем не заменишь» (В.А. Сухомлинский).

Слово есть нравственная категория. В слове аккумулировано великое библейское: «Вначале было Слово», означающее мощь и величие, доброе и злое его начало: «Солнце останавливали словом, словом разрушали города...» (Николай Гумилёв). Язык может сделать многое. В книге Лествичника сказано о том, что язык – орудие слова, и он может делать многое: и доброе, и злое. От языка идёт слава людская – доброе слово даёт и доброе дело, а

также часто язык служит злобе, хуле. Язык обладает силой: жизнь и смерть во власти языка. В языке отражён дух народа, его создавший. Эту связь в своё время очень точно уловил А.С. Пушкин, ставший впоследствии основоположником современного русского литературного языка. Ф.М. Достоевский в речи, посвящённой 81-ой годовщине со дня рождения А.С. Пушкина 8 июня 1880 года, сказал пророческие слова: «Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека... И никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задуще и родственно с народом своим, как Пушкин». На этой божественной связи языка и народа держалась и держится русская литература, русская культура, русское искусство и русское общество. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл в одной из своих проповедей сказал: «Нигде в мире не было предпринято таких радикальных попыток построить человеческое счастье без Бога, и они завершались либо Бутовскими полигонами, либо созданием «сверхдержавы», которая в одночасье развалилась без единого выстрела. У нас имеется опыт, которого нет более ни у кого, вот почему мы не имеем права на ошибку. Если же, отталкиваясь от этого исторического опыта, мы будем действовать, соединяя духовное и материальное, то действительно построим процветающее общество» [1, с. 3]. Обратимся ещё раз к Николаю Гумилёву. В его стихотворении «Слово» читаем: «...Но забыли мы, что осянно только слово среди земных тревог, и в Евангелии от Иоанна сказано, что слово – это Бог». Слово осянный (устар. высок.) означает «освещённый, озарённый» [2, с. 406]. Вся наша жизнь наполнена словами, и наше отношение к словам должно быть священным, трепетным и осознанным, мотивированным, соответствовать Коммуникативному кодексу – участники речевого общения прежде всего должны быть воспитанными, великодушными, скромными, доброжелательными и объективными. Воспитывать и обучать подрастающее поколение нужно на примере великой литературы, потому что «всякая великая литература – это феномен языка, а не идей» (В.Набоков).

Русская классическая литература 19-20 веков – форпост в обучении и воспитании, привитии хорошего вкуса, хороших манер, светской этики. В аннотации к учебнику для 4-го класса «Основы духовно-нравственной культуры народов России. Основы светской этики» М.Т. Студеникин пишет: «Поставлена задача нравственного развития младших школьников, воспитания культуры поведения с опорой на представления о положительных поступках людей. Учащимся предстоит выяснить, что такое добро и зло, дружба и порядочность, честность и искренность, честь и достоинство, сострадание и милосердие, мужество, терпение, правда, истина и ложь» [3, с.3]. Этике, этикету, морали обучают детей, используя материал из русской литературы, из русской культуры (ассамблеи, введённые Петром I; сказки, притчи; русская и зарубежная детская литература; русская живопись; рассказы о знаменитых военачальниках; русские традиции и обычаи и т.д.). Учащиеся знакомятся с такими понятиями, как милосердие, достоинство, учтивость, деликатность, тактичность, вежливость, приветливость, скромность, доброжелательность и мн. др. В постижении этих понятий им помогает русский язык. Так, семантическая группа «добро» вмещает в себя слова разных частей речи: существительное – доброта, доброжелательность, Добрыня, Добролюбов, Добров; прилагательное – добросовестный, добропорядочный; глагол – добреть, недобровать. Такой комплексный подход к изучению принесёт, несомненно, только хорошее, а именно: дети станут добрее и отзывчивее. Да и одна из букв русской азбуки – «д» – означала «добро». Русский народ творил язык, осознавая то, что на нём будут говорить потомки. Сколько мудрости в пословицах и поговорках: На великое дело – великое слово; Язык не стяг, а дружину водит; Слово выпустишь, так и вилами не вытацишь; Речь красна слушаньем; Доброе слово человеку, что дождь в засуху; Доброта – язык, на котором немые могут говорить и некоторые глухие могут слышать; Доброе дело само себя хвалит; Доброта лучше красоты и др.

Обучение русскому языку с таких позиций является инновационным и продуктивным, так как способствует сохранению гражданского общества, его культурных ценностей и добродетелей. А всё это вкуче и составляет сущность нашего мироздания. Без нравственности, без духовности, без морали нет жизни, нет мира. Эти понятия являются основополагающими. На них строится и воспитание, и образование, и культура, и наука, и политика, и право, и религия, и отношения между народами, и отношения между государствами. И никогда не надо забывать о

том, что человек рождается для того, чтобы оставить свой след на земле. А чтобы путь его был светлым и честным, необходимо приложить много сил и терпения учителям и воспитателям. Вот в этом и заключается суть педагогической деятельности: учить, радовать и побуждать.

Библиографический список

1. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл. Речи // Человек и труд / №1, 2010. – С.3.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., Русский язык, 1983. – С.406.
3. Студеникин М.Т. Основы светской этики. – М., Русское слово. 2012. - С.3

МИФОРИТУАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ДУШИ / ЖАН

Уматова Жанна Максумовна

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

В докладе рассматривается мифоритуальная семантика концепта душа / жан. Сопоставительное исследование дает возможность выделить специфическое и универсальное в семантике концепта душа / жан в славянской и тюркской мифологии.

Концепт, жан, душа, миф, мифология, семантика

MYTHOS-RITUAL SEMANTICS SOUL / ZHAN

UMATOVA ZHANNA

The report examines the semantics of the concept of mythos-ritual soul / jean. Comparative study provides an opportunity to highlight the specific and the universal concept of the soul in the semantics / genre in Slavic and Turkic mythology.

Concept, Zhan, Soul, Myth, Mythology, Semantics

Духовный рост, повышение самосознания личности на рубеже веков способствуют активному функционированию лексемы *душа*. Важно проследить не только лингвистическую интерпретацию слова, но и культурно-историческое понимание души. Язык для носителей разных культур есть средство отделения своего культурного мира от чужого, средство замыкания культуры в себе, делания ее непроницаемой для других народов. Важным в культуре любого народа являются мифопоэтические представления о тех или иных явлениях, понятиях, представлениях, нашедшие свое отражение, и закрепленные, в языке. Нас интересует не просто мифопоэтические представления как явление культуры, а следы мифологической эпохи, сохранившиеся и закрепившиеся в языке. Наше исследование проводится сквозь призму славянской и тюркской мифологии.

Так, на наш взгляд, широкий интерес представляет мифоритуальная семантика концептов *душа/жан*, которые берут свое начало с языческих и шаманских представлений у представителей русского и казахского этносов. Познание природы души – одна из наиболее сложных и серьезных проблем человечества. Душа вызывала и вызывает к себе интерес умов людей во все времена. Познать душу посредством только языка – невозможно. «Язык не является единственным манифестатором концептуальной картины мира (специфической схемы восприятия действительности). Концептуальная картина мира проявляется также в поведении, мифе, жестах, мимике, изобразительном искусстве, ритуалах, вещах, этикете и т.д.» [1, 160].

Мифы по-разному интерпретируют семантику *души*. Так, по украинским поверьям, тело ведьмы остается бездыханным, пока душа, являясь людям в различных обликах, отбирает у коров молоко, похищает с неба звезды и т.п. Люди, совмещающие в себе свойства реального человека и нечистой силы (колдуны, планетники и др.), по поверьям, имеют две души или у них нет христианской души. В русских и украинских верованиях встречается противопоставление души, присущей человеку (мужчине) и пара, заменяющего душу животным, «нехристям», иногда женщинам. У поляков и в южной России при появлении бабочек у пламени свечи поминают умерших, молясь и называя их по именам; известны также запреты убивать бабочек, приметы о них как о предвестниках смерти и т.п. [2].

Интерес представляет славяно-тюркское сопоставительное исследование семантики лексемы *душа*. По представлению древних тюрков человек из мира теней (по Т. Омierzаку) переходит либо в нижний мир, либо в небесный мир *Тәңір*. В Высшем мире душа становится аруахом, то есть общается к сонму святых духов. В

нижнем мире в худшем варианте – марту, демонам, а обычно, душа после тяжелых испытаний в виде «маристэ» /в современном произношении «наристэ»/, т.е. душа младенца возвращается в мир людей. Из высшего божественного мира аруах (ар + раух по этимологии А. Аманжолова) оказывает влияние на жителей среднего мира, на потомков, вдохновляя или оберегая их. Иногда аруах в огненном теле является перед людьми, наставляя их. В таком случае его называют *nip* или *perisute*. Первое слово обозначает духовного наставника, второе – ангела. Таким образом, по анимистическим древнетюркским воззрениям между тремя мирами существует непрерывная связь, и душа человека как бы по кругам странствует по путям, связующим эти миры [3, 34-35].

Исследователи традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири указывают на крайнюю сложность и комплексность представлений о том, что условно они называют душой: мифопоэтическое сознание наделяет вполне зримыми формами физические и эмоциональные состояния героя, его этические характеристики. Каждый из элементов человеческого естества, подобно стихиям, слагающим космос, наделяется автономным существованием, является необходимым признаком жизни, ее средоточием и, следовательно, вместилищем души. Это относится к пуповине и последу, дающим жизнь младенцу; к глазам, представляющим человеку доказательства реальности его существования; к волосам, воплощающим неодолимую силу роста; к большому пальцу, как отличительному признаку человеческого рода, фактически тождественному человеку в целом и т.д.

В качестве двойников души человека выступают его телесные характеристики, семантика которых далеко перерастает свое первоначальное или основное значение, что связано с психофизическим изоморфизмом. Наряду с *кут* в тюркской мифологической традиции можно выделить следующие значения души в единстве их физической и психосоциальной семантики: «...*соок* (кости) и *тын* (дыхание, ветерок)» тесно связаны с биологической стороной бытия, это своеобразная анатомия и физиология с точки зрения мифопоэтического сознания, хотя дыхание непосредственно связано с речевой деятельностью, а особенности костного строения проецируются в сферу личностных качеств человека. Подобные представления в традиционном мировоззрении казахов сохранились лишь рудиментарно, в представлениях о трех душах употребляется арабское *жан*: душе-крови, душе-дыханию, душе-мухе, то есть сознанию, вниманию. В итоге можно прийти к выводу о неадекватности понятия *душа* для анализа традиционных представлений.

Со времен древних тюрков сохранился создавать и хранить в доме *тул* (куклу) – изображение умершего человека, из его одежды и личных вещей. Считалось, что душа умершего поселяется в изображении его тела, и тулу приносились жертвы, так что средневековые европейские путешественники приходили к выводу об идолопоклонстве кочевников [4, 29]. В современном казахском языке семантическое поле корня *тул / тол* включает значения, связанные с представлениями об общем, целостном виде физиономии, фигуре человека, о присущих кому-либо манере поведения, стиле, а также о смерти, трауре, горе и рождении, родовых схватках и т.п. [4, 65-66]. Поскольку представление об *ул* (доле тотема), несомненно, содержит значение смерти-рождения, то и семантика *тул / тол* непосредственно связана с антропоморфизацией доли-судьбы человека, который выступает как умирающий и воскрешающий, но всегда неизменный двойник, заместитель человека, внешне ему тождественный.

Различающиеся по подходам и формам исследования казахской культуры содержат глубокие и интересные положения о традиционном мировоззрении казахов, его открытости, близости природе, космичности, поэтичности, непосредственности, реалистичности и цельности, о влиянии кочевого образа жизни на национальный менталитет.

Исходя из вышесказанного, можно отметить то общее и различное, что присуще славянской и тюркской мифологии:

- в обеих религиях душа рождается дважды;
- душа является средоточием внутренней жизни в человеке;
- душа представляется в виде дыхания, ветерка;

- в славянской мифологии души умерших людей находятся в птицах, насекомых; в тюркской мифологии души живых людей присутствуют в животных;

- душа в обеих религиях представляется мухой;

- как в русских, так и в казахских сказках душа пребывает вне тела человека.

Вся совокупность социально-культурных особенностей жизни конкретного народа, социума находит, естественно, свое выражение в семантике слов. Казахская культура представляет наиболее ярко и завершено тип шаманской, кочевой устной культуры, противоположной типу канонической оседлой культуры народов Писания. Изучив специфику традиционной казахской и русской культур, мы, анализируя фольклорные тексты мифоритуального содержания, представили семантику и функционирование лексемы *душа*, сохранившиеся со времен язычества.

1. Маслова В.А. Связь мифа и языка // Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 159-163.

2. Грушко Е., Медведев Ю. Словарь славянской мифологии. – Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славяне», 1995. – 368 с.

3. Жаксылыков А.Ж. Философия всеединства и саморегуляция. Алматы, 1994. – 106 с.

4. Наурызбаева З.Ж. Мифоритуальные основания казахской культуры (на материале фольклорных текстов): дисс. ... канд. филос. наук. – Алматы, 1994. – 139 с.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ НОМИНАЦИЙ ГРУПП ЛИЦ (НГЛ), ПРОЗВИЩА И ПСЕВДОНИМА

В статье предпринята попытка показать соотношения в треугольнике личное имя – прозвище – псевдоним; определяются отличительные особенности личного имени, псевдонима, прозвища; выделяются сходные и различающие признаки псевдонима, прозвища и личного имени в соотнесенности с единицей исследования – номинации групп лиц. В статье сделаны следующие выводы: номинация групп лиц как групповое личное имя схоже с прозвищем в том смысле, что называет узнаваемый признак денотата (группы людей), тогда как функция псевдонима скрывать истинное имя.

Ключевые слова: номинация групп лиц, псевдоним, прозвище.

TO THE PROBLEM OF DESCRIBING PEOPLE' GROUPS NAMES, NICKNAMES AND PSEUDONAMES

This article attempts to show both differences and common traits in the parallel: personal name – pseudonym – nickname in its correlation to the nominative unit under analysis – people groups name. The latter is considered to be similar with the nicknames in the respect of showing recognizable feature of the denotated object (people group), when the main function of pseudonym is to hide real name.

Key words: nomination, nomination of people group, nicknames, pseudonym.

Проблема, которая в общем виде ставится в статье – соотношение понятия НГЛ (номинации групп лиц), группового антропонима (см. [6]), выделение схожих и отличительных особенностей номинаций групп лиц, личных имен, прозвищ, псевдонимов. Прозвища – это имена, закрепившиеся в реальной действительности за своими носителями благодаря их характерным чертам.

Анализируя НГЛ, мы опираемся и на комментарии их авторов, напомним, что особенно в случаях с Интернет-группами, их участники дают комментарий о деятельности группы, расшифровывая её название. Исторические параллели прослеживаются в таких НГЛ, как *Фараон, император_Калигула, Джон_Картер*. Систематизация данных может в этом случае проиллюстрировать восприятие простонародья писцами и господами, но подчас красноречиво и отдельно взятое имя, позволяющее словно через замочную скважину заглянуть туда, куда нас не хочет впускать ни один другой источник» [5, с.78]. Семантический ряд древнерусских прозвищ фактически неограничен, а воображение их создателей неисчерпаемо.

Вслед за В. А. Флоровской [5], мы определяем прозвище как «название, данное человеку помимо его имени, обычно указывающее на какую-либо заметную черту его характера, наружности, деятельности». В зависимости от признаков объектов, отраженных в прозвищах, последние делятся на ряд групп. Чаще прозвища указывают на один какой-то характерный признак человека, иногда – на два. Прозвища отмечают внешний вид, признаки внешности человека, что позволяет выделить ряд подгрупп прозвищ, характеризующих:

1) цвет волос, лица, тела – за различные оттенки рыжих волос даны прозвища: *Красный, Рыжий, ... Черный, Белый;*

2) рост человека и особенности его конституции – за маленький рост давали прозвища *Мышка, Коротышка, Малай, Полдюймовый, Муха, Пузырек, Обрубок;* прозвища *Скелет, Вобла, Дунь-Плюнь* дают худым людям («Такой худой Васька, что дунешь-плюнешь и упадет, так и прозвали Дунь-Плюнь»); худые высокого роста: *Журавель, Цапля, Макаронина;* полные маленького роста: *Грибок, Пышка, Тумбочка, Пончик;* полные высокого роста: *Ташкенбай, Медведица, Медведь;*

3) другие характерные признаки внешности – прозвище *Нос* имеет человек с большим носом; *Вареник* – за толстые уши, по форме похожие на вареники; *Искорка* – за большие искрящиеся глаза; *Шерстяная* – девушка, любящая модно одеваться.

Указывается также характерный принцип контрастности, когда дают прозвище по нехарактерным чертам и признакам – *Геркулес* для очень маленького мужчины, *Красотка* – для некрасивой немолодой женщины. Среди НГЛ творческих коллективов можно встретить такие как *План Ломоносова* (рок-группа), группа баянисток «*Невесты*» и др.

В традиционной антропонимике по структуре прозвища обычно характеризуют как состоящие из:

1) одного слова – существительного или субстантивированного прилагательного, пример: *Дед*, *Непомнящий*;

2) из словосочетания: *Непомнящий родства*;

а) существительного с прилагательным: *Граф рассыльный*, *Спящий Семен*, *Добрая бабка*;

б) двух существительных в форме именительного падежа: *Дед Лям*, *Черт-баба*, *Букашка-таракашка*, *Коля-Галя*;

в) глагола с существительным: *Ломай нога*;

г) двух глаголов: *Дунь-Плюнь*;

В литературе выделяют и прозвища, равные предложению: *Миша спаси меня*, *Дай закурить*; *Вася не чешись*; *Возьмем пробирка нальем вода* (цит. по [6, 141-145]). С прозвищем НГЛ объединяет то, что прозвище передает признак, характерный для именуемого объекта. НГЛ *Калейдоскоп* передает признак «чего-то яркого» как в творчестве танцевального коллектива с этим названием. Как отмечает Н. И. Иванова, «апеллятивна основа прізвиськ може не мати емоційного значення, а тільки ставши прізвиськом, ці слова набули конотацію, оскільки процес номінації особи додатковим іменем передбачає обов'язкову експресивність» [1, с. 12]. В исследованных нами НГЛ экспрессивность является желательной чертой.

Проведем также параллель между такими понятиями, как НГЛ и псевдоним. Как и НГЛ, псевдоним выбирается самим его носителем, и в этом их сходство. Однако функциональная нагруженность НГЛ и псевдонима отличается, так как НГЛ служит для организации эффективных отношений «компания – клиент» (в случаях коммерческих номинаций), «партия – избиратель» (в случаях политических номинаций), «творческий коллектив – зритель» (творческие номинации), «Интернет-группа – остальные пользователи Интернет», – одной параллелью можно сказать НГЛ служит для организации общения «номинатор – адресат», передавая информацию посредством языкового знака НГЛ. Псевдоним выбирается прежде всего для скрытия настоящего имени в определенных целях. Это отличает НГЛ и псевдоним. Псевдонимы и криптонимы часто сложно расшифровать, сделать это становится возможным, используя «ключи» самих авторов таких антропонимов. В классической антропонимике для раскрытия псевдонимов и криптонимов может использоваться такое издание, как [4].

Приведем некоторые примеры: *Аллин Андрей* – Андрей Блюм; *Боратов Н.* – Николай Михайлович Бахтин; *Г. С.* – Глеб Петрович Струве (псевдонимы встречаются в изданиях «Русская мысль» и «Звено»).

Таким образом, мы видим, что НГЛ имеют ряд как сходных, так и отличительных признаков с другими видами антропонимов. Некоторые из них представлены в таблице 1.

Таблица 1.

НГЛ в сопоставлении с другими видами антропонимов

Антропоним	Личное имя	Прозвище	Псевдоним	НГЛ
Признак				
1. Субъект называния - носитель имени - другое лицо	- +	- +	+ -	+ -
2. Форма имени - каноническая - неканоническая	+ -	- +	+ - + -	- +
3. Количество носителей - множество - один	+ -	+ - + -	- +	+ -
4. Цель имянаречения - вовлечение в массовую коммуникацию - характеристика со стороны окружающих - скрытие собственного имени - участие в ограниченной сфере коммуникации	+ + - - -	- + + - + -	- - + + -	+ + + - +
5. Соотношение с личностью носителя (лей) имени - наблюдается - отсутствует.	- +	+ -	- -	+ -

Таким образом, мы видим, что НГЛ отличается от личного имени практически по всем рассмотренным выше признакам, имеет ряд общих признаков с прозвищем (неканоническая форма, участие в ограниченной сфере коммуникации, определенное соотношение с носителями) и близок к псевдониму, отличаясь от него формой и целью создания. Кроме традиционных антропонимов, в роли НГЛ могут выступать и другие группы собственных имен. В АП мы наблюдаем НГЛ, совпадающие по форме с астронимами и космонимами, например: *Венера; Геркулес*.

При создании НГЛ на вопрос, что является основополагающим в его выборе, однозначно ответить нельзя. Если рассуждать о личных именах, то в выборе личного имени основополагающим есть сознательный фактор. Как считает А. Ф. Лосев, «словесный образ имени открывает далекие последствия в судьбе носящего это имя» [3, с. 451], «имя – лицо, личность» [3, с. 469].

Современные же имена являются ярким свидетельством нового мироощущения. Так, в именах *План Ломоносова* налицо аналогия с реальными лицами, НГЛ *Спецслав* напоминает об особенностях современного языка в сфере аббревиации, *GIVENCHY* вызывает ассоциации с современной модой, *Админы* подчеркивает возрастающую роль Интернет-коммуникации.

Новые ценности, новые приоритеты определяют жизнь общества. Исследователи отмечают такое понятие, как «культурный пессимизм» (термин, использовавшийся Ф. Ницше). Одной из целей работы данного исследования мы считаем повышение качества НГЛ путем выработки определенных рекомендаций на основе всестороннего анализа корпуса НГЛ.

Литература

- [1] Иванова Н. И. Стилiстика конотативних антропонiмiв у художнiй прозi В.Аксiонова : автореф. дис... канд. фiлол. наук: 10.02.02 / Н. И. Иванова. – Днiпропетровськ, 2000. – 20 с.
- [2] Комарова Р. А. Усечение как средство формирования ономастикона немецкого языка [Электронный Ресурс] / Р. А. Комарова. – Режим доступа: <http://imena.org/fnamist.html>.
- [3] Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1994. – 225 с.

[4] Суперанская А. В. Имя нарицательное и собственное / А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1978 . – 202 с.

[5] Флоровская В. А. Этнография имен / В. А. Флоровская. – М. : Наука, 1971. – 245 с.

[6] Ходоренко А.В. Когнитивные особенности функционирования русской антропонимики (на примере наименований групп лиц) / А. В. Ходоренко. – Д. : Пороги, 2011. – 382 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ КАРТИНЫ МИРА ШКОЛЬНИКОВ 5-6 КЛАССОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИРИКИ РУССКИХ ПОЭТОВ

В.Е. Храброва

СГГУ, Севастополь (Украина)

Декан филологического факультета, кандидат педагогических наук, доцент.

В статье рассматривается формирование образной картины мира школьников 5-6 классов на примере лирических произведений русских поэтов.

Ключевые слова: образная картина мира, лирическое произведение, образное мышление, образное восприятие.

FORMATION OF IMAGINATIVE PICTURE OF THE WORLD OF PUPILS OF THE 5-6 CLASSES LEARNING LYRICS OF RUSSIAN POETS

The article discusses the formation of imaginative picture of the world of pupils of the 5-6 classes on the example of lyrical works of Russian poets.

Keywords: imaginative picture of the world, a lyrical work, imaginative thinking, imaginative perception.

Современные тенденции в педагогической и методической науке подчеркивают важность нравственно-эстетического воздействия художественной литературы на личность, обосновывая это тем, что «опыт отношения великих художников к жизни, их мирозерцание, их картина мира, свернутые в произведении, трансплантируются художественным восприятием в сознание зрителя и в той или иной степени становятся содержанием этого сознания и ориентирами его отношения к действительности» [1, с. 364]. Формирование образной картины мира школьников невозможно без учета родовой специфики изучаемых произведений, т.к. именно родовые особенности показывают отличие целей и способов изображения жизни. И если эпические произведения, отражающие жизненные события непосредственно вызывают интерес у подростков, то лирика воспринимается труднее, т.к. жизнь, ее закономерности изображаются не через события, а через восприятие этих событий автором. Для формирования образной картины мира учителю необходимо использовать особые технологические приемы изучения лирических произведений (см. табл. 1)

Таблица 1.

Технологические приемы изучения лирических произведений для формирования образной картины мира учащихся

Лирика – изображение чувств, мира внутреннего	Приемы
Картина – изображение жизни	Выразительное чтение Чтение под музыку «Погружение в поэзию» – образное представление «живых» картин Составление «картинного плана», ассоциативных рядов, системы образов
Чувство, настроение – «Главное не сама картина, а чувство, которое она вызывает» (М. Рыбникова)	Определение лирического сюжета, мотивов, развития чувства Выделение эмоционального доминантного мотива Составление «партитуры чувств», эмоциональной цепочки; «словаря настроений»
Лирический герой – выразитель чувств и настроений	Толкование состояния лирического героя Подбор музыки и красок для изображения настроения лирического героя.
Слово – носитель эмоционально-образной информации	Работа с «ключевыми» рисующими образ словами «Поэтические россыпи»

Художественные образы, с которыми литература знакомит подростка, в своей основе содержат ростки новых мыслей, подталкивают читателя к созданию новых образов. Они и являются достоянием ученического воображения. «Воображение обеспечивает как бы замыкание абстрактного знания на частный факт, общего на единичное, что дает решение той или иной задачи, недостижимое чисто абстрактными мыслительными средствами. В поле воображения единичный факт предстает в таком ракурсе, в котором начинает выступать его всеобщий характер. Воображение

позволяет видеть индивидуальность факта в свете всеобщего и, наоборот, индивидуализировать общее знание, так сказать, с «умом», не по штампу, а творчески» [3, с. 126-127].

При изучении лирики задача учителя показать ученику многообразие путей осмысления произведения, научить находить ключ к смыслу, к образу-переживанию. А это возможно только в общем переживании и размышлении.

Здесь целесообразно провести с учащимися эвристическую беседу:

- Зачем пишутся и читаются стихи? Почему издавна существует у человечества лирика? Как возможно передать чувства? Прочитайте два фрагмента стихотворений, в которых авторы говорят о любви к родине:

Воздух в губы вольтется дрожа...
Где-то вспыхнет звезда одиноко,
Я скажу: «Ах, как небо высоко!»
Это – Родина, дрогнет душа.
Л. Щипахина

Бежит волна неторопливая,
Простор полей ласкает глаз.
Какая Родина счастливая,
И это счастье всё для нас!
В. Боков

- Какой из текстов вызвал у вас чувство большей сопричастности, большего сопереживания? Почему? Найдите в нем ключевые слова, рисующие образ-переживание автора, вызывающие сопереживания у нас.

Следовательно, чтобы возникло сопереживание, сочувствие автору нужно, чтобы он изобразил картину, а мы в нее «вошли».

Одним из приемов развития воображения является словесное рисование – это процесс индивидуальный, самостоятельный. Художественные способности человека определяются умением наблюдать, творчески воображать и ярко изображать. Работа начинается с рисования воображаемых картин – как устных, так и письменных. Читаем, рассматриваем средства художественной выразительности, размышляем о многомерности, ёмкости каждого слова. Какую картину вы представляете, прочитав метафору? Как вы понимаете такое-то сравнение? Приём словесного рисования позволяет говорить о стихотворениях, не прибегая к прямому анализу: год написания, тема, идея, выразительные средства. Зато он позволяет учащему выразить свои ощущения и в них разобраться.

При проведении урока в 6-м классе по стихотворению А. Пушкина «Зимнее утро» учащимся целесообразно предложить выявить движение чувства в стихотворении, переживаний лирического героя. Для этого можно составить «картинный план» стихотворения и понять душевное состояние, стоящее за каждой картиной (см. табл. 2).

Таблица 2.

Изменение душевного состояния лирического героя в стихотворении А. Пушкина «Зимнее утро»

Картинный план	Партитура чувств
«Мороз и солнце...»	радость, бодрость
«Вечор, ты помнишь, вьюга злилась...»	тоска, грусть, печаль
«А нынче...погляди в окно: Под голубыми небесами...»	радость, восхищение
В комнате	тихие, домашние радости
«...поля пустые, Леса, недавно столь густые...»	легкая печаль, грусть

В итоге такой работы учащиеся приходят к выводу, что в жизни есть все: и радость и печаль, они приходят к человеку «чредой», и вчерашняя печаль сменяется завтрашней радостью.

А при изучении стихотворения М. Лермонтова «Парус» после сравнения картинного плана и партитуры чувств необходимо обратить внимание учеников на отдельных ключевых словах текста, которые способствуют прояснению художественного образа:

- Как вы думаете, почему Лермонтов изменил эпитет «отдаленный» из черновой редакции на «одиноким»? Почему вместо «он ничего не ищет» написал «он счастья не ищет»? Почему заменил слова «ищет бури» на «просит бури»? Почему парус назван вначале «одиноким», а в конце – «мятежным»?

После такой беседы целесообразно составить с шестиклассниками схему положения паруса в окружающем мире. Она наглядно покажет его одиночество, разлад с миром и отсутствие цели в его движении. Следующая часть работы будет направлена на закрепление представления об образе паруса как образе-символе:

- Почему одинокий парус в конце становится мятежным? Против чего он бунтует? Какие чувства вызывает парус у поэта? А у вас? Что такое парус?

Часто для визуализации основной идеи лирического произведения необходимо использовать составление структурной схемы стихотворения с использованием слов, рисующих образы. Подобная схема представлена на схеме 3

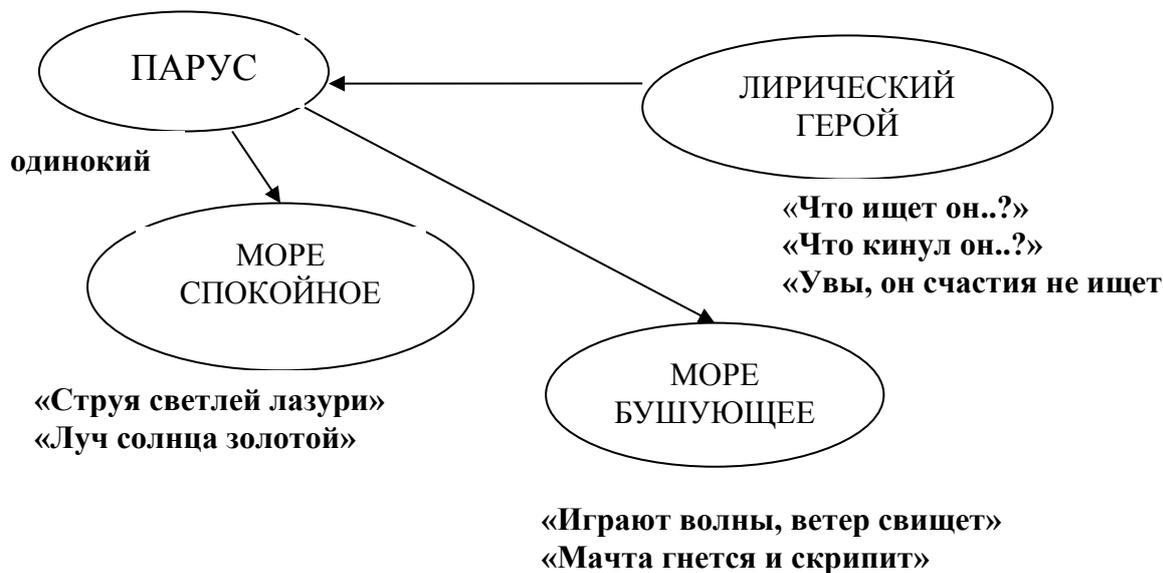

Схема 3. Основные слова-образы стихотворения М. Лермонтова «Парус».

Как только учащиеся, следуя авторским знакам, представят все образы в стихотворении, то они сделают вывод, что одинокий – это постоянный эпитет, а главный вопрос, над которым рассуждает лирический герой – это вопрос о счастье человека, о том, почему «спокойному плаванию» в житейском море он предпочитает «бури».

Таким образом, подобный подход к изучению лирики в 5-6 классах способствует формированию образной картины мира учащихся.

Список литературы

1. Асмус В. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1961. № 2. С. 36-46
2. Глушенков О.В. Формирование у школьников экологической картины мира в процессе проведения полевого практикума по биологии. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 18 с.
3. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., ИНТОР, 1996. 544 с.
4. Тарасов С.В. Образ мира: Опыт изучения категориальных структур мировосприятия школьников. Научное издание. СПб., РАО, Ин-т образования взрослых, 1996. 75 с.
5. Тарасов С.В. Теоретико-методологические основы становления мировосприятия школьников в условиях современной социокультурной среды. Автореф. дис. ... докт. пед. наук. СПб., 2001. 47 с.

ОБРАЗЫ ШАМИЛЯ И НИКОЛАЯ I
(по повести Л.Н.Толстого «Хаджи-Мурат»)

С.Х. Хурдамиева

ДГПУ и ИвГУ, г. Дербент (Россия)

Резюме : В построении «Хаджи-Мурата» проявляется стремление Толстого к такому чередованию глав, при котором смежные композиционные отрезки так или иначе контрастировали бы друг с другом по содержанию.

В статье показано как приемы контраста (в виде социальной антитезы) и параллелизма позволяют раскрыть образы Шамиля и Николая I.

Ключевые слова: концепция, контраст, антитеза, образ, параллелизм.

IMAGES OF SHAMIL AND NICHOLAS I
(Based on the novel of Leo Tolstoy «Hadji-Murat»)
Khurdamieva S.Kh.

Summary: Building a «Hadji-Murat» is the aspiration to Tolstoy to this alternation chapter, in which adjacent composite segments anyway contrast to one another in content.

The article shows how techniques contrast (in the form of social antithesis) and concurrency allow to reveal images of Shamil and Nicholas I.

Keywords: concept, contrast, antithesis, image, concurrency.

Л.Н.Толстой вписал свою особенную страницу в «кавказский текст» русской литературы. Его «кавказские» произведения преемственно связаны с романтической литературой о Кавказе, но традиционные темы и сюжеты разработаны уже в реалистической манере. Предметом нашего внимания является поздняя повесть «Хаджи-Мурат», которую заслуженно называют «художественным завещанием» Толстого. Образ Кавказа становится частью социально-философской системы Л.Толстого. Объять необъятное невозможно, потому рассмотрим один аспект этой системы: толстовскую концепцию человека, реализуемую с помощью приемов контраста и параллелизма в композиции повести.

Излюбленный творческий прием Толстого — это *социальная антитеза* — показ «простой жизни в столкновении с высшей». С большей убедительностью это осуществлено в «Хаджи-Мурате», где перед читателем последовательно проходят сакля бедного горца, крестьянский двор, тифлисский дворец наместника Кавказа Воронцова, апартаменты императора. Мы не найдем в тексте повести прямых сравнений или контрастных противопоставлений, исходящих от самого автора. Но многочисленные нити, незримо связывающие одни картины с другими, являются одним из важнейших элементов идейно-художественного содержания произведения.

Перед нами два разных представления о «парадном», «красивом»: эстетике аристократа, любителя роскоши, противостоит эстетика человека труда, и нельзя не видеть, что только она мила и любезна сердцу Толстого.

Описывая пребывание Хаджи-Мурата в сакле Садо, Толстой с любованием фиксирует все движения, жесты, слова, паузы гостей и хозяев. Прием и угощение кунака представлены здесь как важная, стройная, размеренная церемония, порой проникнутая подлинной торжественностью.

Этой «стройности», «размерности», «строгости» противопоставлена внутренне бессодержательная, внешне беспорядочная жизнь паразитической верхушки. Толстой при помощи ряда художественных деталей разоблачает ее не только в этическом, но и в эстетическом плане.

Обеденный церемониал у наместника Кавказа Воронцова сначала кажется строгим и чинным: мужчины ведут дам к столу, лакеи отодвигают и придвигают стулья, метрдотель «торжественно» разливает суп «из серебряной миски». Если в сакле Садо хозяев и гостей сближают и объединяют простые, высокие, подлинно

человеческие чувства, то здесь, во дворце наместника — только карты, «волны лести», да официальная, узаконенная ложь.

По принципу контраста организована и система образов повести. Хаджи-Мурат и Николай — противопоставлены, Шамиль и Николай, наоборот, сближаются между собой как два деспота.

«Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников той эпохи — Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса властного абсолютизма — азиатского и европейского», — писал Толстой [1; 355].

Осуждение абсолютизма, тема «двух деспотов», играет важнейшую идейно-композиционную роль в повести. С большой силой и убедительностью воплощена она в художественной ткани произведения. Толстой применяет здесь и средства психологического раскрытия «изнутри» (внутренние монологи Николая I, размышления Шамиля), но особенно запоминаются выразительные, порой многократно повторяемые детали — портретные, бытовые, сюжетные.

В «Хаджи-Мурате» вслед за «Воскресением» писатель продолжил обличение царского самодержавия. Применяя прием параллелизма, устанавливая черты сходства в облике и поведении двух антагонистов, российского императора и мусульманского лидера-фанатика, художник в оригинальной форме, убедительно и рельефно выразил давно занимавшую его мысль о развращающем действии неограниченной власти на человеческую личность.

«Николай в «Хаджи-Мурате» — это не просто одна из полярностей произведения, — это действительный полюс, ледяная шапка, замораживающая жизнь. Где-то на другом конце должна бы находиться ее противоположность, но только, как выясняет план произведения, там такая же шапка — Шамиль. От этого идейного и композиционного открытия в повести и рождается совершенно новый, по-видимому, уникальный в мировой литературе тип реалистической сатиры — *сквозное параллельное разоблачение*. Взаимным сходством Николай и Шамиль уничтожают друг друга» [3; 12].

Толстой говорил о «параллелизме» Шамиля и Николая как двух полюсов абсолютизма. Это не случайно оброненная фраза общего характера, а недвусмысленное указание на один из элементов творческого замысла, получивший точное художественное воплощение.

И Шамиль внешне величествен: «высокая, прямая могучая фигура его <...> производила то самое впечатление величия, которое он желал и умел производить в народе. Но ореол величия и славы оказывается и здесь фиктивным, обманчивым. Шамиль живет в той же атмосфере лжи, порождаемой самим существом деспотизма, и его снедает внутреннее недовольство собой («Шамиль, несмотря на гласное признание своего похода победой, знал, что поход его был неудачен <...> Хотя он и не хотел признаться в этом, он знал, что будь с ним Хаджи-Мурат (...) не случилось бы того, что случилось теперь в Чечне»).

На лице азиатского деспота — печать той же мертвенности, неподвижности, как и на лице европейского («лицо его (...) было, как каменное, совершенно неподвижно (...); «(...) с тем же неизменно каменным лицом»). Совершенно так же, как Николай, Шамиль в минуты ответственных решений притворяется, что ждет «наития», получает указания «свыше» («он слушает (...) голос пророка»). Его планы (обманым путем прикончить Хаджи-Мурата) и решения (выколоть глаза Юсуфу) столь же жестоки, как и поступки русского самодержца. Хаджи-Мурат называет Шамиля «рыжим обманщиком», «лисицей». Этой черте характера соответствует не раз отмечаемая Толстым портретная деталь — «постоянно сощуренные маленькие глаза Шамиля».

Л. Палиевский приводит параллельно все эпизоды из текста, где обнаруживается сходство двух тиранов:

Шамиль — «Вообще на имаме не было ничего блестящего, золотого или серебряного, и высокая... фигура его... производила то самое впечатление величия, которое он желал и умел производить в народе» (97).

Николай — «...вернулся в свою комнату и лег на узкую, жесткую постель, которой он гордился, и покрылся своим плащом, который он считал (и так и говорил) столь же знаменитым, как шляпа Наполеона...» (79).

Оба они сознают свое ничтожество и потому еще более тщательно его скрывают.

Шамиль — «...несмотря на гласное признание своего похода победой, знал, что поход его был неудачен»

(98).

Николай — «...хотя он и гордился своими стратегическими способностями, в глубине души он сознавал, что их не было» (80).

Величественное наитие было подмечено Толстым еще у Наполеона (дрожание ноги — «великий признак»). Здесь оно поднимается к новому заострению.

Шамиль — «Когда советники переговорили об этом, Шамиль закрыл глаза и умолк. Советники знали, что это значило то, что он слушает теперь говорящий ему голос пророка» (100).

Николай — « — Подожди немного, — сказал он и, закрыв глаза, опустил голову. Чернышев знал, слышав это не раз от Николая, что, когда ему нужно решить какой-либо важный вопрос, ему нужно было только сосредоточиться, на несколько мгновений, и что тогда на него находило наитие...» (85).

Редкая свирепость отличает решения, принятые путем таких наитий, но и это ханжески преподносится как милость.

Шамиль — «Шамиль замолчал и долго смотрел на Юсуфа.

— Напиши, что я пожалел тебя и не убью, а выколю глаза, как я делаю всем изменникам. Иди» (101).

Николай — «Заслуживает смертной казни. Но, слава богу, смертной казни у нас нет. И не мне вводить ее. Провести 12 раз сквозь тысячу человек» (83).

Черновые рукописи «Хаджи-Мурата», в которых образ Николая I занимает большое место, показывают, что Толстой и в данном случае, при всей силе своей страстной ненависти и сарказма, подходил к исследованию этой исторической фигуры, явно и безоговорочно отрицательной, как психолог-аналитик, стремился выяснить, каким образом в ходе многолетней истории дома Романовых выдвигались на первый план преступные, аморальные характеры.

Толстой показывает без прикрас те варварские способы, с помощью которых царские войска покоряли горские племена. Зато с симпатией представлены простые люди обеих воюющих сторон — будь то русский солдат Авдеев или горец Садо.

Если в образе Хаджи-Мурата на первом плане — пафос неистощимой жизненной энергии, жизненной силы, то при обрисовке Николая I настойчиво оттеняются противоположные качества и признаки.

Император не только сеет кругом смерть своими жестокими, бесчеловечными распоряжениями (о прогнании 12 раз «сквозь тысячу человек» поляка Бжезовского, о предании военному суду бунтующих крестьян, о постоянных набегах на Чечню), не только «рассылает гибель» и в своей стране, и в «чуждые пределы» — в его собственной личности заключено что-то мертвенное. Срывая с него маску ложного величия, развеивая окружающий его ореол могущества и силы, Толстой подчеркивает его слабость, его безжизненность.

Вокруг Николая и в нем самом все — «большое», «огромное», «крупное»: «очень высокая комната с четырьмя большими окнами»; «большой портрет императора Александра I»; «огромный письменный стол»; «огромный стан»; «огромная и самоуверенная фигура»; «большое, сытое тело»; «большие руки»; «крупный почерк»; «неестественный огромный росчерк». Но все эти внешние атрибуты величия оказываются обманчивыми, потому что «нет величия там, где нет простоты, добра и правды» («Война и мир», т. 4, гл. XVIII).

Деспот из Зимнего дворца — мелкий, внутренне неудовлетворенный, недовольный собой человек, находящийся во власти «досадного и грустного чувства», которое не в состоянии заглушить даже постоянные напоминания самому себе: «Что бы была без меня Россия?» (80).

Толстой многократно подчеркивает «безжизненность» его взгляда, «неподвижность» его лица (Николай I «неподвижно своим безжизненным взглядом смотрел на входивших. Длинное, белое лицо (...) было сегодня особенно холодно и неподвижно. Глаза его смотрели тусклее обыкновенного»; «Николай уставился на него своими безжизненными глазами» (82).

Хаджи-Мурат — внутренне тонкий, деликатный человек, несмотря на отдельные резкие выходы. Император, напротив, — груб и примитивен. (Мерилом примитивности, бедности внутреннего мира Николая у Толстого служит эгоистическая сосредоточенность императора на себе, на мысли о своем мнимом величии).

Грубость, жестокость Николая проявляется и в его речевой манере. В повести приводится лишь несколько коротких реплик царя да одна его резолюция, но и на этом ограниченном материале Толстой демонстрирует особенности речевого стиля персонажа. Обращения императора к Чернышеву отрывисты, резки, грубы.

Тема крепостного права лишь попутно затрагивается в повести, но очень выразительны раздумья Вавилы о своей «собачьей жизни» и упоминание о барщине в главе VIII, изображающей крестьянскую жизнь. К этой теме имеет отношение и такая деталь, как распоряжение императора о перечислении нескольких тысяч государственных крестьян в удельные, т. е. в крепостные царской фамилии. Коронованный глава самодержавно-крепостнической России, таким образом, вскользь демонстрируется и в роли владельца крепостных душ.

Николай I в изображении Толстого внушает отвращение не только с моральной точки зрения (своей бесчеловечностью, развратом, ложью перед собой и окружающими, опутывающей всю его жизнь). Толстой лишает его и тени какого бы то ни было эстетического обаяния, человеческого и мужского, делает его порой даже комичным. Его наружность вызывает у окружающих ужас, но она и смешна — «правильными колбасиками бакенбардов», «птицей на голове». Комичны и «несчастливая слабость Николая считать себя великим стратегом», и «наитие свыше», якобы нисходящее на него при решении важных вопросов.

Толстой сумел, используя лишь самые естественные и простые приемы, придать «частной истории» о бесстрашном горце подлинно *эпический* размах. В этой повести до 100 конкретно очерченных, индивидуализированных лиц. Перед читателем проходят: русский император, его министры, двор; представитель высшей знати Воронцов с его окружением и просителями; русские офицеры — самых различных рангов и положений; целая галерея образов солдат — крепостных в военных шинелях и казаков; крестьяне и дворовые.

С другой стороны, мы видим в повести имама Чечни с его приближенными, представителей феодально-племенной верхушки — кавказских ханов и князьков, рядовых горцев — как занятых мирным трудом, так и воюющих с русскими.

Литература:

Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 14 тт. Т. 14. М., 1953.

1. Евнин Ф.И. Последний шедевр Толстого // Толстой-художник. - М., 1961.
2. Куркина Т.И. Сюжетостроение произведений кавказского цикла Л.Н. Толстого // Вестник ВГУ. 2003.
3. Палиевский П. В. Литература и теория. - М.: Сов. Россия, 1979.
4. Ханмурзаев Г.Г. Дагестанская тема в русской литературе XIX века. Махачкала, 1987.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРАБСКО-ПЕРСИДСКО-ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ, БОЛГАРСКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. Ш. Чиалашвили-Гордеева Агрыйский университет

им. Ибрагима Чечена г.Агры /Турция/

Резюме :Объектом рассмотрения в данной статье являются арабско-персидско-тюркские лексические заимствования в русском, болгарском и грузинском языках, являющиеся результатом тесного взаимодействия народов –носителей этих языков.

Наша задача – выявить и сопоставить структурно-фонетические и семантические изменения, которым подверглись заимствования в процессе адаптации, классифицировать эти изменения, охарактеризовать основные тенденции в сфере употребления заимствований в исследуемых нами языках.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, русский язык, болгарский язык, грузинский язык, турецкий язык, заимствования, тюркизмы, арабизмы, персизмы, язык-донор, язык-реципиент

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ARABIC-PERSIAN-TURKISH LOAN WORDS IN RUSSIAN, BULGARIAN AND GEORGIAN LANGUAGES

Summary: The objects considered in the article are the Arabic-Persian-Turkish lexical loans in Russian, Bulgarian and Georgian languages.

Our task is to identify and compare the structurally-phonetic and semantic changes of loans during adaptation process, to classify these changes, to characterize the basic tendencies in the usage of the loans in considered languages.

Keywords: comparative analysis, Russian, Bulgarian, Georgian, Turkish, loans, Turkism, Arabism, Persism, language-donor, language-recipient.

Контактирование языков и их взаимовлияние – очень интересное явление, проявляющееся, прежде всего, в проникновении элементов одной системы в другую. Объектом нашего рассмотрения в данной статье являются арабско-персидско-тюркские лексические заимствования в русском, болгарском и грузинском языках, являющиеся результатом тесного взаимодействия народов –носителей этих языков.

Турецкий язык рассматривается как язык – донор, хотя в целом ряде случаев слова, проникшие из него в языки – реципиенты, в своё время были заимствованы турецким из арабского и персидского языков. Термин «тюркизм» может употребляться в широком смысле – как заимствование из любого тюркского языка и в узком смысле – как заимствование из турецкого языка. Наряду с исконными тюркизмами мы рассматриваем также арабизмы и персизмы, которые могли попасть в языки-реципиенты посредством тюркских языков, испытавших огромное влияние арабского и персидского языков.

Нас интересует сопоставительный анализ общих заимствований. Как ведёт себя одно и то же заимствование в славянском русском, в славянском болгарском, являющемся также одним из языков балканского языкового союза, и в иберийско-кавказском грузинском. В какой степени способы освоения заимствований зависят от структурных особенностей языка –реципиента.

Наша задача – выявить и сопоставить структурно-фонетические и семантические изменения, которым подверглись заимствования в процессе адаптации, классифицировать эти изменения, охарактеризовать основные тенденции в сфере употребления заимствований в исследуемых нами языках.

Рассмотрим некоторые из наиболее употребительных заимствований:

Турецкий	Русский	Болгарский	Грузинский
1. Ütü	утюг	ютия	უთო
2. Dükkan	духан	дюкан	დუქანი
3. Ocak	очаг	очаг	ოჯახი
4. Alev	алый	ал	ალი
5. Firuze	бирюза	бирюза	ფირუზი
6. Zümrüt	изумруд	изумруд	ზუმრუტი
7. Kapkan	капкан	капкан	ხაფანგი
8. Keyif	кайф	кайф	ქეიფი/კაიფი
9. Kına	хна	хна	ხნა
10. Marifet	марафет	марафет	მარიფათი
11. Kisa	кисет	кис	ქისა
12. Hazine	казна	казна	ხაზინა
13. Raki	(водка)	ракия	არაკი
14. Cep	(карман)	джоб	ჯიბე
15. Kutu	(коробка)	кутия	ყუთი
16. Perde	(штора)	перде	ფარდა
17. Gemi	(корабль)	гемия	Gemi
18. Zarar	(убыток)	зарал	Zarali
19. Kira	(плата за наём)	кирия	Kira
20. Kürk	(шуба)	кюрк	Kurki
21. Mukavva	(картон)	мукава	Muqao
22. Mukta	(даровщина)	муфта	Mukta
23. Müşteri	(постоянный покупатель)	мюштерия	Mushtari
24. Seyir	(процесс, зрелище)	сеир	Seiri
25. Çorap	(чулок)	чорап	
26. Zanaat	(ремесло)	занаатие	
27. Zanaatci	(ремесленник)	занаатчия	
28. Kule	(башня)	кула	
29. Kisa	(короткий)	къса	
30. Kurşum	(свинец, пуля)	куршум	
31. Babalık	(отчим)	бабалик	
32. Kismet	(счастье, удача)	късмет	
33. Kayisi	(абрикос)	кайсия	
34. Killim	(палас)	килим	
35. Parça	(кусок, часть)	парче	
36. Pamuk	(хлопок)	памук	
37. Vade	(срок)		Vada
38. Şiir	(стих)		Shairi
39. Pirinç	(рис)		Brindji
40. Pergel	(циркуль)		Pargali
41. Namus	(честь, совесть)		Namusi
42. Nal	(подкова)		Nail
43. Çabuk	(быстрый)		Chabuki
44. Saklı	(сакля)		Sahli
45. Zian	(вред, убыток)		Ziani
46. Zeytin	(маслина, оливка)		Zeituni
47. Tarih	(история, дата)		Tarighi
48. Halk	(народ, население)		Halhi

Мы можем проследить, как происходит адаптация тюркизмов к системам русского, болгарского и грузинского языков. Так, например, турецкие имена существительные, оканчивающиеся на согласный звук (2, 3, 6, 7, 8, 10, 38-43, 45-48), в грузинском, как правило, приобретают окончание о(-i), в русском и болгарском сохраняют тот же согласный (либо его звонкий парный), однако приобретают значение мужского рода. Турецкие лексемы с конечным гласным «е» (12, 16, 37) в грузинском меняют его на ა(-a), в болгарском чаще всего сохраняют его (16,

29) и входят в группу существительных среднего рода. К среднему роду могут примкнуть и тюркизмы на «а» (35). Однако встречаются и примеры замены турецкого «е» на болгарский «а» (28) и, соответственно, включения подобных лексем в группу существительных женского рода.

Как видим, при заимствовании, в основном, не меняется принадлежность к конкретной части речи, хотя встречаются и другие примеры. Так, турецкое имя существительное «alev» (пламя) в грузинском в результате апокопы и замены «е» на «i» звучит как «აღი» (ali) и с этим же значением входит в состав грузинских имён существительных. В русском и болгарском языках значение турецкого «alev» сужается до цветового признака «ярко-красный», «алый» и, соответственно, слово входит в состав имён прилагательных. Прилагательное *çabuk* /быстрый/ в грузинском приобретает значение «юноша» и с окончанием - *ichabuk-i* /ჭაბუკ-ი/ также входит в разряд имён существительных.

Рассмотрим семантические изменения:

Заимствования без изменения значения: *ütü*- уют - уютя - უთო; *raki* (водка) - ракия - რაკი; *kule*(башня) - кула; *namus*(честь, совесть) - ნამუსი.

Заимствования с изменением значения: *konak* (большой дом, особняк) - конак (постоялый двор, пристанище на ночлег); *osak*- очаг - ოსაკ - ოჯახი(семья).

Заимствования с сужением значения: *tarih*(история, дата) - თარიღი(дата), *lokma*(кусочек, кусочек, пончик, сладкий пирожок)- ლუკმა(кусочек съестного), *hatir*(память, уважение) - ხატრი(уважение), *balik*(рыба) - балык (по особому приготовленная спинная часть осетровой рыбы), *sag*(правый, живой, здоровый) - საღი(здоровый).

Заимствования с расширением значения: *adam*(молодой человек) - ადამიანი(человек), *hava*(погода, воздух) - ჰავა(климат), *hava* – хава: 1.погода 2. климат 3./перен./ положение; *haset*(зависть) - ხასიათი(характер, настроение).

Заимствования с новым мотивированным значением: *saklı* (сокрытый, потайной) - сакля – sahli (дом), *tesnun*(сумасшедший, полоумный, помешанный) - მიჟნტი(влюблённый), *mendil*(носовой платок) - მანდილი(головной платок), *bag*(виноградный сад) - ბაღი(фруктовый сад), *üzüm*(виноград) - изюм (сушёный виноград), *karğa*(ворона)- карга (старуха), *saray*(дворец) - сарай (подсобное строение), *sarapa(i)* (длинный мужской кафтан) - сарафан (женское платье), *gezmek*(ходить) - გეზი(направление).

Заимствования с новым немотивированным значением: *surat*(физиономия, рожа, морда) - სურათი(фотография, картина) - первое значение (фотография) - мотивированное, а второе (картина) можно считать немотивированным, *yatak*(постель) - ოჯახი(пол), *mesele* (вопрос, проблема) - მასალა(материал), *çabuk*(быстрый)- ჭაბუკი(юноша).

Структурно-фонетические изменения:

Sürahi (графин) - სურაჲ слово, вероятнее всего, заимствовано устным путём, так как происходит апокопа последнего слога в грузинском языке; таким же путём вероятно заимствованы в болгарском *karpi*(живот) - карем и *okçe* (каблук) - токче (в первом случае смешение носовых, во втором – явление протезы - появление начального прикрытого слога «ток»).

Изменения согласных:

kalır(шаблон, колодка)- ყაღობი(форма) - глухой придыхательный «к» заменяется в грузинском на увуляр «ყ»; глухой придыхательный «п» перед гласным заменяется на звонкий «ბ». Аналогичное фонетическое явление наблюдается и в самом турецком языке при изменении формы слов, оканчивающихся на глухой: *kalır-kalıba*(колодка-колодки), *pulluk-pullugu*(плуг – плуга), *gor-gobu*(роба – роботы),*çogar-çogabi*(чулок-чулки) и в русском языке: [пук] – [плугь], [роба] – [роп] /хотя отличие от турецкого на письме это не отражается/. В болгарском языке при образовании множественного числа аналогичных изменений не происходит: чорап – чорапи.

Метатеза - замена либо перестановка сонорных: zaraḡ(вред, ущерб, убыток) - ზარაღო второй сонорный «р» заменяется в грузинском на «л»; šalvaḡ – шаровары - შარვაღო - в русском турецкий «л» заменяется на «р», а в грузинском происходит перестановка сонорных.

Изменения гласных: во всех трёх языках чаще всего происходит замена турецкого «е», как в середине, так и в конце слова, на «а». Например:

Leke (пятно) - ლეკა, pencere(окно)- ფანჯარა, bahçe (сад)- ბაზჩა, köpürе(молодой /о растении)/- ქორფა, sade (простой)- სადა, keçe (войлок)- ქეჩა, köfte (котлета)- გუფთა, nem (роса) - ნემი, mesele (вопрос, проблема) - მასალა/материал/; хотя в болгарском наряду с заменой kule – кула, köfte - кюфта, достаточно часты и примеры без перехода «е» в «а»: lale (тюльпан)- лале, gişe (окошко) - гише, şişe (флакон) - шише. Кроме того встречаются примеры, когда в грузинском происходит замена, а в болгарском – нет: perde (штора) - перде - ფარდა.

Явление гаплогонии т.е. упрощения слов за счёт выпадения гласных между согласными: pılav – плов – плов - პლავი; kına – хна – хна - ხნა; pulluk - плут; piriñç - ბრონჯი; kilit - ღლიტი.

Встречаются заимствования, которые сохранились в диалектах. Например: kavun – кавун (арбуз) в южнорусском наречии; oda - ოდა(комната) в мегрельском языке; karpuz - ყარფუზი(арбуз) в кахетинском диалекте.

Возможны лексические полукальки. Так, в турецком «kara ciğer» - печень, а «ak ciğer» - лёгкие. В болгарском в обоих случаях имеем перевод первого слова, а вместо второго используется исконно болгарское «дроб»(доля), указывающее на парность лёгких и дробность печени /состоит из нескольких долей/: «бял дроб» и «черен дроб». В грузинском заимствуется «ciğer». Djigarı в значении «внутренности животных» и в переносном значении «родной» / о человеке/, а печень и лёгкие, так же как и в русском, имеют свои оригинальные названия «gvidzlı» и «pıltı».

Интересны случаи, когда заимствования используются в качестве морфем при словообразовании. Например: **ziaret**(визит) входит в состав грузинского слова გაზიარება(сочувствие, соучастие); от **oyun**(игра) в грузинском образуется მეოინე (фокусник, фигляр), от **namus**(порядочность) - **unamuso**(бессовестный); от турецкого **hap**(пилюля) образуется болгарское **хапче** (таблетка); от **hazine** (сокровищница, казна) - болгарское **хазнатар** (казначей). В заглавии известного произведения А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» прилагательное образовано от имени собственного – названия города путём прибавления суффикса относительного прилагательного и окончания. Само же слово Бахчисарай в турецком - сложное, образованное из словосочетания « bahçe sarayı » - («садовый дворец»).

Названия московской улицы Арбат и старой части грузинского города Ахалцихе – Рабат произошли от арабского «arbad» (пригород), проникшего в русский, возможно, в результате монголо-татарского нашествия, а в грузинский – по-видимому, во времена арабского господства в Грузии.

Как известно, лексика любого языка тесно связана с историей и этнографией народа-носителя этого языка. Лексические заимствования могут быть вызваны как интралингвистическими так и экстралингвистическими причинами, поэтому анализ лексических заимствований должен учитывать не только данные языка, но и исторические факторы.

Среди выбранных нами из Словаря турецкого языка 200 слов, присутствующих в рассматриваемых языках, 75 имеют помету А.-арабские, 34 – F-персидские, 72 являются исконными, а остальные заимствованы из других языков /в основном, из греческого и французского/. Встаёт вопрос, в каких случаях арабизмы и персизмы могли проникнуть в языки-реципиенты непосредственно, и в каких - посредством турецкого или других тюркских языков?

Во всех трёх языках-реципиентах имеются расхождения в определении источника заимствования. Так, в русском языке одни и те же заимствования в некоторых словарях даются как персизмы, а в других – как тюркизмы или арабизмы. Например, в Словаре М.Р. Фасмера такие слова как «алый», «бакча», «казна», «кисет», «сакля» отнесены к тюркизмам суказанием на крымско-татарский в качестве языка-донора, тогда как слова «караван», «сараван»

рассматриваются как заимствования из персидского при посредничестве тюркских языков. Слово «утюг» в Словаре Д.Н.Ушакова приводится как татарское, а в Словаре М.Р. Фасмера как тюркское без указания языка-донора. Слово «духан» в Словаре Д.Н.Ушакова приводится как арабское, а в Словаре М.Р.Фасмера как турецкое. Слово «бирюза» в Словаре Д.Н.Ушакова – персизм, в Словаре В.И.Даля – татарское, а в Словаре М.Р.Фасмера – заимствование из персидского посредством турецкого. Слово «хна» в Словаре Д.Н.Ушакова – арабизм, в Словаре В.И.Даля - персизм, а в Словаре М.Р. Фасмера – арабизм, заимствованный из турецкого.

При сопоставлении болгарского и грузинского в качестве индикатора можно использовать болгарский язык, который из трёх возможных языков-доноров непосредственно контактировал с турецким, поскольку Болгария на протяжении веков находилась под османским владычеством, и, соответственно, болгарский язык испытал сильнейшее влияние турецкого языка. Грузия, в отличие от Болгарии, в разные периоды своей истории находилась не только под османским, но и под персидским и арабским владычеством, испытывая непосредственное влияние каждого из этих языков. Можно предположить, что общие для грузинского и болгарского арабизмы и персизмы /например: 14-24/ проникли через турецкий язык, тогда как отсутствующие в болгарском /например: 37-48 / могли быть заимствованы грузинским непосредственно из арабского и персидского языков.

С течением времени вместе с изменением исторической ситуации меняется и характер взаимодействия языков. Так, в Болгарии, в результате Русско-Турецкой войны освобождённой от османского господства, в первой половине XIX века начался процесс возрождения национального самосознания, активизировалась борьба за очищение национального языка от тюркизмов. После присоединения Грузии к России грузинский язык перестал контактировать с турецким языком и испытывать его влияние. В 20-ые годы прошлого века Турецкое лингвистическое общество также начало вести борьбу против засилья заимствований из арабского и персидского языков. Как правило, языковая политика государства оказывает большое влияние на заимствованную лексику. Периоды активных заимствований сменяются периодами «очищения» языка. Происходит замена заимствований исконными, но вышедшими из употребления словами. Например: в турецком вместо арабского «müselles» (треугольник) - появляется исконное «üçgen»/Майзель С.: 1945,4/; в болгарском вместо «мейдан» - «площад», многие тюркизмы со значением наименований профессий заменяются исконными словами (вместо «маданджия» - «рудар»), либо турецкие суффиксы - исконными суффиксами («сапунджия» – «сапунар»); в грузинском вместо арабско-тюркского «vekili» (представитель, поверенный) появляется исконное «mesakme, magieri», вместо «bokauli»(пристав) – «zedamhedveli». Создаются новые слова из исконных корней и словообразовательных элементов: вместо арабского «tayare»(самолёт) от турецкого глагола «uçmak» образуется существительное «uçak» (самолёт)/ /Майзель С.: 1945,5/;. Вместо тюркизма «mjnigi» (влюблённый) от грузинского существительного «siqvaguli» (любовь) образовано прилагательное «sheqvarebuli».

Нередко бывает и так, что более ранние заимствования так осваиваются языком-реципиентом, что носителями языка воспринимаются как исконные, в отличие от более поздних заимствований, происходящих на памяти поколения. Так, в произведении известного грузинского писателя прошлого столетия Иосифа Гришавили «Литературная богема старого Тифлиса» высмеивается пестрящая русскими словами речь тифлисского торговца, пытающегося употреблением иностранных слов продемонстрировать свою «культуру» и «образованность». Мы не будем цитировать всю эту грузинскую фразу, состоящую из 17 слов. Скажем лишь, что в ней 9 русских слов, включённых в текст по правилам грузинского синтаксиса.

Вот эти слова с их переводом на грузинский язык и с соответствующими пометами: пристав – bokauli /тюрк./, сорочка – perangi /перс./, цвет – peri /перс./, лиловый – lilisperi /перс./, голубой – lajvardovani /перс./, коричневый – qavisperi /тюрк./, сиреневый – isamnisperi /араб./, бумага – kaghaldi /араб./, вещи – nivtebi /арм./ /Чубинашвили Д./

Как видим, все эти слова, будучи в разное время заимствованы из разных языков, а затем освоены грузинским языком, вошли в лексический состав грузинского языка. Они перестали восприниматься как иностранные, они стали грузинскими словами, тогда как употреблённые вместо них русские слова рассматриваются как варваризмы.

Большинство общих заимствований составляют тематическую группу названий предметов быта. Часть из них стала общеупотребительной лексикой, другая часть вошла в пласт устаревшей лексики. Ограничение сферы употребления заимствований вызвано существованием исконных слов – синонимов или появлением более поздних заимствований/ штаны – брюки, башлык – капюшон, bokauli – zedamhedveli, vekili – advokati, гемия – кораб, мейдан - площад/.

Использованная литература:

1. Андроникашвили М. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимодействиям. Тб., 1966/на груз. языке/
2. Гришашвили И. «Литературная богема старого Тифлиса» Тб. 1989/на груз. языке/
3. Майзель С.С. Арабские и персидские элементы в турецком языке М., 1945

Словари:

4. Болгарский этимологический словарь. Сост.: Георгиев Вл. и др. - София, Болг.АН 1971/на болгарском языке/
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка изд.-М.: Русский язык, 1999. ISBN 5-200-02658-X
6. Словарь турецкого языка /на турецком языке/ Анкара, 1999
7. Толковый словарь русского языка Под ред. Ушакова Д.Н. -М.: 000 «Изд. АСТ», 2000
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка М., 2004
9. Фенрих Г., Сарджвеладзе З. Этимологический словарь картвельских языков Тб., 1990
10. Чубинашвили Д. Грузинско-русский словарь Тб., 1984
11. Чиалашвили Е.Ш. Учебный тематический болгарско-русско-грузинский словарь Тб., 2010

**RUS AİLE GELENEKLERİNDE
KORUNMAYA YÖNELİK İNANÇLAR**

Çulpan ZARİPOVA ÇETİN

Kafkas Üniversitesi Fen-Edebiyat Fakültesi

Slav Dilleri ve Edebiyatları Bölümü, Kars/TÜRKİYE

ÖZET

Aile içi gelenekler, insan hayatını belirleyen doğum, düğün ve ölüm gibi önemli geçiş dönemlerini şekillendirmektedirler. Her halkın doğum, düğün ve cenaze gibi merasimleri içinde birçok inanç da yerine getirilir ve onların içinde en önemlileri, korunma amaçlı olanlardır. Yani nazardan, büyüden ve kötü güçlerden korunabilmek için birçok tedbir almışlardır. Slav halkları içinde yer alan Rus halkı, Hıristiyan dinini kabul etmeden önce putperestlik döneminde inançlara büyük bir önem vermiş olup Hıristiyan dini kabulünden sonra da bu inançları yerine getirmeye devam etmiştir.

Araştırmada Rusların aile merasimleri içinde yer alan korunma ve korumaya yönelik inançları her geçit dönemine göre arı ayrı incelenip aralarında olan ortak ve farklı yönler tespit edilmiştir.

Anahtar Kelimeler: Rus, aile merasimleri, inanç, korunma, nazar.

THE BELIEFS FOR PROTECTION RUS FAMILY TRADITIONS

Ass. Prof. Chulpan ZARİPOVA CHETİN

ABSTRACT

Family traditions, determining the birth of human life, marriage, and death are shaping such as the transition periods. Every public birth, wedding and funeral ceremonies are performed, and their belief in many of the most important ones, ones for protection. So the evil eye, magic and evil forces have taken many measures to guard against. Slavic peoples within the Russian people, the Christian religion has given great importance before accepting the pagan beliefs of the period after the adoption of the Christian religion and continued to carry out these beliefs. Russians in the study and protection of the family to protect the beliefs, ceremonies, parades, including the period examined by the bees, which separate the common and different aspects have been identified.

Key Words: Russian, family traditions, belief, protection, evi leye.

Aile içi gelenekler, her halkın hayatında büyük bir öneme sahiptirler. Onların aracılığıyla asırlarca gelişen ve bir sistem olarak algılanmaya başlayan bir aile bireylerinin kendi aralarında veya çevredekilerle ilişkileri, kuşaktan kuşağa, nesilden nesle aktarılmaktadır. Bununla beraber bu gelenek ve görenekler, insan hayatını belirleyen doğum, düğün ve ölüm gibi önemli geçiş dönemlerini de şekillendirmektedirler. Her halkın doğum, düğün ve cenaze gibi merasimleri içinde birçok inanç da yerine getirilir ve onların içinde en önemlileri, korunma amaçlı olanlardır. İnsanlar en eski çağlardan beri yaşadıkları alanı paylaştıklarını düşündükleri iyi ya da kötü güçlerle bir ilişki içinde bulunmaya gayret etmişlerdir: bazılarının rızasını almaya, bazıları ile uzlaşmaya, bazıları ile ise hiçbir şekilde temas etmemeye, onlardan korunmaya çalışmışlardır. Yani nazardan, büyüden ve kötü güçlerden korunabilmek için birçok tedbir almışlardır. Slav halkları içinde yer alan Rus halkı, Hıristiyan dinini kabul etmeden önce putperestlik döneminde inançlara büyük bir önem vermiş olup Hıristiyan dini kabulünden sonra da bu inançları yerine getirmeye devam etmiştir. Araştırmamızın amacı da Rusların aile merasimleri içinde yer alan korunma ve korumaya yönelik inançları her geçit dönemine göre arı ayrı incelemek ve aralarında olan ortak ve farklı yönleri tespit etmektir. Önce doğum gelenekleri içinde yer alan nazardan ve kötü güçlerden korunmaya yönelik inançları ele alalım. İnsanlık tarihinin her devrinde doğum gelenekleri her şeyden önce, sağlıklı bir doğuma ve yeni doğan bebeği koruyup kollamaya yönelik olmuştur. Bu yüzden Ruslarda doğum ile ilgili uygulanan geleneklerin içinde birçok putperestlik döneminden kalma inançlar da yer alır.

Rusya'da en eski dönemlerde hamile kadın hem bu hem öteki dünyaya ait birisi olarak algılandığından dolayı müstakbel anneyi her şekilde korumaya çalışmışlardır. Çünkü bir kadın hamilelik döneminde neye dokunur ve ne ile temas ederse, bunların hepsinin karnında olan bebeğin kaderini de etkileyebileceğine inanmışlardır. Yani doğum öncesi gelenekler sırasında amaç her şeyden önce anne karnında olan bebeği korumaktır ve birçok inanç da buna yöneliktir. Örneğin, Ruslarda anne adayının kedi, köpek, domuz vb. evcil hayvanları sevmesi yasaktır çünkü konuşmayı bilmeyen varlıkların doğacak bebeğin konuşmasına da engel olabileceğini düşünürler. Başka bir yasak da ölenle vedalaşma yasağıdır. Artık bu dünyadan geçip öteki dünyaya ait olduğunu düşündükleri ölen kimse, karnında bebek taşıyan bir kadın için özel bir tehlike olarak algılanmaktadır. Hamile bayanın bebeğinin vücudunda yanığı andıran bir çeşit doğum lekesi oluşmaması için ateşe bakması da yasaklanır ve kötü güçlerin çokça bulunabileceği ve güç gösterdiği düşünülen mezarlık ve yol ayrımları gibi tehlikeli yerlerde bulunmamasına da özen gösterilir. Aynı sebepten dolayı hamile kadının evden gün batımı sonrası çıkması da iyi karşılanmamaktadır çünkü güneşin olmadığı karanlık yerlerde kötü güçlerin etkili olduğuna inanılır.⁴⁸

Doğum esnasında yapılan geleneklerde başka halklarda olduğu gibi Ruslarda da başrolü her zaman ebe üstlenmiştir. Doğumu kabul edecek ebe, koruma amaçlı söylenen büyü yüklü birçok metin ve duayı bilmelidir ki bu büyü yüklü metin ve dualar onun bütün hareketlerine eşlik ederler.⁴⁹

Doğum sonrası geleneklerde ise loğusayı bebekle beraber at arabasına oturtup önceden hazırlanan sıcak hamama götürürler. (Bazen de anne adayı doğumu yapmak için daha önceden hamama götürülür). Üşütmesinler ve nazara gelmesinler diye onları baştan aşağı kabanla örterler. Bazı yörelerde loğusa hamama, nazardan korunma amaçlı, yanında tava da götürürdü.⁵⁰

Doğum gerçekleşir gerçekleşmez anne ile bebeğin hamamda yıkanması, sadece sağlığa uygun bir yöntem olmaktan ziyade suyun temizleyici gücüne inanarak her ikisini de kötü güçlerden nazardan ve vb. korumak için de yapılır.⁵¹ Bu amaçla ebe loğusayı kayın dallarından yapılan süpürge ile vurarak yıkar sonra kendisi ile hamama getirdiği bir lokma ekmeğin üzerine büyü yüklü metin söyler: "Ekmek ile taşı hiçbir şey etkileyemediği gibi bu kulunu da hiçbir şey etkileyemesin, onu nazardan büyüden dedikodudan ve her çeşit kederden korusun. Seni yerden göğe doğudan batıya kadar demir çitle çevireyim" diye bu okunmuş ekmeği loğusanın koynuna koyar.⁵²

Yeni doğmuş bebeği nazardan korumak için yapılan Ruslarda genelde çocuğa isim verme ve vaftiz etme geleneği içinde yer alıp daha çok Hıristiyan dininin izlerini taşımaktadır. Fakat putperestlik döneminden kalan bir yöntem olarak İdil Boyu bölgesinde yaşayan Ruslar tarafından bebeğin bingıldağına tuz serpilmesi korunmuştur.⁵³ Rus bilim adamı A. Redko, birçok halkta olduğu gibi Ruslarda da tuzun aynı demir gibi kötülüklerden ve nazardan koruma etkisi olduğuna inanıldığını yazar.⁵⁴

Rus düğün geleneklerinde yer alan koruma amaçlı hareketler yine düğün öncesi, düğün esnası ve düğün sonrası uygulanan inançlar olarak incelememiz gerekir. Düğün öncesi uygulanan inançların içinde en belirgin olanları şunlardır: gelini kötü güçlerden korumak için düğün öncesi kız arkadaşları gelini hamama götürürken ondan önce ellerinde kurdelelerle süslü bir süpürge götürürler. Bazen süpürgeyi çözerek çubukları gelinin hamama gideceği yol boyunca yere saptarlar.⁵⁵ Burada süpürge koruma özelliğine sahip olması, Ruslarda süpürge kayın ağacı dallarından yapılmış olmasına ilişkili olmalıdır.

⁴⁸ Kareva M.A. Rojdeniye Rebyonka V Kontekste Russkoy Kulturi/ Kareva M.A., Yufereva N.E.// Kafedra Kulturologii, Missionerskiy Fakultet, Pravoslavniy Svyato-Tihonovski Gumanitarniy Universitet. Moskva, 2010. / <http://palomnichestva.ru/rozhdnie-rebenka-v-kontekste-russkoy-kultury>

⁴⁹ Leştayeva N.V. Funktsii Členov Semyi v Obryadah, Svyazannih s Rojdeniyem Rebyonka, U Russkoo Naseleniya Kazanskogo Povoljya vo Vtoroy Polovine XIX-Naçale XX V. // Semeynaya Obryadnost Narodov Srednego Povoljya (İstoriko-Etnografıçeskiye Oçerki.) Kazan: "İzdatelstvo Kazanskogo Universiteta, s. 85.

⁵⁰ Leştayeva N.V., a.g.e., s. 87.

⁵¹ Gavriluk N.K. Kartografirovaniye Yavleniy Duhovnoy Kulturi (Po Materialam Rodilnoy Obryadnosti Ukrainsev). Kiyev, 1981, s. 89; Kareva M.A. Rojdeniye Rebyonka V Kontekste Russkoy Kulturi/ Kareva M.A., Yufereva N.E.// Kafedra Kulturologii, Missionerskiy Fakultet, Pravoslavniy Svyato-Tihonovski Gumanitarniy Universitet. Moskva, 2010. / <http://palomnichestva.ru/rozhdnie-rebenka-v-kontekste-russkoy-kultury>

⁵² <http://www.webartplus.narod.ru/folk83.html>

⁵³ Leştayeva N.V., a.g.e., s. 91.

⁵⁴ Redko A. Neçistaya Sil v Sudbah Jensım-Materi./ EO.1899, N-1-2, s. 93-96.

⁵⁵ Kapitsa F.S. Slavyanskiye Traditsionniye Verovaniya, Prazdniki i Ritualı: Spravoçnik. M: "Flinta": "Nauka", 2009, s. 281.

Çünkü kayın ağacı Slav mitolojisinde yeni bir hayata geçişi simgeleyen kutsal ağaç olarak sayılmıştır.⁵⁶

Rus düğünlerinde, damat ve onun akrabaları ile görüşürken gelin çok sık kıyafet değiştirir. Örneğin, İdil boyu bölgesi Yaransk vilayeti Orşanka köyünde dünür, gelin olacak kızın annesi ve babası izin verdiğinde onların evine damat ile ebeveynlerini “çay içmeye” getirir. Sözlene kız misafirlere tam üç kez çay ikramında bulunur ve her defasında yeni kıyafetle çıkar. Buna benzer kıyafet değiştirme âdeti, kızı beğenmeye geldiklerinde ve damadın hediyelerle düğün öncesi yapılan ve “devişnik” adı ile anılan kızların oturma sırasında da uygulanır. Rus bilim adamları N.P. Kolpakova ve G.S. Maslova fikirlerine göre düğün sırasında gelinin kıyafet değiştirmesi sadece sosyal ve ekonomik statüsünün bir belirtisi olmayıp elbiseye yapılabilen büyüden korumayı da içermekteydi.⁵⁷ Düğüne hazırlık esnasında da gelin tarafından günlük ve bayramlık elbiselerin sık sık değiştirilmesi aynı anlama gelmekteydi.⁵⁸

Büyü ve nazardan koruma amaçlı değişik inançlar, Rus düğün gelenekleri içinde çok önemli bir yere sahip olan gelinin kilise nikâhı sırasında giyinme töreninde de yer almaktadır. Örneğin, gelinlik çok titiz bir şekilde incelenir ve giyinme töreni mutlaka duaların eşliğinde gerçekleşir. Gelini kötü güçlerden koruma amaçlı çıplak tenine balık tutma ağı, özel örülen kuşak ve on iki ya da kırk düğüm atılmış ip dolarlar. Elbiseye çengel iğne veya deliği olmayan iğneler de batırılır. Gelinliğin koynuna keten, yün, ekme, sabun; cebine soğan ve sarımsak, ayakkabısına da darı, üvez ağacı yaprakları ve para koyarlar. Bütün bu konulan nesnelere, putperestlik döneminden kalmış olup doğaya teşvik etme etkisi yaratabilme inancını taşımaktadırlar. Tabi ki soğan, sarımsak, üvez ağacı yaprakları, sivri ve uçlu demir nesnelere birçok halkın inancında olduğu gibi Ruslar için de koruma etkisi yaratan nesnelere olarak algılanır.⁵⁹ Damadı giyindirme töreninde onun da beline çok düğümlü ip ya da hasır lifi dolarlar, kıyafetini didikleyip inceler, dualar okurlar. Damadın koynuna, cebine ve ayakkabılarına da köylülerin zihniyetinde teşvik edici ve koruma gücüne sahip olma nitelilerini taşıyan aynı nesnelere konulur.⁶⁰ Gelin, büyüden korunmak için kilise nikâhına yüzünü örtü ile örtterek gider.⁶¹ Düğün günü gelinin başını örtmek için kullandıkları başörtüsü de koruyucu bir özelliğe sahiptir: onun orta yerine dikilen kırmızı kurdele, kumaş şeritlerinden bir haç ya da haç şeklinde takılan dikenli tohum kabuklarının, gelini nazardan ve kötü güçlerden koruyacağına inanılır.⁶²

Şunu da söylemek gerekir ki Orta İdil boyu bölgesinde yaşayan Ruslar düğün geleneği sırasında giyilen kıyafete önemli bir koruma özelliği yüklerler. Bu bölgede yaşayan köylüler, düğün sırasında kullanılan çıplak nesnelere yeni evlenenlere aynen böyle bir “çıplak” yani fakir hayatı çekeceğine inanmışlardır. Bu yüzden çıplak olan her şeyden her yerden kaçınarak korunmak için kumaş ve giyim kullanmaya çalışmışlardır. Örneğin yeni evlenen çiftin durduğu veya oturduğu her yere üst giyim sererler. Özellikle de kürklü giyimler büyük önem taşır: kürk, koruyucu güce sahiptir. Örneğin, gelin ile damat gelinin annesi ve babası onlara hayır Fatıha verirken kürklü tarafı ile serilen kabanın üzerine basarlar. Büyüden korunma amaçlı kürkü evin girişine de sererlerdi. Aynı eylem damadın evinde de yapılır. Gençleri karşılarken damadın annesi veya akrabalarından birisi genelde kürklü tarafıyla kaban giyerlerdi.⁶³

Düğün giysilerinin rengi de büyü ile ilgili özel bir anlama sahipti. Genelde kırmızı, bordo, al ya da onlara yakın bir renk kullanılırdı. Kırmızı renk, kanın ve ateşin rengi olarak evliliğin ve gerdek gecesinin simgesi de olmuştur. Aynı zaman bu renge koruyucu ve uyarıcı özellikler de yüklenir. Bu yüzden düğünde gelin ile damadı nazardan ve kötü güçlerden korumak

⁵⁶ http://rodrus.com/news/news_1371652687.html

⁵⁷ Kolpakova N.P. Otrajeniye Yavleniy İstoriçeskoj Deystvitelnosti v Svadebnom Obryade Russkogo Severa// Slavyanskiy Folklor i İstoriçeskaya Deystvitelnost. M., 1965, c. 275; Maslova G.S. Narodnaya Odejda v Vostoçnoslavyanskiy Traditsionnih Obıçayah i Obryadah XIX-naç XX v. M., 1984, c. 35.

⁵⁸ Zorin N.V. Obryadoviye funktsii Odejdi v Ruskkom Svadebnom Rituale Srednego Povoljya/Semeynaya Obryadnost Narodov Srednego Povoljya (İstoriçko-Etnografiçeskiye Oçerki.) Kazan: “İzdatelstvo Kazanskogo Universiteta, s. 51-52.

⁵⁹ Galkovskiy N.M. Borba Hristianstva s Ostatkami Yazıçestva v Drevney Rusi. T. 2// Zapiski Moskovsogo Arheologiçeskogo İnstitutu. M., 1913, s. 39, 45; Galkovskiy N.M. Borba Hristianstva s Ostatkami Yazıçestva v Drevney Rusi. T. 1., Harkov, 1916, s. 287; Kagarov Y.G. Sostav i Proishojdeniye Svadebnoy Obryadnosti // Sbornik Muzaeya Antropologii i Etnografii. L., 1929, T. 8, s. 256; Zorin N.V. Russkaya Svadba v Srednem Povoljye, Kazan, 1981: c. 99; Maslova G.S. Narodnaya Odejda v Vostoçnoslavyanskiy Traditsionnih Obıçayah i Obryadah XIX-Naç XX v. M., 1984; s. 36-38.) c. 52.

⁶⁰ Zorin N.V. Obryadoviye funktsii Odejdi v Ruskkom Svadebnom Rituale Srednego Povoljya/Semeynaya Obryadnost Narodov Srdnego Povoljya (İstoriçko-Etnografiçeskiye Oçerki.) Kazan: “İzdatelstvo Kazanskogo Universiteta. c. 49-73; C. 52.

⁶¹ Ирина Оголь, <http://tamada-julia.narod.ru/traditions-russia4.html>

⁶² Zorin N.V. a.g.e., C. 60.

⁶³ Zorin N.V. a.g.e., s. 70-71.

için giysi dışında kırmızı renkte kurdele, bant ve çiçekler ve vb nesnelere de kullanılır.⁶⁴ Düğün atları ve arabaları da gençleri koruma amaçlı kırmızı kurdele ve zillerle süslenir.⁶⁵ Kırmızı kurdele, bant ve çiçek gibi nesnelere renklerinden dolayı koruma özelliğine sahip olduğu düşünülürse, düğün atlarına takılan zillerin de gürültü yaparak koruyacaklarına inanılır. Düğün sonrası uygulanan koruma amaçlı inançların içinde en önemlisi, yeni evliler evlerinin eşliğinden ilk kez geçerken, damadın eşini şeytanın kötülüğünden korumak için kucağına almasıdır.⁶⁶

Koruma amaçlı inançlar Rusların cenaze merasimlerinde üç amacı güder: 1. Ölecek olanı ölümden koruma, öldükten sonra da canını kötü güçlerden koruma; 2. Hayatta kalanların kendilerini ölümden koruması ve 3. Kendirini ölümden ve onun yapabileceği büyüden ve zarardan koruma. Hıristiyan dini kabulü öncesi Ruslarda büyü yüklü metinlerin eşliğinde temizleme ritüelleri gerçekleştirilirdi. Bu ritüeller esnasında epik sayılar geniş kullanımda idi. Örneğin, ağır hasta olan kimseye şaman yedi muska takar, yatağının etrafını yedi kez dolaşır, büyü yüklü metni yedi kez tekrarlar ve aynen yedi kez tefine vururdu. Hastayı tedavi etmeye çalışırken ona toprak serpmeye, tütsüleme gibi eylemlerin de şifa vereceğine inanılırdı. Hıristiyan dini kabul edildikten sonra papaz, hastalığı gönderen kötü güçleri kovmak için ölüme hazırlama töreni ("yeleosveşeniye, soborovaniye) yapar. Bu törenin içinde de yedi sayısının büyü korumuş vaziyettedir: bu töreni yedi papaz gerçekleştirir ve İncil'den yedi parça okunur. Yedi ayet okunur ve hastayı yedi kez "yeley" adı verilen kutsal yağla yağlarlar. Tütsüleme âdeti de Hıristiyanlık dininde papaz tarafından hoş kokulu reçine ile tütsüleme olarak korunmuştur.⁶⁷ Ölüm gerçekleşince hemen bir-iki saat içinde ölen yıkanır ama onu sadece yaşlı erkek ve kadınlar yıkar çünkü bir inanca göre ölen, gençlerin doğurganlık gücünü alabilirmiş.⁶⁸

Ölüm sonrası uygulanan inançlar, daha çok öleni kötü güçlerden ve hayatta kalanların kendilerini ölümden gelebilecek büyü ve zarardan korumaya yöneliktir. Bu durumda her şeyden önce su ile ateşin temizleyici gücüne sığınmışlardır. Ölen insanın can verdiği yastık ve yorganını ve öleni yıkama esnasında kullanılan nesnelere –yani ölümlle yakından temas eden her şeyi- yakarlar. Öleni kötü güçlerden korumak için Ruslar genelde tuz, yumurta ve süpürge kullanırlar. Bazı yörelerde tuz ölenin göğsüne ya da sekinin altına, bazı yörelerde ise yumurta ile tuz ölenin karnına koyulur. Öleni toprağa verme esnasında bu nesne ve yiyecekler ölenle beraber mezara konulur.⁶⁹

Ölene yatacağı tabutu hazırlarken oraya talaş, keten ve kayın süpürgesi yaprakları koyarlar ve bunları keten kumaşla örterler. Burada kayın süpürgesinin koruyucu gücüne inanılır. Bazı yörelerde tabuta üvez ağacı yaprakları koyarlar ki üvez ağacının da kötü güçlerden koruma özelliği olduğunu düşünürler.⁷⁰ Öleni tabuta koymadan önce onu Ruslarda "bogorodskaya trava" (Tanrıyı doğuran ot) olarak bilinen bir çeşit bitki ile tütsülemek de kötü güçlerden koruma amaçlı yapılmaktadır.⁷¹ Ölen, hayatta kalan yakınlarına zarar getirmesin diye onu razı etmeye çalışırlar: pencereye bir tabak dolusu su ile temiz havlu koyarlar ki ölenin ruhu uzun yolculuk öncesi yıkanıp kurulasın kendini. Aynı amaçla mezarın üstünde krep, börek ve bir kadeh votka bırakılır. Yas aşısı sırasında da sofraya ölen için ayrı tabak, kaşık ve kadeh hazırlarlar. Tabaka bir lokma ekmek ya da krep, kadehe de votka koyarlar. Öleni toprağa verdikten sonra ailesi ilk kez hamam hazırlarken ilk buhara yine ölenin ruhunu çağırır. Bütün bu eylemler, ölenin hayatta kalan yakınlarına zarar verebileceğinden korkarak onun rızasını almak için yapılır.⁷² Ölenin evine geri dönmemesi yani hayatta kalanları ölümden korumak için yapılan eylemler ise şunlardır: öleni evinden ayakları önde şekilde genelde pencereden ya da ahırdan çıkarırlar ve dönmek için yolunu görmesin diye mezarlığa çok uzun ve dolambaçlı yoldan götürürler. Mezarlıktan dönerken atları yeniden koşarlar ve mezarlığa götürülen hiçbir şey asla eve geri getirilmez. Cenaze esnasında kullanılan bütün eşyalar atılır, tabak çanak kırılır.⁷³ Mezarın başında tabutu mezara

⁶⁴ Zorin N.V. a.g.e., s. 71.

⁶⁵ Kapitsa F.S. a.g.e., s. 283.

⁶⁶ <http://tamada-julia.narod.ru/traditions-russia4.html>

⁶⁷ Kapitsa F.S. a.g.e., s. 268.

⁶⁸ Kapitsa F.S. a.g.e., s. 270.

⁶⁹ Zorin N.V., Leşayeva V. Pogrebalnyy Ritual Russkogo Naseleniya Kazanskogo Povoljya (Konets XIX-Naçalo XX v.)/Semeynaya Obryadnost Narodov Srednego Povoljya (İstoriko-Etnografiçeskiye Oçerki.) Kazan: "İzdatelstvo Kazanskogo Universiteta.", s. 111.

⁷⁰ Zorin N.V., Leşayeva V., a.g.e., s. 109.

⁷¹ Zorin N.V., Leşayeva V., a.g.e., s. 110.

⁷² Kapitsa F.S. a.g.e., s. 271.

⁷³ Kapitsa F.S. a.g.e., s. 271-272.

koymadan önce papaz haç şeklinde bir avuç toprak, hoş kokulu reçine yağı ve tütü külü serper. Bütün bunlar, mezardan kötü güçleri kovma amaçlı yapılır.⁷⁴

Her şeyden önce su ile ateşin temizleyici gücüne sığınma, cenaze mezara götürüldükten sonra evi temizleme, sekileri döşemeleri yıkama ve duvarları süpürge ile temizleme gibi eylemlerle devam eder. Bu esnada kullanılan nesnelere, zarar vereceğinden korkularak yakılır ya da nehre atılır.⁷⁵ Bazı inançlar yukarıda da değindiğimiz gibi hayatta kalanları ölümden ya da evi yeni cenazeden korumaya yöneliktir. Örneğin, tabutun durduğu sekiye evde yaşayan bayanlardan birisi geniş bir bıçak saptar ya da üç kez balta ile vurur. Bazı yörelerde bu sekiyi tabutu çıkarır çıkarmaz tersine çevirirler. Bazı yörelerde de bu sekiye ölenin ailesinden herkes bir arada oturur. Ölenle yakından temas eden aile böylece kendini yeni cenazeden korumuş olur.⁷⁶

Sonuç olarak, korunması gereken şahıslar her geçiş döneminde farklı olmuştur. Örneğin, doğum esnasında nazardan ve kötü güçlerden doğum yapacak kadını (daha sonra loğusayı) ve yeni doğan bebeği korumaya çalışmışlardır. Düğün sırasında ise koruma altında olması gerekenler, gelin ile damat olmuştur. Cenaze merasimleri esnasında da koruma daha değişik bir şekilde -hem öleni kötü güçlerden koruma, hem hayatta kalanları ölümden ve ölenden koruma- olarak ortaya çıkmaktadır. Birçok inancın ancak kadınlar tarafından uygulanması da bizi en eski anaerkil dönemi düzeyine götürmekte: o dönemde kadınlar toplumun ve ruhların karşısında yaşadıkları topluluğun vekilleri olarak onun huzurundan sorumlu idiler. Ayrıca korunma yöntemleri her merasimde birçok ortaklık gösterse de (su ve ateşle temizlenme, büyü yüklü metin ve duaların söylenmesi, kayın süpürgesi ya da yaprakları ve demir nesnelere korunma vb.) bazıları sadece doğum ve düğün için (ekmek ve örtü ile korunma), bazıları doğum ve cenaze için (tuz ile korunma) ya da düğün ve cenaze için (sayıların büyümesi, keten ve üvez ağacı yapraklarıyla korunma) ortak olmuştur. Fakat her geçişinin sadece kendine özgü olan korunma inançları da mevcuttur (örneğin, düğün sırasında kıyafet değiştirme, kırmızı rengin koruyucu özelliği vb.). en önemlisi de bu inançlar ne olursa olsun önemli olan onların, Rus halkının Hıristiyan dini öncesi oluşan dünya görüşünü temele alarak büyüci ve sembolik bir anlam taşımasıdır.

KAYNAKÇA

1. Gavrilyuk N.K. Kartografirovanye Yavleniy Duhovnoy Kultury (Po Materialam Rodilnoy Oryadnosti Ukrainsev). Kiyev, 1981.
2. Galkovskiy N.M. Borba Hristianstva s Ostatkami Yazıçestva v Drevney Rusi. T. 2// Zapiski Moskovsogo Arheologičeskogo İnstituta. M., 1913.
3. Galkovskiy N.M. Borba Hristianstva s Ostatkami Yazıçestva v Drevney Rusi. T. 1., Harkov, 1916
4. Zorin N.V. Obryadoviye funktsii Odejdi v Ruskkom Svadebnom Rituale Srednego Povolya/Semeynaya Obryadnost Narodov Srdnego Povoljya (İstoriko-Etnografiçeskiye Oçerki.) Kazan: "İzdatelstvo Kazanskogo Universiteta. c. 49-73.
5. Zorin N.V. Russkaya Svadba v Srednem Povoljye, Kazan, 1981: c 99; Maslova G.S. Narodnaya Odejda v Vostočnoslavyanskikh Traditsionnih Obıçayah i Obryadah XIX-Naç XX v. M., 1984; s. 36-38.)
6. Kagarov Y.G. Sostav i Proishojdeniye Svadebnoy Obryadnosti // Sbornik Muzaeya Antropologii i Etnografii. L., 1929, T. 8
7. Kapitsa F.S. Slavyanskiye Traditsionniye Verovaniya, Prazdniki i Ritualı: Spravoçnik. M: "Flinta": "Nauka", 2009.
8. Kareva M.A. Rojdeniye Rebyonka V Kontekste Russkoy Kulturi/ Kareva M.A., Yufereva N.E.// Kafedra Kulturologii, Missionerskiy Fakultet, Pravoslavniy Svyato-Tihonovskiyy Gumanitarniy Universitet. Moskva, 2010. / <http://palomnichestva.ru/rozhdenie-rebenka-v-kontekste-russkoy-kultury>
9. Kolpakova N.P. Otrajeniye Yavleniy İstoričeskoy Deystvitelnosti v Svadebnom Obryade Russkogo Severa// Slavyanskiy Folklor i İstoričeskaya Deystvitelnost. M., 1965, c. 275;

⁷⁴ Kapitsa F.S. a.g.e., s. 275.

⁷⁵ Zorin N.V., Leştayeva V., a.g.e., s. 115.

⁷⁶ Zorin N.V., Leştayeva V., a.g.e., s. 116.

10. Leştayeva N.V. Funktsii Çlenov Semyi v Obryadah, Svyazannih s Rojdeniyem Rebyonka, U Russkoo Naseleniya Kazanskogo Povoljya vo Vtoroy Polovine XIX-Naçale XX V. // Semeynaya Obryadnost Narodov Srdnego Povoljya (İstoriko-Etnografiçeskiye Oçerki.) Kazan: "İzdatelstvo Kazanskogo Universiteta. S. 83-103.
11. Maslova G.S. Narodnaya Odejda v Vostoçnoslavyanskikh Traditsionnih Obıçayah i Obryadah XIX-Naç XX v. M., 1984.
12. Redko A. Neçistaya Sil v Sudbah Jensşını-Materi./ EO.1899, N-1-2, s. 54-131.
13. http://rodrus.com/news/news_1371652687.html
14. <http://tamada-julia.narod.ru/traditions-russia4.html>
15. <http://www.webartplus.narod.ru/folk83.html>

ФРЕЙМЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Майа Михайловна Чхеидзе

Доктор Филологических Наук, Профессор Университета Грузии, Тбилиси (Грузия)

Натела Шотаевна Мосиашвили

Доктор Филологии, Тбилисский ГУ им. Ив. Джавахишвили, Тбилиси (Грузия)

Аннотация : Эффективная коммуникация с людьми из разных культур является особенно сложной задачей. Культура представляет собой сложную концепцию, с различными определениями. Человек действует в соответствии с ценностями и нормами своей культуры. Столкновение культурных ценностей является основой культурного конфликта. Культурные конфликты возникают из-за различия в ценностях и нормах поведения людей из разных культур. Культурные различия вызывают проблемы коммуникации.

Как помочь себе и другим преодолеть культурный барьер? Как свести к минимуму случаи кросс-культурных недоразумений?

Наши истории являются важнейшей частью нашей культуры. Исторический опыт формирует нас. Исследование различных групп нашего общества, связанных друг с другом, является ключом к открытию каналов для кросс-культурной коммуникации.

Основные компоненты и этапы процесса коммуникации имеют стабильную – инвариантную последовательность. Благодаря обратной связи и коррекции она приобретает замкнутый – кольцеобразный характер. Он обеспечивает результативность коммуникаций в целом.

В процессе обучения студентов иностранному языку мы своей умственной деятельности критически оцениваем имеющиеся у нас планы и цели, пересматривая свои знания и правила их использования. Однако мы часто забываем о метакогниции, которая является гарантом конструирования эффективной коммуникации.

Мы считаем что использование два вида фреймов, которые сейчас принято называть статическими (фреймами) и динамическими (сценариями) является эффективным методом обучения иностранному языку. Решение проблем связанных с приобретением, представлением и использованием знания возможно лишь при специальной организации баз данных, одним из видов которой является фреймовая организация. В пределах ограниченного "микромира" можно установить способы взаимодействия между ситуациями, действиями и явлениями. Попытка имитации "микромира" начинается с выбора фреймов и сценарий ограниченной сложности. Процесс конструирования "микромира" связан с проблемой определения, какие из признаков в каждой ситуации основные, а какие нет. Каким должен быть "тематический набор и объём" фреймов и сценарий? Каким должен быть "микромир"? - По мере приближения сконструированного микромира к реальному трудности использования фреймов и сценарий в процессе обучения студентов иностранному языку становятся преодолимыми.

Ключевые слова: культура; эффективная коммуникация; барьеры коммуникации; фреймы; приобретение, представление и использование знания.

FRAMES IN THE PROCESS OF TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION

Key words: culture; effective communication; barriers of communication; frames; obtaining, representing and application of knowledge.

Эффективная коммуникация с людьми из разных культур является особенно сложной задачей. Культура дает нам способы мышления и интерпретации мира. Культура представляет собой сложную концепцию, с различными определениями. Но, попросту говоря, "культура" представляет собой группу или сообщество, с которыми мы разделяем общий опыт. Именно этот опыт формирует наше представление о мире. Культура формирует ценности и самобытность человека. Культурная самобытность может исходить из следующих различий: расы, этнического происхождения, пола, классовой принадлежности, вероисповедания и географического региона. Человек действует в соответствии с ценностями и нормами своей культуры. Столкновение культурных ценностей является основой культурного конфликта. Культурные конфликты возникают из-за различия в ценностях и нормах поведения людей из разных культур. Культурные конфликты, как правило, имеют сложную динамику. Они создают сложные комбинации ожиданий по поводу своего собственного и чужого поведения. Культурные различия вызывают проблемы коммуникации.

Как помочь себе и другим преодолеть культурный барьер? Как свести к минимуму случаи кросс-культурных недоразумений?

Наши истории являются важнейшей частью нашей культуры. Исторический опыт формирует нас. Знание нашей истории может помочь нам понять самих себя и друг друга лучше. Исследование различных групп нашего общества, связанных друг с другом, является ключом к открытию каналов для кросс-культурной коммуникации. Важно понимать, что люди являются потенциальными проблемами межкультурной коммуникации, и они должны сделать сознательные усилия для преодоления этих проблем. Важно понимать и то, что усилия не всегда будут успешными, и коммуниканты должны скорректировать свое поведение соответствующим образом. Люди стремятся к уменьшению неопределенности. Общение с незнакомыми людьми предполагает большую степень неопределенности, из-за трудностей в прогнозировании коммуникации. Чтобы улучшить общение с незнакомыми мы должны обратить внимание на их уникальные, индивидуальные черты. Эффективные коммуникации с незнакомыми требует повышение уровня информированности общения. Мы не можем полагаться на знакомые сценарии при общении с незнакомцем. Мы можем повысить точность наших коммуникативных прогнозов, получив дополнительную информацию о незнакомце.

Коммуникативные прогнозы основаны на данных трех уровнях.

1. Во-первых, это культурный уровень. Этот уровень включает информацию о другой культуре, ее доминирующих ценностях. Это единственный уровень информации при общении с незнакомцем.
2. Второй уровень информации это социокультурный, включающий в себя данные о другой группе или группам незнакомцев, которым стремятся принадлежать.
3. Наконец, коммуникативные прогнозы основаны на психокультурных данных, о характеристиках личности.

Основные компоненты и этапы процесса коммуникации имеют стабильную – инвариантную последовательность. Благодаря обратной связи и коррекции она приобретает замкнутый – кольцеобразный характер. “Принцип кольца” важен и организационно, и психологически. Он обеспечивает результативность коммуникаций в целом. Благодаря ему обеспечивается контроль за эффективностью и возможность повтора “кольца”, т. е. коммуникативного цикла в случае неэффективности его первой реализации. Особенности содержания каждого из компонентов и этапов коммуникативного процесса наиболее полно отражены в требованиях к “хорошей межкультурной коммуникации” (в принципах и правилах реализации коммуникативной функции), а также - в наиболее типичных для них ошибках и “барьерах” кросс-культурной коммуникации.

Трудности и источники ошибок коммуникаций столь же разнообразны, как многообразна сама психика. Вместе с тем среди них выделяются наиболее типичные и повторяющиеся:

Перцептивно-интерпретационные ошибки (обусловленные восприятием). Люди по-разному воспринимают одни и те же ситуации, выделяют в них главные, по их мнению, особенности. В одном из психологических исследований делается вывод: “Наша самая общая и большая ошибка состоит в том, что мы считаем мир действительно таким, каким он нам кажется”. Но “кажется” он каждому по-своему. В зависимости от “культурного

опыта” одна и та же информация будет восприниматься и интерпретироваться с очень большими различиями или вообще – не пониматься и даже активно отторгаться.

Семантические барьеры возникают из-за того, что понятия естественного языка обладают свойством многозначности и наличием ряда смысловых оттенков. Следовательно, они допускают возможность неоднозначного понимания говорящим и слушающим, что усиливается при различиях в их культурах.

Плохо сформулированное сообщение. “Туманность” сообщения, наличие в нем неопределенных понятий, использование слов в переносном смысле – все это непосредственные, очень распространенные и достаточно очевидные причины ошибок кросс-культурной коммуникации. Действенным средством повышения эффективности кросс-культурной коммуникации является соблюдение некоторых общих правил и принципов построения эффективной кросс-культурной коммуникации. Наиболее значимые из этих правил состоят в следующем:

1) Правило “постоянной готовности к непониманию”- распространенное заблуждение коммуникантов состоит в том, что их нельзя не понять. Напротив, многообразие культурных “барьеров” часто приводит к неполному и неточному пониманию сообщений в первой его версии. Это требует дополнительных разъяснений;

2) Правило корректности – следует избегать неопределенных, расплывчатых выражений и слов;

3) Правило контроля за невербальными сигналами – недостаточно контролировать только свою речь и содержание сообщения. Необходим также контроль за его формой в той части, которая касается его внешнего “сопровождения” – мимикой, жестами и позой;

4) Правило адресата – необходимо говорить “на языке собеседника”, т. е. учитывать особенности его культуры, его ценности и интересы;

5) Правило обратной связи – именно он, в конечном итоге, обеспечивает достижение главной цели коммуникативного процесса – взаимопонимания.

Необходимость соблюдения этих правил задает основные ориентиры для реализации коммуникативной функции и определяет эффективность кросс-культурной коммуникации.

Понимание нашей собственной культуры и знания о ценностях других культур, а не рассматривание их через призму культурных стереотипов, является основой межкультурной коммуникации. При рассмотрении различных культур, мы должны искать сходства. В конечном счете, барьеры, которые существуют между культурами являются слабыми. Нам нужно желание, информация, а также готовность преодолеть их.

Барьеры коммуникации являются ошибками коммуникации. Они появляются в процессе формирования идеи, определения коммуникационной интенции, использования различных коммуникационных стратегий, создания сообщения в соответствии с принципом “информационной достаточности”.

В процессе обучения студентов иностранному языку мы своей умственной деятельности критически оцениваем имеющиеся у нас планы и цели, пересматривая свои знания и правила их использования. Однако мы часто забываем о метакогниции, которая является гарантом конструирования эффективной коммуникации. Метакогниция в процессе обучения студентов иностранному языку состоит из следующих фаз: 1) планирование, 2) выбор и использование стратегии, 3) мониторинг процесса использования стратегии, 4) оценка результатов использованной стратегии.

Главной проблемой в процессе обучения иностранному языку является проблема создания основы знаний. Самая простая система здравого смысла должна быть информирована о таких категориях, как причина и следствие, время, цель, местоположение, процесс, вид знаний; ей также необходимы сведения о том, как приобретаются, представляются и используются знания. Сложность решения проблемы представления знания чрезвычайно велика, и это объясняется в первую очередь недостатком наших знаний о механизмах человеческого мышления.

Мы считаем что использование два вида фреймов, которые сейчас принято называть статическими (фреймами) и динамическими (сценариями) является эффективным методом обучения иностранному языку. Фрейм любого вида - это та минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов. Наличие фрейма позволяет относить объект к тому классу, который им

определяется. Для каждого факта человеку требуются метафакты, сообщающие о том, каким образом и когда их можно использовать. Решение проблем связанных с приобретением, представлением и использованием знания возможно лишь при специальной организации баз данных, одним из видов которой является фреймовая организация. В пределах ограниченного "микромира" можно установить способы взаимодействия между ситуациями, действиями и явлениями. Попытка имитации "микромира" начинается с выбора фреймов и сценарий ограниченной сложности. Процесс конструирования "микромира" связан с проблемой определения, какие из признаков в каждой ситуации основные, а какие нет. Даже сформулировав "тематический набор и объём" релевантных фреймов и сценарий, нам все равно придется столкнуться с проблемой её правильного использования. Проблема поиска подходящих фреймов и сценарий или, иначе, проблема "конструирования микромира", пусть даже на основе логически правильных допущений всегда оказывается значительно более трудной, чем это ранее предполагалось.

Каким должен быть "тематический набор и объём" фреймов и сценарий? Каким должен быть "микромир"? - По мере приближения сконструированного микромира к реальному трудности использования фреймов и сценарий в процессе обучения студентов иностранному языку становятся преодолимыми.

Литература

1. Минский М. Фреймы для представления знаний. - Москва: Энергия, 1979.
2. Laubsch J. Some Thoughts about Representing Knowledge in Instructional Systems, Advance Papers of the Fourth Intern. Joint Conf. on Artificial Intelligence, v.1, 1975.
3. McCarthy J. Programs with Common Sense, in "Semantic Information Processing", Minsky M. (ed.), MIT Press, Cambridge, Mass., 1968.
4. Minsky M. Situations, Actions and Causal Laws, In "Semantic Information Processing", (ed.), MIT Press, Cambridge, Mass., 1968.

КОММУНИКАТИВЫ: ИССЛЕДОВАНИЕ ЗНАКОВ МЕНТАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ДИАЛОГЕ

И.А. ШАРОНОВ

Проф. кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ.

Москва. Россия.

Аннотация : Единицы, которые рассматриваются в статье – стереотипные ответные реплики диалога, или коммуникативы: *Ну так; То есть?; Нет уж; Да ну!; Какое там!; Ладно уж!; Так его (ее/их); Знай наших!* и т.д. Рассматриваются прагматические особенности коммуникативов и проблемы их описания.

COMMUNICATIVES: INQUIRY OF MENTAL INTERACTION SIGNS IN RUSSIAN DIALOG.

Annotation: The units under discussion – stereotyped replies in dialog, or communicatives: *Nu tak; To est'?*; *Net uzh; Da nu; Kakoe tam!; Ladno uzh; Tak jevo {jejo/ ikh}; Znay nashkh* and so on. We analyze pragmatic peculiarities of the communicatives and some problems of its description.

Ключевые слова: Диалог, дискурс, частицы, коммуникативы, лексикография.

Key words: dialog, discourse, particles, communicatives, lexicography.

Коммуникативами мы называем десемантизированные слова и идиоматические сочетания, используемые в диалоге в качестве ответных реплик для выражения той или иной оценки слов собеседника или текущей ситуации: *Ну так; То есть?; Нет уж; Да ну!; Какое там!; Ладно уж!; Так его (ее/их); Знай наших!* и т.д. Данные единицы стали объектом лингвистических исследований относительно недавно (Андреева 2006, Викторова 1998, Колокольцева 2001, Шаронов 1996, 2005, 201). Каждое из таких морфологически застывших, синтаксически изолированных стереотипных реплик обладает в речи одной или несколькими фиксированными интонациями, с помощью которых говорящий передает свое ментальное и эмоциональное отношение услышанному, к собеседнику или к текущей ситуации. Это может быть **подтверждение** сказанного собеседником (*Ну да, Конечно, Было дело, Есть такое*), **согласие** с его мнением или оценкой (*Ещё бы (нет), Ну так!, А как же*), **сомнение или несогласие** с мнением (*Ну уж, Ой ли, Прямо-таки, Блажен, кто верует!*), **разочарование или раздражение** (*Ну вот..., Вот тебе бабушка и Юрьев день!, Опять двадцать пять!*), **отказ** (*Еще чего!, Держи карман шире!, Разбежался!, Жди, как же!*), **удивление** (*Вот это да!, Боже мой!*), **одобрение, удовлетворение** (*Так его (ее/их); То-то же; Молоток!; Знай наших!; Другое дело!*), **восторг** (*О как!, Ура!, Блеск!*) и т.д.

Одной из самых сложных подгрупп коммуникативов можно считать сочетания частиц, или грамматические идиомы. Описывать такие сочетания непросто, поскольку одно и то же сочетание частиц используется в разных синтаксических построениях. Рассмотрим в этой связи сочетание НУ КАК.

Данное сочетание встречается

- (1) как свободное присоединение усилительной частицы *ну* к частице *как* в разных ее значениях,
- (2) как идиоматически связанное сочетание в нарративных текстах, где оно выполняет функцию коннектора (союзного средства) и
- (3) как идиоматически связанная реплика диалога, имеющая особые прагматические условия употребления в речи.

Рассмотрим перечисленные позиции поле подробно.

- (1) Свободное присоединение усилительной частицы *ну* к частице *как* в разных ее значениях:

Она ну как ребенок. Ну как тебе сказать? Ну как ты мог пойти на такое!

Чтобы доказать свободный характер таких сочетаний следует найти какое-нибудь слово, которое можно будет поставить между двумя частицами, либо удалить частицу *ну* из предложения. Ср.:

Она ну просто как ребенок. Она (ну) как ребенок.

(Ну) Как тебе сказать?

(Ну) Как ты мог пойти на такое!

(2) Идиоматически связанное сочетание, встречающееся чаще всего в нарративных текстах в значении модального коннектора: (А) НУ КАК ОНИ ПЕРЕДУМАЮТ – ‘ЧТО ЕСЛИ + опасение говорящего по поводу реализации в будущем предмета речи’.

В нашем доме живут несколько известных сатириков. Сам великий Ленч живёт в нашем доме А ну как разозлится да бабахнет фельетон в Крокодиле! (В. Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру).

А ну как Владимир Путин захочет, наконец, иметь реального, а не технического премьера? [А. Рыклин. Спор правительствующих субъектов (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.03.24].

В данных употреблениях разорвать компоненты сочетания **ну как** вставкой другого слова или элиминацией частицы **ну** невозможно. Данное сочетание абсолютно идиоматично, оно используется в контекстах будущего времени с семантикой возможности, которая вызывает у говорящего определенные опасения.

(3) Идиоматически связанная самостоятельная реплика диалога, имеющая особые прагматические условия употребления в речи.

Коммуникатив, самостоятельная вопросительная реплика – НУ КАК?, образованный из реплики *(Ну) как дела?* Отличие от исходного этикетного варианта содержится в обязательной пресуппозиции вопроса. Спрашивающий знает об имевшем место событии и демонстрирует интерес к его результатам. Ср.:

Анна вышла из такси. Вытащила чемодан, коробки с подарками. Азербайджанцы надарили национальные сувениры. — Ну как? — спросила Ирина вместо "здравствуй". Этот вопрос вмещал в себя многое: видела ли Кямаля? Передала ли конфеты? Как он тебе показался? (Т. Виктория. Своя правда).

— Приветствую вас.

— Моё почтение, — ответил Фред.

— Ну как?

— Да ничего.

Юноша разочарованно приподнял брови: — Совсем ничего?

(С. Довлатов. Чемодан).

Коммуникативы имеют неявные прагматические характеристики, предопределяющие и ограничивающие их употребление в той или иной ситуации. Ср. экспериментальное использование в одном контексте близких по значению единиц с центральным компонентом НЕТ при выражении отрицания и несогласия:

— Вы знаете Марию Петровну?

— Нет.

—[?] Да нет.

—[?] О нет.

—^{??} Нет-нет (Не-не).

—^{??} Ну нет.

—^{??} Нет уж.

—^{??} Э, нет!

Носитель языка может легко заметить, что каждый из вариантов ответа, предложенный в скобках, либо требует описания особых условий употребления, либо вообще невозможен для такого контекста. Это особые знаки ментального взаимодействия коммуникантов, наполненные когнитивными и социальными компонентами смысла. Однако попытки вытянуть объяснение относительно значения и употребления каждой из единиц у носителей языка,

даже имеющих филологическое образование, обычно не дают хороших результатов: носителя языка почти безошибочно пользуются коммуникативами, но делают это автоматизировано, не задумываясь над особенностями и границами употребления таких единиц. Неслучайно в русских грамматиках и учебных пособиях коммуникативы относят к классу междометий, хотя многие из этих единиц вообще не выражают эмоций. Одним из следствий такого положения дел является проблематичность адекватного перевода коммуникативов на другие языки и обучения им иностранных студентов. Между тем, роль этих реплик в диалогической речи крайне велика. Незнание значения того или иного коммуникатива часто приводит к неверному осмыслению диалога, особенно в его письменной реализации.

В докладе будут рассмотрены некоторые из коммуникативов, описаны их значения и условия адекватного употребления в диалоге.

Литература

Андреева 2006 – *Андреева С.В.* Речевые единицы устной русской речи: Система, зоны употребления, функции. М., 2006.

Арутюнова 1970 – *Арутюнова Н.Д.* Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1970. С. 44-58.

Викторова 1998 – *Викторова Е.Ю.* Коммуникативы в речевом поведении русских и англичан // Филологические этюды. Саратов, 1998. Вып. 2. С. 171–173.

Колокольцева 2001 – *Колокольцева Т.Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград 2001.

Шаронов 1996 – *Шаронов И.А.* Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания.// Русистика сегодня № 2, 1996, с. 89-112.;

Шаронов 2011 – *Шаронов И.А.* Фразеологические коммуникативы с компонентом Бог (проблемы лексикографического описания) // Взаимодействие языка и культуры в коммуникации и тексте. Красноярск. 2011. С. 259-263.

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ УЗУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

Э. И. Зогранян, Т. М. Мерабишвили,

Тбилисский университет им. Сулхан-Саба Орбелиани, Тбилиси, Грузия

Статья посвящена анализу некоторых аспектов дискурсивной реализации узуальной метафоры, связанной с понятием «время» на материале русского языка. В дискурсивном анализе метафора может быть представленной в качестве языковой единицы, служащей для акцентуации авторской интенции, которая в конкретном дискурсивном контексте мотивирует его историко-культурную релевантность. Узуальная метафора понимается нами как структура концептуализированного знания повышенной информативной плотности, семантические транспозиции в которой основаны на аналогиях, национально-детерминированных образах мира, принятых в данном языковом коллективе
ключевые слова: дискурс, когнитивная база, метафора, время, культурный код.

DISCURSIVE REALIZATION OF USUAL METAPHORS

The article analyzes some aspects of discursive realization of usual metaphors associated with the concept of "time" on the Russian language material. In discourse analysis a metaphor can be represented as a linguistic unit that serves to accentuate the author's intention which in a particular discursive context motivates its historical and cultural relevance. A usual metaphor is understood as a structure of conceptualized knowledge of increased informative density, semantic transpositions of which are based on analogies, nationally-determined images of the world accepted by the particular linguistic community.

Keywords: discourse, cognitive base, metaphor, time, cultural code.

В современной лингвистике дискурс исследуется как онтологически сложное явление процесса обмена смыслами и информацией. Термин «дискурс», как он понимается в современной лингвистике, близок по смыслу к понятию «текст», но этим термином подчеркивают динамический, разворачивающийся во времени характер языкового общения, в котором язык является материальной субстанцией дискурса, а объективация его содержания связана с целым рядом коммуникативно-прагматических и экстралингвистических факторов, включая социальный и культурный контекст, в котором создается и функционирует дискурс.

Лингвистический анализ этого феномена предполагает интегративный подход к объекту, который предполагает исследование статических и динамических характеристик дискурса, связанных с его порождением и восприятием. Такой подход к объекту исследования базируется на современном понимании органического единства языка и речи, которое реализуется в речевой деятельности через языковую и речевую активность индивида, и восходит к глубоким традициям анализа языка и речи, накопленным в лингвистике.

Дискурсивный анализ тесно связан и с проблемой лингво-когнитивных исследований, в которых актуальное смысловое наполнение лексических единиц анализируется как языковая экспликация когнитивной базы. Согласно В. А. Масловой, когнитивная база – это научный конструкт, который представляет собой определенным образом структурированную совокупность обязательных знаний лингвокультурного общества, которыми обладают все говорящие на данном языке: не только сведения о мире, но и знание языка и знание о языке, совокупность национально-детерминированных и минимизированных представлений [2007]. Когнитивная база является неотъемлемой частью культурного пространства, в котором фигурирует любая институциональная разновидность дискурса.

Таким образом, дискурсивный анализ тесно связан с и проблемой функционирования лексических единиц, дискурсивная реализация которых может вносить в лексическое значение контекстуально обусловленные

«несущественные, но устойчивые признаки выражаемого... понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян, 1995: 159].

Статья посвящена анализу некоторых аспектов дискурсивной реализации узуальной метафоры, связанной с понятием «время» на материале русского языка. Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет. В дискурсивной практике метафора является важным средством «воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно для ученого анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового... и национального самосознания» [Чудинов, 2001: 10].

В дискурсивном анализе метафора может быть представленной в качестве языковой единицы, служащей для акцентуации авторской интенции, которая в конкретном дискурсивном контексте мотивирует его историко-культурную релевантность. Узуальная метафора понимается нами как структура концептуализированного знания повышенной информативной плотности, семантические транспозиции в которой основаны на аналогиях, национально-детерминированных образах мира, принятых в данном языковом коллективе.

Анализируя дискурсивную реализацию узуальной метафоры, связанной с понятием «время», мы отталкиваемся от того, что в истории культуры обобщенно выделяются две базовые модели времени: циклическое (архаическое, мифологическое) и линейное время (связка «время-пространство»). К архаическому мировосприятию восходят устойчивые метафорические образы, основанные на антропоморфном коде: *время идет, время летит, время тянется, время течет, время пришло, время остановилось, время бежит, время мчится, время ползет* и т. п., в каждом из которых семантические транспозиции связаны с семой *движение* и градуальностью передаваемого признака.

Синкретизм, т. е. нерасчлененность, отражает целостность познаваемого мира, включая время как его составляющую часть. На синкретическом восприятии действительности выстраиваются языковые метафоры типа *время течет*, восходящая к языковой модели с прямым значением *вода течет*. Сравнение разнородных объектов приводит в языковой картине мира к возникновению нового образа, где семантическим посредником метафоризации являются семы «вода» и «движение». Отсюда и столь активное в языковом сознании уподобление времени различным водным потокам: *река времени, поток времени*.

По мнению А. Н. Веселовского, связи, порожденные синкретическим восприятием разнородных физиологических раздражений, можно рассматривать как «психологический параллелизм» [Веселовский, 1989: 90]. Как действие процесса психологического параллелизма могут быть рассмотрены и устойчивые образы, в которых концептуализируется метафорический образ *время- высшая сила: время рассудит, время научит, время накажет, время расставит по своим местам, время пощадит/не пощадит*, в которых оно олицетворяется ментальными глаголами. Приведенные словосочетания регулярно встречаются в письменном и устном дискурсе, что превращает их в штампы с ослабленной, стертой экспрессивностью. В перечисленных коллокациях фиксируется и закрепившееся в русском языковом сознании: *время – носитель мудрости и справедливости*. Однако в дискурсивных практиках этот оценочный признак может уступать место сочетаниям, в которых время оценивается как *ужасное, страшное, опасное, чудесное, прекрасное, веселое* и т.п. Полагаем, что этот факт фиксирует амбивалентность, свойственную русскому языковому сознанию.

Время в русском языковом сознании имеет качественную характеристику: оно должно быть событийным; если оно не заполнено делами, событиями, время оценивается как *потраченное впустую*, что при дискурсивной реализации передается коллокациями: *убить время, время пропало*.

Концептуальная база складывается из множества составляющих, она отражает свойства сознательного и бессознательного слоев психики. Бессознательное восходит к архетипической памяти человека, которое находит языковое воплощение в следующих образах: *канва времен, с незапамятных времен*, в которых одновременно

отражается восприятие времени, гармонирующее и с природными циклами, и осмысление времени в линейной протяженности и бесконечности.

С точки зрения частотности, наиболее продуктивным для материализации идеи времени в дискурсе является пространственный образ и его языковые экспликативы, например: *отрезок времени, промежуток времени, линия времени, путешествовать во времени* и т.п.; символика уподобления времени потоку, реке: *река времени, время течет* и т.п.; его измерение в узуальных генетивных метафорах со значением множественности, в которых опорным компонентом являются номинаторы водных пространств: *бездна времени, океан времени* и т.п., а также сочетания: *бездна времени, пропасть времени, уйма времени* и т.п.

Позднейшее осмысление феномена, связанное с переносом стихийного в сферу социальной и духовной жизни человека, фиксируется в целом ряде устойчивых сочетаний, например: *печать времени, следы времени (сема старение + контекстуальная сема, например, опыт)*.

Как отдельный промежуток, некоторый период время задается следующими метафорическими конструкциями: *время тревог, время надежд, время раздумий*.

Таким образом, дискурсивная реализация узуальной метафоры, связанной с понятием «время» в русском языковом сознании, отражает универсальные (сравним: *время летит - Time is flying*) и этноспецифические предметно-логические связи (*час пробил, последний час*); основывается на универсальных культурных кодах: антропоморфном (*время бежит, ползет* и т.п.); пространственном (*отрезок времени, линия времени* и т.п.); предметном (*река времени, поток времени* и т.п.); теоморфном, божественном (*время накажет, время рассудит* и т.п.).

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды // Том I. Лексическая семантика. 1995.-159 с;
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Москва, 1989. – 90 с.;
3. Маслова В. А. Понятия когнитивной лингвистики. Томск, 2007. - 180 с.;
4. Чудинов А. П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: Языковая личность, текст, проблемы обучения. Санкт-Петербург, 2001.- 10 с.

О ПЕРВОМ САКРАЛЬНОМ ПЕРЕВОДНОМ ТЕКСТЕ С РУССКОГО ЯЗЫКА НА «КАВКАЗСКИЙ»

Доктор филологических наук, профессор
Т.Т.Сихарулидзе, (Ататюркский
университет, Эрзурум, Турция)
Ассоциированный профессор Т.Т.Сихарулидзе
(Государственный университет Ильи, Тбилиси, Грузия)

Русский и удинский языки, перевод Нового Евангелия

Резюме : В статье рассматриваются различные вопросы некачественного перевода Нового Евангелия с русского на удинский язык, обусловившего в царское время остановку важного проекта восстановления православия на Северном Кавказе.

ABOUT THE FIRST TRANSLATED SACRAL TEXT FROM RUSSIAN TO OTHER CAUCASIAN LANGUAGE

Summary: In the present article different questions of unqualified translation of New Testament from Russian to Udi language are discussed, that, during Tsarist Regime, has stopped important project of rehabilitation of Orthodox religion in the North Caucasus.

Key words: Russian, Udi, translation of New Testament

Культурно-историческое значение первого переводного текста с русского на кавказские языки переоценить невозможно, однако плохая реализация проекта дала обратный результат.

За четыре года до официального окончания русско-кавказской войны « 9 июня 1860 г. в Царском селе князю Барятинскому вменили в обязанность по «Высочайшей грамоте Государя Императора», учреждение Общества восстановления православия на Кавказе, предназначавшегося для «деятельности на пользу церкви Христовой».

Осуществление поставленной задачи без наличия соответствующей христианской литературы не представлялось возможным. На первом этапе было решено перевести святую книгу христианства, Новое Евангелие, на удинский (древнеалбанский) язык - язык единственной этнической группы среди дагестанских и в целом северокавказских народов, сохранивших христианство.

Как известно, в результате ныне труднообъяснимого культурного катаклизма этот народ утратил алфавит и соответственно все литературные письменные памятники, созданные древними кавказскими албанцами. В связи с отсутствием у удин письменности и возникла необходимость ее создания.

В целом проблемой создания письменностей для кавказских языков занимался генерал российской армии П.К. Услар. Используя алфавиты П.К.Услара, попечитель кавказского учебного округа М.Р. Завадский составил во второй половине XIX в. алфавит для удинского языка, не упоминая при этом имени автора.

Сам перевод Евангелия с русского на удинский поручили удину по национальности – М. Бежанову.

Судя по количеству и «качеству» погрешностей, переводчик, к сожалению, не имел ни малейшего представления о тонкостях перевода религиозного текста.

Однако объективность требует признать, что не все погрешности обусловлены некомпетентностью переводчика, в некоторых случаях источником ошибок являлся сам русский, условно говоря, «оригинал». Хотя, следует отметить, что этих неточностей можно было избежать, если бы переводчик обращался к исходному тексту на древнегреческом или древнееврейском языках.

Ниже рассмотрим недочеты в русском тексте Нового Евангелия, а затем перейдем к неточностям, допущенным в удинском тексте переводчиком.

Итак, Ев. от Матфея 3. 4: Сам же Иоанн имел одежду из *верблюжьего волоса* и пояс кожаный на чреслах своих (Новый завет, 1902, 3. 4)

Полагаем, вместо словосочетания «верблюжьего волоса» должно быть - верблюжьей шерсти, что подтверждается соответствующими стихами французского и грузинского Евангелия. В первом случае дано: Le vetment de Jean etait fait *de poils de chameau* et il portait une ceinture de cuir autour de la taille (La Bible, Ancien et Nouveau testament, 1992 : 3.4), – “одежда Иоанна была изготовлена (сделана) из *верблюжьей шерсти*, и он носил кожаный ремень вокруг поясицы».

Во втором случае написано: თვითონ იოანეს ემოსა აქლემის ბეწვის სამოსი და წელზე ერტყა ტყავის სარტყელი (ახალი აღთქმა და ფსალმუნები, 1992 : 3.4). В грузинском для обозначения стриженной овечьей шерсти используется слово მბატყელი, однако и слово ბეწვი имеет значение «шерсть». В ბეწვი (პირუტყვისა) ბეწვი - шерсть. (დათიკაშვილი, 1953:186)

Полагаем, все сомнения по этому поводу снимает древнегреческий текст, в котором интересующее нас слово trixos (Novum testamant GRAECE : 3.4) имеет значение «шерсть, руно» (Древнегреческо-русский словарь, 1957 : 796);

Таким образом, неточность удинского перевода в этом стихе обусловлена неточностью русского перевода, следовательно, вместо слова, обозначающего волос – удинское ფოფ, необходимо дать удинское слово ხა «шерсть». Поэтому рассматриваемое сочетание ბუშე ფოფებო bushe porpuxo «из верблюжьего волоса» желательно заменить на ბუშე ხახო bushe хахо «из верблюжьей шерсти, пуха». И кстати, верблюжья шерсть на 80-85% состоит из верблюжьего пуха, а не волоса.

Ев. от Матфея 21.33. «Выслушайте другую притчу. Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем *точило*, построил башню, и, отдав его виноградарям, отлучился».

В рассматриваемом стихе, с нашей точки зрения, имеется следующая неточность, а именно фраза: «Был некоторый хозяин дома...» - не является верной. В древнегреческом слово oikodespotes (Древнегреческо-русский словарь, 1957 : 1156) имеет значение хозяин дома, а в толковом словаре греческого языка указывается два значения : господин дома и хороший хозяин. Вероятнее всего, контексту соответствует значение “хороший хозяин”, поскольку «некоторый хозяин дома» в данном случае не несет нужной смысловой нагрузки. Имеется в виду хороший, рачительный хозяин, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем давилню, построил башню..., т.е не только посадил виноградник, но и позаботился о его охране, а также подумал о дальнейшей судьбе урожая, сделав там давилню для винокурения.

Еще одним подтверждением излишества слова *дом* является другое слово, а именно *башня* πύργος (Древнегреческо-русский словарь, 1957 : 1443). И ныне в Грузии такого рода сторожевые сооружения (или просто шалаши) для охраны виноградника строятся только в том случае, если последний расположен не у дома, а в отдалении, поэтому, полагаем, слово *дом* не несет какой-либо смысловой нагрузки и выпадает из контекста.

Значению слова *башня* в удинском и грузинском текстах полностью соответствует слова მობაზა minaga и კოშკი koshki, а вот во французском Евангелии дано tour de garde «сторожевая башня». Определение «сторожевая» несколько уточняет функциональную нагрузку слова башня и еще более укрепляет наше положение.

В этом же стихе представлено слово *точило* toshilo, которому в удинском тексте соответствует слово მარაბ maran. В словаре удинского языка для слова *maran* дано два значения 1. склад, погреб; 2.точило, брусок (В.Гукасян, 1974 : 170). Однако ни одно из этих значений не соответствует значению слова *точило*, данного в русском тексте. Автор русской части Евангелия для обозначения *давилни* davilna использовал диалектную форму *точило* - точило ср. гнет, жомь, устройство для выжимки виноградного сока; (В.Даль, 1955 : 423).

Переводчик-удин либо никогда не сталкивался с виноделием, что маловероятно, либо отсутствие переводческого опыта и недостаточное знание русского языка (конкретно его диалектных форм) предопределили неверный перевод. Поэтому вместо *давилня* (т.е. точила) и присутствует *maran* (т.е.склад, погреб).

Здесь, несомненно, должно быть слово *давилня*, как у грузин სავსებელი saspexeli, у французов pressoir.

Все сомнения снимает древнегреческий текст, где дано значение *lepos* «виноградное точило» (Древнегреческо-русский словарь, 1957 : 1025).

Соответственно в удинском тексте параллелью русскому точило должно быть слово *ბავ ნავ* «давиляня», которое по форме фактически то же, что и грузинское *ბავ-ო* (лодка); *ო* - показатель им.п. Вероятно, это слово заимствовано из персидского (*нав*); кстати, в современном турецком есть слово «навлун» 1) морск. фрахт, 2) плата за проезд на судне (Турецко-русский словарь, 2006 : 417) , а в староосманском имелась форма *nav* со значениями 1) предмет с углублением посередине 2) маленький корабль, лодка (Ferit Devellioğlu: 2005 : 810).⁷⁷

Nav изготовляли из ствола цельного большого дерева (в середине по всей длине и ширине выдалбливалась емкость, в которую помещали виноград для давки последнего ногами).

Интересующее нас слово, помимо этой главы, встречается в Евангелии от Марка 12.1, в Откровении 14.19 (и бросил в великое точило), 20 (И истоптаны ягоды в точиле за город); 19.15.Он топчет точило вина ярости.

Следующая неточность не требует разъяснений, она очевидна и обусловлена тем, что переводчик дословно перевел слово *масло*.

В русском тексте (Ев. от Матфея 25. 3) : Неразумные, взявши светильники свои, не взяли с собою *масла*; (Ев. От Матфея 25. 4) Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли *масла* в сосудах своих;

Как известно, в русском языке слово *масло* одинаково обозначает *масло сливочное* и *растительное* (постное) : подсолнечное, оливковое, кукурузное, и т.д., т.е. в качестве топлива обычно используется растительное *масло*, а не *сливочное*. Это подтверждается соответствиями из французского и грузинского стихов, в которых даны слова *la huile* (*huile de lin*- льняное *масло*, *huile d' olive*-оливковое *масло*...), в грузинском слово *ზეთი zeti* практически обозначает все виды растительного *масла* с соответствующим уточняющим определением: *ზეთიუნის* (оливковое): *ძუესუმზირის* (подсолнечное), *სობობდის* (кукурузное)...

Для обозначения же *сливочного масла* в грузинском и французском используются другие лексемы: *კარაქი karaki* и *le beurre*.

Такое же явление наблюдается и в удинском языке. Для выражения понятий *масло сливочное* и *масло растительное* используются слова с разными корнями: для первого- ჭაბ *chajp* для второго - ზეთ *zet*.

Отсутствие определения (*сливочное, растительное*) при слове *масло* в русском тексте обусловило ошибку в удинском: Вместо *ზეთ* «*масло растительное*» дано ჭაბ «*масло сливочное* ».

В древнегреческом Евангелии в соответствующем стихе дано [elaion]ⁱⁱ «оливковое *масло*»(*Novum Testament GRAECE... 1904*).

В связи с допущенной неточностью удинский текст читается следующим образом (Ев.от Матфея 25. 3.): Неразумные, взявши светильники свои, не взяли с собою *сливочного масла*; (Ев. От Матфея 25.4.). Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли *сливочное масло* в сосудах своих;

Слово *масло* встречается также в Евангелии от Луки: 16. 6. Он сказал: сто мер *масла* и т.д.

В 3-ем стихе необходимо отметить еще одну синтаксическую неточность, искажающую содержание предложения в целом: ჰაკლახო, სუბუტღონ იზლო ჩირაღო აცი თუყუნ აცი იზხოლო.ჭაინ;4.ჰაკლუტუღონ გენა იზლო ჩირაღოხო,სა გალა აყუნყე ლეკერღობომ ჭაინ.

В русском тексте подлежащее выражено субстантивированным прилагательным - *неразумные*- и после него деепричастный оборот заключен в запяты. В удинском переводе так же, как в русском, запятая поставлена после первого слова, разделяя сложное подлежащее, выраженное синтаксически неделимым сочетанием: ჰაკლახო-სუბუტღონ *haklaxo-subutghon* (букв. от ума легкие,т.е. умом легкие, или легкомысленные), после которого и следует поставить запятую. В противном случае, если поставить запятую после первого компонента композита, как дано в

⁷⁷ Эту информацию уточнил и предоставил нам ассистент кафедры русского языка и литературы Эрзурумского Атапюркского университета Мурат Йылмаз.

удинском тексте, то утрачивается смысл: Умные (должно быть неразумные), легкие взявши светильники свои, не взяли с собою сливочного масла...

Помимо рассмотренных случаев неточного перевода, искажающих содержание Евангелия, имеются случаи различного рода нарушений принципов орфографии, неоправданных интерпретаций переводчика, злоупотребления иностранными заимствованиями при наличии собственно удинских лексем...

Неудачный перевод Евангелия, осуществленный в конце XIX в. и изданный в Тбилиси в начале двадцатого века (1902 г.), был первым и последним переводом подобного рода, выполненным в царский период на один из кавказских языков. Больше попыток перевода сакральной литературы не предпринимали.

Смысловые, фонетические, морфологические и синтаксические погрешности, искажающие содержание Евангелия, отрывали содержание перевода от оригинала и, помимо святотатства, могли породить ересь и сектантство.

Итак, как бы незначительный факт непродуманного и несерьезного отношения к переводу только одной единственной Святой книги, на самом деле, в значительной степени обусловил нулевой результат серьезного государственного мероприятия восстановления православного христианства на Северном Кавказе.

Литература

СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках, Тифлиси, 1902.

La Bible, Ancien et Nouveau Testament, Traduit de l'hebreu et du grec en francais courant, Alliance biblique universelle, 1992.

ახალი აღთქმა და ფსალმუნები, ბიბლიის თარგამანის ინსტიტუტი, სტოქჰოლმი, 1992.

დათიკაშვილი. ქართულ-რუსული ლექსიკონი, თბილისი, 1953.

Novum Testamentum GRAECE fparu et libris manu scriptis collecto curavit eberhard Nestle, Stuttgart, 1904

Древнегреческо-русский словарь. М., 1957.

В.Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь, Баку, 1974

В.Даль. Толковый словарь, М., 1955.

Турецко-русский словарь, под редакцией Рыбальченко, М., 2006.

Ferit Devellioğlu. Osmanlıca-Türkçe Luğat, Aydın Kitabevi, Ankara, 2005.

Эту информацию нам предоставил магистрант кафедры русского языка Эрзурумского Ататюркского университета Мурат Йылмаз, за что выражаем ему признательность.

A. Shiefner. Versuch Über die Sprache der Uden, St. PETERSBURG, 1863.

Евг. Джейранишвили, Удийский язык (на груз. языке), Тбилиси, 1971

ОБ УЧЁТЕ КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НЕ РОДНОМУ

С.К. Кенжегалиева, А.Н. Каргашёва

В статье рассматриваются проблемы когнитивного восприятия студентами казахского отделения неязыковых факультетов русских художественных текстов.

Ключевые слова: лакуны, концептосферы, когнитивные ошибки.

IN CONSIDERATION OF COGNITIVE ASPECTS OF THE TEXT OF ART WHEN LEARNING RUSSIAN LANGUAGE AS NON- NATIVE

In the article are under consideration problems of cognitive perception by students Kazakh department non - Linguistic faculties of Russian texts of art.

Key words: lacunas, kontseptosfers, cognitive mistakes.

Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, Республика Казахстан

Любое художественное произведение является источником онтологических знаний, поэтому анализ литературных текстов связан с когнитивным аспектом языковых явлений. В связи с этим особое внимание необходимо обратить на изучение этнокультурных особенностей и порождения, и восприятия художественных текстов на изучаемом языке. Национально-культурная маркированность слов влияет как на восприятие и понимание, так и на адекватность словоупотребления.

Необходимость соотнесения разных картин мира возникает при чтении материалов, воплощающих индивидуальный авторский способ восприятия мира и представляющих собой отражение этнокультурного мироощущения автора.

Проблема межкультурного речевого общения народов, долгое время живущих рядом, тесно связана с языковым сознанием коммуникантов и вызывает усиленный интерес к этнолингвистическому и онтологическому аспектам теории текста. Контрастивный анализ культурных особенностей взаимодействующих народов предполагает некий минимум знаний о чужой лингвокультурной общности, необходимый для адекватного участия в межкультурном диалоге.

Не каждое художественное произведение на чужом языке укладывается в рамки привычного мироощущения иноязычного читателя. Для правильной интерпретации текста требуются не только языковые знания читателя, но и знания этнографических особенностей мира, изображённого в читаемом произведении.

При исследовании концептосфер изучаемого произведения студенты часто встречаются с явлением, когда ключевые слова, определяющие структуру текста, детерминирующие художественный замысел автора, вербально не эксплицированы.

Рельефно особенности языка проступают в специфике слов с этнической семантикой. Чтобы понять лексические единицы подобного рода, необходима общность знаний об употребляемом языке и историко-культурном прошлом и настоящем, т.е. общность необходимых для понятия ситуации когнитивных моделей.

Обычно человеку трудно «манипулировать словесными ярлыками, не связанными с личным непосредственным опытом»; он делает предположение о значении незнакомого слова на основе индивидуальных знаний, собственного мироощущения, часто не совпадающих с ментальной системой автора.

Лексические лакуны, широко распространённые в русском языке и являющие одну из характерных сторон его лексической системы, в силу того, что социальный, культурный и исторический опыт казахских студентов отличается от того опыта, что закреплён в русском слове, приводят к серьёзным ошибкам в речи студентов при изучении ими русского языка.

К каким когнитивным ошибкам у адресантов приводит несовпадение концептуальных систем, вызванных отсутствием у них этнокультурной компетенции, являющейся неотъемлемой чертой менталитета автора текста, показывает эксперимент, проведённый нами в казахских группах неязыковых факультетов.

Цель эксперимента заключалась в следующем: доказать, что лакуны русского языка представляют трудность для казахских студентов при понимании ими письменного или устного высказывания, так как расхождение национальных культур и несовпадение или отсутствие экстралингвистических знаний предопределяет разное восприятие описываемых явлений или предметов и является определённым барьером при получении информации на русском языке.

К эксперименту были привлечены студенты I курса казахского отделения неязыковых факультетов в количестве 50 человек. Для того, чтобы степень достоверности результатов экспериментальной проверки исходного уровня знаний студентов была достаточно высокой, контрольные срезы проводились на различных видах заданий: перевод текста, содержащего лакуны, на казахский язык, изложение на русском языке по этому тексту, анкетирование.

Уровень владения русским языком студентов выбранных групп примерно одинаковый. Большинство студентов приехали из сельских местностей, основное население которых составляют казахи; отсутствие языковой среды привело к тому, что все они получили знания по русскому языку в основном в школе.

Приступая к изучению вопроса об уровне первоначального владения студентами описываемыми единицами, мы решили выяснить степень понимания ими значений отдельных лакун. С этой целью анкетированным в рамках словарной работы было дано задание перевести на казахский язык слова, входящие в разряд лакун, извлечённые из текстов по русской литературе, которые студенты будут изучать в формате самостоятельной работы.

Анализ ответов показал, что в основном индекс переводимости (обозначим так слова, которым дано наибольшее количество правильных ответов) оказался высок только у части предложенных слов.

Для получения картины знакомства студентов с абсолютными этнографическими лакунами им было предложено задание раскрыть значение следующих слов: дворянин, крепостной, подмастерье, подпасок, поднадзорный, разночинец, самодержец, усадьба; аракчеевщина, столыпинщина; душегрейка, лапти, кокошник; водяной, леший, оборотень, русалка и др. В список были включены слова, часто встречающиеся в художественной литературе, в русских народных сказках; историзмы, фольклорная лексика, слова, обозначающие русскую национальную одежду.

К сожалению, ответы на русском языке единичны и большей частью выражаются в попытке подобрать синоним к объясняемому слову, к примеру, подпасок - помощник, усадьба - участок земли. Основная масса ответов дана на казахском языке или смеси казахского и русского языков, но тоже односложны.

Значения слов «дворянин» и «крепостной» пытались раскрыть все студенты, но данные ответы неконкретные и неполные. Типичные толкования: дворянин - «человек богатый, грамотный, имеющий деньги и слуг»; крепостной - «бедный человек, крестьянин» и один ответ: крепостной - «богатый, имеющий крепость».

Ни один из анкетированных не раскрыл значений слов «аракчеевщина», «леший», «оборотень»; четверо объяснили слово «столыпинщина» - «сторонник Столыпина, защитник Столыпина (но никто не смог объяснить, кем были в русской истории Аракчеев и Столыпин, правильно ли ставить этих людей на одну доску).

Представляют интерес неверные ответы: подмастерье - человек, который что-то мастерит, өте шебер зергер (искусный ювелир), шебер (мастер), шеберхана (мастерская); подпасок - человек, который пасёт животных, көмекші (помощник); разночинец - чинитель разных вещей.

При изучении программной темы «Человек. Портрет. Характер» было проверено знание студентами значений слов, характеризующих человека, поскольку среди подобных слов часто встречаются лакуны. Студентам было предложено ответить, как характеризуют человека слова буквоед, молокосос, недотёпа, недотрога, скряга и др.

Значения большинства слов были определены неверно. Много ответов, которые показывают, что студенты пытались исходить из значения мотивирующего слова, к примеру: молокосос - ребёнок, сосущий молоко, соска для молока.

Немало ответов, в которых даются общие характеристики типа «это хороший человек», «это плохой человек».

Нередко встречаются ответы, в которых данная студентами характеристика совершенно ничем не мотивирована: недотёпа - ничего не знающий человек.

Чаще всего информанты стараются угадать ответ, что говорит о том, что с данными словами они не знакомы. Например: буквоед - обучающий письму, работающий с буквами, пропускающий буквы при письме, много читающий, человек, который заикается, учёный.

Затруднения у студентов вызвал перевод безэквивалентных прилагательных, обозначающих цвет, часто встречающихся в стихах С. Есенина.

Нас интересовало также, смогут ли студенты правильно расставить ударения в коммуникативно-активных лакунах русского языка, с которыми они часто встречались, даже если они и не знают точно их значений

Затруднение вызвало задание по выявлению знаний студентов по синонимике стилистических лакун.

Трудность представляют и случаи стилистической дифференциации слов в русском и казахском языках.

Достаточная частотность ошибок, их общий характер позволяют рассматривать ошибки как проявление регулярного процесса.

Работа над повышением уровня коммуникативной компетенции студентов должна обязательно включать и систему изучения русских лексических лакун. Это даст возможность естественного обращения к страноведческим, или вернее руссиеведческим фактам, отразившимся в языке, поднимет интерес к его изучению, привлечёт внимание студентов к границам употребления значений, сочетаемости, образности слова.

Рассмотрение подобных слов особенно ценно в воспитательных целях и создания через них большой прочности навыков владения языком.

ИДИОГЛОССА «СВЕКОР» В ЯЗЫКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ» С.Т. АКСАКОВА

С.Б. Аюпова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа (Россия)

Б. Гюнеш

Ататюркский университет, Эрзурум (Турция)

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 13-14-02011)*

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу роли в языковой художественной картине мира С.Т. Аксакова идиоглоссы «СВЕКОР», представленной в «Семейной хронике» и отраженной в словаре языка этого писателя.

Ключевые слова: русская литература XIX века, С.Т. Аксаков, писательская лексикография, идиоглосса, языковая художественная картина мира.

Annotation. The article is devoted description and analysis of role in the linguistic artistic picture of the world of S.T. Aksakov idiomglossa «FATHER-IN-LAW», presented in the «Domestic chronicle» and reflected in the dictionary of language of this writer.

Keywords: Russian literature of the XIX century, S.T. Aksakov, writer lexicography, idiomglossa, linguistic artistic picture of the world.

В современной антропоцентрической парадигме науки наблюдается всплеск интереса к языковой художественной картине мира, к писательской лексикографии, к творчеству С.Т. Аксакова. По мнению П.И. Федорова, «в отечественном литературоведении происходит переоценка места и роли Сергея Тимофеевича Аксакова в истории русской литературы. Из третьестепенного писателя он на наших глазах превращается в основателя традиции русского семейного романа, включающей в себя такие всемирно признанные шедевры, как «Война и мир» и «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, «Подросток» и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, «Жизнь Арсеньева» И.А. Бунина, «Лето Господне» И.С. Шмелева, «Тихий Дон» М.А. Шолохова и другие» [3, 3]. В связи с этим перед коллективом ученых кафедры русской литературы и кафедры русского языка Института филологического образования и межкультурных коммуникаций Башкирского государственного университета им. М. Акмуллы стоит первоочередная задача – создание в рамках проекта РГНФ словаря языка С.Т. Аксакова, в частности, словаря языка «Семейной хроники».

Словарь языка «Семейной хроники» С.Т. Аксакова представляет собой идиоглоссарий – совокупность идиоглоссы, то есть ключевых слов, единиц «прагматического уровня в структуре языковой личности» [2, 896]. Иллюстративный материал, снабженный указанием в круглых скобках на номер страницы, приводится из Собрания сочинений С.Т. Аксакова в пяти томах [1]. Создавая словарные статьи на материале данного произведения, опираемся на принципы их организации, изложенные в «Словаре языка Достоевского» [2].

Словарная статья разделена на семь зон:

1. Адресная зона.
2. Количественные характеристики лексикографируемой единицы в тексте.
3. Корпус словарной статьи:
 - 3.1. Описание каждого из значений лексикографируемой единицы.
 - 3.2. Описание употреблений слова в составе собственных имен (если они есть).
 - 3.4. Описание употреблений слова в составе:
 - 3.4.1. Фразеологических единиц (если они есть);

3.4.2. Пословиц и поговорок (если они есть).

4. Словоуказатель

5. Комментарий и примечания

6. Указание на использование описываемого слова в чужой речи (если она представлена в тексте)

7. Словообразовательная окрестность (если есть производные слова у лексикографируемой единицы в тексте).

При этом в Комментариях использованы следующие стандартные обозначения (аббревиатуры):

АФРЗ – фразы с описываемым словом, употребляются как афоризмы или способны стать афоризмами.

НРЗН – употребление текстоформ описываемого слова, в котором разные их значения не различаются.

ИГРВ – игровое употребление описываемого слова.

КОМБ1 – использование в одном контексте двух или нескольких текстоформ с разными значениями.

КОМБ2 – использование в одном контексте нескольких слов того же словообразовательного гнезда.

СМВЛ – символическое употребление слова.

АССЦ – ближайшее ассоциативное окружение описываемого слова.

СЧТ1 – подчинительные связи слова.

СЧТ2 – связи слов, отличные от подчинительных.

НСТ – нестандартная сочетаемость и управление.

МРФ – морфологические особенности употребления слова.

ИРОН – ироническое употребление слова.

ТРП – тропетическое употребление описываемого слова.

Известно, какую значительную роль в своей жизни отводил писатель семье, поэтому в «Семейной хронике» описание членов семьи Багровых, отношений между ними оказываются в центре внимания писателя. Каждый член семьи в произведении писателя выступает сразу в нескольких ипостасях. Так, глава многочисленного семейства Багровых – Степан Михалович Багров – это и сын, и муж, и отец, и брат, и свекор, и сват, и дедушка. Лексический «портрет» каждого из этих слов, являющихся в произведении идиоглоссами, помогает лучше понять многогранный образ одного из главных героев «Хроник», сложность его натуры. Особые отношения между двумя неординарными натурами (свекром Степаном Михаловичем и его невесткой Софьей Николаевной) нашли свое отражение в предлагаемой вашему вниманию идиоглоссе «СВЕКОР», характеризующейся высокой частотностью (64 словоупотребления, сравните с частотностью слова *свекровь* – всего 12 словоупотреблений).

СВЕКОР <64>

Отец мужа.

После чаю и шуточных разговоров **свекор** сам пришел к невестке, которая действительно была нездорова, похудела, переменялась в лице и лежала в постели. (74)

Словоуказатель свекор 74, 75, 172, 174, 174, 174, 175, 178, 179, 181, 186, 187, 189, 190, 190, 190, 194, 201, 201, 207, 213, 215, 227 [23]; **свекра** 75, 176, 177, 180, 180, 181, 182, 182, 184, 191, 195, 206, 206, 213, 213, 215, 218, 225, 236, 247, 248 [21]; **свекру** 156, 171, 173, 179, 183, 183, 184, 184, 186, 189, 195, 205, 207, 213, 218, 230 [16]; **свекром** 174, 188, 188 [3]; **свекре** 188 [1].

Комментарий

АФРЗ Свекор души не слышит в невестке. Наконец, и после обеда: «то поди прикажи, то поди принеси...» и множество тому подобных мелочей, тонких вниманий, ласковых обращений, которые, несмотря на их простоту, незатейливую отделку и грубоватую иногда форму, были произносимы таким голосом, сопровождались таким выражением внутреннего чувства, что ни в ком не осталось сомнения, что **свекор души не слышит в невестке.** (213)

АССЦ ласки, любовь, невестка, Степан Михалыч Багров, счастье.

СЧТ1 свекор ее (187), с невесткой (190); **свекра** ласки (75), благосклонность (176), наружность (182), любви (213), любовь (225), неудовольствия (236), полюбила (177) попросила (181), удивило (184), развеселила (206), было жаль

(218), уведомила (247), любит (213), уважает (213), напоить (191), успокоить (206), встревоженного (206), непреклонно (213), строгого (213); **подле свекра** очутилась (180); **у свекра** позволения (180), пребывания (195); **на свекра** надежда (182), взглянула (215); **от свекра** письмо (248); **свекру** поднесла (173), сказала (205), написала (218), подавать (207), угодить (195), из угождения (189); **к свекру** написала (156), обратилась (171), поспешила (184), прибежала (184), ластится (183), прийти (183), написать (230), одному (183), будущему (156), своему (183, 184), ласковость (179), на шею (186), просьбами (213); **свекром** сидели между (174), сидела между (188), восхищенная (188), увлеченная (188), своим (188); **в свекре** пленивших (188).

СЧТ2 Δ Свекор был доволен, продержал (189), был недоволен (175), встретил (178), дал (174), души не слышит (213), говорил (75), нахмурился (201), не отнял и сказал (186), обратил внимание и придал важность (201), остановил и сказал (174), отгадал (215), перекрестил и поцеловал (181), полюбил (190), потчевал (174), пришел (74), развеселился и поверил (207), расхохотался (190), скажет (227), сказал (179), целовал (194), этот человек (187); **свекор и невестка** молились (172); **свекор с невесткой** проезжали (190); **свекру и свекрови** (156); **между свекром и свекровью** (174); **между свекром и мужем** (188).

Из словообразовательного гнезда [СВЕКОР] 74, 75, 75, 156, 171, 172, 173, 174, 174, 174, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 179, 180, 180, 181, 181, 182, 182, 183, 183, 184, 184, 184, 186, 186, 187, 188, 188, 188, 189, 189, 190, 190, 190, 191, 194, 195, 195, 201, 201, 205, 206, 206, 207, 207, 213, 213, 213, 213, 215, 215, 218, 218, 225, 227, 230, 236, 247, 248 [64]; **[СВЕКРОВЬ]** 75, 156, 174, 177, 181, 186, 205, 206, 207, 215, 215, 218 [12].

Таким образом, частотность слова *свекор*, афористичное выражение, в которое оно вошло, ассоциации, вызванные у писателя этим словом, подчинительные и иные связи его в предложении помогают писателю раскрыть светлые стороны образа Степана Михайловича Багрова: способность человека крутого нрава (иногда деспотичного и жестокого) к отеческой любви, ласке, уважению, справедливости по отношению к необычной молодой женщине, вошедшей в его семью, но не связанной с ним кровными узами; ум, мудрость и такт этого необразованного, но очень глубокого и пронзительного человека, которые так восхищают молодую, умную, красивую, светскую, чуткую его невестку. Словарная статья идиоглоссы «СВЕКОР» помогает постичь тайны души главного героя, лучшие стороны его личности, раскрыть вкуче с другими словарными статьями, посвященными Степану Михайловичу Багрову, его целостный образ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений: В 5-ти т. Т. 1. / Под ред. С.И. Машинского. – М., 1966. – 575 с.
2. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. А – В / Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова; главный редактор чл.-корр. РАН Ю.Н. Караулов. – М.: Азбуковник, 2008. – 962 с.
3. Современное аксаковедение: библиогр. указ. за 2006-2011 гг. / сост. и авт. вступ. ст. П. И. Федоров; отв. ред. В. В. Борисова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – 120 с.

Medea Abashidze (Georgia)

PRAGMALINGVISTIC INTERPRETATION OF THE SPEECH ACT "THREAT "

Абашидзе Медея (Грузия)

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЧЕВОГО АКТА «УГРОЗА»

В эпоху глобализации особое значение приобретает осмысление перспектив межкультурной коммуникации, имеющее большое практическое значение. Контактное поле культур преодолело узкие национальные рамки и породило ситуации, когда в рамках единого экипажа взаимодействуют представители разных этнокультур. Принципы ведения межкультурного диалога приобретают особую остроту в экстремальной ситуации, рановидностью которой является ситуация в закрытом пространстве (на корабле). В работе исследуется речевая стратегия угрозы, представляющая собой форму деструктивной коммуникации и анализируется национально-культурная специфика ее выражения в реальной ситуации общения .

The world today is characterized by an ever growing number of contacts resulting in communication between people with different linguistic and cultural backgrounds. This communication takes place because of contacts within the areas of business, military cooperation, science, education, massmedia, entertainment, tourism but also because of immigration brought about by labor shortage or political conflicts. In all these contacts, there is communication which needs to be as constructive as possible, without misunderstandings and breakdowns. It is our belief that research on the nature of linguistic and cultural similarities and differences here can play a positive and constructive role. **Intercultural communication** is a form of global communication. It is used to describe the wide range of communication problems that naturally appear within an organization made up of individuals from different religious, social, ethnic, and educational backgrounds. Intercultural communication is sometimes used synonymously with cross-cultural communication. In this sense it seeks to understand how people from different countries and cultures act, communicate and perceive the world around them. As a separate notion, it studies situations where people from different cultural backgrounds *interact*. Cross-cultural dialogue represents process of communication of "lingual persons" who have different representation concerning the Universe. Looking for a compromise of the points of view it can be reached, understanding between people. Cross-cultural communication, of course, is carried out by certain individuals, the identity factor plays an important role in this process . Each person has a certain linguistic identity , and is the product of socialization . Language is one of the major factors in practical and spiritual perception of the world by Man. Language is an important mediator between human being and reality, which determines its intellectual and ethical attitude towards the world and society. Observation of the participants of intercultural communication allows us to explore the practical side of Intercultural Communication. The development of modern information systems due to the interaction of the various codes of Semiotic Systems. This is extremely important for marine communication, where the verbal codes are combined with sound signals, flags and semiotics of colour . Greatest interest is concerning with problems of compatibility of the people with different cultural and psychological backgrounds in "closed area" (which give rise to most conflict situations on the board). Compatibility of representatives of various ethnic cultures in "the closed area" and in extreme situations, in most cases, is shown in destructive communicative language strategies. Basic changes in public and political life of Georgia considerably changed a role and a place of sea communication and set new tasks for researchers. It demanded new approach at research of specifics of cross-cultural communication. As a part of Russia, and then the Soviet empire Georgia had no opportunity independently carry out sea communication. It defined the need of language providing of new priority area - sea communication. Experiments don't allow us to gain appropriate effect from language dictionaries because conditions were mechanically taken from English, Russian, German lexicographic sources instead of from practice of seamen actually . Marinist texts are one of the most popular areas of literature and the study of their translations can play

an important role in the formation of phrasal units of marine communication . The translation of the texts, connected with sea communication, forced the translator to look for suitable dynamic equivalents in the Georgian and Russian languages. The description and systematization of the models based on real communication, unfortunately, are at early stages but can play an essential role in future development of the Georgian naval terminology. Unfortunately, it is difficult to force events - formation of the Georgian fleet and the training of specialists, speaking in Georgian is in an initial stage. Based on today's reality it should be noted that the Georgian seamen are, mainly, members of the international teams that defines specifics of language of communication and its features. Development of Sea communication, of course, led to of information space internationalization. Innovative new communication technologies significantly differed from communication invoices of the previous period. Today it is possible to Use at the same time various channels of obtaining information - visual, acoustic, etc. During an era of Technical progress and achievements of computer communication special value is gained by extralinguistic factors of communication. Georgia is gradually becoming part of the global world, and its organic inclusion into the global information space depends on the successful development of a communication strategies of international language (English) and solutions of communication strategies, especially in the field of professional communication. The knowledge of language doesn't mean, that inclusion in information space of new culture will be successful. The culture as an integral part of human life, is close connected with language. In language those features of reality which are so important for culture carriers are expressed. during an era political and social and the economic changes caused by fast development and expansion of area of interpersonal contacts , interpersonal communication often turns into cross-cultural communication. Fundamental problems of the modern world which decision is connected with process of the mutual accounting of cultural values are connected with interaction of cultures. One of the most important attributes of Georgia (as independent country) is sea fleet. During the Soviet period, Georgia wasn't independent subject of international law . Office-work on vessels was conducted, mainly, in Russian that slowed down development of the Georgian sea terminology. In this regard the major task is search and systematization of sea terminology in English marinistic texts and detection of their Georgian equivalents that has both theoretical, and practical value. Relevance of this research is defined by importance of cross-cultural communication during a globalization era. Sea communication is one of the most interesting and least studied areas of cross-cultural communication. The analysis of a communicative situation of practical compatibility of various ethnic cultures by the ship is of special interest. In system of destructive communication one of the most important speech acts is threat. It takes a special place in sea communication, therefore its research on a material of English marinistic texts and a discourse of seamen is of special interest. Relevance of work is caused by need of studying of the closest interrelation of language and culture of the people. Expression of intension of threat and its artistic and language realization has crucial importance in practical activities of the modern person.

- 1 . Pragmalinguistic interpretation of the speech act "threat " takes into account both linguistic and extra-linguistic parameters and gives the opportunity to analyze their impact on the functioning of language units in the maritime discourse.
- 2 At interpretation of the speech act "threat" were considered both linguistic, and extralinguistic factors . Such approach to the description of a discourse is based on the theory of speech acts, the principles of pragmatics of speech communication (in particular face communication), formulated by P.Grice and Leech . Definition of an essence of this speech act and identification of its originality in natural communication is connected with the decision of the problem actual for linguistics, studying of asymmetry of language form and content and demands consideration not only formal ,lingual and semantic elements of the statement, but also pragmatical parameters of units expressing threats.
- 3 The research showed that “threat " is a certain speech act which has special conditions of realization and which originality is defined by set of the internal characteristics defining their communicative originality . Defining condition of implementation of the speech act of threat is:
 - a) Responsibility for the implementation of the corresponding action takes the sender ;

- b) Implementation of the actions in the future ;
- c) Commitment to harm the recipient, initiated and to be guaranteed by the sender ;
 - 4 Commissive characteristics of the speech act "threat" exclude its identification with group of directives , which essence in forcing the addressee to make a certain action. Speaking differently threat can't be the directive act as in any directive act the performer is the addressee whereas in threat in this role the sender acts. Such interpretation of the speech act "threat" the statement of "Don't move or I'll shoot you " needs to be considered as the complex speech act which includes two illocutions -directive and commissive and cases when the sender will force the addressee to execute or not to execute a certain action, in literature it is recommended to describe as indirect speech acts. In this case, the speech act "threat" is indirect way of realization of influence.
 - 5 Specific feature of "threat" as speech act is the impossibility of its performatory registration and absence in English of specialized language formant for its expression. Therefore to submit the communicative content communicants use an other means. Speech act "threat" can be expressed explicitly and implicitly, and can be expressed by other speech acts. The analysis of possible options of implementation of the speech act of "threat" showed that use of various speech acts for transfer of this value in certain situations is possible in case of existence of conditions for successful realization of this intention. The most popular is the use of constatives in this function and the least popular -use of interrogative speech acts.
 - 6 Specifics of threat is lack of conventional forms of indirect expression of this intention . As key parameter at allocation of this speech act is the obligation of sender to do harm to the addressee, versions of possible damage were considered and classified. The obtained data allow to determine what parameters of threat are the most effective.
 - 7 The peculiarity of this speech act is that the English language has no special markers expressing a threat and, therefore, this value can be realized through a variety of communication strategies and linguistic resources.
 - 8 In a discourse the speech act of threat can be expressed through direct and indirect strategy. In the first case the explication of conditions of implementation of threat is carried out by means of language that allows to speak about a direct explicit way of expression. At indirect expression of threat explicates the separate, but contextually important conditions for its successful implementation ,or these conditions are given implicitly .It allows to speak about explicit or implicit ways of expression threats. The indirect explicit method of expression of threat assumes an explication of one or several conditions necessary for its successful realization, and implication of other conditions. Depending on what condition necessary for successful realization of threat, is explicated by the sender, allocates two options. At an indirect explicit way of expression of threat , nature of possible damage to the addressee is specified, but the obligation to make this action isn't expressed. In the second case the sender expresses threat, assuming the obligation of implementation of a certain action, and possible consequences of this action are meant implicitly. At expression of the speech act of threat by an indirect implicit way, all conditions necessary for its successful implementation are implicated . In spite of the fact that in the analysis it is especially difficult to qualify such speech acts as threat, the conducted research allowed to reveal algorithm of definition of the communicative nature of threat.
 - 9 Unlike English,Russian and Georgian literary languages ,dominance of indirect speech acts in terms of the threat is not particularly noticeable .
 - 10 On a vessel with the international team , use of special lexical, grammatical and intonational means for expression of communication intention of threat is ethnospecific .
 - 11 When comparing the expression of threats in literary English and maritime communications distinction between high style and colloquial vocabulary and phraseology is particularly striking.
 - 12 In sea communication is practically impossible to use phatic elements in acts of threat. Phatic communication is the most important part of English culture, and for many cultures represented at these courts, it is ethnospecific. Maritime communication virtually ignores phatic factor.

- 13 Proceeding from specifics of sea communication, in it more appear a tendency to economy of language means and standardization at threat expression, than in other spheres of communication that is caused by extremeness of a situation

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «РАБОТА» В РУССКОЙ И ТУРЕЦКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

С.Б. Аюпова

Башкирский государственный педагогический университет

им. М. Акмуллы, г. Уфа (Россия)

Х. Бозташ

Башкирский государственный педагогический университет

им. М. Акмуллы, г. Уфа (Россия)

Аннотация : Статья посвящена сопоставительному изучению концепта «РАБОТА» в русской и турецкой языковых картинах мира. В ходе исследования выявлено универсальное и культурно-специфическое содержание концепта в двух языках.

Ключевые слова: концепт, работа, труд, русская языковая картина мира, турецкая языковая картина мира.

Annotation: The given article deals with a comparative study of the concept of “WORK” in the Russian and Turkish linguistic patterns of the world. The universal and culture-specific content of the concept in both languages has been revealed.

Keywords: concept, work, labour, the Russian linguistic pattern of the world, the Turkish linguistic pattern of the world.

Каждое понятие в языке обусловлено окружающим миром человека, природной обстановкой. Паремии, являясь частью языковой картины мира, также возникают на основе наблюдений человека над окружающей действительностью, обобщения явлений, происходящих вокруг него в определенном географическом пространстве, в определенных природных, культурных, этнографических условиях.

Концепт «РАБОТА», с одной стороны, имеет универсальный, общечеловеческий характер, характеризуется особой экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом, с другой стороны, он национально-культурно специфичен, отражает особенности национального менталитета. В связи с этим вполне объясним интерес лингвистов к изучению данного концепта, как в отдельно взятом языке, так и в группе неродственных языков. Так, на материале русского языка концепты «РАБОТА»/«ТРУД» изучали: Т.В. Гоннова – в социокультурном аспекте [2], Л.В. Басова – в культурологическом аспекте [1], О.Е. Чернова – с точки зрения динамики развития идеологического содержания концепта [7], Г.В. Токарев – с точки зрения теоретических проблем вербализации концепта в русском языке [5] и др. В сопоставительном аспекте исследовали концепты «РАБОТА»/«ТРУД» Л.А. Серова (на материале русского и немецкого языков) [4], О.И. Хафизова (на материале русского и китайского языков) [6], Ч.Р. Мукатдесова (на материале татарского и немецкого языков) [3] и др.

Реализация концепта «РАБОТА» в русской и турецкой языковых картинах мира не изучалась.

В пословицном материале русского и турецкого языков концепт «РАБОТА» передается через близкие носителям языка категории, явления окружающей действительности: в турецком – через «водные» обобщения: *boşuna çalışmak akıntıya kürek çekmek olur* ‘работать впустую – грести против течения’, в русском – через сравнения работы с огнем или «бытовые» сопоставления: *у работающего в руках дело огнем горит, носить воду решетом, толочь воду*.

Работа в русской и турецкой языковой картинах мира трактуется, с одной стороны, как святое дело. Например, в русских паремиях *Бог труда любит. Божья тварь богу и работает*. С другой стороны, наряду с божьим благословением на труд, сравнением труда с молитвой каждый народ подчеркивает важность усилий самого человека в достижении хорошего результата. Сравните: в турецких пословицах – *çalışmak ibadetin yarısıdır* ‘работа – половина молитвы’ (кто выполняет порядочную и полезную работу – одновременно делает добро); в русских пословицах – *боже, поможи, а ты на боку не лежи; богу молись, крепись да за соху держись*.

В пословичном фонде русского и турецкого народов труд всегда противопоставлен безделью, сравните турецкую поговорку *boş gezmekten, bedava çalışmak, aylak işlemek yeğdir* ‘лучше работать бесплатно, чем просто слоняться’ (лучше работать, пусть даже бесплатно, у кого-то и учиться чему-то, чем просто так бродить без дела) с русскими поговорками *в лес не съездим, так и на полатях замерзнем; где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; кто не ленив пахать, тот будет богат; наши пряли, а ваши спали; в поле Маланья не ради гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед; кто пахать не ленится, у того и хлеб родится*.

Именно поэтому работа, труд очень дороги: *söz ne kadar ucuz ise iş o kadar pahalıdır* ‘насколько дешево слово, настолько дорога работа’ (разговоры не требуют особых усилий. Для того же, чтобы сделать дело, нужно иметь необходимые материалы и потратить труд).

В предыдущем высказывании также подчеркивается мысль о том, что болтовня, праздность – самые злостные противники работы, труда, что отражено в ряде других турецких и русских поговорок: *lafı iş bitmez* ‘болтовней работу не закончишь’, *kör / kesmez bıçak ele (yavuz) iş bilmeyen avrat dile (yavuz)* ‘тупой нож на руку плох, бестолковая баба – на язык’ (даже тупой нож может порезать руку, то есть хоть на что-то сгодиться, праздная женщина не способна ни на что, кроме пустой болтовни); *çok konuşan az iş yapar* ‘кто много говорит, тот мало делает’; *из лука – не мы, из пицали – не мы, а зубы поскалить, язык почесать – против нас не сыскать*.

В поговорах обоих народов особое внимание уделяется соотношению работа – мастер, имеется в виду то, что у каждого дела должен быть свой мастер: *adam için iş değil, iş için adam aranır* ‘не дело для человека ищут, а человека для дела’ (работа дается людям не по их желанию, а по способностям); *iş başarana başvurulur* ‘обращаются к тому, кто справится с делом’ (упорные и трудолюбивые люди бывают популярны и обычно ставятся во главе дела); *her iş ehline layiktir* ‘каждое дело достойно мастера’ (дело, сделанное мастером, будет прочным и красивым), *her iş ustanın elinde kolaydır* ‘в руках мастера любая работа легка’ (трудное дело в руках мастера оказывается очень легким); *iş bilenin, at binenin, kılıç kuşananın* ‘работа – для знающего, конь – для всадника, меч – для того, кто им подпоясывается’ (каждый должен владеть тем, с чем умеет обращаться). С другой стороны, только совершенствуясь в одной области, можно достичь хороших результатов: *işi erbabına işletmeli* ‘работу мастеру заказывать надо’ (работу лучше всего выполнит мастер). Вышеперечисленные поговорки соответствуют русским поговоркам *дело мастера боится; по работе и работника (и мастера) знать; не гляди на дело, гляди на отделку; у работающего в руках дело огнем горит*.

Важным с точки зрения работающего оказывается сам факт того, что работа выполнена: *son –işin tacıdır* ‘конец – делу венец’; *her işi oluruyla bitirmeli* ‘каждое дело, по возможности, завершать надо’.

Вместе с тем в русской и турецкой языковых картинах мира по-разному оценивается человек, завершивший работу и плоды его труда. В турецких паремиях тот, кто закончил работу, оценивается положительно: *iş bitirenin kötüsü olmaz*, что соответствует русскому *победителей не судят* (тур. *galipler yargılanmaz*). При этом к работе нужно относиться с любовью, т.к. *işine hor bakan / sanatını hor gören boynuna torba takar* ‘презирающий свое ремесло на шею суму повесит’ (небрежно относящийся к своей работе человек остается голодным).

Несомненно, в турецкой и русской языковых картинах мира важны результаты работы: *iş işin aynasıdır* ‘дело – зеркало дела’ (итог работы отражает то, как она была сделана); *iş işi gösterir* ‘дело дело покажет’ (иногда результат работы можно предсказать по тому, как она делается); *кто пахать не ленится, у того и хлеб родится; держись сохи плотнее, так будет прибыльнее; горька работа, да хлеб сладок; в поле серпом да вилой, так и дома ножом да вилкой*. Известно также, что *az işten çok iş çıkar* ‘из малых дел большие дела получаются’.

Вместе с тем русских паремиях, в отличие от турецких, подчеркивается невозможность человека разбогатеть в результате честного труда из-за неадекватной его оплаты, нанесения вреда здоровью человека, предпочтительности отдыха труду: *с топора не богатеют, а горбатеют; мужик не живет богат, а живет горбат; от работы не будешь богат, а будешь горбат; от трудов праведных не нажить палат каменных; работа не волк, в лес не убежит; дело не малина, в лето не опадет; дело не голуби, не разлетятся; дело не медведь, в лес не уйдет*. Поэтому в русской языковой картине мира трудолюбивый человек иногда оценивается как недалекий

(*дураков работа любит*), так как труд приносит русскому человеку не богатство, а только минимум материальных благ: *от трудов своих сыт будешь, а богат не будешь*.

Таким образом, интерес к изучению концепта «работа» («труд») в не ослабевает в русистике. Вместе с тем обращение к паремиологическому фонду русского и турецкого языков, включающему в себя концепт «РАБОТА», является новым и свидетельствует об актуальности этого направления исследований, поскольку пословицы и поговорки, посвященные трудовой деятельности, служат важным источником получения страноведческой, лингвистической, в целом – культурологической информации, отражают универсальный и национальный компоненты языковых картин мира двух народов.

Литература

1. Басова Л.В. Концепт «труд» в русском языке (на материале пословиц и поговорок): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004. – 19 с.
2. Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «труд» в русском языковом сознании: Автореф. дисс. ... канд филол. наук. – Волгоград, 2007. – 20 с.
3. Мукатдесова Ч. Р. Концепт «труд» в татарском и немецком языках (на материале пословиц и поговорок): Автореф. дисс. ... канд филол. наук. – Казань, 2012. – 20 с.
4. Серова Л. А. Концепт «труд» в немецких и русских паремиях (на материале современных публицистических текстов сельской тематики): Автореф. дисс. ... канд филол. наук. – М., 2009. – 20 с.
5. Токарев Г.В. Проблемы лингвокультурологического описания концепта: (На примере концепта «трудовая деятельность»): Учеб. пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2000. – 92 с.
6. Хафизова О.И. Паремиологический анализ концепта «работа» в русской и китайской языковых картинах мира // Инновационные компетенции и креативность в исследовании и преподавании китайского языка и культуры: материалы 1-й междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 14-15 дек. 2010. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2011. – С. 95 –105.
7. Чернова О.Е. Концепт «труд» как объект идеологизации: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 20 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

А.М. Антипова
МПГУ, Москва (Россия)

Аннотация. Автор обозначает современные подходы к изучению литературы в российской школе на основе анализа программы и учебно-методического комплекта по литературе под редакцией В.Ф. Чертова.

Ключевые слова. Литературное образование, чтение, восприятие, анализ, интерпретация, диалог, стратегии чтения и понимания текста, диалоговые и рефлексивные технологии, аксиологический подход, деятельностный подход, воспитание.

MODERN APPROACHES TO STUDYING OF LITERATURE IN RUSSIAN SCHOOL

Summary: The author denotes the modern approaches to studying of literature in Russian school based on the analysis of programs and learning package on literature under the editorship of V.F. Chertov.

Keywords: Literary education, reading, perception, analysis, interpretation, dialogue, strategies of reading and understanding of the text, dialogue and reflective technologies, axiological approach, activity approach, upbringing.

Школьное изучение литературы осуществляется в сложных социокультурных условиях. Литература во всём мире вытесняется видео- и телевизионной культурой изображения. «Мозаичная» культура (А. Моль) сформировала «клиповое сознание» и особый тип восприятия литературы («скорочтение», беглое чтение), по сути, не совместимый с представлением о чтении как труде и творчестве (В.Ф. Асмус). Смена нравственных и социальных ориентиров, переоценка ценностей в российском обществе диктует необходимость серьёзно осмыслить проблемы специфики искусства слова и его роли в жизни человека и общества. Социокультурные изменения обусловили актуальность аксиологического (ценностного) и коммуникативно-деятельностного подходов к изучению литературы, которые рассматриваются как действенные стратегии литературного образования в современном поликультурном мире.

Главный вопрос, находящийся в центре внимания методистов, учителей-практиков, библиотекарей, – как приобщить современных школьников к чтению русской классической литературы и научить их глубоко, вдумчиво читать художественные произведения. Решение этой ключевой для методики преподавания литературы проблемы требует комплексного подхода. Важную роль в формировании читательской культуры современных школьников играют учебно-методические комплекты (УМК) по литературе. Богатые возможности в организации читательской деятельности учащихся, воспитании читающей личности открывает перед учителем и учащимися УМК по литературе под редакцией профессора В.Ф. Чертова,^{*} рекомендованный к использованию в образовательном процессе Министерством образования и науки Российской Федерации. В состав комплекта входят: программа, учебники для учащихся, методическое пособие для учителя «Уроки литературы», фонохрестоматии и рабочие тетради.

В данном учебно-методическом комплекте предлагается новый подход к изучению художественных текстов и выбор направлений работы с ними, обусловленный взглядом на *литературу как метафору мира*, особый способ познания жизни, который обладает важными отличиями от собственно научной картины бытия: высокой степенью эмоционального воздействия, метафоричностью, многозначностью, ассоциативностью, незаверщённостью, что предполагает активное сотворчество воспринимающего [2; 4]. Названная концепция последовательно реализована в программе по литературе. В учебниках для учащихся представлена *технология литературного образования*, разработанная на её основе.

На уроках литературы и в самостоятельной деятельности учащихся основное внимание уделяется развитию *умений читать, комментировать, анализировать и интерпретировать художественный текст*, овладению возможными *алгоритмами постижения смыслов*, заложенных в художественном тексте (или любом другом речевом высказывании), а затем и *созданию собственного текста*, представлению *собственных оценок и суждений по поводу прочитанного*.

Программой и учебником задана логика образовательного процесса. Формирование интереса к чтению рассматривается как приоритетная задача, решение которой должно предшествовать решению всех остальных задач литературного образования. Поэтому на уроках литературы в 5 – 9 классах первостепенное значение придается организации самого *процесса художественного восприятия*.

Обучение современных школьников работе над художественными текстами строится на основе современных технологий обучения чтению и пониманию текста и достижений современного литературоведения и эстетики, что позволяет существенно обогатить инструментарий школьного анализа. В процессе изучения художественного произведения предусмотрено применение различных *стратегий* чтения, обсуждения и регистрации прочитанного с учётом специфики самого текста (учебный, художественный, научный и др.) и этапа читательской деятельности: предвосхищение содержания книги, мозговой штурм, постановка предваряющих вопросов (*предкоммуникативный этап*); вероятностное прогнозирование, размышления во время чтения (*коммуникативный этап*); дискуссия, различные формы трансформации текста (творческие пересказы, составление сценария, иллюстрации и др.), презентация книг, аннотация, отзыв, рецензия, различные виды сочинений и др. (*посткоммуникативный этап*).

Русская литература – «ключ к национальному ментальному коду, хранилища смыслов, ценностей, критериев, национальных архетипов» [1, с. 3], поэтому особую значимость приобретает *аксиологический (ценностный подход)* к её изучению. Он предполагает актуализацию мировоззренческих основ содержания литературного образования в контексте ценностной и гуманистической парадигм, отбор соответствующих технологий и способов организации литературного образования (с опорой на субъект-субъектные отношения педагога и учащихся) [3, с. 66]. В школьных условиях трансформируются отдельные литературоведческие приёмы работы с текстом (выделение ключевых слов, поиск ключа к тексту и др.). Обращение к *диалоговым и герменевтическим технологиям анализа* на уроках литературы помогает учащимся приобрести необходимый им опыт коммуникации, диалога с автором (русскими и зарубежными писателями, критиками, литературоведами и др.), а также диалога с учителем и одноклассниками.

Опыт работы по реализации учебно-методического комплекта под ред. В.Ф. Чертова, начатой в российских школах с 2007 года, доказывает, что действенной стратегией современного литературного образования выступает *межкультурный и внутрикультурный диалог*. Вопросы и задания для учащихся объединены в оригинальные рубрики, демонстрирующие установку на диалог как основной метод обучения: диалог ученика и ученика («Вместе с товарищами», «Для дискуссии», «Точка зрения», «Публичное выступление»), ученика и родителей («Вместе с родителями»), ученика с самим собой («Опыт творчества», «Сочинение», «Поиск информации»), ученика и культурной традиции, эпохи («Связь с другими видами искусства», «Опыт исследования» и др.).

В программу и учебники включены *уникальные (специально маркированные) разделы «Мир слова», «Комментарии», «Практикумы»*, которые расширяют словарный запас учащихся, развивают навыки анализа художественной функции слова в литературном произведении, формируют навыки работы со словарями и др. *Практикумы* нацелены на практическое овладение навыками анализа художественного текста в одном из заданных программой аспектов, развитие устной и письменной речи учащихся, освоение теоретико-литературных понятий.

Постижение культурных ценностей происходит и в процессе общения школьников с произведениями других видов искусства (специальная рубрика в программе и учебниках – «Связь с другими видами искусства»). На уроках литературы и во внеурочной работе у школьников последовательно развивается способность читать и интерпретировать не только тексты литературных произведений разных родов и жанров, но и тексты живописного

полотна, графического произведения, скульптуры, произведений архитектуры, музыкального произведения, спектакля, балета, кинофильма. Текстцентричность современной культуры объясняет необходимость формирования у школьников компетентности в сфере разных видов искусства.

В учебниках для учащихся и пособиях для учителя, входящих в состав УМК под редакцией В.Ф. Чертова, даются постоянные отсылки на полезные Интернет-ресурсы, дополнительную литературу справочного, энциклопедического характера для подготовки к уроку и организации самостоятельной работы. Школьники учатся использовать современные технологии поиска и обработки информации (заочные Интернет-экскурсии, презентации, работа в поисковых системах).

Анализ учебно-методического комплекта под ред. В.Ф. Чертова и опыта его реализации в современной образовательной практике показывает, как существенно меняются функции учителя. Педагог становится организатором процесса обучения на основе диалога и творческой читательской деятельности школьников, включающей собственно чтение литературного произведения, художественное восприятие, анализ и интерпретацию прочитанного.

Реализация современных подходов к изучению литературы, предложенных авторским коллективом под руководством В.Ф. Чертова, нацелена на воспитание не только эстетически развитого и мыслящего в категориях культуры читателя, но нравственной личности, осознающей себя частью поликультурного мира.

Литература

1. Николаева О. Культура – не конкурент шоу-бизнесу // Литературная газета. 2009. № 42.
2. Рабочая программа по литературе для 5 – 9 классов. Литература / Под ред. В.Ф. Чертова. М.: Просвещение, 2011.
3. Терентьева Н.П. Методические аспекты аксиологизации школьного литературного образования // Филологическое образование: современные стратегии и практики. СПб., 2011.
4. Чертов В.Ф. Литература как метафора мира. О новой программе общеобразовательной школы // Литература в школе. 2007. № 4.

**ИЗ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ ШОТА РУСТАВЕЛИ
«ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК**

М.Э.Миресашвили, О.М. Петриашвили

СГУ, Тбилиси (Грузия)

Аннотация: В 1934 году Петренко начал работу над переводом на русский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Его консультантом стал известный руставелолог Константин Чичинадзе. В 1938 году поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» была опубликована в переводе Пантелеймона Петренко.

Ключевые слова: Диалог культур, межкультурные коммуникации, переводчик Пантелеймон Петренко, поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

**FROM THE HISTORY OF SHOTA RUSTAVELI'S POEM "KNIGHT IN THE PANTHER'S SKIN" IN RUSSIAN
LANGUAGE**

Abstract: In 1934 Petrenko started to work on translation of Sh. Rustaveli's poem "Knight in the Panther's Skin". K. Chichinadze, the specialist of Rustaveli's poetry was his consultant in this work. In 1938 Shota Rustaveli's poem "Knight in the Panther's Skin" was published in translation of Pantheleimon Petrenko.

Key words: Dialogue of cultures, intercultural communications, translator Pantheleimon Petrenko, Shota Rustaveli's poem "Knight in the Panther's Skin".

Современная концепция межкультурных коммуникаций органично включает в себя диалог культур, в котором важнейшее место занимают переводы письменных текстов с одного языка на другой. Гораздо сложнее обстоит дело с переводом художественных текстов, в особенности, поэзии. На этот счет существуют крайние точки зрения, вплоть до того, что перевод стихов якобы вообще невозможен из-за специфики каждого национального языка. Важной составной частью мировой литературы являются поэтические переводы, «воспроизведение» оригинала на другом языке, при помощи присущих этому языку выразительных средств и поэтики. Следует говорить о глубинной диалогичности перевода, устанавливающего тонкие связи между оригинальным текстом иной эпохи, иного культурного и языкового мира и современной эпохой, национальной культурой и своим национальным языком.

В докладе «Искусство стихотворного перевода» М.Л. Лозинский отмечал: «Функция переводных произведений двоякая: 1) эстетическая – как произведений художественных и 2) познавательная – как памятников, которые знакомят нас с другой страной, с другой эпохой, с другой культурой, с новым для нас строем мысли и чувств» (1, с. 93).

Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» является уникальным поэтическим творением эпохи грузинского Ренессанса (XII век). На русском языке имеется пять полных переводов поэмы Руставели, авторами полных переводов являются К. Бальмонт, П. Петренко, Н. Заболоцкий, Т. Цагарели, Ш. Нуцубидзе, которые воистину совершили литературный подвиг, проделав невероятно сложную работу. «Русский читатель воспринимает грузинского поэта в значительной степени таким, каким его представляет себе переводчик. От художественного перевода мы требуем, чтобы он воспроизвел перед нами не только образы и мысли переводимого автора, не только его сюжетные

схемы, но и его литературную манеру, его творческую личность, его стиль. Если эта задача не выполнена, перевод никуда не годится» (2).

Первый полный перевод поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» был осуществлен поэтом-символистом К.Д. Бальмонтом в 1916 году. Оливер Уордроп дал Бальмонту прочесть английский перевод поэмы, сделанный сестрой Марджори Скотт Уордроп. Впечатление было неизгладимое, Бальмонт просто влюбился в Грузию, познакомился с деятелями грузинской литературы П. Яшвили, Т. Табидзе, стал изучать грузинский язык и занялся переводом поэмы Ш. Руставели. Его консультантами были поэт Тициан Табидзе, академик Н. Я. Марр. В 1917 г. в Москве был издан неполный перевод поэмы Руставели под названием «Носящий барсову шкуру», а полный перевод увидел свет в Париже в 1933 г.

Сам Бальмонт признавался, что его перевод – «перепев», он не использовал традиционный грузинский поэтический размер «шаири». Один из выдающихся переводчиков периода советской литературы Н.М. Любимов достаточно критично отозвался о переводе Бальмонта, отметив неотшлифованность текста. Известный автор русского подстрочного перевода «Витязя в тигровой шкуре» С.Г. Иорданишвили, тщательно сопоставив текст перевода Бальмонта с текстом Руставели, что позволило выявить почти все расхождения смыслового характера, все-таки пришел к выводу о больших достоинствах этого перевода.

Действительно, Бальмонт достаточно вольно обращался с текстом поэмы, опустил ряд строф, не перевел несколько афоризмов, усложнил стихи внутренними рифмами, что не было свойственно шаири. Но Бальмонт превосходно воссоздал звуковое и эмоциональное богатство подлинника. Он первый взялся за полный перевод поэмы Руставели, первый познакомил русского читателя с шедевром грузинской поэзии, что сыграло огромную роль в деле популяризации поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

В 1934 году в Грузии было принято решение о праздновании 750-летия со дня рождения великого грузинского поэта Шота Руставели и переводе поэмы «Витязь в тигровой шкуре» на языки народов СССР. Именно тогда были выполнены три полных перевода поэмы на русский язык. Они принадлежали П. Петренко, Ш. Нуцубидзе и Г. Цагарели.

В данной статье мы остановимся на переводе Пантелеймона Петренко (3), поскольку о жизни и деятельности поэта-переводчика известно немного широкому кругу читателей. В 1932 году молодой украинский поэт Петренко приехал из Киева в Грузию, в Тбилиси. Петренко познакомился с руствелологом, поэтом и переводчиком Константином Чичинадзе, в сотрудничестве с которым приступил к работе над переводом поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Не владея грузинским языком, он работал с подстрочником поэмы Руставели. Его переводческая работа продолжалась два года. В Союзе писателей Грузии состоялось обсуждение петренковского перевода, читались отдельные главы, которые сопоставлялись и с оригиналом и переводом Бальмонта. Было отмечено несомненное достоинство перевода Петренко. Но в 1936 году произошло несчастье: в возрасте 28 лет юноша утонул в Куре. «Чтоб довести до конца свой колоссальный труд, работы ему оставалось лишь на месяц, но бессмысленная смерть внезапно и бесследно унесла его», – с горечью писал К. Чичинадзе.

Петренко не успел завершить работу над поэмой Руставели – непереуведенной осталась 141 строфа, поэтому, бережно сохраняя стиль погибшего переводчика, поэт Б. Брик закончил дело, а К. Чичинадзе тщательно отредактировал весь перевод. Сложнейшая задача, которую Петренко блестяще выполнил за короткий срок, во многом осуществилась благодаря творческому сотрудничеству с К. Чичинадзе. Чтобы переводить поэму Руставели, даже имея хороший подстрочник, необходимо было осознать с помощью языковых образов, понять тот текст, над которым шла работа, а потом выбрать необходимое слово, словосочетание. Следует отметить особенность позиции Петренко-переводчика, который работал над текстом Руставели как соавтор творческого процесса, воссоздавал художественную ткань поэмы на русском языке, пропуская через свое поэтическое сознание.

Высокая поэтичность «Витязя в тигровой шкуре», абсолютная художественная ценность подтверждаются всеми эстетическими критериями. Для стиля Руставели характерна афористическая форма выражения мысли. Чаще всего афоризм выделяется в заключительной, четвертой строке строфы и представляет собой своеобразный логический вывод из рассуждения, представленного в предыдущих строках. Афористические строфы органически связаны с общим

ходом повествования и представляют собой своеобразные лирические отступления и реминисценции. Примечателен тот факт, что в сборнике афоризмов великого грузинского поэта Руставели, изданного В. Куправа в переводе на русский и немецкий языки (4), из петренковского перевода отобрано 60 афоризмов. Особенно удались Петренко афоризмы, в которых Руставели делится своими наблюдениями над жизнью, дает мудрые советы. Переводчик очень точно передает мысли поэта, его взгляды, убеждения. Отличительной чертой афоризмов в переводе Петренко является лаконичность.

Ученый, поэт и переводчик Рауль Чилачава, познакомившись с переводом Руставели, был поражен необыкновенным поэтическим мастерством Петренко. Результатом изучения и анализа перевода явилась успешная научная работа Р. Чилачава – диссертация, а затем и монография «Лебединая песня Пантелеймона Петренко» (5).

Литература:

1. Лозинский М.Л., Искусство поэтического перевода. В книге: Перевод – средство взаимного сближения народов. – М.: Прогресс, 1987. – 168 с.
2. Федючек И.З., Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в переводах К.Бальмонта, Н.Заболоцкого и П.Петренко. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.confcontact.com/Okt/23_Fedyu.php
3. Руставели Шота, «Витязь в тигровой шкуре». Перевод П. Петренко при участии и под редакцией К. Чичинадзе. – М.-Л.: Издание грузинского филиала АН СССР, 1938. – 283 с.
4. Руставели Шота, Афоризмы с избранными переводами на русском и немецком языках. Сост. В. Куправа. – Тбилиси: Мещниереба, 1976. – 110 с.
5. Чилачава Р. Лебединая песня Пантелеймона Петренко. В книге: «Две столицы», – Киев, 2002.

ТУРГЕНЕВ И ФАУЛЗ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

С.М. Аюпов

Аннотация. Статья посвящена выявлению преемственных связей между романами «Отцы и дети» И.С. Тургенева и «Любовница французского лейтенанта» Дж. Фаулза.

Ключевые слова: русско-английские литературные связи, образы женщины-сфинкса, крест, любовное и религиозное.

Annotation. The article is devoted to successive links between novels «Fathers and sons» by I.S. Turgenev and «Lover of French Lieutenant J. Fowles».

Keywords: Keywords: Russian-English literary links, images of women-the Sphinx, the cross, the love and the religious.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа (Россия)

Вопрос о влиянии тургеневской романистики на романы Джона Р. Фаулза (1926-2005) еще не ставился в специальной литературе. Между тем сопоставительный анализ тургеневских романов 1860-х годов и романа Фаулза «Любовница французского лейтенанта» (1969) позволяет утверждать о внимательном изучении английским писателем идейно-художественных достижений русского автора и прежде всего – в изображении трагической любви, несравненным мастером которой в русской классике является Тургенев.

Мы полагаем, что в своих основных чертах выше упомянутый роман Фаулза восходит к вставной новелле о драматичной, мучительной, полной высокого трагизма любви Павла Петровича к странной княгине Р., рассказанной Аркадием Базарову в 7 главе.

Обе героине – кн. Р. и Сара Вудраф – в высшей степени странные женщины, резко отличающиеся от окружающих своим поведением, нравом, выразительным обликом. Обе героини кардинальным образом изменяют «течение жизни» влюбленных в них мужчин – Павла Петровича Кирсанова и Чарльза Смитсона, становятся для них судьбоносными.

И тот и другой называют своих роковых женщин – *сфинксами*, загадочными существами, пытаясь их понять, разгадать.

В «Отцах и детях» читаем: «Он однажды подарил ей кольцо с вырезанным на камне сфинксом. – Что это? – спросила она, – сфинкс? – Да, ответил он, – и этот сфинкс – вы. – Я? – спросила она и медленно подняла на него свой загадочный взгляд. – Знаете ли, что это очень лестно? – прибавила она с незначительной усмешкой, а глаза глядели все так же странно» [1].

А Гарри Монтегю у Фаулза вопрошает героя: «Вам непременно нужно задать вопросы сфинксу?», или повествователь: «... когда Чарльз приближался к обители сфинкса, ему было не до улыбки» (глава 60) [2].

Но самым важным сходством двух сюжетных линий является символический мотив креста. Перед самой смертью кн. Р. вернула Павлу Кирсанову его подарок-кольцо назад: «Она провела по сфинксу крестообразную черту и велела ему сказать, что крест – вот разгадка» [1]. Известно, что данная деталь (крест на сфинксе) по-разному интерпретировалась исследователями. По нашей версии, она значила то, что любовь Павла Петровича к кн. Р. будет продолжаться и после ее смерти, и эта любовь и есть его жизненный крест, который он обречен нести до конца дней своих. Поселившись в имении брата Николая – Павел Петрович знакомится с его гражданской женой Фенечкой, лицо которой, особенно в верхней части, напоминает лицо кн. Р. Это приносит ему новые муки и страдания. Мы помним: «Но что случилось с ней, когда Павел Петрович, сам Павел Петрович прижал ее руку к своим губам и так и приник к ней, не целуя ее и только изредка судорожно вздыхая... "Господи! -- подумала она, -- уж не припадок ли с

ним?.." **А в это мгновение целая погибшая жизнь в нем трепетала**» [1, выделено в художественных текстах здесь и далее мной]. Даже после женитьбы брата, дворянина, на мещанке Фенечке, даже после отъезда из России на лечение и потом на жительство в Германию, в Дрезден, образ умершей кн. Р., по всей видимости, не отпускал его, постоянно присутствовал в его сознании. В эпилоге романа читаем: «Стоит взглянуть на него в русской церкви, когда, прислонясь в сторонке к стене, **он задумывается и долго не шевелится, горько стиснув губы, потом вдруг опомнится** и начнет почти незаметно креститься...» [1]. Несомненно, что в этом описании запечатлена драма человеческой жизни. Герой Тургенева уходит со страниц «Отцов и детей» непросветленным, неуспокоившимся (как, напротив, Лаврецкий, покидающий в эпилоге дом Калитиных в «Дворянском гнезде»), но страдающим, горестным героем, даже в русской церкви живущим собственными мыслями и чувствами, среди которых, безусловно, и *она*, определившая его жизнь. Выход из своего мира во внешний сопровождается едва заметным ритуальным и по сути механическим жестом: «...**вдруг опомнится** и начнет почти незаметно креститься...» [1].

Тургеневские: крест на сфинксе, символизирующий, по словам Павла Петровича, кн. Р., зарисовка героя в русской церкви в Дрездене, – всё это Фаулз перерабатывает в своем творческом воображении, создавая в сорок восьмой главе романа впечатляющий *образ страдающего от любимой женщины человека*. В этой главе Чарльз после очередного мучительного разговора с Сарой посещает перед закрытием небольшую церковь, где проводит в одиночестве несколько часов.

Вглядываясь в образ Христа, Чарльз вдруг вместо Спасителя видит распятым на кресте Сару. В романе читаем: «Как пусто, как тихо в церкви. Он не отрываясь смотрел на распятие, **но вместо Христа видел Сару**. Он начал было опять молиться, но понял, что это безнадежно. Его молитва не могла быть услышана. И по щекам у него вдруг покатались слезы» [2]. И далее читаем: «Ему казалось, что к кресту пригвожден он сам – разумеется, он не отождествлял свои мучения с возвышенным, символическим мученичеством Иисуса, однако тоже чувствовал себя распятым. Но не на кресте – на чем-то другом. Его мысли о Саре принимали иногда такое направление, **что можно было бы предположить, будто он представлял себя распятым на ней**; но подобное богохульство – и в религиозном, и в реальном смысле – не приходило ему в голову» [2].

Думается, Фаулз развил тургеневский мотив – любовь к роковой женщине как жизненный крест человека – превратив его, пусть в плане предположения в мотив *распятие мужчины на любимой женщине*, любовь, к которой мучительная, трудная, поглощающая в нем все силы и соки жизни, становится для него средством самопознания, возрождения к иной, творческой форме существования.

Не случайно выход в иной мир, из мира цивилизованных окаменелостей викторианской эпохи, ее фальшивых ценностей возможен для Чарльза, пребывающего в церкви, только вместе с Сарой. В романе читаем: «Он ощущал **ее незримое присутствие**; она стояла вместе с ним у алтаря, словно готовясь к брачному обряду, **но на деле с иною целью**. Он не сразу мог выразить эту **цель словами**, но через какую-то секунду вдруг понял. Снять с креста того, кто распят!» [2]. То есть постижение индивидуальной истины, ее открытие героем, происходит только «*в контексте Сары*» и невысказано без этого контекста. В связи с этим читаем: «Одеть Сару! Повезти ее в Париж, во Флоренцию, в Рим! ... Он мысленно увидел Сару стоящей под руку с ним в Уффици; вам это может показаться банальным, однако для Чарльза это был символ, квинтэссенция жестокой, но необходимой ... **свободы**» [2].

Позже, в концовке романа, в сцене последнего объяснения, в Лондоне, Чарльз сможет преодолеть чары Сары, которая, подобно мифическому Протею, способна бесконечно варьировать свое «я». Герой освобождается от магнетизма Сары, но превращение его в свободную высокодуховную деятельную личность осуществляется именно в процессе любви к этой женщине, долгого и многоаспектного общения с ней.

В отличие от Павла Петровича, который так не смог освободиться от «внутреннего служения» кн. Р., власть которой довлела над ним и годы спустя после ее смерти (эпизод с Фенечкой), Чарльз Смитсон в финале романа обретает в частицу веры в себя, приходит к истинам о том, что «жизнь все же не символ, не одна-единственная загадка и не одна-единственная попытка ее разгадать, **что она не должна воплощаться в одном**

конкретном человеческом лице» (речь о Саре-сфинксе) и что жизнь нужно – из последних сил, с опустошенной душой и без надежды уцелеть в железном сердце города – претерпевать» [2].

Примечательно, что в концовке романа возникает как возможная для Чарльза Смитсона еще одна типичная для тургеневских произведений ситуация, когда любящий мужчина делается одним из многочисленных рабов любви в услужении роковой женщиной. Например, так могла окончиться сюжетная линия Литвинов – Ирина в «Дыме», такой ситуацией заканчиваются отношения Санина и Полозовой в «Вешних водах». У Фаулза читаем об этом: «Но не успел он подумать об этом, как тут же представил себе последствия такой договоренности: он делается тайным посмешищем этого погрязшего в пороке дома, официальным воздыхателем, таким придворным ослом» [2].

Еще один тургеневский мотив, связанный с образом Кирсанова: мотив соотнесения страданий и мук любви с высокими религиозными страданиями во имя новой веры, запечатленный в семантике имени героя (Павел, Петр, Хрисанф = Павел Петрович Кирсанов), воскреснет в размышлениях Чарльза, в известной мере сравнивающего символическое мученичество Христа со своими любовными терзаниями, вызванными чувством к Саре. В романе читаем: «Ему казалось, что к кресту пригвожден он сам – разумеется, он не отождествлял свои мучения с возвышенным, символическим мученичеством Иисуса, однако тоже чувствовал себя распятым» [2].

Итак, мы видим, что Фаулз развивает ключевые концепты тургеневской новеллы в «Отцах и детях»: 1) женщина-сфинкс; 2) крест как символ роковой страдальческой любви мужчины, распятого на женщине; 3) соотнесение религиозных и любовных терзаний в душе страстно влюбленного человека. Именно тургеневская новелла явилась идейно-художественным ядром, из которого развился романский мир Фаулза в «Любовнице французского лейтенанта».

ЛИТЕРАТУРА

1. Фаулз. Дж. Любовница французского лейтенанта // <http://lib.ru/FAULS/woman.txt>
2. Тургенев И.С. Отцы и дети // http://az.lib.ru/t/turgenev_i_s/text_0040.shtml

19. YÜZYIL RUS EDEBİYATINDA VE RUS KÜLTÜRÜNDE “DÜELLO”

Mustafa AYDEMİR

Ağrı İbrahim Çeçen Üniversitesi (Türkiye)

Özet

Hakarete uğrayan insanların şerefini, haysiyetini ve itibarını korumanın bir yolu olarak görülen düello, hayatlarını tehlikeye atan iki kişi arasında meydana gelen bir dövüştür. Makalede düellonun tarifine, tarihi gelişimine, kurallarına ve sebeplerine değinildikten sonra üç romandan hareketle 19.yy Rus kültüründeki düello konusu ve onun edebiyattaki yansımaları üzerinde durulmuştur. *Yevgeniy Onegin*, *Zamanımızın Bir Kahramanı*, *Babalar ve Oğullar* düellonun Rus toplumunun ansiklopedisini temsil etmektedir. Bu eserlerin yazarları yaşamın değerinden, onurla ilgili soylu bir fikrin uydurulmasının manasızlığından bahsetmektedirler. Bununla birlikte 19.yy Rus edebiyatında geniş yankı bulan düello geleneği, Rus soyluluğunun tarihini de göstermektedir.

Anahtar Kelimeler: 19.yy Rus edebiyatı, düello, 19.yy Rus edebiyatında düello, düello kanunu, Rus soyluluğunun tarihi.

DUEL IN THE 19TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE AND THE RUSSIAN CULTURE

Mustafa Aydemir

Ibrahim Chechen University, Agri (Turkey)

Abstract

The duel which is seen as a way of defending the pride, honor and reputation of people who are insulted is a combat between two people who risk their lives. In the article after mentioning about the description, historical development, the rules and the reasons of the duel, the duel issue in 19th century the Russian culture within the three novels and its reflection in the literature have been highlighted. *Yevgeniy Onegin*, *Zamanımızın Bir kahramanı* (A Hero of our time), *Babalar ve Oğullar* (Fathers and sons) represent the encyclopedia of the Russian society. The authors of these productions tell about the value of life, the meaningless of making up a noble idea related to dignity. Moreover, the duel tradition which becomes very popular in the Russian Literature shows the history of the Russian Nobility.

Key words: 19th century Russian Literature, Duel, Duel in 19th century literature, the duel law, the history of the Russian nobility.

Fransızca bir sözcük olan “düello”, “iki kişinin kavgası” anlamına gelmektedir. Düello, hayatlarını tehlikeye atan iki kişi arasında vuku bulan bir dövüştür. Bu dövüş, herhangi bir yetkili otoritenin müsaadesi alınmadan, taraflardan birinin kendisine ya da değer verdiği bir kimseye hakaret edildiği iddiasıyla diğerine meydan okumasının sonucunda gerçekleşir ve bu hakareti temizlemek adına düzenlenir.

Düello, bir nevi Tanrı'nın hükmü olarak da adlandırılmıştır. Bir kimsenin suçlu olup olmadığını belirlemek üzere düzenlenen düelloda, Tanrı'nın masum olan tarafı koruyup gözeticeğine ve bu masum kişinin kazanmasıyla sonuçlanacağına inanılmaktadır. Böylece düello, suçlu olanın Tanrı tarafından veya Tanrı'nın eli olan bir kişi tarafından cezasını bulma olarak görülmektedir.

Hakarete uğrayan insanlar, kendi şerefini, haysiyetini, itibarını farklı şekillerde savunurlar. Bu, içinde bulunulan zamana, kültüre ve geleneklere göre değişiklikler gösterebilir. Günümüzde mahkeme yoluyla halletmeye çalıştığımız meseleleri, geçmişteki toplumlar, daha çok düello yoluyla sonuçlandırmaya çalışmışlardır.

Yüzyıllar boyunca düellonun nedenlerini farklı durumlar oluşturur. Fakat hepsinin ortak sebebi, şerefe ve haysiyete hakarettir. Düelloya davet edilen suçlu, toplumun gözünde korkak gibi görünmemek için, daveti kabul etmek zorundadır. Düelloya sebebiyet veren durumlar, toplumdan topluma değişiklik gösterse de en önemlisi bir kimsenin şahsına karşı yapılan saldırdır. Gizlice cana kast etmek, ateşkes esnasında ya da barıştan sonra birini öldürmek, bir kimsenin özellikle de kendisinden sonra mülkünü devralacak olan akrabasını öldürmek, bir kimsenin hayatına mal olacak gizli planlar yapmak gibi gerekçelerle düello kaçınılmaz olur. Bir kimsenin canına kastetmenin yanı sıra malına yönelik saldırılar da düello için yeterli sebeptir. Ancak bir kimsenin itibarına yönelik saldırılar, karısının kendisini aldatması gibi suçlamalar düellonun en büyük gerekçesidir.

Düello, kuralların olduğu özel bir kanuna göre yapılır. Bu kanuna göre kılıç ve hançer gibi soğuk silahlar düello silahının başta gelenleridir. Zira 14-15. yüzyıl Batı Avrupa’ında soylunun yanında taşıyabildiği tek silah bunlardır. Zamanla bu soğuk silahların yerini ateşli tabanca alır ve at üzerinde gerçekleştirilen dövüşlerde “pistol” adı verilen ateşli silahlar kullanılır. Rakiplerden her biri silahını sadece bir kere çekme hakkına sahiptir.

Düello kanununa göre, düelloyu hiçbir şekilde tanıdık olmayan bir şahit düzenler ve her şeyin kurala göre olacağı, rakiplerin eşitliğinin hiçbir yerde ihmal edilmeyeceğini garanti eder. Şahitler insanların durumuna göre eşit sayılardan oluşur. Düelloda önce uzlaşma olasılığı görüşülür. Düellonun bir diğer türü vardır ki, ilk kanın akmasına, ciddi bir yaralanmaya, rakiplerden birinin ölümüne kadar devam eder. Genelde düelloya rakibin ölüp ölmediğini tespit etmek için ya da yaralıya yardımda bulunmak amacıyla bir de doktor çağrılır. Düellodan sonra şeref ve itibarın yeniden kazanıldığına inanılır.

Kökene antik dönemlere dek dayanan düello, Batı kültürüne has bir gelenektir. Önceleri ilkçağ Germen kabilelerinde uygulanan bir âdet olsa da, zaman içerisinde ciddi değişikliklere uğrayarak değişik toplumlarda varlığını sürdürür. İlkçağlarda görülen düello benzeri uygulamalara bakıldığında, bunların daha çok bir suçludan beklenen tazmin şeklinde belirdiği görülür. Hemen her toplumda düellonun dehşet verici şiddet uygulamaları benimsenir. Bu anlamda, düello yüzyıllar boyunca pek çok ülkede görülmekle birlikte asıl kurumsallığını, Ortaçağ Avrupa’sında beliren bir gelenek olarak şövalyeliğe borçludur.

Düellonun kökleri, Ortaçağların mağrur feodal beylerinin buldukları toplumsal konumun getirdiği bir ayrıcalıkla ve bağımsızlıklarının bir göstergesi olarak birbirlerine karşı giriştikleri şiddetli çarpışmalara dayanır. Herhangi bir sebepten ötürü gururu kırılan ve hiddetlenen senyör, zırhını kuşanır ve vasallardan tazminat talep eder. Ancak şövalyeliğe bağlı geleneklerin halk tabakasını pek kapsamadığı da görülür. Zira bu kurum, toplumsal yapının üstünde yer alan soylu kısmına ve savaşçılara hitap etmektedir. Öte yandan, doğu ülkelerinde de düello benzeri karşılaşma ve çarpışmalar görülmüştür. Bu anlamda, savaşçılık ruhunu göstermek, intikam, servet, onur ya da savaşlardan önce gerçekleştirilmesi lazım gelen göreneklere uymak gibi farklı şekillere bürünse de, düello geleneği hemen her zaman varlığını korumuştur.

İtalya’da başlayan modern düello akımı, daha sonra neredeyse tüm Avrupa’ya yayılır. Özellikle Fransa ve İngiltere’de daha geç dönemlerde ise Amerika’da birçok düello vakası gerçekleşir. Rus düellosu da batıdan, Fransa’dan alınır. Ancak Rusların düellosu, diğer toplumların düellosundan farklılık gösterir. İmparatoriçe II. Yekaterina, “düelloda yabancıların fikirlerinin geçerli olduğunu” söyleyerek kurallarının topluma göre yeniden düzenlenmesini ister (2: <Düello> parçası, ikinci kısım).

19. yy Rusya’sında düello, hükümet ve kilise tarafından yasaklanmış olmasına rağmen, toplum tarafından alışılmış ve kabul görmüş bir hadisedir. 18. yy sonu ile 19. yy başlarında Rus düello kurallarının Fransa’dakinden çok daha katı

olduğunu göz önünde bulundurmak gerekir. Rakipler on adımdan daha az bir mesafeden ateş ederler. Bu yönüyle düello, ritüel, kanlı ve zalimce bir cinayet olarak görülür.

Büyük Rus şair ve yazar Aleksandr Sergeyeviç Puşkin, düello kurbanı olmuş önemli biridir. 27 Ocak 1837 yılında Dantes'le girdiği düelloda ağır bir şekilde karnından yaralanır ve iki gün sonra da hayatını kaybeder. Dantes'in, Puşkin'in eşi Natalya Nikolayevna'ya açıktan açığa kur yapması üzerine şair Dantes'i düelloya davet eder. Puşkin ve Dantes'in düello şartları oldukça ağırdır. Puşkin ve Dantes'in şahitleriyle imzalanan şartlara göre düello ölümcül bir sonuç alacak şekilde tasarlanır (2: <Düello> parçası, ikinci kısım).

Düello, diğer bir Rus şairi ve yazarı Mihail Yuryeviç Lermontov'un da ölüm nedeni olur. Bu düello, 27 Ekim 1841'de Lermontov'un alaylarından öfkelenen binbaşı Martinov'un daveti üzerine gerçekleşir. Düelloda Lermontov uzlaşma isteyerek rastgele ateş eder. Düello kanununa göre, rakiplerden ilki havaya ateş ederse kaderi ikincinin insafına kalır. Lermontov'un alaylarıyla çileden çıkarılan Martinov ise hedefe ateş eder ve onu öldürür. Düelloyu çağın sosyal bir olayı olarak kabul ettiğimiz için, söz konusu olayı zamanın ahlaki değerlerine ve çağın özelliklerine göre değerlendirmek gerekir.

19. yy Rus edebiyatı için soylu kültür tasviri gelenekseldir. Rus edebiyatının çoğu eserlerinde düello önemli bir konudur. Bu yüzden 19. yy düello konusu, Puşkin'in *Yevgeniy Onegin* (1831), Lermontov'un *Zamanımızın Bir Kahramanı* (1840) ve Turgenev'in *Babalar ve Oğullar* (1861) gibi romanlardan hareketle tespit edilmeye çalışılmıştır. Mademki düello dönemin ruhu olarak kabul edilir, o zaman bu hiç de şaşırtıcı bir durum değildir. Yazarların eserlerindeki düellolar, yalnızca o dönemi karakterize etmeye yardımcı olmaz, aynı zamanda ölümün kıyasında olan kahramanların özelliklerini, yaşamın istisnai anlarını ortaya çıkararak gerçekleri göstermeye de yardımcı olur.

Puşkin'in *Yevgeniy Onegin* romanında düello, soylu iki ana kahraman olan Yevgeniy Onegin ve arkadaşı Vladimir Lenskiy arasında gerçekleşir. Düellonun nedeni oldukça sıradandır. Onegin, kendine göre basit bir istek olduğunu düşündüğünden arkadaşıyla eğlenmek ister ve Baloda Olga'ya bakar. Kıskaç Lenskiy bu durumu kabullenmez ve arkadaşı Onegin'i düelloya davet eder. Hem Onegin, hem de arkadaşı, soylu şerefini, haysiyetini savunmanın tek çaresi olarak görülen düelloyu düşünürler. Fakat düellonun anlamsızlığı ve acımasızlığı romanda hissettirilmesine rağmen bundan kaçınmak mümkün olmaz. Aslında Düello, Onegin'in iç dünyasına aykırıdır; ancak toplumun şerefe, onura bakış açısı Lenski'nin düello davetini ona zorla kabul ettirir.

Düellonun önemli bir özelliği, insanları bir ritüelin içine çekerek kendi iradelerinden mahrum etmek ve otomatik dönüştürmektir. Onegin karakterini anlamak için bu özellik önemlidir. Düelloya karşı olmasına rağmen Onegin toplumun onura bakışının da etkisiyle Lenskiy'nin teklifini kabullenir. Zira Onegin, komik duruma düşmekten ve insanların hakkında ileri geri konuşmalarından korkmaktadır. Üstelik tam bir tiyatro oyunu halini alan, onur için kurbanlar verilen bu seremoni havasındaki düello katı bir senaryoya sahiptir. Bir seremoni havasında olan düello, katılımcılarını bireysel rollerinden mahrum bırakmaktadır. Düelloyu durdurmada ya da düelloda herhangi bir şeyi değiştirmede tek bir katılımcının bile hükmü geçmemektedir. Onegin düelloyu önlemeye ve senaryoyu değiştirmeye yeltense de bunun faydası olmaz. Özellikle düelloya geç kalarak ve hizmetkârı Fransız Gilo'yu şahit kılarak düellonun kurallarını yıkmak niyetindedir. Lenskiy'nin şahidi bir soyludur, emekli subay Zaretskiy düelloyu durdurabileceği halde bunu görmezlikten gelir. Onun için düello, kanlı da olsa bir eğlencedir.

Kuraya göre ateş etmek Lenskiy'den önce Onegin'e düşer. Onegin ateş ederek genç şairi öldürür. Kendisi de ruhsal açıdan ölür. Düello etiği, evrensel normlarla paralel olarak varlığını hep sürdürür. Ne bir bozulmaya uğrar ne de kaldırılır. Düello adetleri bile, Onegin'e katil olduğunu unutturamaz. Onda ruhî bir sarsıntı yaratır. Değişmesinin ve bütün yaşamsal değerlerinin yeniden idrak etmesinin başlangıcı olur. Bu şekilde Puşkin romanında insan davranışını yansıtarak soyluların onurla ilgili düşüncelerinin yapmacıklığından, anlamsızlığından ve hayatın değerinden bahseder.

Lermontov'un *Zamanımızın Bir Kahramanı* romanında düellonun farklı bir yönünü göstermektedir. Romanın başkahramanı Peçorin, günlük hayatta karşılaşılan çağdaş insanın bir prototipidir. Soylu Peçorin felsefe, edebiyat ve tarihle

İlgilenen kültürlü bir gençtir. Bir tarafta elde etmek istediği değerler için çaba gösterirken, diğer tarafta doğaya karşı duyarlı oluşu onun duygusal yönünü de ortaya çıkarır. Olumlu özelliklerinin yanı sıra çevresindekilere karşı acımasız ve duyarsızdır. İçinde yetiştirdiği toplumun şartlarına dayanamayıp ruhsal çöküşler yaşar ve gereksiz düellolara karışır. Zira Peçorin düelloyu onur meselesi olarak kabul etmektedirler.

Peçorin bir yandan eski sevgilisi ve evli Vera'yla görüşmeye devam ederken diğer taraftan da Meri'yi kendine bağlar. Kişiliğindeki bu bozukluğun farkında olan Peçorin bir gece Vera'nın balkonundan inip kaçmaya çalışırken eski bir arkadaşı olan ve aynı zamanda Prenses Meri'ye âşık olan Gruşnitskiy onu görür. Aralarında çıkan tartışmadan dolayı iki arkadaş düello kararı alır. Romanda şerefi ve haysiyeti düşünmeyen iftiracı Gruşnitskiy'i cezalandırmak için düello tek yol olarak görülür. Aslında Gruşnitskiy suçunu kabul ederse Peçorin ateş etmekten vazgeçmeye hazırdır. Fakat Gruşnitskiy suçunu kabul etmez ve Peçorin tarafından öldürülür. Vera'nın kocası onun Peçorin'i sevdiğini öğrenince karısını terk eder. Kısacası Peçorin çevresindeki herkesi felakete sürüklemektedir.

Düellodan hemen önce Peçorin, arkadaşı Gruşnitskiy'i kendisine attığı iftiradan vazgeçirmeye çalışır. Ancak yüzü ateş basan ve gözleri yanan Gruşnitskiy'nin verdiği cevap düelloyu kaçınılmaz yapar: "*Vurun! Kendimden öğreniyorum, sizden de nefret ediyorum. Eğer siz beni öldürmezseniz, geceleyin tenha bir yerde ben sizi bıçaklayarak öldüreceğim. Bu dünyada ikimize yer yok!*" (1, s.162).

Turgenyev'in *Babalar ve Oğullar* romanında düello saçma bir şey ve bir parodi olarak ortaya çıkar. *Babalar ve Oğullar* şifrelenmiş olarak karşımıza çıkmaktadır, ondaki karakterler ve bazı epizotlar Puşkin'in konusuyla paralellik göstermektedir (3, s. 458). Turgenyev'in düellosu tuhaf ve saçmadır. Zira rakiplerden biri düello kanununun aksine bir diğerine eşit değildir. Pavel Petroviç Kirsanov kendini aristokrasi geleneğinin taşıyıcısı olarak gören bir soyludur, Bazarov tabii bilimler uzmanı ve devrimci bir demokrattır. Bazarov kendini asla bir soylu gibi hissetmemektedir. Düelloya olan tavrıyla ilgili Pavel Petroviç'in sorusuna şöyle yanıt verir: "*İşte benim fikrim: teorik bakış açısıyla düello saçmaluktur; fakat pratik bakış açısıyla farklı bir meseledir.*" Bazarov düelloyu "komedi", "Fransızca bir roman" olarak adlandırmaktadır.

Babalar ve Oğullar romanındaki soylu Pavel Petroviç Kirsanov ve bilim uzmanı Bazarov arasındaki düellonun nedeni iki neslin yaşam tarzlarının çatışmasıdır. Bazarov'un Feneçka'yı öpmesi, ideolojileri farklı iki insan arasında çatışmaya sebep olur. Zira Feneçka, Pavel'in kardeşi Nikolay Petroviç'in eşiştir. Bazarov genç kadını öperken Pavel tesadüfen bunu görür. Bazarov'un bu iğrenç hareketi soylu Pavel'i öfkelenirir ve onu düelloya davet etmesine sebep olur.

Geçen yüzyılın ve aristokrasinin temsilcisi olarak kabul edilen Pavel, Bazarov'un görüşünü kabul etmez. İki nesil arasındaki çatışma düelloyla sonuçlanır. Düellodan Bazarov galip gelerek Pavel'i yaralar; ancak sonunda ona yardım eder. Bu düello, iki kuşak arasındaki sembolik bir çatışma halini alır. 19. yüzyılın ortalarında bu kuşağın temsilcileri ideolojik olarak ölümler diye adlandırılır. Böylece bu yüzyılda Rus edebiyatında geniş bir yankı uyandıran düello geleneği Rus soyluluğunun tarihini de göstermiş olur.

Sonuç

Onur kuralları çerçevesinde şekillenen ve köken olarak Germen kavimlerine ait olan düellonun yargılama usullerinin Ortaçağ Avrupa toplumlarına özgü olduğu, daha sonra Rus toplumuna geçtiği görülür. Bu anlamda düello, Ortaçağ Avrupa'sında ortaya çıkan şövalyeliğe ve mağrur feodal beylere kadar dayandığını halk tabakasını pek kapsamadığını söylemek mümkündür.

19. yy Rus toplumunda düello sadece romanda değil, hayatın içinde de canlı bir şekilde yaşar. Puşkin ve Lermontov gibi yazarların düelloya karşı olmalarına rağmen genç yaşta düelloya kurban gittiklerini, toplumun ve çağın gereklerine uyum gösterdikleri görülür.

Bahsi geçen üç romanda da düellonun yapılması, aldatmaya ve kıskançlığa bağlı olarak şeref ve haysiyete hakarete bağlıdır. Yazarların da gerçek yaşamda bu sebeple düello yaptıkları ve öldükleri bilinmektedir.

Kaynakça

1. Lermontov, Mihail, Zamanımızın Bir Kahramanı, (Çev. Ülkü Tamer), İstanbul: Can Yayınları, 2009.
2. Lotman Y.M., Rus Kültürü Hakkında Sohbetler, Rus Soyluluğunun Hayatı ve Gelenekleri (18.yy-19.yy başları). Sankt-Peterburg: Sanat-Sankt-Peterburg, 1994. URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/
3. Lotman Y.M., Puşkin, S.Peterburg: Sanat-S.Peterburg, 1995.
4. Puşkin, A. S., Yevgeniy Onegin, (Çev. Azer Yaran), İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2004.
5. Turgenyev, İ. S., Babalar ve Oğullar, İstanbul: Elips Yayınları. 2007.

МОДЕЛИ ПРОИЗВОДНЫХ ХРОНОНИМОВ И ИХ ФУНКЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА «БЕДНОЙ ЛИЗЫ» Н.М. КАРАМЗИНА

С.Б. Аюпова, Н.С. Петрасюк

Аннотация. Статья посвящена описанию и анализу моделей производных хрононимов и выявлению их функций в языковой художественной картине мира «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, Н.М. Карамзин, языковая художественная картина мира, хрононим, словообразование.

Annotation. The article is devoted description and analysis of models of derivatives khrononims and exposure of their functions in the linguistic artistic picture of the world of «Poor Liza» N.M. Karamzina.

Keywords: Russian literature of XVIII age, N.M. Karamzin, linguistic artistic picture of the world, khrononim, word-formation.

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа (Россия)

Антропоцентрическая парадигма современной науки обусловила интенсивное изучение картины мира. Разновидностью языковой картины мира является языковая художественная картина мира, под которой понимаем «художественное представление автора произведения о действительности, отразившееся в языковой форме» [2, с. 4]. Время является ее неотъемлемой частью. Семантика времени имеет разнообразные средства выражения на всех уровнях языковой системы. Словообразование играет важнейшую роль в концептуализации действительности, поскольку предоставляет необходимые условия для ее интерпретации, «что позволяет понять, *какие* элементы внеязыковой действительности и *как* словообразовательно маркируются, *почему* они удерживаются сознанием» [3, с. 9]. Вместе с тем роль словообразования в формировании категории времени художественного текста только начинает исследоваться [1], изучение словообразовательных моделей как средства выражения категории времени в языковой художественной картине мира на материале повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» осуществляется впервые.

Исследование показало, что в художественной прозе Карамзина преобладают производные хрононимы, созданные по узуальным словообразовательным моделям.

При нетранспозиционном словообразовании в производных прилагательных сема времени совмещена с типичной для них семой характеристики и со словообразовательным значением аффикса. Образование хрононимов происходит по узуальной модели: ‘признак предмета по времени → отсутствие признака предмета по времени’. В модель входит приставка без- (*временный* → *безвременный*). Транспозиционное словообразование прилагательных-хрононимов позволяет добавить к семе характеристики акциональную, предметную семантику, значение вторичного признака. При образовании прилагательных-хрононимов от существительных-хрононимов используется темпоральная модель: ‘единица времени → признак предмета по отнесенности к единице времени’. В модель вошли синонимичные суффиксы -н- (*лето* → *летний*, *вечер* → *вечерний*), -ск- (*май* → *майский*), -енн- (*утро* → *утренний*), со значением ‘отнесенность к единице времени, названной в производящей основе’. Акциональная модель ‘процессуальный признак предмета по времени → непроцессуальный признак предмета по времени’ характерна для образования прилагательных-хрононимов от глаголов-хрононимов. Составной частью модели является суффикс -л- (*пожить* → *пожилой* со значением ‘способность подвергаться действию, названному в производящей основе’). Таким образом, производные прилагательные-хрононимы не только выражают значение времени, но и передают отношение к суточному, сезонному, календарному времени, к различным временным параметрам (длительности, повторяемости, прерывистости, необратимости), к единицам измерения времени. Предметность в дополнении к семе характеристики привносят в понятие времени представление о его многовекторности. С одной стороны, это

направленность прилагательного на установлении взаимосвязей с явлениями действительности, выраженными существительными. Так, сема отношения ко времени в прилагательном при согласовании его с существительным позволяет «включить» в поток времени все многообразие мира: фрагменты пространства (*Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особливо когда светит на нее солнце, когда **вечерние лучи** его пылают на бесчисленных золотых куполах <...>*), состояния природы (***Утренняя заря**, как алое море, разливалась по восточному небу.*) и многое другое. С другой стороны, хронимы-прилагательные вносят разнообразие в единицы времени, конкретизируют представление, участвуя в структурировании циклического времени, включая единицы суточного времени в круговорот сезонного времени (*На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению деревьев, поют простые, унылые песни и сокращают тем **летние дни** <...>*; *От сей мысли прояснялся взор ее, розы на щеках освежились, и Лиза улыбалась, как **майское утро** после бурной ночи.*). Таким образом, многочисленные транспозиционные хронимы-наречия с семантикой характеристики образуются по темпоральным моделям: 1) 'признак предмета по времени → признак действия по времени'. Составной частью модели является суффикс *-о-* (*давний* → *давно*, *частый* → *часто*, *скорый* → *скоро*, *редкий* → *редко*, *беспристанный* → *беспристанно*). В модели применяется конфикс *из-...-а* (*редкий* → *изредка*) с тем же значением; 2) 'признак предмета по времени → признак, характеризующийся отношением к неизменности событий во времени'. При этом используется конфикс *по-...-ему* (*прежний* → *по-прежнему*); 3) 'указание на признак предмета → признак, характеризующийся отношением к порядку следования событий во времени'. В модели представлены префиксы *за-* (*тем* → *затем*); *на-* (*перед* → *наперед*); 4) 'единица времени → максимальная реализация временного признака'. Для модели характерен префикс *на-* (*век* → *навек*); 5) 'единица времени → признак, характеризующийся отношением к единице времени'. Компонентами модели являются синонимичные суффиксы *-ом* (*лето* → *летом*, *утро* → *утром*), *-ою/-ой* (*весна* → *весною*). Для модели также характерен конфикс *в-...-у* (*вечер* → *вечеру*); 6) 'количество или порядок при счете → признак, характеризующийся отношением к повторяемости во времени'. В модель входит суффикс *-жды* (*один* → *однажды*). Таким образом, наречия-хронимы характеризуются многослойной семантикой. В них представлены семы указания на исхождения действия от временного признака и характеристика этого признака по отношению к суточному и сезонному времени (*До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась **утром**, и чистая, радостная душа светила в глазах твоих <...>*; *Одна Лиза, которая осталась после отца пятнадцати лет, – одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, **весною** рвала цветы, а **летом** брала ягоды – и продавала их в Москве.*); асимметрии времени (*Услужливая Лиза, не дожждавшись ответа от матери своей – может быть, для того, что она знала его **наперед**, – побежала на погреб – принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком <...>*); неизменности или повторяемости действия («*Ах, Эраст! Уверь меня, что мы будем **по-прежнему** счастливы!*»); максимальной доведенности в событии основного свойства времени – длительности (*Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела – глаза **навек** закрылись*). Наречия передают также становление временного признака (*Становилось **темно**, и молодой человек уже хотел идти.*)

При образовании существительных сема времени обогащается семами характеристики, акциональности, количества, локализации, оценки. В транспозиционных существительных-хронимах, образованных от прилагательных, на сему отвлеченности накладывается сема характеристики. При этом используются следующие темпоральные словообразовательные модели: 1) 'признак предмета по времени → отвлеченный признак предмета по времени'. В модель входит суффикс *-ость-* (*молодой* → *молодость*, *старый* → *старость*); 2) 'признак предмета по отношению к моменту речи → период времени по отношению к моменту речи'. Существительные образуются в результате конверсии (*минувший* → *минувшее*). Производные существительные-хронимы полифункциональны. Они не только формируют на линейной шкале времени область отвлеченных понятий (*Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей **молодости** <...>*), но и участвуют в установлении порядка

следования единиц времени (*Там, опершись на развалинах гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет*).

Производные глаголы-хронимы образуются преимущественно по нетранспозиционной модели: ‘процессуальный признак предмета, характеризующий время → процессуальный признак предмета, характеризующий произвольно совершившееся действие’. В состав модели входит постфикс *-ся* (*продолжать* → *продолжаться*, *становить* → *становиться*). Глаголы-хронимы, совмещая темпоральную семантику с акциональностью, помогают писателю создавать представление о времени как о вечно движущемся потоке. Фазы действия вписывают его в линейную модель времени (*Свидания их продолжались; но как все переменялось!*).

Итак, анализ повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» с точки зрения роли словообразовательных средств в формировании структурно-семантической категории времени позволил выявить особенности концептуализации временной субстанции в языковой художественной картине мира писателя, словообразовательные модели, благодаря которым во временном компоненте ЯХКМ прозы Карамзина устанавливаются многообразные связи с другими частями художественного мироздания, и функции производных хронимов. Производные хронимы участвуют в структурировании категории времени, но при этом производные слова делают представление о времени более богатым, детальным, многослойным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аюпова С.Б. Категория времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева). – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012 – 279 с.
2. Аюпова С.Б. Категория пространства в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева): монография. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 367 с.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Изд-во «Индрик», 1998. – 240 с.

«ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» КАК КОНЦЕПТЫ КУЛЬТУРЫ

Готиашвили Э. , Т. Тваладзе (ГРУЗИЯ)

LIFE” AND “DEATH “ AS EXISTENTIAL CONCEPTS OF CULTURE

E.GOTIASHVILI, T.TVALADZE (GEORGIA)

Summary: Our aim is to study through language definite types of human consciousness. It is of great interest to study language and mentality. A man is determined as a definite national mentality carrier. Along with all the other data the language is essential in the process of mentality formation. **The aim** of the work is to single out the ethnic mentality of Georgian , Russian and English peoples and to make their description with the help of key concepts “life” and “death”, which are considered the mirror of national culture. Research on the nature of linguistic and cultural similarities and differences can play a positive and constructive role in harmonization of intercultural communications

Выдвижение антропоцентрической парадигмой на первое место человека основано на одновременном признании роли языка, как главной конструирующей характеристики человека. Язык, вторгаясь во все мыслительные процессы, создаёт новые ментальные пространства, выводя человека за рамки непосредственно наблюдаемого. Он отражает движение человеческой мысли, строит возможные миры, запечатлевая в себе динамику мысли и способы её представления с помощью средств языка. Среди основных направлений, формирующихся в рамках антропоцентрической парадигмы следует отметить лингвокультурологию , когнитивную лингвистику, этнолингвистику, этнопсихоллингвистику и др. Если лингвокультурологию интересует язык как феномен культуры, реализующий определенное видение мира сквозь призму национального языка, то когнитивная лингвистика оперирует категорией « информации» и её обработки человеческим разумом, категорией «структур знания» и их репрезентации в сознаний человека и языковых формах. Если когнитивная лингвистика, вкпе с другими направлениями, образующими когнитологию (когнитивной психологией и когнитивной социологией) пытается ответить на вопрос о том, как в принципе организовано сознание человека, как человек познаёт мир, какие сведения о мире становятся знанием, как создаются ментальные пространства, то все внимание культурологии уделяется человеку в культуре и его языку, что требует решения следующих вопросов: каким видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре, какова роль фразеологизмов в репрезентации культуры и т. д. С национально-культурной спецификой связана и такая дисциплина, как этнопсихоллингвистика, которая представляет собой направление, которое рассматривает речевую деятельность в преломлении национально-культурной специфики и с учётом национально-культурной составляющей дискурса, а также исследует этнопсихоллингвистическую детерминированность языкового сознания и коммуникации.

Человек, как языковая личность, представляет собой не отвлеченное понятие, а является носителем определенной культуры, представителем определенного социума, что определяет его этнолингво-социальный статус. Следует отметить, что ключ к пониманию другой культуры лежит в сфере антропоцентристской парадигмы. Большинство конфликтных ситуаций, возникающих при общении с инофонами, связано с фактором игнорирования национально-культурных особенностей коммуни-кантов. Интересно, что возникшее недавно направление – «лингво-конфликтология» ставит задачей исследовать возникновение возможных конфликтных ситуаций и дать практические рекомендации для их упреждения. Первым и необходимым условием является знание менталитета той или иной нации. Языковое сознание, фиксирующее в виде определённых концептов ключевые понятия культуры, представляет мир в качестве единой, целостной картины. Следует отметить, что, несмотря на «единство

материальной основы мира», последний воспринимается разными культурами, по-разному, что отражается и в формах языковой манифестации действительности. Полагаем, что понимание менталитета, возможно на базе соответствующего языкового сознания. В этой связи особый интерес представляет сопоставительное исследование концептов «жизнь» и «смерть», позволяющее выявить специфику языкового сознания.

По своей природе мысль человека предполагает, с одной стороны, независимый от неё материальный мир, отражаемый ею, а с другой – вербальные средства её выражения. По словам Т. А. Фесенко: «Естественный язык не обладает функцией порождения мысли; являясь средством выявления структуры мысли носителя языка, он, по сути, даёт ключ к реконструкции сознания» (Т. А. Фесенко, 1999, 12).

Реальная действительность отражается в человеческом мозгу в процессе мышления как накопленное знание об этой действительности, репрезентируемое в материальных формах языка. Язык обеспечивает человеку переход на уровень оперирования такими формами мысли, которые эксплицируются в семантике вербальных форм. Мышление, таким образом, не просто существует в формах мысли, но реализуется в конкретных, эксплицирующих эти формы мысли, вербальных формах. Изучение соотношения мыслительных и языковых структур и их роли в познании действительности позволило Т. А. Фесенко, вслед за другими исследователями (Н. И. Жинкиным, Ю. С. Степановым и др.), постулировать наличие «промежуточного языка мысли, определяемого как «язык ментальных построений», который рассматривается в качестве «промежуточного кода» между универсальным предметным кодом и реальной речью, который осуществляет «перекодировку» содержания смыслового кода в вербальные знаки. Одним из его структурных компонентов Т. А. Фесенко считает концепт (Фесенко Т. А., 1999, 12). Он существует в ментальной реальности человека как совокупность знаний и информации об актуальном или вероятном положении дел в реальном мире в контексте эмоций, переживаний, ассоциаций и т. д. Осознание его как ментального образования позволяет не только реконструировать ментальный мир носителя концептуальной системы, мир его психики, но и воссоздать его этноментальную характеристику. Вслед за Ю. С. Степановым, мы интерпретируем **концепт как фрагмент этнокультурного мира человека в его ментальном мире**. В интерпретативном режиме система вербальных значений соотносится с социо- и этнокультурной компетенцией носителя языка, концептуальное наполнение которой является одной из определяющих черт менталитета народа. Интерпретация фрагмента действительности в концептуальной системе – это, прежде всего, конструирование информации об определенном мире или «картине мира». Бесспорно, что содержание базовых концептов значительно объёмнее, чем содержание одноименных языковых сущностей, поскольку их осознание распространяется по всей идеографической сфере, включающей разноименные обозначения «родового» понятия. Наличие безусловной связи идеографически организованных языковых выражений с концептуальной системой позволяет нам рассматривать вербальную идеографическую организацию в качестве репрезентации концептуальной модели, содержащей все знания о мире и весь ценностный опыт, накопленный данным социумом. При этом концептуальная модель как бы сохраняет мысль «открытой» предстоящим возможностям. Практически любой концепт может быть переведен с одного языка на другой и репрезентирован в иной языковой «упаковке». При этом переводчики должны перекодировать все «когнитивное содержание» носителя языка.

Особую разновидность концептов составляют «культурные концепты» (в нашем случае концепты «жизнь» и «смерть»). Как мы уже отметили, каждый концепт, выраженный вербальными средствами, имеет свою собственную, детерминированную значениями семантическую форму, которая характеризуется этнокультурной обусловленностью, поскольку в ней выражены все коннотативные, модальные, эмоциональные, экспрессивные, прагматические и иные оценки. «Культурные концепты», или в иной терминосистеме, ключевые концепты культуры», представляют собой ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. Концепты, по замечанию Д. С. Лихачева, возникают в сознании человека не только как намёки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный,

исторический и т. п. (цит. по кн.: Лингвокультурология, 2004, 51). Концепты культуры можно разделить, по А. Я. Гуревичу, на две группы: «космические», философские категории, которые он называет «универсальными категориями культуры» (время, пространство, причина, изменения, движение), и социальные категории, так называемые «культурные категории» (свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность). Рассматривая указанную классификацию, В. А. Маслова предлагает добавить ещё одну группу – «категории национальной культуры» (для русской культуры, это – воля, доля, интеллигентность, соборность и т. п.). При ближайшем анализе концептов выясняется, что культурно-специфических концептов в любом языке значительно больше, чем кажется на первый взгляд. В качестве примера В. А. Маслова приводит концепт «картошка». Для русских – «сидеть на одной картошке» эталон скудного питания, а для белорусов – это привычная национальная пища, являющаяся вторым хлебом, который порой даже важнее первого (В. А. Маслова, 2004, 51).

Ключевые концепты культуры занимают важное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальной проблемой. Проблему исследования коллективного языкового сознания, отражающую закрепившиеся в языке определенные закономерности организации слов в предложении, мы рассмотрели на основе универсальных концептов «жизнь» и «смерть», в которых проявляется специфичность национальных картин мира. В концептосфере любого языка концепты «жизнь» и «смерть», занимают центральное место среди культурных концептов, поскольку содержащиеся в них понятия экзистенциально значимы как для каждого человека в отдельности, так и для всех людей мира. Лингвокультурологический анализ концептов «жизнь» и «смерть», в текстах разных жанров позволяет выявить те представления о жизни и смерти, которые присущи обыденному, научному и художественному типам сознания. Кросс-культурный анализ двух фрагментов «жизнь» и «смерть», в русской, английской и грузинской национальных картинах мира, позволяет максимально полно реконструировать соответствующий фрагмент языковой картины мира, строящийся на идеографической (ономазиологической) основе. Лингвокультурологический анализ концептов «жизнь» и «смерть» позволил: 1) выявить национально-культурную специфику языковой манифестации данных концептов в английском, русском и грузинском языках;

2) установить национально-культурную специфику и универсальные черты при осмыслении указанных концептов в пределах соответствующих концептосфер;

3) дать синтагматическую характеристику имен «жизнь» и «смерть», чтобы обнаружить узловые представления, стоящие за этими именами и очерчивающие их семантические границы; Специфика концептов «жизнь» и «смерть» рассмотрена в сопоставительном плане, что позволяет реконструировать значимые фрагменты национальных картин мира.

На основе толковых, семантических, идеографических, этимологических, ассоциативных фразеологических словарей русского и грузинского языков, сборников паремий, и афоризмов, материалов газет, а также данных кросс-ассоциативного эксперимента, устанавливаются универсальные и национально-культурные особенности семантики и прагматики данных концептов.

Литература

1. Маслова В. А. Лингвокультурология. М., 2004.
2. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1996.
3. Фесенко Т. А. Концептуальные основы перевода. М., 1999

МЕЖСЛОГОВАЯ АССИМИЛЯЦИЯ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ФОНЕМЫ <E>

А.А. Курулёнок
НГПУ, Новосибирск (Россия)

Рассматриваются переход древнерусской фонемы переднего ряда <e> в зону непредней фонемы <o> и нейтрализация древнерусских фонем <e> и <ě> в позиции между мягкими согласными с точки зрения действия в истории русского вокализма тенденции к межслоговой ассимиляции.

Межслоговая ассимиляция, велярная силлабема, палатальная силлабема, падение редуцированных

INTERSYLLABIC ASSIMILATION IN THE HISTORY OF OLD RUSSIAN PHONEME <E>

The transformation of the Old Russian front phoneme <e> into the non-front phoneme <o> and neutralization of Old Russian phonemes <e> and <ě> in the position between soft consonants is considered. It is done from the viewpoint of intersyllabic assimilation tendency in the Russian vocalism history.

Keywords: Intersyllabic assimilation, velar syllabeme, palatal syllabeme, reduced vowels fall

В разные периоды развития русского вокализма процессы, его определяющие, были вызваны действием тенденции к уподоблению. Межслоговая ассимиляция – так называемый умлаут, известном в области русского вокализма, но не обративший на себя должного внимания. Изменения, происходившие между двумя соседними слогами, заключались в ассимилирующем воздействии безударного гласного следующего слога на ударный гласный предыдущего слога, тем самым достигалась гармония между слогами.

С точки зрения межслоговой ассимиляции обращает на себя внимание проблема древнерусского перехода <e> в <o>, а именно вопросы об условиях его осуществления и времени протекания. Ряд известных учёных (А.Х. Востоков, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, Е.Д. Поливанов, И.Г. Добродомов) усматривали в переходе <e> в <o> действие межслогового уподобления.

Разговор о лабиализации в изменении [e] → [o] считаем не решающим и не определяющим сущность этого процесса. Даже если принять позицию о влиянии последующего лабиализованного согласного на гласный [e], то остаётся непонятным, почему именно согласный воздействовал на [e] в то время, когда его лабиализованность сама была обусловлена следующим лабиализованным гласным и предопределялась именно последующим присутствием этого гласного. Целесообразнее предположить, что как раз следующий гласный оказывал опосредованное воздействие на гласный [e]. Согласный только видится «виновником» изменения, так как он находился в непосредственном контакте с [e]; а в современном русском языке есть закрытые слоги, заканчивающиеся согласным, что также предопределило мнение о влиянии на [e] следующего конечного согласного, за которым теперь нет никакого гласного.

Если принять, что переход <e> в <o> осуществлялся по причине того, что в следующем слоге был гласный заднего ряда, то следует признать: существенным в изменении [e] в [o] было передвижение переднерядного [e] в зону заднерядного [o], и этому процессу могла сопутствовать лабиализация. Таким образом, переход <e> в <o> может быть объяснён регрессивной ассимиляцией гласных двух смежных слогов, которая проходила по признаку ряда.

Рассмотрение перехода <e> в <o> с позиций регрессивного уподобления гласных в соседних слогах

раздвигает его хронологические рамки: скорее всего, оно осуществлялось до падения редуцированных, но не раньше, чем произошло вторичное смягчение согласных, иначе бы полумягкий согласный, стоявший перед [e], после того, как тот изменился бы в [o], становился твёрдым.

Изменение <e> в <o> началось после смягчения полумягких, когда в системе господствовали силлабемы – нерасчленённые сочетания согласной с последующей гласной. Эпоха силлабем была переходной эпохой от вокалической к консонантной системе. В этот период система гласных, потеряв былую самостоятельность по отношению к согласным и то влияние на них, которое было возможным до смягчения полумягких, тем не менее не давала согласным проявлять фонологическую самостоятельность, поскольку твёрдость или мягкость согласных продолжала зависеть от качества образования последующего гласного. И система согласных ещё не подчинила себе систему гласных, хотя переднее или непереднее образование гласных становится обусловленным качеством предыдущего согласного, к тому же изменения согласных уже начались – они смягчились. Известно, что фонологическая система не допускает одновременного изменения и согласного, и гласного в пределах слога, поэтому вторичное смягчение обозначило перераспределение признаков: начало фонологизации твёрдости/ мягкости согласных, которой после падения редуцированных предстояло нивелировать противопоставление гласных по ряду.

Выделим два типа силлабем – велярную, в которой сочетались твёрдый согласный и непередний гласный, и палатальную, включающую сочетание мягкого согласного и переднего гласного. Между силлабемами и могла происходить ассимиляция: в результате их взаимодействия <e> изменялась под влиянием гласной непереднего ряда, входившей в состав следующей велярной силлабемы. Фонема <e>, входящая в состав палатальной силлабемы, уподоблялась гласному следующей силлабемы по определённому признаку и изменялась. Перед гласным непереднего ряда последующей велярной силлабемы она ассимилировалась по ряду и переходила в непереднюю зону образования, изменяясь в [o]: [м'е-дь] → [м'о-дь], [ж'е-ны] → [ж'о-ны]. Утрачивается былое противопоставление <e> – <o> по ряду.

Однако, начавшись в эпоху функционирования силлабем, фонетическое преобразование [e] в [o] не закончилось после падения редуцированных, а продолжилось при изменившихся условиях. Силлабема, состоящая из твёрдого согласного и слабого редуцированного звука заднего ряда ъ, после падения еров перестаёт существовать. Согласный звук, входящий когда-то в силлабему, вбирает в себя её остатки. Признак непереднего ряда переходит к предыдущему твёрдому согласному, переднее/ непереднее образование у гласных становится признаком избыточным, дублирующим (поскольку теперь предугадывается предшествующей, твёрдой или мягкой, согласной фонемой).

Происходит утверждение фонологической категории согласных по твёрдости/ мягкости, которая стала формироваться ещё внутри силлабемы; падение редуцированных лишь зафиксировало и утвердило эти изменения в системе согласных. Согласные укрепили свои позиции за счёт появления после мягкого согласного непереднего гласного [o] вследствие перехода [e] → [o], а также за счёт падения еров и появления сильного, фонетически независимого положения для противопоставления твёрдых и мягких согласных – на конце слова.

Целостная картина истории старой фонемы <e> может сложиться только в том случае, если ещё и рассмотреть историческое поведение этой фонемы сначала перед палатальной (мягкой) силлабемой и затем перед мягким согласным.

А.И. Соболевский, В.В. Виноградов, К.В. Горшкова, В.В. Иванов писали о приобретении древнерусской фонемой <e> в этом положении закрытого характера и об одинаковой реализации фонем <e> и <ѣ> перед мягким согласным в закрытом звуке [e]. При этом часто говорилось о сближении этих фонем в произношении и последующей утрате древнерусской фонемы <ѣ>.

Изменение [e → e], по данным некоторых учёных (Л.Л. Васильев, В.Н. Сидоров) было известно ещё в эпоху силлабем, и объяснением такого изменения может служить действие межслоговой ассимиляции.

В период функционирования силлабем смещение некоторых фонемных признаков в сторону согласного элемента слога (усиление консонантного начала в системе), вызванное вторичным смягчением согласных, привело к

частичному уподоблению гласных, находившихся в соседних слогах. Коснулось это и фонемы <e>, которая оказалась слабо противопоставленной в системе; однако и внутри syllабемы, можно полагать, гласные продолжали различаться в пределах одной зоны образования по признаку подъёма.

Звук [e] перед syllабемой с гласным переднего ряда испытывал ассимиляционное воздействие со стороны гласного более высокого подъёма (но того же ряда!) и тоже повышался по подъёму. Гласный звук [e] перед syllабемой с другими гласными переднего ряда и под воздействием последних приближался к ним, т.е. повышался: **печь** – [n'e-ч'ѣ] → [n'ê-ч'ѣ]: звук [e] приобретал закрытый характер и, изменившись в [ê], перемещался в зону более верхнего подъёма, где исконно находилась фонема <ě>. Происходила ассимиляция древнерусского гласного звука [e] по признаку подъёма и совпадение его звучания с реализациями древнерусской фонемы <ě>.

Изменение [e → ê] также усилилось после падения редуцированных, когда преобразование фонемы <e> продолжилось уже под воздействием последующего мягкого согласного (рефлексом палатальной syllабемы) в пределах одного (закрытого) слога.

Когда редуцированные исчезли, то об их былом присутствии говорила твёрдость или мягкость согласного, закрывающего новый закрытый слог. Именно твёрдость / мягкость последующего согласного воспринималась впоследствии как причина деформации предшествующей гласной <e>. В результате фонологизации твёрдых и мягких согласных это влияние стало характерным и для открытых слогов.

Преобразования древнерусской фонемы <e>, изначально обусловленные межслоговой ассимиляцией, были вызваны развитием всей фонетической системы русского языка, которая прошла путь от системы вокалического типа к системе консонантного типа, что тесным образом было связано с фонологизацией категории твёрдости / мягкости согласных.

Начавшись на аллофоне уровне с дивергенции на позиционно обусловленные звуки [o] и [ê] в эпоху syllабем, изменения древнерусской фонемы <e> заканчиваются только после падения редуцированных фонемными конвергенциями с фонемами <o> и <ě>. Такое развитие древнерусской фонемы <e> подтверждается и его результатами, которые обнаруживаются в современном русском языке, где древнерусская фонема <e> реализуется сейчас в своих рефлексах [o] и [ê], принадлежавших другим древнерусским фонемам – <o> и <ě>. Таким образом, история древнерусской фонемы <e> завершилась её полной дефонологизацией в русском языке и утратой её как особого звукотипа.

Итак, изменения древнерусской гласной фонемы <e> могут быть представлены как обусловленные в разные периоды развития языка сначала регрессивным влиянием гласного следующего слога, а затем регрессивным воздействием последующего согласного, когда начала действовать ассимиляция другого типа.

«ТЕКСТ ЖАН-ЖАКА РУССО» В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М.КАРАМЗИНА

Алпатова Татьяна Александровна

МГОУ, Москва (Россия)

Аннотация : Доклад посвящен анализу одного из «литературных сюжетов» в «Письмах русского путешественника» Н.М.Карамзина, связанного с личностью, идеями и творчеством Ж.-Ж.Руссо. Выделены фрагменты, из которых формируется этот «дополнительный сюжет» книги, определены их структурно-функциональные особенности. Сделаны выводы о значении «текста Руссо» в оформлении социально-политических взглядов, этики, а также литературной позиции Карамзина.

Ключевые слова: Н.М.Карамзин, Ж.-Ж.Руссо, чувствительность, «естественный человек», поэтика повествования

“THE TEXT OF JEAN-JACQUES ROUSSEAU” IN THE « LETTERS OF THE RUSSIAN TRAVELLER » BY N.V.KARAMZIN

Key words : N.M.Karamzin, Jean-Jacques Rousseau, sentimental, natural persons, poetica of the narrative

Образ Ж.-Ж. Руссо как писателя и мыслителя занимает важное место в русской литературе последней трети XVIII в. При этом само формирование «литературной репутации» Руссо, биографического мифа о нем становилось основой для оформления на русской почве руссоизма как мировоззренческого явления; рецепция руссоизма, оказавшаяся для отечественных писателей одним из способов освоения сентименталистской литературной парадигмы, насыщена индивидуально-творческим пафосом – как в восприятии неповторимой противоречивой личности «женевского гражданина», так и в очень личном, нередко субъективном характере творческого «диалога» с ним. «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина в этом смысле оказываются наиболее показательным примером многогранного и чрезвычайно насыщенного взаимодействия с руссоистской традицией.

Размышления Карамзина о творчестве Руссо как об особом эстетическом феномене входят здесь в более общий «литературный сюжет» книги, и наряду с другими ему подобными позволяют Карамзину понять самого себя как личность и как писателя, самоопределившись самому и дать возможность некоего «самоопределения» собственному тексту. Среди подобных творческих диалогов писателя Жан-Жак Русо занимает особое место, выделяясь и по объему представленного в тексте книги материала (он стоит на первом месте), и по замеченности исследователями. Не случайно линия своеобразного «сюжета Руссо», который может быть вычленен в «Письмах...» и рассматриваться как дополнение к собственно сюжету путешествия, отмечалась уже в книге М. П. Погодина «Н.М.Карамзин по его сочинениям, письмам и воспоминаниям современников» (1866).

В функциональном отношении в «Письмах русского путешественника» Карамзина выделяются фрагменты, связанные с оценкой собственно философских взглядов Руссо-мыслителя (главным образом это «Рассуждение, получившее премию Дижонской академии...» и «Вечный мир» – трактат Б. де Сен-Пера в изложении Руссо) – и, с другой стороны, художественных произведений Руссо – писателя, в сознании карамзинского путешественника представляющего ту литературную традицию «чувствительности», освоением которой он главным образом занят во время своей поездки (среди произведений названы «Деревенский колдун», «Прогулки одинокого мечтателя», «Исповедь» и «Юлия, или Новая Элоиза»). При этом литературная оценка, в свою очередь, оказывается структурно неоднородной: с одной стороны, Руссо в «Письмах...» – предмет историко-литературных размышлений, с другой же – его произведения и сама личность автора оказываются своеобразным примером выражения особой художественной философии, которая выстраивается Карамзиным-автором благодаря тому, что читатель имеет возможность видеть характер творческого «общения» с традицией Руссо карамзинского

путешественника-повествователя. Карамзин одновременно стремится следовать традиции Руссо как художник и осознавать ее как часть истории европейского искусства недавнего прошлого, подражать Руссо-писателю – и понять, почувствовать его как человека.

В общем виде мотивы, связанные с Руссо, можно объединить характерной для карамзинской книги образной доминантой «пути» – однако не столько в значении пространственного перемещения, сколько в виде внутреннего движения к постижению истины. Главными признаками этого пути становятся, с одной стороны, неостановимость движения, динамика, которая и есть сама жизнь, с другой же – его принципиальная непредсказуемость, причудливое разнообразие впечатлений и отсутствие любой заданности, в том числе заданности итога «встреч» с самыми разнообразными европейскими традициями.

На внешнем уровне сюжета это выразилось в построении книги как своеобразной энциклопедии [См.: Сапченко 2004] европейской культуры, мозаики жизненных впечатлений. Применительно же ко внутреннему сюжету – в данном случае, «пути» героя-повествователя к постижению Руссо – это связано с динамикой творческого диалога, развертывание которого у Карамзина, как всегда, неоднозначно.

Причиной тому представляется в целом неоднозначное отношение писателя к философским идеям Руссо, и прежде всего к руссоистской утопии возвращения человека к природному, естественному началу. Карамзин – писатель и мыслитель – оценивает ее эклектично: принимая возможности, которая она дает прежде всего для нового эстетического восприятия единства человека и природы, и в то же время не приемля идею полного разрыва с цивилизацией. Подобный эклектизм в целом соответствовал специфической для русского XVIII века «интеллектуальной моде» на идеи Руссо, предполагавшей, что «наиболее радикальные» из них «входят в сложившийся мировоззренческий багаж, не меняя его кардинально, т.е. воспринимаются, во-первых, выборочно, а, во-вторых, интерпретируются так, что становятся частью установившейся системы воззрений» [Златопольская 2005, 10]. Мотивы восхищения естественностью природы и, с другой стороны, успехами просвещения в «Письмах...» последовательно сменяют друг друга; их контрапункт в данном случае и становится воплощением сложной динамики диалога с руссоистской утопией. «Строгий, любезный Руссо» («<76> Женева, Ноября 1, 1789») [Карамзин 1987] – подобное определение в устах путешественника отнюдь не случайно; в нем, как и в целом в оценке Руссо, соединились противоположности: он «любезен» карамзинскому герою благодаря тем возможностям, что открыла человеку его философия природы, и вместе чересчур «строг» в своем последовательном уповании на утопические умопостроения отказа от цивилизации. «Таким образом, трудолюбие и политическое просвещение народов торжествует, так сказать, над естеством, и гранитные преграды, как прах, рассыпаются под секирою всемогущего человека, который за безднами и за горами ищет подобных себе нравственных существ, чтобы с гордою улыбкою сказать им: “И я живу на свете!”» («<88> 6 Марта, 1790», с. 193).

В чем же смысл «пути» карамзинского героя-путешественника «к Жан-Жаку Руссо»? Для Карамзина в «Письмах...» это синтез просветительского открытия мира, и в то же время – возможность не только рационального, но и эмоционально-интуитивного постижения разнообразнейших явлений европейской культуры во всей их субъективной привлекательности для человека. Своеобразное открытие подобного синтетического постижения мира культуры в единстве рационального осмысления и эмоционально-чувственного развертывается в книге Карамзина в том числе на примере постижения героем-путешественником уникального личностного и историко-культурного феномена Руссо – мыслителя, писателя и человека.

Однако верной или ошибочной кажется та или иная философская мысль, некогда волновавшая Руссо, главной истиной, что открывается путешественнику в Эрменонвиле – прекрасном парке, освященном именем женевого мыслителя, – оказывается заключенная в каменном гроте надпись: «Жан-Жак бессмертен». Противоречивая личность Руссо, его жизнь, полная ошибок и страстей и в то же время искренности, чувствительности и бескомпромиссного поиска истины, – та цель своеобразного «путешествия» к Руссо, ставшая одной из значительных сюжетных линий «Писем...». Она развертывается по вполне определенным художественным принципам, на разных художественных уровнях, важных для поэтики этой книги в целом. На уровне реминисцентного диалога с Руссо для

Карамзина – это и средство развернуть собственную философию природы, и возможность осознать новые эстетические принципы ее изображения. На уровне психологическом это средство передать внутренний мир человека с помощью приема уподобления – выражения одушевляющей философию Руссо идеи всеобщего братства, родства людей как «детей» природы. Осмысление руссоизма как философского феномена открывает для Карамзина – автора «Писем русского путешественника» возможность диалога с концепцией «естественного человека», представляющего собой в книге контрапункт равно привлекательных для русского писателя идей возвращения к природе – и просвещения. Историко-литературная грань размышлений Карамзина о Руссо и руссоизме становится в книге выражением принципов нового филологического постижения текста, развертывающегося и в душах читателей, и в окружающей реальности, трансформируя мир вокруг и превращая его в подлинно оживший художественный мир великого писателя.

Список литературы

Карамзин, Н.М. Письма русского путешественника [Текст] / изд. подгот. Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский, Н.А.Марченко. – Л.: Наука, 1987. – 720 с.

Сапченко, Л.А. «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина – энциклопедия европейской жизни [Текст] / Л.А.Сапченко // Философский век. Альманах 27: Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета.– СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2004. – С. 330–336.

Златопольская А.А. Идеи «жениевского гражданина» и Россия. Полтора века воздействия и осмысления [Текст] / А.А.Златопольская // Ж.-Ж.Руссо. Pro et contra. Идеи Ж.-Ж. Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2005. – С. 7-53.

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПОСЛЕСЛОВИЕ К ХУДОЖЕСТВЕННЫМ ПРОИЗВЕДЕНИЯМ В РЕЧИ ПЕДАГОГА

А. М. Перфильева, кандидат педагогических наук, доцент

Аннотация: Автор рассматривает пропедевтические предисловия и послесловия как одну из форм педагогической речи, используемой в методике преподавания литературы. Текст содержит яркие образцы из художественных произведений, которые могут быть использованы для знакомства читателя с книгой. Ценность материала заключается в том, что автор предложил новую методику организации сложного учебного материала.

Ключевые слова: предисловие и послесловие, речь учителя-словесника, характеристика художественного произведения, интенции пропедевтических жанров справочного аппарата книги.

THE FOREWORD AND AFTERWORD TO WORKS OF ART IN A SPEECH TEACHER

Abstract: The author examines the propaedeutic foreword and afterword as a form of teaching language used in the methods of teaching literature. The text contains clear examples of the works of art that can be used to explore the reader with the book. Value of the material lies in the fact that the author proposed a new method of organizing complex educational material.

Keywords: foreword and afterword, speech-language and literature teachers, characteristics of the work of art, an intention propaedeutic genres reference apparatus of the book.

Новокузнецкий институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (Новокузнецк, Россия)

Первое знакомство учащихся с художественным произведением может быть организовано преподавателем с помощью яркого вводного слова в форме педагогического предисловия или послесловия. От того, насколько мастерски использует учитель указанные жанры, зависит качество чтения русской классической литературы. Чтобы создавать в своей речи пропедевтические жанры справочного аппарата книги, необходимо знать об их разновидностях с позиции интенции (речевой цели, коммуникативных задач). В соответствии с реализацией интенций мы выделяем *описательные, описательно-рекомендательные, рекомендательные и смешанные (полифункциональные)* разновидности *предисловий и послесловий*.

Рекомендательные предисловия и послесловия отличает наличие *критической оценки* произведения, явно выраженной авторской позиции, которая, с одной стороны, ориентирована на первоисточник, с другой – на адресата (в какой мере первоисточник может быть полезен тому или иному типу читателей). *Описательные* разновидности текстов обладают меньшими коммуникативными возможностями по сравнению с рекомендательными (оценочными), поскольку последние «оказывают читателю значительно большую помощь...раскрывая не только содержание произведений печати, но и их качество» [8, с. 50]. *Описательно-рекомендательные* виды выполняют несколько интенций: рекламную-пропагандистскую, информационно-пояснительную и рекомендательную. Приведем пример фрагмента такого предисловия: «*Козьма Прутков требует от читателя особого настроения. В известном смысле, он – обманщик: его лицо обещает гораздо менее того, что может дать его книга. Поэтому, вознамерившись просто развлечься, посмеяться над «казенностью» и т. п., можно закрыть эту книгу с разочарованием. Только помня о том, что Прутков глубже и значительнее плоского «обличительства», можно ощутить его собственное значение в многообразии литературы»* [6, с. 22]. Анализ текста показывает, что, пересказывая смысловые «узлы» сложного сатирического опуса, приводя примеры цитатной характеристики персонажей, критик перечисляет качества читателя для целостного восприятия текста (главный герой-обличитель Прутков требует от читателя особого настроения, умения проникнуть в глубины произведения, понять сатирический подтекст, скрывающийся за юмористическим описанием), в чем и заключается рекомендательный характер текста.

Таким образом, в тексте представлен сплав нескольких пластов содержания описательного, оценочного и рекомендательного характера.

Чаще всего в своей деятельности учитель-словесник использует *смешанные* предисловия и послесловия, которые адресуются неподготовленному, неискущённому читателю-школьнику. Поэтому автор одновременно вводит определенную порцию учебного материала, знакомит с историей создания произведения, объясняет замысел книги: *«С Даниилом Граниным мы записывали воспоминания ленинградских блокадников. Работа, особенно когда доходила до оформления, в чем-то даже сложнее, нежели та, которую мы проделали с Янкой Брылем и Владимиром Колесником. «Хатыни» – это один, самый страшный, в жизни человека день, час. Ленинградская блокада – 900 дней. Отыскать, нацупать в памяти человека, с которым встретился впервые, самые вершинные точки пережитого им, направить память человека так, чтобы рассказ его захватил именно эти «точки», о которых тебе, конечно, ничего не известно, - тут только интуиция и может помочь. И хорошо, если поможет»* [1, с. 5- 6]; сообщает о структурно-композиционной организации книги: *«В то же время вся эта гибкая, подвижная и вместе с тем необыкновенно крепкая композиционная структура отличается столь свойственной Пушкину не только внутренней, но и внешней гармоничностью, соразмерностью частей, порождающей симметрией»* [7, с. 114]; дает характеристику жанровой принадлежности художественного произведения, главным героям: *«Дилогия Горького – дилогия историческая. История присутствует в каждой сцене и едва ли в каждой строчке обеих пьес. Присутствует иногда в деталях, казалось бы чисто бытовых, житейских. Например, в самом начале пьесы «Егор Булычов и другие», Шура, едва успев подняться с постели, спрашивает Глафиру: «А где газета?». И мы сразу ощущаем атмосферу напряженного интереса к происходящим событиям»* [4, с. 6], *«Сам Гоголь в «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора», писал о Хлестакове: «Темы для разговора ему дают выведывающие. Они сами как бы кладут ему все в рот и создают разговор». Нечто аналогичное происходит и с превращением Хлестакова во взяточника – его «создают» окружающие»* [3, с. 12].

Подчинение ведущей интенции не исключает реализации частных интенций, которые отличаются в зависимости от того, какое место данные жанры занимают в книге. Как показывает анализ образцов и наблюдения за педагогической деятельностью, *предисловия и послесловия как педагогические жанры выполняют различные интенции* в зависимости от: а) учебно-речевой ситуации; б) адресата; в) вида первоисточника. Адресуя указанные жанры *ученикам*, учитель подчиняет их *педагогическим задачам*: научить, воспитать, развить: *«Смысл учительского предисловия не исчерпывается стремлением заинтересовать – есть и другие, не менее важные задачи»* [2, с. 68]. Речь учителя пропедевтического характера готовит к восприятию определённой порции учебного материала, фактов, результатов работы с учебной книгой, дает схему речевых действий при выполнении заданий, помогает ученику понять, *«как обдумать задачу, как наметить ход ее решения и как использовать полученные при решении знания в дальнейшем»* [5, с. 16].

При отборе и использовании дидактических средств обучения необходимо руководствоваться следующим:

- использование средств должно быть методически целесообразным и уместным;
- отобранные для анализа и других заданий тексты должны ясно выражать предмет речи, иметь четкие переходы от одной смысловой части к другой, семантическую завершенность частей, содержать не более семи топов; должны выражать зависимость лексико-грамматических показателей [9, с. 8 – 9];
- образцы должны вызывать у учащихся ментально-эмоциональные реакции, способствовать формированию необходимых умений и навыков.

Таким образом, обучение художественной литературе должно основываться на разнообразных методах и приемах, подразумевающих умение создавать слово о книге, обличать речь в жанры пропедевтического характера, выполняя не только познавательные, но и педагогические задачи.

Список литературы:

1. Адамович, А. Я из огненной древни. Блокадная книга [Текст] / А. Адамович, Д. Гранин, Я. Брыль, В. Колесник. – М. : Советский писатель, 1991. – 720 с.
2. Активные формы преподавания литературы [Текст] : лекции и семинары на уроках в ст. классах / Р. И. Альбеткова, С. Г. Герке, Л. П. Гладкая и др. ; сост. Р. И. Альбеткова. – М. : Просвещение, 1991. – 175 с.
3. Гоголь Н. В. Ревизор. Комедия в пяти действиях [Текст]. – М.: Изд-во «Детская литература», 1971. – 170 с.
4. Горький, М. Егор Булычев и другие. Достигаев и другие [Текст] : пьесы / М. Горький ; авт. предисл. Н. Н. Жигалов ; худож. Ю. М. Ракутин. – М. : Дет. лит., 1989. – 127 с.
5. Граник, Г. Г. Когда книга учит [Текст] / Г. Г. Граник, С. М. Бондаренко, Л. А. Концевая. – 2-е изд., доп. – М. : Педагогика, 1991. - 256 с.
6. Прутков, К. Сочинения [Текст] / К. Прутков ; вст. статья В. Сквозникова ; коммент. А. Баборенко ; ил. Н. Кузьмина. – М. : Правда, 1986. – 416 с.
7. Пушкин, А. С. Борис Годунов [Текст] : трагедия / А. С. Пушкин ; послесловие и примечания Д. Благого ; гравюры В. Фаворского. – М. : Детская литература, 1981. – 128 с.
8. Шамурин, Е. А. Методика составления аннотаций [Текст] / Е. А. Шамурин. – М. : Издательство Всесоюзной книжной палаты. – Город, 1959. – 236 с.
9. Шапиро, Н. А. Некоторые приемы редактирования научных и научно-популярных текстов [Текст] / Н. А. Шапиро // Лингвистика для всех. Зимняя лингвистическая школа. – М., 2004. – С. 143–147.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ВЫПОЛНЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ МАГИСТРАНТОВ

К.М. Абильдаева, М.К.Амангазиева

Актюбинский университет им.С.Баишева, Актюбе (Республика Казахстан)

Аннотация :В статье рассматриваются вопросы методики выполнения самостоятельной работы магистрантов, включающие три уровня: репродуктивный, реконструктивный, творческий.

Ключевые слова: методика, самостоятельная работа магистрантов, репродуктивный реконструктивный, творческий

ABOUT THE METHOD OF DOING STUDENT'S SELF WORK OF MAGISTRY

Resume:In the article is spoken about the method of doing student's self work of Magistry, which consists of three level: reproductive, reconstructive and constructive

Keywords: method, student's self work of Magistry, reproductive, reconstructive, constructive.

Самостоятельная работа - это планируемая работа магистрантов, выполняемая по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия.

Самостоятельная работа носит деятельностный характер и поэтому в ее структуре можно выделить компоненты, характерные для деятельности так таковой: мотивационные звенья, постановка конкретной задачи, выбор способов выполнения, исполнительское звено, контроль. В связи с этим можно выделить условия, обеспечивающие успешное выполнение самостоятельной работы:

1. Мотивированность учебного задания.
2. Четкая постановка познавательных задач.
3. Алгоритм, метод выполнения работы, знание студентом способов ее выполнения.
4. Четкое определение преподавателем форм отчетности, объема работы, сроков ее представления.
5. Определение видов консультационной помощи (консультации – установочные, тематические, проблемные).
6. Критерии оценки, отчетности и т.д.
7. Виды и формы контроля (практикум, контрольные работы, тесты, семинар и т.д).

Самостоятельная работа включает воспроизводящие и творческие процессы в деятельности студента. В зависимости от этого различают три уровня самостоятельной деятельности студентов:

1. Репродуктивный (тренировочный уровень)
2. реконструктивный уровень
3. творческий, поисковый

1. *Тренировочная самостоятельная работа* выполняется по образцу: решение задач, заполнение таблиц, схем и т.д. Познавательная деятельность студента проявляется в узнавании, осмыслении, запоминании. Цель такого рода работ – закрепление знаний, формирование умений, навыков.

2. Реконструктивная самостоятельная работа. В ходе такой работы происходит перестройка решений, составление плана тезисов, аннотирование. На этом уровне могут выполняться рефераты.

3. Творческая самостоятельная работа требует анализа проблемной ситуации, получения новой информации. Студент должен самостоятельно произвести выбор средств и методов решения (Учебно-исследовательские задания, курсовые и дипломные проекты)

Задания для СРМ включают:

1. перечень вопросов;
2. время, отводимое на самостоятельную подготовку;
3. недельные сроки выдачи заданий;
4. сроки их сдачи преподавателю;
5. список литературы, которую необходимо проработать студенту для выполнения задания;
6. форма отчетности;

Рассмотрим СРМ по курсу «Основы перевода официально-деловых текстов»

1. Перечень вопросов:

1. Нормированность языка
2. Воздействие глобальных изменений общества и окружающей среды
3. Языковая политика и языковая практика
4. Подстили официально-делового стиля
5. Составление документов, часто встречающихся в делопроизводстве на двух языках (казахском и русском)
6. Делопроизводство на казахском языке
7. Глоссарий по переводческой деятельности; глоссарий по делопроизводству; словарь лингвистических терминов

Мотивированность учебного задания

Развитие языка – процесс длительный и исторический. Из года в год в сфере языкознания чаще всего проводятся фундаментальные исследования, мало имеющие прикладное значение. Новые социально-экономические отношения приносят в язык новые термины и понятия. По мере развития казахстанского общества становится все более понятным, что деловая документация во всех ее разновидностях не изолирована некой специальной областью обращения, а является составным элементом коммуникации всего общества. Актуальность документационных процессов, изменение их содержания вслед за социально-экономическими преобразованиями, касающимися каждого человека, обусловили интерес к документам официально-делового общения на государственном языке. Этот интерес, в частности, выражается в понимании того, что освоение документационных ресурсов, умение составлять и обрабатывать деловые бумаги должны основываться на серьезной системе подготовки специалистов.

Задачи по СРМ курса «Основы перевода официально-деловых текстов»

В системе теоретических и прикладных дисциплин специальности заметное место занимает курс «Основы перевода официально-деловых текстов», цель которого определить соответствия между особенностями

современных деловых документов и степенью участия элементов системы современного русского языка в создании, особенностях содержания и преобразования текстов. Наиболее яркая особенность ситуации, с которой связан предлагаемый курс, минимальная изученность текстов деловых документов на казахском языке. Подготовка этого курса стала этапом формирования системы научных проблем, которые поставлены перед курсом, в частности, перед магистрантами документоведческих и филологических специальностей, рассматривающие вопросы стиля, перевода и состава деловых документов, управленцами, чья деятельность протекает в бурной и противоречивой документационной среде.

Содержание курса соответствует рекомендациям Государственного стандарта по дисциплинам «Основы перевода», «Документная лингвистика» и основным разделам курса по стилистике деловой речи, читаемым на многих специальностях в рамках современного магистерского образования.

Задачи гуманитарных наук, связанные с требованиями переживаемой эпохи, очень ответственны и разнообразны. Главной из них является концентрация внимания на всестороннем развитии гуманной и творческой личности, на обогащении внутренней духовной жизни человека на основе научного наследия, уже накопленного человечеством.

Внедрение казахского языка в делопроизводство связано с законом РК о языках и Государственной программой по его реализации, т.е. есть правовые рычаги по внедрению государственного языка в делопроизводство. Тем не менее, ощущается нехватка квалифицированных переводческих кадров, оргтехники на местах, необходимой справочной литературы и словарей. Есть и сдерживающие факторы, как конформизм, индифферентность, скрытое сопротивление должностных лиц, ответственных за данный участок работы. Поэтому необходимо реалистически оценивать состояние казахского делопроизводства и, в частности, данный курс поможет магистрантам осветить вопросы основ перевода текстов официально-делового стиля на базе делопроизводства на русском и казахском языках.

Письменная деловая речь нередко употребляется как синоним термина официально-деловой стиль применительно к языку документов. Многоаспектность в подходах при изучении текстов, представляющих названный функциональный стиль, обусловлена многими причинами, имеющими как интралингвистический, так и экстралингвистический характер. Экстралингвистические причины определили появление значительного числа справочников, пособий, изданий смешанного жанра, предназначенных для ликвидации документационной безграмотности в обстановке изменения социально-экономических условий ведения экономико-правовых операций.

Таким образом, алгоритм, метод выполнения работы, знание студентом способов ее выполнения включают: тренировочную самостоятельную работу, реконструктивную самостоятельную работу, творческую самостоятельную работу

Список литературы, которую необходимо проработать магистранту для выполнения задания

1. Аникеева И.Г., Искандарова О.Ю. Формирование готовности студентов

переводчиков факультета иностранных языков к будущей профессиональной деятельности на основе профессионально-информационного подхода. - М.: Изд-во МАИ, 2005. - 92с. (Авторские 69 с.).

2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для

ин.-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990.-253с.

3. Ванников Ю.В. Языковая сложность текста как фактор трудности перевода (Методическое пособие). 1988

4. Вейзе А.А, Киреев Н.Б, Мирончиков И.К. Перевод технической литературы с английского языка на русский. – Минск, 1997.

5. А.Чужакин, П.Палажченко «Мир перевода»

6. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Комиссаров Н.В. М., 1978

7. Демидова А.К. Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы.- М., 1991.

8. Демидова Н.Ф. Приказы // Советская историческая энциклопедия. Т. 11. -М., 1968. С. 559—566.
9. Жинкин Н.И. Развитие письменной речи учащихся // Известия Академии пед. наук РСФСР. Вып. 78.- М., 1956. С. 215—223.
10. Кирсанова М.В., Аксенов Ю.М. Курс делопроизводства. Документационное обеспечение управления: Учебное пособие. -М.; Новосибирск, 1998.

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ардзенадзе Асमत

Батумский государственный университет Шота Руставели (Грузия)

A.Ardzenadze(Georgia)

Abstract: Intercultural communication is the process of communicative interaction. For perfect and adequate communication the participants of the communication need to have the knowledge of different levels: contextual knowledge, interactional knowledge, lingual knowledge. In every culture exists its norms and rules of behaviour, conventional and allowable forms of expressing socially important ideas. Therefore one of the most important goals of linguistics is researching the problem of learning intercultural communication in the paradigm of tolerance, taking into account the equal rights and responsibilities of the two interactive sides

В каждой стране, культуре имеются свои традиции, нормы и правила поведения, обуславливающие принятые и допустимые формы выражения определенных социально значимых смыслов.

Взаимодействие между людьми не может не строиться на общепризнанных в соответствующей культуре образцах, не может протекать вне закономерностей социального восприятия, одним из проявлений которого восприятия и одновременно его результатом являются стереотипы.

Язык и культура являются основополагающими кодами, с помощью которых осуществляется общение между людьми. У разных народов различаются языковые и культурные коды. Успешная коммуникация представителей различных стран во многом зависит от освоения «чужих кодов». Современному цивилизованному, человеку свойственно осознавать взаимосвязь, целостность мира и необходимость межкультурного сотрудничества, взаимопонимания представителей разных культур. Различные аспекты культуры – менталитет, национальный характер, образ жизни система ценностей, верования – играют существенную роль в сфере международной коммуникации.

Человек как бы вырастает в свою культуру, поэтому многие феномены и элементы, нормы своей культуры он воспринимает как сами собой разумеющиеся. Став взрослым, человек сознательно осмысляет ценностные установки, нормы этики, которые существуют в его родной культуре, и может принять или не принять их.

Взаимодействие между коммуникантами как в рамках своей культуры, так и при межкультурном общении строится на стереотипах. Стереотипы, складывающиеся в процессе познавательной деятельности как единичного, так и коллективного субъекта познания и коммуникации, имеют разнообразную сферу своего бытования и оказывают как позитивное, так и негативное влияние и при внутрикультурном, и при межкультурном общении. Коммуникация осуществляется с помощью разнообразных средств, не тождественных в разных лингвокультурах (Гришаева, Цурикова 2006: 14).

Стержнем межкультурной коммуникации является стремление к взаимопониманию. Если оно имеется, то будут легко прощены и языковые ошибки, и отличия в культуре (манере) общения, и естественные социокультурные нестыковки. До сегодняшнего дня в основном, тщательным образом выявляются особенности различных культур с тем, чтобы как можно лучше «подладиться», «подстроиться» под потенциального собеседника по межкультурной коммуникации. Не случайно, в настоящее время разработаны всевозможные инструкции, правила о том, как общаться с французами, с турками, с японцами и т.п. Некоторые пояснения о правилах общения, принятых в той или иной культуре, безусловно, нужны, не для того, чтобы им следовать, а для того, чтобы лучше понимать своего собеседника по межкультурной коммуникации.

В **межкультурной ситуации** в контакт вступают представители разных культур (как правило, разных стран), поэтому они не могут предполагать одинаковую интерпретацию ситуации партнером. Поэтому при контакте они

должны убедиться в том, что собственное понимание ситуации соответствует той же интерпретации данной ситуации партнером. (Бердичевский, Гинатуллин, Лысакова, Пассов 2011:27)

Если собеседники не владеют одним языком, то реальная межкультурная коммуникация может состояться лишь с помощью специалиста по межкультурной коммуникации - переводчика, который адаптирует их общение и обеспечивает взаимопонимание.

Однако такие моменты практически не анализировались в специальной литературе. Считается, что именно местный партнер по межкультурной коммуникации в реальных условиях общения со своим зарубежным другом, случайным собеседником пользуется иностранным языком. И соответственно он должен быть подготовлен к потенциальной межкультурной коммуникации, т.е. должен владеть иноязычной коммуникативной компетенцией, социокультурной компетенцией и целым рядом других составляющих коммуникативной компетенции. Партнеру по межкультурной коммуникации, если он является носителем языка, на котором она реализуется, не нужна дополнительная подготовка к потенциальной межкультурной коммуникации. В связи с этим обнаруживается усердие со стороны одного и индифферентность со стороны другого партнера, в то время как межкультурная коммуникация представляет собой речевое взаимодействие-симметрия ее участников. Как отмечает О.Леонтович, нельзя однозначно утверждать, что симметрия в коммуникации является положительным явлением, а компенсаторность-отрицательным. оба вида взаимодействия имеют право на существование и могут быть приемлемы для различных типов коммуникантов. Однако для МКК предпочтительны симметричные отношения, предполагающие равноправный диалог между культурами. Симметрия в МКК теоретически возможна лишь при одновременном наблюдении трех условий: 1) если коммуниканты взаимно признают равенство культур, к которым они принадлежат, 2) встречаются на территории «третьей» страны и 3) используют «третий» язык. На практике в МКК постоянно присутствуют те или иные проявления асимметрии (Леонтович 2007: 250).

Если традиционная теория диалога акцентировала внимание на грамматической связи отдельных реплик, то в рамках теории коммуникации на первый план выдвигается фактор взаимосвязи сторон, фактор психологического баланса общения. Речевое мастерство определяется тем, насколько грамотно и красиво могут люди балансировать в диалоге, действуя в предлагаемых обстоятельствах и соединяя их с собственными установками и побуждениями. Как отмечает Д.З.Гоциридзе, содержательной линией балансирования в чрезвычайно широкой и многокомпонентной психологической среде принято считать мировоззренчески и поведенчески значимые понятия, определяющие стиль речевого общения личности в целом. Применительно к общению вообще - это гармония и дисгармония, применительно к коммуникантам - толерантность (терпимость, корректное, лояльное поведение по отношению к другим, признание значимости другого, его неприкосновенности, необходимости договорного решения разногласий) и агрессивность (диктат личности, ее нетерпимость по отношению к другим лицам, превышение собственных прав в ущерб правам другого, признание правомерности насилия) (Гоциридзе 2005: 35).

Описание вопросно-ответного диалогического материала выявило четыре возможных партитур общения: агрессия в ответ на агрессию, толерантность в ответ на агрессию, агрессия в ответ на толерантность и, наконец обоюдная толерантность. Таким образом, первая часть вопросно-ответного единства может выступать или как носитель толерантного, или как носитель агрессивного начала. Если вопросительная конструкция выражает толерантную позицию по отношению к собеседнику, то она предлагает позитивный регистр речевого взаимодействия. Однако, вопрос может выражать и негативные оттенки человеческих чувств: гнев, недовольство, возмущение. Агрессия вопроса может проявиться в провокации, попытке дискредитации, в розыгрыше, издевательстве и т.д. Со своей стороны, реакция на толерантность и агрессивность тоже предполагает по два варианта реакции. На толерантный вопрос можно ответить толерантно и агрессивно, а на агрессивный - толерантно и агрессивно.

Агрессивные реакции на толерантный вопрос связаны с различными аспектами коммуникативной ситуации: ситуации недоверия и настороженности, ситуации психологической атаки и т.д. Реакция может выражаться как

индикативом - «*Не думал, что ты такой ленивый*», так и вопросительной конструкцией - «*Может тебе еще обед приготовить?*»

Более интересной являются толерантные реакции на агрессивное речевое поведение, которые можно выразить по-разному: можно перевести разговор на другую тему (*Давайте о хорошем, а? Переключись на что-либо приятное? А не пойти в кино?*); можно предложить неожиданный эмоциональный ход, например, жалость, сочувствие (*Ну, конечно, мой дорогой, мне очень жаль!*), сделать попытку успокоить, дать совет, сделать деловое предложение, предложить обсуждение вариантов решения проблемы, промолчать, обозначить официальную дистанцию, отстраниться от общения, спокойно возразить против предлагаемого стиля общения (*Ну, в таком тоне мы разговаривать не будем, хорошо?*), иронически оценить агрессивный стиль общения (*Ну и интеллект!*).

Таким образом, межкультурное общение представляет собой процесс коммуникативного взаимодействия, равновесия. Для полноценного и адекватного общения участникам коммуникации необходимо владение всеми видами знаний: контекстными знаниями, интеракционными знаниями, языковыми знаниями. В каждой культуре имеются свои нормы и правила поведения, обуславливающие принятые и допустимые формы выражения определенных социально значимых смыслов. Поэтому одной из важнейших задач лингвистики является исследование проблем обучения межкультурной коммуникации в парадигме толерантности, с учетом равных прав и ответственности двух взаимодействующих сторон.

Литература:

1. Бердичевский А.Л., Гинатуллин И.А., Лысакова И.П., Пассов Е.И. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. М., 2011.
2. Гоциридзе Д.З. Интенциональное взаимодействие в вопросно-ответных единствах // К истокам против течения. Тбилиси, 2003.
3. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2006.
4. Леонтович О. Введение в межкультурную коммуникацию. М. 2007.

КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ АНЕКДОТНОГО ТЕКСТА

Дали Доборджинидзе
Батумский государственный университет Шота Руставели (Грузия)

CULTURAL ADAPTATION OF JOKES

Dali Doborjginidze
Batumi State University (Georgia)

Having become a participant of any kind of the cross-cultural contacts, people communicate with the representatives of different cultures that frequently vary a lot. Differences in languages, national cuisine, clothes, norms of relationship, attitude to work, etc. complicate these relations and sometimes even make them impossible. The major barrier in this kind of communication is that we view the other cultures through the prism of our own culture. Such ethnical self-centeredness prevents cross-cultural communications; therefore, texts such as jokes, which are specifically small but rich in terms of information source, are being adapted to the background knowledge of the addressee.

Проблема взаимосвязи языка, культуры, этноса есть междисциплинарная проблема, решение которой возможно только усилиями нескольких наук - от философии и социологии до этнолингвистики и лингвокультурологии. Последний термин обозначает новую науку, возникшую как самостоятельное направление лингвистики в девяностые годы двадцатого века. Лингвокультурология имеет своим предметом и язык, и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии, она исследует исторические и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры.

По мнению В.А. Масловой: «Культура - это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образов и идеалов, это наследственная память коллектива, которая живет лишь в диалоге с другими культурами» (Маслова 2001:18). Нормы культуры не наследуются генетически, а усваиваются через научение, поэтому овладение национальной культурой требует серьезных интеллектуальных и волевых усилий.

Человечество, будучи единым биологическим видом, не является единым социальным коллективом. Культуры вообще не бывает, каждая культура воплощает специфический набор способов социальной практики конкретного сообщества, нации. Национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, высвечивая при этом такие вещи, на которых в родной культуре внимание и не останавливалось. М.М. Бахтин писал по этому поводу: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами свои стороны, новые смысловые глубины» (Бахтин 1979:21).

Язык же не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает ее, формирует культуру, как бы прорастая в нее, но и сам развивается в культуре. Следовательно, если язык и культура неотделимы друг от друга, то перевод текста с одного языка на другой является не просто фактом межъязыковой коммуникации, а фактом коммуникации межкультурной.

Интересно отметить также тот факт, что, несмотря на кумулятивную функцию, то есть функцию быть средством накопления и хранения информации, язык не становится хранилищем культуры. Единица языка - слово - является лишь сигналом, функции которого - пробудить человеческое сознание. Язык, отмечает Маслова, является лишь механизмом, способствующим кодированию и трансляции культуры. истинным хранителем культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культурных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры (Маслова 2001:87).

Текст - набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. К ним относятся фразеологизмы, ключевые слова, образно-мотивированные слова (метафоры) и пр.

Рассматривая проблемы культурно-этнического барьера, нельзя обойти вниманием такую важную проблему, как стереотип. Феномен стереотипизации рассматривается не только в работах лингвистов, но и в трудах социологов, этнографов, культурологов, психологов. Представители каждой из названной наук выделяют в стереотипах те их свойства, которые они замечают с позиций своей области исследований, а потому выделяются социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные, и, конечно же, лингвистические стереотипы. например, социальные стереотипы проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности, в нашей работе нас будут интересовать этнокультурные и лингвистические стереотипы, но необходимо отметить, что все выше перечисленные стереотипы тесно взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга.

Стереотипы делятся на два важнейших вида: стереотипы-образы (*пчела – труженица, баран – упрямый*) и стереотипы-ситуации. Стереотипы всегда национальны, а если встречаются аналоги в других культурах, то это *квазистереотипы*, ибо, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение. Таким образом, можно сделать вывод, что стереотип - это фрагмент картины мира, устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации. Но это не только ментальный образ, это еще и вербальная оболочка. По определению В.А. Масловой, стереотип - это такое явление языка и речи, которое позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые составляющие данной культуры, а с другой - проявить себя среди своих одновременно опознать своего (Маслова 2001:110).

Итак, стереотип характерен для сознания и языка представителя культуры, он своего рода стержень культуры, ее яркий представитель, а потому опора личности в диалоге культур. Но то, что в случае общения представителей одной культуры рассматривается как опора, при переводе, который представляет собой опосредованную коммуникацию представителей разных культур, может превратиться в серьезное препятствие.

На рубеже второго и третьего столетий стало очевидным, что человечество развивается по пути расширения взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и их культур. Этот процесс охватил различные сферы общественной жизни всех стран мира. Сегодня невозможно найти этнические общности, которые не испытали бы на себе воздействие как со стороны культур других народов, так и более широкой общественной среды, существующей в отдельных регионах мира и в целом. Это выразилось в бурном росте культурных обменов и прямых контактов между государствами, социальными группами, общественными движениями и отдельными индивидами разных стран и культур. Расширение взаимодействия культур и народов делает особенно актуальным комплекс вопросов о коммуникации, переводе, о культурной самобытности и культурных различиях. Человечество, становясь все более взаимосвязанным и единым, не утрачивает своего культурного разнообразия. Следовательно, исходя из этой тенденции общественного развития становится чрезвычайно важным умение определять культурные особенности народов, правильно интерпретировать их в свете собственной культуры, адекватно передавать их при переводе, иначе невозможно будет добиться взаимного признания и понимания.

Становясь участниками любого вида межкультурных контактов, люди взаимодействуют с представителями других культур, зачастую существенно отличающихся друг от друга. Отличия в языках, национальной кухне, одежде, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе и пр. зачастую делают эти контакты трудными и даже невозможными. Главным препятствием при общении является то, что мы воспринимаем другие культуры через призму своей культуры. Этот этноцентризм мешает межкультурной коммуникации, что привело к активизации исследований лингвострановедческого характера. Лингвострановедение — это такой аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью достижения коммуникативности проводится аккультурация адресата, причем ознакомление с культурой русского народа проводится через посредство русского языка. Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка помимо Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова с успехом разрабатывает Н.Денисова, В.М.Мокиенко, но необходимо отметить, что исследования выше перечисленных ученых охватывают в основном лишь лингвострановедческую лексикологию.

Как уже отмечалось выше, носителями национально-культурной информации эти ученые считают прежде всего номинативные единицы языка, относя к ним слова, фразеологизмы. Фрагменты родной культуры непосредственно отражаются в значениях тех слов, которые именуют значимые в истории русского народа реалии. Но еще больше об особенностях русского быта могут рассказать те многочисленные ассоциации, которые вызываются в сознании русского человека (или в сознании адресата, хорошо знакомого с культурой русского народа) этими словами и которые специалисты называют социальным контекстом номинативных единиц или лексическим фоном (фоновыми знаниями).

Текстовые особенности таких единиц, как анекдот, басня, пословица и пр., позволяют при малом объеме текста выразить большой объем информации, причем очень широкая сфера их функционирования делает процесс декодирования относительно простым, но лишь для представителей определенной культурно-языковой

среды, которые могут соотнести воспринимаемый текст с породившей его прагматической ситуацией. Так, например, как отмечает М.Арошидзе, классический сюжет, описывающий плутовскую операцию Лисы по изъятию сыра у глупой Вороны, известен поголовному большинству носителей русского языка, он явился источником огромного количества анекдотов, в которых сохраняются основные параметры (действующие лица, плутовская операция Лисы, изъятие желанной добычи) и варьируются второстепенные (предмет вождлений Лисы, способ достижения желаемой цели): *Ворона держит в клюве кусок сыра. Лиса никак не может уговорить ее спеть. - Ворона, а ты знаешь, что Горбачев за границу уехал? - Ворона не реагирует. - А Раису Максимовну дома оставил! - Ка-а-ак? – поражается Ворона* (Арошидзе 2009:171).

Поэтому восприятие этих клишированных конструкций представляет трудности для инокультурных читателей. Именно этому разряду слушателей будут непонятны анекдоты, пуанты которых непосредственно вытекают из знания образа жизни народа в указанный в тексте период. Подобные тексты М.Арошидзе называет национально маркированными: *Ленин доказал, что государством может руководить весь народ, Сталин, что это может один человек, Хрущев - что каждый человек, а Брежнев убедил всех, что государством можно вообще не управлять* (Арошидзе 2009:172).

Исторический фон, необходимый для восприятия анекдота, частично вербализован в именах деятелей советского государства, но чаще всего подобные тексты не маркируются, а только приводится ссылка на конкретный исторический период – перестройку: *Покупатель заходит в магазин и спрашивает продавца: «Скажите, пожалуйста, у вас рыбы нет?» Оскорбленный продавец отвечает: «Молодой человек, у нас нет мяса, рыбы нет в магазине напротив».*

Целям свертывания текстовой информации, прежде всего, служат национально-культурологические маркеры, являющиеся обычно названиями особенностей национального быта, истории, культуры. Это вербализованные компоненты, являющиеся принадлежностью русской культуры, русского языка, русского образа жизни. Так например, пословица *Готовь сани летом, а телегу зимой* отражает деревенский быт русского народа: *телега, сани* — неперенные атрибуты крестьянской жизни на Руси, тогда как в других регионах использовали *арбу, нарты* и пр. Пословица *Первый блин комом* отражает специфику русской национальной кухни, в которой блины были обязательным обрядовым блюдом на русской масленице. Пословица *Как аукнется, так и откликнется* тоже является национально маркированной, но уже в силу иных причин: в ней использовано истинно русское междометие *ау*, которое с детства впитывают любители русских сказок.

Все вышеперечисленные особенности анекдотных текстов затрудняют процесс их восприятия инокультурным читателем и требуют особого подхода в процессе преподавания русского языка как иностранного. Помимо того, что современные учебники русского языка, предназначенные для иностранцев, изобилуют лингвострановедческими реалиями, необходимо учитывать и тот факт, что юмор и тексты юмористического содержания все чаще и чаще становятся эффективным дидактическим материалом в процессе преподавания иностранных языков. В процессе декодирования текстовой информации, содержащейся в анекдотах, мы обнаруживаем высокий удельный вес ключевых слов, богатый набор стилистических приемов, явления вторичной номинация, аллюзии, которые опираются как на информацию первичных базовых текстов, так и на фоновые энциклопедические знания интерпретаторов, поэтому для использования анекдотов в качестве дидактического материала необходима продуманная адаптация текста с учетом культурных особенностей адресата.

Литература:

1. Арошидзе М.В. Лингвосемиотический механизм свертывания текстовой информации и проблемы ее декодирования. Тбилиси. 2009.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва. 1979.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва. 2001.

ОБЩЕЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ HOMO SOVIETICUS

Марина Арошидзе
Батумский государственный университет Шота Руставели (Грузия)

CULTURAL SPACE IN COLLECTIVE MEMORY OF HOMO SOVIETICUS

Marina Aroshidze
Batumi State University (Georgia)

The turn of the 20th and 21st centuries highlighted the problems with realization of one's past and cross-disciplinary researches of mechanisms of the collective memory: another technological breakthrough, global socio-economical changes in the society, information diversity, significant migration – all these circumstances fostered the process of the lingua-cultural paradigm, led to lower understanding of the cultural precedents transferred from generation to generation. If the elder generation sees Vladimir Visotsky as a poet writing about the issues common to all of them, the younger generation in Russia, and especially the youngsters in post-soviet countries, require additional lingua-cultural comments.

Рубеж века двадцатого с веком двадцать первым стал важнейшей вехой в парадигме социально-гуманитарных исследований. Интенсивные процессы глобализации и интеграции актуализировали широкий круг проблем межкультурной коммуникации, активизировали интердисциплинарные исследования коллективной культурной памяти, культурной идентичности.

Формирование общей концептуальной базы, специфичной языковой картины мира, выработка единого символического универсума (по выражению Ю.Лотмана - культурного кода), очерчивающего границы данной лингво-культурной общности – процесс довольно длительный. Тогда как многочисленные природные и общественно-политические катаклизмы стремительно меняют географические и политические границы между государствами, что приводит к смене языковых ситуаций, к выработке новой языковой политики, к перекраиванию культурной памяти.

Как общество строит свою сегодняшнюю жизнь и как оно продвигается вперед во многом зависит от осмысления прошлого культурного опыта. По мнению автора теории культурной памяти, Яна Ассманна, демократизация и осмысление прошлого – тесно связанные и взаимовлияющие процессы, лишь осознание ошибок прошлого способствует созданию активного и ответственного гражданского общества. Прошлое заново «открывается» в настоящем, моделируется им в зависимости от существующих обстоятельств (Ассманн 2004:68).

Мы живем в эпоху социальных бурь и потрясений: в свете изменившегося настоящего мы заново переосмысливаем наше прошлое, которое, в свою очередь, формирует наше будущее. Человека всегда интересовали механизмы памяти/забвения, но этот интерес обострился в период судьбоносных перемен в жизни социальной группы, этноса, целого региона, всего человечества. Любые катаклизмы, природные или социальные, меняли привычный уклад жизни и оставляли неизгладимый след в памяти современников, которые передавали эти воспоминания своим потомкам. Особенно остро запечатлеваются в памяти травмы: чем страшнее и масштабнее событие, тем тяжелее травматический опыт, влияющий на судьбу потомков.

Человечество пережило много кровавых событий, в его истории сменилась не одна социальная парадигма, но двадцатый век оказался наиболее насыщенным социальными потрясениями: первая мировая война, вторая мировая война с многочисленными лагерями смерти, Холокост, Херосима и Нагасаки, война во Вьетнаме, многочисленные террористические акты второй половины двадцатого века, техногенные катастрофы. Не менее страшным был процесс становления социализма: революция 1917 года, гражданская война, раскулачивание, насильственная коллективизация, Голодомор, репрессии, насильственная депортация народов, Великая

Отечественная война, длительная экономическая разруха и нищета, архипелаг Гулаг, межнациональные проблемы периода перестройки и все тот же мировой терроризм и техногенные катаклизмы.

Не удивительно, что рубеж века двадцатого с веком двадцать первым обострил проблемы осознания своего прошлого, советская парадигма ушла в прошлое, но память о ней по-прежнему актуальна и продолжает оказывать влияние на настоящее и будущее, причем не только стран постсоветского пространства, но и всего мира, что подчеркивает необходимость исследования механизма коллективной «памяти/забвения».

С конца XVIII века, после принятия протектората России, грузинский язык стал испытывать влияние русского языка: билингвизм, насильственно насаждаемый в царской России, после образования Советского Союза сменился более тонкой и разумной политикой, провозгласившей русский язык «вторым родным языком». Большое количество русскоязычного населения, активные общественно-политические и культурные связи с Россией, высокий удельный вес русского языка как обязательного учебного предмета в сочетании с языковой средой позволяли активизировать приобретаемые навыки аудирования и говорения, что способствовало высокому уровню владения русской речью большей частью населения Грузии. Более того, русское телевидение, русская пресса, основательное изучение русской истории, культуры и литературы позволяло усваивать концепты русской культуры, реалии русской жизни, поэтому билингвизм языковой базировался на бикультуризме.

Эпоха HOMO SOVETICUS сблизила народы Советского Союза: общие радости и проблемы, совместные достижения, направляемые и регулируемые централизованной властью, формировали общую концептуальную базу, вырабатывали схожие языковые формы их фиксации в разных национальных языках (например, Великая Отечественная война, совместно пережитая представителями всех советских республик, породила во всех национальных языках схожие лексемы и фразеологизмы, идентичные коннотации и прецеденты).

Культурная память — феномен коллективный, но коллективные воспоминания являют собой отнюдь не простую сумму индивидуальных воспоминаний. Культурная память общества является социокультурным конструктом, который в определенной степени поддается манипулированию. Культурная коллективная память зафиксирована в многочисленных текстах, в медиа-текстах, архивных материалах, произведениях устного народного творчества, мифах, в художественной и специальной литературе, фотодокументах, кинофильмах, в произведениях изобразительного искусства и других видов искусства, в материальных памятниках, сооружениях и пр., в том числе и в языке (в лексемах, фразеологизмах, метафорах, сравнениях, прецедентах, коннотациях). Процесс социализации человека – это, прежде всего, процесс овладения культурной коллективной памятью, овладение символическим культурным кодом.

Одним из важнейших пластов культурного кода эпохи HOMO SOVETICUS является, по нашему глубокому убеждению, творчество Владимира Высоцкого. Для старшего поколения постсоветского пространства, независимо от национальной принадлежности, Владимир Высоцкий – это современник, единомышленник, друг, певец, актер; мы сопереживали и сейчас сопереживаем его героям, воспринимали его авторский стиль ведения доверительной дружеской беседы «с полуслова и полувздоха».

Но очередной виток технического прогресса, глобальные социально-экономические изменения общества, информационный бум, серьезные миграционные процессы конца XXв.-начала XXI в. – все эти обстоятельства ускорили процесс обновления лингвокультурной парадигмы, возросла агномимичность культурных прецедентов, передаваемых от поколения к поколению. Поэтому для молодого поколения россиян, не говоря уже о молодежи из бывших советских республик, язык его поэзии, его произведения уже не столь содержательны. Современный читатель не идентифицирует многие цитаты, не помнит классиков русской литературы, не воспринимает оценочную функцию прецедентов, плохо знаком с историей социалистического Отечества (*ежовщина* – период репрессий в СССР в 1936-1938, названный так в народе по имени наркома НКВД - Н.И.Ежова; *броня* – освобождение от призыва в ряды действующей армии во время Великой Отечественной войны, которое выдавалось ученым, рабочим и служащим оборонных и стратегических предприятий). Часто агномимичными становятся реалии быта, народные прозвища, перифразы (*банька по-черному, банька по-белому, засаленная трешка, пили все, включая политиру*

(специальная жидкость для протирки мебели); «Три медведя» - народное название одного из тиражируемых в советское время полотен И.Шишкина «Утро в сосновом бору»); такие советизмы, которые отражали специфику социалистического образа жизни: *трудодень* (мера оценки и форма учета количества и качества труда в советских колхозах в период 1930-1966. Летела жизнь в плохом автомобиле 2012:74), *особист* (сотрудник Особого отдела армии, входящего в структуру НКВД – Выйти живым из боя 2012:65), *ВОХРы* (служащие военизированной охраны - Выйти живым из боя 2012:15). Все они вместе с многочисленными прецедентными именами той эпохи составляют особый символический универсум уникальной культурно-политической идентичности - Homo sovieticus.

Между тем как у Высоцкого – что ни строка, то море смысла. Поэтому не удивительно, что к юбилею поэта издательская группа «Амфора» издала сборник его стихов с комментарием «культуризмов» эпохи НОМО SOVIETICUS (Высоцкий 2012). Это своеобразный лингвокультурологический словарь, который можно условно назвать «Культурное пространство Владимира Высоцкого и его единомышленников», причем не русское, а советское культурное пространство. И без знания которого очень трудно, особенно для современной молодежи, воспринять подтекстовую имплицитную информацию, как, например, в следующем стихотворении из цикла «Летела жизнь в плохом автомобиле»:

*Я скоро буду дохнуть от тоски
И сожалеть, проглатывая слюни,
Что не доел в Батуми шашлыки
И глупо отказался от сулгуни...*

*Кстати, был у тамады
Длинный тост алаверды
Про него – Отца родного –
И про все его труды.*

Здесь очень насыщенный информативный фон: в Батуми в юности жил и занимался подпольной революционной деятельностью И.В.Сталин, затем он был арестован и сидел в батумской тюрьме. В 1936 г. в Батуми был открыт музей Сталина, который был закрыт в рамках компании по искоренению культа личности. Лишь в свете этой информации становится узнаваемой вторичная номинация о родном отце: в советской пропаганде 1930-х – начала 1950-х Отцом народов называли И.В.Сталина (Высоцкий. Летела жизнь в плохом автомобиле. 1912:33).

История языка тесно связана с историей народа, с историей общества. Эта общеизвестная аксиома в свете современных научных достижений претерпела некую трансформацию – история языка тесно связана с культурной памятью народа, причем любое изменение политических структур приводит в действие механизм манипуляции коллективной памятью (цензура, программный поэт или непрограммный, выездной или невыездной, открытие или «закрытие» памятников, учреждение/отмена праздников и пр.). Но творчество Владимира Высоцкого никогда не вписывалось ни в какие правительственные рамки, это всегда был натянутый нерв поэта, крик его души, его стремление достучаться до «души, одетых в пиджаки». Не удивительно, что в его стихотворениях мы находим выразительные лексемы, неожиданные сравнения, неповторимые метафоры:

*Мажорной светофор, трехцветье, трио,
Палитро-партитурный цвето-нот.
Но где же он, мой «голубой период»?
Мой «голубой период» не придет?*

.....

*Трехцветны музы, но как будто серы,
А «инфра», «ультра» - как всегда, в загоне –
Гуляют на свободе полумеры,
И «псевдо» ходят, как воры в законе.*

*Все в трех цветах нашло отображение,
Лишь изредка меняется порядок.
Три цвета избавляют от брожения -
Незыблемы, как три ряда трехрядок.*

«Голубой период» - условное название периода в творчестве живописца Пабло Пикассо, датируемый 1901-1904 гг. (Высоцкий. Приготовьтесь – сейчас будет грустно ... 2012:70-71).

*Давайте, я спою вам в подражание радиолам,
Глухим, скрипучим тембром из-за тупой иглы,
Пластиночкой на ребрах, в оформленье невеселом,
Какими торговали пацаны из-под полы.
(Каюсь! Каюсь! Каюсь! 2012: 81).*

В 1950-1960-е в СССР полпольные студии звукозаписи выпускали нелегальные пластинки, основу которых составляли списанные крупноформатные рентгеновские пленки, где отчетливо просматривались кости (в первую очередь ребра грудной клетки), не удивительно, что авторы вышеуказанного сборника посчитали необходимым прокомментировать и проиллюстрировать этот уникальный советизм.

Стихотворения Высоцкого не просто о жизни, они и есть сама жизнь. В настоящее время стали доступны ранее закрытые архивные материалы о лагерях, о судебных процессах над писателями, о злоупотреблениях. Но в поэтических откровениях Великого Мастера представлен тот пласт коллективной культурной памяти, который был противопоставлен официальной памяти, отражал так называемую «неофициальную» память (М.Фуко). Тесная связь с «памятью культуры» советского народа, с национально-историческим видением мира той эпохи обусловила особенности их интерпретации, глубину прочтения, эмоциональность сопереживания, а главное – продемонстрировала необходимость исследования культурной памяти «прошлого» для конструирования «памяти будущего».

Резкая смена общественно-политического устройства Грузии после развала Советского Союза и периода перестройки, возникновение серьезных этноконфликтов в Абхазии и Осетии, отток русскоязычного населения, большое количество мигрантов и эмигрантов – все эти обстоятельства сильно изменили языковую ситуацию в Грузии. Роль английского языка как медиатора международных отношений повсеместно выросла как следствие всеобщего процесса глобализации и интеграции, в современной Европе повседневной реальностью становится мультилингвизм, современный европеец - это человек, владеющий, как минимум, тремя языками, из которых один родной, а один из иностранных - чаще всего английский. Но если естественный переход от билингвизма к мультилингвизму обычно осуществляется добавлением к уже приобретенному языку нового языка (ведь каждый коллективный опыт усвоения языка – бесценен), то в Грузии произошло вытеснение русского языка английским в результате целенаправленной языковой политики: русский язык потерял статус обязательного предмета, в средних школах его еще выбирают в качестве второго иностранного языка, а в высших учебных заведениях почти повсеместно студенты изучают лишь один иностранный язык – английский. Общение на русском языке, ранее охватывающее все стороны общественно-культурной жизни, сосредоточилось в основном в сфере профессиональной, круг людей, для которых доступны телевизионные передачи на русском языке и Интернет, довольно ограничен, к этому необходимо добавить, что язык интернет-сайтов демонстрирует размывание и расшатывание норм на всех уровнях языка, засилье заимствованной и нецензурной лексики.

Результатом всех вышеперечисленных процессов стала сложная языковая ситуация, когда интенсивное изучение английского языка не базируется на мультикультуризме: часть русских культурных реалий и советизмов уже агнонимичны для подрастающего поколения, а реалии англо-американской культуры еще далеко не привычны. Более того, необходимо учитывать и тот факт, что в школах и вузах молодежь изучает британский вариант

английского, тогда как средства массовой информации и массовая культура тиражируют американизмы. Еще одним фактором, оказывающим влияние на складывающуюся в Аджарии языковую ситуацию стало повышение роли турецкого языка в силу активизирующихся турецко-грузинских взаимоотношений.

Как показывает практика, успешное манипулирование коллективной памятью опирается на механизм памяти/забвения: в каждую историческую эпоху какие-то события мемориализуются (о них много пишут в средствах массовой информации, отмечают юбилеи, воздвигают памятники, слагают стихи, поют песни, снимают фильмы и пр.), а другие предаются забвению (отменяются празднования юбилейных дат, накладывается запрет на определенные темы, демонтируются памятники и пр.). Все выше перечисленные средства манипуляции коллективной памятью многократно апробировались в разные эпохи и в разных государствах, в том числе и в Грузии: например, в июне 2010 года был взорван Мемориал воинской славы в Кутаиси, в мае 2012 года - демонтирован памятник погибшим во время Великой Отечественной войны на набережной Батуми. Уничтожение памятников, в свою очередь, сопровождается забвением и утратой соответствующих языковых маркеров (например, *вечный огонь*).

Интересно также проследить смену языковых парадигм на материале «городских палимпсестов» - улиц и площадей, наименования которых вместе с вывесками расположенных на них торговых и бытовых объектов меняются в зависимости от того, кто стоит у кормила власти: по данным сайта Batumi Online – справочник туриста (<http://www.batumionline.net/index.php?act=streets>) по смене названий некоторых улиц можно легко воссоздать историю города:

Морская, Интернациональная, Коминтерна, Сталина, Октябрьская, Свободы - ныне улица *Мемеда Абашидзе*;

Бebutova, Греческая, Зиновьева, Тельмана - ныне улица *Царя Парнаваза*.

В старых наименованиях присутствовало много советизмов, прецедентов советской эпохи:

Приморская, Бакинская, Лейтенанта Шмидта, Лаврентия Берия - ныне улица *Якоба Гогebaшвили*.

Три исторических пласта представлены в смене наименований батумской улицы имени Ираклия Абашидзе: сначала улица носила имя героя Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. *Скобелева*, затем после революции она была переименована в улицу *Воровского* (Wacław Worowski – Вацлав Воровский, российский революционер, один из первых советских дипломатов), после Великой Отечественной войны стало очень популярно братание городов и в честь болгарского города Благоевграда (побратима города Батуми) улица была переименована в *Благоевградскую*, ныне улица *Ираклия Абашидзе*.

Изменились вывески и наружная реклама (дорожные указатели, надписи, постеры): в силу вышеуказанных причин грузинские и дублирующие их русские надписи были изменены на грузинские и английские, а в районе турецкой мечети, где много турецких ресторанов и отелей - появилось весьма тревожное языковое новшество – наружная реклама и надписи выполнены только на турецком языке.

Бурные темпы общественно-политических изменений все еще сохраняются: 2013 год стал для Грузии весьма знаменательным в том плане, что приоритеты языковой политики стали меняться в сторону ориентации на потребительский рынок: развитие инфраструктуры туризма в Грузии, и, в частности, в Аджарии, возобновление экономических взаимоотношений с северным соседом способствовало проведению более гибкой языковой политики.

Краткий обзор языковых маркеров коллективной культурной памяти и механизма манипулирования официальной памятью еще одно свидетельство того, что языковая карта современной Грузии и «лингвистические иерархии» нуждаются в пристальном изучении, связанном с теоретическим исследованием таких вопросов, как языковое планирование, языковая политика, языковые маркеры культурной памяти, формирование поликультурной языковой личности; необходимо проведение социолингвистических исследований коллективной культурной памяти и идентичности грузин с учетом смены общественных, культурных и языковых парадигм.

Литература:

1. Ассманн Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004
2. Высоцкий В. Собрание сочинений. Спасибо, что живой! М. 2012.
3. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. <http://lib.rus.ec/a/7480>.

НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРУЗИНСКОГО ЭТНОСА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Н. Каджая, И. Шарадзе (Грузия)

Батумский государственный университет Шота Руставели (Грузия)

Как известно, художественная литература представляет одно из важнейших средств для выявления и изучения культурного наследия народа и ее ментальности. В любом литературном произведении заложена интересная «генетическая информация» о народе и о его духовном мире. В каждом конкретном случае эта информация получает неординарную оценку, то есть восприятие указанной «генетической информации» происходит в ментальном разрезе автора текста, а восприятие «иностранный этноса» в разрезе «собственного» восприятия приобретает особую важность в современном кросс-культурном положении.

Близость русской и грузинской литератур, моменты проявления ментальной общности двух великих литератур всегда привлекали внимание литературоведов. Анализируемый нами вопрос, не являясь, по существу, абсолютно новым в исследовании истории русско-грузинских литературных взаимосвязей, тем не менее, остается актуальным именно сегодня. Изменения геополитического характера, имевшие место после распада СССР, придали этой проблеме особо острое звучание в контексте трансформации парадигмы функционирования русского языка и русской литературы в Грузии. На сегодня русская литература стала в Грузии по-настоящему иностранной литературой, и многие явления, которые раньше в силу причин, далеких от науки, не акцентировались научным познанием, сегодня стали требовать нового осмысления и нового прочтения.

Изучение и выявление грузинского этноса русской литературой, это не просто так называемое «восприятие межнациональной парадигмы», а это между тем своеобразный межкультурный диалог. Осмысление интересующей нас темы представляется интересным с учетом общеизвестной социокультурной оппозиции «Восток-Запад». Взаимоотношения двух миров, обладающих полярной этноментальностью, привлекают внимание с давних времен. Русские классики 19 века положили начало восприятию Кавказа, как оазиса свободы в русской литературе. Для прогрессивно мыслящей русской интеллигенции культура Грузии представляла собой не чужое, а альтернативное событие для русской репрессированной традиции.

Лучшие традиции 19 века нашли продолжение в произведениях литераторов 20 века. Но следует отметить, что в начале века появляются произведения, в которых явно выражено на необъективное отношение к грузинскому этносу. Именно с этого момента начинается выявление тенденциозности в грузинских произведениях русской литературы, конкретно, формирование грузинского литературного портрета, который позже назвали «лицом кавказской национальности» (Адеишвили 2000: 27). Нужно отметить, что русские авторы не оставили незамеченными некоторые отрицательные черты грузинского характера (М. Горький «Мой спутник»). Близкое знакомство русских литераторов с историей и культурой Грузии, с природой грузинского человека позволило им изменить основные характеризующие моменты грузинского персонажа. П. Павленко, О. Мандельштам, К. Паустовский старались реально объяснить своеобразие грузинского национального характера, его сильные и слабые стороны. Нужно отметить, что политический взгляд русских авторов, душевное состояние, вызванное общественно-политическим положением решительно повлияло на создание грузинского персонажа.

Грузинское этнознание в русской литературе представлено в полярном виде. Можно говорить о двойном подходе к грузинскому этносу, как на уровне государственной политики, так и на научно-культурном уровне: это, с одной стороны, «добрая» Россия, положительное отношение к Грузии со стороны российских государственных деятелей и интеллектуалов (царский наместник Воронцов, Баратынский, Пушкин, Грибоедов, Лермонтов) и с другой стороны, отрицательное отношение - попытки России считать себя культурным и государственным центром, а Грузию и, в общем, Кавказ - центром хаоса первобытности и дикой природы.

Прогрессивно настроенная русская интеллигенция воспринимала Кавказ как духовную, идеологическую и эстетическую оппозицию Петербурга (России). В русской литературе, начиная с эпохи Державина, возникла социокультурная оппозиция «Петербург - Кавказ». В этой сложной дихотомии, частично трагичной природе выразалось принципиально различное двойное мировоззрение, которое серьезно повлияло на парадигматику романтического мировоззрения. Как отмечает М. Гиголашвили, «без Грузии не было бы русского романтизма, не было бы таких великих творений Толстого, как «Казачьи», «Хаджи-Мурат», да и весь XX век русской поэзии выглядел бы по-иному. Грузия манила русских поэтов своеобычностью, непохожестью на то, что они видели у себя дома. Почитайте записки каждого из них. Их строки проникнуты любовью к Грузии, к ее пленительной природе, бесподобной музыке, к благородным и щедрым жителям этой страны древнейшей культуры, 16-векового христианства. Вот почему Грузия в частности и Кавказ в целом занимают ключевые позиции как в раннем, так и в позднем — советском — периоде русской литературы» (Гиголашвили. <http://www.2000.net.ua>). Максим Горький, чье творческое рождение произошло именно в Грузии, никогда не скрывал своего восхищения «величественной природой страны и романтической мягкостью ее народа». Хотя нужно сказать и о том, что мимо зоркого глаза писателя не прошли и некоторые отрицательные стороны национального характера, вспомним его рассказ «Мой спутник», где не очень-то лицеприятно изображен грузин.

Для определенной части русских писателей первой трети XX века (например, Тэффи) изображение грузин сопровождается такими определениями, как «черномазые», «туземцы», «грязные»... В этом, возможно, следует искать отголоски той идеологии цивилизационной миссии России, о которой мы говорили выше.

Более близкое знакомство русских литераторов последующего периода с Грузией, ее историей и богатой культурой во многом обусловило изменение основных характеристик персонажа-грузина. П. Павленко, О. Мандельштам, К. Паустовский старались правдиво изобразить особенности национального характера, его сильные и слабые стороны, отметить природную культуру и дарование грузинского народа, показать образ грузина-воина. Однако нужно отметить, что и среди этих писателей наблюдается неоднозначное отношение к грузинам. Интересны, например, грузинские наблюдения О. Мандельштама. О. Мандельштам в Грузии, в частности в Батуми оказался не в результате романтического путешествия, революция заставила поэта покинуть родные места. Летом 1920 года он оказался в Батуми. Мандельштамовское мрачное восприятие Батуми во многом обусловлено его состоянием человека, потерявшего прежнюю жизнь. Его взгляд на Батуми — это «странное впечатление иностранца», раздражение русского человека, у которого революция отняла все, прежнюю жизнь, вынудила бежать, бежать без оглядки куда-то ... Раздражение, похожее на ситуацию - «сытый голодному не товарищ». «Маленькое «независимое» государство, выросшее на чужой крови, хотело быть бескровным. Оно надеялось чистеньким и благополучным войти в историю, сжатое грозными силами» (Мандельштам 1990: 316). Все это вкупе заставило поэта сделать вывод: «Меньшевицкий Батум был плохой грузинский город» (Мандельштам 1990: 315).

В очерках «Батум», «Батум (Дождь, дождь, дождь...», «Меньшевики в Грузии», «Возвращение» он описывает свой приезд, впечатления от Батуми 1920-х годов, на фоне описания жизни маленького приморского города он передает и свое отношение к происходящему, к новой жизни.

Мандельштам несколько резок и грубо ироничен в изображении Батуми. Он в основном описывает социально-экономические условия жизни города, притом довольно мрачно. Поэт настолько ироничен при изображении, так сказать, «культурной жизни» Батума, что читатель невольно убеждается в противоположном. Это лишь «торговый город, грязный котел хищничества и обмана» (Мандельштам 1990: 320). Причину того, что в очерках наш город получил довольно нелицеприятное изображение, возможно, следует искать в том, что русский поэт посетил Батуми в смутное время, когда сюда хлынули толпы людей как с севера (бежавших от красного террора), так и с юга и запада, охотившихся за наживой. Город пестрел приезжими. Мандельштам заметил и эту подробность: «...порт с турецкими кофейнями, вежливыми купцами и русскими торгующими матросами» (Мандельштам 1990: 320).

Возможно, подобная пестрота и стала причиной того, что в очерковом пространстве местному населению почти не нашлось места. Мандельштам очень скуп, буквально несколькими фразами и эпитетами характеризует жителей Батуми и его окрестностей: «Продавцы мандаринов и чумазые мальчишки» (Мандельштам 1990: 318). В изображении батумцев, и вообще грузин, Мандельштам здесь следует традиции этнолитературного портрета грузина, созданного частью русских

литераторов начала XX века. Тэффи, например, в своих очерках рисует почти идентичную картину: «Черномазые, грязные ребятишки сидят между камнями... подхожу к тоненькой девочке с кудрями, напоминающими шерсть коричневой козы».

Мандельштамовское мрачное восприятие Батуми во многом обусловлено его состоянием человека, потерявшего прежнюю жизнь. Его взгляд на Батуми – это «странное впечатление иностранца», раздражение русского человека, у которого революция отняла все, прежнюю жизнь, вынудила бежать, бежать без оглядки куда-то ... Раздражение, похожее на ситуацию - «сытый голодному не товарищ». «Маленькое «независимое» государство, выросшее на чужой крови, хотело быть бескровным. Оно надеялось чистеньким и благополучным войти в историю, сжатое грозными силами» (Мандельштам 1990: 316). Все это вкупе заставило поэта сделать вывод: «Меньшевицкий Батум был плохой грузинский город» (Мандельштам 1990: 315). Как видим, этноментальный портрет грузина в русской литературе характеризуется неоднозначно. Созданный русской литературой на разных этапах своего развития портрет грузина констатирует некоторые особенности национального характера, (такие, как экспансивность, пылкость, вспыльчивость) как основные, узловые. Классовые интересы, государственная идеология, в ряде случаев плохое знание русскими литераторами грузинской культуры и истории, и, что весьма важно, грузинского менталитета определили не совсем адекватное изображение грузинского народа в произведениях русской литературы. Изменение вектора изображения грузина в русской литературе вероятно связано с изменением социо-культурной мифологии в России. Понимание русскими литераторами грузинской реальности было насквозь мифологическим. На определенных этапах взаимоотношений двух культур происходит процесс демифологизации на социо-культурном уровне. А это процесс весьма болезненный, разобраться в механизме этого процесса и интересно, и необходимо.

Литература:

1. Адеишвили И. Русская проза о Грузии. Кутаиси, 2000.
2. Мандельштам О. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи. Тбилиси, 1990.
3. Микадзе М. М. Булгаков и О. Мандельштам в Батуми // Актуальные вопросы межнациональных филологических общений. Тбилиси, 1999, с. 56-58.
4. Гиголашвили М.. О России и Грузии, о юности в Тбилиси и знаменитом венгерском предке, о деде и Шеварднадзе. <http://www.2000.net.ua>.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ВРАЩЕНИЯ - РУССКО-ГРУЗИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Аннотация: Статья посвящается структурно семантическим аспектам глаголов вращения в русском и грузинском языке. В ней детально рассмотрены некоторые параметры семантики вращения – а именно: противопоставление внутренней и внешней оси вращения; скорость движения; длительность вращения (один VS многочисленные обороты); неполный оборот при вращении; количество вращающихся субъектов; одушевленность/неодушевленность субъекта; направленность, ориентация лица в пространстве; смена направления вращения - глаголы-композицы.

Ключевые слова: семантика вращения, скорость движение, субъект вращения, объект вращения.

Лексикографическая картина в области глаголов вращения, наблюдаемая на сегодняшний день, делает наглядным факт, что они не только не изучены, но и не зафиксированы подобающим образом, имеем в виду с учетом их ситуативных значений.

Так, например, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1985) в качестве первых значений глаголов вращения приводятся следующие:

Кружиться – совершать круговые движения

Вертеться – находиться в состоянии кругового движения

Крутиться – вертеться кругообразно.

Совершенно очевидно, что такого рода толкования не позволяют увидеть разницу между приведенными словами, так как не учитывают параметров, по которым можно описывать различия в значении этих слов.

В «Толковом словаре грузинского языка» (Однотомник. Под ред. А. С. Чикобава. Тбилиси. 1986) для основных глаголов, обозначающих кругообразное движение конкретного материального субъекта, дается следующие толкования:

1. *t'riali* – ტრიალი – вертеть, вращать, крутить, вертеться, вращаться, крутиться, кружиться: а) *t'riali* - ტრიალი - вертящийся предмет, то, что вертится; б) *t'riali* – ტრიალი; *brunva* - ბრუნვა – верчение; *gorva* - გორვა - катиться; *didi mozraoba* - დიდი მოძრაობა - большое движение.

2. *bruneba* – ბრუნება – крутить, передвигать круговыми движениями. Перевод данный глаголов приводится из Грузинско-русского словаря (составители Г.С.Ахвледiani и В.Т.Топуриа. Издательство «Ганатлеба». Тбилиси, 1999).

Само собой разумеется, что такая организация толкования в случае первого словаря связана, в первую очередь, с теми целями, которые стояли перед составителями словаря. Этот словарь предназначен для людей, владеющих языком как родным и обладающих языковым чутьем в отношении употребления языковых единиц. Во втором же случае (имеем в виду перевод) провести границу между этими, двумя глаголами довольно сложно, даже практически невозможно. Следовательно, подобное толкование не может быть использовано ни для различения синонимов, что бывает актуально и для людей, изучающих иностранный язык.

Термин «вращение» понимается как некоторый акт, при котором субъект совершает несколько оборотов по круговой траектории вокруг заданной точки или линии, перемещаясь в пространстве, или же вокруг самого себя, оставаясь на месте (или перемещаясь). Однако в сферу наших интересов попали как глаголы, обозначающие несколько оборотов, так и глаголы (отглагольные имена, причастия и др.), обозначающие одинарный, а также полуоборот, а также качение. При этом мы постарались исследовать как прямые, так и переносные значения глаголов вращения. За основные, мы, естественно взяли значения, обозначающие действия, при которых происходит

кругообразное движение конкретного материального субъекта вне зависимости от того, занимали ли они в словарной статье первое по отношению к другим значениям место.

Ситуации вращения были разделены на составляющие части: вращающийся предмет; ось вращения; ориентир; плоскость, в которой происходит вращение и т.д.) и для каждой из частей были рассмотрены ее возможные характеристики.

На основе анализа языкового материала были выделены и классифицированы следующие параметры вращения [по типология Кругляковой, 2007]:

- (1) противопоставление внутренней и внешней оси вращения;
- (2) скорость движения;
- (3) длительность вращения (один VS многочисленные обороты);
- (4) неполный оборот при вращении;
- (5) количество вращающихся субъектов;
- (6) одушевленность/неодушевленность субъекта;
- (7) направленность, ориентация лица в пространстве;
- (8) смена направления вращения - глаголы-композицы.

(1) Противопоставление внутренней и внешней оси вращения

Противопоставление внутренней и внешней оси вращения, подразумевающее наличие разного количества участников вращения. Данный параметр различает вращение субъекта вокруг своей оси (так вращается, например, фигурист) и вокруг некоторого внешнего ориентира (например, вращение вокруг турника). При вращении вокруг внутренней оси участник один, субъект, тело которого вращается вокруг собственной, невидимой оси, а в случае вращения вокруг внешней оси – участников два вращающийся вокруг объекта субъект и объект - ориентир вращения.

Необходимо отметить, что появление нового участника ситуации как в русском, так и в грузинском языке требует соответствующего синтаксического оформления. При большинстве глаголов вращения в русском языке ориентир вводится при помощи предлога, что не требуется в случае вращения вокруг своей оси. Однако предлог, как часть речи в грузинском языке отсутствует и его функцию наречия (*borbali brunavs – borbali t'rialebs – Колесо вращается*) и *dedamic 'a brunavs mzis garšemo - Земля вращается вокруг Солнца*)).

Кроме того, совершение «оборотов по круговой траектории», являющееся ключевым в определении вращения, для внутренней и внешней осей также происходит по-разному. В случае вращения вокруг внешней оси субъект движется по круговой траектории, центром которой является ориентир, то есть важна траектория, по которой происходит перемещение субъекта и «круговая составляющая» движения приходится именно на нее.

При вращении вокруг внутренней оси значимым является круговое перемещение каждой из частей субъекта относительно его центра. В этом случае перемещение самого субъекта в пространстве отходит на второй план и может вообще не иметь места. Так, например, при рассмотрении ситуации вращения пропеллера вертолета перемещение самого пропеллера (вместе с вертолетом) в процессе полета для нас несущественно. В ситуации качения идея перемещения субъекта в пространстве важна, но его конкретная траектория нас не интересует, так как она не является круговой;

Основные грузинские глаголы вращения не знают четкой границы между вращением вокруг внутренней и внешней оси: *t'riali* – вертеть, вращать, крутить, вертеться, вращаться, крутиться, кружиться: а) *t'riali* - вертящийся предмет, то, что вертится; б) *t'riali, gorva* - *катится, didi mozraoba* - *большое движение. а) вращаться, вертеться на месте; б) вращаться, вертеться вокруг чего-либо.* Хотя, при наличии определенного контекста их, естественно, можно разграничить: вокруг внутренней оси: *amobruneba* – перевернуться по направлению снизу вверх; вывернуть одежду; *aq'iraveba* – перевернуть с ног на голову или наоборот; и вокруг внешней оси: *gadaxlartva* – перепутаться, переплести, переплестись круговыми движениями; *gamobruneba* – (верт.) развернуться по направлению к говорящему. Следует, однако, оговориться, что практически любой глагол из левого столбца может выражать

значение вращения вокруг внешней оси, равно как и любой глагол из правого столбца способен выражать вращение вокруг внутренней, собственной оси.

(2) Скорость движения

Грузинские глаголы, несомненно, не лишены способности выражать темп оборота – быстрое или медленное вращение. Не лишены они также способности в нужном окружении называть как быстрое, так и медленное вращение. Однако при анализе, все-таки, наметилась тенденция: глаголы, называющие действия, обозначающие «поворачивать, накручивать предмет/предметы вокруг своей оси или друг на друга, как правило, обозначают медленное вращение: *čagrexa* – вставить что-либо куда-либо круговыми движениями; *dapirkvaveba* – перевернуть сосуд дном вниз и т.д.

А глаголы, которые называют действия, обозначающие вращение, самостоятельно, независимо от кого-либо осуществляемое вращение, как правило, обозначают быстрое вращение: *gadaqot'rialeba* – валяться и лежа перевернуться от первого лица; *bzriali* – крутиться быстро вокруг своей оси. От данного глагола образовано существительное *bzriala* – юла, само по себе подразумевающее быстрое вращение.

(5) Количество вращающихся субъектов

С точки зрения выражения количества вращающихся субъектов грузинский глагол схож с русским. Только множественное число глаголов называет больше чем одного субъекта действия. Однако, в этой связи действия интересна грузинская приставка *da-*, обладающая своего рода одиночной семантикой. Глагол *t'rialeben* – *ტრიალებენ* – (кружатся, крутятся) – называет действие, во время которого несколько субъектов одновременно совершают одно общее действие. *dat'rialeben* – *დატრიალებენ* – (кружатся, крутятся) – это действие, во время которого несколько субъектов одновременно совершают одно и то же действие, однако действие это не является общим для них – каждый крутится сам по себе.

(6) Одушевленность/неодушевленность субъекта

Интересно проследить, распространяются ли ограничения на субъект и объект вращения, иными словами, кто именно может являться субъектом вращения, выраженного конкретным глаголом, человек, другие живые существа или неживые предметы и явления.

Анализ показал, что субъект вращения в большинстве случаев – общий. Вращение, выраженное большинством глаголов, может осуществляться как человеком, как и другими живыми существами, а также неодушевленными предметами. Однако в первичном своем значении эти действия осуществлялись либо исключительно человеком и в дальнейшем действие это метафорически приписывалось другим живым существам или неживым предметам и явлениям, или же наоборот, первичное их значение подразумевало обязательное участие неодушевленного субъекта и лишь в переносном, метафорическом значении субъектом мог явиться человек.

Однако, порой глаголы описывают вращательное движение либо исключительно человека, либо животных и других живых существ, или же вращательное движение других неодушевленных существительных.

Таким образом, классификацию можно представить в следующем виде:

Субъект вращения:

I. а) глаголы, описывающие вращательное движение исключительно человека: *aburt'avebs*, *agoravebs*, *grexa* – *dagrex*/*grexs*, *grexs*, *dagragnis*, *gadapirk'vaveba* – *apirk'vavebs*, *amoxraxna*/*čaxraxna* – *xraxnis*, *gagoreba*, *gagoreb-gatogoreba* и т.д.

б) глаголы, описывающие вращательное движение животных и других живых существ:

в) глаголы, описывающие вращательное движение других неодушевленных существительных: *gadmopirk'vaveba*, *atopirk'vaveba*, *gamoreva*, *moreva*, *areva*, *gadapirk'vaveba* и т.д.

II. Общий (одушевленный и неодушевленный):

- одушевленный (в первичном значении) и неодушевленный (во вторичном, переносном, метафорическом значении) – *amoq'iraveba*, *gadaq'iraveba*, *gadmoq'iraveba*, *daabrunebs*, *dabruneba*, *agoreba* (*agorebs*), *abruneba* (*abrunebs*) и т.д.

- неодушевленный (в первичном значении) и одушевленный (во вторичном значении) - *gadagoreba, gadmogoreba, gagoreba, gamogoreba, gamobruneba, grexa, dagrexa* и т.д.

В этой связи следует отметить, что реальной возможностью осуществления того или иного вращательного действия обладают только живые существа, или же, наоборот, только неодушевленные предметы, однако по признаку схожести эти действия могут приписываться и неодушевленным предметам (или живым существам). Практически каждый глагол вращения (как и любой грузинский глагол) обладает потенцией употребления в метафорическом значении.

Данная классификация может распространиться и на объекта вращения:

Объект вращения:

а) Исключительно одушевленный – *gadakot'rialeba – kot'rialebs* и т.д.

б) Исключительно неодушевленный – *dagragnis (gragnili), dagrexs/grexs (grexili), gadapirq'vaveba (gadapirk'vavebuli), amoxraxna (amoxraxnili), čaxraxna (čaxraxnili, xraxnili), gagoreba (gagorebuli), gamogoreba (gamogorebuli), areva (asarevi), axveva (axveuli, asaxvevi)* и т.д.

в) Общий:

- одушевленный (в первичном значении) и неодушевленный (во вторичном, переносном значении) – *gadaxveva (gadaxveuli), gadabruneba, axveva – axvevs (xveuli), amobruneba (amobrunebuli, amosabrunebeli)* и т.д.

Либо:

- неодушевленный (в первичном значении) и одушевленный (во вторичном значении) – *gadaxlartva (gadaxlartuli), c'irexva, dac'irexva (dac'irexuli), areva (areuli), amoreva (amoreuli, amosarevi)* и т.д.

Тут же следует оговориться, что инфинитив глагола может подразумевать в себе как одушевленного, так и неодушевленного субъекта или объекта, однако разные спрягаемые формы глагола (в зависимости от контекста или самостоятельно) могут исключать действие одушевленного или неодушевленного субъекта, так и наличие одушевленного или неодушевленного объекта как результата.

В своей интереснейшей монографии, посвященной проблемам формообразования грузинского глагола, профессор Г.Гоголашили пишет, что в заключительной стадии работы над Толковым словарем грузинского языка, редактор словаря Г.Чабашвили попросит продлить срок работ над словарем, обосновывая просьбу тем, что кое-что следует сверить, кое-что следует перепроверить. Главный редактор Арнольд Чикобава ответил, что работа над словарем никогда не заканчивается, нужно уметь ставить точку...

Также неисчерпаем грузинский глагол, в его недрах таятся множество неизученных, все еще не проанализированных явлений, одним из которых являются глаголы вращения, специфика их семантики, формообразования и функционирования. И в этой области еще многое предстоит выявить, проанализировать и подытожить.

Использованна литература:

1. Ахвледиани Г.С., Топурия В.Т.. Грузинско-русский словарь. Тбилиси. 1990.
2. Гоголашили Г. Грузинский глагол (вопросы формообразования). Издательство «Меридиан». Тбилиси, 2010. - На груз. языке.
3. Грузинско-русский словарь. Составители Г.С.Ахвледиани и В.Т.Топурия. Издательство «Ганатлеба». Тбилиси, 1999.
4. Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения на материале английского, испанского, польского и русского языков, 2007.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Под ред. Шведовой Н.Ю. М.: Русский язык, 1985
6. Орбелиани Сулхан-Саба. Словарь грузинского языка. Тбилиси, 1949.
7. Толковый словарь грузинского языка. Однотомник. Под ред. А. С. Чикобава. Тбилиси. 1986.
8. Чикобава А. Какие особенности характерны для структуры грузинского глагола. Тбилиси, 1998.
9. Чимке Х. Семантические нюансы приставок современном литературном грузинском языке. ДД., Кутаиси, 2010.

КУЛЬТУРА И СМИ

Софико Таварткиладзе

Батумский государственный университет Шота Руставели (Грузия)

Sophiko Tavartkiladze (Georgia)

CULTURE AND MEDIA

Summary: The development of mass media led to the formation of the so-called mass culture, simplified in a sense artistically and technologically accessible to all. Popular culture, especially in its strong commercialization, and is able to displace a high and popular culture. In most cases, the modern media decide what will be the elements of modern culture to be morally, increase the value of some ideas and devalue others. Thus, modern man can not escape the effects of the media. It follows that the media are actively involved in the process of inculturation.

Культура это понятие, которое имеет большое количество значений в различных областях человеческой жизнедеятельности. Культура является предметом изучения истории, культурологии, философии, лингвистики и др.

Культура представляет собой совокупность устойчивых форм человеческой деятельности, без которых она не может воспроизводиться, а значит — существовать.

Многообразие существующих в мире философских и научных определений культуры не позволяет сослаться на это понятие как на наиболее очевидное обозначение объекта и предмета культуры и требует более четкой и узкой его конкретизации. Так например в БЭС культура понимается как «исторически определённый уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях», Д. Андреев культурой называет «общий объём творчества человечества», а Ю.Лотман культуру определяет как «совокупность генетически ненаследуемой информации в области поведения человека». (4: С. 129-132).

Культура современного общества - совокупность самых различных пластов культуры, то есть она состоит из доминирующей культуры, субкультур и даже контркультур. В любом обществе можно выделить высокую культуру (элитарную) и народную культуру (фольклор). Развитие средств массовой информации привело к формированию так называемой массовой культуры, упрощенной в смысловом и художественном отношении, технологически доступной для всех. Массовая культура, особенно при ее сильной коммерциализации, способна вытеснять и высокую, и народную культуры. Но в целом отношение к массовой культуре не столь однозначно. Феномен «массовой культуры» с точки зрения его роли в развитии современной цивилизации оценивается учеными далеко не однозначно.

(1:147-154.)

Массовая культура – это культура, которая приспособлена к вкусам широких масс людей, технически тиражируется в виде множества копий и распространяется при помощи современных коммуникативных технологий. Массовая культура - термин, используемый в современной культурологии для обозначения специфической разновидности духовного производства, ориентированного на «среднего» потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта.

Важнейшим звеном "культурного производства" в современных обществах являются СМИ. Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаём через массмедиа.

В современном обществе большое значение приобретают массовые коммуникации и средства массовой информации. Массовая коммуникация есть массово-информационная деятельность, характеризующаяся сбором,

обработкой и распространением информации. В процесс этой деятельности включены две составляющие массовой коммуникации:

- журналистика, собирающая и обрабатывающая информацию в соответствии с определенными системами ценностей субъектов;
- средства массовой информации, осуществляющие технический процесс трансляции данной информации в массовое сознание.

Информационная функция – основная функция СМИ, которая заключается в предоставлении актуальной информации о самых различных сферах деятельности – деловой, научно-технической, политической, юридической, медицинской и т.п. Добываемая и передаваемая СМИ информация включает не только беспристрастное освещение тех или иных фактов, но и их комментирование и оценку. На основе получаемой информации у граждан формируется мнение о деятельности правительства, парламента, партий и других политических институтов, об экономической, культурной и иной жизни общества.

Культурологическая функция выполняет не только свою основную познавательную задачу – ознакомление с достижениями культуры и искусства, она способствует осознанию обществом необходимости преемственности культуры, сохранения культурных традиций. При помощи СМИ люди знакомятся с особенностями различных культур и субкультур. Это развивает эстетический вкус, способствует взаимопониманию, снятию социальной напряженности, в конечном счете, способствует интеграции общества.

Сегодня на сознание и формирование личности человека, с точки зрения психологического воздействия, очень влияют средства массовой информации. В современном мире поток информации разнообразен, поэтому разобраться в нем невозможно. Именно исходя из этого сильное воздействие оказывают СМИ.

Влияние СМИ на культуру и мышление оценивается по-разному, но признается всеми. Наиболее радикальная точка зрения заключается в том, что реальность, продуцируемая **СМИ**, полностью подменила и вытеснила действительную реальность.

СМИ сегодня - это мощный фактор воздействия на психологическое, социальное состояние людей, степень же влияние на молодежь - аудиторию с неокрепшим самосознанием, неустоявшимся мировоззрением - наиболее велика. Аспекты влияния СМИ многочисленны, представим лишь наиболее распространенные мнения, выделив как положительные, так и отрицательные факторы влияния СМИ на личность представителя молодежи.

Положительное влияние СМИ на массовую культуру. Информацию, которая поступает в общество, нужно постоянно обрабатывать. Когда информация распространяется в большом масштабе, то человек не способен сам определить ее значение. В этом случае помогают средства массовой информации, которые и освещают различные актуальные общественные проблемы и тем самым влияют на мнения и поведение людей, как в обществе, так и индивидуально. К таким СМИ относятся пресса, телевидение, радио, Интернет и реклама.

Отрицательное влияние СМИ на массовую культуру. Одна из главных задач СМИ в процессе убеждения - это создать устойчивое отношение к какому-нибудь конкретному явлению. Задача внушить что-либо обществу является негуманной. Одним из отрицательных воздействий является - пропаганда. Пропаганда за многие годы отработала большое количество приемов для манипулирования общественным сознанием, которые действительно эффективны и позволяют влиять на массу определенным образом. Одним из отрицательных воздействий на сознание молодежи является метод дезинформации. Смысл в том, что в определенный момент СМИ "подается" информация, зачастую

являющаяся откровенной ложью. Как правило, дезинформация подается из разных источников и западает в подсознание человека, используется в момент принятия какого-либо важного решения, и когда будет известна правда - цель дезинформации уже будет достигнута.

Поскольку большую часть информации о мире человек сегодня получает именно через СМИ, огромное значение приобретает вопрос о том, что именно попадет в поле зрения СМИ и будет представлено аудитории в качестве "важного" и "значимого". Таким образом, СМИ не только предоставляют информацию, но и ранжируют её. В поле зрения СМИ редко попадают новости из мира науки и "высокого искусства", почти отсутствуют сюжеты, связанные с обыденной жизнью и повседневными обязанностями человека. В большинстве случаев современные СМИ решают, что будет являться элементами современной культуры, что будет нравственно, повышают ценность одних идей и обесценивают другие. Таким образом, современный человек не может уклониться от воздействия СМИ. Отсюда следует, что средства массовой информации активно участвуют в процессе инкультурации. Воздействие на систему идейных, политических и общественных установок людей, воздействие на массовое сознание общества, формирование норм, морали и этики - это основная психологическая цель средств массовой информации.

Литература

1. Мамонтов С.П. Основы культурологии: М.: Олимп, 1999.
2. Науменко Т.В. Социология массовой коммуникации. СПб., 2005.
3. Бориснев С.В. Социология коммуникации. М., 2003.
4. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. - Таллинн, 1992

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ТУРЕЦКОМ,
РУССКОМ И ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКАХ**

**Майя Киквадзе, Лиле Тандилава
Батумский государственный университет Шота Руставели (Грузия)**

Maia Kikvadze, Lile Tandilava (Georgia, Batumi)

Лексические и фразеологические синонимы в турецком, русском и грузинском языках
'' in Georgian, Turkish and Russian Languages

In languages with different structures different meaning of the word occur in synonymous expressions, mainly in expressive sememes. Difficulties while translating arise when searching for an adequate meaning of the word, synonym.

We became interested in the following subject while teaching Georgian and Russian Languages as foreign languages to Turkish speaking prospect students and students.

In Georgian, Turkish and Russian, semantic field of ''getting angry'' is of special interest. In Georgian the synonyms of ''being angry'' are the following: ''gaberili'', ''gafkhorili'', ''gafukuli''. In Russian the external and internal signs of the thing are distinguished, where the semantic field of ''gaboroteba'' is also included.

In Turkish the semantic field of ''gabrazeba'' is expressed by phraseological units, like ''take the devil's horse'', ''growl like a lion'', ''release fire through the nose, eyes, mouth'', meaning ''becoming furious and mad''. As for its lexical meaning, figuratively it has the following meanings: 1) to smell, to make bread rise with yeast; 2) to take off paint from the wardrobe; 3) to make the sea rough;

Semantic field of ''being furious'' is expressed by following lexemes: ''gatsitsmateba'', ''gapilpileba'', ''gaaspiteba'', ''gatsetskhleba''. In Turkish the word similar to them is ''barut'' (gunpowder), in Russian ''Porokh''.

Изучение языка подразумевает установление соотношения с культурой и мышлением. В языке сосредоточено достояние национальных культур всего человечества. След испытанного и осмысленного народом глубже всего отражается в языке. По Гумбольдту, разные языки - это не разное обозначение одного предмета, это разный взгляд на него. Народы мира отличаются друг от друга специфическим бытом, культурой. Нет двух этносов, имеющих одну ментальность, природу и характер. Определяющими эту разницу факторами являются: историческое прошлое, геополитическое положение, уровень социально-экономического развития.

Особо следует отметить соседство с другими странами и языками. Турецкий, русский и грузинский языки с этой точки зрения привлекают особое внимание.

Следует отметить, что на этнопсихологию народа влияют традиции, среда и современная реальность. Исходя из этого, некоторые слова, их семантические поля и синонимические ряды требуют особого внимания и исследования. Именно под этим углом рассматривается существование синонимов общего характера, которые с точностью выражают характер соответствующих наций, народов в лексике соседствующих языков разных структур.

С течением времени в речи современного человека наблюдается обилие слов с эмоциональной, экспрессивной окрашенностью. Сфера нашего исследования – изучение лексем, экспресsem, выражающих эмоции.

В языках разных структур, различное значение слов проявляется в синонимических рядах, особенно экспрессивах. Особую сложность в их переводе создают подбор адекватного значения слов, поиск синонимов. Нашу заинтересованность данным вопросом обусловил один весьма практический случай, в частности, сложности, возникшие во время преподавания турецкоязычным абитуриентам и студентам синонимов (турецкие студенты изучают в нашем университете грузинский и русский языки).

Синонимия – весьма интересное языковое явление. С первого взгляда здесь все должно решаться легко, однако во всех языках могут быть выявлены слова или выражения, различия между которыми более или менее заметны. В нашей работе мы попытаемся представить семантическое поле лексемы *kızmak* (сердиться, *gabrazeba*) в турецком, русском и грузинском языках.

Между синонимами всегда наблюдается относительное отличие. С целью выявления такового необходимо их узуальное и контекстуальное исследование. Некоторые синонимы забыты литературным языком и встречаются только в живой речи. Изучение языков и с этой точки зрения дает интересную картину. Исследование синонимических единиц языка начинается, прежде всего, с лексики, однако синонимия – понятие широкое и кроме лексических синонимов в языке встречаются и синонимичные фразеологизмы. Члены синонимического ряда отличаются и частотностью. Возможны случаи, когда очень эффективный, экспрессивный синоним по своей распространенности может отставать от своего же синонима, или же исторически преимущество отдается какому-либо одному из них, в частности, тому, который более соответствует характеру современного человека, его стремлениям.

Наблюдения над разными языками показали, что изучение лексических и фразеологических синонимов особенно интересно в случае постоянных языковых контактов между соседними народами.

Турецкий язык лучше выражает семантику слова в метафорах. Грузинский язык в таком случае предпочитает экономии языковых средств, русский же с целью избежать неясности мысли прибегает к четкой дифференциации лексических единиц.

В турецком языке чаще всего используется описательный метод при метафорической формулировке мысли, тогда как в грузинском и русском языках встречаются как данный, так и лексический способ.

Синонимами *gabrazeba* (сердиться) в грузинском языке являются *gaberili*, *gafukuli* (надутый) // *gafxorili* (взъерошенный) - *fuke* – пустой, *fuwi-kakali* – пустой орех, *dideba* - величие (фразеологизм).

Gafxorva-gabergva (надуться), *ftebis aburdzgvna* (взъерошить крылья), (*mamalma medidurad Caaxvela, gasivda, gaifxora* - Петух величественно кашлянул, надулся, въерошился) (neimani 1951:77).

Gafxorili – *gabutuli* (обидевшийся), *kushti* (угрюмый).

Взъерошенность - свойство индюка; ходит как взъерошенный индюк (фразеологизм) (Толковый словарь грузинского языка 2010).

В русском языке различают разное понятие этого слова, в данном же случае оно указывает на характер.

Вздохмаченный - *aburdzgnili*; взъерошенный - *afofrili*.

Надутый- gabrazebuli

В грузинско-русском словаре дается краткое описание этого слова:

gaberili, gabrazebuli- надутый, раздутый, вздутый.

Надутый (как индюк)

вид

Надутый взгляд

губ

В турецком языке синоним этого слова kabarmak- вздуваться, разбухать (Русско-турецкий и турецко-русский словарь 1998).

В турецко-грузинском словаре даются более точные толкования. kabarmak- значит: 1/ gaberva, gasieba, amosvla, afueba, akafeba (hamur kabardi - comi afuvda, 2/ dolabin boyasi kabardi - adzroba karadaze sagebavis; 3/перен. gabgendzva, gafxorva; 4/ zgvis aboboqreba, 5/перен. gabrazeba, ganrisxeba, gamdzvinvareba (Chlaidze 2001:756). Насупившийся - синонимы величественный, гордый, высокомерный .

kabarmk – 1.shesiebuli, gaberili, aburdzgnili; hindi gibi kabarmiyor

в грузинском - tavs magla swevs, tavaweuli dadis, mamali indaurivit ifxoreba; в русском - гордый , гордивый.

К словам насупившийся и величественный в турецком в качестве синонимов употребляют фразеологизмы:

sögsünü kabarm - вздымает грудь, дуется.

Burnunun yeli harman savuruyur; burnu havada - величественный, высокомерный, срав.груз. ходить с высоко поднятой головой, задирает нос; срав.рус. держать нос по ветру; gözü yüksekte - закатывать глаза срав. груз. высоко смотрит, задирает голову, срав.рус - не смотреть выше носа.

В аджарском диалекте есть фразеологизм kikvebis gasieba kikvi означает зоб.

В аджарском диалекте когда говорят, что тесто поднимается, то имеют ввиду, что тесто раздулось, что скорей всего, является следствием влияния турецкого языка.

Надутый в турецком языке, в переносном значении означает рассерженный. Т.е в турецком, наподобие грузинского и русского, толкование слова рассерженность связывается с раздутостью, высокопарностью, наваянностью. А слово рассерженность определяется как - обида, возмущенность. Нейман синонимом рассерженности считает gashmageba, Джорджанели - обозленность.

В русском языке слово рассерженность имеет очень богатый синонимический ряд.

Сердитый 1. рассерженный, обозленный, сердитый, разгневанный; 2.злобный, возмущенный.

Сердиться-гневаться, злиться, злобиться; сержусь- обижаюсь, негодую (Русско-турецкий словарь 1938:300).

Сердитка - (разговорный) - *fiḥxi* , *fxukiani*, *didguli*

В грузинско-русском словаре (Ахвледиани, Топурия 1959:79) дается следующее толкование этому слову:

Сердитый - 1. обозленный, рассерженный, обиженный,

2. шуточное *magari*:

сердитый табак, сердитое вино, сердитый мороз

В одном случае *gvino* (вино)

Сердитый *thambako* (табак)

unva (лед)

Рассердить, обозлить, разозлить (Ахвледиани, Топурия 1959:79), эти понятия связаны со злом. Зло в русско-грузинском словаре В.Топурия (1938) определяется как 1. *boroteba*, 2. *ubedureba*, 3. *brazi*, *javri*..

злой – *boroti*, *avi*, перен. *mdzapri*, *sastiki*. Злит – *gabrazeba*, *gadjavreba*:

вид

озлобленный *взгляд*

характер

Как видим в семантическом поле *kizmak* (*gabrazeba*, *сердиться*) выделилось *gabrazebuli* – в значении озлобляться. Семантика слова *сердиться* в грузинском языке многообразна. В словаре Джорджанели синонимами слова *сердиться* названы *пожурить*, *задрознить*, *рассвирепеть*, *рассерчать*, *надуться*, *озлобляться*, *вскипеть*. В перен. *gacxareba*-разгорячиться, *gawiwmateba*, *apilpileba* - вспылить, *gaanchxleba* - раздражаться, *gakapaseba* - озлобляться, *gaaspiteba* – превратиться в змею, *gasesxleba*-горячиться, *gamxeseba* - озвереть, *gamdzinvareba*-рассвирепеть, *gacofeba*, *pirgamexeba* - взбеситься, *afetqeba* - взрываться. Особенно интересна семантика некоторых лексем: *aspiti* - аспид, *sesxli* - огонь, *mxcsi* - зверь, *sofi* - бешенство, *pirpili* - перец, *wiwmati* - кресс-салат.

Синонимами слова *kizmak* (*gabrazeba*, *сердиться*) в русском языке являются: *взбешенность*, *сердитость*, *грозность*, *гневность*, *разгневать*, *разъяренность*, *яростность*; *лев разъярился*, *эпидемия свирепствовала*, *бросать хмурые взгляды*; *метать искры- молнии*, *зубы разгорелись*, *задавать жару*, *разгорячить кровь* (Ожегов, Шведова 1949, 1992; Ефремова 2000).

Gabrazeba (*сердиться*) в турецком языке *kizgin-l.cxeli*, *gaxurebuli*, *gavarvarebu*- горячий, разгоряченный, раскаленный. 2. *gasesxlebuli*-рассерженный. 3. *mwveli*-жгучий, *cxeli*-, горячий

Kizmak (*kizar*) - *gabrazeba* (*сердиться*) (Мемиши 1999:356).

Kızılmak (kızarmak) -1.gacesxleba, gavarvareba, gaxureba- рассерженность, раскаленность, разогретый; 2.gagizianebe, gabrazebe, gacxareba, agelveba-раздражение, озлобление, горячиться, взолноваться.

Kendi kendine kızdı-tavistavze gabrazebe-рассердиться на себя.

Kızılmak - gabrazebe, gagizianebe- сердитость, раздражение; böyle şeylere kızılır mı- amistanameze gabrazebe sheizlebe? На такое разве можно обижаться? (Chlaidze 2001:851).

Sinirlenmek- ganerviulebe, gagizianebe-разнервничаться, раздражаться; insan sinirlenince hatır gönül tanımaz – rodesac adamiani gagizianebulia, arafers angarishs ag uwevs, Когда человек раздражен, ни с кем не считается.

Sinirsel- nerviuli, nervebashlili, gulfıxı, fıxı, нервный, расстроенный, ершистый, вспыльчив (Chlaidze 2001:1257).

В этом же словаре синонимом dzalian gabrazebuli - разъяренный-взбешенный, назван Barut - порох, взрывоопасный. О сердитом человеке скажут a/dentivit, b/fıxı, fıxukiani, g/cxare/mdogvi/-а/как порох, пороховая бочка б/вспыльчивый-запальчивый, в/острый, жгучий, горький/горчица;

Barut oldu- gacxarda, ifetka- разгневался, взорвался;

Hiddet-sibraze, gaafreba, mdzvinvareba, sishmage -сердитость, ярость, свирепость, разъяренность;

Hiddetlenmek-gabrazebe, gaafreba -сердитость, разъяренность (Memishi 1999:332).

Kızılmak –синоним öfke.

öfke – öfkelenmek, hiddetlenmek, sinirlenmek- herhangi bir sebeple kızılmak

öfke kesilmek- çok kızılmak

öfkesi kabarmak, çok öfkelenmek, aşırı deregede kızılmak (Örnekleriyle Türkçe sözlük 2000).

öfke- brazieri, javri, tswroma, risxva, agshfoteba, mrisxanebe- злость, печаль, гнев, гнев, возмущение, свирепость.

öfkesi-braziani, gulfıxı, fıxukiani-сердитый-злобный, вспыльчивый, обидчивый-вспыльчивый.

Öfkeli- gabrazebuli, gacesxlebuli, ganrisxebuli, gashmagebuli -сердитый, разгневанный, разъяренный, иступленный, рассвирепелый.

öfkesi burnunda- dzalian gabrazebuli, ganrisxebuli -разгневанный, разъяренный.

Öfkeden- cxel gulze-сгоряча.

öfkein topuklarına çıkmak-gashmagebe, gaafreba-иступление, разъярение.

öfke синоним hırs.

В турецком языке рассердиться выражается большим количеством фразеологизмов:

Barutla oynamak-сесхltan tamashi-игра с огнем;

Barutle ateş oyunu olmas-denttan da сесхltan tamashi ar sheidzleba-игра с огнем и порохом запрещается-sibrazisgan сесхlis frkveva, gacesxleba, ganrisheba-от злости метать молнии, разгневаться, рассвирепеть;

öfkesını çıkarmak- usamartlod risxvis dateха, javris amokra- несправедливо обрушенный гнев, выпустить пар;

cin atına biner- eshmakis sxenze jdeba (ganrisxebulia, gacofebulia)- сидит на чертовом коне (разъяренный, взбешенный) ср.груз. kalkze dgeba - дыбом стоит, shaxmaxze dgeba – взвести курок, fafari ehleba - распустить гриву, piridan cofebs kris - мечет гром и молнии;

cınleri ayağa kalkıtar- eshmakebi camoeshalnen-черти поднялись, ср. груз. kalkze hedga-становиться на дыбы;

ateş püskürür- сесхls afrkvevs, ganrisxebulia, gacofebulia - мечет молнии разъяренный, взбешенный, огнедышащий; ср. груз. cofebs kris, tvalebidan сесхls akvesebs - искры летят из глаз (şef bugün ateş püskürüyör);

aldi fitili- patruki aigo, moulodnelad gabrazda, afetkda, ainto, ср.груз., patrukivit ainto- взорвался ни с того ни с сего, tofis wamalivit ipetka - взорвался как порох.

barut kesildi - разъярился, взбесился, ср.груз. dentad ikca - взорвался как порох.

Çehresi ateş kesildi- ganrisxda, gacofda- разъярился, взбесился, ср.груз. saxeze сесхli moedo-от гнева покраснел.

Dama çikiyog- saxuravze adis - на крышу поднимается (от злости), isterikashi vardeba – впасть в истерику, с ума сходить, ср. груз. kedlebe gadis- по стенам ходит, danas eхеva – лезть на рожон, tmebs iglejs - рвет волосы на голове (В турецких фразеологизмах Dama- крыша, в грузинском: kedeli, dana, tmebi-стена, нож, волосы).

Cözleri fal taşı gibi açıldı –tvalebi samkitxao kvasavit gaexsna (ganrisxebisgan), ср.груз. tvalebi gaupartovda - глаза широко раскрылись.

Cözleri kan çanağına döndü- tvalebi sisxlis fialad ekca (ganrisxebisgan) - окровавленные от злости глаза, ср. груз.tvalebhi sisxli moawva, tvalebi sisxlit aevso - глаза налились кровью.

Cözlerinde şimşekler çakar-brazobs - сердиться ср.груз. tvalebs akvesebs - мечет молнии, tvalebidan сесхls akvesebs - с глаз полетели искры, tharxalivit gaxda - покраснел от злости;

İçinden kan gider- gulidan sisxli sdis (gelavs, javrobs)- сердце кровью обливается (волнуется, печалиться), ср.груз. gulze sisxli ekideba.

İfrit oldu - demonad ikca (gacofda, gaaftrda)- превратился в демона (разозлился, взбесился, разъярился), ср. груз. cofebi kara - взбесился, tvalebidan сесхli kara - метал искры из глаз. В этом фразеологизме синонимом слова сердиться является озлобление (Chlaidze 2001: 1121).

Как видим, семантика турецкого слова злиться связана со словами сердце, кровь, перец и другими предметами, как одушевленными, так и неодушевленными.

Русский язык тоже богат фразеологизмами, которые передают разную степень злости: рассердить учителя дерзостью.

	вид
	характер
Сердитый	взгляд
	оскал
	человек
	нрав

Слово рассердиться в русском чаще всего связано со словами сердце и кровь: в сердцах; разгорячить кровь и др. На развитость языка указывает обилие синонимов, но это часто вынуждает дифференцировать их значения. Наша жизнь, современная реальность требуют выбора таких слов, предпочтение таких синонимов, частотность использования которых высока и которые точно передают характер современного человека.

В процессе работы с иностранными студентами необходимо знать все те нюансы значений слов, которые сходны или различны в турецком, русском и грузинском языках.

На данном этапе исследования мы ограничились изучением частного аспекта синонимических рядов трех языков, но, как оказалось в процессе работы, этот вопрос намного глубже и требует основательного изучения.

Использованная литература:

1. Ахвледиани Г. Русско-грузинский словарь. т.3.Тб.,1959.
2. Джорджанели К. Словарь синонимов грузинского языка. Тб.,2010.
- 3.Киквадзе М. Джиджавадзе Дж. Турецко-грузинский словарь. Б., 2009.
- 4.Kazımova A. Meriç S. Eskin M. Rusça -Türkçe Türkçe -Rusça cey Sözlüğü. İst., 1998.
5. Мамулия Э. Турецко-грузинский фразеологический словарь. Тб., 2006.
- 6.Мансурова О. Карманный русско-турецкий словарь. М.,2006.
- 7.Нейман Ал .Словарь синонимов грузинского языка.Тб.,1951.
- 8.Örnekleriyle Türkçe sözlük. İst., 2000.
9. Топурия В.Русско-грузинский словарь.Тб., 1938.
- 10.Чикобава А. Толковый словарь грузинского языка.Тб.,2010.
- 11.Члаидзе Л. Турецко-грузинский словарь. Ст. 2001.

С. ГОРОДЕЦКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТБИЛИСИ В 1910-ЫЕ ГОДЫ

Т.А. Гоголадзе
ГССУ, Гори (Грузия)

Аннотация :Творчество Сергея Городецкого (1884-1967) очень своеобразно. В данной статье рассматривается не сама поэзия, проза писателя, а его взгляды, оценка литературных течений, направлении эпохи, деятельность. Здесь, как сам С. Городецкий писал, «Благородная задача предстоит грядущим историкам: анатомировать этот вихрь...» В 1909 году, после некоторых высказывании, С. Городецкий пишет статью «Ближающая задача русской литературы», где он определяет свои отношения насчёт эстетики декадентства и символизма. А в 1918 году на страницах литературно-художественного журнала “Агс” (издававшегося в Тифлисе, под редакцией С. Городецкого) соприкасается с грузинскими символистами и его лидером, писателем Григолом Робакидзе (см. статье Робакидзе «Грузинский модернизм»). В 1909 – 1917 годы у Городецкого нет определяющей позиции в литературе. Эстетические мировоззрения С. Городецкого протекают от хорошего наблюдателя жизни окраины, старой деревни, через акмеизм, вплоть до реализма, в котором как-то воплощается мечта поэта о литературе, который будет досоздать там, где бог не успел создать. Городецкого, который в начале прислушивался представителям декадентства и символизма, привлекает в них стремление улучшить форму стиха, работа над русским словом и отождествление прошлого. Но скоро ему надоедают постулаты декадентства и «душный мистицизм символизма и его стремление к потустороннему». Он много пишет статей о литературе и искусстве (в газете «Кавказское Слово»), читает лекции по эстетике в Тифлиской консерватории, встречается с грузинской интеллигенцией, поэтами, художниками, музыкантами, исследует старые грузинские церкви и памятники архитектуры.

А в это время в грузинской литературе доминирует символизм (1915-1922 г.г.) которого вдохновляли французские и русские символисты. Они пока не подвергаются репрессиям и поэтому пишут открыто, свободно восхваляя прошлое, уславнивая форму стиха и наряду с апологией красоты, иногда упиваются и уродством.

Для Городецкого все это уже пройденное, но экзотичное и интересное. Он стремится к единству формы и содержания, уделяет больше внимание описанию жизни простого народа, обязанности поэта быть всегда борцом. Это и приводит его к реализму (см. поэму «Шофер Владо» в 1918 г. ж. «Агс»)

Период от 1909 по 1919 год в эстетических мировоззрения С. Городецкого можно считать решающим. Из за недоступности к архивам и изданиям того периода на протяжении почти полвека, этот вопрос мало изучен литературоведами.

Ключевые слова: Акмеизм, футуризм, символизм, литературный Тбилиси

Tamar Gogolade
Sergei Gorodzetski and Tbilisi Literary Life in 1910 s.

Resume: The creative work of Sergei Gorodzetski (1884-1967) is very original. In the presented article not his poetry, prose but his viewpoints, his evaluations of literary tendencies, directions of the epoch and creative work are discussed. In 1909 after several responses S. Gorodzetski writes an article “Short-term objectives of Russian Literature” where he shows his attitude towards the esthetics of Symbolism and decadents. And in 1918 on the pages of a magazine “Ars” (published in Tbilisi under the editorial of S. Gorodzetski) he is opposing Georgian Symbolists and their leader the writer Grigol Robakidze (see the article by Gr. Robakidze “Georgian Modernism”). In 1909-1917 Gorodzetski does not owe distinct position in literature. His esthetical views come from observation of life of the surrounding, old village, through akmezm to realism where somehow the poets dream about literature comes true, which will be created there where God was unable to create it. Gorodzetski, who at the beginning was following the decadent and representatives of symbolism, was attracted by their aim to improve the form of a poem, to work on a Russian work. But very soon he is bored with the postulates of decadents and “spiritual mysticism of symbolism and its striving for the other world”. He writes many articles about literature and art (in the newspaper “The Caucasian Word”), delivers lectures in Esthetics at Tbilisi conservatoire, meets Georgian educated people, poets, artists, musicians, investigates old Georgian churches and monuments of architecture.

In this period symbolism dominates Georgian literature (1915-1922) which was inspired by French and Russian symbolists. They were not under repression yet and that’s why they wrote openly, freely praised the past, improved the form of a poem and at the same time by analogy of beauty they sometimes mention ugliness.

For Gorodzetski all these are already past but exotic and interesting. He aims to the wholeness of form and contents, pays more attention to describing life of simple people, the duties of a poet to be always a fighter. This brings him to realism. (see a poem “The Driver Vlado” in 1918, magazine “Ars”)

The period 1909-1919 in the esthetic viewpoints of S. Gorodzetski can be admitted as a decisive. For the reason of unavailability to the archives and published materials of that period during half a century this problem is less studied by literary critics.

Keywords: Acmeism, futurism, symbolism, literary Tbilisi.

Творчество Сергея Городецкого (1884-1967) очень своеобразно. Его стихи в начале XX столетия почти потрясли любителей русской поэзии. «Уходящие корнями в славянский фольклор, в традиции народной поэзии, свежо и звонко зазвучали тогда стихи «может быть величайшей из современных книг» (А. Блок о «Яри»).

«... Требовательный Валерий Брюсов сразу поставил «Ярь» в один ряд с наиболее интересными поэтическими сборниками» – писал В. Енишерлов. Своим творчеством С. Городецкий своеобразно выражал настроения поэтов начала века, характеризованное бурными событиями локального и мирового значения (войны, революции). Поэтому он переходит от одного литературного течения к другому, ищет индивидуального выражения поэтической мысли в объединении поэтов всех направлений («Цех поэтов»).

В данной статье рассматривается не сама поэзия и проза С. Городецкого, а его взгляды, оценка литературных течений, эстетические взгляды на мир с их отображением в художественном слове. Эпоха десятых годов XX века представляется самому Городецкому трудной со многими перипетиями и поэтому «благородная задача предстонт

грядущим историкам: анатомировать этот вихрь...». 1910-1919-ые годы в эстетическом мировоззрении С. Городецкого отмечены печатью поиска, поиска самоутверждения. Особенно интересны годы 1918-1919, когда поэт находится в Закавказье.

Первая книга С. Городецкого «Ярь» появилась в 1907 году. Высоко оценили сборник Блок, Вяч. Иванов, Брюсов. «В том же году выпустил вторую книгу «Перун», где противоречия, уже обозначенные в «Яри» выступали ярче, и вскоре третья – «Дикая воля», где тема противоречий погасла в личных переживаниях и сказках. Опыт наблюдения жизни окраин и старой деревни, при отсутствии стойкого мировоззрения, оказался недостаточным для того, чтобы мое творчество развивалось плодотворно» – писал сам поэт в воспоминаниях «Мой путь».

«Виртуозная ритмика, изощренная звукопись, характерные для стихов поэта, приобретали в большинстве случаев значение самоценное, что приближало Городецкого к декадентской формалистической поэзии. Но уже тогда в творчестве поэта пробивались и реалистические тенденции в изображении современности.

Основной пафос ранней поэзии Городецкого - стремление проникнуть в тайны жизни,

молодое, задорное принятие её.» Как писал С. Машинский: «это мажорное начало в стихах

Городецкого, отчасти вдохновленное в нем поэзией русского фольклора, скульптурой Коненкова, живописью Рериха, графикой Билибина, музыкой Римского-Корсакова и Лядова, привлекло в себе внимание всей читающей публики».

Первый период литературной деятельности С. Городецкого, отчасти под влиянием К.Д. Бальмонта, весьма разнообразен: 1. часто лирические произведения; 2. попытки в поэтической форме показать древнее народное мифотворчество; 3. «Тем» или «Заросли злобы», где Городецкий не уходит в прошлое, а дает порой яркое изображение гримас капиталистического города.

В университете создаётся «Кружок молодых». Создавая «Кружок молодых» при Петербургском университете, я искал коллектива. Я просто не мог жить и расти в одиночестве» – писал С. Городецкий.

« В 1912 г. на одном из собрания «Цеха» был решен вопрос о новой поэтической школе. Названием этого течения подчеркивалось устремленность его приверженцев к новым вершинам искусства...

Акмеизм объединил поэтов различных по идейно-художественным установкам и литературным судьбам. В этом отношении акмеизм был, может быть, ещё более неоднородным, чем символизм. Общее, что объединяло акмеистов - поиски выхода из кризиса символизма».

Разочарованный в поэтических исканиях Городецкий, который вдруг был охвачен ура-патриотическим пафосом, не будучи призван, записался в союз городов и поехал на Кавказский фронт, корреспондентом газеты «Русское слово».

Февральская революция застаёт С. Городецкого в Персии, где он и оказывается с отступающими русскими войсками. После отхода русских войск он оказывается в Тифлисе, где сближается с грузинской и армянской интеллигенцией.

С. Городецкий сотрудничает в разных органах грузинской русскоязычной прессы, редактирует журнала «Арс», читает курс лекции по эстетике в Тифлисской консерватории. В газете «Кавказское слово» под редакцией М.А.

Геворкяна, теперь академика, я печатал статьи на темы искусства и литературы, знакомя тифлисцев с классикой русской литературы и искусства, сокровищами кавказской и восточной поэзии. На средства А. Антоновской, в

будущем автора романа «Великий Моурави», издавался под моей редакцией журнал «Арс». Вместе с художником С. Сориным, С. Судейкиным, Л. Гудиашвили выступал на выставках. Вместе с поэтами Паоло Яшвили, Тицианом Табидзе, Иосифом Гришашвили, Сандро Эули упивался стихами»-вспоминает С Городецкий годы, проведённые в Тифлисе.

Из упомянутых С. Городеким грузинских поэтов, многие символисты, назвавшие себя «Циферканцелиби» (Голубороговцы), произведения которых и эстетические искания он помещает на страницах журнала «Арс» в 1918-1919 годы.

К сожалению, многое из того периода долгие годы находилось под запретом или рассматривались в искажённом виде под «соцреалистической» цензурой, так как касались эпохи свободной Грузии и у в 1937 году репрессированных поэтов. Думаем, материалов о самом журнале и тогдашних взглядов С. Городецкого почти не известно исследователям поэта, а сам Городецкий упоминает о них вскользь.

Здесь, в Тифлисе 1918-1919 годы создаётся очень интересная, разнообразная художественная среда.

В незаконченном романе Григола Робакидзе (1884-1962), одним из идеологов грузинского модернизма, даётся такой яркий портрет литературной жизни города в те годы: «Необыкновенный город Тифлис, но в 1919-1920-ые годы он стал более необыкновенным. Здесь скрывались вынужденные или сбежавшие русские: со сцены был слышен голос Качалова («Художественный театр находился здесь); здесь был Н.Н. Ходотов, композитор Н.Н. Черепнин, который тосковал о России, художник Юрий Сергеевич Судейкин разрисовывал стены ресторана «Кимериони», художник Савелий Абрамович Сорин создавал портреты грузинских прекрасных княжен «красивых красивыми штрихами», драматург и театрал Н.Н. Евреинов читал в особых кружках «самое главное», «Поэт Сергей Митрофанович Городецкий, после распада Кавказского фронта, остаёт в Тифлисе и здесь создает «Цеха поэтов». (перевод с грузинского – Г. Гоголадзе).

«Это период, когда «Голубороговцы» чувствовали себя в своей стихии. Все носили какое-то ирреальное, предельно - поэтическое, фантастическое лицо...

... На Головинском проспекте было кафе «Фантастический кабачок» или «Цех поэтов». Здесь собирались поэты, писатели, режиссеры, художники устраивались встречи с московскими писателями... всему этому свой тон давали «голубороговцы». По просьбе присутствующего общества и писателей я Кирилл Зданевич и Зига Валишевский обрисовали стены этого кабачка».

Во время революции Тбилиси стал гнездом футуризма. Порой в Тбилиси читал свои лекции псевдофутурист Каменский. В Тбилиси ведёт свою деятельность Сергей Городецкий акмеист и одновременно апологет символизма у нас. Он выпустил два номера эстетического журнала «Арс».

Вырисовывается картина: грузинские сиволлисты, русские символисты, футуристы, акмеисты... И здесь Сергей Городецкий снова ищет и путь исканий проходит через диалог. Что привлекает С. Городецкого в грузинском сиволлизме, нам неизвестно, но обязательно подчеркнуть и специфические черты эстетических мировоззрении «голубороговцев» в (статья Григола Робакидзе «Грузинский модернизм», напечатанный в №1, 1918 года в журнале «Арс»).

В 1916 году с выпуском литературно-художественного журнала «Цисфери канцеби» («Голубые рога») под редакцией Паоло Яшвили, организационно оформляется западноевропейская символистическая школа, который своей целью поставил реформу грузинского стиха с помощью модернизации на национальной почве.

Грузинский символизм возник сравнительно поздно, чем западноевропейский и русский. Гр. Робакидзе называет «голкбороговцев» и символистами и модернистами. Молодые поэты считали его своим учителем: «Я всегда держался того мироощущения, что Восток сиволичнее европейского Запада и думал я изначала, что Грузия, линиях символизма. Ощутительное подтверждение этой мысли я находил в художественном феномене Руставели, гений которого по истине является неиссякаемой потенцией грузинского художественного слова. Отсюда: моей задачей чисто художественного характера явилась творческое оформление глубинных постижении грузинского Востока техникой, - беру это слово своеобразным смыслом европейского символизма.

Грузинский символизм впитывает и постулаты западноевропейских, русских символистов и некоторых черт футуризма Маринетти, развивая идею «Мы хотим созидать непонятные и необыкновенные слова», но вместе с этим, стремление грузинских символистов быть лидером народа и объявить самих себя актёрами национального обновления Грузии.

Вторая черта, отличающая грузинских символистов от ортодоксального символизма, - это элементы реалистического мышления и тенденции.

И третье-национальное традиционное от предыдущей грузинской литературы, развивающееся в новой форме!

Новизна и стремление к новизне вместе с традициями, национальное и понятное с реалистическим мышлением состыкуется и с эстетическими помыслами С. Городецкого, что и выражается в вступительной статье жкрнала «Ars» («от редакции»).

Стремление С. Городецкого к единству, к созиданию: «Довольно разрушать, пора созидать». «И пора уже зажечь огонь на алтаре и соединится в торжественный круг художников всех искусств. В их сердцах хранился обет бытия... «В сознании этого великого дома мы начинаем работу...

«Судьба дает нам редко благодатную арену работы. Закавказье это страна культур. Многочисленные народы в течении веков несли сюда плоды своего гения». «Какое богатое скрещение творческих сил... словом, взятым из вечной латыни, -Ars (Искусство) –объединили мы свои идеи.

Искусство всех народов. Закавказье нам дорого одинаково. Красота тем и прекрасна, что она у каждого своя, и у всех всеобщая. Развалины Анис и фрески Зарзмы, песнопение дервиша или молоканина, скульптура древнего Ахтамарского монастыря или современная школа грузинских символистов – все равным образом входит в круг нашего внимания».

«В нашей работе мы стремимся объединить все наличие художественности и наличие сил Закавказья, а как только позволят пути сообщения, «Ars» украсится трудами московских и петербургских художников».

«В смысле эстетических верований мы будем держаться основного русла нового русского и европейского искусства, как она определилась в России журналами «Мир искусства» и «Золотое Руно», заменяя, однако, лабораторную узость последних, более просторным горизонтом. Все новаторы в области искусства будут нами приветствоваться в меру». Здесь выражены снова искательские стремления Сергея Городецкого, которые формируются созданием

секции Артистериума при журнале «Ars» (11 апреля 1918 г.) «Цеха поэтов». «Цех поэтов» первоначально был объединением поэтов всех толков и направлений. Однако вскоре немелся раскол между основным ядром (футуризм), который привел к отрыву группы поэтов. Работа обеих групп продолжалась и летом, причём акмеисты к осени значительно окрепли и сплотились.

Как видно из летописи «Цеха поэтов», объединение продолжалось несколько месяцев. Видно Городецкому все-таки близок символизм и акмеизм, а претит футуризм.

Главное снова в одном «А литература <.....> с национальной идеей во чреве своем, с обновленным языком, уже имеющая опыты синтетического изображения, должна отобразить великую душу великой эпохи».

Это и выражается отчасти в поэме «Шофер Влод», который был напечатан в журнале «Ars» 1918 году (№1).

В 1919 году Городецкий переезжает с семьёй в столицу Азербайджана Баку.

1918-1919 годы активный период деятельности С. Городецкого, который снова стремится к объединению поэтов всех направлений, создавая новый «Цех поэтов» при журнале «Ars» и его секции Артистериум»

Литература:

1. Городецкий С.М. «Жизнь неукротимая», «Современник», Москва, 1984
2. Соколов А.Г. «История русской литературы конца XIX века – начала XX века», «Высшая школа», Москва, 1988.
3. Городецкий С.М. «Стихотворения и поэмы», Ленинград, 1974.
4. Робакидзе Гр.Т «Змейная кожа», Фалестра (На грузинском языке), Тбилиси, 1988.
5. Гудиашвили Л.Д. «Книга воспоминаний», (На груз. языке) «Накадули», Тбилиси, 1979.
6. Гаприндашвили В.И. «Стихи, поэмы, переводы, письма, материалы из архива» (На груз. языке), «Мерани», Тбилиси, 1990
7. Журнал «Ars» 1918 г., №1
8. Журнал «Ars» 1919 г. №1

Истоки русской культуры как компонент в формировании межкультурной коммуникативной компетенции на занятиях РКИ

М.З. Байрамова

БСУ, Баку (Азербайджан)

Научный руководитель - д. п. н., профессор С.С.Мирзоев

Аннотация : В статье автор обращается к истории зарождения культуры русского народа с тем, чтобы использовать этот материал в качестве исходного в формировании межкультурной коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: интегрирование элементов культуры, социокультурное и когнитивное развитие обучаемых, артефакты культуры, культурная картина мира, поликультурная ситуация.

Summary : In this regard the author addresses to sources of formation of the Russian culture to make this material a subject consideration as motivational base in Russian lessons in the Azerbaijani audience

Key words: integration of culture elements, socio-cultural and cognitive development of trainees, culture of Artifacts, cultural picture of the world, polycultural situation.

Экскурс в развитие теории и практики обучения иностранным языкам позволил установить, что в 1990-е годы прошлого столетия наметилась тенденция обращения к разработкам концепций, связанных с «культуроведческим» подходом, под которыми понимается «языковое образование, базирующееся на межкультурной парадигме и провозглашающее в качестве своего ведущего принципа – принцип многоязычия и поликультурности, обеспечивающий социальную и академическую мобильность молодежи» (1,55). Такой подход делает необходимым иметь конкретное представление о дефиниции «культура», потому что у каждого народа есть поведенческая культура и национальные стандарты, на которые ориентируются семья, общественность, а также образовательные системы. Культура в человеческих обществах не являлась изолированной, а представляла собой непрерывный процесс. Вместе с тем, каждое человеческое общество имело свой стиль жизни, отличающий его от других обществ. Смысл и содержание показателей культуры ограничены рамками конкретной истории, временным отрезком, определенной стадией в жизнедеятельности общества. Артефакты культуры исторического отрезка служат источником демонстрации, контекстом, обозначающим сущность и степень развития человеческого общества на определенном этапе его развития. Следовательно, «общество – это социально – консолидированный устойчивый коллектив людей, преследующих столь устойчивые цели и интересы. А культура это - совокупный способ реализации этих целей и интересов, основные технологические и социальные параметры которого определены сложной системой «социальных конвенций», достигнутых этим обществом на протяжении многих поколений его интегрированного существования, что может быть названо социальным опытом данного коллектива» (4,63). Язык культуры - это кладовая, где хранятся различные способы ее выражения. Через язык культуры человек приобретает знания, усваивает представления, дает оценки и тем самым формирует свою культурную картину мира. Средства, отображающие реалии культуры (тексты, артефакты, языки и символы и т.д.) являются культурными ценностями. Н.Д. Еремишина, отмечает, что для народной культуры характерна особая специфичность, которая выражается в поддержании традиций, сохранении старинных отрядов, распространении фольклора, создании изделий народных промыслов. Самые лучшие, отобранные, отшлифованные образцы их передаются последующим поколениям. Человек, являясь членом общества, усваивает комплекс, включающий знания, верования, искусство, мораль, законы, обычаи, а также иные способности и навыки, формирует свою культуру.(2,14) Иными словами, культура для отдельного человека – «это тот базис мышления, ментальности, который человек может принимать, выбирать, абсорбировать».(3). Исходя из такого понимания, национальную историю, национальность и культуру следует квалифицировать как творческое объединение людей, говорящих на одном языке.

Территория современной России отличается тем, что на этом пространстве жили и живут разные народы, которые вносили и вносят свою лепту в копилку общероссийской культуры. Творцом русской культуры является сообщество славянских, финно-угорских и тюркских этносов, а средством общения между ними служит русский язык. Менталитет русского народа формировался под влиянием православной религии, которая была перенята у Византии и оказала влияние практически на все стороны жизнедеятельности россиян, в том числе, на социальную и правовую культуру общества. Влияние православной церкви распространялось на образование, становление и развитие живописи, формирование книжной культуры и развитие литературы вообще. Принятие христианства положительно сказалось и на развитии архитектуры (если в строительных работах в раннем периоде использовалось, в основном, дерево, то позже этот строительный материал заменил камень).

С принятием христианства несколько изменилось и содержание музыкального искусства. Если в период язычества жители России имели в своем репертуаре, в основном, фольклорные песни задорного, веселого характера, сопровождающиеся плясками, то после принятия христианства они стали меняться, как по содержанию, так и по форме. Однако с течением времени «русская культура, - как отмечает П.Н. Милюков, - нравственно и духовно эмансипировалась от Византии»(6,49), и приобрела собственные черты. Особенность русской культуры заключается в ее двойственности, что «предполагает не просто присутствие двух разных тенденций в культуре, что, собственно, нередко встречается и в культурах других государств, но и обязательное наличие двух противоположных черт, которые не только противостоят друг другу, но и находятся во взаимосвязи, образуя прочный синтез»(5,394).. Бинарная черта находит свое проявление и в политической культуре: власть под главенством монарха, где действовала иерархическая подчиненность, близкая к восточному управлению, позже заменил Земский собор, который стал олицетворением представительной власти. Проявления бинарности обнаруживаются и в религиозных убеждениях. К примеру, в праздновании Масленицы, что по своей сути является поклонением богу Солнца, в свадебных церемониях, когда после венчания в церкви, молодых осыпают пшеном, поют песни в их честь, а также в исполнении похоронных обрядов, что находит свое выражение в угощении соблазнительных едой и хмельными напитками, имеет место проявление язычества. Отмеченные факты являются свидетельством того, что обряды, обычаи, различные формы поведения и сознания, бытующие в культуре русского народа, отличаются достаточной бинарностью.

Все изложенное дает основание предположить, что своеобразие культуры и черт национального характера русских, может явиться благодатной почвой для построения работы, связанной с лингвистическим образованием, проведения параллелей между языком и культурой русского и азербайджанского народов в целях формирования у обучаемых межкультурной коммуникативной компетенции

Литература

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. -М., 2006,
2. Жукоцкая . Р. Культурология. Курс лекций. -М., 2006.
3. Князева М. Сотрудник факультета журналистики МГУ. Россияведение - еще один вузовский предмет или средство формирования культурной идентичности? (Материалы интернета. WWW tolerance. ru),
4. Культурология. Под ред. А.А.Радугина. М., 1997.
5. Еремишина Н.Д. Культурология. Учебное пособие для вузов. -М., 2006.
6. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1992.

İNDEKS

.....	1
2) Torbaşoglu Kezban	6
3) İsayev Hurşit	9
4) Авдеева Ирина Николаевна	12
5) Аврамова Валентина	14
6) Adonina L.V.	19
7) Ахметова Г.Д.	21
8) Балашова Е.А.	23
9) Басилая Н.А., Алексидзе М.Д.	28
10) Баско Н.В.	32
11) Баятян Э.А.	35
12) Беляева М.Ю.	38
13) Бесолова Е. Б.	41
14) Богиня Л. В.	44
15) Бонев Виктор Петрович	47
16) Имнадзе Борис , Джагоднишвили Темур	52
17) БУДАЙ Владимир	54
18) Вардзелашвили Ж.А., Певная Н. П.	58
19) Вознесенская И.М.	61
20) Галлямова М. С.	63
21) Глазунова О.И.	66
22) Головня М.В.	70
23) Грищенко Т.Ф.	73
24) Gubina G.G.	76
25) Любомировна Дашко Елена	80
26) Демьянюк Анжела	83

27) Державецкая Ирина Александровна	86
28) Долидзе М.О. , Цотниашвили З.М.	89
29) Жамелевич Жаксылыков Аслан	92
30) Жаманкозова А.Т.....	95
31) Вардзелашвили Ж. А.	98
32) Зумбулидзе И.Г.	101
33) Сулаберидзе Зураб	104
34) Иванкина Л.И.	108
35) Исина Н.У.	111
36) Каджая Н.Д.	114
37) Кажигалиева Г.А. , Бекишева Р.И.	118
38) Каленова Т.С.	121
39) Квантре В.Б.....	124
40) Киквидзе И. Д.	127
41) Кипиани Н.А.	130
42) Кислова,Л.С.	135
43) Климкина О. И.	138
44) Костава М.Т.	141
45) Лисенкова И.М.	145
46) Ахвледзиани Мераб	148
47) Миндиашвили Н.М.	151
48) Мирзоева Л.Ю.	154
49) Муджири С. А. , Ахвледзиани Ц. А.	157
50) Мусатаева М.Ш.	161
51) Стефанова Николова Мария.....	164
52) Дондоладзе Нино , Бедалов Чингиз	167
53) Нодия Т.Т.....	171

54) Орешкина М.В.	172
55) Орлова Ольга Вячеславовна	176
56) Орлова О.Е.....	179
57) Островская Г.А.	182
58) Оцхели Вера	185
59) Павленко А.Е.....	190
60) Павленко Г.В.	193
61) Анзоровна Пайчадзе Тамара	196
62) Панченко Е.И.	203
63) Петриченко И.Б.	206
64) Пидвойный В.М.	208
65) Снигирева Т. А., Подчиненов А. В.	212
66) Попова Т. В. , Храмушина Ж. А	215
67) Размадзе Д., Хазалия Н.	218
68) Рамеева И.Р.....	221
69) Решетникова В.В.	225
70) Рзаева Г.Н	229
71) Романова О.К.	232
72) Савостина Д.А.	234
73) Менабде С.	237
74) Саникидзе И.Т.	241
75) Сари Ад-Дин М.Л.	244
76) Александровна Свердлова Наталия	247
77) Сихарулидзе Жужуна	251
78) Степанова М.Н.	254
79) Алексеевна Стребуль Людмила	257
80) Суровцева Е.В.	260

81) Т.Т. Шарабидзе, И.В Милорава.....	263
82) Сихарулидзе Тариел	266
83) Ташдемир О.П.	270
84) Ташимханова Д.С.	274
85) Уманцева Л.В.	277
86) Максутовна Уматова Жанна	280
87) Ходоренко А. В.	283
88) Храброва В.Е.	287
89) Хурдамиева С.Х.	290
90) Чиалашвили-Гордеева Е. Ш.....	294
91) ZARİPOVA ÇETİN Çulpan.....	300
92) Чхеидзе Майа Михайловна	306
93) ШАРОНОВ И.А.	310
94) Зогранян Э. И., Мерабишвили Т. М.	313
95) Сихарулидзе Т.Т.....	316
96) Кенжегалиева С.К., Карташёва А.Н.	320
97) Аюпова С.Б.	323
98) Абашидзе Медея	326
99) Аюпова С.Б.	330
100) Антипова А.М.	333
101) Миресашвили М.Э., Петриашвили О.М.	336
102) Аюпов С.М.	339
103) Aydemir Mustafa	342
104) Аюпова С.Б. , Петрасюк Н.С.	347
105) Готиашвили Э. , Тваладзе Т.....	350
106) Курулёнок А.А.	353
107) Александровна Алпатова Татьяна	356

108) Перфильева А. М.	359
109) Абильдаева К.М., Амангазиева М.К.	362
110) Ардзенадзе Асмаг	366
111) Доборджгинидзе Дали	369
112) Арошидзе Марина	372
113) Каджая Н., Шарадзе И.	378
114) Автандиловна Сванидзе Кетеван	381
115) Таварткиладзе Софико	385
116) Киквадзе Майя, Тандилава Лиле	388
117) Гоголадзе Т.А.	395
118) Байрамова М.З.	401
